

802-11
249

36

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга седьмая.

ИЮЛЬ.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА, выходящій ежемѣсячно 1 го числа, книгами, съ особыми приложеніями, принимается: 1) въ Ковторѣ Сына Отечества, въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Василья Петровича Полякова, на Невскомъ Проспектѣ, по линіи Господнаго Двора, подъ № 17. 2) Въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.

Цѣна за годовое изданіе **ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**. За пересылку къ иногороднимъ прилагается 1 руб. 50 коп. серебромъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.
1848.

812 11
279

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга седьмая.

=====
ИЮЛЬ.
=====

—•••—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЖЕРНАКОВА.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 1-го іюля 1848 года.

Цензоръ *И. Срезневскій*.
Цензоръ *А. Фрейтагъ*.
Цензоръ *Рочфортъ*.

Редакторъ *К. Масальскій*.
Издатель *К. Жерниковъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕДЬМОЙ КНИГИ.

Стр.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Рямскій-Корсаковъ и его военныя дѣйствія въ Швейцаріи, въ 1799 году. Соч. *А. Савельева-Ростиславича*. 1—36

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Внутреннія извѣстія. — Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. — Обзоръ современнаго русскаго законодательства и распоряженій правительственныхъ съ 15 мая по 15 іюня сего года. — Иностранныя извѣстія. Обзоръ современныхъ замѣчательныхъ событій за границею. (Англія. — Ирландія. — Франція. — Бельгія. — Швеція и Норвегія. — Пруссія. — Дармштадтъ. — Австрія. — Италия. — Греція. — Остъ-Индія. — Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. — Мексика. — Вестъ-Индія. — Мысль Доброй Надежды) 1—68

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Въ альбомѣ и не въ альбомѣ. Соч. *Д. Сушкова*. 1—1
Минута разлуки. Соч. *В. Калашикова*. 2—2
Нина. Эпизодъ изъ дневника моего пріятеля. Соч. *Александра Писемскаго*. 3—30

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Землемъръ. Романъ *Купера*. (Продолженіе). 1—92
Стефанъ и Юсифъ. Повѣсть *Марлье*. 93—126

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Путешествіе въ Лапландію. *Адальберта де-Бомона*. . . 1—16

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Систематическое описаніе Помпей, съ монографіею Везувія и очеркомъ Геркуланума. Соч. *В. Классовскаго*. *Барона Розена*. — Журнальныя замѣтки. Письмо

къ Москвитянину, отъ барона Розена.—Совѣсть купца Лагушова. Романъ О. М.—Москва и Москвичи. Записки Богдана Ильича Бельскаго, издаваемые М. Н. Загоскинымъ.—Отвѣтъ Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ. К. Масальскою.—Бытъ Русскаго народа. Соч. А. Терещенки.—Полный нѣмецко-русскій словарь, составленный В. Эртелемъ.—Игры: преферансъ, преферансъ-вдвоємъ и вистъ-преферансъ. 1—48

VII. СМѢСЬ.

Письма путешественника къ друзьямъ. Соч. П. Фурманна.—Охота на ягуаровъ въ Буеносъ-Айресскихъ пампасахъ. (Разсказъ французскаго путешественника.)—Общественная жизнь въ Константинополѣ. (Квицманна).—Прогулка по Барбадосу. (Роберта Шомбургка).—Пальмовыя деревья.—Административное устройство Китая.—Состояніе Калифорніи въ новѣйшія времена.—О нынѣшней живописи въ Китаѣ.—О способѣ приготовленія рокфорскаго сыра.—Сборъ и приготовленіе чайныхъ листьевъ.—Образецъ мужей.—Министръ по ошибкѣ.—Основательное требованіе.—Попугай английской королевы Викторіи.—Удивительное явленіе въ Сѣверной Америкѣ.—Орагинальный просятель.—О жизни и сочиненіяхъ Тунмана.—Отвѣтъ на антикритику.—Парижскія театры.—Новѣйшія моды.—Новыя русскія книги.—Новыя французскія книги. 1—118

Къ этой книгѣ *Сына Отечества* приложена парижская картинка модъ.

Всего 28 печ. листовъ.

Русская Исторія.

РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ

И ЕГО ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ,

въ 1799 году.

Въ исходѣ XIV вѣка, въ 1390 году, при Великомъ Князѣ Василѣ Димитріевичѣ, выѣхалъ къ намъ въ Москву изъ великаго княжества Литовскаго Венцеславъ Жигмундовичъ Корсакъ. Потомокъ его, пріобрѣвшій извѣстность въ концѣ прошедшаго столѣтія,—генералъ отъ инфантеріи Александръ Михайловичъ Римскій-Корсакъ былъ сынъ статскаго совѣтника. Онъ родился въ Москвѣ 13 августа 1753 года, и на 15 году отъ рожденія (въ 1768 году) записанъ былъ капраломъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ *. Въ 1769 году произведенъ въ подпрапорщики, а въ 1770 въ сержанты. Въ 1774 г. пожалованъ прапорщикомъ; въ слѣдующемъ году—подпоручикомъ и наконецъ, въ 1778 г. назначенъ подполковникомъ въ Черниговскій пѣхотный полкъ. Находился въ

* См. Воен. Энциклопед. Лексиконъ, т. XI, стр. 403.

польскихъ походахъ 1778 и 1779 годовъ; въ 1779 году, исправляя должность оберъ-бригсъ-коммисара, и въ томъ же году произведенъ въ полковники. Во вторую Турецкую войну, въ царствованіе Екатерины Второй, Римскій-Корсаковъ, находясь въ качествѣ акредитованнаго чиновника въ австрійскомъ корпусѣ принца Саксенъ-Кобургскаго, участвовалъ (въ 1788 году) въ завоеваніи Хотина; оказалъ необыкновенное мужество въ побѣдѣ, одержанной, при селеніи Гангуръ, генераломъ Каменскимъ, 19 декабря 1788 года, надъ Турками и Татарами; въ 1789 году предводительствовалъ отдѣльнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ пяти баталіоновъ пѣхоты и небольшого числа конницы: сразился и разбилъ 1 апрѣля, при Берладѣ, 8000 Турокъ, гналъ ихъ до деревни Максимень, при рѣкѣ Серетѣ, и, получивъ подкрѣпленіе, состоявшее изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты и трехъ эскадронныхъ кавалеріи, напалъ на трехъ-бунчужнаго Якубъ-Пашу, который занималъ выгоднѣйшую позицію; обратилъ его въ бѣгство и отбросилъ къ Галацу, а потомъ, присоединившись къ корпусу генералъ-поручика Дерфельдена, помогъ овладѣть Галацемъ. Послѣ того, Корсаковъ отправленъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ, отъ главнокомандующаго, объ одержанныхъ побѣдахъ надъ непріателемъ, и въ Петербургъ получилъ отъ Императрицы «за усердную службу, мужество и неустрашимость,» орденъ Св. Георгія 4-й степени, чинъ бригадира и почетное званіе секундъ-маіора лейбъ-гвардіи коннаго полка (9 мая). 14 іюля того же года, Александръ Михайловичъ поступилъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ и переведенъ изъ молдавской арміи въ финляндскую. Императрица Екатерина Великая письменно рекомендовала его графу Мусину-Пушкину, называя ревностнымъ, храбрымъ и искуснымъ офицеромъ. Римскій-Корсаковъ явился въ финляндскую армію въ то время, когда принцъ Нассау-Зигенъ, 13 августа, одержалъ славную побѣду, близъ Фридрихсгама, надъ шведскимъ адмираломъ Эренсвердомъ, а главнокомандовавшій нашъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ рѣшился атаковать самого короля, который находился съ главнымъ корпусомъ между Кюменгардомъ и Гегфорсомъ. Вѣльно было сдѣлать на-

паденіе генералъ-поручику Левашову. Онъ раздѣлилъ отрядъ свой на три колонны и одну изъ нихъ ввѣрилъ Александру Михайловичу, который помогъ разбить Шведовъ, 21 августа, при Кюменгардѣ и охранялъ потомъ, со ввѣреннымъ ему пятитысячнымъ отрядомъ, Нейшлотъ и Помалазундъ. — «Первый предметъ попеченія вашего долженъ быть тотъ,» — писалъ къ нему графъ Мусинъ-Пушкинъ 24 августа — «чтобы, охраняя границу, не только не допустить непріателя ворваться въ оную, но стараться всякое покушеніе онаго обращать въ его собственный вредъ; а второй, не меньшаго вниманія и осторожности требующій, чтобы, изыскивая благонадежные способы и употребляя въ пользу вашу положеніе непріятельское, наносить и самому ему удары въ собственныхъ его предѣлахъ.» Римскій-Корсаковъ вполне оправдалъ довѣренность начальства: онъ прекратилъ покушенія Шведовъ, овладѣлъ Нейшлотомъ и, дѣйствуя наступательно, взялъ непріятельскую батарею, которая была расположена на противоположной сторонѣ Сейминскаго пролива, 28-го сентября, захватилъ тамъ четыре орудія; два изъ нихъ, за тяжестію, оставлены однакожъ на мѣсть. 19 апрѣля 1790 года, онъ почти совершенно истребилъ шведскій постъ, занимавшій деревню Юляксонъ, въ 25 верстахъ отъ киремянской кирки. Этотъ постъ находился подъ защитою 1000 человекъ и батарен. — Корсаковъ, вечеромъ 19 апрѣля, двинулся большою дорогою съ баталіономъ Рязанскаго полка, и въ то же время приказалъ полковнику Миллеру обойти озеро на пространствѣ тридцати верстъ, съ восемью ротами Нарвскаго полка. Окруженные со всѣхъ сторонъ Русскими, Шведы отстрѣливались изъ избъ, но были выбиты и обращены въ бѣгство. Побѣдителю досталось: 31 человекъ пльнными, одна пушка, нѣсколько ружей, барабановъ и другихъ вещей; десять додокъ, два магазина, батарея и ретраншаментъ истреблены, по приказанію Александра Михайловича. За этотъ подвигъ онъ былъ награжденъ золотою шпагою, съ надписью: за храбрость, а 8 сентября того же года, въ первый день мирнаго торжества, получилъ орденъ Св. Владиміра 2-го класса и 2000 рублей ежегодно

изъ Кабинета. Когда онъ вступилъ въ столицу съ Семеновскимъ полкомъ, который охранялъ подъ его начальствомъ границу, во время шведской войны, Императрица Екатерина Великая встрѣтила храбрыхъ своихъ воиновъ у Выборгской заставы. Эту эпоху Римскій - Корсаковъ называлъ потомъ *счастливѣйшею* въ своей жизни.

Въ 1793 году онъ произведенъ въ генераль-майоры и отправленъ при графѣ д'Артуа, (который потомъ былъ королемъ Французскимъ, подъ именемъ Карла X), моремъ въ Англію, гдѣ пробылъ до мая мѣсяца 1794 года. Послѣ того, Римскій-Корсаковъ поступилъ волонтеромъ въ австрійскую армію, находившуюся тогда во Франціи, подъ командою князя Кобургскаго. Баронъ Тугутъ писалъ о Корсаковѣ къ графу д'Артуа, 12 октября 1793 г.: «Хотя Императоръ и постановилъ правиломъ не имѣть волонтеровъ въ своихъ войскахъ; но изъ уваженія къ Императрицѣ Россійской, изъявляетъ согласіе на принятіе господина Корсакова, котораго храбрость и военныя способности ему известны.» — Александръ Михайловичъ участвовалъ при взятіи города Камбре; при отступленіи соединенной арміи изъ Франціи во Фландрію; въ сраженіяхъ при Куртрѣ, Турне и Флерусѣ, а осенью отправился въ Польшу и вступилъ въ нашу армію, предводимую Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ; впрочемъ, взятіе Варшавы прекратило военныя дѣйствія еще до его прибытія.

Въ 1796 году Государыня Екатерина Вторая назначила два корпуса въ Персію, для усмиренія мятежнаго Аги-Магометь-Хана: первымъ корпусомъ командовалъ графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, а вторымъ, вспомогательнымъ, генераль Римскій-Корсаковъ. Александръ Михайловичъ содѣйствовалъ Зубову, 10 мая, въ покореніи Дербента, за что, 3 іюня, получилъ въ награду орденъ Св. Анны 1-го класса; 10 декабря, занялъ, послѣ восьмидневнаго сопротивленія, крепость Ганжу (Елисаветполь); а по окончаніи военныхъ дѣйствій вызванъ въ Петербургъ Государемъ Павломъ Петровичемъ, гдѣ и награжденъ, 12 декабря 1797 года, въ чинъ генераль-майора, орденомъ Св. Александра Невскаго, съ назначеніемъ инспекторомъ С. петербургской дивизіи, по инфантеріи,

подъ командою Наслѣдника Престола. 8 февраля 1798 года, Римскій-Корсаковъ произведенъ былъ въ генераль-лейтенанты, съ оставленіемъ командиромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, шефомъ котораго былъ Великій Князь Александръ Павловичъ. Служба эта невольно сблизила Александра Михайловича съ Наслѣдникомъ Престола, который удостоилъ его *своею благосклонностію*. 14 августа 1798 года Римскій-Корсаковъ получилъ повелѣніе отправиться въ Вильну и, являсь тамъ къ генераль-фельдмаршалу князю Репнину, ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Черезъ мѣсяцъ послѣ того, Корсаковъ назначенъ шефомъ Ростовскаго мушкатерскаго полка, а 14 апреля 1799 года, ему ввѣрено командованіе центральною арміею противъ Французовъ. Она долженствовала состоять изъ 45,000 русскихъ войскъ, 20,000 швейцарскихъ и 12,000 баварскихъ; на самомъ же дѣлѣ, не вмѣщала въ себя даже и половины предположеннаго числа войска: вмѣсто 20,000, обѣщанныхъ Англіею швейцарскихъ войскъ, къ Римскому-Корсакову присоединились только три слабые баталіона; Курфирсть же Пфальцъ-Баварскій, послѣ двухмѣсячныхъ переговоровъ и послѣ цюрихскаго сраженія, прислалъ своего войска до 2000 человекъ. Сверхъ того, отъ арміи Корсакова отдѣленъ былъ корпусъ генерала Ребиндера и присоединенъ къ итальянской.

Планъ дѣйствія союзниковъ состоялъ въ томъ, чтобы атаковать Французовъ тремя арміями въ собственной ихъ землѣ. Первая армія, подъ командою эрцгерцога Карла, должна была выгнать Французовъ изъ Швейцаріи и идти черезъ Базель въ Гюнингъ; вторая, подъ начальствомъ Римскаго-Корсакова, пройти черезъ Швейцарію во Франшъ-Конте; а третья, —итальянская, предводительствуемая генералиссимусомъ графомъ Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ-Рымникскимъ, въ Бургонію. Такимъ образомъ, армія Корсакова, находясь между арміями Александра Васильевича Суворова и эрцгерцога Карла, должна была содѣйствовать и тому и другому, соображаясь съ обстоятельствами.

Генераль Римскій-Корсаковъ форсированнымъ маршемъ пришелъ въ Швейцарію и тотчасъ же узналъ, что эрцгерцогъ

Карлъ получилъ повелѣніе отъ австрійскаго двора,—по прибытіи Русскихъ въ Швейцарію, немедленно двинуться со всею арміею въ Германію на Рейнъ. Римскій-Корсаковъ представлялъ эрцгерцогу, что по плану, утвержденному тремя союзными дворами, рейнская армія должна вытѣснить Французовъ изъ Швейцаріи, идти чрезъ Базель въ Гюнингъ, и что войско его, долженствовавшее состоять почти изъ 65,000, не превосходить и 28,000 человекъ, приведенныхъ имъ изъ Россіи; да притомъ половину его арміи составляетъ кавалерія, которая не можетъ дѣйствовать съ успѣхомъ въ гористой Швейцаріи, гдѣ ему невозможно вести войну — не только наступательную, но даже и оборонительную противъ 80,000 непріятели. Эрцгерцогъ Карлъ отвѣчалъ, что онъ и самъ предвидитъ дурныя послѣдствія этого распоряженія, но не можетъ не исполнить верховной воли своего брата Императора, почему немедленно и возвращается съ арміею въ Германію, на Рейнъ.

Между тѣмъ 3-го августа *, Французы атаковали въ малыхъ кантонахъ Австрійцевъ, подъ командою генераль-маіора Елашича, и принудили ихъ, съ потерею 5,000 человекъ, оставить кантоны Цугъ, Швицъ и Гларусъ. Наканунъ этого сраженія эрцгерцогъ Карлъ предлагалъ Корсакову занять эти кантоны только двумя баталіонами. Римскій-Корсаковъ отозвался, что ему нельзя охранять двумя баталіонами пространство, занятое 18 баталіонами Австрійцевъ. Эрцгерцогъ отвѣчалъ, что это происходитъ отъ излишества войскъ. Впрочемъ, и излишнее это войско не устояло и было опрокинуто съ урономъ. 4-го числа Эрцгерцогъ Карлъ, желая отмстить непріятели, совѣтовался съ Александромъ Михайловичемъ и рѣшился атаковать лѣвое крыло французской арміи; почему и предпринято переправиться черезъ рѣку Ааръ, у деревни Гроссъ-Дёттингенъ, при устьѣ рѣки Сурбъ. Войска, назначенныя къ переправѣ и атакѣ, состояли изъ 40 баталіоновъ Австрійцевъ и Русскихъ. 6-го числа они построились въ три

* У Д. Н. Бантыша-Каменскаго это событіе отнесено къ 14-му августа, *впрямую новаго стила*. См. Словарь Достопамятныхъ Людей Т. III. ст. 76. (изданіе 1847 года).

колонны, подъ командою генераловъ: Науендорфа, князя Рейса и Римскаго-Корсакова; приблизились поутру къ переправѣ, подъ зашитою 20 орудій, и утвердили двѣ трети моста, оставалось только его окончить и спокойно переправляться, потому что Французы, по слабости военныхъ силъ въ этомъ мѣстѣ, не могли сильно препятствовать нашему переходу; но вдругъ, къ общему удивленію—пишетъ въ своихъ запискахъ генераль-маіоръ Вистицкій—«Его Королевское Высочество приказалъ отступить, претекствуя, что дно рѣки Аара каменистое, на коемъ будто невозможно якорями установить понтоновъ, хотя подполковникъ королевско-императорской службы, изъ Англичанъ, Вильямсъ, бралъ на себя сіе совершенно исполнить, отвергая оныя камнями.»—Въ слѣдствіе того, войска оттянулись къ прежнимъ своимъ мѣстамъ, къ Клотену и Цюриху. «И такъ изъ всего сего»—продолжаетъ генералъ Вистицкій—«можно безошибочно заключить, что эрцгерцогъ вовсе не имѣлъ истиннаго намѣренія атаковать Французовъ, а только маскировать, дабы отвлечь непріятели изъ малыхъ кантоновъ, и тѣмъ самымъ доставить генералу Елашичу удобство къ безопасному изъ оныхъ кантоновъ отступленію **.»

Девятаго числа Римскій-Корсаковъ получилъ повелѣніе отъ Суворова отрядить къ нему генераль-лейтенанта князя Горчакова 1-го съ 10,000 человекъ пехоты. Но дорога въ Италію была уже занята Французами, путь же черезъ Тироль былъ весьма отдаленъ; слѣдственно, войска наши, по этому пути, не могли бы въ назначенное время прибыть въ Италію. Описавъ все это, Римскій-Корсаковъ отправилъ курьера къ генералиссимусу; а въ то же время самъ получилъ предложеніе отъ эрцгерцога Карла идти на лѣвый флангъ Австрійцевъ и, соединясь въ Уцнахъ съ фельдмаршаломъ-лейтенантомъ Готцемъ (имѣвшимъ 10,000 войска), атаковать правое крыло и центръ непріятели. Эрцгерцогъ обѣщалъ, немедленно по достиженіи ими вершины Альбиса, вы-

* Чтенія въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійск. 1846, ст. 7. Опис. дѣйст. Римс.-Корс. въ Швейцаріи соч. Вистицкаго 2-го.

двинуть всю свою армию, через Цюрихъ, и выгнать Французовъ изъ Швейцаріи. По этому распоряженію сражаться приходилось только однимъ Русскимъ; генераль Готцъ имѣлъ подъ командою слабый отрядъ, а прочая австрійская армія хотѣла оставить свою позицію только тогда, когда Русскіе выгонять Французовъ изъ малыхъ кантоновъ. Александръ Михайловичъ согласился, думая хотя этимъ удержать эрцгерцога отъ возвращенія въ Германію, и приказалъ своему корпусу собраться у города Уцнаха.

Осмотрѣвъ непріятельскую позицію, генералы: Римскій-Корсаковъ, князь Горчаковъ и Готцъ, избрали три дороги для трехъ колоннъ, и предположили сдѣлать атаку на непріятеля рано утромъ 16-го числа*. Правую колонну долженъ былъ вести Римскій-Корсаковъ, среднюю—князь Горчаковъ, а лѣвую Готцъ. Но предъ самымъ исполненіемъ этого плана, генераль Готцъ получилъ приказъ отъ эрцгерцога Карла, отрядить изъ его корпуса 6,000 человекъ и немедленно прислать къ нему, потому-что онъ долженъ, какъ можно скорѣе, идти съ армію въ Германію на Рейнъ, а если Русскіе захотятъ драться въ горахъ съ Французами, то ему достаточно будетъ остальнаго войска, для того, чтобы имъ содѣйствовать.

Генераль Готцъ представлялъ эрцгерцогу Карлу, что Русскіе не могутъ одни сражаться съ Французами; что непріятель, втрое сильнѣйшій уже въ виду союзниковъ. Александръ Михайловичъ, съ своей стороны, не только просилъ оставить людей, но и требовалъ: письменно подтвердить данное ему обещаніе выслать изъ Цюриха австрійскую армію, какъ скоро онъ достигнетъ вершины Альбиса. Въ отвѣтъ на это, Готцъ получилъ выговоръ за ослушаніе, съ подтвержденіемъ отправить немедленно требуемое войско въ Цюрихъ. Поставленный въ такое затруднительное положеніе, Корсаковъ принужденъ былъ возвратиться къ Цюриху. Вскорѣ послѣ того полученъ былъ имъ Высочайшій рескриптъ: «Господинъ генераль-лейтенантъ Римскій-Корсаковъ! Изъ депешей Двора

* Г. Бантышъ-Каменскій пишетъ, что атаку назначено было произвести 22-го августа.—Словарь Дост. Люд. Т. III. ст. 77.

Вѣнскаго извѣстно мнѣ, что вы стараетесь удержать въ Швейцаріи Австрійскую армію Эрцгерцога Карла; даю вамъ замѣтить, что ваше положеніе сообразно плану Двора Вѣнскаго и Лондонскаго, апробованному Мною, и повелѣваю вамъ, занявъ въ Швейцаріи ту самую позицію, которую занимала армія Эрцгерцога, оставаться до прибытія Фельдмаршала князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго*.» Между тѣмъ генераль Готцъ, отправивъ 6,000 человекъ къ эрцгерцогу Карлу, отступилъ къ Гларусу съ остальными и тамъ занялъ позицію за рѣкою Линтомъ. Послѣ того, Римскій-Корсаковъ, командуя меньшимъ числомъ войска, противъ восьмидесяти пяти тысячной арміи, по неволѣ долженъ былъ строго сообразоваться съ мѣстностію при расположеніи войскъ: съ этою цѣлію онъ занялъ позицію по обонимъ берегамъ рѣкъ Лигната и Аара, простиравшуюся по дорогѣ отъ Цюриха до рѣки Рейна на 56-ть верстъ, а къ сторонѣ Уцнаха по озеру на 54 версты. Главная часть корпуса поставлена при Цюрихѣ, а резервъ позади его, въ Зеебахѣ, посреди отрядовъ, чтобы имѣть возможность подкрѣплять, въ случаѣ надобности, на всѣхъ пунктахъ, отдельные отряды.

Оставленный Эрцгерцогомъ съ 20,000 человекъ, предъ Уцнахомъ и въ кантонѣ Гларусѣ, генераль Готцъ былъ вытѣсненъ черезъ шесть дней непріателемъ изъ Гларуса и отступилъ къ Куру и Уцнаху, потерявъ 2,000 человекъ. Этотъ генераль писалъ къ Римскому-Корсакову 23-го числа и просилъ у него въ подкрѣпленіе 3 или 4 баталіона, говоря, что въ противномъ случаѣ принужденъ будетъ оставить Уцнахъ. Александръ Михайловичъ имѣлъ самъ ограниченное число войска, однакожъ послалъ къ нему мушкетерскій Старонингерманландскій полкъ, который поставили въ Рапершвилѣ.

5-го сентября, Александръ Васильевичъ Суворовъ оставилъ въ Италіи всю австрійскую армію, а самъ, съ одними только русскими войсками, (числомъ до 18,000 человекъ)

* Въ «Словарѣ Дост. люд.» Д. Н. Бантыша-Каменскаго этотъ рескриптъ нѣсколько измѣненъ противъ записокъ Вистницкаго.

двинулся — почти через непроходимыя мѣста — на соединеніе съ Римскимъ-Корсаковымъ, противъ котораго находился непріятель съ превосходнѣйшими силами. Прибывъ къ Белинсону, генералиссимусъ послалъ къ Римскому-Корсакову и генералу Готцу планъ диспозиціи, для производства вмѣстѣ съ нимъ атаки на Французовъ. По этому плану, онъ самъ долженъ былъ 10-го сентября перейти гору Сен-Готаръ и прибыть 15-го въ Люцернъ; генералъ Готцъ, получивши 15-го числа въ Уннахъ 5,000 пѣхоты отъ Корсакова, долженъ былъ придти 16-го числа въ Цугъ; Римскій-Корсаковъ, 16-го же сентября, обязанъ былъ атаковать всѣ непріятельскія позиціи на вершинѣ Альбиса, а 17-го числа всѣ трое должны были соединиться при Ааръ и двинуться далѣе къ границамъ Франціи. Между тѣмъ Массена двинулся впередъ и тѣмъ разрушилъ эти предначертанія. Суворовъ приказывалъ изъ Белисоны Корсакову, чтобы заготовить для нашего войска на шесть дней съѣстныхъ припасовъ и миллионъ патроновъ; но какъ могъ это исполнить Александръ Михайловичъ, имѣя и для своихъ войскъ только на несколько дней провіанта? Что же касается до патроновъ, то австрійская лабораторія едва могла въ три мѣсяца изготовить комплектъ ихъ для арміи Римскаго-Корсакова. Соединеніе трехъ армій у рѣки Ааръ сопряжено было съ большими затрудненіями, потому-что Массена, имѣя войско, превосходящее числомъ всѣ три арміи, могъ легко пользоваться мѣстными выгодами и удобствами; но, несмотря на это, Русскіе преодолѣли всѣ преграды. 13-го числа отрядъ при Лиматъ и Ааръ порученъ генералъ-лейтенанту Дурасову. Отдѣливъ отъ себя 5,000 къ Уцнаху, Римскій-Корсаковъ понималъ всю опасность своего положенія и писалъ объ этомъ къ Готцу, находившемуся тогда въ Цюрихѣ. Генералъ Готцъ оправдывалъ его; но, съ своей стороны, объявляя Александру Михайловичу, что если не получитъ, назначенныхъ по диспозиціи, 5,000 русской пѣхоты, то не сдѣлаетъ шагу впередъ и останется на своемъ мѣстѣ. Находясь въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, Римскій-Корсаковъ рѣшился послать къ нему свой резервъ, опасаясь,

чтобы тѣ несчастія, которыя могли случиться съ генераломъ Готцемъ, не приписали бы ему, какъ ослушнику приказаній генералиссимуса: «Я предвидѣлъ» — пишетъ въ своихъ запискахъ Римскій-Корсаковъ — «несчастіе, которое со мною послѣдовало; но долженъ былъ повиноваться!»

Еслибы Александръ Михайловичъ имѣлъ резервъ свой при себѣ, то онъ не допустилъ бы Французовъ переправиться чрезъ рѣку Лиматъ, потому-что, при ослабленіи своемъ, Русскіе цѣлый день неустрасимо боролись съ превосходнѣйшимъ ихъ въ четыре раза непріателемъ; а тогда, не отдаляясь отъ нашей диспозиціи, наше войско легко могло бы соединиться съ непобѣдимымъ Суворовымъ, который 15-го числа находился уже близъ Альторфа, въ 65-ти верстахъ отъ Цюриха.

Массена, узнавъ объ отдѣленіи резерва и о нашемъ планѣ атаки, самъ вознамѣрился сдѣлать нападеніе, съ сорока тысячами войска, на нашъ корпусъ, на другой день рано по утру, въ трехъ различныхъ пунктахъ.

Въ концѣ пятаго часа (по полуночи) наши услышали пушечную пальбу внизу рѣки Лимата, около Бадена; потомъ, выстрѣлы какъ будто приближались все болѣе и болѣе къ Цюриху. Между тѣмъ Массена приказалъ произвести атаку въ трехъ мѣстахъ: вѣво отъ Цюриха, близъ деревни Валисгофенъ; предъ Цюрихомъ, и около селенія Атикконы, гдѣ расположено было наше правое крыло, подъ командою генералъ-лейтенанта Дурасова. Римскій-Корсаковъ усилилъ правое крыло отрядомъ генералъ-маіора Шенелева, состоявшимъ изъ одного драгунскаго полка и одного баталіона гренадеръ, и приказалъ немедленно возвратиться шести баталіонамъ, посланнымъ 13-го числа къ Готцу. Въ отрядъ генерала Дурасова было восемь баталіоновъ пѣхоты, десять эскадроновъ кавалеріи, два полка казаковъ, 16-ть орудій: и съ этимъ-то Русскимъ отрядомъ, Дурасовъ, къ стыду нашему, отступилъ, безъ выстрѣла, отъ непріятеля! Между тѣмъ на лѣвомъ кры-

* Въ «Словарѣ» Д. Н. Бантыша-Каменскаго сказано, что Готцу послано 8 баталіоновъ. (Т. III. ст. 78.); а у Вистлицкаго, что 6 баталіоновъ (Чт. въ Имп. Об. Ист. и Др. Рос. № 2, ст. 26).

лъ, при селеніи Валисгофенъ, загорѣлся жестокой бой у Александра Михайловича съ Французами; онъ продолжался въ теченіе пяти часовъ, и наконецъ Французы были разстроены, обращены въ бѣгство и выбиты изъ главной своей позиціи (по горѣ Альбису). Въ это время, получено извѣстіе, что непріятель въ четырехъ большихъ колоннахъ *, съ значительнымъ числомъ артиллеріи, спѣшить по Бремгартенской дорогѣ, чтобы атаковать насъ подѣ самымъ городомъ Цюрихомъ, гдѣ войска нашего было менѣе 5,000. Римскій-Корсаковъ немедленно приказалъ князю Горчакову возвратиться съ лѣваго фланга къ Цюриху. Князь Горчаковъ вскорѣ прибылъ, и войско наше опрокинуло и прогнало снова непріятеля съ урономъ. Въ то же самое время Корсаковъ получилъ горестное извѣстіе объ отступленіи генерала Дурасова и переправъ Французовъ чрезъ Лиматъ, на правомъ флангѣ нашей позиціи, въ 12-ти верстахъ отъ Цюриха, близъ Атикони (Дитикони); только посланные на помощь праваго фланга драгуны и баталіонъ гренадеръ мужественно удерживали, до семи часовъ вечера, десятитысячный отрядъ непріятеля, который имѣлъ намѣреніе проникнуть въ западную часть Цюриха.

У генерала Римскаго-Корсакова оставалось только 7,000 пѣхоты. Подѣ Цюрихомъ происходила кровопролитная битва: два раза непріятель атаковалъ нашъ центръ, и два раза былъ опрокинутъ и отброшенъ. Войска, сражавшіяся въ Валисгофенѣ, двинулись противъ непріятельскаго лѣваго фланга; къ нимъ присоединились шесть баталіоновъ, возвратившихся съ дороги къ Уцнаху. Сраженіе снова запылало. Это третье сраженіе было гораздо кровопролитнѣе прежнихъ двухъ. Оно продолжалось до 11-ти часовъ вечера. Французы, прогнанные въ третій разъ, остановясь въ шести верстахъ отъ Цюриха, на дорогѣ между Эглизау и Виттентуромъ, отрѣзали магазины, бывшіе въ Швабинъ и Шафгаузенѣ. Оставалась только дорога къ Уцнаху, которою наша армія могла

* У Н. Д. Бантыша-Каменскаго написано, что 5 непріятельскихъ колоннъ хотѣли атаковать Русскихъ. Словарь Дост. Люд. Т. 3, стр. 78.

получать провіантъ и вмѣстѣ отступать, въ случаѣ неудачи.

О генералѣ Дурасовѣ не было никакого извѣстія.

Въ ночь съ 14 на 15 сентября, Русскіе генералы рѣшили, отправивъ весь обозъ къ Репершвиллю, атаковать непріятеля, не смотря на малочисленность своихъ войскъ, и тѣмъ достигнуть предначертаннаго генералиссимусомъ плана. Съ этою цѣлію, они должны были твердо держаться на своей позиціи и удерживать Французовъ, чтобы они не могли отдѣлать части войска, которая бы препятствовала войскамъ Александра Васильевича Суворова переходить неприступныя горы. 15 сентября, въ три часа по полуночи, получено извѣстіе отъ принца Виртембергскаго и генерала Петраша, что Австрійцы, атакованные 14 числа въ Уцнахъ, отступили къ Фельдкирхену, Лихтенштейну и Брегенцу; что храбрый генералъ Готцъ * убитъ при деревнѣ Шаннисъ; что непріятель большими колоннами идетъ къ Цюриху и хочетъ обойти нашъ корпусъ, у котораго съѣстныхъ припасовъ только уже на одни сутки. Ночью непріятельская армія еще болѣе усилилась. Французы, имѣя многочисленную артиллерію, заняли весь дефиле и мѣста, чрезъ которыя должно было проходить Русское войско въ числѣ 12,000 человекъ. Въ такомъ критическомъ положеніи имъ оставалось выбрать одно изъ двухъ: или, очистивъ себѣ путь оружіемъ, со славою пробиться сквозъ непріятеля вчетверо сильнѣйшаго, или постыдно положить оружіе. Александръ Михайловичъ выбралъ первое. Составленъ былъ планъ прохожденія Русскихъ войскъ. Въ шесть часовъ утра, наше войско атаковало дефиле по дорогѣ къ Виттентуру. Сражаясь большую часть дня, оно неоднократно было отбиваемо, но наконецъ достигло своей цѣли, овладѣло дефилею и открыло себѣ путь сквозъ непріятеля; къ ночи 15 числа, Римскій-Корсаковъ, съ колонною князя Горчакова 1-го,

* Въ статьѣ: *Революціонныя войны*, помѣщенной въ XI томѣ «Воен. Энциклопедическаго Лексикона», на стр. 314 сказано, что генералъ Готцъ убитъ 25 сентября въ самомъ началѣ сраженія, и принявшій команду генералъ Петрашъ принужденъ былъ отступить чрезъ Лихтенштейнъ въ С-Гаузенъ.

прибылъ въ Эглизау. Поздно ночью пришелъ туда и генералъ Дурасовъ съ своимъ отрядомъ. Онъ объявилъ, что 14 числа занималъ свои посты по Лимату и Аару, предполагая, что Французы имѣютъ намѣреніе совершить въ этихъ мѣстахъ переправу; но потомъ рѣшился собрать все посты, кромѣ одного баталіона пѣхоты и одного казачьяго полка, стоявшихъ при мѣстечкѣ Клингенау, и идти къ деревнѣ Шеффендорфу, лежащей позади непріятельской арміи; откуда узнавъ, что наше войско пошло изъ Цюриха къ Эглизау, и онъ двинулся на соединеніе съ Русскою арміею. Въ тотъ же день присоединилось къ Римскому-Корсакову 2,000 баварскаго войска, подъ командою генералъ-маіора Бартлеса*.

Александръ Михайловичъ въ оба эти дня потерялъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ до 4,000, въ томъ числѣ трехъ генераловъ, 220 офицеровъ и 18 пушекъ**. Непріятельская потеря была гораздо значительнѣе нашей; но надобно замѣтить, что австрійскіе генералы Науэндорфъ и Кинмейеръ, во все время этого неровнаго и кровопролитнаго боя, находились вблизи отъ Цюриха и не тронулись съ мѣста! Австрійцевъ, въ Уцнахъ, Французы забирали цѣлыми баталіонами: они потеряли, не считая убитыхъ и раненыхъ, одними плѣнными, 3,500 человекъ и 20 пушекъ. Корпусъ генерала Римскаго-Корсакова, по присоединеніи къ нему 2,000 баварскаго войска и по приближеніи корпуса принца Конде, занявшаго позицію въ Целль, близъ Констанскаго озера, имѣлъ подъ ружьемъ столько же людей, сколько у него было до Цюрихскаго сраженія.

* Н. Д. Бантышъ-Каменскій пишетъ, что баварское войско пришло 16 числа, стр. 30; у Вистицкаго же именно сказано, что 15, см. стр. 28.

** Французы и эрцгерцогъ Карлъ говорятъ, что Корсаковъ потерялъ подъ Цюрикомъ 100 орудій.. Г. Хмельницкій пишетъ: «Вся артиллерія его состояла изъ 3 ротъ (60 орудій) и 30 полковыхъ орудій т. е. изъ ста десяти. Изъ нихъ: 28 были оставлены на Рейнѣ, 29 были при отрядѣ генералъ-лейтенанта Дурасова. Предполагая, что все остальные орудія достались непріятелю, все же число ихъ (33) далеко не доходитъ до того, сколько показываютъ иностранные источники. Но этому, намъ кажется, что потеря, показанная Вистицкимъ, не многимъ разнится отъ истинныя. Г. Бантышъ-Каменскій показываетъ потерю Корсакова одинаково съ Вистицкимъ.

Въ ожиданіи прибытія Александра Васильевича Суворова, Римскій-Корсаковъ занялъ 16 сентября позицію на правомъ берегу Рейна: отъ Рейнау чрезъ Шафгаузенъ, Дизенгофенъ, Биберахъ и Штейнъ, правымъ флангомъ къ австрійскому отряду генералъ-маіора Кинмейера, а лѣвымъ—къ корпусу Конде (къ Констанскому озеру). 17 числа исправили мостъ въ Дизенгофенъ, а 21-го навели понтонный въ Бизингенъ; такимъ образомъ, наши фланги были обезпечены при переходѣ черезъ Рейнъ, когда Суворовъ приблизился къ Люцерну. 20 сентября отрядъ генералъ-маіора Эссена 3, состоявшій изъ 2000 пѣхоты и 2 эскадроновъ лейбъ-кирасиръ, занялъ тетъ-де-понъ (мостовое укрѣпленіе) у селенія Бизингенъ.

Эрцгерцогъ Карлъ, узнавъ, что Цюрихъ занятъ непріятелемъ, приблизился съ войскомъ къ Рейну, въ Донауэшингенъ. Французы оставили противъ него только 2,000 человекъ; все же остальное войско направили противъ Римскаго-Корсакова и Суворова. Трудно понять: съ какою цѣлю эрцгерцогъ Карлъ упустилъ благоприятный случай разбить Французовъ! Онъ легко могъ бы перейти Рейнъ и напасть съ тыла на непріятеля, тогда какъ въ то же время, Александръ Васильевичъ Суворовъ, перешедшій уже С.-Готардъ, могъ бы атаковать его съ фланга, а Римскій-Корсаковъ и принцъ Конде ударили бы съ фронта, и тогда — побѣда была бы непременно выиграна союзными войсками.

По прекращеніи сообщеній чрезъ Швейцарію, Александръ Михайловичъ послалъ на Фельдмаршалъ извѣстіе къ Суворову о занятіи Французами Цюриха, о числѣ войскъ нашихъ и непріятельскихъ, и потомъ испрашивалъ дальнѣйшихъ приказаній. Между тѣмъ, 25 числа, Римскій-Корсаковъ увѣдомился, что дивизіи: Менара, Лоржа, Гацана и другихъ хотятъ напасть на другой день на Бизингенскій тетъ-де-понъ, Дизенгофенскій постъ и въ то же время атаковать войска принца Конде. Въ это время, противъ лѣваго французскаго крыла находилась громадная армія эрцгерцога, а противъ праваго фланга былъ генераллссимусъ Суворовъ; но первый не предпринималъ ничего, по какой-то непонятной политикѣ; второй же — противоборствуя сильнѣйшему непріятелю въ непри-

ступныхъ горахъ—принужденъ былъ, по удаленіи изъ Гла-руса Линкена, идти въ Куру, а потомъ въ Линдау (въ Шва-біи). И такъ Александръ Михайловичъ и здѣсь, какъ подъ Цюрихомъ, вынужденъ былъ сражаться съ одними своими силами. Чтобы не дать возможности неприятелю атаковать себя съ разныхъ сторонъ, онъ переправился утромъ 26 числа черезъ Рейнъ не съ намѣреніемъ остаться на лѣвомъ берегу, а чтобы этимъ маневромъ, обративъ на себя вниманіе неприятеля, дать возможность генералиссимусу Суворову сблизиться съ нашимъ войскомъ, и потомъ возвратиться на прежнюю по-зицію. Такимъ образомъ, оставивъ часть войска при Бизингенъ, Дизенгофенъ и Штейнъ, Корсаковъ съ 16 баталіонами и 30 эскадронами, 26 числа въ семь часовъ утра переправил-ся въ Бизингенъ на противоположную сторону. Между тѣмъ Французы шли въ атаку на бизингенскій тетъ-де-понъ. Обѣ арміи встрѣтились въ 6 верстахъ отъ Рейна, близъ деревни Шлаттъ. Французы захотѣли воспользоваться лѣсомъ; но Римскій-Корсаковъ въ ту же минуту послалъ баталіонъ еге-рей занять лѣсъ, находившійся въ лѣвой сторонѣ неприятеля, а самъ построилъ войска въ двѣ линіи колоннами. Передъ фронтомъ французской позиціи было болото, препятствовав-шее употребить въ дѣло нашу кавалерію: Корсаковъ принуж-денъ былъ ограничиться дѣйствіемъ одной только пѣхоты. Первая наша линія, безъ выстрѣла, устремилась впередъ и, вытерпѣвъ сильнѣйшій неприятельскій огонь, ударила на не-го въ штыки. Неприятель дрогнулъ и бросился въ чрезвычай-номъ безпорядкѣ въ лѣсъ, находившійся въ трехъ верстахъ позади его позиціи. Получивъ тамъ подкрѣпленіе, они сами захотѣли атаковать насъ, но, снова приведенные въ раз-стройство, обращены въ бѣгство и были преслѣдуемы наши-ми егерями даже въ самомъ лѣсу; только ночь прекратила по-гоню,—и послѣ десяти-часоваго сраженія войско наше, въ обыкновенномъ порядкѣ, заняло прежнюю позицію... Въ то же время, Французы атаковали дизенгофенскій постъ и вой-ско принца Конде при Констансѣ. Генераль-маіоръ Гудовичъ прогналъ ихъ отъ Дизенгофена; спѣшившіеся лейбъ эска-дронъ Каргопольскихъ драгунъ штыками отбили четыре ору-

дія. Войско принца Конде, отражавшее съ безпримѣрною храбростію натискъ неприятеля, наконецъ уступило много-численности и отступило къ городу, гдѣ снова возобнови-лось сраженіе, продолжавшееся до глубокой ночи. Ночью принцъ перешелъ рѣку и остановился за городомъ Петерс-гаузеномъ. Потеря наша подъ Шлаттомъ и Дизенгофеномъ простиралась до 500 человекъ; неприятель же потерялъ, *по его счету*, до 4,000*.

«Во многихъ французскихъ газетахъ» пишетъ генераль-маіоръ Вистицкій 2-й, «и публичныхъ пѣмецкихъ перепискахъ вмѣщенная реляція мнимою побѣды генерала Массены ска-зуетъ, что генераль Римскій-Корсаковъ въ началѣ сраженія имѣлъ токмо моментный авантажъ, а впоследствии былъ онъ принужденнымъ отступить и переправиться за Рейнъ. Не-справедливость реляціи сей доказывается и тѣмъ, что гене-раль Римскій-Корсаковъ продолжалъ упорную съ осьмаго часа утра до седьмого вечера битву, одерживая въ оной важ-ный поверхности; возвращеніе жъ его на прежнюю свою позицію не есть принужденный отступъ, поелику онъ, гене-раль, по истинѣ не намѣревался пробыть долѣе на лѣвомъ берегу Рейна, и для того далъ сраженіе, чтобы отогнать неприятеля далѣе отъ Рейна и тѣмъ самымъ обезопасить свою позицію, въ чемъ онъ и успѣлъ пресовершенно такъ, что

* Д. П. Бантышъ-Каменскій пишетъ: «Достигнувъ своей цѣли, которая со-стояла въ томъ, чтобы воспрепятствовать неприятелю переправиться черезъ Рейнъ, Римскій-Корсаковъ занялъ прежнюю свою позицію, что побудило Французовъ напечатать въ газетахъ, будто онъ, послѣ кратковременнаго успѣха, долженъ былъ отступить за рѣку. Нашъ генераль опровергаетъ въ своихъ Запискахъ это обвиненіе, ссылаясь на самую битву, которая продолжалась отъ 8 часовъ утра до 7 по полудни, на малыя силы свои, препят-ствовавшія ему держаться на лѣвой сторонѣ Рейна, и, наконецъ, на бездѣй-ствіе неприятеля, который послѣ этого дѣла оставилъ его въ занимаемой имъ прежде позиціи. Потеря наша убитыми и ранеными простиралась до 763 че-ловѣкъ, въ томъ числѣ выбыло штабъ и оберъ-офицеровъ 3, ранено 17. Не-приятель, по собственному сознанію, лишился на полѣ сраженія до 1,000 че-ловѣкъ, кромѣ 3,000 раненыхъ; въ пѣхъ взято нашими 50 человекъ; отбито 2 орудія». Словарь Дост. Люд. Т. III. стр. 82 и слѣд.

Французы не осмѣлились возвратиться и испытать жребій самымъ его атаковать» *.

* Вотъ письмо и два отрывка изъ донесеній Массены. Они могутъ служить примѣромъ *особенной строгости и должной справедливости*, которую отдають намъ иностранцы.

Письмо Массены въ Стразбургъ.

Главная квартира въ Базелѣ. 5 Вандемьера VIII года.

Съ живѣйшимъ участіемъ сообщая вамъ извѣстіе о вступленіи нашихъ войскъ въ Цюрихъ.

Неприятель оказалъ изумительное сопротивление. Онъ *изрубленъ въ куски*. Число убитыхъ у него *можно полагать до 6000*. Земля покрыта ими. Между прочими, число которыхъ еще неизвѣстно, находится 2000 раненыхъ. Генераль Готцъ убитъ, вчера мы похоронили его съ военными почестями. Три Русскіе генерала взяты въ плѣнъ.

Массена.

Дунайская армія.

Главная квартира въ Цюрихѣ. 17 Вандемьера VIII года.

Въ этомъ донесеніи Массена пишетъ: «Передо мною находилась русская армія Кореякова. Она занимала линію отъ Цюриха до впаденія Аара въ Рейвъ, австрійская армія Готца правый берегъ Линта, и наконецъ австрійскій корпусъ генерала Елашца, занимавшій выходъ изъ Граубиндена.

«Подъ защитой ложной атаки, направленной генераломъ Менаромъ на Брукъ, для привлеченія къ этому мѣсту части неприятельскихъ войскъ, я переправилъ 3 Вандемьера, открытою силою, черезъ Лиматъ у Дитикона, и черезъ Линтъ между озерами Цюрихскимъ и Валенштатскимъ. При переправѣ у Дитикона, суда были спущены на воду подъ неприятельскимъ огнемъ и подъ защитою нашей артиллеріи; и менѣе чѣмъ въ два часа, благодаря искусству нашихъ понтонеровъ, управляемыхъ артиллеріи бригаднымъ шефомъ Делапомъ, у насъ былъ мостъ на Лиматѣ и 8,000 человекъ на другомъ берегу. Генераль Газанъ командовалъ авангардомъ подъ начальствомъ генерала Лоржа, который командовалъ дивизіею. При переправѣ черезъ Линтъ, 200 пловцовъ съ саблями възбухъ и пиками въ рукъ, переправились черезъ Линтъ, составили авангардъ, перерѣзали неприятельскіе посты и приготовили тѣмъ успѣхъ того дня. Этою операціею командовалъ генераль Сультъ. Послѣдствіями сраженія, данного послѣ этихъ двухъ переправъ, было занятіе западной части Цюрихберга и наше утверждение по всему правому берегу Лимата. Крѣпость Цюрихъ, отъ которой потребовали сдачи, предложила такія условія, часть коихъ была принята; но, по неслажанному злѣрству, Русскіе аванпосты стали стрѣлять по нашему парламентеру и ранили двухъ трубачей; по этому я далъ неприятелю сраженіе 4 числа, въ слѣдствіе котораго Цюрихъ взятъ открытою силою. Маршъ Суворова былъ рассчитанъ вмѣстѣ съ атакою, которую должны были произвести противу насъ армія Готца и Кореякова. Завладѣвъ С.-Готардскимъ проходомъ, онъ шелъ со всѣми силами на малые кантоны, чтобы оттуда идти на соединеніе съ сими двумя арміями, принять надъ

3-го октября генералиссимусъ, извѣстилъ Александра Михайловича объ успѣшныхъ своихъ дѣйствіяхъ въ Швейцаріи

ими начальство и вторгнуться съ ними во Францію. Такъ какъ Кореяковъ былъ разбитъ, а Готцъ лишился жизни, то Суворовъ не могъ надѣяться побѣдить насъ. Я послалъ къ Швицу дивизію Сульта, находившуюся въ то время подъ командою Газана, а самъ отправился къ Альторфу; но Суворовъ перешелъ изъ Шахенталя въ Муттеналь; онъ находился съ главными силами въ окрестностяхъ Муттена и выслалъ корпусъ черезъ Клонталъ въ Гларусскую долину. Невозможность развернуться въ этихъ узкихъ долинахъ заставила меня предоставить Суворову войти въ Швейцарію чрезъ Эйнзильденъ; я полагалъ, что гвспный сраженіями, данными мною въ Муттенской долині и утомленный сопротивленіемъ, противупоставленнымъ ему у входа въ Гларусъ, онъ выйдетъ изъ этой западни черезъ Эйнзильденскій мостъ, гдѣ у меня былъ всего одинъ баталіонъ для наблюденія, и что тогда я могу сражаться съ нимъ съ удобностію на открытой мѣстности; но, желая избѣжать обихаго и рѣшительнаго дѣла, онъ бросился въ Граубинденъ Флемскую (Flems) долиною, постоянно тревожимый съ фланговъ и съ тыла корпусами, назначенными для впаденія на него, если бы онъ остановился на мѣстѣ. Онъ *отступилъ съ отчаяніемъ въ сердце*, по разнымъ дорогамъ, оставивъ въ нашей власти 2,000 раненыхъ, часть своей артиллеріи и почти всю тяжесть. Кореяковъ, узнавъ объ опасномъ положеніи Суворона, собралъ наскоро корпусъ, составленный изъ остатковъ своей арміи, бапарскихъ войскъ, корпуса Конде и всѣхъ австрійскихъ корпусовъ, оборонявшихъ Граубинденскую долину, и хотѣлъ идти съ ними къ Туру, а оттуда къ Цюриху; но я снова выступилъ противъ него съ дивизіями Менара, Лоржа и Газана, и въ то же время генераль Сультъ былъ посланъ къ Рейнеку. Я нашелъ Кореякова между Туромъ и Рейномъ, разбилъ его и отбросилъ за рѣку, принудивъ разрушить Констанскій и Дизентоуенскій мосты, которыми я овладѣлъ. Хотя я предположилъ не входить теперь ни въ какія подробности, но не могу удержаться, чтобы не сказать о непоколебимой твердости нашей пѣхоты и невообразимомъ самоотверженіи легкой артиллеріи (т. е. конной артиллеріи) противу одной изъ самыхъ стремительныхъ кавалерійскихъ атакъ, какія когда либо были произведены; и пѣхота и артиллерія обезсмертили себя въ этотъ день. Легкая артиллерія, атакованная и рубимая посреди свалки, не представляла маневрировать и стрѣлять картечью. Часть нашей пѣхоты, встрѣтивъ неприятельскую кавалерію самымъ сильнымъ и непрерывнымъ огнемъ, припала ее въ штыки, не уступивъ ни на волосъ мѣста, между тѣмъ какъ другая часть пѣхоты обходила ее и нападала на нее съ фланга, съ безпримѣрною смѣлостію. Эти сраженія доставили намъ 18,000 пленныхъ, въ томъ числѣ 8000 раненыхъ, которыхъ неприятель не могъ взять съ собою, больше 100 пушекъ, 13 знаменъ, 4 генераловъ взятыхъ въ плѣнъ, 5 генераловъ убитыхъ, между которыми главнокомандующій, Готцъ, возвращеніе С.-Готарда, Гларуса и всѣхъ примыкающихъ къ нимъ долинъ; наконецъ, полная потеря неприятеля во всѣхъ этихъ дѣлахъ доходить до 30,000 человекъ. Привѣтствіе и почтеніе. » Массена.

(въ малыхъ кантонахъ), о необходимости идти въ Линдау, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказывалъ ему употребить все средства для соединенія съ нимъ въ этомъ мѣстѣ.

Цюрихъ, 24 Вандемѣра VIII г. Французской республики.

Граждане-директоры!

«Дунайская армія замѣчательною побѣдою окончила походъ VII года: она снова завладѣла С.-Готтардомъ и всѣми малыми швейцарскими кантонами. Побѣдами, еще болѣе блестящими, суждено ей было открыть походъ VIII года. Пятнадцатидневное сраженіе, данное на протяженіи слишкомъ 60 лѣтъ, противу трехъ соединенныхъ армій, предводимыхъ опытными генералами, но большей части пріобрѣтшими огромную извѣстность, занимавшихъ неприступныя позиціи—таковы были дѣйствія Дунайской арміи. Три арміи, разбитыя и разбѣяныя, 20,000 пленныхъ, болѣе 10,000 убитыхъ, 100 орудій, 15 знаменъ, есть непріятельскіе обозы, 9 непріятельскихъ генераловъ убитыхъ или пленныхъ, Италия и нижній Рейнъ освобожденные, Швейцарія свободная, вѣрованіе въ необходимость Русскихъ уничтоженное—таковы были послѣдствія сихъ сраженій. Какъ бы подробно ни было мое донесеніе, я никакъ не могу передать въ немъ всехъ чертъ храбрости и героизма, отличившихъ это достопамятное сраженіе. Каждый замѣнилъ собою нѣсколькихъ, каждый превзошелъ самого себя; и если, отдавая похвалу одному и приводя отличныя дѣйствія другихъ, я умолчу о множествѣ прочихъ, то виною тому ихъ слишкомъ большое число и необходимость ввести въ какія бы то ни было границы расказа. Линія по Липпу, Лимату и Аару, въ двойномъ отношеніи, оборонительномъ и наступательномъ, составляла самую сильную позицію, какую только австрійско-русская армія могла занять въ Швейцаріи. Эти рѣки, болѣе или менѣе широкія, съ праваго берега, высокими и почти непреступными горами. Крѣпость Цюрихъ, на Лиматѣ, доставляла непріятелю на лѣвомъ берегу этой рѣки тѣнь-де-пенѣ, котораго наступательныя свойства придавали послѣднюю степень совершенства наступательной и оборонительной системѣ этой линіи; 60,000 Австро-Россійскъ защищали ее, и я долженъ былъ выиграть ихъ съ гораздо меньшимъ числомъ.

«Грозное предпріятіе угрожало Франціи. Швейцарія, оплотъ всей нашей военной системы, столь часто атакованная и всегда столь упорно защищаемая, должна была въ непродолжительномъ времени быть подавлена усиленіями трехъ соединенныхъ армій; но я зналъ ихъ предположенія, и сильный кипучею запальчивостію, храбростію и постоянствомъ республиканскихъ солдатъ, добрымъ согласіемъ, существовавшимъ между всѣми войсками, генералами и офицерами, сильнымъ общимъ ихъ соревнованіемъ и усердіемъ въ славу и торжеству республики, я былъ увѣренъ въ побѣдѣ.» Потомъ Массена хвастливо и напыщенно описываетъ, какъ онъ поражалъ Александра Васильевича Суворова, Римскаго-Корсакова, принца Конде, герцога Энгіенскаго и др. — «Я принимаю мѣры»—продолжаетъ онъ—«чтобы принудить непріятеля очистить Бизингенское предмостное укрѣпленіе или атаковать его съ выгодою; оно состояло изъ кровверка, палисاديруваннаго, окру-

Рано утромъ, 4 числа, все наше войско, кромѣ отрядовъ оставшихся въ своихъ мѣстахъ, пока ихъ смѣнили Австрійцы, было выведено Александромъ Михайловичемъ изъ Дерфлингена, а 8 октября присоединилось къ отряду Суворова у города Линдау, гдѣ 12 числа раздѣлено на два корпуса и двинулось въ Россію.

«Французы»—пишетъ г-нъ Хмельницкій—«всячески стараются возвысить побѣду, одержанную Массеною надъ Корсаковымъ, до чрезвычайности уменьшаютъ число своихъ войскъ, подъ командою Массены, и преувеличиваютъ силы Корсакова. Австрійцы,—главные виновники цюрихскихъ несчастій и неудачнаго окончанія дѣлъ въ Швейцаріи,— стараются взвести вину на Русскихъ, обвиняя нашихъ генераловъ въ *завальчивости и незнаціи военного дѣла*, а войска въ *неумѣннн маневрировать*.» Потомъ г-нъ Хмельницкій приводитъ мнѣніе о Корсаковѣ человека, на котораго произвели сильное вліяніе сужденія австрійскихъ писателей. Онъ говоритъ, что: «этотъ генералъ былъ извѣстенъ *только по совершенному умѣнню маневрировать* на какомъ-нибудь Марсовомъ полѣ; онъ былъ весьма на короткое время во Фландріи, въ арміи принца Кобургскаго и порицалъ его дѣйствія съ увѣренностію теоритика, никогда не видавшаго войны (!) Корсаковъ смѣнилъ Австрійцевъ на всѣхъ постахъ, не соразмѣряя своихъ силъ съ настоящими потребностями, не спрашивая и не при-

женнаго водянымъ реомъ и имѣвшимъ весьма сильный редюитъ. *Непріятель предупредилъ мои намѣренія: онъ очистилъ его и отступилъ на противоположный берегъ.*»

Въ заключеніе Массена пишетъ: «Такимъ-то образомъ окончилось, освобожденіемъ Гельвенціи, истребленіемъ одной части непріятелей и разбѣяннѣмъ другой, это замѣчательное пятнадцатидневное, которое они предназначили для нашего истребленія, и послѣдствія котораго должны весьма замѣчательнымъ образомъ произвести вліяніе на будущія судьбы Французской республики.»

Обо всемъ доносилъ Массена директоріи и съ показанными преувелченіями; только объ одномъ подаркѣ, полученномъ отъ Мазотина, онъ не сказалъ ни полслова. Что это былъ за подарокъ, мы узнаемъ далѣе.

* Въ замѣчаніяхъ на сочиненіе генералъ-маіора Вистцакаго, доставленное для напечатанія въ «Чтенія Имп. Моск. Общ. Ист.»

нимая совѣтовъ ни о занятой имъ позиціи, ни о той, какую занималъ непріятель. Онъ могъ бы, пользуясь численнымъ превосходствомъ, которое доставило союзникамъ прибытіе его корпуса, вытѣснить Массену съ горы Альбишь, но отказался отъ этого, и въ одномъ разговорѣ съ эрцгерцогомъ Карломъ довелъ заносчивость до смѣшнаго. Эрцгерцогъ, указывая ему пункты, которые необходимо было охранять, сказалъ: «Здѣсь нужно поставить баталіонъ.» — Да, отвѣчалъ Корсаковъ: *роту*. «Я говорю о баталіонѣ.» — Ну да: *австрійскій баталіонъ или русскую роту!*...—Съ такимъ-то тономъ оскорбительнаго превосходства принималъ Корсаковъ совѣты отъ весьма знаменитаго полководца» и т. д.

Намъ кажется, что въ этомъ поступкѣ Александра Михайловича и заключается главная причина неудовольствія на него Австрійцевъ, которые ясно видѣли въ подобномъ проществіи уничиженіе ихъ надутаго самолюбія и гордости.

Современникъ Рымникскаго и Италійскаго героя, — авторъ чрезвычайно любопытной книги о томъ времени, изданной въ Москвѣ М. П. Погодинымъ подъ названіемъ «Разсказъ стараго воина о Суворовѣ», — такъ передаетъ намъ мнѣніе учениковъ безсмертнаго нашего полководца: «Будь вмѣсто Корсакова Дерфельденъ — и Массена разбилъ бы свою голову о его твердокаменную грудь; и Вилимъ Христофоровичъ не далъ бы себя въ обманъ Гофъ-Кригсъ-Рату, и не подвергъ бы себя несчастію, подобно Корсакову. Такъ говорили (давно говорили) люди, знающіе толкъ, люди съ отличными военными талантами.»

Господинъ же Хмельницкій говоритъ: «Изъ журнала Вистицкаго мы узнаемъ, что Римскій-Корсаковъ предвидѣлъ несчастный исходъ военныхъ дѣйствій и смѣнилъ войска эрцгерцога только въ слѣдствіе строгаго повелѣнія Императора Павла; что, получивъ планъ общихъ военныхъ дѣйствій въ Швейцаріи, составленный Вейротеромъ, — который

* См. Разсказы Стараго воина о Суворовѣ. Москва 1847 г. ч. II, ст. 237.

былъ виновникомъ и аустерлицкихъ несчастій, — онъ не хотѣлъ послать къ Готцу своего резерва, который, оставаясь на прежнемъ мѣстѣ, могъ бы дать другой видъ сраженію. И такъ не въ незнаніи военнаго дѣла, можно обвинять Корсакова, а развѣ въ слишкомъ буквальномъ исполненіи полученныхъ инструкцій.»

Эрцгерцогъ Карлъ пишетъ: «Русскіе явились на театрѣ войны со славою прекрасныхъ военныхъ качествъ, именно отличной храбрости и дисциплины, достоинство которыхъ можетъ быть испытано въ высшей степени, если начальники умѣютъ управлять сообразно съ цѣлью. Ихъ храбрость основывалась на физической силѣ, которая рѣшительна въ рукопашномъ бою, т. е., въ такомъ образѣ дѣйствія, который, съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтены издали дѣйствующія орудія, и придуманы движенія, удерживающія непріятеля въ отдаленіи, случается рѣдко и въ большихъ сраженіяхъ, и то при сходственныхъ маневрахъ обѣихъ сторонъ. Русскія войска, какъ пѣхота, такъ и кавалерія, не были приучены къ быстрымъ маневрамъ (?). Они стремились только къ той строгой, исклюкающей подвижности, точности, которая необходима при первоначальномъ образованіи солдатъ въ малыхъ отдѣленіяхъ, но не при употребленіи большихъ корпусовъ, гдѣ дѣло идетъ о тактическомъ порядкѣ цѣлаго. На казаковъ опиралась безопасность арміи. Привыкнувъ отъ безпрестанныхъ движеній и тревоженія непріятеля, разсчитывать каждый свой шагъ, приносили они мало пользы на мѣстности, неудобной для дѣйствія кавалеріи, и въ оборонительной позиціи за рѣками пропадало преимущество ихъ образа дѣйствій. Всѣ потребности арміи тащили Русскіе за собою въ огромномъ обозѣ, затруднявшемъ всякое движеніе. Организованные для войны въ негостепріимныхъ стѣняхъ Турціи, они едва были въ состояніи считать многое ненужнымъ, и, сообразно съ новою системою войны, находить всюду само-нужнѣйшее и обходиться малыми запасами. Только съ 1763 года съ одними Турками (только съ одними?) вели они значительныя войны, въ которыхъ рѣшимость, личная храбрость

и сомкнутость войскъ въ густыхъ массахъ, безъ особенной помощи маневрирнаго искусства, рѣшаетъ побѣду. По такимъ правиламъ исключительно образовались лучшіе ихъ генералы и офицеры (!) и остались чужды новымъ требованіямъ искусства. (Сомнительная истина!) Гордые своими послѣдними побѣдами надъ Турками, одушевленные французскими эмигрантами презрѣніемъ къ новымъ Французамъ, а слѣдовательно къ Австрійцамъ, не могшимъ привести къ окончанію столь легкой, по ихъ мнѣнію, войны, увѣренные, что одно прибытіе Суворова переизмѣнило военное счастье въ Италіи, они и начальники ихъ были ослѣплены самолюбіемъ. Это было не то благородное самосознаніе, которое возвышаетъ душу и настраиваетъ къ великимъ подвигамъ, но признакъ нравственной слабости и упадка духа въ несчастіи. Корсаковъ такъ былъ увѣренъ въ своемъ превосходствѣ, что полагалъ, что непріятель непременно будетъ поступать по его намѣреніямъ, и что въ Швейцаріи столько же нужно осторожности, сколько и въ степяхъ Днѣстровскихъ. Какъ будто вообще неповоротливый могъ опредѣлять намѣреніе болѣе поворотливаго, и какъ будто каждый непріятель и каждая страна не требуютъ особаго примѣненія основныхъ правилъ военного искусства.» *

Ответимъ и возразимъ на это замѣчаніе эрцгерцога словами г-на Хмельницкаго: «Что касается до обвиненія нашихъ войскъ въ неумѣніи маневрировать, должно припомнить, что то же самое говорили Австрійцы и посль Аустерлицкаго сраженія. Нельзя, однакожь, не указать на слѣдующее обстоятельство: три баталіона этихъ дурно маневрирующихъ войскъ, поддержанные казачьимъ полкомъ и семью орудіями, всего около 2,000 человекъ, потребовали для атаки 8,000 Французовъ и уступили такому страшному численному превосходству только посль упорнаго и продолжительнаго сопротивленія; кажется, для этого нужна не

* См. Geschichte des Feldzuges von 1799 in Deutschland und Schweiz T. II. S. 188.

одна простая храбрость, но также и искусство. Ни въ первый, ни во второй день сраженія ни одна боевая единица русскихъ войскъ не положила оружія передъ Французами, которые были почти втрое сильнѣе Русскихъ; между тѣмъ, какъ Сультъ, атаковавшій превосходно маневрирующихъ нашихъ союзниковъ равными силами, — (у Сульта было 12,000 войска, а у Готца около 11,000, слѣдовательно, силы почти равныя) — забирали ихъ въ плѣнъ цѣлыми баталіонами.» Вся беда, намъ кажется, въ томъ: какъ поступали сами Австрійцы, составлявшіе планъ военныхъ дѣйствій. — «Выбравъ одно какое-либо положеніе противника,» — продолжаетъ г. Хмельницкій, — «они предполагали, что во все время, необходимое для исполненія ихъ предположеній, онъ будетъ оставаться неподвижно въ своей позиціи, и на этомъ произвольномъ положеніи основывали все свои расчеты *. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, австрійскій главный штабъ, разставляя издали съѣти Массенъ, отлавалъ ему въ жертву корпусъ Корсакова, на который, какъ на ближайшій и стоявшій на рѣшительномъ пунктѣ, могъ онъ обрушиться съ превосходными силами, разбить его или стѣснить, и тѣмъ разстроить все планы своихъ противниковъ. Планъ этотъ, въ подробностяхъ, былъ довольно рабское подражаніе маневровъ Лекурба, помощью которыхъ незадолго передъ тѣмъ выгналъ онъ Австрійцевъ изъ Рейнской долины и овладѣлъ С.-Готардомъ **. Не смотря на его нелѣпость, онъ, можетъ-быть, удался бы, если бы Корсаковъ могъ удержаться въ Цюрихѣ дней 12 или 15. По этому, можетъ-быть, лучше было бы приказать Корсакову укрѣпить предмѣстія Цюриха и держаться въ этой позиціи до послѣдней крайности, чѣмъ отдѣлять его войска для несвоевременной атаки Альбиса. Можетъ быть, Корсакову слѣдовало бы самому избрать эту мѣру тотчасъ по отбытіи эрцгерцога Карла, если онъ не хотѣлъ, при первомъ нападеніи Французовъ, покинуть Цюрихъ, довольно

* См. Mémoires pour servir à l'histoire de France sous le règne de Napoléon v. IV. p. 31.

** См. Dedon. Relation du passage de la Limat p. 22.

дорого доставшія Австрійцамъ. Не слѣдовало также Корсакову держать своего обоза въ Цюрихъ. Занимая съ главными силами позицію впереди дефиле, онъ долженъ былъ держать его свободнымъ для прохода войскъ, чтобы уменьшить невыгодность своего положенія. По этому, кажется, лучше было бы отправить обозъ въ Винтенбургъ или Эглизау и выдвинуть для прикрытія его часть кавалеріи, оставшейся безъ всякой пользы на Рейнъ» *.

Прислушаемся теперь какое слѣдствіе на общій ходъ событий произвели дѣйствія Римскаго-Корсакова, или точнѣе, медленность генерала Дурасова, не присоединившагося къ войскамъ Корсакова, бывшимъ въ бою. Почтенный ветеранъ Суворовской эпохи передастъ намъ то, что самъ видѣлъ и что слышалъ отъ Багратіона, бывшаго въ числѣ любимѣйшихъ учениковъ гениальнаго русскаго полководца.

«Ратники Царя Бѣлаго»,— пишетъ авторъ Разказовъ Русскаго воина о Суворовѣ — «вступая въ предгорья Альповъ, шли однако жъ не весело: одна безпредѣльная преданность къ Царю-Государю, одна невыразимая любовь къ отцу Александру Васильевичу — были душою, и вели насъ въ путь. Сильно негодовали мы на австрійское правительство; разговоры всѣхъ вообще воиновъ были отлично невыгодны для Австрійцевъ; высоко, невыразимо высоко презирали ихъ наши войска, — и анекдоты о бывлыхъ временахъ, разказы о неблагодарности къ Россіи Цесарцевъ сыпались во фронтъ Русскихъ войскъ.» Потомъ, описывая вступленіе генералиссимуса съ войскомъ въ Швейцарію и коварство барона Тугута, онъ говоритъ: «по распоряженію Гофъ-Кригсъ-Рата, принцъ Карлъ съ 60,000 арміею своею вышелъ изъ Швейцаріи; Римскій-Корсаковъ съ 20,000 корпусомъ Русскихъ занялъ его посты на всѣхъ пунктахъ, — и былъ разбитъ Массеною 14 сентября. Это былъ тотъ самый день, въ который Александръ Васильевичъ Суворовъ разбилъ Французовъ при Чертовомъ мостѣ. Если бы Александръ Васильевичъ нашелъ въ Белинсонѣ

* См. въ Им. Об. Ист. и Др. Рос. 1846 г. № 2. Предисловіе къ Описанію Дѣйствій Корп. Рим. — Кор. въ Швейц. стр. III, IV и V.

муловъ, необходимыхъ для подвоза тягостей, которыхъ австрійское правительство обязалось и должно было доставить къ 4-му сентября, тогда армія наша была бы, 12 или 13 числа, въ Швицъ, и Массена не могъ бы двинуть свои войска на разгромленіе Корсакова, по неопровергаемой причинѣ: Александръ Васильевичъ ударилъ бы ему въ тылъ, и поставилъ бы между двухъ огней, т. е. между собою и Корсаковымъ; погибель Массены была бы неизбежна. Но различенія враждебнаго Тугута были математически точны на пагубу войскъ Русскаго Царя, благодѣтеля Австріи. — Массена, разбивъ Римскаго-Корсакова, обратился на Александра Васильевича, съ вѣрною надеждою разбить насъ. — Но надежда его не сбылась: — онъ при Мунтенталѣ самъ былъ разбитъ, какъ говорится, въ пухъ, — и смертельно побитый, былъ гнанъ съ мѣста боя больше 10 верстъ, и едва спасся въ г. Швицъ, унеся съ собою подарокъ, полученный отъ *унтеръ-офицера* Ребиндера полка *Махотина* *. — Думать можно, что Массена долго помнилъ его. Подарокъ былъ чисто Русскій! **.

«Князь П. И. Багратіонъ, передавая намъ слова Александра «Васильевича Суворова, говоритъ: «Баронъ Тугутъ нанесъ намъ величайшій вредъ своими распоряженіями, да намъ и шельзя было ожидать отъ него ничего добраго: этотъ человекъ былъ въ полной мѣрѣ тонкій, безчестный дипломатъ, «глупѣйшій въ мѣрѣ военный тактикъ и въ высочайшей степени гордецъ и эгоистъ, нанесшій своему отечеству неизобра-

* Махотинъ пробрался къ нему и убилъ подъ нимъ лошадь: тогда, «схвативъ молодца за воротникъ», — говоритъ самъ Махотинъ, — «я сорвалъ съ плеча его эполетъ (эполетъ былъ лигата золота) и бросилъ, и опять за шиворотъ; а онъ ефесомъ своей саблѣ огрѣлъ меня въ грудь довольно порядочно, и полумлежачій оборонялся какъ медвѣдь. Видя, что онъ добромъ не сдастся, и чувствуя боль въ груди, я далъ ему леца *всю правую*, да такого даль, что онъ упалъ на спину.» Но французскій офицеръ спасъ его. Тогда, продолжаетъ Махотинъ: «я пустилъ въ него пулю въ проволочатыя, подыалъ эполетъ, сунулъ его въ сухарный мѣшокъ, и началъ опять работать.» За это дѣло храбрый Махотинъ произведенъ Государемъ Императоромъ Павломъ Петровичемъ въ подпоручики. Разск. Стар. Война о Сувор. Ч. 2, ст. 240 и 241.

** См. Разск. Стар. Война о Суворовѣ, Ч. 2, ст. 185 и 186.

«зимья бѣдствія. Его честили по заслугамъ. 17 числа по-
«требованъ я былъ къ Александру Васильевичу; прибылъ, и
«увидѣлъ его въ полномъ фельдмаршальскомъ мундирѣ и во
«всѣхъ орденахъ. Онъ шибко ходилъ, и, противъ своего обы-
«кновенія, не подарилъ меня не только словомъ своимъ, но и
«взглядомъ. Казалось, онъ не видалъ меня, и былъ сильно
«встревоженъ. Лицо его было важно, величественно: такимъ
«я не видалъ его никогда. Онъ ходя говорилъ самъ съ собою
«отрывками: *Парады!... разводы!... большое къ себѣ уваже-
«ніе!.. обернется: шлпы долой! — Помилуй Господи!.. да, —
«и это нужно, да во время... а нужье-то... это: знать
«какъ вести войну; знать мѣстность; уметь расчестъ;
«уметь не дать себя въ обманъ; уметь бить! А битому
«быть?... не мудрено! — Погубить столько тысячъ?... и ка-
«кихъ?... и въ одинъ день?.. Помилуй Господи!..* И многое,
«многое говорилъ Александръ Васильевичъ, хотя и не замѣчая
«меня. Я видѣлъ, что я здѣсь не у мѣста, и вышелъ вонъ.
«Въ скорости прибылъ Великій Князь Константинъ Павловичъ
«и съ нимъ всѣ генералы и значительные по военнымъ талан-
«тамъ полковники. Мы вошли, Александръ Васильевичъ встрѣ-
«тилъ насъ поклономъ; сталъ, закрылъ глаза, задумался; ка-
«залось, онъ боролся съ мыслями сказать о бѣдствіи, насъ
«постигшемъ. Но не прошло и минуты, онъ взглянулъ, и взоръ
«его какъ молнія поразилъ насъ. — Это не былъ уже тотъ
«Александръ Васильевичъ, который между рядами воиновъ, въ
«сраженіи, велъ ихъ въ бой съ высокимъ самоотверженіемъ,
«съ быстротою сокола, или такъ, за-просто, во время похо-
«да, веселыми своими разговорами заставляя всякаго лю-
«бить его душевно: нѣтъ! Это былъ уже величайшій человекъ,
«геній: онъ преобразился! Черезъ минуту онъ началъ гово-
«рить:

*«Корсаковъ разбить, и прогнать за Цюрихъ! Готцъ про-
«палъ безъ вѣсти, и корпусъ его разсыпанъ. Прочія австрій-
«скія войска (онъ называлъ ихъ начальниковъ), шедшія для
«соединенія съ нами, опрокинуты отъ Гларуса и прогнаны.
«И такъ, весь операционный планъ для изгнанія Французовъ
«изъ Швейцаріи исчезъ!...»*

«Тутъ Александръ Васильевичъ началъ излагать, съ самаго
«прибытія своего въ Италію, всѣ интриги, всѣ препятствія,
«дѣланныя ему барономъ Тугутомъ, съ его Гофъ-Кригсъ-Ра-
«томъ; говорилъ, что всѣ планы и всѣ его предположенія бы-
«ли австрійскимъ кабинетомъ неважаемы; что Гофъ-Кригсъ-
«Ратъ связывалъ ему руки *во всемъ* и во все время; и что
«походъ изъ Италіи однихъ Русскихъ войскъ въ Швейцарію
«былъ только благовидный предлогъ *удалить его съ Русскими
«войсками изъ Италіи, для лучшаго себя присвоенія въ ней
«областей*; что этотъ предлогъ удаленія насъ, и въ такое позла-
«невремя года, былъ прикрытъ обманіемъ, что принцъ Карлъ,
«съ арміею своею въ 60,000, не оставитъ своего поста въ
«Швейцаріи до-тѣхъ-поръ, пока Александръ Васильевичъ не
«соединится съ корпусомъ Корсакова, гоня предъ собою Фран-
«цузовъ, занимавшихъ С.-Готардъ и Чортовъ мостъ, и въ
«томъ торжественно увѣрилъ въ Вѣнѣ министровъ-посланни-
«ковъ, нашего и англійскаго. Но тогда жъ, и въ то же время,
«за симъ уврѣненіемъ, Тугутъ *далъ скрытно повелѣніе* принцу
«Карлу, чтобы онъ, сдавъ всю линію, занимаемую имъ въ
«Швейцаріи, генералу Корсакову, слѣдовалъ со всею арміею
«внизъ по Рейну въ Германію, и занялъ мѣста, вовсе неугрожае-
«мыя нападеніемъ непріятели. Генералъ Римскій-Корсаковъ
«*сталъ въ разставленную Тугутомъ стѣну*, занялъ 20,000 своимъ
«корпусомъ всю линію, принцемъ Карломъ занимаемую (болѣе,
«чѣмъ на 100 верстъ), и погибъ 14 сентября. Но что болѣе
«всего доказываетъ враждебную ненависть Тугута къ намъ,
«къ Царю-Императору нашему, вѣрному союзнику и помош-
«нику австрійскаго престола, и уготованную намъ пагубу, —
«такъ-то, что мы, вошедши въ альпійскія горы, не нашли въ
«Бенисонѣ муровъ, обѣщанныхъ намъ торжественно подъ
«свозъ горной артиллеріи, ея снарядовъ, боевыхъ ружейныхъ
«патроновъ, и на продовольствіе наше сухарей; и единственно
«по сему только случаю мы должны были простоять тутъ
«пять дней, тщетно ожидая ихъ. Это была уже *явная измѣна
«общему дѣлу правды*, приготовленная *заблаговременно* имъ,
«Тугутомъ, *по тайнымъ сношеніямъ съ агентами французской
«директоріи*. — Будь мулы въ Бенисонѣ, найди мы ихъ

«здесь 4 сентября, мы были бы на мѣсть (въ Муттенталь) «10 или 11 числа; и Массена никакъ не посмѣлъ бы двинуть-ся съ своей линіи на пораженіе Корсакова и Готца» *.

Заключимъ сужденія современниковъ о дѣйствіяхъ Корсакова словами генерала Вистицкаго: «За всѣ одержанныя въ сей италійской кампаніи побѣды, Австріи обязаны по большей части Россіянамъ. Какой же плодъ произвели сіи побѣды и завоеванія Милана, Турина, Александрии, Тортоны, Нови, Савоны, Пескьеры и Мантуи? По прошествіи 10 мѣсяцевъ, Бонапарте безъ затрудненія, и почти безъ препятствій, взялъ всѣ крѣпости обратно у прекрасно-маневрирующаго и знающаго военное искусство войска, и съ арміею своею, такъ сказать, подъ стѣнами Вьны трактовалъ о мирѣ» **.

Императоръ Павелъ I-й, недовольный дѣйствіями Александра Михайловича въ Швейцаріи, отставилъ его отъ службы 24 октября и удалилъ въ деревню, не смотря на то, что *распоряженія Римскаго-Корсакова были оправданы Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ*, «который нашель,» — пишетъ г. Бантышъ-Каменскій, — «что всѣ дѣйствія его клонились къ низверженію непріятеля, и что единственный виновникъ происшедшаго — генералъ-лейтенантъ Дурасовъ, не присоединившійся къ войскамъ, бывшимъ въ бою» ***. Живя въ своемъ разстроеномъ имѣніи, Римскій-Корсаковъ переносилъ терпѣливо нужду и лишенія, когда вдругъ получилъ отъ

* Разск. Стар. Воинъ о Суворовѣ Ч. 2, ст. 210, 211, 212, 213 и 214. — Статьи замѣтимъ, что этой превосходной книгѣ, у васъ вовсе не была отлана журналами должная справедливость. Только братъ мой, извѣстный своими историческими трудами, авторъ «Славянскаго Сборника» и сотрудникъ барона Л. И. Зедлера въ «Исторіи Военнаго Искусства» и въ «Военномъ Энциклопедическомъ Лексиконѣ», Н. В. Савельевъ-Ростиславичъ обратилъ вниманіе публики (въ Академ. С.П.Б. Вѣдомостяхъ, 1847) на важность этой книги о Суворовѣ, равно какъ и на записки Вистицкаго о дѣйствіяхъ Корсакова. — Бывшій профессоръ Военной Академіи, воинъ-писатель Н. Д. Неѣловъ совершенно раздѣлялъ съ нимъ это самое мнѣніе касательно сихъ двухъ книгъ.

** Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Рос. 1846 г. № 2, ст. 41 и 42, въ записк. Вистицкаго.

*** Словарь Дост. Люд. Бант.-Кам. Ч. III, ст. 82 и 83.

Наслѣдника Престола 20,000 рублей: «за купленную имъ мебель его, оставшуюся въ Семеновскихъ казармахъ», которая въ дѣйствительности не стоила и пятисотъ рублей, замѣчаетъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій.

По восшествіи на престолъ Императора Александра Благословеннаго, Римскій-Корсаковъ, 16 марта 1801 года, опять былъ принятъ въ службу, съ зачисленіемъ по арміи, а 15 сентября того же года произведенъ въ генералы отъ инфантеріи, съ старшинствомъ въ этомъ чинѣ съ 23 ноября 1799 г.; въ тотъ же день онъ получилъ аренду въ Курляндіи, которая давала доходу казны 3,800 талеровъ. Въ 1802 году покойный Императоръ поручилъ ему въ управленіе Бѣлорусскій край. Римскій-Корсаковъ, незнакомый съ порядкомъ новой службы, просилъ Государя уволить его отъ новаго назначенія, и получилъ слѣдующій рескриптъ отъ 29 марта: «Александръ Михайловичъ! Въвѣря вамъ управленіе Бѣлорусскихъ губерній, Я зналъ совершенно, что положеніе сего края требуетъ начальника, не столько навыкомъ въ дѣлахъ гражданскихъ, сколько безкорыстіемъ и правотою мыслей отличнаго, и по сему познанію обратилъ на васъ Мое избраніе. Въ продолженіе служенія вашего по сей части Я съ удовольствіемъ видѣлъ, что выборъ Мой вы совершенно оправдываете: по сему заключить можете, сколь неожиданно для меня было встрѣтить желаніе ваше оставить сіе званіе, тѣмъ болѣе, что не могъ Я признать достаточными причины, васъ къ тому побуждившія. Зная ваше твердое расположеніе къ обществуному благу, не могу себѣ представить, чтобы встрѣчаемая вами затрудненія могли совратить васъ съ пути, вамъ назначеннаго. Если есть злоупотребленія, коихъ истребленіе, по какимъ либо уваженіямъ, не можетъ быть совмѣстно съ обыкновенною, законною гласностію, вы всегда имѣете свободу открыть Мнѣ ихъ частно, съ полнымъ увѣреніемъ, что въ отвращеніе ихъ приняты будутъ мѣры, столько же близкія къ челоувѣчеству, какъ и сокрытыя отъ всѣхъ противъ васъ предрѣженія; а чтобы дать вамъ очевидный тому опытъ, Я требую и прошу отъ васъ сего довѣрія. Впрочемъ смѣшивать закоренѣлыя безпорядки подчиненныхъ съ поведеніемъ

«главнаго начальника, и поставлять ихъ на личномъ отчетѣ «его добраго имени, никогда не было Моимъ правиломъ и, конечно, для васъ не будетъ. Я желаю, чтобы вы точнѣе «размыслили о семъ Моемъ распоряженіи: ибо увѣренъ Я, что «послѣ сего бремя служенія вашего найдете вы не только легкимъ, но и совершенно соответствующимъ тѣмъ понятіямъ «о порядкѣ и общественной пользѣ, кои всегда Я въ васъ съ «удовольствіемъ предполагалъ, пребывая всегда вамъ благо- «склонный Александръ». Вскорѣ послѣ этого Императоръ, обозрѣвая губерніи, ввѣренный управленію Римскаго-Корсакова, наградилъ его табакеркою, осыпанною брилліантами, съ Своимъ портретомъ, а 24 января 1803 года назначилъ инспекторомъ по инфантеріи Московской инспекціи, подъ генераль-фельдмаршаломъ графомъ Салтыковымъ, «съ порученіемъ, — какъ сказано въ Высочайшемъ Рескриптѣ—*довести полки оной до надлежащаго устройства*». Спустя два года послѣ того Александръ Михайловичъ сдѣланъ былъ командиромъ корпуса, сформировавшагося на прусской границѣ, а 6 октября 1805 года, назначенъ начальникомъ резервной арміи. Эта армія должна была состоять изъ четырехъ корпусовъ и расположиться на западной границѣ, отъ Полангена до Проскурова. Въ ноябрь мѣсяць того же года, часть ввѣренной Римскому-Корсакову резервной артиллеріи была откомандирована къ составленію резервнаго корпуса, который долженъ былъ, при первомъ востребованіи, дѣйствовать въ Галиціи. Командиру его, генералу отъ кавалеріи Михельсону, вельно расположиться между Брестомъ Литовскимъ и Бродами. «Важность Вильны», пишетъ Императоръ 8 ноября, къ Александру Михайловичу «при настоящемъ положеніи обстоятельствъ, «требуеть вашего пребыванія тамъ и скорѣйшаго образованія «остающейся въ начальствѣ вашемъ части резервной арміи. «Возлагая сіе на попеченіе ваше, я совершенно увѣренъ, что «отличнымъ усердіемъ и дѣятельностію вашею поспѣшите вы «нынѣшнимъ наборомъ рекрутъ укомплектовать сколь возможно «скорѣе командуемыя вами войска, и привести оныя во «всѣхъ частяхъ въ должное устройство». Въ февралѣ 1806 года, ввѣрено было Римскому-Корсакову командованіе 3 и 4

дивизіями. Черезъ нѣсколько же мѣсяцевъ, 20 сентября, онъ былъ назначенъ военнымъ-губернаторомъ въ Вильну. «При настоящемъ положеніи обстоятельствъ,» — писалъ опять къ Корсакову Императоръ, — «обращая особенное вниманіе къ должности Виленскаго военнаго-губернатора, требующаго генеральна испытанной дѣятельности, Я, руководствуясь довѣренностію, на которую приобрѣли вы совершенное право, и вида «при томъ опыты попечительнаго управленія вашего по части, нынѣ вамъ ввѣренной, возлагаю оную должность на васъ, «въ полномъ увѣреніи, что вы и въ семъ случаѣ явите новыя «доказательства вашего усердія.» Вместе съ этимъ назначеніемъ, Римскому-Корсакову поручены были войска, расположенныя въ Виленской, Гродненской и Минской губерніяхъ. Такимъ образомъ составилъ резервный корпусъ, который обязанъ былъ наблюдать за безопасностію границъ. Корсакову предписано было распределить весь войска въ бригады, назначить командировъ и состоять подъ вѣдѣніемъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею. Отправивъ въ началѣ 1807 года 4,000 человекъ къ генералу отъ кавалеріи Барону Беннигсену, для укомплектованія арміи, онъ занялся обученіемъ остальныхъ рекрутъ, которые также усилили дѣйствующую армію. Тогда Императоръ Александръ въ знакъ «особаго Своего благоволенія и признательности къ усердной, продолжительной и отличной службѣ Римскаго-Корсакова», 25 апрѣля 1807 г. принялъ старшаго сына его лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ портупей-прапорщикомъ, съ позволеніемъ быть при отцѣ, для узнанія порядка службы, а черезъ три мѣсяца онъ былъ произведенъ прапорщикомъ въ тотъ же полкъ. По окончаніи войны, Корсаковъ получилъ (28 іюня 1807 года), орденъ св. Владиміра 1 класса «за труды и подвиги, дознанные опытами въ продолженіе долговременнаго и усерднаго служенія, особливо явленные имъ въ теченіе послѣдней войны, въ которое время, имѣя съ самаго начала оной въ начальствованіи своемъ Резервный корпусъ, неутомимою дѣятельностію и пламенною ревностію споспѣшествовалъ во многомъ дѣйствию

армій, доставляя къ оной все военныя снабженія, нужныя къ продолженію дѣятельной войны» *.

7 ноября 1807 года Александръ Михайловичъ назначенъ командиромъ 4, 7 и 10 дивизій, въ корпусѣ генерала отъ инфантерій графа Буксегвдена, съ сохраненіемъ званія литовскаго военнаго-губернатора. 20 января 1808 года, Высочайше пожаловано ему 30,000 рублей, изъ оставшихся у него экономическихъ денегъ отъ покупки лошадей, повозокъ и другихъ вещей для запасныхъ артиллерійскихъ парковъ; почти въ это же время онъ получилъ въ подарокъ двѣ табакерки съ портретами Государынь Императрицъ Маріи Феодоровны и Елисаветы Алексеевны.

Неудовольствія Корсакова съ военнымъ министромъ графомъ Аракчеевымъ были причиною замѣчанія, сдѣланнаго Государемъ Александру Михайловичу 18 марта 1809 года. «Я долженъ вамъ сказать» писалъ къ нему Императоръ, «что званіе военнаго министра есть первое въ арміи, и ему подчинены все военные чины, отъ перваго до послѣдняго, не смотря на то, въ какую бь должность употребленъ кто ни былъ; следовательно, сему общему правилу и вы должны покоряться безпрекословно. Фельдмаршалъ князь Прозоровскій, службою и чиномъ старѣе васъ, и братъ Мой Константинъ Павловичъ служатъ лучшими примѣрами подчиненности». По слабости здоровья Римскій-Корсаковъ просилъ объ увольненіи его въ отпускъ, до излеченія болѣзни. Просьба его была исполнена: онъ получилъ увольненіе, 3 іюля.

Въ службѣ онъ находился до 17 апрѣля 1812 года, когда былъ назначенъ во второй разъ военнымъ-губернаторомъ въ Литву, которою управлялъ еще въ теченіе восемнадцати лѣтъ по 20 декабря 1830 года. Многотрудная служба Александра Михайловича была награждена: въ 1819 году, ассигнованіемъ ему изъ Государственнаго Казначейства, вмѣсто арендныхъ денегъ, которыя онъ получалъ съ 1801 года, на 20 лѣтъ, 10976 рублей серебромъ ежегодно; въ 1820 году табакеркою, осыпанною брилліантами, съ портретомъ Импера-

* Д. Н. Бантыша-Каменскаго Словарь Дост. Людей Рус. Земли. Ч. III. ст. 89.

тора Александра Павловича; 1821 г. 22 августа, въ день коронованія нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, орденомъ св. Апостола Андрея Первозваннаго. Въ 1830 году онъ былъ наименованъ Членомъ Государственнаго Совѣта, и въ этомъ званіи получилъ, въ 1831 году, знакъ отличія безпорочной службы за LV лѣтъ; арендные же деньги, пожалованныя въ 1819 году на 12 лѣтъ, тогда же обращены ему въ пожизненный пенсіонъ, сверхъ пожизненнаго жалованья по чину 4,560 рублей и столовыхъ по 12,000 руб. въ годъ. Въ послѣднее время своей жизни, маститый старецъ не могъ уже ѣздить въ Совѣтъ; но, не смотря на преклонныя лѣта, сохранилъ еще довольно свѣжую память и любилъ разсказывать о походахъ своихъ и сраженіяхъ подъ предводительствомъ Румянцева-Задунайскаго и графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго. Кончина 87-ми лѣтняго, почтеннаго старца послѣдовала 13 мая 1840 года. Она была тиха и безъ страданій. 16 мая происходило отпѣваніе тѣла усопшаго въ Исакиевскомъ соборѣ. Военный министръ князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ, С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ Эссенъ и нѣсколько другихъ знатныхъ лицъ почтили память его своимъ присутствіемъ. Бренныя останки Александра Михайловича препровождены въ село Сукромну, Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда, которое принадлежитъ въ настоящее время сыну его.

Римскій-Корсаковъ во всю жизнь свою отличался благородствомъ характера и добротою; зналъ хорошо французскій, нѣмецкій и англійскій языки и оставилъ на французскомъ языкѣ любопытное описаніе битвъ, происходившихъ подъ Цюрихомъ, которымъ совершенно оправдалъ понесенное имъ пораженіе. Отличный отзывъ объ Александрѣ Михайловичѣ Императрицы Екатерины Великой и Императора австрійскаго Франца II; привязанность и расположеніе Государя Александра Павловича, котораго онъ называлъ своимъ благодѣтелемъ; вниманіе къ нему нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая Павловича; наконецъ дружба Румянцева-Задунайскаго, съ которымъ онъ былъ постоянно въ перепискѣ, — слу-

жать лучшимъ доказательствомъ его благородныхъ свойствъ. Принцъ Саксенъ-Кобургскій, когда Римскій-Корсаковъ былъ еще полковникомъ, письмомъ убѣждалъ его въ 1789 году «о продолженіи къ нему дружбы, которою всегда былъ удостоенъ», и отдавалъ полную справедливость его военнымъ дарованіямъ. Изъ молодыхъ полководцевъ, болѣе всѣхъ былъ друженъ съ Александромъ Михайловичемъ — Беннигсенъ, и общалъ ему подробно, случалось даже прямо съ поля битвы, о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ 1805, 1806 и 1807 годахъ.

А. САВЕЛЬЕВЪ-РОСТИСЛАВИЧЪ.

Современная Литонисъ и Политика.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБЗОРЪ

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ НА КАВКАЗѢ.

На правомъ флангѣ кавказской линіи выслана была 11-го числа изъ Ахметъ-Горскаго укрѣпленія команда, въ числѣ 50-ти человекъ 3-го кавказскаго линейнаго баталіона, за дровами. Скрывавшаяся недалеко партія Горцевъ, около 400 человекъ, подъ предводительствомъ Канамета Тлаглукова, внезапно бросилась на эту команду въ шашки, но была мужественно отражена. По первымъ выстрѣламъ, воинскій начальникъ укрѣпленія, штабсъ-капитанъ *Грушецкій*, выслалъ на помощь 40 человекъ пѣхоты и 60 казачковъ донскаго № 38-го полка, подъ начальствомъ есаула *Семикольниковъ*. Пѣхота смѣло ударила въ штыки, казаки бросились въ пики на встрѣченнаго по дорогѣ сильнаго непріятеля. Такимъ образомъ, обѣ команды, окруженныя въ пятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ, съ необычай-

ною храбростію старались проложить себѣ дорогу, чтобы соединиться. Горцы, усиливаясь людьми, стекавшими изъ-за рѣки Лабы, и раздраженные геройскимъ мужествомъ командъ, безпрестанно кидались въ шанки, руками сорвали съ нѣсколькихъ ружей штыки и шашками изрубили 15 ружейныхъ стволовъ. Но храбрая горсть Ахмедъ-Горскаго гарнизона, не взирая на несоразмѣрность силъ, мужественно отражала атаки, бросаясь въ штыки и наконецъ обѣ команды успѣли соединиться. Въ этихъ схваткахъ убитъ храбрый есаулъ *Семикольновъ*. После него приняла начальство: надъ пѣхотою фельдфебель *Бондаренко*, надъ казаками урядникъ *Петровъ*. Въ это самое время непріятельская партія, болѣе 100 человекъ, дѣйствовала противъ самаго укрѣпленія, чтобы не допускать помощи къ высланнымъ командамъ; но воинскій начальникъ упѣшно отражалъ ихъ пушечными выстрѣлами, смѣло выступилъ изъ укрѣпленія съ послѣднимъ резервомъ, при орудіи, и отъвѣтилъ ближайшаго къ укрѣпленію непріятеля.

Послѣ 2-хъ часового жестокаго боя, непріятель, разбитый на голову, бѣжалъ чрезъ лѣсъ за Лабу, понесъ значительную потерю. Лазутчики единогласно показываютъ, что у непріятеля убито и тяжело ранено однихъ извѣстныхъ лицъ болѣе 20-ти человекъ; въ числѣ тяжело раненыхъ самъ предводитель партіи и старшій по немъ, бѣглый нагайскій князь Тлатустанъ *Абуловъ*. Много убитыхъ лошадей съ сѣдлами и тѣло извѣстнаго казильбековскаго старшины *Шенеяка* остались въ рукахъ храбрыхъ. Съ нашей стороны, къ сожалѣнію, убитъ храбрый есаулъ *Семикольновъ* и 3 рядовыхъ; ранены: казакъ 1, нижнихъ чиновъ 6; контужено: казаковъ 9, рядовыхъ 15; лошадей убито и ранено 7.

Государь Императоръ, при полученіи о семъ донесенія начальника праваго фланга кавказской линіи, Высочайше соизволилъ прозвѣсть: фельдфебеля *Бондаренка* въ прапорщики, а урядника *Петрова* въ Хорунжіе, пожаловавъ имъ особое денежное награжденіе на обмундировку. вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величество Всемилостивѣйше соизволилъ назна-

чить 6-ть знаковъ военнаго ордена, для награды наиболѣе при этомъ случаѣ отличившихся, и по три рубля серебромъ на каждаго изъ нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ при этомъ подвигѣ.

12-го мая возвращались въ крѣпость Грозную 40 казаковъ донскаго № 30-го полка, сопровождавшихъ на кавказскую линію курьера. Партія Чеченцовъ, болѣе 400 человекъ, подъ предводительствомъ трехъ наибовъ, замѣтивъ эту малочисленную команду, отрѣзала ей путь къ Грозной и понеслась на Донцовъ, считая ихъ вѣрною своею добычею.

Командовавшій казаками Хорунжій *Погожевъ*, видя предъ собою непріятеля, въдесятеро сильнѣйшаго, спѣшилъ казаковъ и построилъ ихъ въ кружокъ. Чеченцы подскочили на пистолетный выстрѣлъ, съ обнаженными шашками. Донцы опрокинули ихъ выстрѣлами. Старшій изъ наибовъ *Ташикъ*, окруживъ казаковъ, открылъ сильный огонь и нѣсколько разъ бросался въ шашки, но не успѣлъ разстроить кружка. Донцы съ непоколебимою стойкостію и хладнокровіемъ, отстрѣливаясь безъ суеты, болѣе получаса держались противъ всей толпы непріятельской. Наконецъ Чеченцы, замѣтивъ, что войска подбѣгаютъ изъ кр. Грозной, сдѣлали послѣднее усиліе: всею массою хлынули на казаковъ. Чрезъ нѣсколько мгновеній, пороховой дымъ разсѣялся, и тогда только войска, изъ крѣпости подоспѣвшия, увидѣли горсть казаковъ, до того закрытыхъ густою толпою непріятеля. Чеченцы бѣжали и въ преслѣдованіи разсыпаны картечными выстрѣлами.

Донцы 39-го полка храбро выдержали бой съ непріателемъ, болѣе чѣмъ въдесятеро сильнѣйшимъ. Изъ 40 человекъ команды, 14 ранено, 3 контужено; лошадей 7 убито, 15 ранено. О потерѣ непріятеля свѣдѣній еще не получено.

Государь Императоръ, прочитавъ донесеніе генераль-лейтенанта *Фрейтага* объ этомъ блистательномъ подвигѣ, Высочайше повелѣть соизволилъ: Хорунжаго *Погожева*, прозвѣсть въ слѣдующій чинъ; казакамъ, наиболѣе отличившимся въ этомъ дѣлѣ, назначить шесть знаковъ военнаго ордена и всѣмъ выдать по пяти рублей серебромъ.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННОГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ СЪ 15 МАЯ ПО 15 ІЮНЯ СЕГО ГОДА.

Уставы о службѣ гражданской.

Государь Императоръ, признавая необходимымъ опредѣлить преимущество по службѣ тѣхъ Кавказскихъ и Закавказскихъ уроженцевъ, кои воспитываются, на счетъ казны, въ Университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи, для приготовленія исключительно на службу въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ, и кои обязаны прослужить тамъ не менее 6-ти лѣтъ, Высочайше соизволилъ повелѣть: 1-е, всѣхъ вообще воспитывающихся, на казенный счетъ, въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи, Кавказскихъ и Закавказскихъ уроженцевъ, по окончаніи ими курса наукъ, обращать въ распоряженіе Намѣстника Кавказскаго, предоставивъ ему опредѣлить ихъ тотчасъ по прибытіи, въ такія должности, кои будутъ соответствовать тѣмъ классамъ или ученымъ степенямъ, коими они будутъ удостоены при выпускѣ. Такимъ образомъ воспитанники, получившіе, при выпускѣ, девятый классъ или ученую степень, этому классу соответствующую, должны быть опредѣлены въ должности никакъ не ниже IX-го, десятый въ должности X-го класса и т. д. О должностяхъ, въ кои сѣи молодые люди, при первомъ поступленіи ихъ на службу, будутъ назначены, предоставитъ Намѣстнику сообщать г. Предсѣдателю Кавказскаго Комитета, для доклада Его Императорскому Величеству. 2-е, при отправленіи сѣихъ воспитанниковъ, выдавать каждому, изъ казны: во первыхъ — двойные прогоны соответственно полученнымъ ими при выпускѣ чину или классу ученой степени; а во вторыхъ — единовременно, въ пособіе, годовое жалованье, присвоенное тѣмъ должностямъ, кои также соответствующи

полученнымъ ими при выпускѣ чину или классу ученой степени. Такимъ образомъ, воспитанникамъ, удостоеннымъ девятаго класса, выдавать единовременно 600, десятаго класса 500, двѣнадцатаго класса 350, а четырнадцатаго 250 рублей серебромъ. 3-е, во все время служенія въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ, предоставить означеннымъ молодымъ людямъ пользоваться всеми вообще преимуществами, кои предоставлены служащимъ тамъ русскимъ чиновникамъ, а именно: тѣмъ, кои будутъ служить въ Закавказскомъ краѣ, изложенныя въ ст. 1289—1298 т. III-го св. уст. о служб. по опред. отъ Правит., и въ ст. 272—277 того же тома св. уст. о пенс.; а тѣмъ, кои будутъ служить въ Ставропольской губерніи, означенныя въ ст. 1246—1258 т. III св. уст. о служ. по опред. отъ прав. и въ ст. 250 и 251 того же тома св. уст. о пенс., изд. 1842 года и прод. онаго; и 4-е, поручить ихъ особому вниманію Намѣстника Кавказскаго, предоставивъ ему, въ теченіи 6 лѣтъ, назначенныхъ для ихъ службы на Кавказъ или Закавказь, по окончаніи каждаго года доносить Его Императорскому Величеству, или сообщать г. Предсѣдателю Кавказскаго Комитета для доклада Его Величеству, о томъ, какъ сѣи молодые люди служатъ и ведутъ себя, а также о томъ, какія должности они занимаютъ.

Государь Императоръ, согласно положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: правила, постановленныя въ ст. 1239—1244, тома III св. уст. о сл. по опред. отъ прав., изд. 1842 года и продолж. онаго, о выдачѣ изъ казны двойныхъ прогоновъ и не въ зачетъ годоваго жалованья всѣмъ чиновникамъ, отправляющимся на службу въ Ставропольскую губернію, распространить вполнѣ на всѣхъ вообще лицъ, опредѣляемыхъ на службу въ Ставропольской губерніи по духовно-учебному ведомству.

Государственный советъ, рассмотрѣвъ представленіе министра юстиціи о новыхъ штатахъ совѣстныхъ судовъ, *мильгемъ*, Высочайше утвержденнымъ 3 мая 1848 года, *положилъ*: 1.) Составленные въ министерствѣ юстиціи штаты

совѣстныхъ судовъ поднести на Высочайшее благоусмотрѣніе. 2.) Штаты сіи привести въ исполненіе въ отношеніи канцелярій совѣстныхъ судовъ, со времени изданія оныхъ, а въ отношеніи совѣстныхъ судей и засѣдателей, при новыхъ въ каждой губерніи выборахъ въ сіи должности; до того же времени оставить ихъ при получаемомъ чинѣ содержанія. 3.) Дѣйствіе означенныхъ штатовъ ограничить, со дня изданія оныхъ, трехгодичнымъ срокомъ, предоставивъ министру юстиціи, по минованіи сего срока, войти съ представленіемъ или объ окончательномъ утвержденіи тѣхъ штатовъ, или объ измѣненіи оныхъ по обстоятельствамъ, какія опытомъ указаны будутъ. 4.) Въ число требующейся въ текущемъ 1848 году прибавочной по упомянутымъ штатамъ суммы 55,139 р. 48 к., 10 т. отнести на счетъ экономическихъ суммъ Московскаго, а 20 т. р., на счетъ тѣхъ же суммъ С. Петербургскаго сенатскихъ казначействъ, а остальные за тѣмъ 25,139 р. 48 к. обратить на сумму, опредѣленную по государственной росписи нынѣшняго года на чрезвычайныя издержки. Съ 1-го же января 1849 года всю потребную на содержаніе совѣстныхъ судовъ сумму отнискать изъ государственнаго казначейства. 5.) Положенные въ штатахъ секретарямъ совѣстныхъ судовъ квартирныя деньги производить не иначе, какъ по особому назначенію министра юстиціи, тѣмъ только изъ сихъ секретарей, которые отличныи къ службѣ усердіемъ обратятъ на себя вниманіе начальства. 6.) Силу статей 487 и 488 учрежд. орден. (св. зак. тома I-го), относительно награжденія орденами служащихъ по выборамъ дворянства, распространить и на тѣхъ совѣстныхъ судей, которые въ должностъ сію будутъ избраны дворянствомъ по изданіи настоящихъ штатовъ, съ тѣмъ, чтобы они были представляемы къ ордену Св. Владиміра, ежели прослужа два шестилѣтія, будутъ выбраны на третье; и къ ордену Св. Анны 2-й степени, если, по полученіи ордена Св. Владиміра, прослужили еще одно шестилѣтіе. Само собою разумѣется, что постановленіе сіе не относится

къ совѣстнымъ судьямъ, опредѣляемымъ отъ правительства.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ 4 и 18 мая, Высочайше повелѣть соизволилъ: по несуществованію въ Севастополѣ званія уѣзднаго предводителя дворянства, извѣщенныя въ 9 и 10 пунктахъ прил. къ ст. 600 св. зак. том. III устава о служ. по опредѣленію отъ правительства (по 5-му продолженію) обязанности уѣзднаго предводителя дворянства, относительно присутствованія въ Севастопольскомъ уѣздномъ училищѣ при испытаніи лицъ, удостоиваемыхъ къ производству въ первый классный чинъ или почетное гражданство, возложить на тамошняго полиціймейстера.

Уставы о повинностяхъ.

Военный совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе инспекторскаго департамента и основываясь на удостовѣреніи военно-медицинскаго ученаго комитета, о дѣйствительной пользѣ изслѣдованія груди, посредствомъ стетоскопа, у людей, принимаемыхъ въ рекруты, а равно имѣя въ виду, что 4-ю статьею наставленія, приложеннаго къ 268 ст. рекр. устава вмѣнено врачу въ обязанность, при опредѣленіи всякой внутренней болѣзни, руководствоваться не однимъ какимъ либо признакомъ, но совокупностію всѣхъ, или большей части признаковъ, которые бы онъ могъ указать незнающему медицины, — положилъ: при приѣмѣ въ рекрутскихъ присутствіяхъ людей въ рекруты, употреблять для изслѣдованія груди стетоскопъ, наблюдая при семъ и упомянутое правило объ указаніи прочимъ членамъ присутствія видимыхъ признаковъ болѣзни, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ несовершенна явныхъ и положительныхъ признаковъ болѣзни рекрута, отправлять его немедленно въ военный госпиталь. Государь Императоръ, таково положеніе военнаго совѣта, въ 4 день мая сего года, Высочайше соизволилъ утвердить.

УСТАВЫ КАЗЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Государь Императоръ, по представленію г. Намѣстника Кавказскаго и по положенію кавказскаго комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: въ отъѣзду и дополненіе тѣхъ статей свода устава таможеннаго и уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, гдѣ опредѣлены штрафы и взысканія за нарушеніе правилъ транзита европейскихъ товаровъ чрезъ Закавказскій край, постановить слѣдующее: 1., Товарные транспорты, коимъ надлежало слѣдовать по товарной дорогѣ подъ присмотромъ таможеннаго служителя, если открыты будутъ по боковымъ дорогамъ или на правленіямъ, должно останавливать и изслѣдовать тому причины, исключая тѣ случаи, когда на основаніи 2323 ст. VI т. св. уст. тамож. (изд. 1842 г.), они своротили на сторону по разлитію водъ, поврежденію мостовъ, или совершенному разстройству дороги, слѣдуя однако по направленію къ таможнѣ. 2., Если таковой транспортъ оставить товарную дорогу въ сопровожденіи таможеннаго служителя и если притомъ всѣ товарныя мѣста найдены будутъ въ сходствѣ съ имвующимся при транспортѣ таможеннымъ ярлыкомъ и безъ поврежденныхъ таможенныхъ пломбъ или обвязокъ, то никакого взысканія не налагать. Если же противу ярлыка окажутся несходства или невѣрности, то во взысканіи за опья поступать по § 15 Высочайше утвержденныхъ 14-го декабря 1846 года правилъ Закавказскаго транзита. 3., Но если по причинѣ болѣзни, или по другому случаю, таможенный служитель не могъ продолжать пути съ товарнымъ транспортомъ, и таковой транспортъ открытъ будетъ не на установленной товарной дорогѣ, безъ сопровожденія таможеннаго служителя, и притомъ не доказана будетъ необходимая надобность, по которой транспортъ своротилъ съ товарной дороги, то за сіе налагается денежное взысканіе: по пяти рублей серебромъ за каждый пудъ брутто всѣхъ отпавленныхъ съ транспортомъ товарныхъ мѣстъ, сверхъ того взысканія, какое можетъ причитаться въ случаѣ недостатка товаровъ противу таможен-

наго ярлыка или поврежденія таможенныхъ пломбъ и обвязокъ. Правило, содержащееся въ ст. 937 улож. о наказ. и въ ст. 2322 т. VI св. уст. тамож. изд. 1842 г. (по продолж. VI.), объ отрѣшеніи отъ должности сопровождавшаго транспортъ таможеннаго служителя, который дозволить ему переменить дорогу безъ законной причины, остается въ своей силѣ.

Высочайше утвержденнымъ 26 апрѣля сего года мнѣніемъ государственнаго совѣта опредѣлено въ поясненіе и измѣненіе ст. 1511 и 1514 устава лѣснаго свода законовъ тома VIII, постановить слѣдующія о денежныхъ взысканіяхъ за самовольныя порубки маломѣрнаго дубоваго лѣса правила: 1.) Въ корабельныхъ рощахъ, а также и въ тѣхъ казенныхъ и крестьянскихъ дачахъ, которыхъ почва, по надлежашемъ освидѣтельствованіи чиновниками морскаго вѣдомства, признана будетъ способною для произрастенія благонадежныхъ къ кораблестроенію дубовыхъ деревьевъ, взысканія за самовольныя порубки дубоваго лѣса всякаго возраста, производить на основаніи ст. 976 и 978 улож. о наказ. и ст. 1514 уст. лѣсп. свода закон. тома VIII и прод. VI того же тома, и 2.) Въ казенныхъ и крестьянскихъ дачахъ, съ несвойственною или малосвойственною дубу почвою, за самовольную порубку тонкомѣрныхъ дубовыхъ деревьевъ, не болѣе двухъ сажень длины и одного верхка толщины въ верхнемъ отрубѣ, отъ самосѣва ли они, или отъ пней произрастаютъ, взыскивать, какъ за дрова, посаженные деньги, ежегодными таксами опредѣляемыми; а за дубовыя деревья, превышающія означенный размѣръ, но менѣе трехъ сажень длины и четырехъ верхковъ толщины, взыскивать попенныя деньги, какъ положено ежегодными таксами за трехсаженныя деревья четырехъ-верхковой толщины; за порубку же болѣемерныхъ и мачтовыхъ дубовыхъ деревьевъ, производить взысканіе, согласно 978 ст. улож. о наказ., по цѣнѣ, установленной особю таксою на дубовыя деревья.

Законы гражданские.

Государь Императоръ, по представлению намѣстника кавказскаго и по положенію кавказскаго комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: правило, постановленное въ ст. 264 тома X Св. зак. гражд. изд. 1842 г. (по VI продолж.) о томъ, чтобы дѣла о продажахъ имѣній малолѣтныхъ, изъ гражданскихъ палатъ восходили въ правительствующій сенатъ чрезъ начальниковъ губерній, — не распространять на закавказскій край, по дѣла сего рода въ этомъ край, представлять правительствующему сенату чрезъ губерискіа правленія, кроме Дербентской губерній, гдѣ за неимѣніемъ губерискаго правленія, эти дѣла должны быть представляемы чрезъ военнаго губернатора.

Г. министръ финансовъ представилъ на разрѣшеніе правительствующаго сената вопросъ о томъ не слѣдуетъ ли съ прошеній встрѣчныхъ, заключающихъ въ себѣ по словамъ 2274 ст. X. т. св. зак. гражд. (изд. 1842 г.) обратный искъ на истца, взыскивать пошлины по 1 р. 80 к. сер., опредѣленныя 411 ст. св. зак. т. V уст. пош. съ прошеній исковыхъ? Сообразивъ вопросъ этотъ, правительствующій сенатъ находитъ, что закономъ (Св. зак. гражд. изд. 1842 года ст. 2269—2275) опредѣлены разные роды прошеній, въ числѣ коихъ заключаются исковыя, мировыя и встрѣчныя; но уставомъ о пошлинахъ (ст. 410:) взиманіе пошлинъ положительно опредѣлено только съ прошеній исковыхъ и мировыхъ; при чемъ постановлено (ст. 412:) что подъ именемъ исковыхъ прошеній, подлежащихъ установленной 411 статьею пошлинъ, разумѣть тѣ только, коими отыскиваются вознагражденія за причиненныя обиды, за держаніе бѣглыхъ, также за владѣнныя и пожилыя деньги, проценты съ заемныхъ денегъ и тому подобныя; съ прошеній же о возвратѣ собственности, о справкѣ имѣнія или о какой либо защитѣ, равно съ тѣхъ, коими кто отыскиваетъ принадлежащаго ему по исправленію должности, какъ-то: заслуженнаго жалованья, чина, увольненія отъ службы, или другаго

чего, не требующаго суда, никакой пошлины не взимать. По буквальному смыслу сего закона, правительствующій сенатъ находитъ, что какъ исковыми прошеніями считаются тѣ, коими истцы ищутъ исковъ; (св. зак. гражд. ст. 2271:) а встрѣчное прошеніе есть *ответъ* или *защита* ответчика противъ исковаго прошенія, при приемѣ коего пошлины уже взяты; то съ таковыхъ встрѣчныхъ прошеній, по закону существующему, пошлинъ, установленныхъ съ истцовъ начинающихъ дѣло или искъ, взыскивать не слѣдуетъ. При чемъ само собою разумѣется, что если по окончаніи дѣла, ответчикъ начнетъ искъ на прежняго истца за причиненныя начатымъ искою обиды или убытки и по другимъ предметамъ на основаніи ст. 412 св. зак. гражд., то таковыя прошенія, теряя свойство встрѣчнаго и заключаая новый уже искъ, должны подлежать платежу пошлинъ.

Законы уголовные.

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ докладъ правительствующаго сената, по вопросу, какъ поступать съ лицами женскаго пола, исключенными изъ духовнаго званія за дурное поведеніе, *лильнѣмъ*, Высочайше утвержденнымъ 26 апрѣля сего года, *положилъ*: 1.) Въ дополненіе подлежащихъ статей св. зак. постановить, что съ исключенными изъ духовнаго званія и неподлежащими суду гражданскому вдовами священнослужителей поступается, въ отношеніи записки ихъ, буде онѣ по происхожденію своему не принадлежатъ къ дворянскому сословію, въ одно изъ податныхъ состояній, по тѣмъ же правиламъ, какія постановлены для передаваемыхъ въ распоряженіе губерискіхъ правленій священнослужителей (св. зак. т. XIV уст. о предуп. ипресч. преступ. ст. 215:). Но вдовы сіи и при перечисленіи ихъ въ податное сословіе остаются не подлежащими наказаніямъ тѣлеснымъ, если только не вступятъ въ бракъ съ лицомъ, по состоянію своему, не изъятымъ отъ сихъ наказаній (Улож. о наказ. прилож. I ст. 3 пункт. 2:)

2.) На семъ основаніи разрѣшить и частный случай, изъ коего возникъ настоящій вопросъ.

Правительственныя распоряженія.

6-го минувшаго мая Государю Императору благоугодно было удостоить Полтавское дворянство слѣдующею Высочайшею грамотою во Всемилостивѣйшемъ вниманіи къ пожертвованію симъ дворянствомъ тысячи-пяти-сотъ воловъ на мясныя для войскъ порціи.

ВОЖЕЮ МИЛОСТНО

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему любезновѣрному дворянству Полтавской губерніи.

Мы всегда были увѣрены въ ревностныхъ чувствахъ любви и преданности къ Престолу и Отечеству, которыми во всѣхъ случаяхъ отличалось Наше любезновѣрное дворянство Полтавской губерніи.

Нынѣ, съ особеннымъ удовольствіемъ Мы видимъ новое тому доказательство изъ постановленія собранія предводителей Полтавской губерніи, которые, свидѣтельствуя о единоплеменномъ стремленіи всѣхъ дворянъ содѣйствовать видамъ и желаніямъ, изложеннымъ въ Манифестѣ Нашемъ отъ 14-го минувшаго марта, представляютъ о сдѣланномъ дворянствомъ сей губерніи пожертвованіи тысячи-пяти-сотъ воловъ на мясныя для войскъ порціи.

Разрѣшивъ употребить это пожертвованіе по назначенію, Намъ пріятно изъявить за сіе любезновѣрному дворянству

Полтавской губерніи искреннюю Нашу признательность, и удостоверить его въ неизмѣнномъ Нашемъ благоволеніи.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ.»

С. — Петербургъ, мая 6-го дня 1848 г.

Государь Императоръ, Высочайше повелѣвъ обложить пошліною привозимыя изъ заграницы иностранныя книги, въ 5 день минувшаго мая Высочайше утвердить соизволивъ слѣдующія постановленія: 1.) Со всѣхъ книгъ при ввозѣ изъ за-границы въ Имперію, взимается тажеюжнями пошліна *по пяти копѣекъ серебромъ* съ каждаго отдѣльнаго тома, какого бы объема и формата онъ ни былъ, принимая за томъ и каждую отдѣльно брошюрованную тетрадь тѣхъ изданій, которыя издаются выпусками (livraisons). Съ книгъ, получаемыхъ въ листахъ неброшюрованными, съ періодическихъ изданій, газетъ и журналовъ пошліна взимается съ вѣса *по пяти копѣекъ серебромъ* съ фунта. Съ романовъ и повѣстей взимается потомъ дополнительная пошліна еще *по пяти копѣекъ серебромъ*. 2.) Отъ пошліны освобождаются: а.) книги, присылаемыя пребывающимъ въ Россіи иностраннымъ дипломатическимъ особамъ; б.) книги, выписываемыя Императорскими университетами, академіями и другими учеными и учебными вѣдомствами, имѣющими право получать книги безъ цензуры; в.) книги, газеты и журналы, присылаемые по почтѣ; г.) книги, привозимыя пассажирами и путешественниками съ собою и книги, въ Россіи изданныя, которыя, бывъ вывезены изъ Имперіи, обратно привозятся; д.) книги, напечатанныя въ Царствѣ Польскомъ; е.) книги на Еврейскомъ языкѣ, для которыхъ существуетъ особое положеніе. 3.) При высылкѣ запрещенныхъ иностранныхъ книгъ обратно за границу, на основаніи ценсурныхъ постановленій, взысканная съ нихъ при ввозѣ пошліна возвращается владѣльцамъ. 4.) Книги, неочищенные пошліною въ теченіи 12-ти мѣсяцевъ, на основаніи ст. 796

т. VI св. зак. уст. тамож. (изд. 1842 г.) обращаются въ собственность казны. Изъ нихъ книги позволенныя продаются съ публичнаго торга, а прочія препровождаются въ комитетъ цензуры иностранной, для храненія въ библіотекъ его. Примѣчаніе. Существующая пошлина съ переплетовъ остается по прежнему.

Г. Министръ народнаго просвѣщенія, въ слѣдствіе переданной ему записки изъ журналовъ комитета Гг. министровъ 27 апрѣля и 11 мая сего года, сообщилъ г. министру юстиціи, что Государь Императоръ, по положенію юстиціи, Высочайше соизволилъ утвердить 7 мая, въ видъ опыта, на три года, проектъ новаго положенія для посѣтителей Императорской публичной библіотеки, въ замѣнъ III отдѣленія начертанія подробныхъ правилъ для управленія сею библіотекою, Высочайше утвержденнаго 23 февраля 1812 года.

ПОЛОЖЕНІЕ

Для посѣтителей Императорской публичной библіотеки.

1. Императорская публичная библіотека каждую недѣлю во вторникъ открывается для публики съ 11 часовъ утра до 2 по полудни, (исключая табельныя праздники и весь іюль мѣсяць). Въ сей день впускаются посѣтители единственно для обозрѣнія всѣхъ частей библіотеки. Посѣтители, желающіе обозрѣвать библіотеку, обращаются къ дежурному, который даетъ знать объ этомъ одному изъ библіотекарей, или ихъ помощниковъ, въ сопровожденіи коего они и проходятъ залы библіотеки.

2. Если посѣтитель, обозрѣвающій библіотеку, пожелаетъ при этомъ посмотреть какую-нибудь книгу; то сопровождающій его библіотекарь или помощникъ его удовлетворяетъ его желаніе.

3. Никто изъ посѣтителей не имѣетъ права самъ брать книги изъ шкафовъ.

4. Для чтенія печатныхъ книгъ и извлеченія изъ нихъ выписокъ, Императорская публичная библіотека открыта ежедневно, за исключеніемъ одного вакаціоннаго мѣсяца іюля, съ 10 часовъ утра до 9 часовъ вечера лѣтомъ, а зимою до захожденія солнца. Въ воскресные и табельные дни чтеніе и выписки могутъ продолжаться только тѣ лица, которымъ книги были уже выданы въ обыкновенные недѣльные дни.

5. Каждый, желающій заниматься въ библіотекѣ, предварительно долженъ получать отъ дежурнаго на свое имя билетъ, который имѣетъ силу на весь текущій годъ. По полученіи билета, онъ можетъ записать нужныя ему сочиненія въ особо заведенную для того книгу.

6. Посѣтитель, записавшій такимъ образомъ нужныя ему книги, получаетъ оныя отъ дежурнаго на другой день, если то не будетъ, воскресенье или табельный праздникъ; а въ противномъ случаѣ, получаетъ уже въ понедельникъ или слѣдующій день. Для выписокъ, онъ найдетъ готовыя чернила, но перья и бумагу долженъ приносить съ собою. Въ столахъ, приготовленныхъ для занимающихся, устроены ящики, въ которые они могутъ свои бумаги, (а не книги, библіотекѣ принадлежащія) запирать и ключъ уносить съ собою. Посѣтителю разомъ болѣе двухъ сочиненій не выдается; исключеніе изъ сего правила можетъ быть допущено только съ разрѣшенія директора по особеннымъ уваженіямъ. Книги считаются за требовавшія ихъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ имѣть въ нихъ болѣе надобности. Но если посѣтитель въ теченіи двухъ недѣль ни приходилъ заниматься чтеніемъ выданныхъ ему книгъ, то онъ возвращается по принадлежности на свои мѣста. И для того посѣтитель, каждый разъ послѣ чтенія, при возвращеніи читаемыхъ имъ книгъ дежурному, долженъ вкладывать въ оныя особо изготовленныя закладки, съ числомъ того дня, чтобы такимъ образомъ видно было, какъ долго книги оставались безъ употребленія. Книги, возвращаемыя дежурному безъ такихъ закладокъ, будутъ считаться уже ненужными читателю,

которому онъ выданы были. Романы, повѣсти и отдѣльныя драматическія піесы, безъ разрѣшенія директора, не выдаются. Сочиненія, выходящія выпусками и спеціально-ученые журналы за текущій годъ выдаются тогда только, когда уже переплетены, прочіе же журналы и политическія газеты, не иначе какъ по истеченіи года.

7. Кто изъ желающихъ заниматься чтеніемъ въ библіотекѣ не можетъ самъ придти для записки нужныхъ книгъ, тотъ можетъ прислать на имя дежурнаго записку слѣдующаго содержанія: г-ну дежурному при Императорской публичной библіотекѣ.—Такой-то (означать чинъ или званіе, имя и фамилію) желаетъ завтра быть въ библіотекѣ; ему нужно имѣть такія-то книги (число, мѣсяцъ и годъ). По сей запискѣ, требуемыя книги будутъ отобраны, и онъ, являсь въ библіотеку, можетъ ими заниматься по произволу.

8. Для занятія чтеніемъ и выписками назначены въ библіотекѣ особенныя двѣ комнаты, одна для чтенія обыкновенныхъ печатныхъ книгъ, а другая для чтенія книгъ первопечатныхъ и вообще всѣхъ, составляющихъ библиографическую рѣдкость. Кромѣ этихъ двухъ комнатъ, посѣтителю нигдѣ не имѣютъ права заниматься. Выписки изъ книгъ, составляющихъ библиографическую рѣдкость, дѣлать дозволяется читателямъ только обыкновеннымъ или чернымъ карандашомъ, отнюдь не чернилами. Занимающимся чтеніемъ въ библіотекѣ дозволяется имѣть въ собственныя, съ собою принесенныя книги, по предъявленіи однако ихъ дежурному, который даетъ знать о томъ сторожу, при входѣ каждаго изъ читателей съ собственною одною или многими книгами.

9. Никто изъ читателей не имѣетъ права входить въ другія залы, кромѣ тѣхъ комнатъ, которыя назначены для чтенія.

10. Если многіе посѣтителю въ одно время будутъ требовать книги, которой одинъ только экземпляръ находится въ библіотекѣ, то оную получаетъ напередъ тотъ, кто имѣетъ въ ней нужду по своему знанію. Такимъ образомъ, въ случаѣ требованія богословскихъ сочиненій, духовныя особы

предпочитаются свѣтскимъ, книгами, до военного искусства относящимися, военные чиновники пользуются прежде гражданскихъ; но когда одна книга будетъ требуема въ одинъ день многими лицами одного званія, тогда библіотекаръ выдаетъ эту книгу тому изъ нихъ, кто первый требовалъ.

11. Посѣтителю обязаны пользоваться книгами со всевозможною бережливостію. Они не должны загигать листовъ, писать на поляхъ, даже и карандашомъ, марать или портить переплетъ, а тѣмъ болѣе драть и выдирать листы.

12. По прошествіи часовъ, назначенныхъ для чтенія и другихъ ученыхъ занятій, время закрытія библіотеки будетъ возвѣщаемо звономъ колокольчика, послѣ чего, кромѣ дежурнаго, никто не имѣетъ права оставаться въ библіотекѣ; тогда каждый посѣтитель долженъ отдать взятую имъ книгу дежурному, который ставитъ оную въ особый, для сего назначенный шкафъ.

13. Никто изъ посѣтелей не имѣетъ права брать съ собою на домъ книги изъ Императорской публичной библіотеки.

14. Посѣтитель, замѣченный въ нарушеніи вышеозначенныхъ правилъ, никогда уже не будетъ впускаемъ въ Императорскую публичную библіотеку.

15. Въ дено манускриптовъ или хранилище рукописей никто, для чтенія оныхъ иначе входа имѣть не можетъ, какъ съ дозволенія директора библіотеки, къ которому всякій желающій и обращается письменно съ просьбою о дозволеніи. Для занятій рукописями и для выписокъ изъ нихъ Императорская публичная библіотека открыта ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ и табельныхъ дней и іюля мѣсяца съ 10 часовъ утра до 2-хъ по-полудни. Читатели рукописей занимаются въ одной комнатѣ съ читателями рѣдкихъ и дорогихъ книгъ. При выпискахъ изъ рукописей и снимкахъ съ оныхъ (*fac simile*) и съ рисунковъ въ рукописяхъ находящихся, употребленіе чернилъ строго воспрещается, а дозволяется только употребленіе обыкновеннаго или чорнаго карандаша. Однако-же употребленіе красокъ можетъ быть допущено для копировки рисунковъ, но не иначе какъ по

особенному разрѣшенію директора и подъ непрестаннымъ наблюденіемъ дежурнаго. Никто, безъ разрѣшенія директора, не имѣеть права списать и издать въ свѣтъ, какъ или въ какую-либо рукопись, такъ равно части ея, составляющія самостоятельное цѣлое.

16. Посѣтители, получившіе дозволеніе заниматься рукописями, должны обходиться съ ними, при чтеніи или разсматриваніи, крайне осторожно и бережно, а именно: листовъ не загибать и скоро или сильно ихъ не переворачивать, потому что ветхіе изъ нихъ могутъ быть отъ того повреждены; руками по писанному, по рисованному и по позолотѣ не водить и не тереть, на открытую рукописную книгу другой такой-же и вообще ничего не класть, чтобы тѣмъ не повредить письма или рисунковъ въ открытой рукописи. Преступившій сіи правила лишается права заниматься рукописями навсегда. Лица, занимающіяся рукописями, по окончаніи назначеннаго времени для занятій, передаютъ ихъ бібліотекарю, завѣдывающему отдѣленіемъ рукописей. Для занятій печатными географическими картами какъ отдѣльно, такъ и при чтеніи книгъ, также для разсматриванія эстамповъ, назначается то-же время и та-же комната, какъ и для занятія рѣдкими печатными книгами и рукописями. Снимка съ географическихъ картъ дозволяется дѣлать только рисовальнымъ или чернымъ карандашомъ на прозрачную бумагу, непропитанную масломъ или другими жирными жидкостями: накладывать-же циркуль на карты запрещается. Копировать гравюры или эстампы посредствомъ наложенія на нихъ прозрачной бумаги (т. е. посредствомъ калькированія) воспрещается, равно какъ и употреблять при томъ чернила и краски. Ненаклеенныя гравюры или эстампы не выдаются.

17. По отъѣмной теплотѣ всѣхъ комнатъ въ бібліотекѣ, даже въ самое холодное зимнее время, посѣтителы во внутренность оной въ шинеляхъ, плащахъ, салопахъ, шубахъ и бекешахъ впускаемы не будутъ, а могутъ означенною платьемъ оставлять въ сѣняхъ у сторожа, въ холодныхъ-же сюрту-

кахъ входить дозволяется. Непристойно одѣтые совсѣмъ не могутъ имѣть входа въ бібліотеку.

18. Слуги въ либрехъ во внутренность бібліотеки впускаемы не будутъ; прѣхавшіе съ посѣтителами должны оставаться внизу въ теплыхъ сѣняхъ.

19. Посѣтителы не должны входить въ залы со шпагами и палками, а могутъ, оставляя ихъ въ сѣняхъ у сторожа.

20. Дабы занимающіеся чтеніемъ или выписками не могли быть развлекаемы въ ихъ упражненіяхъ, строго запрещаются не только посѣтителамъ, но и служащимъ въ бібліотекѣ, громкіе разговоры всякаго рода, а тѣмъ болѣе шумъ и непристойности. Сверхъ того посѣтитель, въ подобныхъ поступкахъ замѣченный, никогда впредъ въ бібліотеку впускаемъ не будетъ, а чиновникъ бібліотеки, если доказано будетъ очевидными свидѣтелями, что самъ былъ причиною такого безпорядка, лишается своего мѣста.

21. Статьи сего начертанія, касающіяся правъ и обязанностей посѣтителей, должны быть напечатаны особо на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и для общаго свѣдѣнія прибиты въ залахъ бібліотеки, назначенныхъ для чтенія посѣтителей.

22. Всякое пожертвованіе, сдѣланное частными людьми въ пользу Императорской публичной бібліотеки, къ приращенію хранящихся въ ней сокровищъ, будетъ принято съ отличнымъ уваженіемъ Правительства; имя дарителя, если оно извѣстно, съ Высочайшаго дозволенія, припечатывается въ публичныхъ вѣдомостяхъ, и въ самой бібліотекѣ написано будетъ на столбахъ, внутренность сего зданія украшающихъ. Сверхъ того, по важности сдѣланнаго пожертвованія, даритель, въ возмездіе за усердіе его къ общей пользѣ, ожидать можетъ и другихъ знаковъ Монаршаго благоволенія.

По представленію г. министра финансовъ, журналомъ комитета гг. министровъ Высочайше утвержденнымъ 4 мая сего года повелѣно: истертую серебряную монету принимать и обмѣнивать, по нарицательной ея цѣнѣ, во всѣхъ

уѣздныхъ казначействахъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, со дня полученія о томъ на мѣстахъ предписанія.

Государь Императоръ, въ разрѣшеніе возникшихъ вопросовъ о томъ: какимъ порядкомъ производить дѣла о Закавказскихъ уроженцахъ, отыскивающихъ дворянство, по пожалованію предковъ ихъ въ это достоинство русскимъ правительствомъ, Высочайше соизволилъ повелѣть, согласно представленію г. Намѣстника Кавказскаго и положенію Кавказскаго комитета, дѣла подобнаго рода, согласно общепринятому порядку, вносить въ Герольдію Правительствующаго сената, чрезъ мѣстное дворянское депутатское собраніе, безъ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ въ совѣтъ главнаго управленія Закавказскаго края.

Государь Императоръ, по представленію г. Намѣстника Кавказскаго и по положенію Кавказскаго комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: примѣняясь къ ст. 16, прил. къ ст. 648, том. II св. учр. губ., изданія 1842 года (продол. VI), дозволить кутаисскому военному губернатору, съ утвержденія Намѣстника Кавказскаго, определять къ себѣ двухъ чиновниковъ особыхъ порученій, сверхъ состоящихъ при немъ штатныхъ, съ присвоеніемъ имъ всѣхъ правъ службы, одному старшаго, а другому младшаго чиновниковъ особыхъ порученій, но безъ жалованья.

Государь Императоръ, согласно ходатайству Его Императорскаго Высочества главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, 8 мая сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: выпущеннаго въ 1847 году изъ 1-го кадетскаго корпуса Хорунжимъ въ артиллерію войска донскаго Василія Кучерова назначить старшимъ Хорунжимъ, и впредь воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, назначаемыхъ въ донскую артиллерію, въ сравненіе съ сверстниками ихъ, выпускаемыми въ подпоручики арміи, выпускать старшими Хорунжими.

Государь Императоръ, по прочтеніи всеподданнѣйшаго донесенія Орловскаго военнаго губернатора о бывшемъ въ городѣ Орлѣ 26 минувшаго мая, пожарѣ, которымъ истре-

блено двѣ трети этого города и объ открытіи тамъ шайки зажигателей, Высочайше повелѣть соизволилъ судить сихъ послѣднихъ военнымъ судомъ, а тѣхъ, кои взяты на мѣстѣ преступленія, осудить въ 24 часа, возстановивъ для сихъ преступниковъ при утвержденіи о нихъ приговоровъ дѣйствіе постановленій о зажигателяхъ, въ 1842 году состоявшихся и потомъ въ 1844 году отмѣненныхъ. На будущее же время силу означенныхъ узаконеній 1842 года распространить исключительно на тѣ только случаи, когда будутъ открыты шайки зажигателей.

10 апрѣля сего года Высочайше утверждены уставъ и штатъ Императорскаго Александровскаго Лицея. *

Высочайше утверждены 10 мая сего года: 1., Уставъ и штатъ тифлисскаго мусульманскаго училища омарова ученія. Государь Императоръ, при утвержденіи сего устава, согласно положенію Кавказскаго комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть означенный уставъ привести въ дѣйствіе, сначала въ видѣ опыта, на два года. 2., Составленные и разсмотрѣнные, по особому повелѣнію Его Императорскаго Величества, въ Кавказскомъ комитетѣ, уставъ и штатъ учрежденнаго фамиліею Лазаревыхъ въ Москвѣ, лазаревскаго института восточныхъ языковъ. **

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ КЪ ДОЛЖНОСТЯМЪ.

Мая 10. Изъ отставныхъ: кол. сов. *Очкинъ* чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія. Назначены: Управляющимъ московскою палатою государя имущ., управляющій тульскою палатою стат. сов. *Ренкевичъ*. Испр. должность управляющаго тульскою палатою, совѣтникъ московской палаты надв. сов. *Вишневскій*. Состоящимъ въ должности иркутскаго гражд. губернатора, служащій въ вѣдомствѣ почтоваго деп. кол. сов. *Зоринъ*, съ

* Означенный уставъ и штатъ напечатанъ при № 45 С. Петербургскихъ сенатскихъ вѣдомостей.

** Означенные уставы и штаты напечатаны въ № 80 С. Петербургскихъ сенатскихъ вѣдомостей.

произв. въ статскіе совѣтники. Мая 12. Тайные совѣтники: Директоры канцеляріи министра госуд. имущ. *Тукмачевъ* и 1-го того деп. министерства *Прокоповичъ-Антоискій*, присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ. Мая 16. Коллеж. совѣтники: Штабъ-докторъ 2-го пѣхотнаго корпуса, *Агафоновъ*, старшимъ помощникомъ генераль-штабъ-доктора дѣйствующей арміи. Ординаторъ варшавскаго военнаго госпиталя, *Россетъ*, старшимъ докторомъ главной квартиры той же арміи. Дивизионный докторъ 2-й пѣхотной дивизіи, *Озерскій*, штабъ-докторомъ 2-го пѣхотнаго корпуса. Директоромъ канцеляріи министерства госуд. имущ., вице-директоръ деп. сельскаго хозяйства дѣйст. стат. сов. *Холодовскій*. Директоромъ 1-го деп. госуд. имущ., председательствующій въ попечительномъ комитетѣ о поселенцахъ южнаго края Россіи дѣйст. стат. сов. *Ганъ*. Председательствующимъ въ комитетѣ о поселенцахъ южнаго края Россіи, управл. таврической палатою госуд. имущ. дѣств. стат. сов. баронъ *Розень*. Управляющимъ таврической палатою, вологодскій губернскій лѣсничій полковникъ *Брадке*. Мая 23. Управляющимъ контроною Императорскихъ московскихъ театровъ, инспекторъ репертуарной части кол. сов. *Верстовскій*. Мая 30. Оберъ-прокурору 1-го отдѣленія 5-го деп. правит. сената дѣйст. стат. совѣт. графу *Толстому*, повельно быть герольдмейстеромъ, а состоящему нынѣ въ сей должности дѣйст. стат. сов. *Замятину*, членомъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной. Юня 4. Главному попечителю калмыцкаго народа и управляющему астраханскою палатою госуд. имущ., состоящему по кавалеріи генераль-маіору *Олейничу-Гнепенко*, повельно быть херсонскимъ гражданскимъ губернаторомъ, съ оставленіемъ по кавалеріи.

Увольненіе отъ должности или отъ службы.

Мая 10. Отъ службы: Иркутскій гражданскій губернаторъ дѣйст. стат. сов. *Пятицкій*. По управленію государ. коннозаводства оставн. генераль-маіоръ *Бахметевъ*, за назначеніемъ его почетнымъ попечителемъ новгородской гимназіи. По бользни: Членъ комитета госуд. конноз. дѣйст.

стат. сов. *Жуковскій*, съ мундиромъ, послѣдней должности присвоеннымъ. Управляющій московскою палатою дѣйст. стат. сов. камергеръ *Левшинъ*. По прошеніямъ: Мая 11. Отъ должности: главнаго доктора обуховской градской больницы и директора состоящей при ней школы для образованія фельдшеровъ, дѣйст. стат. сов. *Майеръ*, съ оставленіемъ дѣйствительнымъ членомъ С. пет. совѣта детскихъ пріготовъ и директоромъ Введенскаго пріюта. Отъ службы: сост. при гусударственномъ канцлеръ чиновникомъ особыхъ порученій V класса и инспекторъ зданій и служительской команды мин. иностр. дѣль. дѣйст. стат. сов. *Орловъ*. Мая 15. Виленскій вице-губернаторъ кол. сов. *Паврозовъ*. Мая 18. Отъ должности: вице-директоръ 2-го деп. по части мюстраціи, камергеръ стат. сов. *Рожницкій*, съ назначеніемъ членомъ спеціальной комиссіи, учрежд. при деп. сельскаго хозяйства, по дѣламъ объ уравненіи денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ. Мая 19. Отъ службы, по прошенію: Бывшій воронежскимъ вице-губернаторомъ, нынѣ сост. при мин. внутр. дѣль, стат. совѣт. *Басовъ*. Мая 22. Отъ должности: Председателя иркутской палаты стат. сов. *Ларвиновскій*, съ причисленіемъ къ министерству финансовъ.

Дозволеніе именоваться графскимъ титуломъ.

По Высочайше утвержденному 21 апрѣля сего года мнѣнію государственнаго совѣта, послѣдовало Всемилостивѣйшее соизволеніе, полковнику Виктору де-Шамборанту, съ потомствомъ его въ прямой нисходящей линіи, именоваться въ Россіи графами французскаго королевства.

Пожалованіе въ званіе къ высочайшему двору.

Мая 16. Дѣвица Варвара *Бутурлина*, пожалована во фрейлины къ Е. И. В. Великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

НАГРАДЫ.

Произведены:

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

За отличіе, изъ статскихъ совѣтниковъ: Мая 15. Инспекторъ церковныхъ построекъ въ казенныхъ селеніяхъ западныхъ губерній *Половицовъ*, управляющіе палатами государ. имущ.: таврической баронъ *Розенъ* и вятскою *Игнатъевъ*. Мая 22. Завѣдывающій учебнымъ отдѣленіемъ восточныхъ языковъ *Демезовъ* и ордырарный профессоръ *Мирза Джафаръ-Топчибашевъ*. Мая 25. Тифлискій вице-губернаторъ *Беръ*.

Въ статскіе совѣтники.

Изъ кол. совѣтниковъ: За отличіе, мая 10. Управляющій починковскимъ округомъ госуд. конноз. *Книперъ*. Мая 15. По вѣдом. мин. госуд. имущ. инспекторъ 3-й люстраціонной инспекціи *Пиццалло*, управляющій подольскою палатою *Абаза* и помощникъ начальника комиссіи уравниенія денежныхъ сборовъ съ госуд. крестьянъ *Зальскій*. Мая 22. Шлиссельбургскій узднй предводитель дворянства полковникъ *Чоголковъ*. За выслугу лѣтъ: Апрѣля 20. Совѣта главнаго управл. путей сообщенія и публичныхъ зданій правитель дѣль *Ивановскій*. Мая 6. Испр. должн. директора закавказскихъ училищъ инспекторъ тифлиской гимназій *Росковшенко*. Мая 11. Собственной Е. И. В. Канцелярій V отд. производитель дѣль *Бураковъ*. Директоръ дома убогихъ въ С. Петербургѣ, по вѣд. Императорскаго человеколюбиваго общества, *Шулепниковъ*. Мая 12. Оберъ контролеры: деп. военныхъ отчетовъ *Посниковъ* и ревизионнаго комитета по черноморскому интендантству *Лобода*. Мая 25. Житомирскій губернскій почтмейстеръ *Шаржинскій*.

ПОЖАЛОВАНЫ КАВАЛЕРАМИ ОРДЕНОВЪ:

Св. равноапостольнаго князя владимира 1-й степени.

Мая 12. Верховный патріархъ эчмιάдинскій, каталикосъ всѣхъ Армянъ, *Нерсесъ*.

БЛАГО ОУЛА.

Мая 2. Начальникъ штаба войска Донскаго, генераль-лейтенантъ *Холутовъ*.

Св. Равноапостольнаго князя владимира 2-й степени.

Апрѣля 29. Генераль-квартирмейстеръ дѣйствующей арміи, генераль-лейтенантъ *Фрейтагъ* 1-й.

Св. Анны 1-й степени.

Мая 16. Генеральнаго штаба генераль-маіоръ, начальникъ военной съемки Могилевской губерніи, *Фитинговъ* 1-й. Мая 31. Вице-директоръ д-та госуд. казн. дѣйст. стат. сов. *Севериновъ*.

Св. Станислава 1-й степени.

Мая 1. Дѣйст. стат. сов. главный докторъ С. Петербургскаго воспитательнаго дома, *Депль*. Дѣйст. стат. сов., Вице-директоръ департ. сельскаго хозяйства, *Холодовскій*. Мая 4. Дѣйст. стат. совѣтн., директоръ канцелярій председателя комитета государственнаго коннозаводства *Калашиковъ*. Мая 7. Дѣйст. стат. сов. Почтъ-инспекторъ 1-го округа *Фонъ-Дрейлингъ*. Мая 8. Генераль-маіоръ, окружный генераль перваго военнаго округа войска донскаго, *Орловъ*. Мая 18. Дѣйст. стат. сов. *Брюнетъ*. Мая 22. Дѣйст. стат. сов., заседающій въ общемъ присутствіи артиллерійскаго деп. военнаго министерства *Захаринъ*.

Св. Равноапостольнаго князя владимира 3-й степени.

Апрѣля 5. Старшій чиновникъ III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцелярій, дѣйст. стат. совѣт. *Михаилъ Поповъ*. Апрѣля 6. Дѣлопроизводитель 1-й экспедиціи инспекторскаго департамента гражданскаго вѣдомства кол. совѣт. *Суворовъ*. Апрѣля 7. Командиръ 2-й бригады 1-й флотской дивизіи, контръ-адмиралъ *Колубакинъ*, генераль-маіоры, члены общихъ присутствій департаментовъ морскаго министерства: комиссаріатскаго *Бурнашевъ* и артиллерійскаго *Балашовъ*. Апрель

ля 8. Управляющий канцелярією С.—Петербургскаго военнаго генераль-губернатора, дѣйст. стат. совѣт. *Ждановъ*.
 Апрель 10. Начальникъ отдѣленія кабинета Его Императорскаго Величества стат. совѣт. *Антоновъ*. Апрель 11. Начальникъ флотиліи округовъ пахатныхъ солдатъ Новгородскаго и старорусскаго удѣловъ, состоящій по флоту генераль-маіоръ *Пзмайловъ*. Старшіе чиновники канцеляріи статсъ-секретаріата царства польскаго, дѣйствительные статскіе совѣтники: *Свидерскій-Костюковскій* и *Госцимскій*, и чиновникъ для особыхъ порученій при министрѣ статсъ-секретарь, кол. совѣт. *Политковскій*. Помощникъ директора института корпуса горныхъ инженеровъ полковникъ *Сивербрикъ*. Завѣдывающій малолѣтнимъ отдѣленіемъ 1-го московскаго кадетскаго корпуса полковникъ *Черкезь*.—Апрель 9. Старшій цензоръ С. Петербургскаго почтамта стат. сов. *Ульрихъ*. Апрель 11. Инженеръ генераль-маіоръ директоръ строительнаго училища главнаго управленія *Баронъ Притвицъ*. и Членъ совѣта сего же управленія *Эпсго*. Начальникъ 6 округа корпуса жандармовъ, *Черкезовъ*, Начальникъ 8 округа того же корпуса, *Влахуполовъ* и состоящій для особыхъ порученій при шефѣ жандармовъ, числящійся по кавалеріи *Ахвердовъ* и помощникъ командира С.—Петербургскаго инженернаго округа, полевой инженеръ полковникъ *Ласковскій*. Консультантъ хирургической клиники Императорской С.—петербургской медико-хирургической академіи, заслуженный профессоръ стат. совѣт. *Саломонъ*. Полковники состоящіе по арміи, Управляющій Кременчугскою провіантскою комиссією *Калустровъ*, состоящій по особымъ порученіямъ при генераль-провіантмейстерѣ завѣдывающій С.—петербургскими провіантскими магазинами *Паумовъ*, завѣдывающій Новгородскимъ военнымъ госпиталемъ, дежурный штабъ-офицеръ гренадерскаго корпуса, состоящій по артиллеріи, *Фоминъ*, и состоящій при департаментѣ военныхъ поселеній, корпуса инженеровъ военныхъ поселеній *Иваницкій*. Члены общихъ присутствій департаментовъ военнаго министерства: провіантскаго, статскій совѣтникъ двора Его Императорскаго Величества въ звѣ-

ннн камергера, *Свистуновъ* и Инженернаго, инженеръ полковникъ *Набаловъ*. Начальникъ архива инспекторскаго департамента военнаго министерства, статскій совѣтникъ *Румлицовъ*. Тамбовскій губернский предводитель дворянства, штабсъ-капитанъ князь *Гагаринъ*. Мая 4. Членъ комитета государственнаго коннозаводства въ должн. шталмейстера дѣйст. стат. сов. *Юшковъ*.—Мая 18. По вѣдомству оберъ-священника гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ преобразенскаго всей гвардіи собора протоіерей *Василій Сицилинскій*. Кіевософійскаго кафедральнаго собора протоіерей *Калистратъ Соколовскій*. Святотроицкія Александровскія лавры наместникъ, архимандритъ *Веніаминъ*. С. пет. казанскаго собора протоіерей Тимофей *Никольскій*. Московскаго большаго усненскаго собора протопресвитеръ *Василій Платоновъ*. Псковской духовной семинаріи Ректоръ, архимандритъ *Антоній*.

Св. князя Владиміра 4-й степени съ бантомъ.

Марта 31. Кавказскаго сапернаго баталіона подполковникъ *Этеръ*, Навагинскаго пѣхотнаго полка маіоръ *Артемьевъ* 2-й, 1-го Сунженскаго линейнаго полка Есаулъ *Прокоровъ* и сотникъ *Старицкій* 2-й.

Того же ордена и степени безъ банта.

Марта 29. Ординарный профессоръ физиологін и деканъ медицинскаго факультета при дерптскомъ университетѣ, стат. совѣт. *Биддербъ*. Апрель 11. Членъ С.—петербургскаго биржеваго комитета, коммерціи совѣтникъ *Николай Харичковъ*, съ тѣми по сему ордену правами какія принадлежать лицамъ купческаго званія. Апрель 11. Корпуса жандармовъ: полковникъ *Исуповъ*, Состоящій при 1-мъ отдѣленіи департамента генеральнаго штаба, генеральнаго штаба капитанъ *Баумгартенъ* 2-й. Главный тайша 27-ми родовъ Балаганскихъ буряты 14-го класса *Алексій Андреевъ*. Апрель 20. Ординарный профессоръ астрономіи при дерптскомъ университетѣ, коллежскій совѣтникъ *Медлеръ*.

Пожалованы медаллами.

Золотою, съ надписью «за усердіе,» для ношенія на шеѣ на Владимірской лентѣ: Юня 2. Агентъ попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ почетн. граждан. Василій *Чернышевъ*. Мая 21. Золотыми, для ношенія на шеѣ, на Аннинской лентѣ: Пятигорскій 1-й гильдіи купецъ *Крутицкий*. Шуминскій гражданинъ Амираджанъ *Испандіаровъ*. Юня 2. Казначей яузскаго отдѣленія попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ, 2-й гильдіи купецъ Иванъ *Ремизовъ*. Почетный старшина красноярскаго дѣтскаго приюта, 1-й гильдіи купеческій сынъ Иванъ *Рязановъ*. Исполняющій обязанность помощника архитектора при С. петербургскомъ со- вѣтѣ дѣтскихъ приютовъ, иностранецъ Луиджи *Борсари*.

=

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

—
Англія.

Въ предъидущемъ номерѣ Сына Отечества мы сказали уже о несогласіи, возникшемъ между англійскимъ и испанскимъ кабинетами, въ слѣдствіе вѣтшателства Англій въ дѣла Испаніи, и подавшемъ поводъ къ удаленію изъ Мадрита представителя британскаго правительства при мадритскомъ дворѣ, г. *Бульвера*, и затѣмъ къ удаленію испанскаго посланника, г. *Истуриса*, изъ Лондона. Переписка, происходившая по этому случаю между обоими правительствами, по настоятельному требованію нѣкоторыхъ членовъ парламента, была представлена нижней палатѣ. Послѣдовавшія по этому случаю разсужденія были особенно замѣчательны въ засѣданіи нижней палаты 5 іюня. Г. *Бенксъ*, чтобы нападеніямъ торіевъ на лорда *Пальмерстона* придать болѣе силы, предложилъ, что изъ представленной корреспонденціи палата съ сожалѣніемъ видитъ въ какое унизительное положеніе поставило вѣтшателство въ иностранныя дѣла и британское правительство и представителя его при мадритскомъ дворѣ и что теперь надобно опасаться прекращенія дружественныхъ отношеній между обоими дворами. Г. *Шиль* краснорѣчиво защищалъ министра иностранныхъ дѣлъ. Съ большимъ жаромъ указалъ онъ на справедливость, право, искусство и честь Англій въ этомъ дѣлѣ и что Англія, помогшая королевы Изабеллы вступить на испанскій престолъ, конечно, можетъ заботиться о томъ, исполняетъ ли правительство королевы тѣ условія, при которыхъ только королева можетъ удержаться на своемъ тронѣ. Онъ указалъ при этомъ

на подобную же политику прежняго англійскаго министра лорда *Абердина*. За тѣмъ многіе ораторы говорили въ пользу министра. Лордъ *Джонъ Россель* замѣтилъ при этомъ, что и испанское правительство вмѣшивалось недавно въ дѣла Неаполя. Онъ и все министерство приняли на себя ответственность за всѣ поступки сэра г. *Бульвера*. Г. *Д'Израели* жаловался, что Испанія не предложила еще до-сихъ-поръ ни какого удовлетворенія за оскорбленіе. Онъ хвалилъ поступки г. *Бульвера*, чтобы хоть этимъ дать просторъ своей неприязни къ лорду *Пальмерстону*, и унижить его политику. Сэръ *Робертъ Пилъ* явился на помощь министрамъ и говорилъ противъ предложенія г. *Бенкса*, не одобряя однакожъ тона сношеній, употребленнаго лордомъ *Пальмерстономъ*. Съ столь гордою націею, какова испанская, такой языкъ не возможенъ. Лордъ *Пальмерстонъ*, съ свойственною ему острою, защищалъ друга своего г. *Бульвера* отъ всѣхъ обвиненій и заключилъ тѣмъ, что ожидаетъ окончательныхъ съ обѣихъ сторонъ объясненій и надеется представить ихъ наладъ прежде, нежели будетъ составлено рѣшеніе. За тѣмъ предложеніе г. *Бенкса* было устранено безъ балотировки.

Въ томъ же засѣданіи, г. *Миоцъ* обратилъ вниманіе палаты на дѣла Италіи и спросилъ, действительно ли англійскій посланникъ въ Неаполь одобрялъ, какъ утверждаютъ, бывшее тамъ недавно кровопролитіе и вообще вмѣшивался ли Англія въ италіянскія дѣла въ пользу Австріи. Лордъ *Пальмерстонъ* отвѣчалъ, что эти слухи ложны; британское правительство хотя и участвовало въ вѣнскомъ договорѣ, установившемъ отношенія и предѣлы италіянскихъ государствъ, но оно не связано этимъ договоромъ такъ, чтобы должно было при настоящихъ обстоятельствахъ вмѣшиваться въ дѣла Италіи (одобреніе). Что касается до происшествій въ Неаполѣ, то министръ общалъ представить донесеніе посланника, изъ котораго видно, что Англія не принимала участія въ бывшихъ въ Неаполѣ происшествіяхъ. — За тѣмъ г. *Уркуартъ* спросилъ, одна ли Англія, или вмѣстѣ съ другими державами ведетъ посредничество въ датско-германской войнѣ? Лордъ *Пальмерстонъ* отвѣчалъ, что при

настоящихъ переговорахъ между Даніею и Пруссіею онъ ничего болѣе не можетъ сказать, какъ только то, что Англія приняла въ этомъ дѣлѣ посредничество одна. Касательно англійской политики въ отношеніи къ Даніи, мы находимъ болѣе подробныя и интересныя разсужденія въ газетѣ *Times*:

«Мы почли бы себя счастливыми, если бъ узнали, что надежда на примиреніе Даніи съ Германскимъ союзомъ, вскоре исполнится. Лордъ *Пальмерстонъ* не разъ доказывалъ свою энергію, но это было бы пятномъ на англійской дипломатіи, если бъ рѣшительный тонъ употребляли только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ наше право вмѣшательства подлежитъ сомнѣнію, въ отношеніи къ державамъ, слѣшкомъ слабымъ, чтобы намъ противиться, и если бъ онъ становился робкимъ, когда дѣло идетъ о явномъ нарушеніи трактатовъ, и мы не рѣшились бы оказать Даніи пособіе, къ которому обязываютъ насъ договоры. Мы не станемъ заранѣе судить о свойствѣ и обширности усилій, которыя сдѣластъ британское правительство; но, мы убѣждены, парламентъ и Англія надеются, что эти усилія будутъ вполне соответствовать ожиданію нашихъ сѣверныхъ союзниковъ, нашимъ выгодамъ и нашимъ обязательствамъ. Положеніе болѣе рѣшительное со стороны Англіи могло бы предупредить неприязненныя дѣйствія Пруссіи; но какъ война уже вспыхнула, то теперь надобно облегчить Германцамъ средства, отступить безъ вреда для чести. И теперь время приступить къ этому, если не хотять, чтобы война приняла болѣе серьезный характеръ, потому-что, очевидно, сѣверныя державы не позволятъ подавить Данію изъ уваженія къ крикамъ германской революціонерной партіи.

«Россійскій Императоръ повелѣлъ своимъ представителямъ въ чужихъ краяхъ объявить, что «занятіе Пруссакими Ютландіи онъ будетъ считать *causâ belli* (поводомъ къ войнѣ), и будетъ защищать датскаго короля всеми своими силами, сухопутными и морскими». Въ Швеціи и Норвегій нападеніе Пруссакъ на Данію также возбудило общее негодованіе, и король шведскій рѣшился помочь Даніи. Надѣмся, что

британское правительство не предоставило другим державам пещись о поддержании началъ, обеспечивающихъ безопасность нашей торговли въ Балтійскомъ морѣ и изложенныхъ въ договорахъ нашихъ съ Даніею. Для Англіи важнѣе, чѣмъ для всякой другой страны, упрочить Даніи ея независимость и сохраненіе всѣхъ ея провинцій, равно какъ и всѣхъ морскихъ правъ. Нельзя допустить, чтобы король датскій принужденъ былъ купить миръ уступками безпорядочному либерализму другой державы, и если бы подобныя уступки были вырваны у него насиліемъ, то безчестіе этого падетъ въ особенности на союзниковъ, которые измѣнили ему въ минуту опасности.

«Ничто не можетъ быть дальше отъ идей и выгодъ европейскихъ державъ, не подверженныхъ политическимъ потрясеніямъ, какъ вмѣшиваться въ правительственныя преобразования, которыя другія государства почтутъ нужнымъ предпринять; однакожъ очень естественно, что мы должны питать болѣе уваженія и болѣе довѣренности къ тѣмъ правительствамъ, которыя умѣли охранить свою власть, чѣмъ къ тѣмъ, которые пустились на опасное поприще, не имѣя другаго руководства, кромѣ надменной воли черни. Поэтому Россійскій Императоръ, въ послѣдніе три мѣсяца, еще болѣе пріобрѣлъ уваженіе охранительной партіи во всей Европѣ. Невозможно принять положеніе болѣе твердое, болѣе достойное, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе умѣренное и примирительное. Онъ не изъявлялъ ни малѣйшаго желанія раздражать или аттаковать эфемерныя правительства, порожденныя революціонною бурей. Онъ не выказалъ ни малѣйшаго желанія воспользоваться потрясеніемъ всей Европы, чтобы осуществить намѣренія, которыя всегда приписывали честолюбивой политикѣ Россіи. Въ сообщеніяхъ, сдѣланныхъ отъ Его имени, замѣтно, что Онъ не боится войны, но и не жаждетъ ея, и что мнѣнія Его объ обязанностяхъ, возлагаемыхъ трактатами, не измѣнились. Между тѣмъ какъ Франція, Германія, Италия, борются съ затрудненіями и переворотами, не худо припомнить, что континентальныя и морскія интересы

Англіи совершенно согласны съ интересами Сѣвера Европы. Дѣла еще не въ такомъ положеніи, чтобы налагали на нашихъ министровъ обязанность заключить отдѣльный континентальный союзъ, но если бѣ наступила минута, когда подобный союзъ сдѣлался бы необходимымъ для сохраненія мира или для защиты великихъ общественныхъ выгодъ, то надежнѣйшими нашими друзьями будутъ сѣверныя морскія державы. Политическое соглашеніе между Англіею, Россіею, Швеціею, Даніею, Голландіею и Бельгіею было бы лучшимъ обезпеченіемъ правъ и независимости этихъ государствъ. По стеченію обстоятельствъ, Данія первая изъ всѣхъ правильно устроенныхъ государствъ въ Европѣ, подверглась нападенію иностранной арміи, и мужество, выказываемое ею въ этой борьбѣ, вѣроятно, послужитъ къ тѣснѣйшему соединенію державъ, которыя имѣютъ одинаковое съ нею положеніе и одинаковыя выгоды.

Въ засѣданіи 20 іюня, г. Юмъ предложилъ планъ парламентской реформы: «Нижняя палата, по его словамъ, въ настоящемъ своемъ устройствѣ не есть надлежащее представительство народонаселенія, собственности и промышленности государства, что производитъ въ умахъ многихъ сильное и постоянно возрастающее неудовольствіе; въ слѣдствіе того, для улучшенія національнаго представительства, необходимо предоставить всѣмъ главамъ семействъ свободу выборовъ, посредствомъ тайной балатировки, ограничить эти избранія трехлѣтнимъ срокомъ, и установить болѣе правильное отношеніе числа депутатовъ къ числу народонаселенія». Это предложеніе, поддерживаемое гг. *Боуришомъ* и *Фоксомъ* и опровергаемое *Друммондомъ*, лордомъ *Джозомъ Росселмъ* и *М. д'Израели*, было отложено на неопредѣленное время.

— Хартисты еще не совсемъ унялись. Но мѣры, принятыя правительствомъ, ручаются за спокойствіе столицы. Такъ, напримѣръ, хартисты затѣяли-было большую демонстрацію 12 іюня; но еще 10 іюня правительство объявило во всему городу, что собранія хартистовъ и ирландскихъ репилеровъ запрещены. Въ воскресеніе усилили мѣры безопасности; многія публичныя зданія и домъ парламента были заняты

войсками, вывезены пушки и пароходы вооружены. Тысячи гражданъ опять записывались въ констебли. Противъ такихъ мѣръ хартисты ничего не могли предпринять. Центральный уголовный судъ приговорилъ большую часть лицъ, задержанныхъ при сходбищахъ хартистовъ, къ заключенію въ тюрьму отъ девяти мѣсяцевъ до года, и къ каторжной работѣ. Пятеро зачинщиковъ *Уилльямъ, Фузель, Джонсъ, Шерпъ и Вернонъ*, въ ожиданіи суда, отданы на поруки.

Ирландія.

Митчелъ, предводитель такъ называемой Юной Ирландіи, приговоренъ къ 14-ти лѣтней ссылке въ Ботани-Бей, въ Австраліи. Онъ былъ закованъ въ цѣпи и съ выбритой головою отправленъ въ Свэйнтъ-Эйландъ-Коркъ. Не смотря на требованіе клуба, народъ не сдѣлалъ никакой демонстраціи въ пользу осужденнаго. Свэйнтъ-Эйландъ есть тюрьма близъ Кова, въ которой содержатся преступники, приговоренные къ ссылке на семь лѣтъ. Они занимаются тамъ разбиваніемъ камней. Этотъ строгій судъ надъ *Митчелемъ* совершенно разстроилъ такъ называемую ирландскую конфедерацію, которая хотѣла дѣйствовать вооруженною силой. Репильный союзъ, основанный *Даниеломъ О'Коннелемъ*, находится въ плохомъ положеніи. Добровольныя пожертвованія, которыми онъ содержался, прекратились, и *Джонъ О'Коннелъ* лишился своего вліянія на общественное мнѣніе, почему въ послѣднемъ собраніи въ Conciliation-Hall онъ самъ предложилъ распустить это общество, чтобы впослѣдствіи преобразовать его на новыхъ основаніяхъ.

Франція.

Национальное собраніе, въ Парижѣ, продолжаетъ свои засѣданія безостановочно; по принятому порядку, члены собранія и сходятся и расходятся въ определенное время; по принятому же порядку, одни изъ членовъ представляютъ предложенія и проекты законовъ, а другіе размышляютъ и разсуждаютъ объ этихъ проектахъ. Всѣ хлопочутъ, суетятся;

всѣ стремятся къ чему-то. Но къ чему стремятся, и какія мѣры принимаютъ къ достиженію предположенной цѣли? Вотъ вопросъ, который рѣшается только фактами. Но прежде, чѣмъ обратимся къ этимъ фактамъ, приведемъ сужденія самихъ Французовъ о дѣйствіяхъ современнаго правительства.

Всѣ журналы горько жалуются на безпорядочность дѣйствій національнаго собранія, на шумъ, происходящій въ засѣданіяхъ, на огромную потерю времени, причиняемую длинными спорами о предметахъ, не заслуживающихъ ни малѣйшаго вниманія и страстію новыхъ депутатовъ выказываться, страстію, которая побуждаетъ ихъ безпрерывно дѣлать новыя предложенія, болѣею частію самыя пустыя. Такъ было въ первыхъ засѣданіяхъ, такъ еще и теперь. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ газета *la Presse*: «Засѣданія національнаго собранія обыкновенно начинаются неблагоприятнымъ дождемъ предложеній. Между всеми этими предложеніями, попадаются, конечно, и полезныя; но много и такихъ, которыя не соответствуютъ важности мѣста, гдѣ дѣлаются. Напримѣръ, одинъ почтенный членъ входитъ на каедрю, чтобы повѣрить палатѣ, Франціи, Европѣ, всему свѣту, что совѣсть его возмущается противъ рюмокъ ликера, стакановъ лимонада и чашекъ бульона, которыя онъ выпилъ на счетъ республики. Почему онъ и предлагаетъ, по видамъ государственной экономіи, уничтожить буфетъ, существующій въ собраніи или по-крайней-мѣрѣ заставить представителей платить за то, что они тамъ съѣдаютъ или выпиваютъ. Неужели же этотъ желудочный пуританизмъ не могъ высказаться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не на каедрѣ? И надобно было посмотреть, съ какимъ чувствомъ, съ какимъ глубоко-разстроганнымъ видомъ, почтенный ораторъ убѣждалъ своихъ почтенныхъ товарищей принести эту послѣднюю жертву на алтарь отечества! Впрочемъ, собраніе рѣшительно расположено въ пользу буфета, дароваго буфета, и это монархическое злоупотребленіе долго еще будетъ сопротивляться республиканскимъ преобразованіямъ. Другой членъ требовалъ, чтобы исполнительная коммиссія

представила подробный отчет и съ приложеніемъ документовъ, о расходахъ и приходахъ во сто-двадцать-семь дней владычества временнаго правительства. Но, видно, правительство на это ухо, глухо: этихъ документовъ отъ него уже давно требуютъ. Надобно однакожь надѣяться, что рано или поздно оно съ ними разстанется. Не худо поразмотрѣть, дорого ли стоѣтъ дешевыя правительства и давнишнее республиканское безкорыстіе.»

О собраніи 29 мая, въ журналѣ аббата *де-Ламидѣ*, *le Peuple Constituant*, находятся слѣдующія строки:

«Вотъ всходить на кафедру г. *Кремиѣ*, министръ юстиціи, г. *Кремиѣ*, отъ имени исполнительной комиссіи предлагаетъ національному собранію возстановить разводъ. По всей залѣ раздастся крикъ удивленія. Этого уже, конечно, никто не ожидалъ. Неужели этотъ законъ составляетъ такую неотлагательную потребность? Кто же его требовалъ? Мы думаемъ, что исполнительная комиссія могла бы представить прежде этого многіе другіе проэкты законовъ, касающіеся до интересовъ и страданій болѣе существенныхъ. Подобныя законы, связанныя съ основными началами общественной нравственности, требуютъ, кажется, болѣе продолжительныхъ разсужденій. Прежде чѣмъ испровергать эти начала, не худо бы знать куда пускаешься».

Этотъ законъ встрѣтилъ однако сильное сопротивленіе въ отдѣленіяхъ національнаго собранія. Г. *Дюпенъ* и епископъ орлеанскій объявили себя рѣшительно противъ развода; то же мнѣніе раздѣлялъ и *Викторъ Консидеранъ*, который между тѣмъ считается коммунистомъ; но за то въ пользу развода возстали нѣкоторыя женщины. Большинство комиссіи, занимавшейся проэктомъ закона о возобновленіи развода, объявило себя противъ этого проекта, представленіе котораго она считаетъ не своевременнымъ.

31 мая, поступило въ національное собраніе предложеніе генераль-прокурора, г. *Портамиса*, о разрѣшеніи отдать подъ судъ г. *Луи-Блана*. Президентъ собранія прочелъ обвиненіе противъ *Луи-Блана*, изложенное въ отношеніи генераль-прокурора. Въ отношеніи было сказано, что слѣдствіе

по преступленію 15 мая, показанія свидѣтелей, документы и отзывы самаго *Луи-Блана* подають важныя причины полагать, что онъ принималъ участіе въ смутахъ, тревожившихъ національное собраніе, что онъ два раза говорилъ съ народомъ, ворвавшимся въ собраніе, въ слѣдствіе чего и былъ внесенъ въ триумфъ въ залу собранія; что въ самомъ собраніи онъ сказалъ мятежникамъ: «Поздравляю васъ; вы снова завоевали право лично подавать ваши прошенія палатѣ; теперь у васъ никто его уже не отниметъ»; а изъ всего этого явствуетъ участіе *Луи-Блана* въ покушеніи, учиненномъ противъ собранія 15 мая, что и подходитъ подъ 87 статью уголовного кодекса, о преступленіяхъ, имѣющихъ цѣлю низпровергнуть или измѣнить правленіе. *Луи-Бланъ* взбѣжалъ на кафедру и объявилъ, что обвиненіе совершенно справедливо, за исключеніемъ только одного пункта.—«Казните меня смертію!» вскричалъ онъ въ заключеніе. Ему отвѣчали со всѣхъ сторонъ, что смертная казнь за политическія преступленія отмѣнена. «Позвольте, подождите, отвѣчалъ *Луи-Бланъ*, не вы, не мы, обвиненные, возстановимъ ее; но сила вещей, обстоятельства заставятъ снова воздвигнуть эшафоты». На слѣдующій день, г. *Жюль-Фавръ*, отъ имени комиссіи представилъ докладъ о требуемомъ уполномоченіи отдать *Луи-Блана*, подъ судъ. Въ засѣданіи 3 іюня, президентъ *Буше* объявилъ, что многіе члены предлагаютъ рѣшить судьбу *Луи-Блана* безъ всякихъ преній. Это предложеніе возбудило сильный ропотъ, и пренія были начаты. Гг. *Маттисъ*, *Лараби*, *Бакъ* и другіе сильно противились разрѣшенію отдать его подъ судъ, болѣею частию потому, что видѣли въ этомъ опасный примѣръ, который можетъ повести къ тому, что большинство будетъ угнѣтать меньшее число. Г. *Жюль-Фавръ* защищалъ докладъ комиссіи, разсматривавшей это дѣло. Наконецъ приступлено было къ собиранію голосовъ и результатъ оказался слѣдующій: число всѣхъ голосовъ 706; въ пользу предложенія комиссіи 337, противъ него 369. Такимъ образомъ предложеніе разрѣшить отдачу *Луи-Блана* подъ судъ отвергнуто большинствомъ 32 голосовъ.

При рѣшеніи дѣла *Луи-Блана* многіе министры подали голосъ въ пользу предложенія коммисіи, которая полагала разрѣшить генераль-прокурору преслѣдовать его судомъ за участіе въ дѣлѣ 15 мая. Почти все журналы, за исключеніемъ радикальныхъ, сильно возстаютъ противъ этого. «Возможно ли безъ стыда, безъ негодованія присутствовать при зрѣлищѣ, которое представляютъ намъ люди, облеченные званіемъ министровъ! говорить *Journal des Débats*. Мы не предполагаемъ, невозможно предполагать, чтобы генераль-прокуроръ и прокуроръ республики рѣшились на дѣло столь важное безъ вѣдома, безъ согласія правительства и министра юстиціи. Какъ же министры и, первый, министр юстиціи подали голосъ противъ предложенія, сдѣланнаго съ ихъ разрѣшенія, по ихъ приказанію? Какое прекрасное, назидательное зрѣлище: министр юстиціи подаетъ голосъ въ собраніи противъ генераль-прокурора республики! *Г. Кремль* и его товарищи, вѣроятно, уже прежде знали въ чемъ дѣло: на нихъ характеръ, который эти пренія приняли въ собраніи, не могъ подвѣстовать; пренія не могли сообщить имъ свѣдѣнія, которыхъ бы они не имѣли прежде, не могли просвѣтить ихъ. Изъ всѣхъ министровъ только одинъ подалъ голосъ въ пользу предложенія коммисіи. Этотъ одинъ былъ *г. Бастидъ* (министръ иностранныхъ дѣлъ). Такое положеніе невыносимо. Подобное правительственное безначаліе, слишкомъ продолжительное, унижить власть и уничтожить все нравственныя понятія въ народѣ. Конечно, остается еще одно утѣшеніе: сказать, что это не правительство. Правда; но оно очень прискорбно». На другой день министр юстиціи *г. Кремль* подалъ въ отставку. На мѣсто *г. Кремль*, министромъ юстиціи назначенъ, 8 іюня, *г. Бетмонъ*.

Въ засѣданіи 5 іюня происходили выборы президента, вице-президентовъ и секретарей собранія, которые избираются только на одинъ мѣсяць. Въ президенты избранъ *г. Сенаръ*, въ вице-президенты *гг. Бетмонъ, Маррасть, Корбонъ, Корменей, Августъ Порталезъ и Лакроссъ*; въ секретари *гг. Эдмонъ Лифайеттъ, Ландренъ и Бераръ*.

7 іюня, парижскій меръ *Арманъ Маррасть*, съ обыкновенною церемоніею, провозгласилъ, на площади передъ ратушею, имена вновь избранныхъ членовъ національнаго собранія. Въ представители избраны: *гг. Коссидьеръ, Моро, Гудіо*, (бывшій министръ финансовъ) *Пьеръ Леру* (который теперь подъ стражей, по дѣлу 15 мая), *Шангарнье* (извѣстный генераль алжирскій генераль-губернаторъ) *Тьеръ* (въ пользу его подано 71,287 голосовъ) *Ирудонъ* (коммунистъ), *Викторъ Гюю, Людовикъ Бонапарте* (84,420 гол.), *Лагранжъ, Горе, Боассель*. До самого вечера, въ городѣ не было ни малѣйшаго волненія. Зрители, собравшіеся передъ ратушею, были болѣею частью члены разныхъ клубовъ и притомъ самыхъ восторженныхъ; но они разошлись однакожь спокойно. Къ ночи образовались въ разныхъ мѣстахъ сходбища. Часовъ въ десять нѣсколько колоннъ, правильно устроенныхъ, вышли изъ предмѣстій и отправились къ дому, занимаемому *г. Тьеромъ*, крича: *Долой Тьера!* Они окружили его жилище и съ тѣми криками перелѣзли черезъ рѣшетку сада. Къ счастью, подоспѣла національная гвардія и выгнала ихъ. Часовъ въ одиннадцать спокойствіе было восстановлено. Но вооруженные отряды національной гвардіи всю ночь разхаживали по всемъ окрестнымъ улицамъ.

Последніе выборы возбудили въ Парижѣ всеобщее удивленіе. Никто не можетъ постичь какое значеніе имѣютъ подобныя сближенія: коммунистъ *Пьеръ-Леру* подлѣ *Тьера*, предводителя лѣваго центра въ прежней палатѣ депутатовъ, чловѣка, котораго *Людовикъ-Филиппъ* назначилъ президентомъ совѣта, за нѣсколько минутъ до своего отреченія отъ престола, и рядомъ съ ними *Людовикъ Бонапарте*, претендентъ на французскій престолъ, сдѣлавшій некогда высадку въ Булони и сидѣвшій за это нѣсколько лѣтъ въ Гамской крѣпости, который уже послѣ февральской революціи, два раза былъ высланъ изъ Парижа, какъ чловѣкъ опасный! Что такое въ особенности этотъ послѣдній выборъ? Проявленіе бонапартистскихъ мнѣній? Протестъ противъ декретовъ объ изгнаніи царствовавшихъ династій?

или просто реакція идей порядка и власти, противъ безначалія, которое губить Францію? Но социалисты *Пьеръ-Леру* и *Прудонъ*, люди, стремящіеся къ совершенному низпроверженію нынѣшняго порядка вещей въ обществѣ, то же избрали. Нельзя шесть назадъ, не болѣе, половина Парижа кричала: *долой коммунизмъ!* а теперь двухъ коммунистовъ выбираютъ въ представители. Наконецъ, при всѣхъ этихъ несообразностяхъ большинство новыхъ депутатовъ все таки принадлежитъ къ утврѣжденной партіи, потому-что вмѣстѣ съ *Людвикомъ Бонапарте*, *Пьеромъ Леру* и *Прудономъ*, избраны *Шангарнье*, *Тьеръ*, *Моро*, *Гудшо*, *Боассель*, *Викторъ Гюго*. Какъ же все это согласить? «Намъ кажется, говоритъ *Journal des Débats*, что напрасно ищутъ опредѣленнаго смысла въ томъ, въ чемъ его совсѣмъ нѣтъ, и что несообразности списка новыхъ парижскихъ депутатовъ объясняется очень просто: половина избирателей не потрудились принять участіе въ выборахъ; небрежность непростительная! Непостижимо какъ люди, которые, вѣроятно, любятъ свое отечество, люди, изъ коихъ каждый имѣетъ мнѣнія, интересы, которые ему надобно защищать, не потрудились удѣлить нѣсколько минутъ времени на то, чтобы положить свой списокъ въ избирательную урну. Вотъ почему всеобщее право избирательства бываетъ часто не что иное, какъ ложь. Меньшія партіи могли дѣйствовать свободно.»

Особенно избраніе *Людвика Бонапарте* послужило поводомъ къ шумнымъ совѣщаніямъ собранія, равно какъ и къ нарушенію общественнаго порядка въ Парижѣ. Толпы народа тѣснились, 12 и въ слѣдующіе дни, на улицахъ и бульварахъ, и кругомъ собранія, въ ожиданіи прибытія *Людвика Бонапарте*. Во время засѣданія 12 іюня, разнесся слухъ о бунтѣ въ пользу *Людвика Бонапарте*. *Г. Ламартинъ* предложилъ собранію принять декретъ объ изгнаніи *Людвика Бонапарте*. На другой день, *г. Жюль-Фавръ* представилъ докладъ отдѣленія, которое разсматривало избраніе *Людвика Наполеона Бонапарте* и предложилъ признать его представителемъ. (*Сильное волненіе.*) *Г. Бише* сказалъ, что онъ былъ въ тотъ же отдѣленіи, которое раз-

сматривало это избраніе, но не согласенъ съ мнѣніемъ большинства, утвердившаго докладъ; что, если даже *Людвикъ Бонапарте* ни въ чемъ не виновенъ, то національное собраніе не можетъ принять въ число своихъ членовъ человека, котораго одно имя возбуждаетъ мятежъ. *Гг. Бише, Деузе* и въ особенности *Ледрю-Ролленъ*, сильно противились утвержденію *Людвика Бонапарте* представителемъ. Не смотря на то, въ 6 часовъ, приступлено къ балотировкѣ и избраніе *Людвика Бонапарте* утверждено. Но самъ избранный отказался отъ сдѣланной ему чести, приславъ на имя президента слѣдующее письмо изъ Лондона, отъ 15 іюня: «Г. президентъ. Я гордился тѣмъ, что меня избрали въ Парижъ и другихъ департаментахъ въ представители народа; для меня это было полнымъ вознагражденіемъ за тридцать лѣтъ изгнанія и шесть лѣтъ заключенія; но оскорбительныя подозрѣнія, возбужденныя моимъ избраніемъ, но смятенія, къ которымъ оно послужило предлогомъ, но непріязненность исполнительной власти, налагаютъ на меня обязанность отказаться отъ чести, которой, какъ иные думаютъ, я добился интригами. Я желаю порядка и республики, разумной, разсудительной, великой; и если я неволью способствую беспорядкамъ, то—не безъ живѣйшаго сожалѣнія, — прошу уволить меня отъ званія представителя.»

«Надѣюсь, что спокойствіе вскорѣ возстановится и позволить мнѣ возвратиться во Францію, простымъ гражданиномъ, однимъ изъ наиболее преданныхъ спокойствію и благоденствію моего отечества.»

Въ засѣданіи 19 іюня, собранію былъ представленъ проектъ государственнаго уложенія, которымъ занималась особая коммиссія. Вотъ главныя черты этого проекта:

Въ первыхъ статьяхъ излагаются права и обязанности чело-
вѣка. Десятой статьею объявляется, что правленіе во Франціи республиканское, что верховная власть принадлежитъ народу и не можетъ быть отнята отъ него. Французскій народъ поручаетъ свою власть собранію, которое избирается всѣмъ народомъ, на четыре года. Оно состоитъ изъ 750 представителей. Собранія, избираемыя для пересмотра

государственного уложения, могут состоять из 1,200 членов и полномочие их продолжается два года. Национальное собрание издает законы и декреты. Законы касаются только частных или специальных интересов. Всеобщие выборы производятся в главном месте кантона, по спискам. Лица, занимающие места, которых могут лишиться по распоряжению начальства, не могут быть представителями. Члены национального собрания, занимающие какія либо другія должности, не получают по ним жалованья, пока остаются представителями. — Исполнительная власть вверяется президенту, избираемому всемъ народомъ. Если ни одинъ изъ кандидатовъ не получить надлежащаго большинства, национальное собрание избираетъ президента, посредствомъ тайной баллотировки, изъ пяти кандидатовъ, получившихъ наибольшее число голосовъ. Президентъ избирается на четыре года и самъ назначаетъ вице-президента. Президентъ республики получаетъ 600,000 фр. содержания; онъ командуетъ арміями (но не лично), подписываетъ договоры, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ распустить национальное собрание. Избирательное начало вводится отчасти и въ судебную часть; нѣкоторые назначенія по этой части зависятъ отъ президента. Смертная казнь за политическія преступленія и поставка за себя рекрутъ отменяется. Преподаваніе свободно, но состоитъ подъ надзоромъ правительства.

Объ этой конституціи, *Journal des Débats* отзывается слѣдующимъ образомъ: «Мы можемъ замѣтить только одно, что авторы этого проекта вѣрны началамъ революціи, которую должны были утвердить. Смѣло можно сказать, что болѣе радикальной, болѣе демократической конституціи ни у одного народа не бывало. Вся она основывается на всеобщемъ правѣ выборовъ. Впрочемъ, въ ней вполне, окончательно определены только составъ законодательной и исполнительной власти. Что касается до устройства второстепенныхъ властей, административной, судебной, то для этого будутъ изданы специальные законы».

Засѣданіе національнаго собранія 20 іюня было очень за-

мѣчательно по двумъ рѣчамъ, совершенно противоположнаго характера, произнесеннымъ *Викторомъ Гюго* и *Коссидье-ромъ* при разсмотрѣніи проекта закона о назначеніи трехъ милліоновъ франковъ на національныя мастерскія. Одна отличается цвѣтистымъ, поэтическимъ языкомъ, другая языкомъ грубымъ, простонароднымъ, но сильнымъ; одна какъ бы съ любовью выдѣлана рѣзцомъ, другая съ плеча вырублена топоромъ. Обѣ весьма замѣчательны; обѣ произвели на собраніе сильное впечатлѣніе. *Викторъ Гюго* рѣшительный противникъ національныхъ мастерскихъ, на которыя, впрочемъ, теперь уже все жалуются. «Не съ тѣмъ вступилъ я на кафедру, сказалъ онъ, чтобы прибавить страсти къ преніямъ, которыя васъ волнуютъ, не съ тѣмъ, чтобы прибавить горечи къ спорамъ, которыя васъ раздѣляютъ. Въ такое время, когда все можетъ сдѣлаться опасностію, я бы постыдился произвольно усиливать затрудненія, съ которыми борется правительство. Въ нынѣшнее время въ дѣлахъ нужна твердость, въ рѣчахъ необходимо миролюбіе». Сначала краснорѣчивый ораторъ старался доказать, что эти такъ называемыя національныя мастерскія не что иное, какъ напрасная трата огромной силы. «Что произвели эти мастерскія въ четыре мѣсяца? Ничего. Я не стану вдаваться въ изчисленіе работъ, которыя необходимо произвести, которыхъ Франція требовала, которыя всемъ вамъ извѣстны; но посмотрите: съ одной стороны огромное количество работъ возможныхъ, съ другой огромное число работниковъ праздныхъ; а результатъ? Ничто! (Сильное впечатлѣніе). Ничто? Я ошибаюсь. Результатъ былъ не ничтожный, а вредный, вредный вдвойнѣ: вредный въ отношеніи финансовомъ, вредный въ отношеніи политическомъ. Впрочемъ, моя строгость допускаетъ извиненія; я не захожу такъ далеко какъ другіе, которые говорятъ съ строгостію, слишкомъ близкой къ гнѣву, чтобы быть справедливою: «Национальныя мастерскія средство пагубное. Вы разслабили сильныхъ сыновъ труда; вы лишили часть народа любви къ труду, любви спасительной, которая заключаетъ въ себя достоинство, гордость, уваженіе къ себѣ самому и здравіе совѣсти. Тѣхъ, которые дотомъ знали

только благородную силу руки работающей, вы познакомили съ постыдною силою руки, протанутой для подавннн; вы отучили плеча носить почетное бремя честнаго труда, вы прнучили совесть носить унижительное бремя милостыни. Мы знали праздность богатства, вы создали праздность нищеты, которая во сто кратъ опаснн и для себя самой и для ближняго. При монархическомъ правленн были праздные, при республиканскомъ будутъ лнннцы». (*Общее одобрнн*). Я не говорю, я не думаю, чтобы нашъ народъ могъ дойти до такой степени униженн: Парижъ не Неаполь, Парижъ не Константинополь; если бъ и хотнли, изъ нашихъ рабочихъ, которые умнютъ читать и мыслить, говорить и слушать, не сднлаютъ ни ладзароповъ во время мира, ни янычаровъ, для войны. Никогда! (*Сильное впечатлнн*). Если бъ и захотнли! Эти слова у меня вырвались невольно; прошу васъ не искать въ нихъ обвиненн посредствомъ намекъ. Я не думаю, не могу думать, чтобы въ головн, не только нашихъ правителей, но чнй бы то ни было, могла родиться чудовищная мысль превратить парижскаго работника въ кондоттиери, наемнаго разбойника, и въ городъ самомъ просвнщенномъ во всемъ мнрн, изъ прекрасныхъ элементовъ, составляющихъ наше рабочее сословн, создать преторннцевъ мятежа въ услуженн у диктатуры». (*Сильное движнн*). Но на этой похвалн парижскимъ работникамъ Викторъ Гюго не остановился; съ обыкновенной хвастливостью Французовъ, которой не чужды и умнншн изъ нихъ, онъ прибавилъ: «Парижъ пннннннн столица образованнаго мнра»....—Извнстно! пронически закричалъ ему кто-то изъ радикаловъ.—«Извнстно? повторилъ ораторъ. Конечно, извнстно. Удивлнлось этому замнчанню. Странно было бы, если бъ Парижъ былъ столицею образованнаго мнра, а мнръ этого и не знаетъ! (*Очень хорошо! Слнть*). Я продолжаю. Чнмъ нкогда былъ Римъ, то нынче Парижъ. Чтн Парижъ совнуетъ, о томъ Европа размышляетъ; что Парижъ началъ, Европа продолжаетъ».

За тнмъ, объявивъ, что послн этихъ замнчаннй, онъ хотнлъ утвердить проектъ правительства съ измнненнми, пред-

ложенными коммисснєю, Викторъ Гюго просилъ позволенн обратиться къ новнншимъ мыслителямъ, къ социалистамъ, и высказалъ имъ ннскольکو горькихъ истинъ, укоряя ихъ въ односторонности взгляда, въ томъ, что они видятъ только часть народа, не обращая вниманн на остальную. «Не забудьте, прибавилъ онъ: со времени февральскаго переворота, въ слндствн глубокаго потрясенн, которое необходимо должно было произвести разрушенн, развалины, нищета явилась не въ одномъ только томъ классн, который собственно назывался народомъ, но и во вснхъ другихъ частяхъ нацнн. Довнренность исчезла; кредитъ не существуетъ, промышленности нтъ, торговли нтъ, требованн прекратились, рынки закрылись, банкротства умножились, плата за наемъ домовъ и откупъ земель остановилась; все вдругъ исчезло: богатня семейства въ нуждн, бндные голодаютъ.... Вместо того, чтобы спустнть богатство, вы подняли нищету. (*Совершенно справедливо! Прекрасно!*) Чтн же вышло? Вышло мрачное положнн, въ которомъ чтн не погибло, то погибаетъ, чтн не погибаетъ, то сомнительно. Но вотъ чтн еще усиливаетъ нашу невыразимую горестъ: другн наслаждаются нашими бндствнми, другн ими пользуются. Между тнмъ какъ Парижъ терзается въ этомъ пароксизмн, который враги наши—они ошибаются!—принимаютъ за предсмертнныя муки, Лондонъ въ радости, въ Лондонн праздннкъ; торговля тамъ утроилась, роскошь, богатство, промышленность наши тамъ убнжище. О, тн, которые волнуютъ улицу, вызываютъ народъ на площадь, тн, которые вовлекаютъ его въ безпорядки, въ мятежи и возстанн, тн, которые обрашнаютъ въ бнгство капиталы, заставляютъ закрываться лавки, эти люди плохо разсуждаютъ, но я еще не внрю, чтобы это были дурные Французы, и я говорю, кричу имъ: Тревожа Парижъ, возмущая массы, возбуждая мятежи и смуты, знаете ли вы сами, чтн вы днлаете? Вы создаете силу, благоденствн, богатство, могущество, величн и превосходство Англнн. (*Сильное движнн*). Да, и Англия, улыбаясь, садится на краю пропасти, въ которую низвергается Франция».

Въ продолженіе этой рѣчи, *Виктора Гюго* не разъ спрашивали, какія же средства нужны для того, чтобы измѣнить картину, которую онъ начерталъ такими мрачными красками? Практическихъ средствъ онъ не предложилъ, а выразилъ мысль свою общими словами. «Какія средства? вскричалъ онъ при одномъ изъ этихъ вопросовъ. Я уже говорилъ не разъ, что для этого нужно: спокойствіе, согласіе, сила въ правительствѣ, добрая воля, добрая вѣра во всемія и во всѣхъ». (*Правда! Правда! Очень хорошо!*)

Въ концѣ засѣданія, на каедру вошелъ *Коссидьеръ*, и однимъ уже своимъ появленіемъ возбудилъ всеобщее любопытство. Онъ произнесъ рѣчь, о которой *Journal des Débats* отзывался слѣдующимъ образомъ: «Самое громкое одобреніе пріобрѣлъ г. *Коссидьеръ*. Конечно, не правильностію своего языка и не отборными выраженіями. Право, г. *Коссидьеръ* введетъ въ моду слогъ, который до нынѣ не употреблялся на трибунѣ. Но мало ли что революція 1848 года измѣнила! У г. *Коссидьера* по-крайней-мѣрѣ есть увлеченіе и оригинальность, которою онъ обязанъ отчасти природѣ, отчасти искусству. Онъ умѣетъ разсмѣшить и растрогать; увлекаетъ, а иногда поражаетъ непріятно. Его тонкость походить на простодушіе, а его простонародность кажется ловкимъ расчетомъ. Онъ умѣетъ не разсердить, говоря вещи очень рѣзкія, которыя, пожалуй, можно бы принять и за угрозы; а когда захочетъ, онъ говоритъ вещи весьма разумныя, весьма справедливыя. Онъ народъ, онъ буржуа. Только такой человекъ и могъ быть всеобщимъ избранникомъ, соединить голоса клуба національной гвардіи. Г. *Коссидьеръ* говорилъ противъ національныхъ мастерскихъ, и его возваніе къ согласію произвело на слушателей сильное впечатлѣніе. Въ палату будетъ сбѣгаться толпа, когда узнаютъ, что *Коссидьеръ* намѣренъ говорить!»

Не вдаваясь въ отвѣченности, не отдѣляясь общими вѣстами и громкими фразами, г. *Коссидьеръ* обставилъ свои дѣльныя предложенія такими забавными выходками, такими простонародными картинками, что собраніе не разъ хотело и слушало его безъ усталыя.

— Между тѣмъ, какъ собраніе разсуждало о новыхъ формахъ правленія и новомъ порядкѣ вещей, безпорядочные люди успѣли взволновать умы народа до такой степени, что наконецъ разыгралась, въ стѣнахъ Парижа, кровавая драма, которую давно уже предсказывали люди, смотрѣвшіе на революцію съ истинной точки зрѣнія. Еще 22 іюня утромъ, толпа работниковъ, человекъ въ 400, пришла къ люксембургскому дворцу и объявила, что имѣетъ надобность поговорить съ членами исполнительнѣйшей комиссіи. Эта толпа принадлежала къ числу 12000 работниковъ изъ національныхъ мастерскихъ, которыхъ назначено было отправить въ департаменты, но которыхъ разные негодяи испугали, уверивъ ихъ, что въ департаментахъ съ ними будутъ обходиться очень дурно. Одинъ изъ членовъ исполнительнѣйшей комиссіи, г. *Марі*, объявилъ, что онъ готовъ принять депутацію отъ этихъ людей; пятеро изъ нихъ явились къ нему и предводитель ихъ хотѣлъ говорить; но г. *Марі* отказался выслушать его, потому что этотъ человекъ былъ въ числѣ мятежниковъ, ворвавшихся 15 мая въ національное собраніе. Обратясь къ остальнымъ четверымъ, г. *Марі* сказалъ: «Вы вѣдь не рабы этого человека: вы можете говорить сами». Воротившись къ товарищамъ, которые ожидали ихъ на площади Сентъ-Сюльписъ, эти уполномоченные, исказивъ слова г. *Марі*, объявили, что онъ называлъ ихъ невольниками. Тогда вся толпа принялась кричать: *Долой Марі! Долой исполнительнѣйшую комиссію! Долой національное собраніе!* и съ этими криками толпа работниковъ, къ которой, разумѣется, присоединилось множество любопытныхъ, ходила по улицамъ, набережнымъ, предмѣстіямъ Сентъ-Антуанъ и Сентъ-Марсо. Подъ вечеръ они расположились на площади Бастиліи. Тутъ явилось нѣсколько полицейскихъ комиссаровъ, чтобы разсѣять сборище. Въ толпѣ раздавались крики: *Да здравствуетъ Наполеонъ! Да здравствуетъ Императоръ! Долой Марі!* Парижъ былъ сильно взволнованъ этими криками и безпорядками. Окрестности ратуши и люксембургскаго дворца заняты были войсками. По бульварамъ и въ улицахъ Сентъ-Дени, Сентъ-Мартенъ и Тампльской стояли многи-

сленные группы. Ночью сборища не расходились и некоторые патрули национальной гвардии были обезоружены. 23 ч. въ 9 часовъ утра начали бить сборъ во всѣхъ легіонахъ національной гвардіи. Значительныя силы собрались вокругъ національнаго собранія. Президентъ его и исполнительная коммиссія еще наканунѣ получили извѣстіе, что на 23 число готовится возстаніе для низпроверженія правительства и распущенія національнаго собранія. Всѣ члены исполнительной коммисіи явились къ президенту *Сенару* и вмѣстѣ возложили командованіе всеми вооруженными силами на генерала *Кавеньяка*. Движеніе началось на площади Бастиліи, гдѣ около половины десятаго утромъ, образовалось первое сборище работниковъ. Оттуда толпа, состоявшая уже изъ 6 или 700 человекъ, двинулась къ бульварамъ, къ Сень-Мартенскимъ и Сень-Денискимъ воротамъ, съ криками: *Долой національное собраніе! Долой Ламартина! Долой Ледрю-Ролень! Долой Мари!* *Да здравствуетъ республика демократическая и социальная!* Въ десять часовъ у Сень-Денискихъ и Сень-Мартенскихъ воротъ начали строить баррикады. Тысячи дѣв человекъ вышли изъ предмѣстій съ флагами національных мастерскихъ. Между ними были и люди въ мундирахъ республиканской стражи. Въ баррикадахъ было множество дѣтей и женщинъ. Мужчины врывались въ дома и повсюду забирали оружіе. Въ половинѣ 12-го на Сень-Мартенскомъ бульварѣ началась ружейная пальба. Но тамъ были еще только некоторые отдѣльные отряды національной гвардіи; въ полдень она стала собираться баталіонами и стрельба усилилась. Въ часъ генералъ *Кавеньякъ* привелъ баталіонъ легкой пѣхоты. За нимъ прибыли подвижная гвардія и потомъ артиллерія. Между тѣмъ линейная войска и подвижная гвардія заняли ратушу, префектуру полиціи и некоторые мосты на Сень. Въ окрестностяхъ всѣхъ этихъ мѣстъ мятежники строили баррикады. Дворецъ юстиціи, Лувръ и Тюильри были заняты національною гвардіею. На площади Согласія стояли драгуны. Люксембургскій дворецъ охранялся многочисленными отрядами. До пяти часовъ повсюду раздавались ружейные и пушечные выстрѣлы; но

потомъ проливной дождь заставилъ прекратить пальбу. Многие генералы и воспитанники политехнической школы предложили національному собранію и генералу *Кавеньяку* свои услуги. Генералъ *Кавеньякъ*, сопровождаемый *Коссидеромъ*, являлся повсюду гдѣ требовалось его присутствіе. Съ нимъ были представители.

Ночь съ 23 на 24 прошла безъ драки, но мятежники возстановляли разрушенныя баррикады.

24 числа утромъ битва началась съ новымъ ожесточеніемъ. Національное собраніе не расходилось цѣлый день. Оно объявило, что будетъ засѣдать постоянно; что республика усыновляетъ дѣтей гражданъ, которые пали, защищая порядокъ; въ этотъ же день оно объявило Парижъ въ осадномъ положеніи и возложило всю исполнительную власть на генерала *Кавеньяка*. По всему было видно, что это возстаніе было дѣломъ заговора, давно устроеннаго. Работники, число которыхъ простиралось отъ двадцати до тридцати тысячъ, всѣ были хорошо вооружены и дрались съ величайшимъ ожесточеніемъ. Притомъ они дѣйствовали, очевидно, по плану обдуманному. Они строили баррикады въ разныхъ частяхъ города, чтобы развлечь своихъ противниковъ, но главныя свои силы расположили по обоимъ берегамъ Сены, съ цѣлію овладѣть префектурою полиціи и ратушею, центральными позиціями, некотораго рода цитаделями, откуда заговорщики, въ случаѣ успѣха, могли бы издавать свои декреты. Мѣры генерала *Кавеньяка*, на котораго возложена была вся гражданская и военная власть, мѣры, принятыя съ большимъ знаніемъ дѣла, единствомъ и энергіею, разстроили эти планы. 24 числа пушечные и ружейные выстрѣлы раздавались непрерывно и повсюду дрались съ такимъ же ожесточеніемъ, какъ и наканунѣ. Генералъ *Кавеньякъ* распорядился такъ, что сосредоточилъ свои силы въ главныхъ пунктахъ, чтобы дѣйствовать большими массами и сдѣлать всякое сопротивленіе невозможнымъ. Противъ баррикадъ употребляли сначала артиллерію; потомъ войска, національная гвардія, подвижная гвардія, республиканская стража, которые всѣ дѣйствовали съ величайшей

неустранимостью, брали их приступомъ. Но инсургенты противопоставляли имъ такое упорное, ожесточенное сопротивление, что некоторые баррикады не разъ переходили изъ рукъ въ руки.

Битва, или лучше сказать война, упорная, кровопролитная, продолжалась и 25 числа. Во весь день войска, національная гвардія и все силы, находившіяся въ распоряженіи правительства, дѣйствовали успешно; но мятежъ далеко еще не былъ вполне подавленъ. Къ вечеру этого дня, инсургенты, которые въ началѣ расположили свои силы огромнымъ полукружіемъ по обоимъ берегамъ Сены, такъ что занимали почти полъ-Парижа, держались уже только въ предместьяхъ Тампль, Сентъ-Антуанъ, Сентъ-Дени и Поассоньеръ, и въ кварталахъ Тампльскомъ и Сентъ-Мартенскомъ. Генералъ *Кавеньякъ* дѣйствовалъ съ благоразумною медленностію, щадя жизнь своихъ подчиненныхъ. Слѣдующее донесеніе парижскаго мера, читанное въ національномъ собраніи, показываетъ, съ какимъ упорствомъ защищались инсургенты и какъ трудно было преодолѣть ихъ сопротивление.

«Гражданинъ президентъ. Спѣшу увѣдомить васъ, что наступательное движеніе, начатое вчера, продолжается нынче утромъ съ величайшею энергіею и повсюду увѣнчивается успѣхомъ. Сейчасъ наши колонны овладѣли самою страшною, самою неприступною изъ всехъ позицій, которыя были заняты инсургентами. Контора мера 9-го округа и все окрестныя улицы отняты у нихъ, и огромныя баррикады разрушены послѣ самой упорной битвы и послѣ многихъ горестныхъ потерь. Неповѣрное упорство инсургентовъ принуждено было уступить геройскому упорству войскъ. Я не могу сообщить вамъ подробностей; но чтобы вы могли судить о затруднительности этого дѣла, скажу вамъ только, что въ большей части узкихъ, длинныхъ и покрытыхъ баррикадами улицъ, инсургенты идутъ отъ ратуши къ улицѣ Сентъ-Антуанъ, инсургенты завладѣли почти всеми домами; прикрыли матрацами окна и стрѣляли изъ нихъ безопасно и навѣрно; оттого потери наши многочисленны и жестоки. Подвижная

гвардія и линейныя войска принуждены были осаждать каждый домъ; это было тѣмъ болѣе опасно, что четырнадцать домовъ, занятыхъ инсургентами, были соединены между собою внутреннимъ сообщеніемъ, такъ что эти люди могли пробираться, какъ по крытымъ ходамъ, изъ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ въ центръ своихъ баррикадъ. Такимъ образомъ изъ всего квартала они сдѣлали огромную крѣпость, которую надобно было разрушать шагъ за шагомъ, и этимъ объясняется, отчего оно долго продолжалось и дорого намъ стоило.»

Въ припискѣ къ этому письму г. *Арманъ Марраетъ* говорить, что госпитали и временныя лазареты наполнены ранеными и что никогда еще мостовая Парижа не обгадилась такимъ огромнымъ количествомъ крови.

Въ этотъ день были ранены генералы *Лафонтеи* и *Дювивье*, а генералъ *Негрідъ*, одинъ изъ квесторовъ національнаго собранія, убитъ.

Генералъ *Кавеньякъ* потребовалъ отъ инсургентовъ безусловной покорности и далъ имъ время для размышленія до 10 часовъ утра 26 числа, угрожая въ противномъ случаѣ принудить ихъ къ тому оружіемъ. По наступленіи этого срока, колонна генерала *Даморисьера* двинулась съ одной стороны, колонна генерала *Перро* съ другой, и началась битва. Но она была непродолжительна: вскорѣ инсургенты объявили, что они сдаются безусловно. Генералъ *Кавеньякъ* заставилъ ихъ самихъ разрушать свои баррикады и длинная улица предмѣстия была занята тремя батальонами. Генералъ тотчасъ далъ знать объ этомъ президенту *Сенару*, но еще и послѣ того продолжались частныя стычки, такъ что только во второмъ часу получено было отъ него слѣдующее официальное донесеніе: «Г. президентъ. Благодаря положенію, принятому національнымъ собраніемъ, благодаря превосходному поведенію національной гвардіи и арміи, возстаніе подавлено и спокойствіе восстановлено. Какъ скоро чрезвычайная власть, возложенная на меня, не будетъ болѣе нужна для общественной безопасности, я почтительно возвращаю ее національному собранію.»

26 числа національное собрание назначило две комиссии, одну для производства следствия о последнем возстаніи и вместе съ тѣмъ о заговорѣ 15 мая, съ которымъ оно состоитъ въ связи; другую для опредѣленія декрета о ссылкѣ людей, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ.

27 іюня окрестности національнаго собранія все еще походили на военный лагерь; повсюду были войска съ артиллеріей. Неудобный президентъ *Сенаръ* открылъ собраніе въ 11 часовъ. Онъ объявилъ, что за исключеніемъ ничтожныхъ частныхъ стычекъ между караулами и отдѣльными инсургентами, весь Парижъ въ эту ночь спалъ спокойно. Въ Марсели вспыхнуло возстаніе, подобное парижскому, но вскоре было подавлено. Въ другихъ городахъ все спокойно.

Кромѣ генераловъ и представителей, которые лишены жизни или были ранены, убиты еще генералъ *Бреа* и притомъ самымъ гнуснымъ образомъ. Онъ атаковалъ 22 числа одну баррикаду въ предмѣстіи Сень-Жакъ. Сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій, онъ съ своими адъютантами г. *Манжесномъ* выступилъ впередъ довольно далеко отъ своего отряда и старался убѣдить инсургентовъ, чтобы они, избѣгая пролитія крови, сдались добровольно. Тѣ вышли къ нему на встрѣчу, какъ бы для совѣщаній; но потомъ схватили его и адъютанта и утащили за баррикаду. Тамъ они хотѣли заставить его дать своимъ войскамъ письменное приказаніе удалиться, но какъ генералъ на это не согласился, то они варварски умертвили и г. *Бреа* и г. *Манжеса*.

Плачевная судьба постигла еще парижскаго архіепископа. Рано утромъ 26 іюня онъ явился къ генералу *Кавеньяку* и предложилъ ему свои услуги. Генералъ отвѣчалъ, что не можетъ принять на себя уполномочить его подвергать себя опасности, но предоставляетъ ему поступить по собственному устремленію. Г. *д'Аффрѣ* тотчасъ зашелъ на минуту домой, потомъ съ двумя своими викаріями отправился на Бастильскую площадь и, предупредивъ черезъ парламентаря инсургентовъ, что желаетъ говорить съ ними, влѣзъ на баррикаду и началъ увѣщавать людей, бывшихъ за нею. Пока онъ говорилъ, раздался неизвѣстно откуда выстрѣлъ;

за нимъ последовалъ барабанный бой; инсургенты начали стрѣлять, подвижная гвардія отвѣчала имъ и несчастный архіепископъ упалъ. Пуля попала ему въ бокъ и проникла въ животъ. Судя по направленію раны, выстрѣлъ, которымъ она нанесена, сдѣланъ былъ сверху, вѣроятно изъ окна. Г. *д'Аффрѣ* скончался послѣ двухъ дней невыразимыхъ страданій.

Инсургенты, которые четыре дня подвергали Парижъ всѣмъ бѣдствіямъ междоусобной войны, еще ужаснѣйшимъ въ огромномъ и старинномъ городѣ, гдѣ множество узкихъ, извилистыхъ улицъ, предавались величайшимъ неостовствамъ. Такъ напримѣръ на площади de L'Estrapade они взяли нѣсколько человекъ въ плѣнъ. Принужденные покинуть свою баррикаду, они, чтобы не отпустить плѣнныхъ, умертвили ихъ. Одинъ изъ представителей самъ это видѣлъ. Такимъ образомъ погибли пять человекъ, служившихъ въ подвижной гвардіи. Имъ отрезала головы женщина, кухоннымъ ножомъ! Въ кварталахъ Ситѣ, Сень-Денискомъ и Сень-Мартенскомъ, взрослые поили водкой мальчиковъ отъ 10 до 12 лѣтъ и, съ ружьемъ въ рукахъ, выпускали за баррикады. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ дѣтей убиты при взятіи баррикадъ пристунами. Въ числѣ пуль, вынутыхъ изъ ранъ, есть пули жевачья, и другія, сдѣланныя изъ свинца и мѣди. Одному пѣхотному офицеру, взятому въ плѣнъ, злодѣи отрезали обѣ руки; одному драгуну отрубили пальцы ногъ и потомъ посадили его на лошадь; какого-то несчастнаго, служившаго въ подвижной гвардіи, посадили на колъ. Подлѣ убитаго *Лароша*, главнаго редактора террористскаго журнала Le Père Duchesne, найдены пожарная труба, наполненная купороснымъ масломъ, которое мятежники пускали въ лицо своимъ непріятелямъ, и нѣсколько бутылокъ терпентина, который служилъ для зажиганія домовъ. Наконецъ, взято нѣсколько маркитантокъ, которыя продавали защитникамъ порядка отравленную водку. Немудрено: въ числѣ убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ мятежниковъ, даже въ числѣ ихъ главныхъ предводителей, найдено множество каторжниковъ съ позорнымъ клеймомъ на плечѣ.

Въ засѣданіи 28 числа, генералъ *Кавеньякъ* сложилъ съ себя свою власть и въ слѣдъ за нимъ все министры отказались отъ своихъ должностей. Президентъ предложилъ изъяснить генералу *Кавеньяку* признательность отечества, и это предложеніе было принято съ энтузіазмомъ. Г. *Мартинъ* предложилъ собранію слѣдующій декретъ: «Национальное собраніе ввѣряетъ исполнительную власть генералу *Кавеньяку*. Онъ имѣетъ называться президентомъ совѣта министерства. Онъ самъ назначается министровъ.» Голоса были собираемы о каждомъ параграфѣ этого декрета отдѣльно. Первые два приняты единогласно; послѣдній—значительнымъ большинствомъ. Засѣданіе было отсрочено до вечера, и въ вечернемъ собраніи генералъ *Кавеньякъ* объявилъ имена лицъ, которыхъ онъ назначилъ министрами. Такимъ образомъ составлено слѣдующее новое управленіе: президентъ генералъ *Кавеньякъ*; министры: внутреннихъ дѣлъ — г. *Сенаръ*; военный — генералъ *Ламорисьеръ*; публичныхъ работъ — г. *Рекюръ*; торговли — г. *Туръ*; морской — адмиралъ *Лобланъ*; юстиціи — г. *Ветмонъ*; иностранныхъ дѣлъ — г. *Боасси*; финансовъ — г. *Гудшо*; народнаго просвѣщенія — г. *Карно*.

— По распоряженію генерала *Кавеньяка* газета *la Presse* запрещена, и главный редакторъ ея *Эмиль Жирарденъ* посаженъ въ тюрьму.

Для полнѣйшаго изображенія современнаго состоянія Франціи, приведемъ нѣсколько отзывовъ о ея правительствахъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ *La Presse* находимъ слѣдующее: Нѣтъ, никогда французское правительство не падало такъ низко, даже и въ самые тяжкіе дни! Куда же идетъ это правительство? Куда оно ведетъ насъ? Если къ терроризму черезъ крайнюю бѣдность, къ рѣкъ крови черезъ болото грязи, такъ по-крайней-мѣрѣ пусть оно сократитъ нашъ путь.

«Да развѣ оно знаетъ куда ведетъ насъ? Оно не знаетъ, куда и само идетъ! Угодно доказательство, одно изъ тысячи? Между тѣмъ какъ оно, съ 15 мая, держитъ въ Венсенской тюрьмѣ гг. *Барбесса*, *Бланки*, *Собріе* и проч., оно же на-

значаетъ префектами лица, участвовавшіе въ тѣхъ же самыхъ событіяхъ. Такъ префектомъ Котъ-д'Орскаго департамента, одного изъ самыхъ важныхъ, назначенъ недавно одинъ бывшій Верхне-Сонскій нотаріусъ, г. *Море де Жи*, который 15 мая отличался въ національномъ собраніи своею дерзостію и потому былъ призываемъ къ одному изъ судей, производящихъ слѣдствіе по этому дѣлу! Отчего же однимъ тюрьма, а другимъ мѣсто префекта? Какъ объяснить такіа несообразности, такіа противоположности? Министръ внутреннихъ дѣлъ, если только можно называть министрами странныхъ людей, которые получаютъ министерское содержаніе, министръ внутреннихъ дѣлъ, котораго спрашивали объ этомъ, отвѣчалъ, что онъ уступилъ требованію исполнительной комиссіи. Хороша исполнительная власть, которая подвергается съ одной стороны подобнымъ признаніямъ, съ другой уличкамъ г. *де Боасси*!

Послѣдній намекъ относится къ письму г. *Боасси*, адресованному на имя министра иностранныхъ дѣлъ, г. *Бастиды*. Г. *Боасси* указываетъ на худой выборъ, дѣлаемый министромъ, который совершенно повинуется своей партіи. Известно, что между дипломатическими агентами и иностранными консулами французской республики есть много обаятельныхъ и негодяевъ и другихъ лицъ, бывшихъ во враждѣ съ юстиціею. Г. *Боасси* объявилъ, что въ послѣднее время былъ назначенъ полномочнымъ министромъ при одномъ изъ иностранныхъ дворовъ суфлеръ одного изъ малыхъ бульварныхъ театровъ и одинъ изъ содержателей постыднаго дома, бывшаго впрочемъ подъ вѣвскою редиальнаго.

«Европа скажетъ, говорить онъ, и къ сожалѣнію справедливо, что, при такихъ агентахъ, составъ нашего дипломатическаго корпуса не лучше состава внутренняго управленія, гдѣ въ числѣ комиссаровъ, облеченныхъ неограниченною властію, людей, на которыхъ возложено управленіе странюю и сохраненіе общественной безопасности, были освобожденные каторжники и разбойники».

— Въ *Gazette du Midi* напечатано: «Каждый день мы узна-

ею самая назидательная подробность на счет департаментских комиссаровъ, назначенныхъ г. *Ледрю-Ролле-номъ*. Все знаютъ, что въ Гавръ онъ отпавилъ одного освобожденнаго каторжника; но тотъ не могъ отстать отъ своихъ прежнихъ привычекъ, и боясь, чтобы одинъ изъ его бывшихъ товарищей не проболтался, заръзалъ его. Теперь узнаемъ, что комиссаръ, назначенный въ Авиньонъ, былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ ужасномъ уголовномъ дѣлѣ, въ которомъ рѣчь идетъ объ убійствѣ, прелюбодѣяннн и кровосмѣшенн; не больше.

«И вошь люди, которымъ этотъ правитель Франціи вѣрять вѣлая области?»

— Въ газетѣ *Constitutionnel* напечатана длинная статья о нынѣшнемъ положенн Франціи; извлекаемъ изъ этой статьи нѣсколько замѣчательныхъ мѣствъ.

«Франціа скучаетъ!» говорили намъ нѣсколько времени назадъ. Если такъ, то Франціа страдала обыкновенной болѣзнью богатыхъ людей. Отъ этой болѣзни ее жестоко выльчили. Теперь она страдаетъ недугомъ совершенно противоположнымъ. Ее мучить, и всякой день все болѣе и болѣе угрожаетъ ей — нищета, нищета всеобщая, бичъ времени варварскихъ, который въ наше время казался невозможнымъ. Чтобы нищета сдѣлала такіе успѣхи въ столь короткое время, нужна была не одна революціа, которая породила бы ее какъ очень натуральное, но скоропроходящее послѣдствіе великаго переворота; необходимы были партнн, или люди, которые старались бы развить это общественное бѣдствіе, въ надеждѣ употреблять его какъ правительственное средство. Эта чудовищность проявилась въ наше время, нашлись люди до того жестокие, что съ намѣреніемъ и притомъ съ большимъ искусствомъ производили и развивали нищету. Поговоримъ сначала о тѣхъ, которые не въ такой степени виновны въ этомъ преступленн, но своимъ поведеніемъ много содѣйствовали усиленн бѣдствій, неизбежныхъ при сильномъ политическомъ потрясенн.

Изчисливъ ошибки, сдѣланныя правительствомъ съ самаго его основанія, изобразивъ пагубныя послѣдствія учрежденія

комиссіи объ организаціи труда, засѣдавшей въ люксембургскомъ дворцѣ, и разпространенія системы *Луи-Блана*, *Constitutionnel* продолжаетъ:

«Такимъ образомъ одни, чтобы поставить преграду между собой и тѣмъ что они называютъ реакціей, другіе, чтобы осуществить свои промышленныя мечты, третьи наконецъ, еще болѣе преступныя, чтобы создать общественный хаосъ и собрать кое-какія крохи въ этой ночи цивилизаціи, одни безъ опредѣленнаго намѣренія, другіе съ злодѣйскимъ умысломъ, но все, все безъ исключенія, принялись за правительственныя или оппозиціонныя средства, которыхъ прямымъ результатомъ было порожденіе нищеты частныхъ лицъ и государства. Состояніе разоренія, въ которомъ мы находимся, есть не только горькій плодъ, который приносятъ самыя лучшія революціи, но искусственное произведеніе дѣйствій, самыхъ непредусмотрительныхъ или самыхъ гнусныхъ. Отсюда всеобщій застой въ мастерскихъ, гдѣ производились предметы роскоши, отсюда то, что фабриканты, за недостаткомъ работниковъ, принуждены отказываться отъ заказовъ, отсюда—въ рѣдкіе дни спокойствія — совершенная бездѣйственность, совершенное отсутствіе покупателей въ лавкахъ, дремлющій видъ Парижа, котораго улицы, обыкновенно самыя многолюдныя, самыя оживленныя, теперь походятъ на улицы провинціального городка, такъ что торговцы не знаютъ, что печальнѣе, тѣ тревожные дни, когда они принуждены приниматься за оружіе, чтобы обуздывать мятежь, или тѣ мрачные дни, когда они съ отчаяніемъ въ душѣ смотрятъ на разорительную праздность, къ которой принуждаетъ ихъ подавленіе мятежей».

Бельгія.

26-го іоня, въ часъ по полудни, король съ обыкновенными церемоніями открылъ лично чрезвычайное засѣданіе палаты на 1848 годъ. Король былъ приветствованъ при входѣ въ залу громкими криками и произнесъ слѣдующую тронную рѣчь:

«Господа! Считаю себя счастливымъ, что нахожусь опять

между представителями. В то время когда вся Европа волнуется, Бельгія спокойна, исполнена доверія и силы. Мнѣ пріятно высказать открыто благодарность и справедливую гордость, которыя наполняют мое сердце. Измѣненіе политическихъ дѣлъ различныхъ государствъ не измѣнили нашихъ междунаціональныхъ отношеній. Наши оффиціальныя связи съ французскою республикою основаны на взаимномъ благоволеніи. Со всѣхъ сторонъ получаемъ мы доказательства дружелюбнаго расположенія къ намъ и уваженія.

«Важными законами занималось последнее засѣданіе. Кругъ политическихъ правъ былъ значительно расширенъ и первое примѣненіе реформы выборовъ показало, что мы не излишне доверились благоразумію націи.

«Организація гражданской гвардіи ревностно продолжается. Отличное расположеніе духа народа облегчаетъ ее.

«Обстоятельства наложили на страну тяжкое бремя. Она должна понимать его необходимость и мужественно нести его. При помощи финансовыхъ мѣръ, принятыхъ въ последнемъ собраніи, наша патриотическая армія приведена въ хорошее оборонительное положеніе. Мы старались поддержать работы. Государственное казначейство въ состояніи исполнить всѣ свои обязательства. Бремя не обезпеченнаго долга уже не тяготѣетъ на кредитъ. Будущее вознаградитъ жертву прошлаго.

«Субсидіи на чрезвычайныя расходы назначены только до 1 сентября. Но благодаря предусмотрительности въ расходахъ, новые налоги не необходимы.

«Всѣ наши усилія, господа, должны клониться къ тому, чтобы улучшить финансы. На этомъ покоятся сила и безопасность. Нормальный бюджетъ расходовъ будетъ сокращенъ. Мое правительство намѣрено постоянно стремиться къ сбереженіямъ.

«Многіе налоги должны быть измѣнены въ ихъ основаніяхъ. Мы постоянно будемъ заботиться объ облегченіи состоянія рабочаго класса.

«Мы живемъ въ тяжкую эпоху испытаній европейскаго

общества. Бельгія не сойдетъ съ мудраго и безопаснаго пути, на который однажды вступила. Чтобы удержаться на этомъ пути, нужно только, чтобы нація доверяла сама себя и была единодушна. Вы, господа, какъ выраженіе ея чувствъ и желаній, какъ представители ея интересовъ, должны достойно соответствовать ея ожиданіямъ.

«Вы будете способствовать правительству въ исполненіи тяжкихъ его обязанностей, и наши соединенныя усилія будутъ благодѣтельны для государства.»

Эта рѣчь была принята съ восторгомъ. Крики: да здравствуетъ король! не прекращались, пока король не оставилъ залу вмѣстѣ съ своимъ семействомъ. Засѣданіе было закрыто.

Швеція и Норвегія.

30-го мая, норвежскій Сеймъ, въ тайномъ засѣданіи, рѣшилъ единогласно, отправить норвежскія линейныя войска и флотилію на помощь Даніи противъ Германскаго союза и Пруссіи, и назначить для этого чрезвычайныя субсидіи въ 260,000 риксдалеровъ.

— Вооруженія на сушѣ и на морѣ дѣятельно продолжаютъ и въ Швеціи. Шведская эскадра находится на водахъ Мѣна. Крепости Ваксгольмъ и Карлстенъ приводятся въ оборонительное положеніе.

Пруссія.

Вечеромъ 14 іюня, въ Берлинѣ, былъ атакованъ арсеналъ и большое количество оружія и аммуниціи оттуда похищено. Въ Прусскомъ Монитерѣ напечатана прокламація военнаго министра, въ которой жителей Берлина приглашаютъ содѣйствовать всеми зависящими отъ нихъ средствами къ возвращенію оружія и другихъ похищенныхъ вещей, и сверхъ того объявленіе генераль-прокурора при уголовномъ судѣ, въ которомъ онъ требуетъ, чтобы лица, имѣющія эти оружія и вещи въ рукахъ своихъ, немедленно возвратили ихъ, а всѣхъ другихъ гражданъ приглашаетъ сообщить ему все, что имъ извѣстно объ этомъ преступленіи.

ДАРМШТАДТЪ.

11-го іюня, въ 3 часа по полудни, скончался отъ апоплексическаго удара его королевское высочество великій герцогъ Гессенскій Людвигъ II. Августѣйшій покойникъ родился 26 декабря 1777 года и вступилъ на престолъ, по кончинѣ своего родителя, 6 апрѣля 1830. Это прискорбное происшествіе погрузило въ глубокую горестъ всю велико-герцогскую фамилію и всѣхъ жителей столицы, и вѣсть о немъ принята съ такою же печалію и во всемъ государствѣ.

АВСТРІЯ.

Въ официальной части вѣнской газеты напечатанъ императорскій декретъ, подписанный въ Инспрукъ, 22 мая, которымъ австрійскій старинный уголовный кодексъ значительно измѣняется; между прочимъ отмѣнены тѣлесныя наказанія, выставка и клейменіе.

— Въ аугсбургской всеобщей газетѣ напечатано слѣдующее письмо изъ Вьны: «Видя какъ разрушается созданіе столькихъ вѣковъ, нельзя не сокрушаться горестію; но положеніе наше въ особенности нестерпимо потому, что не знаемъ, на что рѣшиться. Какъ защищать правительство, которое, по слабости, само себя куетъ цѣпи! Оно все думаетъ спастись уступками и не понимаетъ, что трудно управлять, лишившись уваженія. Какое же правительство когда-нибудь спаслось уступками? Уступки могутъ доставить минутное отдохновеніе; но больше ничего. Спрашивается, что лучше, это ли отдохновеніе, дарованное какъ бы изъ милости, купленное цѣною чести, или открытый бой, который можетъ доставить побѣду? Я и не думаю о реакціи невозможной; конечно, надобно идти впередъ; но идти по собственной волѣ, собственными силами, а не тащиться порывами, повинувшись чуждому вліянію. Послѣ мартовскихъ событій, правительство не сдѣлало само ни одного шага. Послѣ каждаго скачка, salto mortale, который заставляють сдѣлать, оно опускается въ изнеможеніе и спокойно отдыхаетъ отъ трудовъ, пока новое гальваническое потрясеніе не толкнетъ его опять впередъ.

«Въ ожиданіи, пока наступитъ очередь рабочнхъ, теперь у насъ господствуютъ студенты. Право, видя, что дѣлаютъ эти политическія дѣти, я готовъ сложить съ нихъ всякую отвѣтственность: они походятъ на дикаря, который поджигаетъ домъ, потому-что видѣлъ, какъ зажигали огонь въ каминъ; нельзя же отъ него требовать, чтобы онъ понималъ разность этихъ двухъ дѣйствій! Эти бѣдняки студенты не желаютъ зла; напротивъ; но если меня убили камнемъ, кака мнѣ надобность знать, какъ его бросили, по злобѣ или по неловкости. Хотя бы они были по-крайней-мѣрѣ забавны! Глупость собственная, врожденная, можетъ быть иногда оригинальною; но бѣшенство такъ сказать привито можетъ произвести только утомительное обезьянство. 26 и 27 мая въ особенности можно было видѣть, что это такое. Множество народа трудилось надъ постройкою баррикады, единственно для того, чтобы придать вѣнской мостовой давнишнюю знаменитость мостовой парижской или хоть недавнюю знаменитость берлинской мостовой. Нельзя же отстать отъ этихъ городовъ; надобно же показаться иностранцамъ.

«Посреди этихъ нелѣпостей, всего удивительнѣе несравненное добродушіе вѣнскихъ гражданъ, которые слезно жалуется, что Императоръ не возвращается, а сами дѣлаютъ все, что отъ нихъ зависитъ, чтобы сдѣлать возвращеніе его невозможнымъ.

«Вьну теперь не узнаешь: обѣ экипажахъ давно уже и рѣчи нѣтъ; даже фіакры исчезаютъ, превращаются въ миѣ и только изрѣдка своимъ появленіемъ напоминаютъ о прежнихъ, благополучныхъ временахъ. Театры пусты, какъ во время холеры; купцы не видятъ другихъ посѣтителей, кромѣ нищихъ. Это многихъ пугаетъ и нерѣдко слышишь грустное предсказаніе: «Да, Вьна сдѣлается второй Венеціей!» О, нѣтъ, добрые Вьнцы, откажитесь отъ этого еще слишкомъ легкаго заблужденія! Даже и въ глубочайшемъ своемъ униженіи Венеція обладала сокровищами, которыя вамъ неизвѣстны: славными воспоминаніями, произведеніями искусства, и небомъ, вѣчно голубымъ и прекраснымъ. У васъ, напротивъ, историческихъ воспоминаній нѣтъ; самая слабая

память легко удержать изчисленіе ваших изящных произведеній, а климатъ вашъ никуда не годится. Вы всегда умѣли только хорошо пожить, а теперь и то забыли; а приобрьли ли вы какіе-нибудь новые таланты, въ этомъ еще можно сомнѣваться. Поэтому ваша Вѣна никогда не будетъ Венеціей, которая и въ несчастіи своемъ все еще такъ прекрасна, а городомъ опустѣлымъ и печальнымъ, въ который путешественники будутъ заглядывать развѣ только проѣздомъ изъ Регенсбурга въ Константинополь.»

— Въ Прагѣ, 29 мая, образовалось временное правительство или высшій советъ. Графъ Ностицъ и г. Ригеръ отправлены были въ Тироль просить Императора объ утвержденіи этого учрежденія. Но министерство представило Императору незаконность этихъ дѣйствій, чтобы воспрепятствовать признанію Императоромъ упомянутого временнаго правительства. Въ то же время министръ внутреннихъ дѣлъ предписалъ земскимъ чинамъ Богеміи и другихъ частей государства не признавать его законнымъ. Повелѣніемъ отъ 31 іюня Императоръ утвердилъ министерское рѣшеніе, которымъ учрежденіе въ Прагѣ отвѣтственнаго правительственнаго совета, независимаго отъ совета министровъ, объявляется незаконнымъ. Послѣ этого въ Прагѣ возникли важныя безпорядки.

Въ лейпцигской газетѣ находятся слѣдующія извѣстія объ этихъ безпорядкахъ: «Демонстрація Чеховъ 11 іюня противъ военныхъ, благодаря твердости князя *Виндишгреца*, не удалась. 12-го объѣдно служили подъ открытымъ небомъ; народу было много. По окончаніи объѣдны толпа запѣла славянскія пѣсни и отправилась къ воротамъ такъ называемой пороховой башни, но увидѣвъ, что улица занята баталіономъ гренадеровъ, остановилась и начала строить баррикады. Князь *Виндишгрецъ* велѣлъ сказать возмутителямъ, что если они въ продолженіе часа не уничтожатъ баррикады, то онъ будетъ стрѣлять въ нихъ картечью. Выстрѣлъ изъ одной гостиницы, слѣванный студентомъ *Муромъ*, убилъ стоявшую въ окнѣ противуположнаго дома супругу князя, который тотчасъ велѣлъ солдатамъ дви-

нуться впередъ. Началось сраженіе. Къ 11 часамъ вечера войска одержали верхъ. Сыну князя выстрѣломъ раздробило колено. Одинъ полковникъ убитъ камнемъ. 13 іюня была сильная перестрѣлка. 15 числа съ утра до ночи стрѣляли по инсургентамъ. Улицы были загромождены баррикадами. Комендантъ объявлялъ, что желающіе могутъ выѣхать изъ города, потому-что онъ намѣренъ бомбардировать его съ высотъ и укрѣпленій. Многіе изъ жителей воспользовались этимъ позволеніемъ и разсыпались въ разныя стороны. 17 іюня баррикады частію разобраны для возстановленія проѣзда по улицамъ. Къ вечеру однакожъ снова началось сраженіе. Бомбы и гранаты, брошенные въ городъ, произвели во многихъ мѣстахъ пожары; студенты побросали оружіе и 18 числа утромъ вышли изъ города. Въ тотъ же день обнародована прокламація коменданта графа *Виндишгреца* и президента графа *фонъ Туна*, въ которой сказано, что переговоры не произвели никакого благопріятнаго результата, и что мятежный городъ будетъ покоренъ оружіемъ, если до полудня жители не выдадутъ своего оружія и не представятъ въ заложники четырнадцать челоувѣкъ, поименованныхъ въ прокламаціи. Граждане, пораженные страхомъ, покорились и ровно въ полдень войска заняли Старый Городъ.

Италія.

Изъ Рима отъ 18 пишутъ, что тамъ начались выборы, но что весьма немногіе принимаютъ въ нихъ участіе. Министерскимъ предписаніемъ отъ 12 мая учрежденъ государственный советъ, состоящій изъ десяти ординарныхъ советниковъ, пяти экстраординарныхъ и двадцати четырехъ аудиторовъ. Въ числѣ членовъ совета находятся четыре кардинала. Другимъ постановленіемъ отъ того же числа, наименованы сорокъ шесть членовъ высшаго совета или палаты перовъ. Папа не утвердилъ перваго списка этихъ членовъ, представленнаго министерствомъ. Увидѣвъ въ спискѣ имя г. *Вико*, іезуита и отличнаго астронома, Пій

IX сказалъ: «Вы поставили тутъ это имя для того, чтобы показать, будто іезуиты не терпятъ гоненія въ Римѣ. Я не хочу содѣйствовать обману.» И онъ вымаралъ имя Вико.

Пій IX продолжаетъ противиться войнѣ. Министры продолжаютъ вести ее отъ его имени. Съ девяти часовъ утра до пяти по полудни, кофейни, журналы, уличные трибуны, разглагольствуютъ противъ папы, не какъ первосвященника, а какъ свѣтскаго властителя; а съ пяти до семи, баталіоны гражданской гвардіи идутъ одинъ за другимъ въ Квириналь, чтобы принять благословеніе папы и поднести ему букетъ. Во всемъ этомъ дѣло идетъ о раздѣленіи духовной власти со свѣтской и не сегодня, такъ завтра, оно должно совершиться.

Флоренція. 15 мая обнародованъ велико-герцогскій эдиктъ, которымъ жители Массы, Каррары, Луниджіаны и Гарфаньяны приняты въ число тосканскихъ подданныхъ.

Австрійскія войска взяли Виенцу и бомбардируютъ Падую. Фельдмаршалъ графъ *Радецкий*, обложивъ Верону и Мантую, пошелъ со всеми своими силами въ Венеціанскія владѣнія, чтобы покорить эту провинцію австрійскому скипетру.

ГРЕЦІЯ.

Новѣйшія извѣстія изъ Греціи, доходящія изъ Аѳинъ до 7 (19) мая, не успокоительны. Инсурреція, произведенная лицами, вступившими въ Грецію въ слѣдствіе амнистіи, по видимому, распространилась и производить опустошеніе въ нѣсколькихъ провинціяхъ, а именно: въ Доридъ, Мессени и Акарнани.

— Изъ *Албаніи* получено извѣстіе о взятіи въ плѣнъ извѣстнаго тамошняго матежнаго начальника *Джумлеки*; онъ привезенъ въ монастырь, резиденцію албанскаго губернатора, Решадъ-беевъ, братомъ начальника трикальскихъ дегилеевъ *Гаджи-Гуссейна-паши*.

— Пишутъ изъ Аѳинъ, что 5-го ч. н. м. нов. ст. нѣкто Апостоль *Надиръ*, находившійся въ услуженіи у секретаря турецкаго посольства въ Греціи, вошелъ, въ 4 часа по полудни, въ кабинетъ турецкаго посланника г-на *Муссуруса*, подъ предлогомъ, будто бы у него было къ нему письмо, и выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета. Посланникъ хотѣлъ было отвести пистолетъ, и поднялъ правую руку; въ это самое время весь зарядъ, состоявшій изъ пяти пуль, попалъ ему въ локоть. Злодѣй тотчасъ обратился въ бѣгство, но былъ схваченъ на улицѣ, и преданъ въ руки правосудія. Неизвѣстна еще причина, побудившая его къ этому преступленію; ему 25 лѣтъ отъ роду; онъ родился въ Константинополѣ, и обучался въ галата-серальской школѣ. Король *Оттонъ* отправилъ немедленно одного изъ своихъ адъютантовъ къ г-ну *Муссурусу*, для извѣщенія ему своего соболезнованія по этому случаю. Пули были вынуты изъ его руки, и состояніе его не внушаетъ ни какого опасенія на счетъ его жизни, но полагаютъ, что онъ будетъ не въ состояніи, по-крайней-мѣрѣ, на долгое время, владѣть рукою. Говорятъ, что греческое правительство согласилось передать турецкому правительству покусившагося на жизнь г-на *Муссуруса*, Апостола *Надира*, для произведенія надъ нимъ суда, съ условіемъ, чтобы онъ не былъ преданъ смертной казни.

Остѣ-Индія.

Изъ *Калькутты* получены извѣстія отъ 3 мая, изъ *Бомбей* отъ 12 и изъ *Китая* отъ 24 апрѣля:

Войска *Сиковъ* перешли на сторону инсургентовъ, въ *Мультавъ*, два англійскіе агента *Андерсонъ* и *Аньо* изби-города и на укрѣпленіяхъ. Къ несчастію, начинающіеся жары не позволяютъ ничего предпринять для укрощенія бунтовщиковъ прежде октября или ноябля, иначе въ по-ходъ погибла бы половина Европейцевъ.

— Туги начали опять свирѣпствовать въ Пендшабъ и уже поразили много жертвъ. Туги, какъ известно, образуютъ тайное общество убійць, которые, дѣйствуя на основаніи политическихъ и религіозныхъ началъ, странно перемѣшанныхъ между собою, безжалостно умерщвляютъ путешественниковъ, встречаемыхъ ими на дорогахъ или въ лѣсахъ, особенно Европейцевъ и тѣхъ туземцевъ, которые держатъ сторону послѣднихъ. Правительство Остъ-Индской компаніи нѣсколько лѣтъ дѣятельно преслѣдовало это гнусное общество, которое уже начинали считать если не совершенно истребленнымъ, то по-крайней-мѣрѣ до такой степени ослабленнымъ, что предпріятій его можно было страшиться не болѣе, какъ и предпріятій отдѣльныхъ злоумышленниковъ. Если правда, что оно опять поднимаетъ теперь голову на берегахъ Сутледжа, то это служитъ доказательствомъ существованія между туземцами большаго неудовольствія, нежели какое предполагаютъ въ нихъ Англичане.

СЪВЕРГО-АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

Получено извѣстіе о ратификаціи мирнаго договора Соединенныхъ Штатовъ съ Мексикою.

— Изъ Орегона получено извѣстіе о возстаніи Индѣйцевъ противъ американскихъ колонистовъ.

Были уже четыре битвы: въ трехъ первыхъ побѣдили бѣлые; но Индѣйцы въ возмездіе за это опустошили пресвитеріанскую миссію Валлахъ-Валлахъ-Валлей, гдѣ убили 19 человекъ и взяли въ плѣнъ отъ 60 до 70 человекъ. Въ Вашингтонъ посланъ нарочный просить пособія противъ этихъ страшныхъ враговъ, угрожающихъ уничтожить цвѣтушія и полныя будущности колоніи, которыя Американцы устроили въ Орегонѣ. Президентъ Полкъ уже предложилъ конгрессу отправить туда корпусъ войскъ.

М Е К С И К А.

На время успокоившейся Юкатанъ сдѣлался снова добычею ужасовъ войны между двумя поколѣніями, дикимъ и образованнымъ.

Въ слѣдствіе нарушенія бѣлыми трактата, не давно заключеннаго, снова вспыхнула война, еще болѣе прежняго жестокая. Индѣйцы вступили въ Мериду 7 мая и первый день занимали ее спокойно, но потомъ предались всякимъ неустоямъ.

В е с т ь - И н д і я.

Въ извѣстіяхъ съ Гаити (Жакмель, 10 мая) говорятъ о повоѣ возстаніи. Борьба между черными и бѣлыми произошла отъ того, что президентъ черныхъ, г. Сулукъ, приказалъ арестовать генерала Ардуэна, какъ государственнаго изменника. Его арестовали 16 апрѣля, а 23 числа бѣлые потянулись большими толпами въ Порто-Пренсъ съ намѣреніемъ свергнуть президента. Послѣдній пошелъ на встречу имъ и въ происшедшемъ при этомъ сраженіи пало много съ обѣихъ сторонъ. Бѣлые были побѣждены, искали покровительства французскаго и англійскаго консуловъ и нѣсколько дней не смѣли показываться на улицахъ. Черные жестоко мстили бѣлымъ. Послѣ того было возстаніе на югъ и другое въ Мирагуакъ, подавленные президентомъ. Президентъ издалъ прокламацію, въ которой объявляетъ значительное число лицъ лишенными покровительства законовъ.

Мысль Добрая Надежды.

Война въ землѣ Кафровъ, длинный рядъ убійствъ и опустошеній, при которомъ одна изъ самыхъ образова-

ныхъ націй во всемъ мѣрѣ принуждена была соперничать въ жестокости съ дикарями, кончена. Заключень миръ, по которому вся земля Кафровъ подпадаетъ подъ власть Англии. Кафраи будутъ управлять ихъ собственные начальники, но эти начальники будутъ утверждаемы въ должности губернаторомъ колоніи.

Русская Словесность.

ВЪ АЛЬБОМЪ и не ВЪ АЛЬБОМЪ.

Васъ не любить—грѣшно,
 Любить же безразсудно,
 Бѣжать отъ васъ — смѣшно,
 Быть съ вами вмѣстѣ — трудно!

При васъ — себя мнѣ жаль,
 Врознь съ вами—просто мука,
 При васъ въ душѣ печаль,
 Безъ васъ—хандала и скука!

Такъ это вы, кого я такъ любилъ,
 Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
 О комъ мечталъ я, кѣмъ я жилъ,
 И жертвовалъ кому не разъ я вдохновеньемъ!
 Такъ, это вы?... Я не узналъ бы васъ!
 Смотрю и мышлю: это вы ли!
 Увы, огонь очей погасъ,
 И сердце, коимъ вы шутили,
 Мертво и нѣмо въ этотъ часъ,
 Какъ нѣкогда вы сами нѣмы были!

О. Сушковъ.

МИНУТА РАЗЛУКИ.

Я помню мигъ... она стояла
 Полна тоски передо мной,
 И, отуманенныхъ слезой,
 Очей небесныхъ, ангелъ мой,
 Съ меня, безумца, не спускала.
 Руки хладящей своей
 Отъ губъ моихъ не отнимала,
 И съ дѣтскимъ трепетомъ внимала
 Рѣчамъ безумства и страстей
 Души растерзанной моеи!
 Ребенокъ!... Въ грозной часъ разлуки
 Она впервые повала,
 Любовь, которую жила,
 И сердца вопль, и сердца муки,
 И злобы черныя дѣла!
 А я... но гдѣ же взять мнѣ силы,
 Откуда словъ скажите взять,
 Въ какихъ мнѣ звукахъ передать
 Страданья, коимъ тѣма могилы
 Не въ силахъ исцѣленья дать!...
 Свершилось рока указанье!
 Мой ангелъ скрылся. Жизнь прошла,
 Душа для счастья умерла...
 Вся жизнь слилась въ одно страданье,
 Въ одно объ *ней* воспоминанье!

В. Калашниковъ.

Н И Н А.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА МОЕГО ПРИЯТЕЛЯ.

Ахъ, обмануть меня не трудно,
 Я самъ обманываться радъ!

А. Пушкинъ.

I.

Я зналъ Нину, когда ей было еще тринадцать лѣтъ. Отецъ ея, старый Нѣмецъ, былъ когда-то присланъ узднымъ врачомъ въ М... Вильгельмъ Фодоровичъ (такъ звали отца Нины), не смотря на свое докторское званіе, никого не лечилъ. Станный былъ онъ человекъ! Сынъ аптекаря,—онъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ былъ приготовляемъ въ лекаря; но, кажется, очень мало обнаруживалъ охоты и способностей къ этому званію, потому-что былъ страшно лѣнивъ и разсыянъ, и гораздо болѣе любилъ чтать Иліаду и смотрѣть на картинки, украшавшія Одиссею, въ нѣмецкомъ переводѣ. Но не смотря на это, благодаря неусыпному вниманію отца, а отчасти щелчкамъ, на которые не скупился старый аптекарь, Вильгельмъ Фодоровичъ, лѣтъ въ семнадцать, порядочно зналъ естественныя науки и фармакологию; онъ уже готовился поступить въ академію, какъ вдругъ аптекарь умеръ. Вильгельмъ Фодоровичъ, сдѣлавшись свободнымъ,

тотчасъ же продалъ аптеку и отправился путешествовать. Онъ записывался почти въ каждомъ университетѣ слушателемъ, но ни въ одномъ изъ нихъ не бывалъ на лекціяхъ болѣе двухъ разъ, и, во все это время, то читалъ Гёте, Шиллера, Шекспира, то знакомился съ провѣзжими артистами, покупалъ статуи, картины, пріобрѣталъ образцовыя сочиненія—во всевозможныхъ изданіяхъ—и былъ даже, говорятъ, актеромъ въ одной провинціальной труппѣ. Не мотая денегъ почти ни на что, кромѣ означенныхъ покупокъ, онъ, въ то же время, проживалъ каждый годъ до восьми тысячъ рублей, потому-что безпрестанно терлъ кошельки и почти въ каждомъ трактирѣ варварски обшчитывался. Такимъ образомъ у Вильгельма Федоровича, послѣ трехъ лѣтъ заграничной жизни, не осталось ничего; онъ вернулся въ Петербургъ, прожилъ нѣсколько времени въ вопіющей бѣдности и, вспомнивъ о медицине, началъ снова приготовляться въ академію. Богу одному известно, какихъ усилій стоило ему, при его слабой памяти и при отвращеніи ко всякому положительному занятію, приготовиться къ экзамену; но онъ послушалъ въ академію и, черезъ четыре года, былъ уже посланъ лекаремъ въ М.... На другой же годъ, послѣ своего пріѣзда, Вильгельмъ Федоровичъ женился на дочери одного изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, принесшей ему съ собою, сверхъ прекрасныхъ качествъ, сто не заложенныхъ душъ. Онъ очень удивился, когда изъ его Теклы, стройной, нѣжной и скромной Теклы, года черезъ три, образовалась толстая, звонкоголосая и брачная барыня. На пятый годъ ихъ супружества родилась у нихъ Нина. Не минуло еще ей трехъ лѣтъ, какъ Вильгельмъ Федоровичъ вышелъ въ отставку и совершенно пересталъ лечить. Сдѣлавшись свободнымъ, онъ снова принялся читать Фауста, толковать о Гамлетѣ и писать по временамъ стихи. Голова его вѣчно была наполнена отвлеченностями: онъ не занимался ни хозяйствомъ, ни женой, ни даже воспитаніемъ единственной дочери. Въ городѣ—одни называли его фантазеромъ, а другіе просто сумасшедшимъ; но я любилъ и уважалъ его, я видѣлъ во всѣхъ ошибкахъ его жизни, что онъ былъ, какъ

говорится, художникъ въ душѣ. Такіе люди существуютъ на свѣтѣ и, не знаю, справедливо ли преслѣдуютъ ихъ насмѣшками? Вильгельмъ Федоровичъ, какъ и всѣ ему подобные, дѣйствительно самъ не произвелъ ничего хорошаго, но все-таки былъ художникъ, потому-что, въ пятьдесятъ лѣтъ, сохранилъ самую живую, юношескую любовь ко всему прекрасному, имѣлъ тонкій и образованный вкусъ, глубокія и оригинальныя сужденія о произведеніяхъ искусства. Ни жизни, ни наукъ не зналъ онъ, и даже читалъ мало, потому-что читалъ только лучшихъ авторовъ. Прочитавъ любимаго имъ Фауста, или что нибудь изъ Шекспира, въ сотый разъ, Вильгельмъ Федоровичъ обыкновенно зажималъ глаза и, по цѣлымъ вечерамъ, просиживалъ въ такомъ положеніи. Это онъ дѣлалъ, какъ самъ часто мнѣ говорилъ, для того, чтобы, удалась отъ вѣдшихъ впечатлѣній, яснѣе воспроизвести прекрасныя образы, развиты и уяснить себѣ тонкіе намеки, которыхъ такъ много у великихъ писателей,—чтобы, разбирая каждый характеръ отдѣльно, пережить съ нимъ всѣ моменты его нравственной жизни, начиная отъ самыхъ спокойныхъ до сильно-драматическихъ. Почтенная супруга Вильгельма Федоровича, Оекла Петровна, также думала, что мужъ ея не совсемъ въ своемъ умѣ. Послѣ страннаго его отрѣченія лечить, она выдержала трехъ-недѣльную горячку и съ тѣхъ поръ начала, что называется, денно и нощно грызть мужа; но Немецъ остался твердъ въ своемъ рѣшеніи и никого не лечилъ. Лѣтъ черезъ пять и Оекла Петровна привыкла къ своему, какъ она выражалась, несчастію и въ утѣшеніе себѣ обыкновенно говорила: не вѣдь Богъ даетъ умныхъ мужей; мой по-крайней-мѣрѣ не пьяница, онъ бы и съ практикою ничего не нажалъ: все бывало бѣдныхъ лечилъ, да еще и лекарства на свой счетъ покупалъ. Вотъ каково было семейство, гдѣ родилась моя Нина.

Не знаю почему, я въ этой двушкѣ предполагалъ многое. Нельзя сказать, чтобы она была красавица; но она была очень мила: высокая не по лѣтамъ, стройная, съ маленькою головкою, но, въ то же время, съ прекрасно-развитою грудью; въ большихъ темно-голубыхъ глазахъ ея и въ дѣт-

ской улыбка была видна какая-то задумчивость, что придавало ей круглому личику такое выражение, какъ будто бы она о чемъ-то постоянно грустила, и мнѣ казалось, что это была тоска Миньоны по небесамъ. Не для здѣшняго міра рождена ты! часто думалъ я, глядя на нее; но иногда мысли мои мѣнялись: я представлялъ Нину черезъ десять и двадцать лѣтъ,—и невольно задавалъ себѣ вопросъ: что будетъ тогда съ нею? Странное дѣло—этотъ вопросъ всегда рѣшался одинакимъ образомъ: мнѣ казалось, что, рано или поздно, на это, спокойное теперь созданіе, пахнѣтъ суровое горе жизни, и что Провидѣніе наложитъ на нее крестъ тяжелыхъ испытаній, а я буду утѣшать ее. Мало этого,—мнѣ казалось, что ея страданія проистекуть изъ собственныхъ ея заблужденій, которыя непременно постигнуть ее, потому-что она, какъ мнѣ казалось, вполне наслѣдовала художественную натуру отца, слѣдовательно натуру способную увлекаться и ошибаться; въ этой мысли меня еще болѣе убѣждало то, что Нина прекрасной пѣла и играла на фортепіано. Были даже минуты, когда я, въ порывѣ моей мечтательности, думалъ жениться на Нинѣ и, съ полнымъ вниманіемъ, развитъ все ея прекрасныя склонности и предохранить ее отъ неизбежнаго зла. По волю судьбы, мнѣ снова было назначено прожить почти цѣлый годъ въ М... На другой же день, послѣ своего пріѣзда, бросился я къ старому Нѣмцу. Нинѣ было уже семнадцать лѣтъ; она нѣсколько пополнѣла, въ чертахъ лица ея не было уже прежней нѣжности, но она была по прежнему задумчива, глаза ея были также прекрасны. Чувства мои, мало взглядившіяся продолжительною разлукою, снова возродились: по цѣлымъ часамъ глядѣлъ я на Нину, когда она, склонившись на руку, въ какомъ-то раздумьи, глядѣла въ окно. Не знаю, понимала ли Нина то, что я чувствовалъ къ ней, но она была со мною холоднѣе, чѣмъ съ прочими, и я полагалъ, что это происходило по совету матери: она любила и слушалась ее, а мать терпѣть меня не могла за то, что я, бывая у нихъ, никогда почти не говорилъ съ нею, не раска-

зывалъ ей городскихъ сплетней, а толковалъ больше съ добрымъ Нѣмцемъ. Такъ прошла вся осень.

Съ наступленіемъ зимы, въ М..., сверхъ обыкновенія, затѣялись собранія: ихъ составилъ Семень Семеничъ; къ нему присталъ откупщикъ, и перѣехали въ городъ: помѣщикъ Ковылевъ и всѣми уважаемый, другой помѣщикъ Козулинъ; они разобрали вечера и назначили по воскресеньямъ собранія. Нинѣ надобно было выѣзжать: Оекла Петровна была въ ужасныхъ хлопотахъ; сама она не могла выѣзжать, потому-что страдала постоянно флюсомъ, который совершенно перекосилъ ея лицо на одну сторону; Нину поручила она Клеопатрѣ Алексеевнѣ. Мнѣ это весьма не нравилось: избранная патронесса была глупа и надута; она конечно не захочетъ, или, лучше сказать, не съумѣетъ заняться порученною ей дѣлушкой. Я сказалъ было объ этомъ Вильгельму Оедоровичу, но тотъ только махнулъ рукою, приговаривая: «не наше дѣло, mein Lieber, тутъ самъ чортъ ничего не сдѣлаетъ.» Начались собранія и вечера. Я, собственно для Нины, рѣшился выѣзжать. Я видѣлъ, какъ бросилась ей кровь въ лицо, когда она, въ первый разъ, вошла въ освѣщенную залу и увидѣла толпу разряженныхъ мужчинъ и женщинъ; я видѣлъ, какъ она, сначала, не смѣла отойти отъ своей патронессы, не смѣла даже взглянуть въ сторону; съ какою-то чисто дѣтскою робостію подала она потомъ руку подошедшему къ ней кавалеру и просившему ее на вальсъ; видѣлъ, какъ она увлекалась, какъ движенія ея дѣлались постепенно безстраше и живѣе; подъ конецъ собранія, она уже очень беззаботно танцевала мазурку съ офицеромъ и чему-то смѣялась: съ лица ея пропала обычная задумчивость. Ребенокъ!—думалъ я,—какъ она способна воспринимать впечатлѣнія! Но ты недолго проживешь чужою радостію, ты снова задумаешься! И дѣйствительно, Нина скоро задумалась. Мнѣ въ голову тогда не приходило, что это было отъ усталости. Когда кончилась мазурка, я подошелъ къ ней.

- Вамъ было весело, Нина Вильгельмовна? спросилъ я.
- Весело, отвѣчала она.
- Но отчего жъ вы задумались?

— Такъ.

— Нѣтъ, не такъ, возразилъ я, — вамъ скоро все это на-
скучитъ.

— Никогда, отвѣчала она, — мнѣ только дома очень скучно.

— Отчего же вамъ дома очень скучно?

— Да такъ! все сиди, папенька всегда читаетъ, иногда заставляеть меня слушать — мнѣ это очень скучно! или, по цѣлымъ вечерамъ, играй ему на фортепiano, а онъ плачетъ — очень весело!

Въ первый разъ еще слышалъ я, что Нинѣ скучно оттого, что отецъ читаетъ и заставляеть ее играть, — и эта мысль болѣзненно отозвалась въ моемъ сердцѣ. Она молода, она ничего не понимаетъ, подумалъ я въ утѣшеніе себѣ.

Нина, воспользовавшись моимъ молчаніемъ, тотчасъ отошла отъ меня. Я видѣлъ, что она снова начала разговаривать съ своимъ мазурочнымъ кавалеромъ и отъ души смѣялась. Мнѣ сдѣлалось какъ-то горько и досадно: я тотчасъ уѣхалъ.

II.

Уѣздное собраніе, какъ и всѣ почти уѣздныя собранія, имѣло одинъ недостатокъ: въ немъ было чрезвычайно мало кавалеровъ. Положеніе дѣвицъ весьма непріятно! Такъ говорили многіе. Какая нибудь Дарья Семеновна, дочь почтеннаго отца, дававшего постоянно вечера, часто принуждена была пропускать танцы. Дарья Семеновна, прошлую зиму, жила въ Москвѣ и тамъ сдѣлала, какъ говорилъ отецъ, такое впечатлѣніе, что, просто, удивительно. Что дѣлать? кавалеровъ мало! Правда, былъ одинъ щеголь, который подлинно танцевалъ, сколько силъ доставало, и ему даже официантъ, подавалъ ужинъ, обыкновенно говорили:

— Вамъ, сударь, можно покушать, — вы, чай, протанцова-
лись?

— Да, братецъ, нечего сказать! — изрядно пропотѣлъ!
обыкновенно отвѣчалъ онъ.

Принявши это въ соображеніе, ни кому конечно не будетъ удивительно, что появленіе новаго кавалера, блистательнаго, богатаго, красавца, произвело на всѣхъ ощутительное дѣйствіе. Это было подѣ новый годъ. Семень Семеньчъ пріѣхалъ позже своего семейства и тотчасъ же подошелъ къ Клеопатрѣ Алексѣевнѣ, ходившей съ моею Ниною и еще двумя дѣвицами.

— Поздравляю барышень съ новымъ кавалеромъ, сказалъ Семень Семеньчъ: Мазуринъ пріѣхалъ.

— Ахъ, какъ это хорошо! вскрикнула Клеопатра Алексѣевна, — вотъ прелесть!

— Что такое, papà? спросила Дарья Семеновна, проходя мимо.

— Мазуринъ пріѣхалъ.

— Не можетъ быть! сказала Дарья Семеновна, — за чѣмъ вы, papà, такъ ужасно шутите?

— Что жъ за шутки. Сейчасъ присылалъ ко мнѣ за билетомъ.

Дарья Семеновна отошла въ волненіи и, взявши подѣ руку одну изъ подругъ, сказала ей: Ма сhère, мы сегодня съ вами будемъ ходить. Потомъ, помолчавъ, прибавила: кажется, Мазуринъ пріѣхалъ.

— Право? сказала ея подруга, сколько возможно спокойнымъ голосомъ; но лицо ей измѣнило — она сначала вспыхнула, потомъ поблѣднѣла.

Новость, сообщенная Семеномъ Семеньчемъ, заняла всѣхъ. Я посмотрѣлъ на Нину: въ лицѣ ея не было обыкновеннаго спокойствія, она, кажется, раздѣляла общее любопытство. Спустя четверть часа, Мазуринъ вошелъ въ залу, и взоры всѣхъ, какъ бы невольно, приковались къ нему. Онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, красавецъ: высокій, стройный ростъ; открытое, умное, съ правильными чертами лица, благородство въ пріемахъ, изысканная простота въ одеждѣ — все это производило то, что онъ дѣйствительно казался между всеми какимъ-то отмѣтнымъ соболемъ. Съ четверть часа, вмѣстѣ съ прочими, смотрѣлъ и я, не спуская глазъ, на Мазурину.

— Какъ онъ хорошъ! сказалъ я одной молодой дамѣ.

— Очень хорошъ, отвѣчала она: и страшный богачъ! говорятъ, у него славные, золотые приiski!

Начался вальсъ. Я видѣлъ, какъ безпокойство пробѣжало по всѣмъ лицамъ танцующихъ дамъ, и не мудро! Представьте себѣ положеніе ихъ: онъ должны были танцовать съ своими туземными кавалерами предъ Мазуринымъ, который, хотя самъ не танцовалъ, но ужъ конечно превосходно вальсируетъ. Франтъ взялъ одну изъ дѣвицъ, Мардохеявъ дочь откупщика, на которой, говорятъ, хотѣлъ жениться; но это все еще сносно! Ну, а Дарья-то Семеновна съ кѣмъ? Она подошла къ своему родителю и рѣшительнымъ голосомъ сказала ему, какъ старшинѣ, чтобъ онъ велѣлъ перестать играть вальсъ, и хорошо сдѣлала, потому-что ей угрожала не малая опасность: къ ней подходилъ кавалеръ, который былъ не авантюренъ въ вальсъ и до такой степени, что судья, чело-вѣкъ очень скромный, обыкновенно говорилъ про него: козелъ! совершенный козелъ! Каково же, предъ Мазуринымъ, танцовать съ козломъ? Вальсъ прекратился; сигналъ поданъ къ французской кадрили; Мазуринъ кладетъ шляпу... цитируетъ перчатки... одна дѣвица, вмѣстѣ съ Дарьей Семеновной нарочно прошла мимо него и посмотрѣла самымъ значительнымъ взоромъ. Мазуринъ пошелъ, посмотрѣлъ на дочь откупщика, — она покраснѣла и тяжело вздохнула, Мазуринъ повернулъ влѣво и... какъ странно нынѣшняя молодежь ведетъ себя въ обществѣ! Этотъ Мазуринъ, вмѣсто того, чтобы почтить или дочь почтеннаго Семена Семеныча, или по-крайней-мѣрѣ дочь откупщика, — прошелъ всѣхъ мимо и подошелъ къ Нинѣ. У меня замерло сердце... Этотъ поступокъ Мазурина какъ бы обличалъ его передо мною: Мазуринъ красавецъ, свѣтскій чело-вѣкъ, онъ всю жизнь провелъ въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, онъ вѣроятно любить въ женщинѣ только молодость, свѣжесть и невинность, а Нина была тутъ всѣхъ моложе, всѣхъ свѣжѣе, больше всѣхъ походила на ребенка! Мазуринъ не случайно взялъ ее!... онъ ее погубитъ!... Въ прекрасномъ лицѣ его я сталъ замѣчать много чувственности и, съ той же минуты, далъ

себѣ слово строго наблюдать за Ниною и, если возможно, предостеречь ее. Не могли удержать себя, я подошелъ и сѣлъ отъ нихъ недалеко. Мазуринъ разспрашивалъ Нину объ ея отцѣ, говорилъ, что онъ знаетъ старика и обѣщался быть у нихъ на другой день. Это еще болѣе усилило мои подозрѣнія. Мазуринъ танцовалъ съ Ниною еще кадрилъ и взялъ ее на мазурку.

III.

Не смотря на свой, нѣсколько странный поступокъ, Мазуринъ все-таки оставался интереснымъ кавалеромъ. Дарья Семеновна, въ то же собраніе, подошла къ отцу и сказала:

— Что, папа, будетъ ли у насъ завтра Мазуринъ на вечерѣ?

— Какъ же это, душа моя, отвѣчалъ тотъ: я вѣдь съ нимъ не знакомъ, а самъ-то онъ не знакомится.

— Вы всегда, папа, такъ: ничего не умѣете порядочно сдѣлать!

Семень Семенычъ, видно, сознавая справедливость замѣчанія дочери, ничего не отвѣчалъ и задумался.

— Да, какъ же? сказалъ онъ, помолчавъ: я ужъ не знаю, право неловко.

— Это ужасно! сказала Дарья Семеновна и, пожавъ плечами, отошла отъ родителя. Семень Семенычъ, во все остальное время бала, заходилъ къ Мазурину то справа, то слѣва; но Мазуринъ не замѣчалъ этого и занимался, по большей части, Ниною. Одна изъ дѣвицъ дѣйствовала рѣшительнѣе Дарьи Семеновны: танцуетъ съ Мазуринымъ французскую кадрилъ, она сказала:

— Здѣсь городъ не большой, а очень веселятся.

— Это видно, отвѣчалъ Мазуринъ.

— Въ собраніи еще не такъ, а вотъ на вечерахъ — очень пріятно; здѣсь много вечеровъ.

— Право?

— Да! вотъ у Семена Семеныча, у Ковылева;— его семейства сегодня нѣтъ; у насъ.... Я надѣюсь, прибавила она жеманнымъ голосомъ, что вы доставите намъ удовольствіе видѣть васъ въ нашемъ домѣ?

Мазуринъ поклонился.

— Отчего жъ вамъ, papà, сказала Дарья Семеновна, на другой день за утреннимъ чаемъ: не съѣздить къ Мазурину? Онъ ужъ не мальчикъ.

— Конечно, отвѣчалъ отецъ: да все какъ-то неприлично.

— Полноте, papà, что это за глупыя примчія въ уѣздномъ городѣ,—только стѣсняють удовольствія!... въ столицѣ другое дѣло.... Позъжайте!

Семень Семенычъ, убежденный этимъ доводомъ, часу въ двенадцатомъ отправился къ Мазурину съ визитомъ.

Дарья Семеновна, оставшись дома одна, хотѣла было читать французскій романъ, но не могла, отъ внутренняго волненія. Черезъ часъ родитель ея возвратился съ сіяющимъ лицомъ.

— Ну, Даша, говорилъ онъ: обдѣлалъ дѣло, какъ нельзя лучше! Онъ отличнѣйшій малой: извинялся, извинялся, что самъ первый не пріѣхалъ, — вышелъ самъ провожать на крыльцо.

— Да, будетъ ли онъ, papà, на вечеръ-то?

— Вотъ на вечеръ! Обѣдать пріѣдетъ!

— Чтò вы!

— Я тебѣ говорю! Онъ было у меня началъ просить, чтобы я ему сегодня же позволилъ отплатить визитъ, — нѣтъ, говорю я, милостивый государь, оставимте эти церемоніи: если будете такъ обязательны,—пожалуйте къ намъ сегодня откушать; «съ большимъ, говорить, удовольствіемъ!»— и такъ, знаешь, говоритъ свободно,—сейчасъ видно чловѣкъ съ обращеніемъ. Назадъ позъхавши, къ Ковылеву заѣхалъ,—позвалъ къ себѣ; пусть познакомится и пригласить его къ себѣ на вечера.

— Ахъ, papà, какъ вы все прекрасно сдѣлали! вскричала Дарья Семеновна и побѣжала хлопотать о туалетѣ и о

столя. Часа черезъ два, гости съѣхались. Передъ обѣдомъ, Семень Семенычъ подвелъ Ковылева къ Мазурину.

— Позвольте вамъ рекомендовать Григорья Васильевича Ковылева—это истинный веселитель всего, можно сказать, здѣшняго уѣзда.

Ковылевъ отвѣсилъ, на сколько сумѣлъ, вѣжливый поклонъ, проговоря густымъ басомъ: сдѣлайте милость,—прошу познакомиться!... Надѣюсь, прибавилъ онъ, что вы уже обяжете посѣщеніемъ: у меня вечера по вторникамъ. Такимъ образомъ Мазуринъ приглашенъ былъ всеми,—и онъ бывалъ вездѣ. Я видѣлъ, что Нина была главнѣйшимъ предметомъ его вниманія, и онъ умѣлъ искусно пріучить ее къ себѣ. Она простодушно болтала ему всякій вздоръ, отъ души смѣялась, когда онъ рассказывалъ ей пошлые, давно избитые анекдоты; она почти всегда выбирала его въ мазурку: ея самолюбіе видимо щекотилось вниманіемъ Мазурина; съ другими кавалерами она сдѣлалась серьезнѣе и улыбалась только одному Мазурину. Въ обществѣ уже начали говорить, что Мазуринъ заинтересованъ Ниною и врядъ ли ужъ не сватался, потому-что Фекла Петровна, на обѣдѣ у откупщика, что-то очень важничала и такъ подняла носъ, что странно было смотрѣть; къ Нинѣ же все сдѣлалось ласковѣе и внимательнѣе: въ провинціяхъ вниманіе къ дѣвушкамъ богатаго жениха—вещь важная. А впрочемъ и въ столицахъ тоже.

Вдругъ Мазуринъ пересталъ съ Ниною танцовать. Первый вечеръ она была очень весела, до слезъ почти смѣялась и шутила съ другими кавалерами, но потомъ сдѣлалась задумчива и грустна: я видѣлъ, какъ она смотрѣла, по временамъ, на Мазурина какимъ-то болѣзненнымъ взоромъ; но онъ былъ холоденъ и равнодушенъ,—онъ едва отвѣтилъ на ея прощальный поклонъ. «Она его любитъ страстно!» подумалъ я и рѣшился, во что бы ни стало, вывѣдать у Нины ея тайну. Цѣлую недѣлю не имѣлъ я возможности исполнить моего желанія, хотя всякій почти день бывалъ у Нѣмца. Во все это время я наблюдалъ прилежно за Ниною: она сдѣлалась еще задумчивѣе; по цѣлымъ часамъ сидѣла она надъ своею работою, наклонившись; по работы не прибывало; я

часто замѣчалъ, что глаза ея были красны, какъ будто бы она недавно плакала, и много плакала; при каждомъ скрипѣ полоза на снѣгу, она стремительно взглядывала въ окно и потомъ снова погружалась въ задумчивость; одинъ разъ она взглянула, проѣхалъ Мазуринъ, Нина поблѣднѣла и долго глядѣла ему вслѣдъ.

Наконецъ я засталъ Нину одну; мать побѣжала на ярмарку закупать наряды, а отецъ спалъ. При моемъ входѣ, Нина встала и хотѣла было разбудить отца, но я попросилъ не беспокоить старика и сѣлъ напротивъ ея.

— Послушайте, Нина Вильгельмовна, началъ я: мнѣ хочется спросить васъ... будете ли вы со мною откровенны?

— Я съ вами всегда откровенна.

— Нѣтъ, я прошу у васъ такой откровенности, какую бы вы имѣли съ вашей подругою, или, лучше сказать, я васъ прошу быть откровенными со мною такъ, какъ вы откровенны сами съ собою, съ вашею совѣстью.

Нина посмотрѣла на меня съ удивленіемъ и страхомъ.

— Скажите мнѣ, продолжалъ я: кто вамъ больше нравится изъ кавалеровъ?

Нина вспыхнула.

— Въ нравятся, отвѣчала она притворно спокойнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, не всѣ; я знаю, кто вамъ нравится.

Нина смѣшалась.

— Кто же? спросила она, но такъ тихо, что я едва могъ разслушать.

— Вамъ нравится....

— Не говорите! перебила она вдругъ: скажите только начальную букву.

— Первая буква фамиліи М.

— Не правда!

— Правда, Нина; правда потому, что вы тотчасъ догадались, о комъ я говорю.

Нина ничего не возразила; она была въ сильномъ волненіи, руки ея дрожали, на глазахъ показались слезы.

— Онъ теперь сердитъ на меня, какъ бы невольно проговорила она.

— А за что? спросилъ я.

Нина не могла долѣе выдержать моего допроса, она встала и поспѣшно вышла изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ, ко мнѣ вышелъ старый Нѣмецъ: Нина его разбудила. Когда она возвратилась въ гостиную, я замѣтилъ, что она недавно плакала. Съ грустью въ сердцѣ уѣхалъ я домой. Что это за человекъ Мазуринъ? думалъ я. Нельзя предпологать, чтобы онъ дѣйствовалъ тутъ съ чистымъ намѣреніемъ: онъ свѣтскій человекъ, ему тридцать лѣтъ, боюсь я его!... Бѣдная Нина!... Но что мнѣ было дѣлать? Она видимо меня чуждалась. Сказать отцу? матери? Это слишкомъ щекотливое дѣло! Можетъ-быть, страсть Нины пустое, ребяческое увлеченіе, которое кончится ничѣмъ и, можетъ-быть, самъ Мазуринъ кружить голову Нинѣ такъ, отъ бездѣлья.

IV.

Я познакомился съ Мазуринымъ. Сначала онъ очень туго сходилъ со мною: въ немъ уже не было ничего юношескаго. Не смотря на мое стараніе вызвать его на разговоры о любви, о женщинахъ, объ искусствѣ,—онъ от-малчивался, или говорилъ общія фразы. Изъ этого я заключилъ, что Мазуринъ человекъ скрытный, и полагалъ, что эта видимая въ немъ поверхность проистекаетъ не отъ бѣдности содержанія, но отъ скрытности, какъ это часто бываетъ съ людьми, постоянно жившими въ свѣтѣ; но дальнѣйшія мои съ нимъ сближенія разубѣдили меня въ томъ: Мазуринъ былъ, если не глупъ, то очень не развитъ. Я никогда не могъ возбудить въ немъ интереса ни разказами про различные драматическіе случаи жизни, ни высокими образцами искусства, ни наукою. После я узналъ, что онъ ничего даже и не читаетъ; но

за то онъ далеко ушелъ во внѣшней жизни. Вся чувственныя потребности, сильно развитыя въ немъ, были въ то же время деликатны: у него былъ превосходный поварь, онъ могъ пить только отличное вино; мастерски ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ на лету ласточекъ, и съ одного приѣма часто оканчивалъ партію на билліардѣ. Нужно ли говорить, что онъ много занимался своею наружностію: онъ обыкновенно надѣвалъ на голову плотный колпакъ, чтобы не смять своихъ волосъ, клалъ въ футляръ свои пальцы съ длинными ногтями и каждое утро купался въ ароматической ваннѣ; одѣвался онъ щегольски не на показъ, а для себя, изъ собственного эстетическаго чувства; одну только сильную нравственную черту характера замѣтилъ я въ немъ: онъ былъ очень упрямъ, что ему нѣкоторымъ образомъ и давало возможность брать почти всегда превосходство надъ другими и господствовать даже надъ сильнѣйшими натурами. Узнавши такимъ образомъ Мазурина, я еще болѣе испугался за мою бѣдную Нину, потому-что люди, подобные ему, совершаютъ зло какъ бы инстинктивно и не сопровождаютъ его даже раскаяніемъ, по рѣшительному отсутствію сознательной жизни; но меня успокоивало то, что Мазуринъ съ Ниною былъ по прежнему въ холодныхъ отношеніяхъ. Я видѣлъ, что она страдала, но все таки это было лучше, потому-что, какъ знать, до чего бы дошелъ Мазуринъ, ласкаясь къ этой дѣвушкѣ и поселяя въ ней къ себѣ довѣріе; меня удивляло только то, отъ чего Мазуринъ такъ перемѣнился къ ней. Я спрашивалъ объ этомъ Нину, но она отмалчивалась, и сама была къ Мазурину невнимательна; но я видѣлъ, что это было притворство; она тайно страдала.

Наступилъ великій постъ. Я пришелъ къ Мазурину чаю въ четвертомъ по полудни; въ это время я обыкновенно приходилъ къ нему, потому-что онъ, отобѣдавъ, не занимаясь своимъ туалетомъ, не дрессировалъ своихъ собакъ, а лежалъ и отдыхалъ.

— Je vous salue! сказалъ Мазуринъ, при моемъ при-

ходъ, приподнимаясь нѣсколько съ дивана; позвольте мнѣ не перемѣнять моего положенія—оно очень покойно.

— Спокойствіе дороже всего, сказалъ я.

— Именно.

Въ комнатѣ было немного вещей и въ углу стоялъ открытый чемоданъ.

— Вы куда-то ѣдете? спросилъ я.

— Да, въ деревню.

— Надолго?

— Надолго.

Это извѣстіе меня обрадовало. Славу Богу, думалъ я, драма оканчивается комедіею: Нина поскучетъ, пострадаетъ, — это еще небольшая бѣда.

— Вы ужъ со всеми знакомыми простились? спросилъ я, желая выведать, говорилъ ли онъ Нинѣ объ его отъѣздѣ.

— Да, съ нѣкоторыми.

— Какъ вы думаете проводить время въ деревнѣ?

— Очень пріятно.

— Что же вы будете тамъ дѣлать?

— Въ деревнѣ я обыкновенно просыпаюсь въ 11 часовъ, пью кофе, послѣ одѣваюсь; часу въ первомъ или иду играть на билліардѣ, или ѣзжу верхомъ; хожу иногда пѣшкомъ, потомъ обѣдаю и славно обѣдаю; высплосю; до чаю хожу, ѣмъ разные фрукты изъ моей оранжереи и такъ далѣе... Славно, право славно! только женскаго общества совершенно нѣтъ!

— Въ деревнѣ хорошо сосредоточиваться къ самому себѣ, сказалъ я.

— Что такое?

— Я говорю, что въ уединеніи хорошо припоминать свою прошлую жизнь, прошлыя ощущенія.

— Да это можно и въ городѣ: я очень помню и здѣсь все, что со мною было.

— Легко припоминать факты и внѣшнюю только жизнь, но есть еще жизнь внутренняя.

— Все глупости! — возразилъ Мазуринъ.

— Есть ли у васъ библіотека? спросилъ я, послѣ минутнаго молчанія, нѣсколько озадаченный подобнымъ замѣчаніемъ.

— Есть,—но я не люблю читать.

— Отчего же?

— Потому, что въ романахъ все врутъ.

— Что же такое врутъ?

— Увѣряютъ, напримѣръ, что можно умереть отъ любви.

Это вздоръ! Никогда ни одна женщина, ни одинъ мужчина не умирали отъ любви.

Я посмотрѣлъ на Мазурину: въ этотъ разъ онъ былъ необыкновенно веселъ и говорливъ, — это меня нѣсколько удивило.

— Можно любить и измѣнять, началъ я, но все-таки нельзя сказать, чтобы это совершалось безъ страданія, — и какъ знать, чѣмъ могутъ кончиться эти страданія, особенно въ женщинѣ?

— Никакихъ тутъ нѣтъ страданій! все, что выдумали господа романисты, это дѣло ихъ воображенія; въ жизни нѣтъ этого.

— Нѣтъ, возразилъ я: романисты не усиливаютъ жизни, а скорѣе не досказываютъ того, что совершается въ ней. Всѣ поэты міра не высказали, можетъ-быть, того, что произошло въ душѣ одного человѣка, въ продолженіе его жизни. Знаете ли, есть стихи:

О, если бѣ — безъ слова,
Сказаться душой было можно!

Они описываютъ одни только выпуклости, а мало ли тонкихъ, переходныхъ линій.

Мазуринъ посмотрѣлъ на меня насмѣшливымъ взоромъ.

— Вы иногда очень вычурно говорите: пророчу вамъ быть современемъ романистомъ.

Въ это время пробило четыре часа. Мазуринъ проворно всталъ и началъ одѣваться. Онъ просилъ у меня извиненія, говоря, что ему нужно кое-что закупить.

— Ничего не понимаетъ, говорилъ я самъ съ собою,

выходя отъ него, и побѣхалъ къ Вильгельму Федоровичу: мнѣ хотѣлось увидѣть Нину и посмотрѣть, что съ нею.

Старый Нѣмецъ сидѣлъ, по обыкновенію обложенный книгами.

— Добрый вечеръ! вскричалъ онъ, увидѣвъ меня.

Мѣсто, гдѣ обыкновенно Нина сидѣла за работою, было пусто.

— Знаете ли, что я теперь читаю? продолжалъ Нѣмецъ, едва давши мнѣ сѣсть.

— Шекспира?

— Нѣтъ.

— Фауста?

— Нѣтъ!.. Я читаю Вильгельма Мейстера.

— Въ который разъ?

— Конечно ужъ не въ первый; но еще ни разу не могъ дочитать до конца.

— Это почему?

— Почему? — не знаю... Но нѣтъ, я вамъ скажу, — вы меня поймете. Въ Вильгельмѣ Мейстерѣ, Гёте глубоко заглянулъ въ душу человѣка, или, по-крайней-мѣрѣ, въ душу ко мнѣ: этотъ романъ вызываетъ у меня самыя глубокія мои помышленія, самыя тайныя движенія моего сердца, самыя темныя желанія, которыя, хотя и были во мнѣ, но я самъ не подозревалъ ихъ,—а это возрожденіе меня самого мнѣ тяжело, особенно, когда я взгляну на мою обыденную, пошлую жизнь, которая и миллионной доли не удовлетворила того, къ чему я стремился... Но, нѣтъ—я говорю не ясно, меня трудно понять, прибавилъ онъ и задумался.

Но я понималъ его. Боже мой! думалъ я: и это говорить старикъ, въ которомъ ни житейскія заботы, ни лѣта, ни званіе врача, ничто не уничтожило этой полноты ощущеній, этого художественнаго сочувствія ко всему прекрасному; но въ то же время мнѣ было горько, что добрый Нѣмецъ, погруженный въ свои созерцанія, слишкомъ отторгнулся отъ жизни и, не углубляясь въ нее, не давалъ ей никакого значенія.

Два человека были передо мною: Мазуринъ и Немецъ, и оба не понимали жизни: первый потому, что совпалъ только съ высшею ея стороною и следовательно былъ ниже ея, а другой, живя въ отвлеченіяхъ, слишкомъ уже поднялся надъ нею, не видѣлъ и не понималъ, что въ этомъ видимомъ хаосѣ таится величайшій порядокъ, самая строгая мысль; что въ этомъ видимомъ спокойствіи разыгрывается вѣчная драма, можетъ-быть гораздо поразительнѣе той, надъ чтеніемъ которой онъ плачетъ.

Такъ думалъ я,—а все-таки Нина не выходила у меня изъ головы.

V.

На другой день, часу въ десятомъ, я отправился къ Немцу. Прѣзжая мимо квартиры Мазурина, я спросилъ объ немъ у дворника; но мнѣ сказали, что онъ еще почью уѣхалъ. Не увезъ ли онъ Нину? подумалъ я, входя къ Немцу на крыльцо. Вильгельмъ Федоровичъ сидѣлъ, по обыкновенію, съ своими книгами; Нины не было въ гостиной. Фека Петровна не пріѣхала еще? спросилъ я.

— Нѣтъ.

— А Нина Вильгельмовна?

— Нина больна: должно быть, простудилась.

— Чѣмъ же она нездорова? едва могъ проговорить я.

— Лихорадочное состояніе: въ ея лѣта, у женщинъ это очень обыкновенная болѣзнь.

Мнѣ сдѣлалось невыразимо грустно. Мнѣ хотѣлось повидѣться съ Ниной, и, на этотъ разъ, желаніе мое, сверхъ чаянія, исполнилось.

— Барышня приказала васъ просить къ себѣ, сказала, входя, горничная.

Я почти побѣжалъ въ спальню больной; въ первый еще разъ Нина захотѣла меня видѣть: это меня обрадовало и испугало.

— Не долго тамъ будьте, кричалъ мнѣ вслѣдъ Немецъ: лучше потолкуемте.

Нина лежала на диванѣ.

— Что съ вами, Нина Вильгельмовна? спросилъ я, садясь на ближній стулъ.

— Ничего, отвѣчала она протяжно. Въ голосъ ея слышалось отчаяніе.

— Какъ ничего! умоляю васъ — будьте со мной откровенны!

Она сплеснула руками и упала на подушку, потомъ, быстро приподнявшись, схватила меня за руки.

— Онъ уѣхалъ? спросила она, послѣ долгаго молчанія. Я ничего не отвѣчалъ. Это воспоминаніе снова возбудило въ ней отчаяніе; напрасно я ее успокоивалъ. Старикъ меня кликалъ, и я каждую минуту ожидалъ, что онъ войдетъ въ спальню.

— Послушайте, Нина Вильгельмовна, сказалъ я: отчаяніе великій грѣхъ!

— Не говорите этого, Бога ради, не говорите!

— Нѣтъ, Нина Вильгельмовна, я буду говорить! Много людей страдаетъ подобно вамъ; страдаютъ и болѣе вашего, но они молятся—и молитва ихъ спасаетъ — молитесь и вы!

— Нѣтъ, я не могу молиться, я хочу умереть!

— Послушайте, зачѣмъ вамъ умирать! говорилъ я ей, но внутренно былъ убѣжденъ, что это легко можетъ случиться. — Неужели вы еще его любите? спросилъ я, послѣ минутнаго молчанія. Любовь ваша была просто мечта.

— Mein lieber! кричалъ старикъ: пойдите сюда.

Я принужденъ былъ встать.

— Дайте мнѣ, Нина Вильгельмовна, слово не приходитъ снова въ отчаяніе, сказалъ я, взявъ ее за руку. — Послушайте, отрекитесь отъ свѣта, къ которому васъ такъ не правильно приготовляли. Ваше назначеніе не таково: вы дочь художника, вы наследовали его прекрасное сердце; обратитесь къ искусству; вы уже теперь прекрасно играете на фортепіано, прекрасно поете—займитесь этимъ, уединитесь въ вашей домашней жизни, перестаньте думать о за-

мужствъ и о свѣтъ. Повѣрьте: у васъ будутъ такія наслажденія, которыхъ вы теперь и не предполагаете, вы будете въ тысячу разъ счастливѣе, потому-что это ваше призваніе. Такъ говорилъ я, вполне убежденный, что Нина родилась быть артисткою.

— Это невозможно, сказала она.

— Почему же невозможно?

— Потому, что маменька не позволить: она будетъ требовать, чтобы я вышла замужъ.

— Такъ выбирайте себѣ человѣка благороднаго, человѣка съ душою, а не свѣтскаго бездушника. Какъ знать, можетъ-быть ужъ есть такой человѣкъ, который готовъ для васъ сдѣлать все, если только вы сами захотите.

Нина посмотрѣла мнѣ въ лицо. Говоря это, я почти не помнилъ самого себя: въ эту минуту Нина была такъ прекрасна; въ ея глазахъ, полныхъ еще слезъ, высказывалось столько благодарности... Она крѣпко сжала мнѣ руку.

— Я буду спокойна, сказала она.

— Прошу васъ объ этомъ, сдѣлайте это для меня!

— Буду спокойна для васъ.

Я поцѣловалъ ея руку и вышелъ къ Нѣмцу, который началъ-было мнѣ снова толковать о Вильгельмѣ Мейстерѣ; но я, отозвавшись зубною болью, скоро ухалъ. Да, я рѣшился жениться на Нинѣ, если только она полюбитъ меня. Это юное созданіе способно воспринять все впечатлѣнія: я разовью въ ней ея художественныя наклонности, я дамъ ей истинное направленіе, отъ котораго она такъ была удалена неправильнымъ воспитаніемъ; свою любовь и уваженіемъ я заставляю ее забыть минутную свою привязанность, если она только существуетъ. Вотъ что думалъ я, пріѣхавъ домой.

Въ тотъ же вечеръ, я опять былъ у Нѣмца и видѣлъ Нину. Въ этотъ разъ она уже была гораздо спокойнѣе, но была очень грустна и молчалива. На другой день пріѣхала мать, и мнѣ было уже невозможно оставаться съ Ниною на-единѣ. Она была по-прежнему печальна и мрачна, по временамъ тяжело вздыхала и по цѣлому почти часу глядѣ-

ла на одинъ предметъ, не сводя глазъ. Последнее обстоятельство меня очень пугало: я боялся, чтобы она не помышлялась. Со мною она сдѣлалась снова холодна и какъ бы остерегалась меня.

Такъ прошла недѣля. Неожиданное обстоятельство заставило меня оставить М... Я получилъ письмо, извѣщавшее меня о тяжелой болѣзни моего отца. Мнѣ тяжело было оставить Нину, но дѣлать было нечего. Грустный и растерзанный, пришелъ я къ Вильгельму Федоровичу. Нина сидѣла въ гостиной. У нихъ былъ гость, какой-то толстый баринъ, съ которымъ Фекла Петровна, какъ видно, была въ самыхъ пріятныхъ разговорахъ о хозяйствѣ, называя его по временамъ: Сергѣй Сергѣичъ. Одинъ только добрый Нѣмецъ замѣтилъ, что лицо мое было блѣдно.

— Чтò съ вами? спросилъ онъ.

Я сказалъ ему печальную новость и объявилъ, что сегодня же въ ночь ѣду. При этихъ словахъ, я невольно взглянулъ на Нину: она была грустна, но спокойна. Передъ отъѣздомъ, я подошелъ и сѣлъ близъ нея.

— Прощайте, Нина Вильгельмовна, началъ я въ полголоса: не впадайте въ отчаяніе, помните, что есть человѣкъ, искренно любящій васъ.

Нина ничего не отвѣчала.

— Пишите ко мнѣ,—адресъ мой есть у Вильгельма Федоровича. Напишите?

— Можетъ-быть, напишу.

— Нѣтъ, непременно напишите.

— Хорошо...

— Нина Вильгельмовна! прощайте!... Охъ, какъ мнѣ тяжело... разстаться съ вами. Прощайте! До свиданія!

У меня на глазахъ навернулись слезы.

Нина наклонилась на пальцы и начала шить. Лицо ея горѣло....

— Мнѣ еще тяжелѣе вашего! проговорила она.

Я всталъ и вскорѣ ухалъ. Последнія слова Нины я тогда отнесъ къ себѣ.

VI.

Отца моего не засталъ я уже въ живыхъ. Я много потерялъ въ немъ: онъ былъ мнѣ другомъ, руководителемъ и единственнымъ человекомъ, который могъ благотворительно ограничивать мою стремительность. Способный глубоко чувствовать всѣ горести, но неспособный переносить ихъ, я упалъ совершенно духомъ, а вмѣстѣ съ этимъ не выдержало и тѣло мое: я сдѣлался боленъ горячкою; но едва возвратилось ко мнѣ сознание, я снова началъ думать о Нинѣ. Писемъ отъ нея не было: мнѣ казалось, что и она больна, что она, можетъ-быть, умерла. У меня никого нѣтъ теперь! говорилъ я самъ съ собою: отца нѣтъ уже въ живыхъ, нѣтъ и Нины! Я не читалъ обыкновенно ни одного письма изъ М..., страшась, что непременно въ которомъ нибудь изъ нихъ меня уведомятъ о смерти Нины. Мысль о томъ, что ее уже болѣе не существуетъ на свѣтъ, еще болѣе утвердилась тѣмъ, что я отъ Вильгельма Федоровича получилъ письмо съ черною печатью. Сердце мое сжалось! Я посмотрѣлъ только на адресъ и, не смѣя распечатать, бросилъ письмо въ огонь. Но время шло. Здоровье мое поправилось. Пріатели мои мучили меня ежедневно, или говоря мнѣ безъ всякаго смысла утѣшительныя фразы, или давая ми къ чему не ведущіе совѣты. Видя, что я ничѣмъ не занимаюсь, нигдѣ не служу, они твердо убѣдились, что меня непременно надобно женить, и безпрестанно мнѣ о томъ толковали; благодаря ихъ усерднымъ хлопотамъ, были пріисканы двѣ очень выгодныя невесты съ прекраснымъ родствомъ и состояніемъ; но я рѣшительно отказался и, мнѣ кажется, что причиною моего отреченія было по преимуществу то, что обѣ дѣвушки ни сколько не походили на Нину. Странное дѣло, какъ она совпала съ моимъ идеаломъ!

Спустя три года, я опять ѣхалъ черезъ М... Боже мой!

Этотъ городъ не имѣлъ уже для меня никакого значенія: въ немъ нѣтъ уже Нины, а слѣдовательно нѣтъ и ничего. Съ глубокою тоскою въѣхалъ я въ ту улицу, гдѣ жилъ Вильгельмъ Федоровичъ... Но вотъ и его домъ... Я невольно выглянулъ изъ экипажа и чуть не упалъ въ обморокъ: у раскрытаго окна сидѣла Нина. Мнѣ хотѣлось было тотчасъ же взойти къ Нѣмцу, но я вспомнилъ, что былъ не одѣтъ: тайное предчувствіе говорило мнѣ, что я не могу въ этомъ домѣ по прежнему являться запросто, и я велѣлъ ямщику, что есть духу, гнать въ гостиницу. Не могу выразить того, что было со мной въ эти минуты!... Мнѣ было весело, очень весело!... Тоска моя вмгъ улетѣла отъ меня на тысячу верстѣ. Попадавшіеся на встрѣчу люди казались мнѣ такими красивыми, такими счастливыми, такими добрыми; лѣтній день, какъ будто бы, сдѣлался яснѣе и свѣжѣе, и солнце менѣе пекло; всюду было, казалось мнѣ, такъ много жизни, довольства!... Желтые каменные дома купцовъ, сѣрые деревянные, плохая мостовая, безконечно длинныя заборы, оборванный школьникъ, съ сумкою черезъ плечо, баба съ рѣпой и морковью на лоткѣ—все это казалось мнѣ картинно и живописно! Я не чувствовалъ уже въ себѣ вѣчныхъ моихъ спутниковъ, физическихъ страданій: я какъ будто бы поздравлялъ въ одну минуту; я забылъ мое горькое прошедшее и предчувствовалъ впереди отрадное будущее. Нужно ли говорить, какъ торопился я переодѣться. Я самъ сбѣгалъ за водою, чтобы умыться, рылся въ чемоданѣ, бранилъ за неповоротливость моего лакея. Одѣвшись, я почти бѣгомъ сбѣжалъ съ лѣстницы. Въ лакейской у Нѣмца меня остановилъ человекъ, въ ливрѣѣ, вопросомъ: какъ прикажете доложить? Это меня удивило: у Вильгельма Федоровича никогда не бывало этого обыкновенія.—Скажи, что пріѣхалъ такой-то. Слуга ушелъ и, возвратившись черезъ минуту, проговорилъ: «пожалуйте!» Я быстро прошелъ залу и почти не вѣрилъ себѣ: я шелъ по паркету, мнѣ попадали въ глаза: то огромное зеркало, то китайскій биллиардъ, то бронзовый канделябръ, и мало ли что еще! Неужели это я

въ домъ у Вильгельма Федоровича? подумалъ я; но, войдя въ гостиную, я не видѣлъ уже ничего, потому-что предо мною была Нина. При моемъ приходѣ, она привстала съ кресель.

— Mon Dieu! Bon jour, неожиданный гость! сказала она, протягивая мнѣ руку: прошу садиться.

Я не могъ еще прійти въ себя... Это была точно Нина, и она была также хороша, но значительно пополнѣла; ея голось былъ гораздо звонче, грустная улыбка замѣнилась какимъ-то выраженіемъ надменности.

— А вашъ батюшка? спросилъ я, садясь въ кресло.

— Батюшка въ деревнѣ, а матушка здѣсь, отвѣчала она. Какъ вы перемѣнились! постарѣли!... вскрикнула она, всмотрѣвшись въ мое лицо.

— Не мудрено: я много перенесъ! у меня умеръ отецъ.

— Скажите — какое несчастье!

— Но и вы перемѣнились.

— Право? что дѣлать—я уже теперь старуха: третій годъ замужемъ.

— Замужем! повторилъ я, не могши скрыть волненія: третій годъ замужемъ!

— А вы и забыли? хорошъ знакомый!

— Я не зналъ, я не думалъ, что выйдете такъ скоро замужъ!

— Почему?

Она позвонила въ это время въ колокольчикъ.

— Потому, что я оставилъ васъ очень больною: помните, какъ вы тосковали.

— Старья глупости! сказала она, сдѣлавши гримасу.

Въ это время вошелъ лакей.

— У васъ никогда не стерто со столовъ! сказала Нина, нахмурясь: посмотри сколько пыли.

— Да я стиралъ, началъ было лакей; но Нина нахмурясь посмотрѣла на него, и онъ молча началъ перетирать весь столы.

Тутъ только началъ я разсматривать, что сижу въ прекрасно-убранной гостиной, далеко непохожей на ту, въ которой я нѣкогда бывалъ у Нѣмца: вмѣсто небольшихъ, съ мелкимъ переплетомъ, оконъ, были уже вставлены цѣльные стекла, мебель орѣховаго дерева съ золотомъ, огромныя зеркала, мягкій, съ прекрасными узорами, подъ ногами коверъ, мраморный каминъ, столъ съ сотнею модныхъ бездѣлушекъ. Вотъ что сдѣлалось изъ любимой комнаты Вильгельма Федоровича, въ которой прежде, кромѣ жесткой и увѣсистой мебели, да разбросанныхъ книгъ, ничего не бывало. Я не спрашивалъ Нины, кто ея мужъ: мнѣ стыдно было признаться, что я, боясь услышать о ея смерти, не читалъ писемъ изъ М...

— Вотъ мой мужъ, сказала Нина, указывая мнѣ на входящаго толстаго мужчину.

Это былъ Сергій Сергѣичъ, котораго я видѣлъ прежде у нихъ.

— Рекомендую тебѣ стараго знакомаго, продолжала она.

— Очень пріятно! отвѣчалъ тотъ, кланяясь и отирая катившійся съ лица потъ. Онъ видно очень усталъ, и почти повалился въ кресла.

— Куда это ты, помилуй, захалъ? начала Нина, не слишкомъ ласковымъ голосомъ, обращаясь къ своему мужу: мнѣ нужно было вѣхать съ визитомъ — а вотъ и присидѣла.

— Въ узданный судъ вздиль.

— Прислалъ бы лошадей, самъ бы могъ прійдти и пѣшкомъ.

— Чего пѣшкомъ — я и такъ усталъ!

— И прекрасно, что усталъ: тебѣ моционъ очень полезенъ. Дарья Семеновна на дняхъ уже три раза была у меня съ визитомъ, а я у нея ни разу. Ни на что не похоже! Хорошъ мужъ! завдетъ и сидитъ, точно не знаетъ, что одинъ кучеръ.

— Да что же дѣлать, душа моя?

— Вели, по-крайней-мѣрѣ, поскорѣ заложить другую пару: эти устали.

— Ничего, и эти сvezуть.

— Вы всегда такъ, непременно напротивъ!

Сергій Сергѣичъ видѣлъ необходимость повиноваться: кряхтя, всталъ онъ, съ кресель и пошелъ въ залу.

Я смотрѣлъ на Нину и ни слова не говорилъ: мнѣ было досадно на нее, на себя, на весь мѣръ; она тоже молчала. Но безмолвная наша беседа прервана была приходомъ третьяго лица: это была Дарья Семеновна, которая имѣла счастье также быть замужемъ за Сашенькою Поддѣвкинымъ.

— Машетъ! Ниночка! вскрикнули въ одинъ голосъ обѣ дамы и звонко поцѣловались.

— Ахъ, душа, какъ я тебѣ рада, начала хозяйка: извини, что я у тебя не была, сейчасъ хотѣла вѣхать—вотъ свидетель!

Она указала на меня.

— Фи, та сѣге, что за счеты визитами! А я, сейчасъ, была у Лопатиныхъ.

— Ну, что? Расскажи, пожалуйста.

— Умора! тотъ, знаешь, сидитъ тутъ.

— Ну!

— Ну, ничего! рисуешь ей въ альбомъ что-то.

— Какія вѣжности!... Да, поздравляю! въ домъ Гвоздиковыхъ известная тебѣ исторія кончена.

— Не можетъ быть!

— Я тебя увѣрю!... Онъ сватается за старшую дочь. Другъ друга стоятъ. Пара будетъ!

— Гдѣ ты вчера была?

— На объѣдъ у Бахмуровой. Какъ была Ковылева одѣта!

— Воображаю.

— Нѣтъ, трудно вообразить даже! Представь себя: ярко-голубое шелковое платье, съ черною бархатною отдѣлкою, шеколаднаго цвѣта камаль, съ какими-то огромными кистями, и блондовый чепецъ, съ желтыми лентами,—совершенно червоная дама!

— Ахъ, какое безвкусіе!... Будешь въ концертъ у Тирольцевъ?

— Нѣтъ, та сѣге, не поѣду: дорого очень, три рубля!

— Говорить, бѣдное семейство, пѣшкомъ изъ столицы пришли.

— Много ихъ бѣдныхъ шляется!

Я не могъ долѣе выдержать и началъ раскланиваться. Нина спросила меня: долго ли я еще здѣсь пробуду; но я сказалъ, что не знаю; она просила меня, когда-нибудь пріѣхать къ нимъ отобѣдать. Я молча поклонился.

И такъ, думалъ я, прїѣхавъ домой: Нина не умерла, Нина вышла замужъ; Нина хозяйничаетъ, бранить слугъ, командуетъ мужемъ, помѣшана на визитахъ и сплетняхъ! А я думалъ, что она не для здѣшняго міра рождена! Неужели мнѣ цѣлый вѣкъ суждено ошибаться въ людяхъ? Неужели она такъ измѣнилась? Нѣтъ, всегда она видно была такая, но только я придалъ ей то, что мнѣ хотѣлось видѣть въ ней, и Нину живую облекъ въ форму Нины мечтательной. Дай мнѣ Богъ такъ ошибаться весь вѣкъ и видѣть человека лучшимъ, нежели онъ въ самомъ дѣлѣ! Дорого мнѣ стоило разубѣжденіе въ Нинѣ!...

Нину болѣе я не видалъ, ухалъ изъ М... и забылъ ее; но помню другую Нину, Нину мечты моей!

Александръ Нисемскій.

Иностранная Словесность.

ЗЕМЛЕМЪРЪ.

РОМАНЪ КУПЕРА.

(Продолженіе *).

VIII.

Люблю смотрѣть на эти деревья, переплетающія въ дикой свободѣ, свои вѣтви надъ дорогою! на эти прозрачныя ручьи, текущіе посреди свѣжей зелени лѣсовъ. Цвѣты растутъ во множествѣ, и наполняютъ ароматомъ мѣста, до которыхъ никогда не дотрогивался заступъ.

Брианъ.

Мнѣ довольно хорошо была извѣстна вся молодость моего отца; потому я зналъ, что тотъ человекъ, съ которымъ я встрѣтился, игралъ въ ней не маловажную роль, пользуясь совершеннымъ довѣріемъ моего отца. Впрочемъ, я сомнѣвался въ томъ, былъ ли Сускуэзусъ и Безслѣдный одно и то же лицо, хотя нѣсколько разъ слышалъ эти имена. Во всякомъ случаѣ, въ немъ я нашелъ друга, и потому мнѣ нечего было опасаться. Это было для меня большимъ утѣшеніемъ, потому-что очень непріятно путешествовать съ какимъ нибудь незнакомцемъ, ду-

* См. майскую книгу Сына Отечества нынѣшняго года.

мая, что при первом поворотѣ дороги, онъ можетъ пронизать пулей.

Сускуэзусъ былъ старъ. Наружность его была замѣчательна: онъ держался также прямо, какъ и въ цвѣтущей своей молодости. Впрочемъ дикари рѣдко горбятся отъ другихъ причинъ, кромѣ слишкомъ преклонныхъ лѣтъ и употребленія горячихъ напитковъ. Сускуэзусъ не пилъ. Походка его была скорая и легкая.

Въ первыя минуты, Индѣецъ разговаривалъ со мною о послѣдней войнѣ и о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ мы участвовали оба. О себѣ онъ говорилъ скромно, а не съ тѣмъ хвастовствомъ, къ которому такъ склонны краснокожіе. Поговоривъ о войнѣ, я вдругъ перемѣнилъ разговоръ.

— Ты былъ не одинъ въ сосновомъ лѣсу, Сускуэзусъ; я говорю про тотъ лѣсъ, изъ котораго ты вышелъ, передъ встрѣчей со мною?

— Конечно нѣтъ... я былъ не одинъ... тамъ много народу.

— Что же, тамъ живутъ какія-нибудь семейства?

Лицо моего спутника омрачилось; я замѣтилъ, что вопросъ, предложенный ему, произвелъ на него тяжелое впечатлѣніе. Онъ нѣсколько времени не отвѣчалъ, но потомъ сказалъ съ грустью:

— У Сускуэзуса нѣтъ семейства. Тридцать уже лѣтъ, какъ я оставилъ Онондаговъ, и не люблю Могавковъ.

— Кажется, я слышалъ что-то про это, отъ моего отца. Онъ даже говорилъ, что причина, заставившая тебя отдѣлаться отъ своихъ, дѣлаетъ тебѣ честь... но въ лѣсу кто-то пѣлъ.

— Да; пѣла молодая дѣвушка. Молодыя дѣвушки любятъ пѣть; женщины любятъ ихъ слушать.

— А слова этой пѣсни, на какомъ языкѣ?

— На языкѣ Онондаговъ, тихо сказалъ Индѣецъ.

— Я никогда не думалъ, чтобъ ваша музыка была такъ пріятна. Давно я не слышалъ звуковъ, которые болѣе бы трогали меня, хотя я и не понималъ словъ.

— Это пѣла птичка... хорошенькая птичка.

— А много у васъ такихъ пѣвицъ? Если много, такъ я непременно буду чаще приходиться къ вамъ.

— А почему же нѣтъ? Дорога хороша... коротка. Дѣвушка будетъ пѣть, сколько вамъ угодно.

— Въ такомъ случаѣ, я на этихъ же дняхъ непременно

приду. Гдѣ ты живешь теперь? Скажи мнѣ: въ эту минуту, ты Сускуэзусъ или Безслѣдный? Я вижу, что ты вооруженъ, но не раскрашенъ, какъ это дѣлается всегда передъ войной.

— На этотъ разъ топоръ зарытъ глубоко. Долго никто не возьмется за него. Могавки помирились... Ононды помирились... Онондаги помирились... все зарыли свои топоры.

— Тѣмъ лучше для насъ владыкцевъ. Я пріѣхалъ сюда съ намѣреніемъ продать или отдать въ наймы мои земли. Много ли нынче молодыхъ людей, которые отыскиваютъ фермы на это лѣто?

— Лѣса наполнены ими. Ихъ также много, какъ и голубей. Какъ вы продаете землю?

— Это зависитъ отъ ея качества. Развѣ ты хотѣлъ бы купить, Безслѣдный?

— Вся земля принадлежитъ Индѣйцу, когда онъ нуждается въ ней. Онъ ставитъ свою хижину, гдѣ ему вздумается.

— Да, я знаю, что въкоторые изъ васъ, Индѣйцевъ, имѣютъ на это претензію; конечно, никто вамъ этого запрещать не будетъ, пока край не выйдетъ изъ своего дикаго состоянія; но ты не можешь дѣлать посѣвовъ и собирать жатву.

— У меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей... хлѣба надо Сускуэзу-су немного... у него нѣтъ никого.

Безслѣдный повторилъ эти слова тихо, но твердо, съ какою-то мужественною грустью. Человѣкъ, который жалуется, возбуждаетъ мало сочувствія; тотъ, кто плачетъ, — перестаетъ внушать уваженіе; но я не знаю зрѣлица болѣе трогательнаго, какъ видѣть человѣка, который умѣетъ владѣть собою въ несчастіи.

— Если у тебя нѣтъ ни жены, ни дѣтей, Сускуэзусъ, сказалъ я, — за то есть друзья.

— Вашъ отецъ мнѣ другъ... слыть его, падѣюсь, также мнѣ другъ. Вашъ дѣдушка то же былъ мнѣ когда-то другомъ; но онъ уѣхалъ, и не возвращался болѣе. Я хорошо зналъ всѣхъ вашихъ, и отца вашего и мать, словомъ, всѣхъ, всѣхъ.

— Выбирай, Безслѣдный, какую тебѣ угодно землю; обработывай ее, продавай, дѣлай съ ней, что угодно.

Индѣецъ пристально посмотрѣлъ на меня, и я замѣтилъ легкую улыбку самодовольства на лицѣ его. Трудно было, однакожъ, заставить его измѣнить своему привычному хладнокровію; улыбка эта была мгновенна, какъ лучъ солнца, въ зим-

ний день. Каждый бѣлый непременно взялъ бы меня за руку, и наговорилъ бы въ знакъ благодарности тысячу фразъ; мой же спутникъ оставался равнодушнымъ, и кромѣ легкой, минутной улыбки, я не замѣтилъ никакой перемены въ его наружности; впрочемъ онъ былъ довольно учтивъ, чтобъ не оставить меня безъ отвѣта.

— Хорошо! сказалъ онъ помолчавъ; очень хорошо со стороны молодого воина. Благодарю. Птицъ много... рыбы много... мнѣ не нужно земли. Можетъ, однако прійти время, и оно безъ сомнѣнія прійдетъ для всѣхъ старыхъ Индѣйцевъ, которые живутъ въ этихъ окрестностяхъ....

— О какомъ времени ты говоришь, Сускуэзусъ? Во всякое время, во всякомъ случаѣ ты вмѣшешъ во мнѣ друга.

Индѣецъ остановился, опустилъ ружье и оперся на него; стоя неподвижно, онъ походилъ на прекрасную античную статую.

— Да, прійдетъ время, когда старый воинъ будетъ жить въ своей хижинѣ и говорить съ молодыми воинами о прическахъ, о судахъ, объ охотѣ и войнѣ; теперь же онъ вяжетъ метлы и плететъ корзины.

Сказавъ это, Индѣецъ взбросилъ ружье на плечо и, молча, мы пошли далѣе.

— Не былъ ли ты въ Ревиснестѣ съ моимъ отцомъ, спросилъ я наконецъ: въ то время, когда каналскіе Индѣйцы хотѣли поджечь домъ?

— Я былъ; тогда убили молодого голландскаго начальника.

— Да; его звали Гуертъ-Тенъ-Эйкъ; отецъ мой, мать и старый нашъ другъ, полковникъ Фоллокъ, всегда съ почтеніемъ вспоминаютъ о немъ.

— Одинъ ли они вспоминаютъ его теперь? спросилъ Индѣецъ, бросивъ на меня пронизательный взглядъ.

Я догадался, что онъ намекалъ на тетюшку Мерп, которая должна была выйти за-мужъ за молодого Албанца.

— Нѣтъ, сказалъ я, есть еще женщина, которая оплакиваетъ его, какъ своего мужа.

— Это хорошо; женщины не всегда плачутъ долго... рѣдко... иногда.

— Скажи мнѣ, Сускуэзусъ, не знаешь ли ты одного человека, котораго называютъ землемѣромъ? Онъ служилъ въ полку, и ты, вѣрно, встрѣчался съ нимъ во время войны.

— Знаю ли я землемѣра! Я зналъ его на полѣ сраженія; потомъ жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ лѣсу. Онъ изъ нашихъ; землемѣръ мой другъ.

— Мнѣ чрезвычайно пріятно слышать это, потому-что онъ и мнѣ другъ; землемѣръ благороднѣйшій человекъ.

— Скоро и онъ начнетъ вязать метлы, сказалъ съ сожалѣніемъ Индѣецъ.

Бѣдный Андрей! Безъ помощи преданныхъ ему друзей, какихъ онъ имѣлъ въ насъ, онъ, конечно, могъ бы дойти до этой крайности. Заслуги, какія онъ оказалъ во время революціи, очень мало помогли ему, потому-что правительство было слишкомъ бѣдно, чтобъ выдавать жалованье своимъ защитникамъ. Впрочемъ я не обвиняю ни народъ, ни правительство, — къ этому принуждали обстоятельства. Въ продолженіи двухъ лѣтъ, послѣ заключенія мира, трудно представить себѣ финансовую бѣдность края; но потомъ, мало-по-малу, какъ ребенокъ, оправляющійся отъ тяжелой болѣзни, нація укрѣпилась, поправилась, замѣнивъ оружіе сохою.

— Да, продолжалъ я, землемѣръ бѣденъ, какъ большая часть людей одного съ нимъ сословія; но у него есть друзья, и ни онъ, ни ты, Сускуэзусъ, пока я владѣю землями, не будете принуждены заниматься женскимъ рукодѣльемъ. У меня вы всегда найдете пріютъ.

Улыбка, также мгновенная, какъ и первая, мелькнула на лицѣ Индѣйца. Онъ былъ тронутъ моимъ дружескимъ расположеніемъ; взявъ мою руку, онъ крѣпко пожалъ ее.

— Давно ли вы видѣли ихъ? спросилъ онъ меня вдругъ.

— Кого? землемѣра?.. болѣе уже года; съ того самаго времени, какъ распустили войско.

— Я говорю не о землемѣрѣ, сказалъ Сускуэзусъ, протянувъ впередъ руку; а о домѣ, фермѣ и землѣ?

— А! ты спрашиваешь, когда я былъ въ Ревиснестѣ? Никогда, Сускуэзусъ; я прѣхалъ въ первый разъ.

— Смѣшно! Какъ же вы владѣете землями, которыхъ никогда не видѣли?

— У насъ есть законъ, по которому имѣніе переходитъ отъ отца къ сыну. Я получилъ Ревиснестъ въ наслѣдство отъ дѣда моего, Германа Мордоунта.

— Какъ можно считать своими земли, которыхъ никто не оберегаетъ?

— Они оберегаются если не людьми, то разными актами и условиями.

— А знаете ли, гдѣ вы теперь?

— Не совѣмъ; но думаю, что мы приближася къ Ревнесту.

— Посмотрите сюда: вотъ дерево, на которомъ нарублена замѣтка, здѣсь начинается ваша земля.

— Благодарю, Сускуэзусъ. Вѣдь и отецъ не узналъ бы своего ребенка, если бы встрѣтился съ нимъ въ первый разъ. Вспомни, повторю: я здѣсь въ первый разъ въ жизни.

Безлѣвный свернулъ съ дороги и повелъ меня другой тропой, которая сокращала путь по-крайней-мѣрѣ мили на двѣ. Проводникъ мой превосходно зналъ всѣ дороги. Пройдя нѣкоторое разстояніе, онъ взобрался на пригорокъ и указалъ мнѣ, не подальку отъ ручья, остатки большого огня. Тамъ, у этой границы нашего владѣнія, онъ располагался каждый разъ, когда не хотѣлъ входить въ него.

— Въ тавернѣ слишкомъ много рому, сказалъ онъ... не хорошо быть близко къ рому.

По этимъ словамъ можно было судить, какъ твердо владѣлъ собою Сускуэзусъ; впрочемъ я всегда считалъ его за необыкновеннаго Индѣйца. Я никогда не могъ узнать, почему онъ оставилъ свое поколѣніе; въ послѣдствіи мнѣ сказали, что землемѣръ зналъ это. Старикъ Андрей увѣрялъ меня, что причина, заставившая Сускуэзуса удалиться отъ своихъ, была достойна похвалы; но онъ никогда не рѣшался доверить мнѣ ее.

Постоявъ не много на пригоркѣ, Сускуэзусъ повелъ меня на другую возвышенность, съ которой видъ на мои владѣнія открывался во всѣ стороны. Мы остановились; я сѣлъ на свалившееся дерево и сталъ съ особеннымъ удовольствіемъ любоваться видами. Земля прекрасна сама по себѣ; но въ глазахъ владѣльца она несравненно лучше.

Хотя прошло уже болѣе тридцати лѣтъ, какъ это имѣніе было даровано моему дѣду, но нигдѣ не замѣтно было и слѣда тѣхъ быстрыхъ и энергическихъ улучшеній, которые ознаменовывали подобныя предпріятія съ самаго начала.

Прежде, земля населялась медленно, и каждая колонія

представлялась какъ бы отдѣльною землею. Такъ, напримеръ въ Нью-Йоркѣ пріѣзжало очень мало эмигрантовъ изъ Новой Англіи, хотя изъ этого улья вылетѣлъ большой рой, который постепенно занялъ большую часть республики. Если образованіе, приносимое ими, не такъ высоко; если многого можно еще желать, по-крайней-мѣрѣ все, относящееся къ образованію и благоденствію, тщательно предусматрѣно. Однимъ словомъ, фундаментъ зданія положенъ твердо, но мало еще обращено вниманія на внѣшнія украшенія.

Я знаю, что съ этимъ взглядомъ моимъ на вещи, никогда не согласился бы мой отецъ; но предразсудки исчезаютъ со дня на день, ослабѣваютъ болѣе и болѣе, и наконецъ, Голландцы и особенно Янки видятъ явную невозможность соединиться. Быть можетъ у моего сына желанія и взглядъ на предметы будутъ еще обширнѣе. Но при этомъ я желалъ бы дать совѣтъ эмигрантамъ, котораго они не должны были бы забывать; этотъ совѣтъ заключается въ томъ, что эмигрантъ долженъ уважать привычки и мнѣнія тѣхъ, съ которыми селится, и что совершенство находится не всегда въ томъ только уголкѣ, гдѣ мы живемъ. Но возвратимся къ Ревнесту.

Я сказалъ уже, что въ продолженіе тридцати лѣтъ, мало сдѣлано было успѣховъ въ расчисткѣ земель; но само время принялось за работу. Въ этой сторонѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ гористыхъ участковъ, деревья были той особой породы, которую мы зовемъ крѣпкимъ деревомъ; корни его, однакожъ, истлѣваютъ вчетверо скорѣе, чѣмъ корни обыкновенныхъ деревьевъ, какъ скоро срубленъ стволъ. По этому всѣ корни на поляхъ были истреблены. Вокругъ этихъ обнаженныхъ полей, возвышался дѣвственный лѣсъ, мрачно окаймляя прекрасный ландшафтъ. Противоположность была разительная: съ возвышенности, на которую ввелъ меня Индѣецъ, мнѣ представилось обширное пространство, устѣянное хижинами и анбарами, зелеными садами и полями, засѣянными рожью, которая колыхалась при едва замѣтномъ даже вѣтрѣ. Двѣ или три дороги вились между зданіями; на самомъ же югѣ видѣлось селеніе, состоявшее изъ двѣнадцати деревянныхъ домовъ; въ числѣ домовъ была гостиница, магазинъ, кузница, школа; далѣе сады, анбары и прочее. Близъ селенія, которое называ-

лось Ревисность, находились мельницы; ихъ было четыре: одна пыльная, другая мукомольная; третья для приготовления масла, четвертая валяльная. Ни одинъ изъ домовъ, даже самый лучшій, не былъ окрашенъ, хотя всѣ были испещрены разными архитектурными украшеніями; въ каждомъ было не менѣе четырехъ наружныхъ дверей. Безпредѣльная цѣпь лѣсовъ, составляла задній планъ картины. Они тянулись по всѣмъ направленіямъ; взбѣгали на вершины горъ или прятались въ глубинѣ ущелій. Этотъ лѣсъ походилъ на таинственную завѣсу, отдѣлявшую этотъ уголокъ земли, отъ всего остального міра. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ самой щастѣ лѣса, виднѣлись однако жъ жилища; нѣсколько тропинокъ перерѣзывали его въ разныхъ направленіяхъ, изрѣдка встрѣчались хижины, построенныя, вѣроятно, охотниками, квакерами или краснокожими, которые жили посреди этого мрачнаго величія пустыни.

IX.

О, еслибъ я захотѣлъ привести васъ въ ярость, я оскорбилъ бы Брута и Кассія, но я не сдѣлаю этого. Въ тысячу разъ лучше оскорбить память умершихъ, оскорбить васъ и не погнать самого себя, нежели обидѣть людей столь почтенныхъ.

— Такъ вотъ Ревисность! вскричалъ я, рассматривая его въ молчаніи; вотъ помѣстье, оставленное мнѣ моимъ дѣдомъ, гдѣ случились происшествія, занимающія столь важное мѣсто въ исторіи моего семейства, происшествія, въ которыхъ ты самъ, Сускузусъ, былъ дѣйствующимъ лицомъ.

Индѣецъ испустилъ какой-то глухой звукъ; но, вѣроятно, онъ несовсѣмъ хорошо меня понялъ. Что дикіе напали на домъ, убили нѣсколько человѣкъ и содрали съ нихъ волосы, это было для него не такъ необыкновенно, чтобъ онъ вспомнилъ о томъ черезъ четверть вѣка.

— Я не вижу главнаго строенія, Сускузусъ, прибавилъ я; того дома, гдѣ жилъ мой дѣдъ.

Онондаго не сказалъ ни слова; но только указалъ рукою на сѣверовостокъ. Я узналъ мѣсто, но сдѣланнымъ мнѣ объ-

немъ описаніямъ, хотя разрушительная рука времени коснулась уже его. Простыя бревна, складенныя въ кучи, при подобныхъ условіяхъ могутъ пролежать безвредно отъ тридцати до сорока лѣтъ, смотря по качеству дерева и потому, какъ они были покрыты. Разстояніе не позволяло мнѣ вѣрно судить о настоящемъ состояніи строеній; но изъ того, что видѣлъ, я могъ заключить, что найду не слишкомъ пріятное жилище. Тамъ поселилось одно семейство, и я видѣлъ нѣсколько сыровъ, приготовленныхъ на прекрасной фермѣ, принадлежавшей къ дому, а также огородъ и поля, по видимому хорошо обработанныя. Но домъ имѣлъ видъ печальный и мрачный, и только формою своею и трубами отличался отъ простой кучи бревенъ.

Меня поразило торжественное молчаніе, которое царствовало повсюду; исключая нѣсколькихъ полунагихъ дѣтей, бродившихъ около ближайшихъ жилищъ, я не видѣлъ ни одного человѣка. На поляхъ не было никого, хотя паслось много рогатаго скота.

— По видимому, фермеры мои не нуждаются въ скотѣ, сказалъ я Сускузусу; пастбища покрыты имъ.

— Это все молодой скотъ, отвѣчалъ Онондаго; причиной тому война. Старый скотъ перебили для солдатъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ это поселеніе спаслось отъ грабежа, то жители его вѣрно получили выгоды, дѣлая поставки для войска. Я помню, какъ трудно было доставать въ военное время всякіе припасы и какъ они были тогда дороги.

— Безъ сомнѣнія. Жители продавали обѣимъ сторонамъ; это было очень выгодно: кормить и Янковъ и Англичанъ.

— Я этому нисколько не удивляюсь, потому-что земледѣлецъ о томъ только и думаетъ, какъ бы выгодно сбыть произведенія полей своихъ. Но куда же всѣ дѣлись? я не вижу ни одного человѣка.

— Вы ихъ не видите?—Тамъ отвѣчалъ Индѣецъ, показывая мнѣ на селеніе. Судья сегодня созвалъ всѣхъ на совѣтъ и вѣрно говоритъ теперь рѣчь.

— Въ самомъ дѣлѣ, они собрались у дома, въ которомъ помѣщалась школа. Но кого ты разумѣешь подъ именемъ судьи и кто говорить рѣчь?

— Старый школьный учитель, который пришелъ отъ соленаго озера; большой защитникъ вашего дѣда.

— А! это Ньюкомъ, мой повѣренный. Правда; а я едва не забылъ, что онъ глава здѣшняго поселенія. Ну, Сускуэзусъ, пора опять въ путь, и когда придемъ въ таверну, то можетъ быть узнаемъ, чѣмъ занимается великій совѣтъ. Не говори ничего о цѣли моего путешествія: я хочу посмотреть, что тамъ дѣлается, прежде чѣмъ заговорю о самомъ себѣ.

Индѣецъ всталъ и пошелъ съ возвышенія по знакомой ему тропинкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, мы вышли на большую дорогу и были уже недалеко отъ селенія. Я ничего не сохранилъ изъ моей городской одежды, и трудно было бы узнать помѣщика въ путешественникѣ, который шелъ пѣшкомъ, въ охотничьемъ платьѣ, съ ружьемъ въ рукахъ и въ сопровожденіи Индѣйца. Никто не былъ предупрежденъ о моемъ скоромъ прибытіи, и по дорогѣ мнѣ пришла мысль осмотрѣть все инкогнито. Чтобы хитрость моя удалась, не бесполезно было сказать еще нѣсколько словъ Индѣйцу.

— Сускуэзусъ, прибавилъ я, видя, что мы приближаемся къ селенію: я надѣюсь, что ты понялъ меня. Не нужно говорить кто я; если тебя спросятъ, ты можешь отвѣчать, что я твой другъ; ты не солжешь, потому-что я всю жизнь буду имъ.

— Хорошо! у молодого начальника есть глаза; онъ хочетъ употребить ихъ. Хорошо! Сускуэзусъ понимаетъ!

Черезъ минуту, мы были въ толпѣ, передъ входомъ въ школу. Индѣйца всѣ такъ хорошо знали и такъ часто видѣли, что появленіе его не произвело никакого впечатлѣнія. Судя по одушевленнымъ лицамъ разговаривавшихъ и группамъ, которыя собиравались, можно было заключить, что дѣло шло о чемъ-то важномъ. Всѣ были въ такомъ волненіи, что почти не обратили на меня вниманія; я стоялъ внѣ этой толпы, состоявшей изъ шестидесяти или семидесяти человѣкъ, кромѣ такого же числа молодыхъ людей. Однакожъ я услышалъ, что спрашиваютъ, кто я и имѣю ли право подавать голосъ. Любопытство мое сильно возбудилось и я уже готовъ былъ спросить о причинѣ собранія, какъ вдругъ въ дверяхъ школы явилась какая-то особа и начала излагать дѣло. Это былъ человѣкъ не большаго роста, съѣдой, худой, сморщенный, съ довольно пронзительнымъ взглядомъ, и одѣтый лучше большей части окружавшихъ его, хотя одежда его не отличалась ни изяществомъ ни чистотою; ему было лѣтъ шестьдесятъ. Онъ говорилъ очень хладнокровно и

медленно, какъ человѣкъ давно привыкшій присутствовать въ такого рода собраніяхъ, но съ сильнымъ коннектикутскимъ акцентомъ. Когда, передъ началомъ рѣчи, ораторъ открылъ ротъ, чтобы вынуть табакъ, я услышалъ кругомъ ропотъ:

— Тыше! вотъ судья; мы услышимъ что-нибудь.

Это былъ Ньюкомъ, мой повѣренный, главный обитатель поселенія.

— Сограждане, началъ онъ, вы собрались сегодня, чтобы разсуждать о дѣлѣ самомъ важномъ и необходимомъ и вамъ нужно развернуть теперь всѣ ваши силы. Дѣло въ томъ, чтобы дать названіе вновь воздвигаемой вами церкви, ввы видите, что нѣкоторымъ образомъ даже спасеніе душъ вашихъ зависитъ отъ этого вопроса. Вы начали ваши пренія, совершивъ прежде молитву, и теперь готовы приступить окончательно къ собранію голосовъ. Между вами существуетъ разномысліе. Вы всѣ знаете, какая важная причина заставляетъ насъ скорѣе окончить это дѣло. Нынешнимъ лѣтомъ ожидаютъ сюда помѣщика, котораго все семейство привержено, по несчастію, къ идолопоклонническому исповѣданію, отвергаемому большею частью изъ васъ; по этому необходимо нужно, чтобы церковь была уже выстроена и совершенно готова до его пріѣзда и чтобы такимъ образомъ устранить его отъ вмѣшательства въ это дѣло. До сихъ поръ мы всѣ были различныхъ мнѣній, но теперь должны между собою согласиться. Въ послѣдній разъ подано было двадцать-шесть голосовъ за конгрегационистовъ, двадцать-пять за пресвитеріанъ, четырнадцать за методистовъ, девять за баптистовъ, три за универсалистовъ и одинъ за принадлежащихъ къ епископскому исповѣданію; ясно, что большинство должно управлять, а меньшая часть повиноваться. Сначала, какъ умѣренный, я былъ того мнѣнія, что на сторонѣ конгрегационистовъ большинство одного голоса, но нѣкоторые выразили сомнѣніе, и я готовъ согласиться, что въ семъ случаѣ число двадцать-шесть составляетъ не большинство, а такъ сказать только *многочисленность*. Однакожъ такъ какъ двадцать-шесть или двадцать-пять суть большинство въ отношеніи къ девяти, къ тремъ и къ одному, какъ ни брать эти числа, порознь или вмѣстѣ, то ваше собраніе рѣшило, что баптисты, универсалисты и принадлежащіе къ епископской церкви должны быть исключены изъ состязанія, и что въ слѣдующее собраніе могутъ быть подаваемы голоса за тѣ толь-

ко три исповѣданія, въ пользу которыхъ подано уже прежде большее число голосовъ, а именно: конгрегационистовъ, пресвитеріанъ и методистовъ. Каждый имѣть право подать голосъ за какое ему угодно исповѣданіе, только непремѣнно за одно изъ этихъ трехъ. Я полагаю, что меня ясно поняли и потому предлагаю начать избраніе, если никто не имѣетъ сдѣлать какихъ-нибудь замѣчаній.

— Господинъ умѣренный, вскричалъ изъ середины толпы толстый и видный поселецъ: можно ли теперь говорить?

— Безъ сомнѣнія, сударь. Тихе, господа, тихе! Маіоръ Госмеръ можетъ встать и говорить.

Маіоръ Госмеръ всталъ, что сдѣлать было ему тѣмъ легче, что мы всѣ стояли; но выраженіе это было парламентское и потому всѣ его поняли.

— Господинъ умѣренный, я принадлежу къ числу баптистовъ и нахожу настоящее рѣшеніе несправедливымъ, потому что оно принуждаетъ насъ или подавать голосъ за то, что намъ не нравится, или во все не подавать.

— Но вы согласны съ тѣмъ, что большинство должно управлять? прервалъ предсѣдатель.

— Безъ сомнѣнія; это даже одинъ изъ догматовъ моего вѣроисповѣданія, отвѣчалъ старикъ съ видомъ совершеннаго чистосердечія: но я все не вижу, почему большинство на сторонѣ конгрегационистовъ, а не баптистовъ.

— Мы снова соберемъ голоса, маіоръ, чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе, отвѣчалъ Ньюкомъ самымъ умѣреннымъ тономъ. Господа, кто изъ васъ согласенъ съ тѣмъ, что баптисты не должны быть избираемы на слѣдующемъ собраніи, пусть потрудится поднять руку.

Всѣ, не принадлежавшіе къ этому вѣроисповѣданію, подняли руки, которыхъ числомъ оказалось шестьдесятъ-девять. Въ пользу баптистовъ, какъ и въ первый разъ было только девять голосовъ. Маіоръ Госмеръ объявилъ, что онъ доволенъ, хотя по видимому настоящее дѣйствіе казалось ему не совсемъ правильнымъ. Какъ секта баптистовъ была самою многочисленною изъ трехъ исключенныхъ сектъ, то двѣ остальные по неволѣ промолчали. Онѣ были малочисленны, а малочисленность, какъ часто случается въ Америкѣ, имѣетъ мало правъ.

— Теперь, сказалъ умѣренный, бывшій образцомъ покорно-

сти общему мнѣнію: остается сдѣлать избраніе между конгрегационистами, пресвитеріанцами и методистами. Начнемъ съ конгрегационистовъ. Не угодно ли тѣмъ, которые въ пользу этого стараго добраго коннектикутскаго вѣроисповѣданія, поднять руки.

Сладкій тонъ голоса, умоляющее выраженіе взгляда и слова: «старое, доброе вѣроисповѣданіе», показали мнѣ, къ чему стремились желанія умѣреннаго. Сначала подняли только тридцать четыре руки; но умѣренный какъ-то нащиталъ еще три и съ безпристрастіемъ объявилъ, что въ пользу конгрегационистовъ оказалось тридцать-семь голосовъ. Такимъ образомъ изъ числа тринадцати голосовъ, поданныхъ членами другихъ сектъ, одиннадцать, по всей вѣроятности, были управляемы умѣреннымъ. Потомъ наступила очередь пресвитеріанъ, и кромѣ двадцати пяти голосовъ, которые они уже имѣли, подали голоса въ ихъ пользу два баптиста. Методисты остались при своихъ четырнадцати голосахъ.

— Такъ какъ теперь ясно, господа, сказалъ умѣренный, что методисты не приобрѣли болѣе ни одного голоса, и что число ихъ въ сравненіи съ другими менѣе, то я, ссылаясь на ихъ всемъ извѣстное христіанское смиреніе, хочу спросить ихъ, не лучше ли они сдѣлаютъ, если откажутся отъ избранія.

— Голоса собирать! голоса! сколько за насъ! вскричалъ одинъ анабаптистъ.

— Пусть будетъ такъ, господа.

Оказалось четырнадцать голосовъ за избраніе и шестьдесятъ четыре противъ.

— Никакое вѣроисповѣданіе не устоитъ противъ такого большинства, сказалъ умѣренный съ видомъ совершеннаго чистосердечія. Мнѣ, право, очень жаль, что у насъ нѣтъ достаточныхъ средствъ, чтобы построить храмы для всѣхъ сектъ въ мірѣ; но мы дѣлаемъ, что можемъ, и методисты съумѣютъ покориться необходимости. Теперь, господа, остается рѣшить вопросъ между конгрегационистами и пресвитеріанцами. У нихъ нѣтъ большаго различія въ вѣрованіяхъ, но должно очень сожалѣть, что есть и малое различіе. Готовы ли вы, господа? Всѣ молчатъ, и такъ приступаемъ къ собиранію голосовъ.

Число голосовъ оказалось равное съ той и съ другой стороны, по тридцати-девяти. Я замѣтилъ, что умѣренный былъ недо-

воленъ, и думалъ уже, что онъ, присоединивъ къ другимъ свой голосъ, дастъ перевѣсъ той или другой сторонѣ; но я не зналъ этого человѣка. Ньюкомъ не любилъ никогда показывать, что имѣетъ вліяніе на дѣла; большинство было главнымъ его правиломъ, и онъ при всякомъ случаѣ прибѣгалъ къ большинству. Исправленіе такой шаткой должности, какъ должность президента, могло возбудить зависть; но тотъ, кто слѣдовалъ всегда за большинствомъ, могъ быть увѣренъ, что сохранить всеобщее къ себѣ участіе. Ньюкомъ подавалъ свое мнѣніе только тогда, когда большинство было на его сторонѣ.

Я съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что самыя ложныя идеи о правахъ большинства начинаютъ распространяться у насъ; теперь принимаютъ за политическую аксіому господство большинства. Аксіома эта можетъ быть безошибочна, только тогда, когда ее примѣняютъ съ благоразуміемъ и при томъ къ такимъ дѣламъ, которыя рѣшаются по большинству голосовъ. Но избави Богъ отъ господства большинства всегда и во всемъ, какъ здѣсь такъ и вездѣ!... Такой порядокъ вещей былъ бы невыносимымъ, и правительство, допустившее его, сдѣлалось бы самымъ ненавистнымъ. Выше всего стоятъ и всегда должны господствовать главныя, неоспоримыя начала, основанныя на справедливости; только вопросы не столь важные могутъ быть рѣшаемы большинствомъ, и лучше всего, чтобы большинство не присвоивало себѣ могущества, принадлежащаго только этимъ началамъ. Истину эту надобно повторять какъ можно чаще, потому-что, кажется, ее съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе забываютъ.

Ньюкомъ старался избѣгнуть необходимости подать свой голосъ, какъ президентъ. Три раза онъ собиралъ голоса и три раза они раздѣлялись поровну. Я замѣтилъ, что онъ началъ серьезно беспокоиться. Этотъ постоянный результатъ показывалъ твердую рѣшимость, и обѣ равносильныя стороны не хотѣли уступить одна другой. Надобно было употребить искусство; въ этомъ Ньюкомъ былъ силенъ, и вотъ что онъ придумалъ.

— Вы видите, любезные сограждане, что вышло. Образовались двѣ партіи; онѣ равносильны, и теперь вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ пользу одной изъ нихъ. Сосѣдъ Виллисъ, не потрудитесь ли вы сходить ко мнѣ въ домъ и спросить у мистриссъ

Ньюкомъ послѣдній томъ государственныхъ законовъ? Можетъ-быть, мы найдемъ тамъ какое-нибудь полезное поясненіе.

Сосѣдъ Виллисъ выслушалъ его и удалился; въ послѣдствіи узналъ я, что онъ былъ ревностный пресвитеріанинъ. По несчастію для его секты, онъ стоялъ прямо противъ умѣреннаго, такъ что непремѣнно долженъ былъ привлечь его вниманіе. Я думалъ, что г. Ньюкомъ начнетъ опять собирать голоса; но такая хитрость была бы слишкомъ груба, а онъ умѣлъ избѣгать затруднительныхъ положеній. Времени оставалось еще довольно; онъ хорошо зналъ, что жена его не найдетъ требуемаго имъ тома законовъ, который онъ далъ на время какому-то судѣ. Между тѣмъ онъ началъ тихонько совѣтоваться съ однимъ или двумя изъ своихъ друзей.

— Чтобъ не терять времени, г. умѣренный, сказалъ одинъ изъ его сообщниковъ, я предлагаю собранію объявить, что учрежденіе здѣсь пресвитеріанской церкви есть мѣра антиреспубликанская, противная нашимъ главнымъ постановленіямъ и важнейшимъ выгодамъ всего рода человеческого. Предлагаю этотъ вопросъ моимъ согражданамъ, не входя въ разсмотрѣніе его, и желаю знать мнѣніе ихъ о немъ.

Предложеніе было принято; начали собирать голоса, и оказалось тридцать девять голосовъ за предложеніе и тридцать восемь противъ него; и такъ рѣшили, что основаніе пресвитеріанской церкви есть противуреспубликанское. Выдумка была хороша: съ той минуты, какъ всѣ признали, что государственныя постановленія противны основанію пресвитеріанизма, не могло уже быть о томъ болѣе и вопроса; потому-что никакая религія не можетъ существовать въ этой странѣ, если она противна политическимъ мнѣніямъ.

Довольный первымъ успѣхомъ, сообщникъ умѣреннаго не остановился на этомъ.

— Г. умѣренный, сказалъ онъ, теперь, когда вопросъ принялъ другой видъ, партія, на сторонѣ которой большинство, можетъ, кажется, не затрудняться въ своихъ дѣйствіяхъ присутствіемъ партіи малочисленной. И такъ я предлагаю, чтобы тѣ, которые противъ пресвитеріанизма, составили тайное собраніе и назначили особую комиссію, обязавъ ее выбрать для церкви наименованіе, какое она найдетъ приличнѣйшимъ. Надѣюсь, что предложеніе мое будетъ принято безъ прекословія; дѣло

идеть о религии, а это такой предмет, о которомъ должно избѣгать всякихъ споровъ.

Начали собирать голоса, и большинство оказалось на той же сторонѣ; одна половина собранія одержала верхъ надъ другой, на томъ основаніи, что преимущество должно принадлежать большинству.

Объединители собрались въ зданіи школы и назначили комиссію изъ двадцати шести членовъ. Комиссія эта не долго совѣщалась; она единогласно признала, что конгрегационизмъ есть исповѣданіе, къ которому наиболѣе привержены жители Ревинеста.

Умѣренный представилъ немедленно предложеніе это на утвержденіе всего собранія, и преждее большинство одного голоса оказалось въ его пользу. Въ то время, какъ умѣренный смѣренно объявлялъ объ этомъ, явился въ толпѣ посланный, крича:

— Господинъ судья, мистриссъ Ньюкомъ не наша книга; она говоритъ, что вѣроятно вы отдали ее кому-нибудь.

— Ахъ! и въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ судья. Да намъ она и не нужна теперь. Любезные сограждане! мы разсуждаемъ теперь о самомъ важномъ для человѣка предметѣ. Въ подобномъ дѣлѣ единодушіе всего важнѣе. И какъ теперь нельзя уже предполагать, чтобъ кто-нибудь былъ противъ общаго желанія, то я еще разъ обращаюсь къ голосамъ, чтобъ яснѣе обнаружилось это единодушіе. Не угодно ли тѣмъ, которые за конгрегационистовъ, поднять руки.

Почти три четверти числа всѣхъ рукъ подыались къ верху. «Единогласіе! единогласіе!» кричали со всѣхъ сторонъ. Я насчиталъ семьдесятъ три руки. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ молчали; но такъ какъ никто не возражалъ, то почти можно было допустить единогласіе. Умѣренный и еще двое или трое изъ его пріятелей сказали по короткой рѣчи, въ которыхъ выразили свою благодарность. Выслушавъ эти рѣчи, собраніе стало расходиться.

Таковы были обстоятельства, сопровождавшія сооруженіе перваго конгрегационистовъ въ Ревинестѣ; вопросъ былъ единодушно рѣшенъ въ ихъ пользу; хотя противъ семидесяти восьми голосовъ, оппозиціонныхъ нашлось пятьдесятъ два; все это для чести республики.

Никто не возражалъ болѣе. Народъ сталъ расходиться, и

Ньюкомъ, скромно пробираясь сквозь толпу, замѣтилъ меня въ первый разъ. Онъ съ большимъ вниманіемъ посмотрѣлъ на меня, но по безпокойству, которое я замѣтилъ на его лицѣ, мнѣ показалось, что имъ начинало овладѣвать сомнѣніе. Въ ту самую минуту, когда онъ хотѣлъ, быть-можетъ, сдѣлать мнѣ первый вопросъ, Джанъ пріѣхалъ въ телѣгѣ. Негръ былъ коротко знакомъ съ Ньюкомомъ. Прибытіе его, равно какъ и сходство мое съ родителемъ момъ, объяснили все.

Ньюкомъ смѣшался; но замѣтно старался сохранить хладнокровіе свое.

— Я имѣю удовольствіе видѣть маіора Литтльсиджа? сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ. Вы напоминаете мнѣ генерала, когда я зналъ его въ молодыхъ еще лѣтахъ; а также и Германа Мордунта, отца вашей матушки. Давно ли вы пріѣхали, маіоръ?

— Нѣсколько минутъ тому назадъ, отвѣчалъ я уклончиво. Вы видите, вотъ телѣга и мой человѣкъ; мы прибыли изъ Альбани. Я пріѣхалъ въ самую пору, потому-что вижу здѣсь, кажется, всѣхъ жителей.

— Да, почти всѣхъ. У насъ было небольшое собраніе, въ которомъ мы толковали о дѣлахъ религіи. Вы, маіоръ, вѣроятно, пріѣхали къ концу засѣданія?

— Именно, г. Ньюкомъ... къ самому концу.

Мой отвѣтъ, казалось, сбросилъ съ Ньюкома ужасную тяжесть, потому-что ему было бы очень непріятно узнать, что я слышалъ отзывы его о томъ вѣроисповѣданіи, которому слѣдовало наше семейство. Я былъ очень доволенъ тѣмъ, что могъ на время скрыть себя и тѣмъ самымъ узнать настоящій характеръ моего агента. Теперь я зналъ, по-крайней-мѣрѣ, чего держаться, разговаривая съ нимъ.

— Да, милостивый государь; религія важна для человѣка, а между тѣмъ она давно находится въ пренебреженіи между нами, продолжалъ умѣренный. Видите ли тамъ новый храмъ; это первый, который былъ сооруженъ здѣсь, и мы намѣрены поднять его сегодня послѣ полудня. Шесты и подставки приготовлены уже; мы ждемъ только сигнала, чтобъ приступить къ дѣлу. Согласитесь, маіоръ, что очень не дурно было ускорить построеніе храма, прежде чѣмъ рѣшили, какое онъ долженъ носить наименованіе, потому-что при этомъ, каждый трудился какъ бы для своей секты. Потому-то, работа у насъ можно сказать,

кипѣла; теперь все готово; половыя доски, оконныя рамы, скамьи, однимъ словомъ все. Остается только разбѣстить вещи и начать службу.

— Почему же вы, не приготовивъ совершенно храма, приступили къ окончательному собранію голосовъ?

— Въ противномъ случаѣ, мы не достигли бы цѣли, маіоръ. Мы хорошо обдумали дѣла и убѣдились въ необходимости предложить на обсужденіе этотъ вопросъ. Все кончилось, какъ нельзя лучше, и мы рѣшили, большинствомъ голосовъ, что будемъ конгрегационистами. Единодушіе прекрасная вещь въ религиозномъ дѣлѣ.

— А вы не опасаетесь того, чтобы не охладѣло усердіе, и чтобы недовольные не отказались заплатить плотникамъ, малярамъ и пастору?

— Пусть себѣ бѣсятся; а все же заплатятъ. Вашъ примѣръ, маіоръ, произвелъ благотворное вліяніе.

— Мой примѣръ, г. Ньюкомъ! Я васъ не понимаю; въ первый разъ въ жизни я слышу про этотъ храмъ.

Ньюкомъ откашлянулся и, помолчавъ немного, сказалъ мнѣ:

— Да, я сказалъ: вашъ примѣръ, милостивый государь, потому-что рѣшительно все равно, что вы, что вашъ батюшка; а первая мысль къ сооруженію храма была подана генераломъ Литтльпеджемъ, задолго еще до начала революціи. Въ военное время нельзя и думать о постройкахъ, а потому и сооруженіе этого храма замедлилось; но когда мы начали пользоваться тишиной и миромъ, мнѣ казалось, что наступила минута привести въ исполненіе великій проэктъ вашего батюшки.

Я надѣялся, что все будетъ окончено ранѣе вашего приѣзда. Вотъ письмо генерала Литтльпеджа, одну страничку котораго я прочелъ жителямъ, назавтра тому не болѣе получаса.

— Безъ сомнѣнія, всѣ жители, и не имѣя храма, не переставали быть благочестивыми....

Я взялъ у Ньюкома письмо моего отца; оно было написано въ 1770 году, ровно за четырнадцать лѣтъ до начала постройки храма. Между прочимъ я увидѣлъ, что мой отецъ уменьшилъ для своихъ фермеровъ поземельную плату, съ тѣмъ, чтобы они пожертвовали 500 долларовъ на сооруженіе храма. Разсматривая квитанціи, я видѣлъ, что 500 долларовъ были собраны въ тотъ же годъ и отданы сполна Ньюкому, у котораго и нахо-

дился онъ съ тѣхъ поръ; сбереженіе этихъ денегъ конечно было неубыточно для него.

— Эта сумма, вѣрно была употреблена такъ, какъ желалъ батюшка? спросилъ я, отдавая письмо.

— До послѣдняго доллара, маіоръ; а когда вы осмотрите храмъ, вы увидите, какъ много способствовали ваши деньги къ его сооруженію. Сколько прекрасныхъ чувствъ пробудитъ эта мысль въ душѣ вашей! Какое счастье для владѣльца думать, что онъ богатствомъ своимъ улучшилъ участь своихъ ближнихъ!

— Это справедливо, потому-что я разсматривалъ всѣ отчеты, представленныя моему отцу, и замѣтилъ, что онъ никогда не получалъ даже малѣйшихъ доходовъ.

— Очень можетъ быть, маіоръ; но погодите, придетъ время, когда эти земли возвысятся въ цѣнѣ, и тогда вы соберете плоды вашего усердія и щедрости.

На все это я не сказалъ ни слова. Телѣга моя стояла у дверей гостиницы; вѣсть о приѣздѣ моемъ распространилась быстро, и нѣкоторые изъ стариковъ-колонистовъ, помнившихъ еще Германа Мордоунта, приветливо окружили меня. Обнимая ихъ по очереди, я подумалъ, что отношенія владѣльца къ фермеру должны быть исполнены довѣренности и доброты. Я не имѣлъ никакой нужды увеличивать своихъ доходовъ и располагалъ ожидать выгоды, какія могъ получить со временемъ отъ этого имѣнія. Я пригласилъ войти въ гостиницу всѣхъ бывшихъ со мною, приказалъ подать пуншу, какъ необходимую принадлежность всякой радостной встрѣчи, и всѣми средствами старался понравиться новымъ моимъ знакомымъ. Толпа женщинъ ожидала меня у дверей; выходя изъ гостиницы, я долженъ былъ подвергнуться безконечной церемоніи представленій. На каждомъ шагѣ я замѣчалъ рѣдкое радушіе.

X.

Сохраняй всегда, при всѣхъ испытываемыхъ тобою скорбяхъ и несправедливостяхъ, росу юности въ сердца и улыбку истины на устахъ.

Longfellow.

Представленія были далеко еще не кончены, какъ вдругъ раздался вдали крикъ: «подъемъ! подъемъ!» за которымъ послѣдовало всеобщее движеніе. Каждый побѣждалъ, какъ могъ, скорѣе, и я самъ, отдавъ нѣсколько приказаній на счетъ моего помѣщенія, послѣдовалъ за толпой.

Подъемъ храма въ Америкѣ—важное событіе. Исключая, можетъ-быть, нѣсколькихъ отъявленныхъ домосѣдовъ, не выходящихъ никогда за черту города, нѣтъ ни одного Американца, который не присутствовалъ бы при такомъ зрѣлищѣ. Что касается до меня, то я наслаждался имъ нѣсколько уже разъ. При настоящемъ случаѣ, всѣ тѣмъ болѣе радовались, что бревна строенія были сложены очень скоро и чрезвычайно плотно соединялись одно съ другимъ. Товарищъ мой, маіоръ, увѣрялъ меня, что онъ никакъ не могъ засунуть острія своего ножа ни въ одинъ пазъ. «И что всего удивительнѣе, милостивый государь, прибавилъ онъ (маіоръ, хотя самъ служилъ въ милиціи, почиталъ однако жъ непочтительнымъ давать мнѣ тотъ же титулъ, какой имѣлъ самъ), такъ это то, что все зданіе сложено только сегодня утромъ, безъ всякой предварительной пробы! Только здѣшніе плотники умѣютъ строить такъ скоро и хорошо!»

Видно, что Новый Свѣтъ не отличался скромностью и почиталъ себя во всемъ выше Старого.

Когда я пришелъ на мѣсто, избранное для храма, большое число поселенцевъ собралось уже передъ главною частью строенія, въ готовности поднять его, между тѣмъ какъ у каждаго столба стояли надежные люди, вооруженные ломомъ, топорами и всѣми инструментами, необходимыми для поддержанія частей строенія, отъ крѣпости которыхъ зависѣла жизнь людей, готовившихся поднять эту тяжелую массу. Опасность была тѣмъ болѣе велика, что строеніе было обширно, и потому надо бы-

ло принять всѣ предосторожности. Одного мѣста, въ особенности, не знаю почему, каждый старался избѣжать, какъ будто предоставляя другому, болѣе способному занять его; это былъ столбъ, который надо было удерживать въ прямомъ направленіи. Распорядитель работъ просилъ, чтобы кто-нибудь занялъ это опасное мѣсто, потому-что этого только и не доставало, чтобы начать подъемъ. Всѣ смотрѣли другъ на друга, ожидая, что кто-нибудь выйдетъ,—какъ вдругъ раздался крикъ:

«Землемѣръ идетъ!... Землемѣръ!... Его-то и надо!»

Дѣйствительно, это былъ старикъ Андрей. Сильный и здоровый, онъ шелъ твердымъ шагомъ, не смотря на то, что ему было уже семьдесятъ лѣтъ. Мой старый товарищъ сохранилъ отъ прежняго своего званія только косу и поступь, потому-что послѣ восьми лѣтъ дѣятельной службы, нѣтъ въ одинъ годъ потерять военныя ухватки. Онъ одѣтъ былъ совершенно какъ житель лѣсовъ. На немъ была, какъ и на мнѣ, охотничья блуза, штиблеты и кожаная шапка безъ мѣха. Нарядъ этотъ не только не казался страннымъ, напротивъ совершенно согласовался съ его бодрою старостью. Андрей былъ ростомъ пяти футовъ и шести дюймовъ; онъ держался также еще прямо, какъ и въ двадцать лѣтъ, и время не только не ослабило его здоровья, но, казалось, укрѣпило его для перенесенія усталости. Голова Андрея была бѣла, какъ снѣгъ; а кожа — того смуглаго цвѣта, который придаютъ ей непогоды. Выраженіе лица его всегда было пріятное; написанныя на немъ доброта и откровенность смягчали мужественный и нѣсколько гордый видъ его.

Землемѣръ увидѣлъ меня только тогда, какъ подошелъ къ строенію. Физиономія его вдругъ одушевилась; въ лицѣ выразилось живое удовольствіе. Шагая черезъ бревна, какъ человѣкъ, привыкшій презирать опасности, онъ сильно пожалъ мнѣ руку. Я видѣлъ, что онъ прослезился; кажется, если бы я былъ роднымъ его сыномъ, онъ и тогда не могъ бы любить меня болѣе.

— Тысячу разъ привѣтствую васъ, любезный Мордоунтъ! сказалъ онъ. Вы прибыли сюда потихоньку, какъ кошка, которая хочетъ напасть разомъ на мышей; но я узналъ о вашей поѣздкѣ и хотѣлъ встрѣтить васъ. Я не могу только понять, какъ и гдѣ вы могли пробѣжать.

— Какъ бы то ни было, мой старый и добрый другъ,—но

повѣрите мнѣ, что я очень радъ увидѣться съ вами. Пойдемте со мной въ гостиницу, тамъ мы поговоримъ на свободѣ.

— Погодите минуту, одну минуту, мой любезный. Здѣсь я необходимъ; надо вмѣ помочь. Дайте намъ только поднять это строеніе, и я къ вашимъ услугамъ на недѣлю, пожалуй хоть на годъ.

Я отошелъ на вѣскольکو шаговъ, а землемѣръ занялъ почетное мѣсто, предоставленное ему, какъ самое опасное. Работа началась. Трудъ этотъ не совсѣмъ безопасенъ, особенно въ настоящемъ случаѣ, когда число рабочихъ было совершенно не пропорціонально тяжести массы, которую надо было поднять. Женщины толпились у ограды, чтобы взглянуть, какъ будутъ работать ихъ мужья и братья. Всѣ были одѣты въ лучшія платья, хотя и можно было желать болѣе вкуса и изящества. Не смотря однако жъ на то, въ этой пестрой толпѣ попадались и хорошенькія личики.

Мнѣ кажется, что я былъ не хуже большей части молодыхъ людей моихъ лѣтъ и званія, и конечно, если бы я явился передъ подобной толпою въ другое время, то удостоился бы, крайней-мѣрѣ, нѣсколькихъ взглядовъ. Но въ эту минуту никто не обратилъ на меня вниманія. Глаза всѣхъ были устремлены на работниковъ, да и самъ я, признаюсь, раздѣлялъ общее участіе. По давнему знаку, мужчины общимъ усиліемъ подняли верхнюю часть строенія. Мальчики, державшіе въ рукахъ готовыя подпорки, поспѣшили ихъ подставить и потому работавшіе могли минуту отдохнуть. Мнѣ было стыдно, что я ничего не дѣлалъ въ подобномъ случаѣ; но боясь помѣшательства, вмѣсто того, чтобы быть полезнымъ, я оставался въ сторонѣ простымъ зрителемъ.

— Теперь, товарищи, еще одно усиліе, сказалъ распорядитель, который помѣстился такъ, что легко могъ управлять работою. Поднимемъ дружище; тогда работа подвинется впередъ. Готовы ли?... Ну!

Каждый принялся за дѣло съ такимъ жаромъ и ловкостью, что вся тяжесть была поднята въ этотъ разъ выше головъ и остановилась, поддержанная новыми подпорками.

— Ну, теперь рѣшительная минута, товарищи, вскричалъ распорядитель. Каждый къ своему столбу! Господишь землемѣръ, будьте внимательны! Вашъ столбъ поддерживает все зданіе; если онъ пошатнется, мы погибл.... Ну, разомъ!..

Смѣлѣ!... Идетъ!... Живѣе, ребята, подставляйте подпорки.... Хорошо! Теперь можемъ отдохнуть.

Дѣйствительно, надо было отдохнуть, потому-что никто не берегъ себя и минутный отдыхъ былъ необходимъ для восстановления силъ. Часть строенія, которую поднимали тогда, достигла такой высоты, что уже нельзя было дѣйствовать руками, надо было прибѣгнуть къ помощи шестовъ, съ заостренными желѣзными наконечниками; это была одна изъ самыхъ трудныхъ частей работы. До тѣхъ поръ все шло хорошо, и одно только могло ослабить бодрость работавшихъ,—это страхъ, что соединенныя усилія ихъ будутъ недостаточны, чтобы окончательно поднять такую тяжелую массу; а между тѣмъ, помочь этому было невозможно, потому-что каждый изъ присутствовавшихъ, исключая меня, занималъ уже опредѣленное мѣсто. Молодой человекъ, съ пріятнымъ лицомъ, въ нарядѣ, который былъ чѣмъ-то среднимъ между городекимъ и лѣснымъ, вышелъ изъ толпы женщинъ и также вооружился шестомъ. Должно предупредить читателя, мало знакомаго съ операціей подъема, что поднимающіе зданіе по необходимости находятся подъ нимъ, и если оно упадетъ, они непременно будутъ раздавлены. Не смотря на опасность, шутки шли своимъ чередомъ.

— Послушайте, милостивый государь, сказалъ маіоръ: такъ какъ мы служимъ теперь своими плечами, то я думаю, что это зданіе можетъ иногда служить мѣстомъ собранія и для насъ диссидентовъ?

— Никто, я думаю, не предполагаетъ, чтобы свобода вѣроисповѣданія не существовала въ этомъ поселеніи, отвѣчалъ умѣренный. Безъ сомнѣнія, другія секты могутъ пользоваться этимъ зданіемъ всякій разъ, когда законные его владѣльцы не будутъ имѣть въ немъ нужды.

Выраженіе это было неудачно. Никто однако не хотѣлъ оставить работу. Только нѣкоторые изъ диссидентовъ позволили себѣ сказать нѣсколько двусмысленностей на счетъ умѣреннаго. Боясь, чтобы вся эта болтовня не кончилась дурно, распорядитель работъ счелъ нужнымъ поторопиться приняться снова за дѣло.

— По мѣстамъ, товарищи! Потрудитесь не много, конецъ близокъ. Видите ли тамъ эту подпорку, у которой стоитъ Тимъ Триммеръ? поднимемте строеніе такъ, чтобы подпорка пошла подъ него, и тогда мы спасены. Осмотри хорошенько подпорку, Тримъ. Твердо ли она стоитъ?

Тримъ отвѣчалъ утвердительно; но такъ какъ онъ былъ еще слишкомъ молодъ, то двое или трое мужчинъ пошли осмотрѣть подпорку и подтвердили, что бояться нечего.

— Ну же, друзья! вскричалъ распорядитель. Разомъ!...

Вооруженные длинными шестами, бѣдняки употребляли страшныя усилія; но мнѣ казалось, что зданіе не подвигается съ мѣста. Уступая непреоборимому чувству и стыдясь, что оставался такъ долго въ бездѣйствіи, въ подобную минуту, я бросился въ средину работавшихъ, къ самому опасному мѣсту и, схвативъ шесть, сталъ напирать изъ всѣхъ силъ.

— Ура! закричалъ распорядитель; вотъ и нашъ молодой помѣщикъ съ нами. Смѣлѣе!... Разомъ!

Работавшіе удвоили усилія. Зданіе было поднято на нѣсколько футовъ; но не доставало еще нѣсколькихъ дюймовъ для того, чтобы оно могло быть опущено на новыя подставки. Двадцать голосовъ кричали въ одно время, чтобы держали крѣпче, потому-что всѣ чувствовали, что малѣйшая уступка въ силѣ будетъ пагубна. Распорядитель работъ подбѣжалъ къ намъ на помощь; а Тримъ, воображая, что подпорка будетъ держаться и безъ него, оставилъ ее, схватилъ одинъ изъ длинныхъ шестовъ и началъ работать вмѣстѣ съ другими. Подпорка, никѣмъ не поддерживаемая, пошатнулась и наклонилась въ сторону, такъ что сдѣлалась рѣшительно бесполезною. Я видѣлъ всю опасность и въ то же время чувствовалъ, что тяжесть, которую я поддерживалъ, съ каждой секундой увеличивалась болѣе и болѣе.

— Подымайте, друзья! подымайте! кричалъ распорядитель, отчаяннымъ голосомъ, потому-что спасеніе всѣхъ зависѣло отъ этого послѣдняго усилія.

Одинъ только ребенокъ оставилъ свое мѣсто, тогда какъ двадцать человѣкъ работали; и все строеніе могло упасть на насъ! Говорите послѣ этого объ опасностяхъ на пристувахъ и при взятіи батарей! Чтѣ все это въ сравненіи съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ мы находились? Отойди одинъ изъ насъ или ослабѣй на минуту, мы всѣ погибли бы. Прошло двадцать ужасныхъ секундъ; я терялъ уже надежду, какъ вдругъ какая-то молодая дѣвушка выбѣжала изъ средины смущенной толпы и схвативъ подставку, поставила ее въ настоящее положеніе.

Оставалось поднять строеніе на одинъ дюймъ. Я закричалъ утомленнымъ работникамъ, чтобы они подымали всѣ вмѣстѣ;

мнѣ повиновались, и я видѣлъ, какъ молодая дѣвушка вѣрно и твердою рукою поставила подпорку. Работавшіе съ нашей стороны освободились, и мы побѣжали помогать тѣмъ, которые находились на другой сторонѣ. Мало-по-малу подпорки были подставлены и всѣ, освободясь отъ работы, могли въ мрачномъ молчаніи раздумать объ опасности, которой избѣжали.

Этотъ случай произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе. Я мелькомъ видѣлъ дѣвушку, догадливость и присутствіе духа которой такъ много помогли намъ. Но мнѣ казалось, что я во всю жизнь свою не видѣлъ ничего прелестнѣе. Формы ея были изящны; въ ней не было ни болѣзненной худобы, которая рождала мысль о страданіи, ни излишней полноты, а что-то среднее между тѣмъ и другимъ. Часть лица ея, совершенно почти закрытаго локонами прекраснѣйшихъ бѣлокурыхъ волосъ, которую я замѣтилъ, совершенно согласовалась въ ней со всѣмъ остальнымъ. И въ самомъ настоящемъ поступкѣ ея не было ничего противорѣчащаго природной ея ловкости. Въ этомъ случаѣ требовалась не сила, но одно хладнокровіе и смѣлость.

Можетъ-быть, чувство опасности, испытанной нами, усилило дѣйствіе, произведенное на меня явленіемъ этой дѣвушки, которую, какъ я воображалъ, само небо послало для нашего спасенія.

Утомленный непривычными усиліями, едва дышущій, я не переставалъ, однако же, думать о той, которую отуманенный взоръ мой не находилъ болѣе. Ея стройная талія, легкая походка, живые движенія и прелестные волосы увеличивали въ воображеніи моемъ цѣну ея удивительнаго поступка. Нѣсколько успокоившись я оборотился; но дѣвушки уже не было. Женщины жались одна къ другой, какъ испуганные цыплята. Онѣ подымали руки къ небу, съ громкими восклицаніями; но ни одна изъ нихъ не напоминала собою образа, начертаннаго въ моемъ сердцѣ. Видѣніе исчезло такъ же быстро, какъ и явилось.

Землемѣрь принялъ начальство надъ работами, безропотно переданное ему распорядителемъ. Онъ былъ, какъ мнѣ казалось, въ сильномъ волненіи, хотя вполне сохранилъ надъ собою власть. Съ этой минуты, онъ уже распоряжался работами и успѣлъ такъ искусно распределить силы, что всякій дѣлалъ гораздо болѣе, не чувствуя усталости. Зданіе, наконецъ, было

совершенно поднято. Главное было сдѣлано; остальные части строенія были не такъ уже тяжелы.

— Наконецъ конгрегационисты имѣютъ помѣщеніе! сказалъ старшій маіоръ, слегка насмѣшливымъ тономъ: они обязаны этимъ землеѣру, да еще кой-кому, кого я не хочу называть. Но подождемъ! Придетъ и наша очередь, потому-что Ревнестъ быстро увеличивается и одного вѣроисповѣданія для него будетъ достаточно.

— Безъ сомнѣнія! отвѣчалъ землеѣръ, который, казалось, собирался уйдти. Со временемъ, здѣсь будетъ столько же вѣроисповѣданій, сколько недовольныхъ, и мы увидимъ много подобныхъ зданій а еще болѣе пасторовъ.

— Вы, кажется, хотите оставить насъ, господинъ землеѣръ? А вѣдь нужно поднять еще многія части строенія и поставить нѣсколько столбовъ.

— Главное сдѣлано; а остальное вы легко окончите. Мнѣ надо поговорить еще съ молодыми нашимъ помѣщикомъ. Ну, за работу, товарищи! Помните, что вы будете поклоняться въ этомъ зданіи существу, не принадлежащему ни къ конгрегационистамъ, ни къ пресвитеріанамъ, однимъ словомъ, ни къ одной изъ вашихъ сектъ.

Меня удивило хладнокровіе, съ какимъ мой старшій другъ выражалъ свои чувства, не могшія найти отголоска въ подобномъ собраніи; а еще болѣе то, что его снисходительно слушали. Но Андрей, репутаціей честнаго и прямаго человѣка, приобрѣлъ всеобщее уваженіе; мнѣнія его имѣли большой вѣсъ, потому-что онъ никогда не говорилъ «сдѣлайте,» а всегда «сдѣлаемъ». Присоединяя дѣйствія къ словамъ, онъ всегда первый подавалъ примѣръ. Если человѣкъ съ такимъ характеромъ слѣдуетъ прирожденному высеченію, умѣряемому благоразуміемъ и разсудкомъ, то всегда имѣетъ большое вліяніе на людей, съ которыми находится въ сношеніяхъ.

— Пойдемте, любезный Мордоунтъ, сказалъ онъ мнѣ, когда мы вышли изъ толпы; я буду вашимъ путеводителемъ къ дому, гдѣ вы можете распорядиться, какъ полный хозяинъ.

— Къ какому дому?

— Разумѣется къ вашему, а не къ другому. Онъ, подобно намъ, старымъ воинамъ, обветшалъ; но мы, по возможности, поправили его для васъ, и по-крайней-мѣрѣ вы найдете тамъ все въ хорошемъ порядкѣ. Мебель вашего дѣдушки тамъ еще.

Франкъ Мальбонтъ, Урсула и я учредили тамъ нашу главную квартиру, съ тѣхъ поръ, какъ живемъ въ этой сторонѣ. Вы, вѣдь, сами поручили мнѣ это.

— Да, помню, помню. Развѣ не все, что я имѣю, принадлежитъ вамъ? Но я думалъ, что вы, кромѣ того, построили себѣ хижину въ музериджскомъ лѣсу.

— И то сдѣлано; мы переходимъ съ одного мѣста на другое. Негры мои живутъ въ хижинѣ; а Франкъ, Урсула и я явились сюда встрѣтить васъ.

— У меня здѣсь есть экипажъ; и зайду въ гостиницу и прикажу заложить его.

— Для чего это? Развѣ мы оба не привыкли ходить пѣшкомъ? Экипажъ годится только для поклажи. Истинный солдатъ всегда ходитъ пѣшкомъ.

— Я согласенъ! Такъ всередѣ, старшій товарищъ. Я не остану отъ васъ. Позвольте мнѣ только предупредить моего слугу, чтобъ онъ приготовился и слѣдовалъ за нами съ поклажей.

Джапъ и землеѣръ, часто бывавшіе прежде вмѣстѣ, узнали другъ друга. Джапъ, во все продолженіе войны, слѣдовалъ за полкомъ, и исправлялъ иногда должность слуги, иногда обязанности солдата, или завѣдывалъ лошадьми; но съ тѣхъ поръ, онъ какъ состарѣлся, я сдѣлалъ его неотлучнымъ лицомъ при себѣ.

— Еще одно слово, Андрей. Я встрѣтился съ Индѣйцемъ, котораго вы, бывало, въ лѣсахъ называли Безслѣднымъ, и хотѣлъ пригласить его идти съ нами.

— Онъ отправился впередъ, чтобъ извѣстить домашнихъ о нашемъ приходѣ. Я видѣлъ, какъ онъ скорымъ шагомъ шель по дорогѣ, съ часъ тому назадъ. Онъ, вѣрно, уже давно пришелъ.

Мы пустились въ путь, оставя поселенцевъ, дѣятельно занятыхъ постановкой остальныхъ частей строенія. Я замѣтилъ, что прибытіе мое въ поселеніе не произвело того впечатлѣнія, какое сдѣлало бы оно, если бы общее вниманіе не раздѣлялось между подъемомъ мольнаго дома и мною. Многіе изъ жителей Ревнестета, моложе двадцати пяти лѣтъ, хотя рождены въ христіанской странѣ, и воспитаны въ христіанской религіи, никогда не видѣли зданія, посвященнаго богослуженію. Храмы были рѣдки въ 1784 году, даже въ нью-йоркскомъ штатѣ.

Въ Альбани считалось только два прихода. По этому-то я

замѣтилъ, что молодая дѣвушка, съ нетерпѣливѣмъ желавшій увидѣть какой-нибудь храмъ, едва удостоивали взглядомъ ново-прибывшаго.

— Вотъ мы опять племъ вмѣстѣ, другъ мой, сказалъ я Андрею, когда мы отправились; но теперь мы идемъ не на враговъ.

— Этого ждать не долго, отвѣчалъ хладнокровно Андрей, хоть и не все то золото, что блеститъ. Мы славно бились съ вами, маіоръ, и надѣюсь, что и впередъ будетъ не хуже.

Меня удивило это замѣчаніе; но Андрей никогда не обманывался. Какъ истинный Голландецъ, онъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на прибытіе эмигрантовъ изъ восточныхъ штатовъ и не ожидалъ отъ этого ничего добраго.

— Погодите, сказалъ я ему: мы соберемъ со временемъ плоды нашихъ трудовъ. Какъ идутъ дѣла въ Музериджѣ; кто у васъ тамъ межевщикомъ?

— Дѣла тамъ идутъ довольно хорошо, Мордоунтъ; пока еще не кому мѣшать намъ. Мы сняли для васъ на карту десять тысячъ акровъ земли, раздѣленныхъ на мелкіе участки, во сто акровъ каждый; за вѣрность измѣренія ручаюсь вамъ.

— Кто же вамъ помогаетъ?

— Франкъ Мальбонъ, братъ Урсулы. Это былъ первый его опытъ, но будьте спокойны, онъ всегда мѣрялъ вѣрно.

— Такъ должно было бы всегда дѣлать здѣсь, гдѣ нѣтъ недостатка въ землѣ. Впоследствии, легче будетъ составлять межевые акты, и мы избѣгнемъ черезъ это многихъ хлопотъ.

— И многихъ тяжбъ, прибавилъ землемеръ, качая головою. По правдѣ сказать, Мордоунтъ, я бы лучше согласился взять на себя этотъ трудъ въ какомъ-нибудь голландскомъ поселеніи, за полдюны, чѣмъ провести границу между владѣніями двухъ Янковъ, за двойную цѣну. Голландецъ набьетъ себѣ трубку и курить ее, пока идетъ работа; а Янка безпрестанно хлопочетъ о томъ, какъ бы оттягать лишній кусокъ земли въ томъ или другомъ мѣстѣ; такъ что надо обѣими руками держать совѣсть, чтобъ цѣна не уклонилась въ ту или другую сторону.

Я зналъ предубѣжденіе Андрея противъ Янковъ, а потому перемѣнилъ разговоръ и началъ говорить о любимомъ его предметѣ, о политикѣ. Такимъ образомъ прошло около часу въ разговорахъ, и я не замѣтно очутился у своего дома. Вблизи, домъ казался нѣсколько лучше; огороды и луга, окружавшіе его, бы-

ли хорошо воздѣланы; на землѣ не было ни пней, ни корней. Зданіе походило, однако жъ, нѣсколько на тюрьму, потому что снаружи совсѣмъ не было оконъ и только одна дверь.

Мы остановились на минуту передъ входомъ, чтобъ взглянуть на окрестности. Кто-то вышелъ изъ дому и возлѣ меня вдругъ очутился Сускуззусъ. Въ то же время раздался полный и гармоническій голосъ, который я уже однажды слышалъ въ маленькомъ сосновомъ лѣску; онъ пѣлъ нидѣйскія слова, но мелодія, очевидно, была произведеніемъ какой-нибудь образованной страны. Я забылъ вдругъ и луга, и огороды, и Сускуззуса и землемера; думала только объ этой чудной Индіянкѣ, которая такъ хорошо знала европейскую музыку. Сускуззусъ, казалось, былъ восхищенъ не менѣе меня; онъ стоялъ неподвижно до конца пѣнія. Старикъ Андрей улыбался, ожидая конца пѣсни; наконецъ, онъ съ гордостью произнесъ имя Урсулы и пригласилъ меня слѣдовать за нимъ въ домъ.

XI.

Если не влюбится въ васъ со временемъ, сестрица, то причиною тому будетъ музыка. Если принцъ слишкомъ торопится, скажите ему, что всему есть время, и отклоните отвѣтъ какой-нибудь пѣсней.

Be trisica.

— Урсула! повторилъ я тихо... Такъ это не Индіянка? это Урсула, Урсула землемера, Урсула Прассилы Бэйярда!

Вѣроятно, Андрей услышалъ меня, потому что онъ остановился на дворѣ и сказалъ:

— Да, это Урсула, моя племянница. Этотъ ребенокъ, какъ птичка, запоминаетъ всѣ папѣвы. Когда она поетъ какую-нибудь голландскую нашу пѣсню, вѣрите ли, Мордоунтъ, она трогаетъ меня до глубины души. А когда начнетъ пѣть по-англійски, то, право, подумаешь, что она кромѣ этого языка другаго и не знаетъ.

— Но та пѣсня, которую я слышалъ, была нидѣйская, судя по словамъ.

— Да, слова индѣйскія, но напѣвъ, говорятъ, шотландскій. Впрочемъ, какой бы онъ ни былъ, любезнѣйшій другъ, а онъ задѣваетъ меня за сердце.

— Какимъ образомъ ваша племянница успѣла научиться индѣйскому языку?

— Я ужъ вамъ сказалъ, что это птичка, которая перенимаетъ все, что услышитъ. Она такъ понятлива, что изъ нея можно было бы, не больше какъ въ недѣлю, сдѣлать такого же искуснаго межевщика, каковъ и братъ ея. Вы знаете, между сколькими народами довелось мнѣ жить до начала войны. Урсула вездѣ была со мною. Поэтому-то и она научилась языкамъ; а ужъ что разъ она выучитъ, того никогда не забываетъ. Урсула такъ долго жила въ лѣсахъ, что стала почти дикаркою, а все же прекрасная дѣвушка; я горжусь ею.

— Скажите мнѣ: никто кромѣ ея не поетъ здѣсь, въ окрестностяхъ, по-индѣйски? Нѣтъ ли какихъ-нибудь женщинъ при Сускузусѣ?

— При немъ? Нѣтъ, онъ не такой человѣкъ! Кромѣ племянницы моею, я никого не знаю здѣсь, кто бы пѣлъ.

— Вы сказали мнѣ, если я не ошибаюсь, что сегодня утромъ вы выходили ко мнѣ на встрѣчу; вы были одни?

— Нѣтъ, нѣтъ! Мы были всѣ, Сускузусъ, Франкъ, Урсула и я. Мы всѣ отправились встрѣтить молодаго помѣщика и поздравить его съ счастливымъ прїѣздомъ. Урсула, правда, немного поморщилась, стала говорить, что молодой дѣвухѣ не прилично идти встрѣчать молодаго человѣка. Я согласился бы съ нею въ этомъ, если бы дѣло шло не о васъ, но вы для насъ не чужой, выне какой-нибудь бродяга Янка. Я хотѣлъ совѣтъ семействомъ идти къ вамъ на встрѣчу; но не скрываю, что Урсула отказывалась намъ сопутствовать.

— Значитъ, миссъ Урсула была съ вами. Странно, право, что мы не встрѣтились.

— Ну, не такъ странно, какъ вамъ кажется; теперь я начинаю догадываться, какую штуку сыграла съ нами плутовка. Надо вамъ замѣтить, Мордоунтъ, что когда мы отошли немного, она посоветовала намъ свернуть съ дороги въ маленькій сосновый лѣсокъ, чтобъ закусить. Плутовка сдѣлала это съ намѣреніемъ, надѣясь, что вы между тѣмъ пройдетѣ, и такимъ образомъ она избѣжитъ встрѣчи съ вами.

— Такъ теперь я слышалъ голосъ Урсулы... виноватъ: миссъ Урсулы?

— Пожалуйста, безъ церемоній. Называйте просто Урсулой, какъ я и Франкъ зовемъ её.

— Да, но вы ей дяля, а я для нея чужой.

— Чужой! Нѣтъ, нѣтъ! Я слишкомъ часто говорилъ о васъ и съ ней и съ ея братомъ; они оба любятъ васъ почти также, какъ я люблю васъ.

Бѣдный Андрей! какое тягостное чувство заставилъ онъ меня испытать, открывъ мнѣ, что тѣ, съ которыми я долженъ былъ познакомиться, знаютъ уже меня по описанію, конечно, слишкомъ лестному, сдѣланному имъ. Трудно удовлетворить возбужденному ожиданію, и признаюсь, меня очень занимала мысль, чтó подумаетъ обо мнѣ Урсула. Пѣсня, которую я слышалъ, все еще звучала у меня въ ухахъ, и съ той минуты, какъ я узналъ, что это пѣла Урсула Мальбонъ, образъ ея занялъ наибольшее мѣсто въ моемъ воображеніи. Отступить не было никакой возможности; я попросилъ, однако жъ, землемѣра идти впередъ. Такъ какъ мнѣ неминуемо должно было увидѣться съ молодой дѣвухой, то мнѣ казалось, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Зданіе, въ которое мы вошли, было въ началѣ родъ крѣпости; всѣ окна и двери выходили на дворъ. Одна сторона защищалась остатками ветхаго палисада, Впрочемъ совершенно бесполезнаго, потому что зданіе находилось на крутой возвышенности, которая могла служить надежнымъ оплотомъ противъ нападений и набѣговъ.

Внутренность дома далеко превосходила его наружность. Окна придавали двору веселый и оживленный видъ, и нарушали однообразіе этой тяжелой, деревянной массы, сложенной безъ вкуса и симметріи. Я зналъ, что дѣдъ мой Мордоунтъ отдѣлялъ часть дома собственно для себя; а потому немало не удивился, когда, войдя въ домъ, нашелъ нѣсколько комнатъ, которыя хотя не были убраны роскошно, однако вмѣщали въ себѣ все необходимое.

— Урсула, вѣрно, здѣсь, сказалъ землемѣръ, отворяя дверь и приглашая меня войти. Поздоровайтесь съ ней, Мордоунтъ; увижу, она коротко васъ знаетъ.

Я вошелъ и остановился въ двухъ шагахъ отъ прелестной дѣвухи. На ней было то же платье, въ которомъ я видѣлъ ее въ

первый разъ. Урсула обрубляла бумажный клѣтчатый платокъ, какіе дялюшка употреблялъ изъ экономіи. При входѣ моемъ въ комнату, она встала и привѣтливо отвѣтила мнѣ на мой почтительный поклонъ.

— Чтѣ за церемонія, сказалъ Андрей, протяните-ка лучше другъ другу руки. Ты знаешь, Урсула, что я люблю Мордоунта Литтльведжа, какъ роднаго сына.

Урсула повинувалась. Я съ удовольствіемъ взялъ ея маленькую ручку, нѣжную какъ бархатъ. Не могу выразить, какъ я былъ доволенъ этимъ, потому-что нѣжность этой руки доказывала, что Урсула не имѣла надобности заниматься тяжелыми и грубыми работами. Я зналъ, что у Андрея было нѣсколько невольниковъ, которые вмѣстѣ съ его компансомъ, землемѣрными цѣпями и шпагою, составляли все его имущество, и, безъ сомнѣнія, благодаря этимъ-то невольникамъ, племянница его избавлена была отъ всякой тяжелой работы.

Я все держалъ еще руку Урсулы, но никакъ не могъ уловить ея взгляда. Она немного отвернулася и, повидному, желала не вдругъ познакомиться такъ коротко, а ограничиться на первый разъ разбѣномъ обыкновенныхъ вѣжливостей. Такъ какъ я видѣлся съ ней въ первый разъ, и потому, конечно, ничѣмъ не могъ оскорбить ее, то и приписывалъ настоящее ея поведеніе ложной стыдливости и замѣшательству, въ которое она пришла, при мысли, что еще недавно видѣла ее въ совершенно другомъ положеніи. Я почтительно поклонился и прежде чѣмъ выпустилъ ручку, тихо пожалъ ее, чтобы ободрить ту, которой она принадлежала.

— Чтѣ жъ ты, Урсула, не предложишь чашку чаю молодому нашему хозяину? спросилъ Андрей, чрезвычайно довольный дружескими отношеніями, которыя устанавлились между нами. Майоръ сдѣлалъ сегодня большой переходъ и конечно не откажется освѣжиться.

— Вы называете меня майоромъ, любезный другъ; а сами не любите, когда даютъ вамъ этотъ титулъ.

— О! большая разница! Вы молоды, можете сдѣлаться генераломъ, и, конечно, будете имъ, прежде чѣмъ достигнете тридцати лѣтъ. Мое же время прошло. Теперь я никогда не переѣмѣю уже того мундира, который снова падѣлъ. Въ немъ я началъ мое поприще, въ немъ и окончу.

— Но вы мнѣ сами говорили, что вамъ надобно вычисленія?

— Совершенная правда. Я никогда не могъ поладить съ цифрами, и въ семьдесятъ лѣтъ люблю ихъ столько же, какъ любилъ въ семнадцать. Вотъ Франкъ Мальбонъ, братъ Урсулы, со-всѣмъ другое дѣло: онъ распоряжается колоннами цифръ точно также, какъ вашъ батюшка распоряжался своими батальонами при переходахъ черезъ рвы. Я люблю таскаться съ цѣпью, это занимаетъ меня. Ремесло мое требуетъ прежде всего честности. Говорятъ, что цифры не лгутъ, Мордоунтъ; о цѣпи этого сказать нельзя: иногда она изрядно вретъ.

— Гдѣ же господинъ Франкъ Мальбонъ? Я очень желалъ бы познакомиться съ нимъ.

— Онъ остался, чтобъ помочь поднять строеніе.

Я услышала позади себя легкой вздохъ и невольно обернулася. Урсула, какъ бы стыдясь своей слабости, покраснѣла, и я въ первый разъ въ жизни услышала, какъ она заговорила. Приятный голосъ, какъ мужской, такъ и женскій, есть одинъ изъ счастливейшихъ даровъ неба. Голосъ Урсулы могъ бы пѣвнѣ самый извѣщенный слухъ; онъ былъ чистъ, пріятенъ, нѣженъ; лучшаго произошенія нельзя было желать.

— Я думала, сказала она: что это новое строеніе поставлено наконецъ, и что Франкъ возвратится вмѣстѣ съ вами. Я очень удивилась, добрый дялюшка, когда увидѣла, съ какимъ рвеніемъ вы трудитесь для пресвитеріанцевъ.

— То же самое я могъ бы сказать и о васъ, миссъ Урсула. отвѣчалъ улыбаясь Андрей: вы также изумили меня. Впрочемъ дѣло не въ пресвитеріанахъ, а въ конгрегационистахъ. Я думаю, что и для нихъ ты не отказалась бы сдѣлать то же?

— Все, что я сдѣлала, сдѣлала для васъ, для Франка, для господина Литтльведжа и для тѣхъ, которые находились поль-строеніемъ.

— Да, миссъ Урсула, сказалъ я: мы всѣ чрезвычайно обязаны вамъ; безъ вашей помощи, мы подвергались страшной опасности быть раздавленными.

— Конечно, этотъ поступокъ несогласенъ съ привычками моего пола, сказала Урсула, печально улыбнувшись: но когда живешь въ лѣсахъ, то надо стараться приносить пользу и другимъ.

— Кажется, такая жизнь не нравится вамъ?

— Почему же не нравится? Вѣдь я живу съ дялюшкой и съ Франкомъ. Они для меня все, съ тѣхъ поръ какъ нѣтъ уже

моей покровительницы. Ихъ жилище—мое жилище, ихъ счастье и удовольствіе составляютъ и мое удовольствіе и счастье.

Слова эти могли бы показаться натянутыми, если бы не были сказаны такъ чистосердечно. Я видѣлъ по глазамъ Андрея, что онъ понималъ свою племянницу и хорошо зналъ прямой и откровенный характеръ ея. Урсула, высказавъ свои чувства, удалилась, какъ будто стыдясь, что не затанца ихъ въ душѣ своей. Чтобъ скрыть ея замѣшательство, я перемѣнилъ разговоръ.

— Господинъ Ньюкомъ, какъ кажется, умѣетъ управлять общественнымъ мнѣніемъ, сказалъ я землемѣру. Какъ искусно онъ придалъ двадцати одному конгрегационисту, которые были на его сторонѣ, видъ большинства, тогда какъ они не составляли и трети всего собранія.

— Да, онъ въ подобныхъ дѣлахъ не подражаемъ! вскричалъ Андрей. Онъ самъ говоритъ, что хорошо знаетъ людей; а съ помощію разныхъ военныхъ хитростей умѣетъ такъ хорошо распорядиться, что вы, думая, что исполняете свою волю, будете повноваться воплиѣ его собственной. Это рѣдкій талантъ.

— Правда; и такому таланту можно бы позавидовать, если бы только имъ пользовались всегда честно.

— А! въ томъ-то и штука! Что онъ пользуется имъ, это безспорно; но какъ—это другой вопросъ. Мнѣ иногда досадно, а иногда, такъ просто смѣшно смотрѣть, какъ онъ управляетъ этими людьми, заставляя ихъ двигаться туда и сюда; а самъ вѣдь никогда не мѣшается въ дѣло. Я отвѣчаю вамъ за то, что онъ хорошо знаетъ свое дѣло.

— Согласенъ съ вами; надо имѣть особенный талантъ, чтобы приобрѣсти вліяніе такого рода.

— Да; но надо начать съ того, чтобы лгать и обманывать; правда, что онъ ни мало не затрудняется въ этомъ.

— Кажется, мой повѣренный не принадлежитъ къ числу вашихъ друзей; надо будетъ подумать объ этомъ хорошенько.

Сказавъ это, я сталъ разспрашивать землемѣра о томъ, въ какомъ положеніи онъ нашелъ домъ и помѣстье, за которыми я поручилъ ему исключительный надзоръ.

Жившіе тамъ были люди простые и скромные; они заняли только кухню и службы, а чистыя комнаты оставались свободными, и отъ того большая часть мебели была еще годна къ употребленію. Помѣстье процвѣтало безъ посторонней помощи. Деревья выросли; поля хотя не обрабатывались систематически,

по-крайней-мѣрѣ не были истощены, и все вообще, если не улучшилось, то не пришло однако и въ упадокъ.

Между тѣмъ, какъ мы говорили, Урсула приготовляла чай. Когда она пригласила насъ къ столу, я удивился чистотѣ и даже нѣкоторой роскоши въ посудѣ. Тарѣлки и ножи были порцелановыя; а на подносѣ стояла прекрасная, старинная, серебряная посуда, на которой были вырѣзаны гербы. Я пристально разсматривалъ ее, ожидая увидѣть свой фамильный гербъ; но его не было. Я взялъ молочникъ и никакъ не могъ догадаться, кому принадлежалъ вырѣзанный на немъ гербъ.

— Удивляюсь, видя здѣсь это серебро, сказалъ я Андрею. Я знаю, что дѣдъ мой былъ богатъ, но никакъ не думалъ, чтобы онъ простеръ свою расточительность до того, чтобы оставить здѣсь эти вещи. И притомъ эти гербы ни Мордаунтовъ, ни Литтлпеджей. Нельзя узнать, кому они принадлежатъ.

— Мальбонамъ. Это серебро Урсулы.

— Да, дядюшка, и вы могли бы прибавить, что это все, чѣмъ я владѣю, сказала съ живостью Урсула.

— Это посуда удивительно хороша, прибавилъ я.

— Я принуждена была выставить ее на показъ, потому что сегодня утромъ разбила единственный чайникъ, какой былъ у насъ въ цѣломъ домѣ. Франкъ хотѣлъ купить другой, но до сихъ поръ не является. А что до ложекъ, то у насъ другихъ и нѣтъ. Взявши чайникъ, я сочла за лучшее разомъ показать вамъ все мое богатство. Посуда эта лучшая сегодня въ свѣтъ въ первый разъ послѣ долгаго, очень долгаго времени.

Не смотря на всѣ усилія Урсулы казаться равнодушною, въ голосѣ ея было что-то печальное и трогательное. Грубая радость какого-нибудь выскочки, упоеннаго своими богатствами, отвратительна; но падшее величіе невольно возбуждаетъ въ душѣ нашей глубокое сочувствіе, особливо, являясь въ образѣ невинности и добродѣтели. Урсула говорила безъ тщеславія и гордости; это серебро составляло все, что ей осталось отъ ея семейства; не удивительно послѣ этого, что она такъ къ нему привязалась, и что возбуждаемая имъ воспоминанія производили на нее глубокое впечатлѣніе.

Мнѣ очень пріятно было видѣть чувствительность, невольно обнаруженную Урсулой; а еще пріятнѣе то, что она не предавалась воплиѣ этой чувствительности. Урсула понимала, чего требовалъ отъ нея принятый ею образъ жизни; она одѣвалась про-

сто, но со вкусомъ. Въ нарядѣ ея не было изысканности свѣтскихъ дѣвицъ, ни грубой простоты дѣвушекъ того класса, къ которому она, казалось, принадлежала теперь сама. Изъ старинныхъ матерій, оставшихся ей послѣ ея семейства, она сшила себѣ платья, совершенно приличныя настоящему ея положенію, и въ нихъ была очень мила. Хотя она не старалась казаться выше другихъ, но по ея одеждѣ и приемамъ легко можно было догадаться о ея происхожденіи. Во всякомъ случаѣ, она была прелестна.

— Отвѣдайте этихъ прожковъ, сказалъ мнѣ Андрей, искавшій всевозможныхъ случаевъ выказать свою племянницу; ихъ пекла Урсула. Сама госпожа Вашингтонъ не приготовила бы лучшихъ.

— Если бы госпожа Вашингтонъ занималась когда-нибудь этимъ, то конечно могла бы теперь позавидовать. Я, право, никогда не ѣлъ ничего лучшаго въ этомъ родѣ.

— Вы хорошо сдѣлали, что прибавили: въ этомъ родѣ, живо сказала Урсула. Меня научила дѣлать ихъ моя благодѣтельница; но здѣсь не найдешь всего нужнаго для этого, какъ бывало у насъ.

— Да, у васъ, въ пансіонѣ, вѣрно никогда не было недостатка въ сладкомъ.

Урсула засмѣялась; но ея стройный, хотя и гармоническій смѣхъ заставилъ меня вздрогнуть.

— Молодымъ дѣвушкамъ приписываютъ много такого, въ чемъ онѣ совершенно невинны, сказала она. Въ пансіонѣ запрещено было ѣсть пирожки, и насъ выучили ихъ дѣлать изъ сожалѣнія ко вкусу мужчинъ.

— Вашихъ будущихъ мужей, сказалъ землемѣръ, вставъ, чтобъ выйти изъ комнаты.

— Нашихъ отцовъ, братьевъ и дядей, перебила Урсула, дѣлая удареніе на послѣднемъ словѣ.

— Мнѣ извѣстно, миссъ Урсула, сказалъ я, когда Андрей оставилъ насъ однихъ, что дѣлалось у васъ въ пансіонѣ, потому что я коротко знакомъ съ одной изъ вашихъ прежнихъ подругъ.

Урсула ничего не отвѣчала, но смотрѣла на меня своими большими голубыми глазами, которые, казалось, дѣлали мнѣ вдругъ сто вопросовъ.

Я замѣтилъ, что глаза ея наполнились слезами; это случилось съ ней всегда при воспоминаніи о пансіонѣ.

— Я говорю о миссъ Присилѣ Бэйрлдъ; она вѣрно принадлежала къ числу вашихъ друзей, прибавилъ я.

— Присила! повторила удивленная Урсула. И вы съ ней коротко знакомы?

— Я не такъ выразился; вы можете упрекнуть меня въ легкомысліи. Я долженъ бы сказать, что наши семейства, по особымъ причинамъ, въ короткихъ отношеніяхъ. Отступаюсь отъ первыхъ моихъ словъ и прошу извиненія.

— Не понимаю, почему вы отступаетесь отъ нихъ, но, признаюсь, что все то, что я услышала отъ васъ, чрезвычайно огорчаетъ меня.

Странно! Урсула говорила чистосердечно; это доказывала блѣдность ея лица и необыкновенное волненіе, обнаруженное ею. Признаться ли въ сумасбродныхъ мысляхъ, которыя промелькнули у меня въ головѣ? Почему же нѣтъ. Я общалъ говорить правду и долженъ сдержать слово. Урсула, думалъ я, огорчена тѣмъ, что единственный, порядочный человекъ, встрѣченный ею въ теченіе цѣлаго года, который можетъ-быть поправился ей, влюбленъ уже, какъ она полагала. Въ другомъ случаѣ, такое быстрое и явное признаніе возмутило бы меня; но все слова и движенія Урсулы были такъ естественны, что участіе мое къ ней увеличилось еще болѣе. Этимъ сильнымъ ощущеніемъ, возбужденнымъ тогда въ душѣ моей, я приписывалъ то, что эта чудная дѣвушка такъ скоро овладѣла моимъ сердцемъ. Мгновенно влюбиться, кажется смѣшно, а все же иногда случается. Я убѣжденъ, что одинъ взглядъ, одна улыбка, одно изъ тысячи другихъ подобныхъ средствъ, данныхъ намъ природою для выраженія сочувствія, можетъ возбудить въ насъ страсть; но для поддержанія ея, необходимо что-нибудь болѣе. Сначала дѣйствуетъ одно воображеніе; сердце уступаетъ уже потомъ, повинаясь болѣе продолжительному и разумному вліянію.

Ослабленіе мое продолжалось не долго. Догадалась ли Урсула о томъ, какъ я толковалъ ея чувства,—не думаю, потому что она была слишкомъ чистосердечна; или сочла необходимымъ не оставлять меня въ сомнѣніи, только она призналась мнѣ. Откровенно ли было ея признаніе и какъ она избѣгала всего, что могло оскорбить подругу, довѣрившую ей свою тайну, могутъ судить тѣ, которые будутъ имѣть терпѣніе продолжать чтеніе этихъ записокъ.

XII.

Вот идут любовники, веселые и радостные. Приветствую тебя, счастливая чета! Приветствую! Да наслаждаются сердца ваши прекрасными днями любви.

Сонъ въ лѣтнюю ночь.

— Я должна разсѣять всѣ ваши сомнѣнія, господинъ Литтлпеджъ, сказала, немного помолчавъ, Урсула. Я очень привязана къ Приссилѣ Бэйрдъ, и она заслуживаетъ вашего удивленія и вашей любви....

— Моего удивленія, это такъ, миссъ Урсула; но до-сихъ-поръ я никогда не былъ соединенъ съ нею никакимъ другимъ, болѣе нѣжнымъ чувствомъ.

Лицо Урсулы замѣтно прояснилось. Чистосердечная, она повѣрила мнѣ при первомъ словѣ и, казалось, избавилась отъ какого-то внутренняго безпокойства. Она улыбнулась насмѣшливо и вмѣстѣ печально, говоря: *до-сихъ-поръ*, можетъ много значить, когда дѣло идетъ о такой молодой дѣвушкѣ, какова Приссила. Слова эти показываютъ, что то, чего еще нѣтъ, скоро можетъ случиться.

— Миссъ Бэйрдъ мила, я согласенъ; но то, на что я такъ неловко намекнулъ, относилось къ ея брату, который просилъ руки младшей моей сестры. Этотъ предполагаемый бракъ не тайна, и потому я не хочу скрывать его.

— Но онъ скорѣй всего можетъ подать мысль и о нашемъ бракѣ съ Приссилью! сказала Урсула дрожащимъ голосомъ.

— И да, и нѣтъ; смотря по характеру. Одни найдутъ эту причину достаточною, другіе—нѣтъ.

— Вопросъ этотъ занимаетъ меня потому, перебила Урсула, что одинъ мой знакомый влюбленъ въ миссъ Бэйрдъ, и, признаюсь, я душевно желаю ему успѣха. Вы были бы для него очень опаснымъ соперникомъ, тѣмъ болѣе, что ваше семейство въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ семействомъ Приссилы.

— Съ моей стороны не опасайтесь ничего; мое сердце теперь также свободно, какъ было и въ тотъ день, когда я въ первый разъ увидѣлъ миссъ Бэйрдъ.

Лучъ радости блеснулъ на лицѣ Урсулы; потомъ она снова задумалась.

— Не будемъ лучше говорить объ этомъ, сказала она, помолчавъ. Моему полу присвоены нѣкоторыя привиллегіи, которыхъ я не могу нарушить. Вамъ удалось, господинъ Литтлпеджъ, прибыть въ такое время, когда всѣ ваши арендаторы собрались въ одномъ мѣстѣ; вы всѣхъ могли видѣть разомъ.

— Я имѣлъ еще другую удачу и цѣлую жизнь не забуду обстоятельство моего прѣзда.

— Вы вѣрно очень любите смотрѣть, какъ поднимаютъ зданія? Или—можетъ, быть, вамъ нравятся сильныя ощущенія, до такой даже степени, что вы сами хотѣли бы понасть въ силокъ, какъ попадаютъ бѣдныя птички, которыхъ ловить иногда мой дялюшка.

— Я говорю ни о подъемѣ зданія, ни о томъ, что оно могло упасть на насъ, хотя смѣлость и присутствіе духа, которыхъ вы показали, не позволяютъ мнѣ забыть этого. (Урсула потупила голову и покрасѣла.) Мнѣ пришла теперь на мысль пѣсня, которую я слышалъ; слова индѣйскія, а мелодія шотландская; она дала мнѣ первое понятіе о томъ, что служить украшеніемъ этого далекаго уголка свѣта.

— Не такъ однакожъ далекаго, чтобъ до него не могла достичь лѣсть. Пріятно слышать, когда хвалятъ пѣсни, будь онѣ хоть индѣйскія; но, право, гораздо пріятнѣе узнать что-нибудь новое о Приссилѣ; поговоримте о ней.

— Могу увѣрить васъ, что миссъ Бэйрдъ раздѣляетъ вполне вашу привязанность къ ней; она всегда съ энтузіазмомъ говоритъ о дружбѣ своей къ вамъ.

— Ко мнѣ! такъ она помнитъ еще меня, заброшенную такъ далеко отъ свѣта! но она такъ добра, что это еще усиливаетъ въ ней привязанность ко мнѣ. Она вѣрно не думаетъ, чтобы я сожалѣла о прежнемъ моемъ положеніи; я не простила бы ей этого.

— Напротивъ, она удивляется вамъ.

— Страшно, что Приссила говорила вамъ обо мнѣ! Я сама поступила легкомысленно, наговоривъ вамъ такъ много, и потому должна теперь уже досказать. Впрочемъ, мнѣ извинительно, если я не обхожусь съ вами, какъ съ совершенно чужимъ человѣкомъ, потому-что дялюшка, по-крайней-мѣрѣ сто разъ въ

день вспоминать о васъ. Вчера еще, въ продолженіе одного часа, онъ разъ двѣнадцать заводилъ о васъ рѣчь.

— Какъ онъ добръ! Я, право, горжусь привязанностью этого достойнаго человѣка! Однакожь, что вы хотѣли объяснить вашему старому другу, если смѣю только принять это названіе.

Урсула улыбаулась немного насмѣшливо, но чрезвычайно мило. Потушивъ глаза, она задумалась на минуту, какъ будто какая-то важная мысль занимала её, потомъ, вдругъ поднявъ голову, сказала:

— Хочу быть съ вами откровенной; я увѣрена, что выиграю этимъ въ вашемъ мнѣніи. Не забывайте только, господинъ Литтльпеджъ, что я говорю съ вами, какъ съ лучшимъ другомъ моего дяди.

— Это названіе для меня драгоценно; я всѣми мѣрами буду стараться сохранить его.

— Хорошо. Знайте же, что Присила Бэйярдъ, въ продолженіе семи лѣтъ была подругой моей и искреннѣйшимъ моимъ другомъ. Взаимная привязанность наша началась еще въ дѣтствѣ и съ лѣтами усилилась. За годъ почти до окончанія войны, братъ мой Франкъ, который теперь помогаетъ здѣсь дядюшкѣ, часто посѣщалъ меня. Полкъ, въ которомъ онъ служилъ, былъ посланъ въ Альбани, и онъ имѣлъ время бывать у насъ въ пансіонѣ. Видѣть меня, значило видѣть и Присилу, потому-что мы были неразлучны; а видѣть Присилу, по-крайней-мѣрѣ для бѣднаго Франка, значило полюбить её. Онъ сдѣлалъ меня своей повѣренной, и теперь, вы понимаете, какъ я должна была встревожиться при мысли, что у него можетъ быть такой опасный соперникъ, какъ вы.

Эти слова объяснили мнѣ все; хотя я и удивился чрезвычайной простотѣ или, лучше сказать, силъ характера Урсулы, которая заставила её сдѣлать мнѣ такое странное признаніе. Когда, впоследствии, я узналъ её короче, тогда я все понялъ; но въ эту минуту не могъ не удивиться.

— Обо мнѣ не беспокойтесь, миссъ Мальбонъ...

— Миссъ Мальбонъ! Почему вы не хотите называть меня, какъ всѣ, Урсулой? Черезъ недѣлю это будетъ; такъ не лучше ли начать теперь же: вы вѣрно не захотите отличаться этимъ отъ другихъ?

— Общаю вамъ, миссъ....

— Опять? Знаете ли, вѣдь я могу подумать, что вы нарочно

насмѣхаетесь надо мной, потому-что я не болѣе, какъ хозяйка у бѣднаго землемѣра. Да, господинъ Литтльпеджъ, мы бѣдны, очень бѣдны, мой дядюшка, Франкъ и я. У насъ ничего нѣтъ.

Она сказала это не съ отчаяніемъ, а самымъ чистосердечнымъ и трогательнымъ тономъ.

— Но у Франка, по-крайней-мѣрѣ, есть что-нибудь; вѣдь вы сказали мнѣ, что онъ служилъ въ полку?

— Да, онъ былъ капитаномъ; но что же онъ выслужилъ? Мы не жалуемся на правительство; намъ извѣстно, что государство теперь также бѣдно, какъ и мы, хотя не всегда находилось въ такомъ положеніи. Я долго была въ тягость друзьямъ моимъ; надо было заплатить кое-какіе долги. Если бы я знала объ этомъ, дѣла, можетъ-быть, приняла бы другой оборотъ. Но теперь я не могу иначе благодарить ихъ за все, что они для меня сдѣлали, какъ живя съ ними въ этой пустынѣ.

— По-крайней-мѣрѣ вы остаетесь всегда здѣсь, въ этомъ домѣ? вамъ, вѣрно, не приходилось жить въ хижинѣ, которая въ музериджскомъ лѣсу?

— Я была вездѣ, гдѣ былъ дядюшка, и буду сопутствовать ему всюду, пока жива. Мы никогда не разлучимся; лѣта его и благодарность за его благодѣянія обязываютъ меня къ тому. Франкъ, конечно, могъ бы найти занятія выгоды, но онъ не хочетъ оставить насъ. Бѣдные люди сильно привязываются другъ къ другу.

— Я просилъ вашего дядюшку считать этотъ домъ своею собственностью и думалъ, что онъ воспользуется имъ по-крайней-мѣрѣ для васъ.

— Да. Но когда случается тащить цѣпь миль за двадцать отсюда? Каждый разъ приходитъ сюда слишкомъ далеко.

— Ваша обязанность, конечно, состоитъ въ томъ, чтобъ сопутствовать своимъ друзьямъ и стараться успокоить ихъ послѣ тяжелой дневной работы, не такъ ли?

Урсула взглянула на меня и улыбаулась; потомъ задумалась и снова насмѣшливо улыбаулась. Я слѣдилъ за всѣми измѣненіями ея лица, съ невыразимымъ участіемъ, потому-что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ наблюдать живыя и чистыя движенія души, выражающіяся на лицѣ хорошею женщиной.

— Я умѣю дѣйствовать цѣною, сказала Урсула, успокоясь.

— Дѣйствовать цѣною? Боже мой! вы, можетъ-быть, и умѣете, но, вѣрно, никогда не дѣлали этого?

Урсула покрасилась, взглянула на меня, и, ангельски улыбаясь, наклонила голову въ знакъ подтвержденія.

— Такъ вы дѣлали это, конечно, шутя, чтобъ только имѣть послѣ право похвалиться?

— Чтобъ помочь дядюшкѣ и брату, потому-что имъ не на что нанять лишняго человѣка.

— Боже мой!... Миссъ Мальбонъ.... Урсула!...

— Называйте меня по имени; оно гораздо приличнѣе землемѣркѣ, отвѣчала, смѣясь, Урсула.

Она вдругъ взяла меня за руку, и видя какое тяжелое впечатлѣніе произвели на меня ея слова, продолжала:

— Почему же, вамъ такъ неприятно, что я раздѣляю почтенныя и полезныя для здоровья труды? Не думаете ли вы, что я хочу состязаться съ вами, мужчинами? и развѣ сестра не можетъ помогать брату?

Урсула опустила мою руку также быстро, какъ и взяла её, и съ какимъ-то легкимъ трепетомъ, какъ будто стыдись своей смѣлости.

— Но эта работа прилична только мужчинамъ, замѣтилъ я.

— Женщина также можетъ заниматься ею, и даже съ успѣхомъ; спросите у дядюшки. Въ первое время я боялась только того, что не въ силахъ буду сдѣлать много и замедлю работу; но дядюшка и братъ были очень снисходительны ко мнѣ. Я ходила только по сухимъ мѣстамъ, гдѣ не могла промочить ногъ, и въ лѣсахъ, гдѣ нѣтъ кустарниковъ и колючихъ растеній. Я не хочу скрывать отъ васъ того, что всѣмъ уже извѣстно, и что вы рано или поздно узнали бы и не отъ меня. Къ тому же я не люблю скрытности, особливо, видя теперь, что вы обходитесь со мной, какъ съ равною себѣ.

— Миссъ Мальбонъ! ради Бога, не говорите такъ! Я ничего не зналъ; иначе никогда не допустилъ бы васъ до этого.

— А какъ бы вы это сдѣлали, господинъ Литтльведжъ? Дядюшка взялъ на себя весь трудъ, за извѣстную цѣну, а наемъ работниковъ — было ужъ его дѣло. Бѣдный Франкъ! Если дядюшка гордится тѣмъ, что считается здѣсь лучшимъ землемѣромъ, то неужели я должна стыдиться раздѣлять съ нимъ всю заслуженную извѣстность.

— Но, миссъ Мальбонъ! развѣ особа, получившая хорошее воспитаніе, подруга Приселлы Бэйярдъ, сестра Франка, находится на своемъ мѣстѣ, занимаясь подобными работами?

— Право трудно рѣшить, какое именно мѣсто наиболѣе прилично женщинамъ. Безъ сомнѣнія, мѣсто ея—въ домашнемъ хозяйствѣ; но многое зависитъ и отъ обстоятельствъ. Развѣ не было примѣровъ, что жены сдѣловали за мужьями на поле битвы? Развѣ сестры милосердія не оставляютъ своихъ обителій, чтобы служить больнымъ и раненымъ въ госпиталяхъ? Я, право, ничего не вижу дурнаго въ томъ, чтобы помогать своему отцу, когда можно тѣмъ предохранить его отъ нужды.

— Боже мой! и дядюшка вашъ ничего не говорилъ мнѣ! Онъ, вѣдь, зналъ, что я всегда готовъ помочь ему. И какъ могли вы переносить жизнь среди изобилія, которое господствуетъ въ здѣшнемъ поселеніи, которое, какъ мнѣ писалъ вашъ дядюшка, находится только въ пятнадцати или двадцати миляхъ отъ вашей лѣсной хижинки?

— Съѣстныхъ припасовъ тамъ много, я согласна, но у насъ не было денегъ; да, къ тому же, развѣ трудъ тяжелъ? Дядюшка пробовалъ было день или два употребить на это дѣло нашего стараго Негра Киліана, но вы знаете, какъ трудно вбить въ голову этому народу что-нибудь несогласное съ ихъ обыкновенными занятіями. Тогда я предложила свои услуги. Я, вѣроятно, довольно понятлива, продолжала она, гордо поднявъ голову, и вы не повѣрите пока не увидите на опытѣ, сколько у меня силы и ловкости для такого простаго и легкаго дѣла. Мѣрять землю не то, что рубить дрова или складывать погѣнницы.

— Или воздвигать зданія, прибавилъ я, смѣясь, (потому-что нельзя было не увлечься такимъ рѣшительнымъ характеромъ); признаюсь, я удивлялся вашей ловкости въ этомъ родѣ занятій.... Однакожъ это должно кончиться. Къ счастью, я могу теперь предложить господину Мальбону выгодное мѣсто, которое позволитъ ему сдѣлать сестру свою хозяйкою въ этомъ домѣ и жить въ немъ вмѣстѣ съ ней.

— Благодарю васъ, сказала Урсула, сдѣлавъ движеніе, чтобъ взять мою руку, но вдругъ остановилась и покрасилась. Благодарю васъ! Франкъ готовъ дѣлать все, чѣмъ только можетъ заниматься съ честью. Я знаю, что я ему, бѣдному, въ тягость; безъ меня онъ давно могъ бы найти выгодное мѣсто въ городѣ, но я не могу покинуть дядюшку, а Франкъ не хочетъ меня покинуть.

— Добрый и благородный молодой человѣкъ. Я его уважаю

за привязанность его къ вамъ. Это еще болѣе заставляетъ меня поспѣшить привести въ дѣйствіе мои планы.

— Я думаю, что они такого рода, что со стороны сестры Франка не будетъ нескромностью спросить объ нихъ?

Между тѣмъ какъ Урсула говорила, въ голубыхъ глазахъ ея выражалось такое нѣжное участіе, что я былъ совершенно очарованъ.

— Какая же нескромность! отвѣчалъ я, довольно поспѣшно для человѣка, находившагося подъ вліяніемъ прелести. Я съ большимъ удовольствіемъ открою вамъ мои планы. Вотъ они: мы давно уже недовольны нашимъ повѣреннымъ; я хотѣлъ предложить это мѣсто вашему лядюшкѣ, но знаю напередъ, что онъ откажется, подъ предлогомъ незнанія счетовъ и вычислений. Братъ же вашъ этого не можетъ сказать, ... всему вашему семейству будетъ лучше, когда Франкъ займетъ это мѣсто.

— А! вы назвали его Франкомъ! вскричала Урсула, прыгая отъ радости; это добрый знакъ. Я надѣюсь, что когда буду сестрою вашего новаго повѣреннаго, то и меня вы будете называть не иначе, какъ Урсулой?

Непонятенъ былъ для меня характеръ этой молодой дѣвушки; она переходила вдругъ отъ порывовъ глубокой чувствительности къ веселости самой живой. Какъ она радовалась счастливой будущности своего брата!

— И это будетъ скоро, потому что черезъ часъ Франкъ получитъ отъ меня довѣренность. Я предупредилъ уже объ этомъ Ньюкома письмомъ, и, какъ казалось, онъ былъ доволенъ, что освободился отъ лишнихъ хлопотъ.

— Такъ это значить, что занятія его были не такъ выгодны, когда онъ остался доволенъ увольненіемъ?

— Я не утверждаю, что онъ доволенъ, а сказалъ только, что мнѣ такъ показалось; а это большая разница, когда дѣло идетъ объ известныхъ людяхъ. Хотя это мѣсто незначительно, но все же принесть такіе доходы, которые будутъ достаточны для того, чтобы избавить сестру Франка отъ должности землемѣра и дать ей возможность показать природные свои таланты въ занятіяхъ болѣе приличныхъ ей полу. Во-первыхъ, надо возобновить всѣ контракты на наемъ земель; а какъ ихъ болѣе ста, то вотъ уже порядочная выгода; потомъ, придется дѣлать ежегодно отсрочки. Наконецъ, я хотѣлъ предоста-

вить вашему лядюшкѣ въ полное распоряженіе этотъ домъ и поместье, но все равно, сдѣлаю то же и для Франка.

— О! владѣя этимъ домомъ и поместьемъ, мы будемъ богаты! вскричала Урсула, хлопая отъ радости руками. Я заведу школу для молодыхъ дѣвушекъ, и вы увидите, господинъ Липтльведжъ, какъ, со временемъ, все это будетъ хорошо. По-крайней-мѣрѣ, я всѣми силами буду стараться доказать вамъ свою благодарность за ваши благодѣянія.

— Я желалъ бы, чтобъ всѣ молодыя дѣвушки, въ которыхъ принимаю участіе, не имѣли никогда другихъ наставницъ, и чтобъ, руководимыя вами, онѣ приобрѣли вашу чувствительность, преданность и доброту; тогда я поселился бы здѣсь, и это мѣсто было бы для меня раемъ.

Урсула немного встревожилась, какъ будто испугавшись, что сама проговорила или услышала отъ меня что-нибудь лишнее. Она встала, поклонилась мнѣ и начала собирать со стола съ удивительною ловкостью.

Таковъ былъ мой первый разговоръ съ Урсулой, съ которою послѣ я такъ часто говорилъ. Я пошелъ отыскивать землемѣра, находясь еще подъ вліяніемъ глубокаго впечатлѣнія, которое произвела на меня Урсула. Конечно, одною изъ причинъ того была ея красота, иначе и быть не могло; но меня приводили въ восхищеніе также ея твердость, невинность и чистота души. Безъ сомнѣнія, нѣкоторыя ея поступки произвели бы на меня непріятное впечатлѣніе, если бъ я слышалъ о нихъ; они могли бы показаться слишкомъ вольными, но при видѣ Урсулы, подобныя мысли исчезали, и легко было убѣдиться, что она дѣйствовала всегда, повинаясь сердечному влеченію. Такъ на-примѣръ, когда она взяла меня за руку, конечно она думала въ это время о своемъ братѣ; если этотъ поступокъ, достойный во всякомъ другомъ случаѣ порицанія, объяснить такимъ образомъ, то онъ представляется трогательнымъ и очень естественнымъ.

Ну какъ сравнить Приссиль Бэйрдъ съ Урсулою Мальбонъ! Конечно, Приссиль была не дура собою и имѣла всѣ качества хорошо воспитанной дѣвушки; но въ Урсулѣ такъ много оригинальнаго: при твердыхъ правилахъ, она обладала рѣшительностью и энергіею, которыя, едва ли, можно найти изъ тысячи дѣвушекъ въ одной. Не скажу, чтобъ я былъ положительно влюбленъ, когда вышелъ изъ комнаты; я не хотѣлъ показать вида, что такъ легко поддаюсь первымъ впечатлѣніямъ; но призна-

юсь, никогда ни одна женщина не возбуждала во мнѣ и десятой доли того участія, которое я принималъ въ Урсулѣ.

Я нашелъ Андрея на дворѣ, повѣряющаго свои цѣпи. Онъ дѣлалъ это по временамъ и съ такой же добросовѣстностью, какъ будто вѣсилъ золото. Старикъ, казалось, не замѣтилъ, что я такъ долго оставался наединѣ съ его племянницей, потому-что, едва увидя меня, онъ сказалъ, держа свою палку въ зубахъ:

— Извините, что я оставилъ васъ такъ долго однихъ, но мнѣ надо было заняться. Я не хочу, чтобъ послѣ ваши поселенцы, Янки, хулили мою работу. Пусть перемеряютъ эту землю хоть черезъ сто лѣтъ, и тогда увидятъ, ошибался ли старикъ Андрей.

— Но уклоненіе магнитной стрѣлки всегда произведетъ вѣкторую разницу, если только межевщики не будутъ лучше нынѣшнихъ.

— Правда, Мордаунтъ!... чортъ возьми!... вы дотронулись до равны. Я долго думалъ объ этомъ, разсматривая вопросъ со всѣхъ сторонъ, и до-сихъ-поръ ничего не понимаю.

— Что же вы не совѣтуетесь съ Урсолой, искусной землемѣркой?... Знаете ли что? вѣдь вы можете потерять вашу репутацию, такъ дорого и такими трудами приобрѣтенную... она перейдетъ къ миссъ Мальбонъ.

— Какъ! она ужъ рассказала вамъ?... О, женщины!... никогда не умѣютъ хранить тайны! Попробуйте заставить молчать попуга!

— Вы слишкомъ строги!

— Мнѣ досадно, для чего она говорила вамъ объ этомъ.... Она сдѣлала это противъ моей воли, Мордаунтъ.... Въ другой разъ, я не позволю ей этого. А правду сказать, и вы съ удовольствіемъ посмотрѣли бы, какъ она занималась своимъ дѣломъ.... какая быстрота! какой вѣрный глазъ! Право, сама природа назначила ей быть землемѣркой.

— До тѣхъ поръ, пока не найдется какой-нибудь бѣднякъ, чтобъ занять это мѣсто. Право, она не женщина, а ангелъ!

Многіе родственники, на мѣстѣ землемѣра, встревожились бы, услыша такія выраженія отъ молодаго человѣка; но Андрей былъ увѣренъ во мнѣ, и я приписываю это болѣе его характеру, чѣмъ моему. Въмѣсто того, чтобъ обнаружить безпокойство или неудовольствіе, онъ взглянулъ мнѣ прямо въ гла-

за, съ веселымъ видомъ; въ лицѣ его выражалась вся любовь его къ своей племянницѣ.

— Да, Мордаунтъ, она прекрасная дѣвушка, жемчужина своего пола; а посмотрѣли бы вы, какъ она помогала мнѣ! Немного денегъ вышло изъ вашего кошелька въ теченіе того мѣсяца, какъ она работала.... Я платилъ ей только половину обыкновенной цѣны. Но при всемъ томъ, я увѣренъ, что съ ней мы сдѣлали гораздо болѣе, нежели при помощи самаго лучшаго работника.

Какъ все это казалось мнѣ страннымъ! Урсула Мальбонъ трудилась для меня, и ей платили за работу, торгуясь! Мысли мѣшались у меня въ головѣ, и между тѣмъ я не могъ не удивляться благородной дѣвушкѣ. Хотя въ первые минуты мнѣ непріятно было узнать, что та, которую я готовъ былъ полюбить, принуждена была заниматься подобнымъ дѣломъ; но я скоро убѣдился въ томъ, что этимъ самымъ она приобрѣтала большія права на мое вниманіе.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ приходомъ Франка Мальбона. Я съ нимъ увидѣлся въ первый разъ. Землемѣръ представилъ насъ другъ другу съ обычной простотой и добродушіемъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы познакомились. Андрей спросилъ его о зданіи, которое подымали.

— Я дождался той минуты, когда стали класть стропила, отвѣчалъ Франкъ; и потомъ ушелъ. Праздникъ долженъ заключиться баломъ, какъ я слышалъ. Но мнѣ нужно видѣть сестру и идти домой, то есть къ вамъ, господинъ Литтльпеджъ; у насъ нѣтъ другаго жилища, кромѣ того, которое вы намъ предложили.

— Между сослуживцами, все должно быть общее. Впрочемъ я радъ, что вы заговорили объ этомъ, потому-что я хочу теперь же сдѣлать вамъ предложеніе; если вы примите его, тогда я уже буду вашимъ гостемъ.

Андрей и Франкъ взглянули другъ на друга съ удивленіемъ. Я пригласилъ ихъ сѣсть на скамью, стоящую на дворѣ, и объяснилъ имъ въ чемъ дѣло. Здѣсь я долженъ мимоходомъ сказать нѣсколько словъ объ этой скамьѣ. Она стояла на концѣ площадки, образованной скалами со стороны двора, который, со времени занятія Канады Французами, былъ защищенъ палисадомъ, остатки котораго были еще видны. Урсула, съ свойственною ей полу склонностью ко всему прекрасному и

пизнщому, устроила тамъ, собственными руками бесѣдку, у подопыи которой посадила деревцо. Съ этого мѣста открывался видъ на обширныя луга и лѣсистыя холмы. Андрей сказалъ мнѣ, что племянница его часто сидитъ въ бесѣдкѣ.

Помѣстясь между землемѣромъ и Мальбономъ, я сказалъ имъ о своемъ намѣреніи, то-есть, что хочу сдѣлать Франка моимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Чтобы заставить ихъ принять мое предложеніе, я прибавилъ, что предоставляю имъ пользоваться домомъ и помѣстьемъ, и что на время ежегодныхъ моихъ посѣщеній, для меня довольно будетъ тѣхъ комнатъ, которыя занималъ мой дѣдъ. Я прибавилъ, что помѣстье обширно и земля довольно плодородна для того, чтобы удовлетворить потребностямъ скромнаго и привыкшаго къ умѣренной жизни семейства, и что отъ продажи избытковъ, можно доставать даже иностранныя произведенія, какія понадобятся.

Однимъ словомъ, я развернулъ передъ ними весь свой планъ, который, правда, принялъ нѣсколько большій объемъ съ тѣхъ поръ, какъ во мнѣ родилось желаніе окружить Урсуду всѣми удовольствіями и удобствами жизни, какія могли быть въ моей власти.

Читатель не долженъ предполагать, чтобы я, дѣйствуя такимъ образомъ, показывалъ особенное великодушіе. Не надо забывать, что въ 1784 году земли въ штатѣ Нью-Йоркѣ не имѣли почти никакой цѣнности, точно также, какъ въ наше время на берегахъ Міами, Огіо или Миссисипи. Помѣстья подобнаго рода скорѣе обременяли, нежели приносили выгоду, и будущее только могло вознаграждать владѣльцевъ въ лицѣ ихъ дѣтей или внуковъ. *

Нужно ли говорить, что предложеніе мое было принято съ благодарностью? Старикъ Андрей пожалъ мнѣ руку, и пожатіе это было выразительнѣе всевозможныхъ рѣчей; Франкъ Маль-

* Владѣніе *Reusslaerwick* простирается на сорокъ восемь тысячъ миль отъ востока къ западу и на восемьдесятъ миль отъ сѣвера къ югу. Оно лежитъ въ центрѣ штата Нью-Йоркѣ и заключаетъ въ своей окружности три города. Въ Альбани считается до сорока тысячъ жителей; въ Труа около двадцати восьми тысячъ. Между тѣмъ послѣдній владѣлецъ, разговаривая однажды съ авторомъ этихъ записокъ, за нѣсколько мѣсяцовъ до своей смерти, сказалъ, что дѣдъ его первый извлекъ нѣкоторую выгоду изъ своего владѣнія и что только при отцѣ его было собрано несколько доходовъ.
(Примѣчаніе американскаго издателя.)

бонъ былъ тронутъ до слезъ, но старался скрыть это: мы всѣ были счастливы. Франкъ имѣлъ при себѣ чернилицу, а у меня была готовая уже довѣренность съ пробѣломъ, въ который я хотѣлъ помѣстить имя землемѣра, и вмѣсто его вписалъ имя Мальбона. Андрей служилъ намъ свидѣтелемъ; мы подписались, и съ этой минуты Франкъ и сестра его стали временными владѣльцами дома, въ которомъ мы были. Я съ истиннымъ наслажденіемъ видѣлъ, какъ Урсуда, узнавъ эту радостную новость, бросилась, растроганная и со слезами на глазахъ, въ объятія брата.

XIII.

Это ученіе очень утѣшительное; о немъ можно много сказать. Откуда вы взяли текстъ?

Двадцатая ночь, или, что вамъ угодно.

Быстро прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Въ продолженіе этого времени, Франкъ Мальбонъ былъ формально введенъ въ управленіе и Андрей согласился отложить на время свои измѣренія. Возобновленіе контрактовъ, которыми прошли сроки, было важнымъ дѣломъ. Фермеры владѣли землями, только благодаря снисходительности Ньюкома, который, по силѣ даннаго ему полномочія, заключалъ съ ними ежегодно словесныя договоры.

Рѣдко случалось, какъ я сказалъ уже, чтобы владѣлецъ получалъ какіе-нибудь доходы съ своихъ земель въ первые годы. Главное состояло въ томъ, чтобы пригласить поселенцевъ; со-вмѣстничество было велико и потому, чтобы привлечь ихъ, надо было дѣлать пожертвованія. Такъ напримѣръ, дѣдъ мой отдалъ на аренду почти всѣ свои земли просто даромъ; и чаще всего, за исключеніемъ нѣсколькихъ лучшихъ фермъ, за другія никогда не получалось платы. Поселенецъ платилъ пошлины для того только, чтобы покрыть издержки на устройство дорогъ, мостовъ, и другія подобныя работы, на содержаніе судебныхъ мѣстъ. Въ исходѣ этого періода времени, который можно назвать выжидательнымъ, каждый акръ земли цѣнился въ небольшую сумму, которая или совсѣмъ не платилась или, по край-

ней-мѣрѣ, не доходила никогда до владѣльца, потому-что онъ долженъ былъ подписываться на всѣ полезныя предпріятія. На это-то выходили тѣ небольшія деньги, которыя приходилось ему получать. Конечно, съ помощью притѣсненій и понужденій онъ могъ бы собрать незначительныя суммы; но это съ его стороны было бы очень неосторожно.

Владѣльцы земель въ штатѣ Нью-Йоркѣ вообще были богаты и получали доходы аккуратно. Они сохраняли свои земли и старались ихъ улучшать. Въ то время, до революціи, кто сталъ бы искать удобнаго случая дешево купить какое-нибудь родовое имѣніе, приобрѣлъ бы очень дурную славу. Дозволенныхъ закономъ спекуляцій тогда еще не было, и единственнымъ средствомъ обогатиться честно—былъ трудъ, а не хитрѣя продѣлки.

Что касается до насъ, мы никогда не получали ни шиллинга съ нашего помѣстья Ревинсестъ. Все что было собираемо, и даже болѣе, употреблялось на мѣстѣ, но наконецъ наступило время, когда фермы, по всей справедливости, должны были приносить доходы. Руководимые глубокою опытностью землемѣра, Франкъ и я употребили вдвоемъ цѣлыхъ двѣ недѣли на то, чтобъ раздѣлить всѣ фермы на три класса. Въ первомъ, каждый акръ земли оцѣненъ былъ въ шеллингъ; во второмъ, въ полтора, а въ самомъ лучшемъ, въ два шеллинга. Все это вмѣстѣ составляло доходъ въ четырнадцать тысячъ шеллинговъ. Для 1784 года это было очень хорошо, и, признаюсь, я былъ очень доволенъ результатомъ нашихъ вычисленій.

Когда предварительныя работы были кончены, Франкъ по очереди призывалъ фермеровъ. Они уже знали о моихъ намѣреніяхъ и одобряли ихъ. Не предстояло никакихъ важныхъ затрудненій. Всѣ фермы были наняты на три срока, на назначенныхъ мною условіяхъ. Наконецъ подписанъ послѣдній контрактъ и всѣ были довольны.

Оставалось только заключить новую сдѣлку съ Ньюкомомъ, который, безспорно, былъ самымъ важнымъ лицомъ въ поселеніи. Онъ былъ въ одно время судьей, смотрителемъ, старшиной конгрегационистовъ, мельникомъ, магазинъ-вахтеромъ, содержателемъ гостиницы и генеральнымъ совѣтникомъ всей округной страны. Все шло черезъ его руки, или, лучше сказать, все оставалось у него въ рукахъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ жадныхъ и корыстолюбивыхъ существъ, которыя живутъ для того только, чтобъ копить деньги. Эти люди для меня отврати-

тельны, потому-что, не дѣлая сами ничего, они убиваютъ промышленность. Ньюкомъ всегда страдалъ, встрѣчаясь съ чело-вѣкомъ, котораго онъ считалъ богаче себя, а самъ не зналъ, что дѣлать съ своими деньгами.

Онъ, казалось, охотно рѣшился сложить съ себя званіе повѣреннаго, когда убѣдился, что ему не оставятъ его. И такъ въ этомъ отношеніи дѣла шли хорошо и не возникало ни одной жалобы. Напротивъ онъ добродушно принялъ Франка Мальбона, и мы очень дружелюбно начали толковать о дѣлахъ. Ньюкомъ никогда не шелъ къ своей цѣли прямымъ путемъ, онъ уже съ малолѣтства привыкъ ходить окольными дорогами.

— Вы взяли у моего дѣда на аренду пятьсотъ акровъ земли и мѣсто, для постройки мельницъ; контрактъ былъ заключенъ на три срока, или въ случаѣ смерти послѣдняго изъ вашихъ сыновей, на двадцать одинъ годъ; условія эти написаны, господинъ Ньюкомъ, сказалъ я ему: и мельницы должны перейти, по истеченіи срока контракту, къ законному владѣльцу.

— Да, маіоръ Литтльпеджъ, условія точно были таковы, но условія чрезвычайно обременительныя. Началась война и съ нею настало тяжелое время; я увѣренъ, что вы обратите вниманіе на эти обстоятельства.

— Я, право, не вижу, чѣмъ война могла повредить вамъ. Жизненные припасы тогда очень вздорожали и сосѣдство войскъ было для васъ очень выгодно. Двѣ войны принесли вамъ доходы, господинъ Ньюкомъ.

Бывшій мой повѣренный, видя, что я хорошо знаю въ чемъ дѣло, не сталъ мнѣ противорѣчить.

— Я полагаю, маіоръ, что вы уважите законныя права прежняго арендатора на заключеніе съ нимъ новаго контракта? По крайней-мѣрѣ, до-сихъ-поръ, какъ я слышалъ, вы руководствовались этими правилами.

— Васъ обманули, сударь. Всякое право теряется съ истеченіемъ срока договору. Вамъ стоить только прочесть самый контрактъ, чтобы убѣдиться въ этомъ.

— Да; но нужно же обратить вниманіе на обстоятельства; я былъ всегда такого мнѣнія, что можно не такъ строго придерживаться условій, если они слишкомъ тягостны.

— Послушайте, другъ Ньюкомъ, сказалъ землемѣръ, давно знакомый съ трактирщикомъ и хорошо понимавшій его: послушайте, когда вамъ случится неожиданно получить какую-ни-

будь выгоду, согласитесь ли вы уступить изъ нея что-нибудь?

— Съ вами нѣтъ возможности спорить, другъ Андрей, отвѣчалъ Ньюкомъ, разваливъ на стулѣ: мы смотримъ на предметы съ разныхъ точекъ зрѣнія.

— Однакожъ, господинъ землемѣръ правъ, сказалъ я: мнѣ кажется, вы должны отвѣчать утвердительно на его вопросъ, если не хотите сами себѣ противорѣчить. Впрочемъ, для чего и заключается контрактъ, какъ не для соблюденія написанныхъ въ немъ условій?

— По-моему, такъ чисто для формы; все равно, какъ рѣки на ландкартѣ, которую рисуютъ только для вида. Владѣльцы любятъ только заключать контракты, а фермеры не обращаютъ на нихъ никакого вниманія.

— Вы, кажется, шутите, господинъ Ньюкомъ, и хотите показать свое остроуміе. Дѣло идетъ о наймѣ земель, а это—дѣло совѣсти.

— Конечно, маіоръ, вы можете взять обратно эти земли, если вздумаете ихъ требовать.

— Требовать?... Они никогда не переставали принадлежать моей фамиліи, съ тѣхъ поръ, какъ пожалованы ей правительствомъ. Вы владѣете этими землями по найму и съ истеченіемъ ему срока, права ваши на нихъ прекращаются.

— Я не такъ думаю, маіоръ, совѣмъ не такъ. Не забудьте, что я выстроилъ мельницы на свой счетъ.

— Знаю, сударь, но изъ нашихъ же матеріаловъ, и, въ вознагражденіе за постройку, пользовались мельницами почти безплатно въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ.

— Неужели, маіоръ, вы въ самомъ дѣлѣ хотите отнять ихъ у меня?

— Ни мало, сударь, и когда я войду въ свои права, вы увидите, какъ я говорчивъ. Вамъ хорошо извѣстно, что дядя мой никогда не хотѣлъ продавать своихъ земель, а отдавалъ ихъ только на аренду. Если вы хотите купить землю, то для чего не обратитесь къ другимъ? Въ настоящее даже время есть много продажныхъ земель. Я самъ могу продать вамъ землю въ Музериджѣ въ двадцати миляхъ отсюда. Тамъ, говорятъ, есть превосходныя мѣста для устройства мельницъ.

— Можетъ-быть, это и правда, маіоръ, но я предпочитаю ту землю, которою уже владѣю, и хочу остаться при ней. Если за-

конъ и былъ противъ меня, то кажется, что со времени знаменитаго переворота....

— Законъ, милостивый государь, остается всегда закономъ; условія заключаются для того, чтобъ исполнять ихъ.

— И они были исполнены съ моей стороны. Я обѣщалъ построить мельницы—и построилъ; черезъ два мѣсяца послѣ подписанія контракта, пильная мельница была уже въ полномъ дѣйствіи, а спустя четыре мѣсяца и мукомольная.

— Да, вы показали тогда большую дѣятельность; но если вѣрять очевидцамъ, то обѣ мельницы теперь въ очень плохомъ положеніи.

— Причиною тому условія найма! вскричалъ съ такою поспѣшностью Ньюкомъ, которая не приносила чести обыкновенному его благоразумію. Нельзя ли узнать, когда долженъ кончиться срокъ? Право тяжело подумать, что я такъ скоро могу лишиться своей собственности.

Я очень хорошо зналъ, что Ньюкомъ былъ жертвою своихъ глубокихъ соображеній, и потому я напередъ рѣшился быть въ отношеніи къ нему щедрымъ. Побуждаемый жадностью, онъ нанялъ землю пожизненно, заключа контрактъ не на свое имя, а на имя трехъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ, разсчитывая, что хоть который-нибудь изъ нихъ проживетъ, конечно, долѣе его. Но что жъ изъ этого вышло? Менѣе чѣмъ въ четыре года всѣ дѣти его умерли и срокъ, въ продолженіи котораго онъ могъ пользоваться землею, долженъ былъ скоро кончиться. Даже въ настоящемъ положеніи дѣлъ, наемъ былъ для него очень выгоденъ; впрочемъ если бы хоть одинъ изъ дѣтей его прожилъ лѣтъ сто, то какъ и какого вознагражденія могъ бы требовать владѣлецъ? Выгоды или невыгоды, въ этомъ случаѣ, обоюдны, и потому надо умѣть покоряться обстоятельствамъ.

Не желая продолжать бесполезнаго спора съ человѣкомъ такого характера и съ такимъ одностороннимъ взглядомъ на вещи, я сказалъ ему, что только изъ великодушія и не ограничивая правъ моихъ, согласенъ заключить съ нимъ новое условіе еще на двадцать одинъ годъ, за третью часть той суммы, какую онъ вѣрно потребовалъ бы на моемъ мѣстѣ.

Ньюкомъ не могъ притти въ себя отъ удивленія. Сначала онъ какъ будто окаменѣлъ отъ радости; потомъ, думая что я шучу, онъ сталъ подозрѣвать, что я сказалъ это съ намѣреніемъ насмѣяться надъ нимъ. Когда я подписалъ контрактъ и от-

далъ ему въ руки, тогда только онъ повѣрилъ этому и тѣмъ болѣе былъ доволенъ, что всѣ уловки его клонились къ одной цѣли, къ облегченію условій найма. Онъ очень хорошо понималъ, что доводы его легко опровергнуть.

XIV.

Судьба соединила ихъ жребій, и сердца ихъ, не смотря на различіе, существовавшее между ними, были привлечены одно къ другому взаимною симпатіей.

Пинкрей.

Въ продолженіе этого времени, я всякій день видѣлъ Уреулу. Живя подъ одной кровлей, мы безпрестанно имѣли случай встрѣчаться и разговаривать. Будь Уреула величайшею кокеткой въ мірѣ, и тогда она не могла бы дѣйствовать искуснѣе, чтобы прельстить меня, какъ дѣйствовала теперь, сама того не понимая и безъ всякаго намѣренія. Самая эта безыскусственность всего болѣе привлекала къ ней и рѣзко выкавывала ея умъ и красоту.

Уреула, сдѣлавшись полною хозяйкой въ домѣ, исполняла свои обязанности безъ шума, но дѣятельно; ничто не ускользало отъ ея вниманія. Я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые требуютъ отъ хорошей хозяйки, чтобы она сама мѣсила тѣсто и мыла бѣлье; она должна умѣть распорядиться въ домѣ и при томъ такъ, чтобы вездѣ видно было ея присутствіе; она должна быть внимательной ко всѣмъ ее окружающимъ, умѣть предупреждать ихъ нужды и желанія и вмѣстѣ съ тѣмъ соразмѣрять расходы со средствами, какія у ней въ распоряженіи.

Уреула очень хорошо понимала это и потому избѣгала бевпрестанныхъ хлопотъ. Она была избавлена отъ необходимости заниматься грубыми работами, которыя предоставлены были Неграмъ; все въ домѣ дѣлалось въ свое время и по заведенному порядку. Уреула всегда была въ хорошемъ расположеніи духа, часто пѣла и когда думала, что никто не слышитъ ея, голосъ ея выражалъ что-то печальное, какъ будто пѣсни, которыя она пѣла, пробуждали въ ней воспоминанія о чемъ-то

давно минувшемъ. Мнѣ даже случилось два или три раза замѣтить слезы въ ея глазахъ; но я не смѣлъ спросить о причинѣ ихъ. Да впрочемъ, едвали я нашелъ бы къ тому случай, потому-что едва я подходилъ къ ней, она поспѣшно отирала глаза и встрѣчала меня съ улыбкой.

Нужно ли говорить, что время летѣло для меня очень быстро. Землемѣръ остался съ нами по приказанію, потому-что просьбы уже не помогали. Не помню, чтобы я когда-нибудь провѣлъ цѣлый мѣсяцъ пріятнѣе. Я познакомился съ мовими фермерами, по большей части людьми честными и трудолюбивыми. Особенно, сослуживецъ мой, старый маіоръ, былъ чело-вѣкъ превосходный. Занимая ближайшую ферму, онъ часто посѣщала меня. Иногда онъ ворчалъ сквозь зубы на секту, владѣвшую недавно воздвигнутымъ зданіемъ; но видно было, что онъ говорилъ не отъ сердца.

— Я рѣшительно ничего не понимаю въ этихъ дѣлахъ о болшинствѣ, сказалъ онъ мнѣ однажды; знаю только хорошо, что Ньюкомъ умѣетъ такъ распорядиться, что болшинство всегда на его сторонѣ. Папримѣръ, однажды онъ такъ ловко извернулся, что вышелъ совершенно правымъ, хотя въ его пользу не было и четверти голосовъ.

— Я видѣлъ образчикъ того же, когда прибылъ сюда; право невозможно дѣйствовать искуснѣе!

— Да. Но признаюсь мнѣ это не понятно. Впрочемъ, что касается до того, такъ или иначе называется церковь, я въ это не мѣшаюсь.

Не чувствуя въ себѣ ни малѣйшей охоты толковать о предметахъ религіозныхъ, я отклонилъ этотъ разговоръ.

День или два спустя послѣ заключенія контракта съ Ньюкомомъ, Андрей, Франкъ, Уреула и я сидѣли въ бесѣлкѣ, откуда открывался видъ на обширные луга; вдругъ мы увидѣли Сускузуса, который пробирался легкими шагами Индѣйца по тропинкѣ, ведшей изъ Музериджа. Въ рукахъ у него былъ карабинъ, а на спинѣ какая-то большая связка, которую мы издали приняли за убитую имъ дичь. Повернувъ на дорогу, которая вела къ дому, онъ на минуту скрылся за скалами.

— Другъ нашъ Безслѣдный былъ слѣшкомъ долго въ отсутствіи, сказала Уреула, наблюдавшая за всѣми его движеніями; но судя по его ношѣ, видно, что онъ помнилъ о насъ.

— Я думаю, онъ рѣдко разстается съ вашимъ лядюшкой,

сказалъ я, смотря съ наслажденіемъ въ глаза Урсулѣ. Я писалъ объ этомъ къ батюшкѣ, и онъ вѣрно очень обрадуется, получивъ извѣстіе о старомъ своемъ сослуживцѣ.

— Да, Сускуззусъ очень привязанъ къ дялюшкѣ! Рѣдко увидишь, чтобъ какой-нибудь Индѣецъ шелъ нагруженный, а начальники ихъ не считаютъ унизительнымъ носить дичь.

Едва Урсула окончила эти слова, какъ Сускуззусъ бросилъ къ ногамъ ея двѣ или три дюжины птицъ, по большей части голубей; потомъ отошелъ тихо въ сторону, какъ человѣкъ, который, сдѣлавъ главное, предоставляетъ остальное женщинамъ.

— Благодарю, Безсѣдный, благодарю! сказала наша миленькая хозяйка. Какая славная, жирная дичь! Я приготовлю ее въ разныхъ видахъ.

— Все это молодая птица; онѣ едва начинали летать. Я взялъ ихъ въ гнѣздахъ, отвѣчалъ Индѣецъ.

— Я думаю, у васъ въ лѣсахъ много гнѣздъ; желалъ бы очень ихъ видѣть, сказалъ я, вспомнивъ рассказы о множествѣ голубей, находимыхъ тамъ. Не сдѣлать ли намъ всѣмъ маленькую прогулку въ лѣсъ?

— Почему же нѣтъ? отвѣчалъ землемѣръ; тѣмъ болѣе, что мы давно не ходили въ ту сторону для измѣренія. Если эти птицы прилетаютъ съ той стороны, гдѣ находится одинъ, извѣстный мнѣ холмъ, то ихъ нынче много будетъ въ Музериджѣ.

— Можно сказать, что ихъ тамъ миллионы, сотни и даже болѣе, сказалъ Сускуззусъ, который, какъ и всѣ Индѣйцы, имѣлъ очень темное понятіе о числахъ, и говорилъ о нихъ на удачу, не наблюдая постепенности;—однакожь я никогда не видѣлъ столько дичи, какъ теперь. Великій Духъ не забываетъ бѣдныхъ Индѣйцевъ. Онъ посылаетъ имъ то лань, то семгу, то голубей. Для всѣхъ довольно!

— Да, Сускуззусъ, для всѣхъ довольно. Богъ очень милостивъ къ намъ; но мы не всегда умѣемъ пользоваться его благодѣяніями, отвѣчалъ землемѣръ, пристально разсматривая птицъ. Право, такихъ голубей рѣдко можно найти... Я очень желалъ бы еще разъ увидѣть ихъ въ лѣсу, прежде чѣмъ отправлюсь въ дальній путь. Мнѣ времени терять нельзя.

— Чтѣ вы говорите! Когда вы уцѣлѣли въ такое время, какъ послѣдняя война, и теперь мирно отдыхаете, ну можно ли говорить о смерти? Вы стары лѣтами, но бодры и тѣломъ и духомъ.

— Я очень устарѣлъ.. Я это чувствую. Конечно, вы правы; но я самъ это лучше знаю. Проживъ семьдесятъ лѣтъ, пора уступить мѣсто другимъ; мое время ужъ прошло. Господь Богъ призоветъ меня къ себѣ, когда ему угодно будетъ, теперь я могу умереть спокойно, гораздо спокойнѣе, чѣмъ мѣсяцъ тому назадъ.

— Вы удивляете меня, любезный другъ! Отчего же такая разница?

— Оттого что теперь я спокоенъ на счетъ Урсулы; Франкъ имѣетъ хорошее мѣсто, и она не будетъ оставлена.

— Оставлена! Урсула?... Миссъ Мальбонъ, оставлена! Этого никогда бы не могло быть, никогда!

— Перестанемте, перестанемте говорить объ этомъ; вонъ, она начинаетъ уже плакать. Послушай, Сускуззусъ, можешь ли ты свести насъ на то мѣсто, гдѣ водятся эти голуби?

— Могу. Тропинка широка и по ней легко итти.

— Хорошо; такъ завтра же утромъ пустимся въ путь. Мы съ Франкомъ давно уже не были въ лѣсу.

Я слушалъ все это, а между тѣмъ смотрѣлъ на Урсулу, которая, чтобы скрыть свое замѣшательство, вдругъ встала и пошла къ дому. Черезъ минуту, я увидѣлъ ее у окна улыбающеюся, хотя облако грусти не совсемъ еще разсѣялось на ея лицѣ.

На другой день, рано утромъ мы отправились въ Музериджъ смотрѣть голубей. Урсула и старая Негритянка ѣхали на лошадахъ, а мы шли пѣшкомъ.

Съ нами были еще три лошади, навьюченныя съѣстными припасами и инструментами. Каждый изъ насъ былъ вооруженъ, чтѣ было необходимо въ то время; я даже имѣлъ при себѣ охотничье двуствольное ружье. Сускуззусъ былъ нашимъ путеводителемъ.

Спустя часть времени, мы миновали обработанныя земли мѣхъ владѣній и вошли въ дѣвственный лѣсъ. Последняя война помѣшала расчисткѣ лѣсовъ, и потому вокругъ поселеній не было джужаекъ, служащихъ имъ какъ бы предметами. Напротивъ, едва мы вышли за черту послѣдняго владѣнія, защищеннаго палисадами и довольно хорошо обработаннаго, то вступили уже въ безконечныя лѣса и совершенно простились съ образованною жизнью.

Мы шли по едва замѣтной тропинкѣ, которая извивалась между обгорѣлыми деревьями; она очень походила на неправильный каракули, какія чертитъ ребенокъ, начиная учиться писать; но для жителя лѣсовъ она была хороша. Сускуззусъ даже и не нуждался въ ней, чтобъ найти дорогу. Землемѣръ шелъ твердымъ и непринужденнымъ шагомъ; привыкнувъ проводить прямья линія въ лѣсу между деревьями, онъ приобрѣлъ такой вѣрный глазомѣръ, который не уступалъ въ этомъ случаѣ инстинкту Безслѣднаго находить дорогу.

Прогулка эта была тѣмъ пріятнѣе, что густыя вѣтви деревь превосходно защищали насъ отъ зноя. Черезъ четыре часа мы дошли до полошвы пригорка, покрытаго птичьими гнѣздами, и остановились, чтобъ немного закусить.

Наскоро пообедавъ, мы приготовились начать восхождение. Урсула поручила свою лошадь Негру и пошла вмѣстѣ съ нами пѣшкомъ. Когда мы отошли нѣсколько шаговъ отъ источника, у котораго отдыхали, я предложилъ ей опереться на мою руку, чтобы легче было входить.

— Какъ, сказала она, смѣясь, мнѣ, землемѣркѣ, побѣдившей въ работѣ Франка, и утомившей моего добраго дялюшку, мнѣ опереться на вашу руку, чтобъ взойти на этотъ холмъ? Вы забыли, маіоръ, что я первыя десять лѣтъ своей жизни провела въ лѣсу, и что въ теченіе прошлаго года опять привыкла къ тому же, сдѣлалась снова дочерью лѣсовъ.

— Я, право, не знаю, что думать о васъ, потому-что въ какомъ бы положеніи вы не были, вы всегда кажетесь на своемъ мѣстѣ, отвѣчалъ я, пользуясь случаемъ объясниться свободнѣе, когда наши спутники немного опередили насъ. Иногда васъ можно принять за дочь какого-нибудь фермера, въ другой же разъ за наследвицу одной изъ нашихъ древнихъ фамилій.

Урсула засмѣялась; потомъ покраснѣла и въ продолженіе всего времени, какъ мы всходили на холмъ, она хранила глубокое молчаніе. Не нуждаясь въ моей помощи, она скоро опередила меня и догнала Безслѣднаго, который шелъ впереди. Хотѣла ли она показать этимъ, что привыкла много ходить, или желала разсѣять мысли, пробужденныя въ душѣ ея моими послѣдними словами, не знаю, какъ это рѣшить; послѣдствія показали мнѣ однакожъ, что второе предположеніе мое было вѣрнѣе. Я старался не отставать отъ нея и, приближаясь къ тому

мѣсту, гдѣ обыкновенно водились голуби, я шелъ уже рядомъ съ Урсулой и Безслѣднымъ.

Невозможно описать зрѣлища, которое намъ представилось. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ вершинѣ холма, намъ встрѣчались голуби, которые летали между деревьями, совершенно надъ нашими головами. Мы не дошли еще до главнаго мѣста, а намъ попадались уже тысячи этихъ птицъ. Чѣмъ далѣе шли мы, тѣмъ число ихъ увеличивалось все болѣе и болѣе, и, казалось, наконецъ, что весь лѣсъ одушевился. Они производили своими крыльями оглушительный шумъ. Всѣ деревья были покрыты ихъ гнѣздами; на многихъ деревьяхъ были цѣлыя тысячи ихъ. Гнѣзда находились очень близко одно отъ другаго, и несмотря на это, удивительный порядокъ царствовалъ между сотнями тысячъ этихъ птицъ. Молодые голуби прыгали вокругъ насъ во всѣхъ направленіяхъ; кругомъ же ихъ летали болѣе взрослые, какъ бы стараясь предохранить ихъ отъ всякой опасности. При нашемъ приближеніи, птицы подымались на воздухъ и, казалось, число ихъ съ каждой минутой становилось болѣе. Однакожъ наше присутствіе, повидному, не очень тревожило ихъ. Они слишкомъ были заняты, чтобы замѣтить присутствіе людей, почти всегда для нихъ враждебныхъ. Цѣлыя тучи ихъ летѣли передъ нами въ одну сторону, какъ сжатая толпа людей, убѣгающихъ отъ какой-нибудь опасности, и за одной тучей слѣдовала другая, подобно волнамъ на океанѣ.

Мы были восхищены этимъ зрѣлищемъ, и испытанное мною тогда ощущеніе я могу сравнить только съ одуреніемъ, какое испытываемъ мы очутясь вдругъ среди толпы людей, которыхъ страсти возбуждены въ высшей степени. Меня чрезвычайно удивляло то, что птицы эти такъ мало обращали на насъ вниманія и, казалось, повиновались какому-то постороннему вліянію. Въ самомъ дѣлѣ, странно было, находясь среди такой толпы, не обратиться на себя вниманія, какъ будто голуби были въ своемъ отдѣльномъ мірѣ, въ которомъ ни что не могло ихъ тревожить.

Въ первыя минуты, никто изъ насъ не сказалъ ни слова. Удивленіе закрывало намъ уста; мы медленно подвигались впередъ среди этихъ крылатыхъ отрядовъ, созерцая въ безмолвнѣ твореніе Создателя. Если бы мы и заговорили, то не услышали бы одинъ другаго. Голубь, правда, не шумная птица; но когда

ихъ собрались миллионы на вершинѣ холма, на пространствѣ менѣе квадратной мили, торжественное и важное молчаніе, царствующее обыкновенно въ лѣсу, было нарушено.

Въ продолженіе пути я снова предложилъ Урсулѣ опереться на мою руку; она исполнила это въ какомъ-то разсѣяніи. Мы шли, такимъ образомъ, за важнымъ Онондаго, среди воркующаго роя голубей.

Вдругъ мы услышали шумъ, который, признаюсь, заставилъ всю мою кровь прилиться къ сердцу. Урсула ухватилась за мою руку, съ инстинктомъ женщины, готовой лишиться чувствъ, и знающей, что подлѣ нея находится человѣкъ, которому вполне довѣряетъ. Она сильно сжала мою руку и невольно приблизилась ко мнѣ, чего бы никогда не сдѣлала, если бы не потеряла присутствія духа. Впрочемъ, это сдѣлано было не отъ страха. Она покраснѣла и въ глазахъ ея выразилось удивленіе и любопытство; еѣ сильно поразило явленіе, которое легко могло бы поколебать бодрость самаго безстрашнаго даже человѣка. Только Сускуззусъ и землемѣръ сохранили свое хладнокровіе; они уже не разъ видали это и знали напередъ, что будетъ. Для нихъ чудеса лѣсовъ не были новостью. Опершись на карабины, они смѣялись нашему удивленію; впрочемъ, я ошибаюсь, Индѣецъ не смѣялся даже, и на лицѣ его почти не выражалось ничего; замѣтно было только, что онъ ожидалъ нашего удивленія. Я постарался описать то, что такъ успило первое произведенное на насъ впечатлѣніе.

Между тѣмъ, какъ мы удивлялись окружавшей насъ картинѣ, вдругъ раздался шумъ, покрывшій хлопанье миллионныхъ голубиныхъ крылъ; этотъ шумъ можно сравнить только съ топотомъ огромнаго табуна, бѣгущаго по дорогѣ. Сначала шумъ этотъ послышался въ отдаленіи, но, по мѣрѣ приближенія, усиливался, и наконецъ раздался надъ нами, какъ громъ. Воздухъ помрачился и вокругъ насъ сдѣлалось вдругъ такъ темно, какъ при наступленіи ночи. Въ ту же минуту всѣ голуби, находившіеся въ ближайшихъ къ намъ гнѣздахъ, вылетѣли, и все пространство надъ нашими головами совершенно покрывлось ими. Въ самомъ хаосѣ не могло быть большаго смѣшенія и шума; птицы, казалось, не замѣчали нашего присутствія; можетъ-быть, самая многочисленность мѣшала имъ видѣть насъ, потому-что онѣ тѣснились между мной и Урсулой, задѣвали насъ крыльями, и казалось все множество ихъ готово было обрушиться на насъ,

какъ лавина. Мы поймали руками много голубей и потомъ выпустили ихъ на свободу одного за другимъ. Однимъ словомъ, мы какъ будто перенесены были вдругъ въ какой-то голубиный міръ. Все это продолжалось съ минуту; потомъ, пространство, которое было занято ими, очистилось и всѣ птицы разлетѣлись и скрылись между вѣтвями деревь. Причиною этого шума, было возвращеніе самокъ, улетавшихъ довольно далеко, по-крайней-мѣрѣ, миль за двадцать, клевать буковые жолуди. Онѣ заняли въ гнѣздахъ мѣста самцовъ, полетѣвшихъ, въ свою очередь, отыскивать пищи.

Впоследствии, я изъ любопытства вычислилъ, какъ велико могло быть число птицъ, которыхъ мы видѣли тамъ, въ эту замѣчательную минуту; конечно, подобное вычисленіе не можетъ быть точно, но можно вычислить приблизительно. Я помню, что мы съ Франкомъ насчитали до двухъ миллионныхъ птицъ возвратившихся и улетѣвшихъ. Известно, что голуби отъ природы прожорливы, и потому, естественно, рождается вопросъ, гдѣ жъ они находятъ довольно для себя пищи. Полагая, что въ томъ мѣстѣ, которое мы посѣщали, было ихъ нѣсколько миллионныхъ, (потому-что я увѣренъ, что если бы сосчитать ихъ всѣхъ, вышло бы не менѣе) надо предположить, что на каждомъ приходится по дереву, плодами котораго онъ питается, и до котораго можетъ долетѣть менѣе чѣмъ въ часъ.

Поэтому можно судить, какъ могущественно развѣтывается природа въ пустыняхъ. Я часто видѣлъ въ извѣстное время и въ извѣстныхъ мѣстахъ цѣлыя тучи насѣкомыхъ; каждому, вѣрно, случалось также видѣть это; представьте же себѣ впечатлѣніе, которое должно было произвести такое же множество голубей въ музерижскомъ лѣсу.

Мы пробыли тамъ болѣе часа. Способность мыслить и говорить возвращалась къ намъ по мѣрѣ того, какъ мы привыкали ко всему, окружавшему насъ. Урсула скоро опомнилась и могла безъ принужденія наслаждаться зрѣлищемъ, бывшимъ у насъ передъ глазами. Наблюденія, которыя мы дѣлали, 'приобрѣтали еще большую прелесть въ глазахъ моихъ отъ того, что я дѣлалъ эти наблюденія вмѣстѣ съ ней. Проведя такимъ образомъ слишкомъ часъ, мы сошли съ холма; уходъ нашъ не болѣе тревожилъ голубей, какъ и наше прибытіе.

— Не удивительно ли, сказала Урсула, что эти голуби, ко-

торые по одиночѣ ни за что не подпустили бы насъ къ себѣ, показались здѣсь такими ручными. Неужели это происходитъ отъ того, что ихъ такъ много?

— Да, многочисленность придаетъ имъ увѣренность. Не то же ли самое бываетъ и у людей: къ опасностямъ, которыя устрашили бы насъ наединѣ, мы дѣлаемся равнодушными, когда находимся въ большомъ собраніи людей.

— Почему же панчскій страхъ нападаетъ иногда на цѣлое войско?

— Это дѣлается по тому же закону, по которому человѣкъ повинуется впечатлѣнію людей, окружающихъ его. Если непріятель находится впереди, мы бросаемся въ битву; когда же онъ нападаетъ съ тыла, всѣ сѣмшатъ скрыться. Масса людей всегда производитъ неотразимое впечатлѣніе на каждого отдѣльно взятого человѣка.

Я продолжалъ такимъ образомъ разговаривать съ Урсолой, до тѣхъ поръ, пока она опять сѣла на лошадь. Читателю можетъ показаться страннымъ, что молодая дѣвушка говорила о такихъ серьезныхъ и отвлеченныхъ предметахъ, потому что мы привыкли слышать женщинъ, разговаривающихъ по большей части о пустякахъ. Но я былъ восхищенъ умомъ и чувствомъ Урсолы; не занимаясь постоянно важными вопросами, она, однакожъ, понимала ихъ, и очень вѣрно судила о политическихъ событіяхъ. Можетъ-быть, и красота ея была нѣсколько тому причиной, но только не помню, чтобъ я когда-нибудь разговаривалъ съ большимъ удовольствіемъ.

XV.

Любовь! Любовь! ты также болзлива, какъ несчастный, который, охраняя свое сокровище, видитъ приближеніе воровъ. Всякая бездѣлица, ускользающая даже отъ зрѣнія и слуха, наполняетъ слабое сердце твое смѣшнымъ страхомъ.

Венера и Адонисъ.

Хижины землемѣра были удобнѣе и лучше расположены, нежели я ожидалъ. Ихъ было три: въ одной находилась кухня

и комната для невольниковъ; другую занимала Урсолой съ старой Негритянкой; въ третьей помѣщались мужичины. Рядомъ съ кухней находилась столовая; и всѣ эти хижины, построенныя уже болѣе года, были деревянныя, крытыя корою, и по обыкновенію, очень грубо сдѣланныя. Только жилище Урсолы отличалось отъ другихъ, какъ снаружи, такъ и внутри; о назначеніи его легко можно было догадаться по тому старанію, съ которымъ оно было устроено. Краткое описаніе мѣстности, конечно, не помѣшаетъ здѣсь.

Источникъ воды, который всегда есть первое и необходимое условіе, вытекалъ въ этомъ мѣстѣ изъ холма, возвышавшагося постепенно на пространствѣ цѣлой мили, и покрытаго вязами, буками, кленами и березами; такихъ роскошныхъ деревьевъ я нигде еще не видалъ. Землемѣръ избралъ это мѣсто потому, что оно находилось въ срединѣ музеридажскаго помѣстья, и потому еще, что въ окрестностяхъ не было кустарниковъ и стоячей воды. Какъ вездѣ, въ этомъ лѣсу, кругомъ распространялась богатая растительность и образовывала густую тѣнь.

Несмотря на грубую постройку этихъ хижинъ, сложенныхъ изъ бревенъ, онѣ имѣли живописный видъ.

Онѣ были расположены неправильно вблизи источника. Ближе всѣхъ къ водѣ стояли кухня и столовая; потомъ жилище мужичинъ; а маленькое строеніе, которое Франкъ Мальбонтъ смѣяся называлъ гаремомъ, было расположено на возвышенности, немного въ сторонѣ, шагахъ въ пятидесяти отъ хижины Андрея. Полы и двери этихъ хижинъ были изъ досокъ, и только волномъ гаремъ были стекляныя окна. Франкъ, желая угодить сестрѣ, придѣлалъ даже къ нимъ ставни, правда очень грубой работы, но крѣпкія.

Время, когда считали необходимымъ укрѣплять жилища противъ внезапныхъ нападений, давно уже миновало. Предосторожности эти были хороши тогда, когда Французы владѣли Канадой, и внослѣдствіи, когда военныя дѣйствія заставили дикихъ сбираться около поселеній, расположенныхъ на границахъ владѣній; но съ окончаніемъ войны исчезъ и страхъ.

Не смотря на то, хижины построены были прочно. Бревна, не болѣе поврежденія, могли подвергаться дѣйствію пуля. Все это было достаточно для защиты отъ дикихъ звѣрей, единственныхъ враговъ, которыхъ можно было опасаться. Хижины не соединялись между собой никакимъ крытымъ ходомъ, а стояли отдѣль-

но и не были даже окружены палисадомъ. Единственная площадка, въ полъ-акра величиною, была засѣяна огородными овощами, въ достаточномъ количествѣ для скромнаго стола тамошнихъ жителей.

Таково было мѣсто, извѣстное во всей окружной сторонѣ подъ именемъ Хижинъ Землемѣра. Названіе это сохранилось до нынѣ и я сберегаю хижины, играющія большую роль въ моемъ рассказѣ. Хотя жилище это было занято болѣею частью весны и лѣта, и въ немъ замѣтно было присутствіе человѣка, но при всемъ томъ могло назваться пустынею. Окруженное со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, оно было удалено слишкомъ на пятнадцать миль отъ всякаго другаго жилища и, казалось, не имѣло никакого сообщенія съ образованнымъ міромъ. Даже въ настоящее время, въ Нью-Йоркскомъ штатѣ находится много такихъ отдаленныхъ поселеній; я недавно посѣщалъ одно изъ нихъ, лежащее на сѣверѣ, въ гористомъ мѣстѣ; оно чрезвычайно живописно. Мѣста эти хороши для охотника, потому-что изобилуютъ дичью; но для земледѣльца неудобны. Я увѣренъ, что если скуэттеры не слѣдаютъ набѣга на эти земли, то онѣ еще болѣе вѣка останутся пустынею, посѣщаемою только охотниками, которымъ угрожаетъ опасность лишиться скоро возможности охотиться въ другихъ удобныхъ мѣстахъ страны.

Джапъ, которому поручено было везти припасы, остался съ нами въ качествѣ охотника. Онъ стрѣлялъ довольно метко и какъ прежде былъ въ военной службѣ, то имѣлъ право сколько угодно жечь пороху. Во время войны онъ пріобрѣлъ себѣ превосходное охотничье ружье, вѣроятно, отнятое у какого-нибудь англійскаго офицера; онъ никогда не разставался съ этимъ трофеемъ.

Джапъ и Сускуэзусъ были старые знакомые. Оба они играли немаловажную роль въ событіяхъ, происходившихъ въ этихъ мѣстахъ не задолго до моего рожденія; впоследствии, часто они встрѣчались и вмѣстѣ служили въ послѣднюю войну. Они не питали одинъ къ другому взаимнаго отвращенія, существующаго между краснокожими и черными; хотя Негръ почиталъ себя выше дикаго обитателя лѣсовъ, потому-что имѣлъ нѣкоторое понятіе о образованности; а Онондаго, въ дикой независимости своей, съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на него, какъ на человѣка, охотно жившаго въ рабствѣ. Взаимная дружба ихъ, если не уничтожала, то по-крайней-мѣрѣ смягчала въ нихъ эти чувства; они жили въ

совершенномъ согласіи, и едва мы прибыли на мѣсто, какъ я увидѣлъ ихъ спокойно разговаривающихъ между собою.

Джапъ принесъ цѣлый мѣшокъ голубей и положилъ ихъ на землю у кухни, чтобы оципать и потомъ передать Негритякѣ для приготовленія. Между тѣмъ Онондаго спокойно сѣлъ на сломанное дерево и въ бездѣйствіи смотрѣлъ на своего товарища, не удостоивая раздѣлить трудовъ, приличныхъ, по его мнѣнію, однимъ женщинамъ и которыми воинъ можетъ заниматься самъ только въ походѣ или въ военное время. Одна необходимость могла заставить его работать; я сомнѣваюсь, помогъ ли бы онъ даже Урсулѣ, если бъ увидѣлъ, что она сама трудится. Воинъ, по его мнѣнію, долженъ всегда сохранять свою важную и благородную безопасность. Дѣятельная и правильная промышленность возникаетъ въ слѣдствіе образованности и удовлетворенія ея потребностямъ доставляетъ занятія рабочему классу людей.

— Послушай, другъ, сказалъ Негръ, вынимаю изъ мѣшка послѣдняго голубя, какъ этона зывается у васъ? дичью, не правда ли?

— Да, какъ и васъ, я думаю? отвѣчалъ Онондаго, смотря съ насмѣшкой на Негра.

— Совсѣмъ нѣтъ! У насъ называются дичью только птицы, которыхъ собака сгоняетъ съ мѣста. У господина Морлаунта есть собаки въ Сатасто и въ Лилаксбушѣ, пріученныя къ охотѣ за голубями.

— Да, а за ланями?

— За ланями, не знаю. Можетъ-быть есть, можетъ-быть и нѣтъ. У насъ въ Вестъ-Честерѣ не водятся ланей, чтобъ можно было пріучать собакъ къ охотѣ за ними. Но кстати, Сускуэзусъ, помнишь ли тотъ день, когда ты на самомъ этомъ мѣстѣ дрался съ краснокожими; это уже очень давно; съ тобою были тогда господа Корни и Тянгъ-Эйкъ и старый господинъ Германъ Морлаунтъ и миссъ Аннеке и миссъ Мери, и другъ твой Скакупъ. Помнишь ли ты это, Онондаго?

— Индѣецъ никогда не забываетъ. Онъ помнитъ и друзей и враговъ..

— Да, да, это можетъ засвидѣтельствовать Мускуэрускъ, который никогда не забывалъ о своихъ выгодахъ. Помнишь ты этого стараго злодѣя Мускуэруска, Безслѣдный? (Негру очень правилось въ разговорѣ съ Индѣйцомъ называть его разными именами.) Онъ никакъ не могъ забыть вѣсколькихъ ударовъ бичемъ, полученныхъ имъ.

— Отъ бича болитъ спина, отвѣчалъ Онондаго съ нѣкоторою важноствію.

— Да, у васъ краснокожихъ, можетъ быть; а цвѣтной чело-
вѣкъ обращаетъ на это столько же вниманія, какъ на уби-
таго голубя. Онъ въ короткое время привыкаетъ къ бичу; да
объ этомъ не стоитъ даже и говорить.

Сускуэзусъ ничего не отвѣчалъ, но, повидимому, съ сожалѣні-
емъ смотрѣлъ на невѣжество и униженіе своего друга.

— Какого ты мнѣнія, Сускуэзусъ, объ этомъ мірѣ? спросилъ
вдругъ Негръ, который, разъ заболтавшись, говорилъ уже все,
что приходило ему въ голову; какимъ образомъ произошли бѣ-
лые, красные и цвѣтные люди?

— Великій Духъ произвелъ ихъ всѣхъ. Онъ наполнилъ Ин-
дѣйца кровью и сдѣлалъ его краснымъ; Африканца черной кра-
ской, и тотъ сталъ чернымъ; а блѣднлицыя отъ того бѣлы,
что живутъ постоянно на солнцѣ и цвѣтъ ихъ выгораетъ.

Джапъ засмѣялся такъ громко, со всѣмъ своимъ индѣйскимъ
добродушіемъ, что всѣ Негры вдругъ вышли, и не зная причины
его смѣха, тоже начали хохотать, чисто изъ подражанія. Бѣд-
ные Негры! ихъ презирають за то, что они невольники, но су-
дя по чистымъ порывамъ веселости, которыя овладѣвають ими,
этого нельзя бы и подозревать.

— Послушай, Индѣецъ, началъ снова Джапъ, насмѣявшись
до-сыта, скажи мнѣ какой видъ, по твоему, имѣетъ земля, круг-
лая она, или плоская?

— Чтѣ ты хочешь этимъ сказать? Въ иномъ мѣстѣ, земля
возвышается, въ другомъ понижается; она ни кругла, ни пло-
ска.

— Ты не понимаешь меня. Ну, слушай же: господинъ мой
говоритъ, что земля кругла какъ яблоко, и что она вертится,
отъ чего бываетъ день и ночь. Какъ ты думаешь объ этомъ,
Онондаго?

Сускуэзусъ слушалъ съ важностію; но не показавъ, согла-
сенъ ли онъ или нѣтъ. Онъ очень уважалъ отца моего и
меня; но требовать отъ него, чтобы онъ вѣрилъ тому, чего не
понимаетъ, было бы слишкомъ много.

— Если бы было дѣйствительно такъ, сказалъ онъ, подумавъ
съ минутою, то люди ходили бы внизъ головою; а мы видимъ,
что они ходятъ на ногахъ, а не на головѣ.

— Господинъ Корни сказалъ мнѣ объ этомъ, Сускуэзусъ,

давно уже, когда я былъ еще очень маленькимъ. Послѣ, я спра-
шивалъ господина Мордоунта, и онъ мнѣ подтвердилъ тоже самое.

— А чтѣ говоритъ объ этомъ землемѣръ? спросилъ вдругъ
Индѣецъ, какъ будто желая руководствоваться въ такомъ труд-
номъ дѣлѣ, мнѣніемъ челоѣка, котораго онъ очень любилъ.
Землемѣръ никогда не жетъ.

— Надѣюсь, что и господа мои тоже! вскричалъ съ негодо-
ваніемъ Джапъ.

— Да, но мало ли есть вралей. Кто ихъ слушаетъ, можетъ
заблудаться. Землемѣръ затыкаетъ себѣ уши; онъ никогда не
слушаетъ вралей.

— Да вотъ кстати, онъ идетъ, Сускуэзусъ. Землемѣръ очень
честный челоѣкъ; я и самъ радъ узнать его мнѣніе объ этомъ
предметѣ, потому-что въ самомъ дѣлѣ трудно понять, какъ
можно ходить внизъ головою.

Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній о голубяхъ, Джапъ вдругъ за-
велъ разговоръ съ Андреемъ о прежнемъ предметѣ.

— Вы знаете, господинъ землемѣръ, сказалъ онъ: каковы
Индѣйцы, какъ они необразованы и невѣжественны. Вотъ на-
примѣръ, Безслѣдный никакъ не можетъ понять, что земля
кругла и вертится; онъ просилъ меня, спросить васъ объ
этомъ.

Землемѣръ не принадлежалъ къ числу ученыхъ. Онъ слы-
халъ и читалъ въ разныхъ книгахъ объ истинахъ, открытыхъ
наукою; но не могъ усвоить ихъ себѣ и совершенно ихъ понять; а
потому и руководствовался во всемъ, только природнымъ здра-
вымъ смысломъ.

— Ты знаешь, Джапъ, отвѣчалъ онъ, что цѣлый міръ такъ
думаетъ; по-крайней-мѣрѣ я никогда еще не слышалъ, чтобы
кто этому противорѣчилъ.

— Такъ вы думаете, что это правда? спросилъ вдругъ Ин-
дѣецъ.

— Должно быть правда, потому-что цѣлый міръ утверждаетъ
это. Ты знаешь, что блѣднлицыя читають много книгъ и по-
тому они гораздо ученѣе краснокожихъ.

— Какъ же вы заставляете челоѣка ходить на головѣ?

Землемѣръ оглянулся во всѣ стороны, и видя, что никто не
могъ его слышать, сдѣлался откровеннѣе, и приблизясь, какъ
челоѣкъ, который хочетъ открыть какую-нибудь тайну, ска-
завъ:

— Говоря откровенно, Сускуззусъ, на этотъ вопросъ отвѣчать довольно. Говорить, что это такъ, слѣдовательно должно быть правда; я и самъ часто спрашиваю себя, если земля дѣйствительно въ продолженіе ночи опрокидывается, почему же я не падаю съ постѣли... да въ природѣ есть много непонятнаго, Сускуззусъ, совершенно непонятнаго.

Это послѣднее объясненіе, безъ сомнѣнія, показалось Индѣйцу наиболѣе удовлетворительнымъ, потому-что онъ прекратилъ свои вопросы, а землемѣръ перемѣнилъ вдругъ разговоръ, какъ будто не желая дать своимъ товарищамъ времени размыслить о томъ, стояли ли они на головѣ или на ногахъ.

— Я слышалъ, Джапъ, что вы оба съ Онондаго были при кровопролитіи, случившемся здѣсь въ окрестностяхъ еще до революціи, въ прежнюю войну съ Французами? Я говорю о томъ, какъ межевщикъ, по имени Траверсъ, былъ убитъ со всѣми своими работниками.

— Совершенная правда, господинъ землемѣръ, отвѣчалъ Негръ, качая съ важностью головою. Я былъ здѣсь съ Сускуззусомъ. Тогда мы въ первый разъ услышали запахъ пороха. Французскіе Индѣйцы бродили въ окрестностяхъ большими толпами; они напали вдругъ на господина Траверса и его людей, и не оставили ни клочка волосъ на головахъ ихъ. О! я такъ живо помню это происшествіе, какъ будто оно случилось только вчера.

— Ну, а тѣла? Имѣли вы возможность похоронить ихъ?

— Конечно. Петра, слугу господина Тинъ-Эйка зарыли близъ хижины господина Корни, въ четырехъ или пяти миляхъ отсюда; а межевщика со всѣми людьми похоронили возлѣ источника, не много далѣе въ ту сторону. Кажется, я не ошибаюсь?

Онондаго покачалъ головою, потомъ указалъ пальцомъ со всѣмъ въ другую сторону, показывая тѣмъ, до какой степени Джапъ ошибался. Я часто слышалъ объ ужасныхъ произшествіяхъ, въ которыхъ были замѣшаны въ молодости мой отецъ и даже мать; но я не довольно хорошо зналъ обстоятельства, чтобы совершенно понять слышанный мною теперь разговоръ. Кажется, землемѣръ зналъ о нихъ также по наслышкѣ; но ему очень хотѣлось посѣтить мѣсто, гдѣ были похоронены жертвы. Онъ не видѣлъ еще хижины убитаго межевщика, потому-что, занимаясь раздѣленіемъ прежнихъ большихъ участковъ

земель на меньшія, для облегченія продажи ихъ, онъ до-сихъ-поръ не удалялся отъ центра, въ которомъ началъ работу. Новый помощникъ его долженъ былъ прибыть дня черезъ два, и потому, посоветовавшись съ двумя своими товарищами, землемѣръ рѣшился на другой же день отыскать могилы убитыхъ, чтобъ сдѣлать на нихъ приличныя надписи.

Вечеръ былъ тихъ и прекрасенъ. При закатѣ солнца я пошелъ къ Урсулѣ и засталъ ее одну въ приемной комнатѣ ея гарема. Но счастью, тамъ не было нѣмыхъ, которые бы могли помѣшать мнѣ войти, даже старая Негритянка, заступавшая ихъ мѣсто, была еще занята въ кухнѣ. Меня приняли безъ замѣшательства и, помѣстясь у порога, я заговорилъ съ хозяйкой домика, сидѣвшей въ комнатѣ на стулѣ и занимавшейся вышиваньемъ.

Разговоръ начался о голубихъ и о прогулкѣ нашей въ лѣсъ, а потомъ незамѣтно перешелъ къ настоящему нашему положенію, къ прошедшему и будущему. Разсуждая о намѣреніи Андрея посѣтить могилы, я прибавилъ:

— Мнѣ случалось слышать только намеки на эти печальныя происшествія; болѣе я не знаю никакихъ подробностей. Родители мои, неизвестно почему, никогда не любила говорить объ этомъ.

— Происшествія эти хорошо извѣстны всѣмъ въ Ревнестѣ, отвѣчала Урсула; ихъ разсказываютъ часто и притомъ такъ, какъ обыкновенно говорятъ въ отдаленныхъ поселеніяхъ о чемъ-нибудь удивительномъ; то есть, къ истинѣ примѣшиваютъ много лжи.

Мы взаимно передали другъ другу все слышанное нами, и рассказы наши были довольно согласны, съ тою только разницею, что у меня въ памяти остались болѣе мрачныя черты, между тѣмъ какъ Урсула вспоминала то, что трогало въ разсказѣ.

— Вашъ разсказъ немного разнится отъ моего, хотя оба они должны быть справедливы; потому-что вы сами слышали все рассказанное теперь вами отъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ; но вы пропустили нѣкоторыя подробности о любви и бракѣ, которыя у насъ прибавляютъ къ этому.

— Такъ расскажите же мнѣ эти подробности, потому-что я никогда еще не былъ такъ расположенъ говорить о любви и бракѣ, какъ теперь!

Я сдѣлалъ удареніе на послѣднемъ словѣ.

Урсула покрасѣла, закусила губы, и съ минуту хранила молчаніе. Я замѣтилъ, что рука ея дрожала; но давно привыкнувъ къ своему необыкновенному положенію, она скоро опомнилась. Начало смеркаться и темнота, царствовавшая въ хижинѣ, освѣщенной густыми деревьями, помогла ей скрыть волненіе, овладѣвшее ею. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ настоящаго положенія, я говорилъ, хотя и безъ приготовленія, но съ такимъ жаромъ, что уже не могъ остановиться. Я чувствовалъ необходимость высказать мои чувства яснѣе и только ожидалъ удобной тому минуты.

— Я хотѣла сказать, замѣтила Урсула, что по словамъ здѣшнихъ поселенцевъ, причину брака родителей вашихъ, была помощь, оказанная вашимъ батюшкой при защитѣ дома Германа Мордоунта, который прежде хотѣлъ отдать дочь свою за одного англійскаго лорда. Но къ чему повторять всѣ эти глупые рассказы?

— Для меня они важны, потому-что касаются моихъ родителей.

— Я увѣрена, что все это сплетни, какія обыкновенно распространяютъ о семейныхъ дѣлахъ. Впрочемъ, если вы хотите непременно знать все, то говорить еще, что ваша матушка была прежде влюблена въ молодого лорда; но потомъ отдала руку генералу Литтльпеджу и союзъ ихъ былъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ.

— Рассказы эти не отдають должной справедливости моей матери; въ нихъ нарушена истина. Я знаю отъ бабушки моей, что привязанность ея дочери къ моему отцу началась еще въ дѣтствѣ ихъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ великодушно защитилъ ее отъ другаго мальчика, хотѣвшаго ее обидѣть.

— Ахъ, тѣмъ лучше! вскричала Урсула съ чувствомъ, поразившимъ меня. Я не допускаю, чтобы женщина могла любить два раза. Потому-то мнѣ такъ нравится другой рассказъ о томъ, что одна подруга вашей матушки, потерявъ жениха своего въ ту ночь, когда сдѣлано было нападеніе на Ревинсестъ, не хотѣла уже никогда выходить замужъ, чтобъ остаться вѣрной его памяти.

— Не называлась ли она Волсестъ? спросилъ я съ живостью.

— Да, Мери Волсестъ; я всегда буду любить это имя. Въ мо-

ихъ глазахъ, господинъ Литтльпеджъ, ни одна женщина столько не достойна почтенія и любви, какъ та, которая до смерти остается вѣрною первымъ своимъ чувствамъ, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

— И въ моихъ глазахъ тоже, милая Урсула! вскричалъ я съ восторгомъ.

Но я не буду передавать здѣсь всего, о чемъ я говорилъ тогда Урсулѣ. Она въ нѣсколько недѣль такъ овладѣла моимъ сердцемъ, что если бъ я и захотѣлъ забыть ее, то всѣ усилія мои были бы тщетны. Я хладнокровно разсмотрѣлъ свое положеніе и не нашелъ никакой причины желать освободиться отъ власти, которую приобрѣла надо мной Урсула Мальбонъ. Въ ней соединились всѣ качества, какія только мужчина можетъ пожелать найти въ подругѣ своей жизни; бѣдность ея не казалась мнѣ препятствіемъ къ нашему соединенію. Она была равна мнѣ по воспитанію и пропехожденію, а я имѣлъ достаточное для двухъ состояніе. Я думалъ, что для того, чтобы найтись въ бракѣ взаимное счастье, необходимо имѣть одинаковыя мнѣнія, привычки и даже предразсудки; но что ни какіе другіе расчеты не должны имѣть мѣста.

Смотря на предметъ съ такой стороны и побуждаемый живою и глубокою привязанностью, я открылъ Урсулѣ мою душу. Я говорилъ съ нею болѣе четверти часа и она ни разу не прервала меня. Я и не желалъ въ это время слышать голоса Урсулы, потому-что тревожимый недовѣрчивостью, обыкновенной сущности истинной любви, я опасался, что отвѣтъ ея не будетъ согласоваться, съ моимъ желаніемъ. Не смотря на темноту, я могъ замѣтить, что Урсула была очень взволнована; я привялъэто за добрый знакъ. Вѣда, что она хранить молчаніе, я сталъ умолять ее отвѣчать мнѣ, и вотъ что она наконецъ сказала мнѣ трепещущимъ голосомъ:

— Благодарю васъ отъ всего сердца, господинъ Литтльпеджъ, за это неожиданное и, какъ я увѣрена, искреннее признаніе. Сдѣлавъ его бѣдной сиротѣ, вы показали благородную откровенность и великодушіе, которыхъ я никогда не забуду. Но я не могу уже располагать собою; я другому дала слово; обѣщаніе это согласно съ чувствами моего сердца, оно священно для меня; я не должна скрывать отъ васъ этихъ чувствъ, потому-что предложеніе ваше было такъ откровенно и великодушно.

Я не могъ слышать болѣе; быстро всталъ и, удаляясь большими шагами, углубился въ лѣсъ.

XVI.

О, дѣти, вы рвете цѣпты и мутите чистую воду источника; но берегитесь ядовитаго жа-ла змьи.

Драйденъ.

Въ продолженіе перваго получаса я совершенно не зналъ, что дѣлаю и куда иду. Помню только, что я прошелъ мимо Онондаго, который, казалось, хотѣлъ мнѣ что-то сказать, но я избѣгнулъ его, болѣе по какому-то вѣстнику, чѣмъ съ намѣреніемъ. Я пришелъ въ себя только отъ усталости. Подвигаясь быстро впередъ, я далеко зашелъ въ глубину лѣса. Наступила ночь. Пройдя нѣсколько миль, усталый, едва дышущій, я опустился на упавшее дерево, чтобы немного отдохнуть.

Меня занимала одна мысль о томъ, что Урсула дала уже слово другому. Я не удивился бы такому признанію со стороны Присиды Бэйардъ, потому-что живя въ свѣтѣ, окруженная людьми равными ей по состоянію, она легко могла возбудить любовь къ себѣ и сама полюбить. Но какъ могло это случиться съ Урсулой, которая оставила лѣса, для того, чтобы вступить въ пансіонъ, откуда опять возвратилась въ лѣса? Не было ли прежде у брата ея какого-нибудь сослуживца, влюбленнаго въ нее, и котораго она сама полюбила? Предположеніе это было, можетъ-быть, не основательно, но измученный умъ мой не зналъ на какой идеѣ остановиться.

— Во всякомъ случаѣ, онъ вѣрно бѣдентъ, подумалъ я, когда получилъ способность разсуждать; иначе онъ не оставилъ бы Урсулу въ этой хижинѣ, въ обществѣ одного только землемѣра, да грубыхъ пограничныхъ жителей. Если сердце ея не можетъ принадлежать мнѣ, по-крайней-мѣрѣ я могу подѣлиться съ ней моимъ состояніемъ и ускорить такимъ образомъ замужество ея. Нѣсколько времени я воображалъ, что буду менѣе страдать, когда увижу, что Урсула обезпечена и счастлива. Но вслѣдъ за

этимъ, я почувствовалъ, что долго еще не буду въ состояніи привыкнуть къ мысли видѣть ее счастливою съ другимъ. Не смотря на то, первую минуту спокойствія доставила мнѣ увѣренность, что я могу способствовать соединенію Урсулы съ избраннымъ ею человѣкомъ. Я даже на минуту подумалъ объ этомъ съ истиннымъ удовольствіемъ и потомъ цѣлые часы строилъ планы къ осуществленію своей мысли. Находясь въ такомъ расположеніи духа и уступивъ, наконецъ, удручавшей меня усталости, я крѣпко заснулъ на густыхъ вѣтвяхъ того дерева, на которомъ сидѣлъ.

Я проснулся на зарѣ. Сначала я почувствовалъ какое-то одеревенѣніе и боль во всѣхъ членахъ, происшедшіе отъ жесткости моей постели; но ощущенія эти скоро разсѣялись и я немного успокоился. Съ удивленіемъ я замѣтилъ, что былъ покрытъ маленькимъ, легкимъ одѣяломъ, какіе обыкновенно употребляются жителями лѣсовъ въ лѣтнее время. Сначала это меня встревожило; одѣяло не могло же явиться само собою; но довольно было минутнаго размышленія, чтобы убѣдиться, что только рука друга могла покрыть меня. Я всталъ съ моей постели и сталъ осматриваться кругомъ, съ нетерпѣніемъ желая увидѣть моего неизвѣстнаго друга.

Мѣсто, въ которомъ я находился, не отличалось ничѣмъ отъ другихъ частей лѣса. Тѣ же безконечные ряды огромныхъ деревьевъ, тотъ же густой лиственный сводъ, та же темная и неровная поверхность земли, та же свѣжесть воздуха. Близъ меня вытекала изъ холма ключъ; я подошелъ къ нему, чтобы напиться воды, и тайна покрывала вдругъ объяснилась. У подошвы холма я увидѣлъ Онондаго. Неподвижный, какъ окружавшія его деревья, онъ стоялъ опершись на карабинъ и разсматривалъ какой-то предметъ, лежавшій у ногъ его. Я подошелъ ближе и увидѣлъ, что это былъ человѣческій скелетъ! Странное и поразительное зрѣлище въ глуши лѣса! Человѣкъ такъ мало занималъ пространства и такъ рѣдко являлся въ пустыняхъ Америки, что въ этомъ мѣстѣ подобный слѣдъ пребыванія его производилъ болѣе впечатлѣнія, чѣмъ въ многолюдныхъ округахъ. Индѣецъ такъ внимательно разсматривалъ кости, что не замѣтилъ, или по-крайней-мѣрѣ, не хотѣлъ замѣтить моего приближенія. Я долженъ былъ дотронуться до него, чтобы обратить на себя его вниманіе. Довольный тѣмъ, что могъ избѣгнуть разго-

вора о самомъ себѣ, я воспользовался настоящимъ случаемъ, заговорилъ о скелетѣ.

— Вѣрно, человекъ этотъ погибъ насильственной смертью, Сускузусъ, сказалъ я; иначе онъ былъ бы похороненъ. Безъ сомнѣнія, это слѣды какой-нибудь ссоры между краснокожими воинами.

— Онъ и былъ похороненъ, отвѣчалъ Индѣецъ, не удивясь ни малому моему приходу. Посмотрите!... вотъ и яма!... вода размывла землю и кости вышли наружу... больше ничего. Я знаю, что онъ былъ зарытъ; я самъ помогала при этомъ.

— Какъ? Ты зналъ этого несчастнаго?... тебѣ извѣстна причина его смерти?

— Да, я знаю. Онъ былъ убитъ еще во время войны съ Французами. Вашъ батюшка былъ тогда здѣсь, и Джашъ тоже. Гуроны совершили это убійство. Мы наказали Гуроновъ бичемъ. Да, да; это было ужъ очень давно!

— Я слышалъ объ этомъ кое-что. Вѣрно здѣсь-то и былъ захваченъ неприятеlemъ и умерщвленъ со всеми своими работниками межевщикъ Траверсъ. Батюшка мой съ нѣсколькими друзьями своими нашл ихъ тѣла и похоронили.

— Да; но они дурно распорядились, иначе кости не вышли бы изъ земли. Точно; это скелетъ межевщика; я узнаю его. Онъ когда-то переломилъ себѣ ногу. Посмотрите! вотъ и знакъ.

— Не вырыть ли намъ новую могилу, Сускузусъ, чтобы опять похоронить его.

— Только не теперь. Землемѣръ хочетъ это сдѣлать. Онъ скоро будетъ здѣсь. Между тѣмъ есть другое дѣло: всѣ окружающія земли принадлежатъ намъ; къ чему же торопиться.

— Да, онѣ принадлежатъ моему отцу и полковнику Фоллоку. Несчастные были убиты на ихъ землѣ, въ то самое время, какъ они межевали ее. Говорятъ, что наступившія тогда смуты заставили прекратить работу, которая далеко была еще не кончена.

— Правда. А чья здѣсь мельница?

— Здѣсь по близости нѣтъ никакой мельницы, Сускузусъ, да и быть не можетъ, потому-что ни одна часть музериджскихъ владѣній не отдавалась никогда на аренду и не была продана.

— Можетъ-быть; но здѣсь точно есть мельница. Ее слышно издалека; пила громко визжитъ.

— Не слышишь ли ты ее и теперь?

— Теперь, нѣтъ; но я слышалъ ночью. Тогда ухо острѣе... далеко слышать.

— Согласенъ, Сускузусъ. Такъ, въ прошедшую ночь ты слышалъ шумъ пилы?

— Да; ошибиться было не возможно, потому-что шумъ слышался не далѣе, какъ за милою отсюда... въ той сторонѣ!

Это было поважнѣе открытія скелета. Я имѣлъ при себѣ грубо-начерченный планъ всѣхъ нашихъ владѣній; рассматривая его со вниманіемъ, я замѣтилъ, что не вдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ мы находились, означенъ былъ ручей, очень удобный для постройки на немъ пильной мельницы, потому-что берега его были покрыты соснами и высокими холмами.

Голодь и усталость возбудили во мнѣ аппетитъ, и потому мнѣ очень пріятно было подумать, что я нахожусь не вдалекѣ отъ жилья. Если кто и могъ жить въ этомъ мѣсту, то конечно сквоттеры; это ясно доказывала мельница. Минутное размысленіе убѣдило меня, что тѣмъ, которые ее построили, очень неприятно будетъ принять настоящаго владѣтеля земли; но съ другой стороны — мы были слишкомъ далеко отъ хижины землемѣра; голодь сильно мучила насъ. Онондаго, правда, не жаловался, потому-что никогда страданіе, какого бы рода оно ни было, не выражалось на его лицѣ, тѣмъ менѣе на словахъ; но я могъ судить по себѣ, что онъ чувствовалъ. Ко всему этому присоединилось и сильное желаніе объяснить, дѣйствительно ли существовала эта мельница.

Если бъ я не зналъ хорошо моего спутника, и того, какъ изощрены у Индѣйца всѣ чувства, я не рѣшился бы идти далѣе, слѣдуя такимъ неопредѣленнымъ указаніямъ. Но настоящія обстоятельства придавали большой вѣсъ словамъ Сускузуса. Хотя Коннектикутъ лежалъ на восточной границѣ нью-йоркскаго поселенія, но многочисленныя толпы поселенцевъ, перемѣнявшихъ мѣсто жительства особенно изъ пограничной нью-гемпширской колоніи, за нѣсколько времени до политическаго переворота, сдѣлались страшными своимъ положеніемъ и числомъ. Въ продолженіе войны эти гордые горцы, при всей любви къ отечеству, старались не вмѣшиваться ни во что, когда дѣло шло о приведеніи въ ясность ихъ правъ. Патріотизмъ ихъ состоялъ, по большей части, въ томъ, чтобы по своему усмотрѣнію распоряжаться землями, которыми они овладѣли; но не простирался до того, чтобы покориться дѣйствию закона.

При окончаніи войны сильно подозрѣвали начальниковъ поселения въ томъ, что они соглашались во всемъ съ представителемъ правительства не потому, чтобы уважали его; а для того только, чтобы сохранить обладаніе землями, на которыя они не имѣли почти никакихъ правъ. При заключеніи въ 1783 году мира, эти трудные вопросы не были еще разрѣшены. Области, называвшіяся въ то время Вермонтъ и Гемпширъ, не признавали власти конфедерации и въ 1789 году вошли въ союзъ только по примѣру другихъ областей и потому еще, что уже ни что не противилось этому.

Дурные примѣры заразительны, и дѣти обыкновенно наследуютъ заблужденія отцовъ. Множество сквоттеровъ поселилось у насъ на земляхъ, которыя оставались незанятыми; а въ Вермонтѣ вдвое болѣе, нежели въ другихъ областяхъ. Я зналъ, что область Шарлоттъ, какъ называли тогда Вашингтонъ, чаще другихъ была жертвою этихъ набѣговъ, и потому не слишкомъ удивился предположеніямъ Сускуэзуа. Какъ бы то ни было, я хотѣлъ скорѣе удостовѣриться въ существованіи мельницы, потому что мнѣ необходимо было удовлетворить двѣ необходимыя потребности: голодъ и любопытство. Индѣецъ хладнокровно ожидалъ моего рѣшенія.

— Такъ какъ ты думаешь, Сускуэзузъ, что въ этой сторонѣ точно есть мельница, сказалъ я послѣ минутнаго размышленія, то я непремѣнно хочу итти отыскать ее, конечно, если ты будешь мнѣ сопутствовать. Зная въ которую сторону должно итти, увѣренъ, что ты скоро найдешь ее.

— Это очень легко; стоить найти ручей, найдется и мельница. У меня есть глаза и уши. Я нѣсколько разъ уже слышалъ визгъ пилы.

Я сдѣлалъ моему товарищу знакъ, чтобы онъ слѣдовалъ за мной. Сускуэзузъ любилъ болѣе дѣйствовать, чѣмъ говорить. Онъ пошелъ прямо въ ту сторону, гдѣ по его мнѣнію долженъ былъ находиться ручей, и въ самомъ дѣлѣ скоро отыскалъ его. Мы нѣсколько минутъ шли по берегу ручья; вдругъ Сускуэзузъ остановился, какъ-будто встрѣтивъ какое-то неожиданное препятствіе. Я подошелъ къ нему, желая узнать причину этой остановки.

— Мы скоро увидимъ мельницу, сказалъ онъ. Видите, какъ много досокъ, и какъ быстро плывутъ онѣ по теченію.

Въ самомъ дѣлѣ рѣка была покрыта досками, плывшими съ

быстрою, не очень пріятною для глазъ владѣльца, знающаго, что онъ не получитъ никакой выгоды отъ продажи ихъ. Доски не были сложены въ плоты, а плыли по одиначкѣ, или священные по двѣ и по три; какъ будто для того, чтобы онѣ не остановились на мѣли или подводныхъ камняхъ и чтобы удобнѣе можно было перехватить ихъ ниже. Это доказывало близость какой-нибудь пильной мельницы, снабжавшей лѣсомъ города, лежавшіе по берегамъ Гудзона. Ручей, по берегу котораго мы шли, впадалъ въ эту рѣку, и произведенія нашихъ лѣсовъ, достигнувъ ея, могли уже легко быть перевозимы куда угодно.

— Здѣсь, Сускуэзузъ, кажется, завелась правильная торговля, сказалъ я. Если видишь напильный тесть, надобно полагать, что по близости есть и люди. Доски въ лѣсахъ не растутъ.

— Онѣ изготовляются на мельницѣ. Вы скоро услышите ее: она сильно шумитъ. Блѣдныя лица строятъ мельницы; а у краснокожихъ есть уши, чтобы слышать.

Все это было справедливо; оставалось ожидать, что будетъ далѣе. Признаюсь, когда я увидѣлъ эти доски, плывшія по рѣкѣ, я испыталъ тревожное чувство, предугадывая что-то непріятное. Я зналъ, что эти своевольные дикари готовы всегда прибѣгнуть къ насилию, чтобы поддержать свои незаконныя права.

Дойдя до поворота рѣки, мы увидѣли нѣсколько человекъ, которые складывали доски и спускали ихъ въ ручей. Это ясно доказывало, что сквоттеры систематически производили работу, вырубая лучшія деревья въ нашихъ лѣсахъ и смѣло презирая права владѣльцевъ. Въ настоящемъ случаѣ нужны были твердость и благоразуміе. Мысль о томъ, что я былъ представителемъ моего отца и полковника Фаллока, а также и чувство собственного достоинства, не дозволяли мнѣ отступить, если бъ даже того требовало благоразуміе.

Мнѣ необходимо было разсѣять тяжелое чувство, которое томило меня съ тѣхъ поръ, какъ Урсала отвергла мое предложеніе; и потому я былъ готовъ отважиться на самыя смѣлыя предпріятія. Мы еще не показывались, и Сускуэзузъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы посоветоваться со мной, прежде чѣмъ мы явимся къ людямъ, которымъ выгодило бы было умертвить насъ, нежели позволить намъ удалиться. Сускуэзузъ руководствовался при этомъ не чувствомъ самосохраненія, а благо-

разуміемъ опытнаго воина, который находится въ трудныхъ обстоятельствахъ.

— Вы знаете ихъ, сказалъ онъ. Это злые вермонтскіе сквоттеры. Вы думаете, что эта земля принадлежит вамъ, а они считаютъ ее своею. Приготовьте карабинъ и дѣйствуйте имъ въ случаѣ нужды. Наблюдайте за ними.

— Понимаю, Сускуэзусъ, я буду остороженъ. Видѣлъ ли ты прежде кого-нибудь изъ этихъ людей?

— Кажется. Когда бродишь по лѣсу, встрѣчаешь разныхъ людей. Старикъ, который стоитъ вотъ тамъ, отчаянный сквоттеръ. Его зовутъ Мильакръ. Онъ говоритъ, что всегда можетъ имѣть тысячу акровъ земли, когда только пожелаетъ.

— Это доказываетъ, что онъ очень богатъ. Тысяча акровъ земли! жирный кусокъ для бродяги; особенно когда онъ можетъ имѣть его съ собою всюду. Ты говоришь не объ этомъ ли сѣдомъ старикѣ, который полуприкрытъ оленьей кожей?

— Да, это Мильакръ. У него всегда довольно земли; онъ беретъ ее, гдѣ только найдетъ. Онъ говоритъ, что переплылъ великое соленое озеро и пришелъ на западъ, когда былъ еще ребенкомъ. Онъ всегда самъ все для себя дѣлаетъ. Онъ живетъ въ Гемпшир-Грантѣ. Но послушайте, маіоръ, почему же онъ не имѣетъ правъ на эту землю?

— Потому-что наши законы не даютъ ему ихъ. Уваженіе къ чужой собственности одно изъ условій общества, въ которомъ мы живемъ; а эти земли наша собственность, а не его.

— Лучше не говорить объ этомъ ничего; да нѣтъ и нужды говорить. Не упоминайте о вашихъ земляхъ. Если онъ приметъ васъ за шпіона, то пожалуй застрѣлитъ. Блѣднлицы убиваютъ шпіоновъ; отчего же краснокожіе не дѣлаютъ этого?

— Шпіоновъ разстрѣливаютъ только въ военное время. Неужели ты думаешь, что эти люди рѣшатся на подобную крайность? Онъ, конечно, побоялся строгости законовъ.

— Законовъ! Да что для нихъ законы? Они никогда не видали закона, не слышали о немъ, и понятія о немъ не имѣютъ.

— Во всякомъ случаѣ я рѣшаюсь выйти, потому-что кромѣ любопытства меня побуждаетъ къ тому и голодъ. Но тебѣ, Сускуэзусъ, не нужно показываться, оставайся здѣсь и ожидай, что будетъ. Если меня схватятъ, ты можешь по-крайней-мѣрѣ извѣстить объ этомъ землемѣра, и онъ будетъ

знать, гдѣ найти меня. Оставайся здѣсь; я пойду одинъ. Прощай.

Сускуэзусъ былъ не такой человѣкъ, чтобы отступать. Онъ не сказалъ ни слова, но едва я сдѣлалъ шагъ впередъ, какъ онъ занялъ свое обычное мѣсто впереди и пошелъ прямо къ сквоттерамъ. Четверо изъ нихъ стояли въ водѣ, исключая стараго начальника, извѣстнаго вообще подъ названіемъ Мильакра, который съ двумя молодыми людьми оставался на сухомъ мѣстѣ, какъ будто приобрѣта на это право услугами, оказанными имъ въ дѣлѣ нарушенія общественнаго порядка.

Они замѣтили наше неожиданное появленіе, услышавъ трескъ сухой вѣтви, на которую я нечаянно наступилъ. При этомъ шумѣ старый сквоттеръ быстро оглянулся и увидѣлъ Онондаго, который стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Я стоялъ за нимъ. Мильакръ не показалъ ни удивленія, ни безпокойства; онъ зналъ Сускуэзуса, и хотя тотъ пришелъ къ нему сюда въ первый разъ, но они уже прежде часто встрѣчались и всегда неожиданно. Поэтому никакого неприятнаго чувства не выразилось въ лицѣ сквоттера; напротивъ онъ встрѣтилъ Сускуэзуса дружеской улыбкой, хотя нѣсколько насмѣшливой.

— А, это ты Безслѣдный! а я ужъ думалъ, не шерифъ ли. Эти твари приходятъ иногда въ лѣса; но никогда изъ нихъ не возвращаются. Какъ ты насъ нашелъ здѣсь, Онондаго, въ самомъ отдаленномъ убѣжищѣ?

— Я слышалъ ночью шумъ мельницы; она громко говоритъ. Я голоденъ, и пришелъ просить пищи.

— Что жъ? и очень кстати, потому-что у насъ никогда не было столько провизіи, какъ нынче. Голубей — что лѣтѣвъ на деревьяхъ, а законъ не запрещаетъ еще покуда охотиться за голубями. Впрочемъ, надо будетъ смазать колесо въ мельницѣ. Оно такъ болтаетъ, что можетъ и выдать насъ.... Милости просимъ, войдите. Завтракъ долженъ быть готовъ, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Ну, что новенькаго, Безслѣдный? сказалъ сквоттеръ, тронувшись съ мѣста. Мы живемъ, какъ видите, въ глуши; если и узнаемъ про что, такъ это отъ ребятъ, которые сплавляютъ лѣсъ по рѣкѣ. Я думаю дѣла въ Альбани идутъ довольно хорошо, и можно надѣяться получить какую-нибудь выгоду отъ досокъ. Пора, пора, получать хоть что-нибудь за свои труды.

— Не знаю; я никогда не торговал досками, сказал Индеец; никогда их не покупал. Мне нетъ надобности въ доскахъ. Вотъ порохъ, такъ другое дѣло. Такъ ли?

— Меня, Безслѣдный, болѣе занимаютъ доски, чѣмъ порохъ, хотя и порохъ вещь тоже полезная. Да, да, порохъ дѣло не дурное. Дичь, свинина, — пища здоровая, не дорогая. Порохъ на многое можно употребить. Кто твой другъ, Безслѣдный?

— Это старинный молодой другъ, я знаю его отца. На это лѣто онъ, какъ и мы, поселился въ лѣсу. Онъ охотится за ланями.

— Милости просимъ... милости просимъ. Радъ всякому, кромѣ владѣтеля этой земли. Ты знаешь меня, Безслѣдный; ты знаешь старика Мильакра, такъ довольно и этого. Скажи мнѣ, видѣлъ ли ты нынче землемѣра, этого стараго чорта? Ребята говорили, что онъ занимается гдѣ-то не подалеку отсюда и начпашаетъ снова свои старья продѣлки!

— Я его видѣлъ. Землемѣръ также мой старинный пріятель. Я жилъ съ нимъ до начала войны съ Французами. Я люблю съ нимъ жить. Землемѣръ славный человекъ, Мильакръ, слышишь ли? Какія же онъ начинаетъ продѣлки?

Индеецъ говорилъ не равнодушно, потому-что онъ слишкомъ любилъ Андрея, чтобъ не вступиться за него.

— Какія продѣлки? спрашиваешь ты? Онъ начинаетъ скверныя продѣлки съ своими проклятыми цѣпями! Если бы не было ни цѣпей, ни землемѣровъ, не было бы и другихъ межей, кромѣ тѣхъ, которыя проводилъ бы карабинъ. Индѣйцамъ не надо землемѣровъ и межевщиковъ, такъ ли, Безслѣдный?

— Нѣтъ. Конечно не хорошо мѣрять землю, я согласенъ, отвѣчалъ Сускузусу, который впрочемъ не сходилъ во мнѣніи съ сквоттеромъ. Никогда я не замѣчалъ, чтобъ изъ этого выходило что-нибудь доброе.

— О, я былъ увѣренъ, что ты истинный Индеецъ! вскричалъ восторженный Мильакръ; отъ того мы и дружны съ тобою. Такъ, землемѣръ точно близко отсюда работаетъ?

— Да. Онъ измѣряетъ ферму генерала Литтльпеджа. Кажется твоего владѣтеля?

— Какого Литтльпеджа! того самаго, котораго и я и всѣ зовутъ величайшимъ плутомъ.

Я невольно вздрогнулъ при этихъ словахъ: при мнѣ осмѣли-

вались говорить такъ про моего почтеннаго отца. Я хотѣлъ уже вступиться за это, но одинъ взглядъ Индѣйца, брошенный на меня, заставилъ меня молчать. Я былъ молодъ и не понималъ еще, съ какою злостью люди нападаютъ на тѣхъ, которые пренятствуютъ ихъ выгодамъ. Теперь я знаю, что въ свѣтѣ очень обыкновенно унижать владѣльцевъ и оспаривать ихъ собственность, и что обыкновеніе это происходитъ отъ того, что пришлецы безпрестанно овладѣваютъ ихъ землями. Путешественникъ, проѣзжающій черезъ нью-іоркскій штатъ, даже въ настоящее время, пусть послушаетъ, что говорятъ въ тавернахъ, и онъ узнаетъ, что всѣ владѣльцы злодѣи, а всѣ фермеры жертвы ихъ. Это почти безъ исключенія такъ. Самыя старинныя и неоспоримыя права уважаются не болѣе новыхъ. Тактика вездѣ одна и происходитъ изъ одного начала. Всякій тотъ злодѣй, кому принадлежитъ земля, которою хотѣли бы владѣть другіе, не покупая ея и не платя за нее ничего.

Я удержался однакожъ и предпочелъ честному и благородному Сускузусу защищать моего отца.

— Это ложь, отвѣчалъ Индеецъ съ твердостью. Это большая клевета; такъ говорятъ злые языки. Я знаю генерала, я служилъ вмѣстѣ съ нимъ; онъ храбрый воинъ и честный человекъ. Кто говоритъ противное—лжетъ; я скажу ему это въ лицо.

— Не знаю, сказалъ протязно Мильакръ, какъ человекъ, который не въ состояніи уже защищаться: я говорю то, что слышалъ. Вотъ мы и дома, Безслѣдный; по дыму видно, что моя старуха съ дочками не сидѣла сегодня сложа рука; намъ будетъ, что поѣсть.

Съ этими словами Мильакръ подошелъ къ рѣкѣ и сталъ мыть руки и лицо; въ тотъ день, онъ дѣлалъ это въ первый разъ.

XVII.

Онъ приблизился къ креслу владѣтеля, и потому, съ какою-то грубою простотою, не приклоня даже головы, сказалъ слѣдующее.

Marmonz.

Въ то время, какъ сквоттеръ, въ ожиданіи завтрака, занималъ своимъ туалетомъ, я успѣлъ осмотрѣть все, что окружало

меня. Мы взобрались на крутизну, на которой находилась мельница, и передъ нами открылось пространство земли, акровъ въ шестьдесятъ, на которомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ были видны слѣды земленашества. По всему замѣтно было, что эти мѣстомъ владѣли давно; и дѣйствительно, позже я узналъ, что временной владѣтель Мильакръ, назадъ тому сорокъ уже лѣтъ, пришелъ сюда съ своимъ многочисленнымъ семействомъ, состоявшимъ изъ двадцати членовъ, и поселился здѣсь. Мѣсто это было удивительно выбрано для мельницы; казалось, сама природа назначила его для этого; но искусство мало помогло природѣ: постройка мельницы была самой грубой работы. Земледѣіе же очевидно было побочнымъ занятіямъ семейства; земля было вспахано не болѣе, какъ сколько требовалось для полученія необходимѣйшаго количества хлѣба; напротивъ того, все, что относилось къ торговлѣ лѣсомъ, носило на себѣ печать особой заботливости. Въ разныхъ мѣстахъ лежали прекрасныя срубленныя деревья, вездѣ видны были изготовленныя уже доски. Для доставки же на рынокъ, ихъ мало было снущено въ это время на рѣку; владѣтели ожидали прибыліи воды, чтобъ отплавить большее количество лѣсу и тогда собрать плоды годовыхъ трудовъ своихъ. Легко было замѣтить, что семейство владѣтеля, посредствомъ браковъ, значительно увеличилось; я насчиталъ не менѣе пяти хижинъ, которыя, хотя находились и въ уединенныхъ мѣстахъ, были прочно построены. Изъ этого легко было заключить, что обитатели ихъ не имѣли намѣренія скоро удалиться отсюда. Вѣроятно старшіе сыновья и старшія дочери сквоттера женились и вышли за-мужъ, и патриархъ семейства видѣлъ уже вокругъ себя новое поколѣніе маленькихъ сквоттеровъ; почти у всѣхъ дверей бѣгали и ползали ребятишки. Мельница производила тотъ же особенный шумъ, который привлекаетъ вниманіе Сускузуза.

— Войди, Безслѣдный, вскричалъ Мильакръ, дружескимъ тономъ, который доказывалъ, что если онъ и умѣлъ пользоваться чужимъ, то въ то же время готовъ былъ предлагать и свое: войдите и вы, другъ его; я не знаю вашего имени, да какое мнѣ до этого дѣло. Будетъ для всѣхъ; лишнимъ не будете; добро пожаловать. Хозяйка моя приметъ васъ и угоститъ; она привѣтлива и расторопна, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвушка.

Напрасно были сказаны эти послѣднія слова. При встрѣчѣ съ нами, на лицѣ мистриссъ Мильакръ не замѣтно было и признака улыбки. Въ ея сѣрыхъ глазахъ, сухомъ и мрачномъ видѣ было что-то отталкивающее. Она была матерью четырнадцати человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ двѣнадцать остались въ живыхъ. Всѣ они были воспитаны среди лишений и опасностей жизни, проведенной въ глуши лѣсовъ, подъ вѣчно непостояннымъ кровомъ. Эта женщина перенесла такія страданія, которыя могли бы разрушить двадцать обыкновенныхъ темпераментовъ; но она устояла противъ всѣхъ псытаній, перенося ихъ всегда съ такимъ же терпѣніемъ, какъ и въ годы своей красоты. Это слово могло бы показаться неумѣстнымъ для тѣхъ, кто бы увидѣлъ старуху Пруденцію, морщинистую, худощавую, со вналыми щеками, потухшими сѣрыми глазами, съ отвпслымъ ртомъ и выдавшимся впередъ подбородкомъ; однимъ словомъ такую, какою она представилась мнѣ. При всемъ томъ, замѣтно было, что въ свое время, въ своихъ родныхъ горахъ, она была красавицей изъ красавицъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда я, впоследствии, имѣлъ надобность быть въ сношеніяхъ съ этимъ семействомъ, женщина эта являлась передо мной молчаливою, мрачною и дикою, какъ тигрица, берегущая дѣтей своихъ. Что же касается до пріема, который намъ сдѣлали, въ немъ не было ничего замѣчательнаго; для Американца не удивительно было, что незнакомецъ садился за его столъ; объ этомъ никто не говорилъ и не думалъ.

Не смотря на многочисленность семейства Мильакра, въ хижинѣ было просторно. Дѣти отъ четырнадцати до двѣнадцати лѣтъ разбрелись по всѣмъ хижинамъ; для нихъ было все равно гдѣ бы ни завтракать; они готовы были ѣсть вездѣ, гдѣ только могли протянуть руки къ блюду. Завтракъ начался въ одно время во всѣхъ хижинахъ, по сигналу, поданному Пруденціею, посредствомъ большой морской раковины. Я былъ слишкомъ голоденъ, чтобъ терять время на разговоры, и потому тотчасъ же сдѣлалъ честь грубымъ кушаньямъ, поставленнымъ на столѣ. Моему примѣру послѣдовали и другіе. Это уже привычка образованнаго общества говорить во время ѣды. Сквоттеры были еще слишкомъ погружены въ жизнь, чисто животную, чтобъ думать или говорить о чемъ-нибудь постороннемъ, сидя за столомъ.

Утолив голодъ, я взглянулъ въ сторону и замѣтилъ, что тѣ, которые сидѣли подлѣ меня, начинали осматривать меня съ бѣльшимъ любопытствомъ, нежели какое я замѣтилъ вначалѣ. Въ моемъ нарядѣ не было ничего такого, что бы могло возбудить подозрѣніе. Въ то время, платье служило рѣзкою чертою, отдѣлявшею одинъ классъ общества отъ другаго, и никто не позволялъ себѣ нарушать этотъ порядокъ. Правда, для путешествія по лѣсамъ дозволялись отступленія. На мнѣ была, какъ я уже сказалъ, охотничья блуза, следовательно нарядъ, который могъ бы обличить меня, былъ скрытъ. За столомъ насъ было немного, всего шесть человѣкъ: хозяинъ и хозяйка, я и Сускузусъ, парень лѣтъ двадцати двухъ и дѣвушка лѣтъ шестнадцати. Парня звали — Зефанъ, дѣвушку — Лавинія. Оба сидѣли очень скромно. Старикъ Мильакръ и супруга его, не смотря на дикую и почти разбойничью жизнь, которую они вели, постоянно поддерживали между дѣтьми строгую дисциплину.

— Не слыхать ли про землемѣра? спросила грубо Пруденція, когда всѣ окончили завтракъ, но не вставала еще изъ-за стола. Этотъ человѣкъ больше всѣхъ меня беспокоитъ.

— Не бойся землемѣра, жена, сказалъ хозяинъ, у него и безъ насъ работы на цѣлое лѣто. По послѣднимъ извѣстіямъ, молодой Литтльпеджъ, котораго прислалъ сюда отецъ его, этотъ старшій плутъ,—занялъ землемѣра своими работами. А по этому расчету, Литтльпеджъ останется здѣсь до холодовъ. Лишь бы мнѣ управиться съ тѣмъ лѣсомъ, который я срубилъ и изготовилъ, — а тамъ мнѣ нѣтъ дѣла ни до землемѣра, ни до его господина.

— Хорошо если бы случилось, какъ ты думаешь, Ааронъ. Вспомни, сосчитай, сколько разъ мы поселились въ разныхъ мѣстахъ, а для чего? чтобъ снова отыскивать себѣ жилище. Надѣюсь, что я говорю въ кругу друзей?

— Будь спокойна, жена. Безслѣдный мой старинный и вѣрный звокомецъ; а его другъ долженъ быть и нашимъ другомъ.

Признаюсь, этотъ разговоръ поставилъ меня въ непріятное положеніе.

— Что касается до переѣздовъ, то я всего два раза пере-

ѣхалъ, не заставивъ заплатить себѣ за постройки. А это не дурно для человѣка, перемѣнявшаго свое жилище семнадцать разъ. Притомъ же я довольно еще молодъ, чтобъ переѣхать въ восемнадцатый разъ. Повторяю: лишь бы продать лѣсъ, а тамъ мнѣ нѣтъ дѣла ни до большихъ, ни до маленькихъ Литтльпеджей. Безъ колеса мельница небольшого стѣитъ; а мое колесо путешествуетъ уже съ нами съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили Вермонтъ; оно привыкло двигаться; можетъ идти дальше.

— Это такъ, Ааронъ; а лѣсъ! Вода теперь мелка, и надо ждаты по-крайней-мѣрѣ добрыхъ три мѣсяца, чтобъ можно было отправить все. Подумаи, сколько мы употребили, на приготовленіе досокъ, времени, труда, — и для того, чтобъ все это пропало!

— Кто тебѣ говоритъ это, жена? сказалъ Мильакръ, стиснувъ губы и сжавъ кулакъ; эти доски облиты нашимъ потомъ; этого уже довольно, чтобъ они принадлежали мнѣ.

Мнѣ показались странными эти понятія о собственности. Поэтому не виноватъ былъ бы и воръ, который, похитивъ вещи, оросилъ бы ихъ своимъ потомъ. А сколько есть людей, которые убѣждены въ справедливости такихъ понятій и которые громко вопіютъ противъ всѣхъ опроверженій.

— Я ни за что не хотѣла бы, чтобъ твои труды пропали; ни за что, ни за что! сказала жена. Съ тѣхъ поръ, какъ мы живемъ здѣсь, ты усердно и честно трудился съ своими сыновьями. Накладно и обидно будетъ, продолжала Пруденція, выразительно взглянувъ на меня: если мы срубили деревья, перенесли ихъ на мельницу, распилили на доски, и для чего? чтобъ пришелъ чужой человѣкъ и сказалъ бы намъ: «Все это мое!» Гдѣ бы это ни случилось, все же это несправедливо; будь хоть въ Нью-Йоркѣ или Вермонтѣ. Скажите намъ, какъ васъ зовутъ; кажется, въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго!

— Рѣшительно ничего, отвѣчалъ я хладнокровно; меня зовутъ Мордоунтъ.

— Мордоунтъ! повторила съ живостью старуха. Кажется, мы никого не знаемъ? Что ты скажешь, мужъ?

— Въ первый разъ слышу. Для меня все равно, лишь бы онъ не былъ какой-нибудь Литтльпеджъ.

Услышавъ этотъ отвѣтъ, я вздохнулъ свободнѣе. Потому, что очень неприятно было попасть въ руки къ этимъ людямъ, въ которыхъ не было ни чести, ни правилъ. Всѣ они были огромнаго роста, широкоплечи и съ атлетическими формами. Нельзя было и думать о сопротивленіи, тѣмъ болѣе, что со мной не было оружія. Индѣецъ былъ предусмотрительнѣе меня; но въ той хижинѣ, гдѣ мы находились, на стѣнахъ висѣли четыре карабина, и вѣроятно у каждаго еще члена семейства былъ свое собственное оружіе. Для людей такого рода, карабинъ былъ первая необходимость, потому-что служилъ имъ и средствомъ къ пропитанію, и защитой противъ враговъ.

Въ это время старуха Пруденція встала изъ-за стола, чтобы заняться хозяйствомъ. Лавинія молча помогала ей; мы же всѣ вышли изъ хижины. Я съ большимъ вниманіемъ сталъ разсматривать поселеніе Мильакра и все имъ похищенное. Похищенія эти были не маловажны; позже, они были оцѣнены безпристрастными судьями въ тысячу долларовъ. Слѣдовательно тысяча долларовъ была совершенно потеряна, потому-что нельзя было ожидать уплаты отъ такихъ людей, каковы были Мильакръ и его сыновья. Такіе люди всегда готовы сказать: «Я за все отвѣчаю, я все обезпечу.» Вообще, много обѣщать любятъ тѣ, которые ничего не имѣютъ.

— Не дурень кусочикъ, сказалъ Мильакръ, настоящее имя котораго было Ааронъ Тимбернантъ: славный кусочикъ, г. Морлоунтъ; жаль было бы отдать его такому человѣку, который и въ глаза его не знаетъ.

— Вы знаете законы?

— Я знаю только то, чему мы научаемся опытомъ въ продолженіи жизни.

— Ну, такъ вы не очень далеки въ нихъ; это видно по вашему лицу. Но по разговору вашему, по тому, какъ вы объясняетесь, видно, что вы грамотъ учились,—а поэтому должны все же знать больше насъ, жителей лѣсовъ.

— Если я и приобрѣлъ кой-какія познанія, отвѣчалъ я скромно: мнѣ однако, не помѣшало это, какъ вы видите, вести лѣсную жизнь.

— Если есть къ чему склонность, то всегда надо уступать ей. Попробуйте удержать въ четырехъ стѣнахъ тѣхъ, которымъ надо дышать на открытомъ воздухѣ! Не знаете ли вы, можно ли будетъ продать строевой лѣсъ съ выгодой нынѣшнюю осень?

— Все идетъ хорошо со времени мира; а потому можно думать, что и лѣсъ не потеряетъ своей цѣны.

— Пора, пора! Въ продолженіи всей войны, лучшая доска была не дороже куска коры. Мы терпѣли восемь тяжкихъ годовъ, я хотѣлъ уже все это бросить и отправиться куда нибудь, но подумалъ: все на свѣтѣ имѣетъ свой конецъ, а поэтому и война когда-нибудь да кончится.

— Это справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, что война была для васъ не хорошимъ временемъ.

— Отвратительное время!.. Впрочемъ война, какъ и мирное время, имѣетъ свои хорошія стороны. Однажды неприятель ловко захватилъ большой обозъ съ провіантомъ; тутъ была и свинина, и хлѣбъ, и ромъ изъ Новой Англии, и чего-то тамъ не было! Чтобы все это увести, онъ нанялъ всѣхъ повозки, какія были по близости; пошли и мои лошади. Я сначала было отговаривался, потому-что лошаденки-то были заморены; однакожъ согласился наконецъ. Земля была лѣсистая; я твердо зналъ всѣ тропинки, всѣ углы и закоулки, а потому, выбравъ удобную минуту,—свернулъ въ сторону, такъ что никто и не замѣтилъ меня и преспокойно добрелъ съ поживой къ своей хижинѣ, какъ будто на рынокъ съѣзжалъ. Никогда удачѣе этого я не путешествовалъ, да и главное, что ѣзда была не велика.

Старикъ сквоттеръ остановился и захохоталъ. Смѣхъ его былъ такъ чистосердеченъ, какъ будто совѣсть его никогда не упрекала его ни въ чемъ. Этотъ анекдотъ казался ему прекраснымъ; онъ рассказалъ его мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, разъ шесть въ короткое время, которое я провелъ съ нимъ. Въ первый разъ я увидѣлъ легкую улыбку на лицѣ Зефана. Въ то же время я замѣтилъ, что этотъ молодой человѣкъ, съ мужественной и грубой осанкой, не спускалъ съ меня глазъ и взглядами своими начиналъ смущать меня.

— Дѣйствительно, счастливый для васъ случай, сказалъ я, когда радость его нѣсколько умѣрилась: особливо, если вы не должны были возвращать захваченнаго правительству.

— А за чѣмъ возвращать? Правительство было бѣдно, я согласенъ; но все же оно было и будетъ богаче меня. Когда вещь переходить изъ рукъ въ руки, то и владѣльцы мѣняются.

О, бѣдная натура человѣческая! тебя вездѣ встрѣчаешь. Человѣкъ, дурно поступившій, всегда ищетъ средствъ извинить себя. Когда разумокъ его помраченъ страстями, онъ всегда требуетъ новыхъ правилъ, новыхъ условій для защиты своей.

— Не случилось ли вамъ когда-нибудь быть по дѣламъ своимъ въ судѣ? осмѣлился я спросить у скоттера.

Мильакръ, передъ тѣмъ, чтобъ отвѣчать, подумалъ немного.

— Да, случилось. Мнѣ сказали однажды, что если я знаю право, по которому владѣю землею, то могу смѣло защищаться противъ законнаго владѣльца. Я явился въ судъ; но, г. Мордоунтъ, меня оштрафовали тамъ какъ дышленка,—и больше не замаять меня. Этому прошло ужъ много времени; это случилось до войны съ Французами.

— А если Литтльпеджъ откроетъ, что вы живете здѣсь, и если онъ захочетъ заключить съ вами контрактъ, какія были бы ваши условія?

— О, я люблю торги. Это душа жизни; а такъ какъ генералъ Литтльпеджъ имѣетъ кой-какія права на эту землю,—то я многого требовать съ него не сталъ бы. Если бы онъ согласился рѣшить дѣло безъ шума, такъ, между собой, какъ слѣдуетъ хорошимъ людямъ, я не сталъ бы ломаться много. Не люблю судейскихъ приговоровъ: они проучили меня.

— Какія же были бы ваши условія? вы мнѣ ничего не сказали.

— Мои условія? Очень выгодныя. Я никогда не употребляю во зло правъ моихъ. Вотъ въ какомъ положеніи дѣло: г. Литтль-

педжъ имѣетъ права на эту землю на бумагѣ, какъ я слышалъ; а я владѣю этой землею. Да и смѣшно было бы не воспользоваться такимъ мѣстомъ, гдѣ есть и лѣсъ, и мѣсто для мельницы, и другія удобства.

Мильакръ снова захохоталъ; если ему случилось хоть разъ притти въ веселое расположеніе духа,—то радость его выражалась такъ продолжительно и шумно, что онъ по неволѣ долженъ былъ прерывать разговоръ. Нахохотавшись вдоволь, онъ продолжалъ:

— Кто имѣетъ понятіе о лѣсахъ, тотъ согласится, что жить здѣсь очень выгодно, и этими выгодами я теперь пользуюсь. Вотъ шестьдесятъ три акра земли, которые чисты какъ ладоны: чуще этого мѣста не найдешь во всемъ кантонѣ.

— Не думаете ли вы, что Литтльпеджъ будетъ смотрѣть на это, какъ на улучшение; когда срублены всѣ деревья? Вамъ должно быть также хорошо извѣстно, какъ и мнѣ, что лѣсъ придаетъ цѣнность землѣ, особливо въ этой сторонѣ, гдѣ доставка его такъ свободна по Гудзону.

— Боже мой! молодой человѣкъ, неужели вы полагаете, что я самъ не обдумывалъ этого прежде, чѣмъ перенесъ сюда мою хижину? Не вамъ учить меня, старика, гдѣ лучше начинать по рубки. У меня теперь на берегу, рѣкъ и на дворѣ сто двадцать тысячъ лучшихъ досокъ; да есть довольно деревьевъ, изъ которыхъ можно напилить еще столько же. Мнѣ кажется, судя по вашему разговору, что вы должны знать этого Литтльпеджа; а такъ какъ я не люблю идти кривымъ путемъ къ дѣлу, а люблю правду и справедливость, то согласенъ сказать вамъ мои намеренія, для того, что если бы вамъ случилось встрѣтить Литтльпеджа, то чтобъ вы могли сказать ему про Мильакра, какъ про умнаго человѣка. Но условія мои крайнія. Если генералъ не помѣшаетъ мнѣ спокойно отправить мой лѣсъ на рынокъ, собрать хлѣбъ, увести двери, окна и всѣ желѣзныя вещи, однимъ словомъ все, что можно отнять отъ мельницы, то я согласенъ удалиться отсюда весной, чтобъ тотъ, кто займетъ мое мѣсто, могъ бы сдѣлать посѣвъ. Вотъ мои условія! уступки — никакой! Это же я согласенъ исполнить тихо, безъ споровъ. Я шуму не люблю, спросите хоть у жены.

Я хотѣлъ отвѣчать; но Зефанъ, старшій сынъ сквоттера, вдругъ подошелъ къ отцу, схвативъ его за руку, и отвелъ въ сторону. Этотъ молодой человѣкъ, съ самаго выхода нашего изъ хижины, и въ продолженіе всего разговора, не переставалъ вглядываться въ меня. Сначала я принялъ это за любопытство, очень естественное въ дикаряхъ, которые разсматриваютъ нарядъ каждаго новаго лица, желая перенять что-нибудь. Такое любопытство—общее между низкимъ классомъ въ Америкѣ. Но я скоро замѣтилъ, что воплишь ошибся. По совершенно другой причинѣ, я обратилъ на себя вниманіе и брата и сестры.

Я убѣдился въ своей ошибкѣ потому, что Мильакръ, поговоривъ съ своимъ, вдругъ переѣнилъ обращеніе со мною. Онъ обернулся лицомъ ко мнѣ и сталъ разсматривать меня съ видомъ недоумѣнности и даже угрозы. Снова сталъ слушать своего сына, и опять началъ смотрѣть на меня. Это не могло продолжаться долго, и черезъ нѣсколько минутъ я стоялъ лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, котораго долженъ былъ считать не иначе, какъ врагомъ.

— Послушайте, молодой человѣкъ, сказалъ Мильакръ, подойди ко мнѣ, сынъ мой Зефанъ имѣетъ на васъ подозрѣнія, которыя лучше разъяснить, прежде чѣмъ мы разстанемся. Я ужъ сказалъ, что люблю откровенность, а скрытность презираю, душевно презираю. Зефанъ думаетъ, что вы сынъ Литтльпеджа, и что вы явились сюда фискаломъ? Правда ли?.. да, или нѣтъ?

— Откуда могли прійти Зефану эти подозрѣнія? отвѣчалъ я, со всевозможнымъ хладнокровіемъ. Онъ меня не знаетъ, и мнѣ кажется, что я въ первый разъ съ нимъ встрѣчаюсь.

— Конечно, справедливо; но иногда можно видѣть и то, что не бросается въ глаза. Мой сынъ часто ѣздитъ отсюда въ Ревинснетъ, и недавно оставался тамъ добрыхъ два мѣсяца. Я иногда употребляю его для небольшихъ торговъ съ г. Ньюкомомъ.

— Съ Джаономъ Ньюкомомъ?

— Да, съ совѣтникомъ Ньюкомомъ, какъ онъ имѣетъ полное право называться. Мое правило называть чорта—чортомъ. По-

этому Зефанъ, нынѣшнее лѣто, оставался долго въ Ревинснетъ;—а можетъ быть ему тамъ и приглянулась какаа-нибудь, да онъ не сознается; наконецъ возвратился оттуда и сказалъ мнѣ, что съ минуты на минуту ожидаютъ сына Литтльпеджа.

— Вы знакомы съ Ньюкомомъ? спросилъ я, чтобъ нѣсколько отклонить прежній разговоръ; вы съ нимъ имѣете дѣла?

— Очень много. Ньюкомъ взялъ у насъ весь лѣсъ, который былъ срубленъ въ прошлую весну, и далъ намъ за него матерій, рому и разныхъ разностей, а самъ продалъ лѣсъ въ свою пользу. Онъ недурно обработалъ это дѣло, какъ я слышалъ; онъ хотѣлъ взять и этотъ лѣсъ, да я думаю лучше послать ребятъ на рынокъ. Впрочемъ, что до этого, не тѣмъ мы заняты теперь. Вѣдь вы мнѣ сказали, что васъ прозываютъ Мордоунтъ?

— Да, и сказалъ правду.

— Да какъ ваше *данное* имя?... Однако, послушай, жена, сказалъ онъ, обратясь къ Пруденціи, которая приблизилась къ намъ, чтобъ вслушаться въ разговоръ, предувѣдомленная вѣроятно своимъ сыномъ; однако... вѣдь этотъ молодой человѣкъ можетъ быть также невиненъ, какъ и твои собственныя дѣти.

— Мордоунтъ, это имя, которое мнѣ дали при крещеніи,—сказалъ я въ какой-то разсѣянности, а Литтльпеждъ...

Вдругъ рука Индѣйца прикрыла мнѣ ротъ и не дала говорить болѣе. Но было поздно; сквоттеры поняли, что я хотѣлъ сказать. Пруденція бросилась въ сторону, и я слышалъ, какъ она, подобно насѣдкѣ, начала скликать своихъ дѣтей. Мильакръ принялъ дѣло иначе. Лицо его омрачилось; онъ что-то тихо сказалъ Лавиніи, которая тотчасъ же побѣжала исполнить порученіе, поглядывая безирестанно въ сторону.

— Понимаю!.. Понимаю!.. вскричалъ сквоттеръ, такимъ отчаяннымъ голосомъ, какъ будто дѣло шло объ оскорбленіи чести; между нами шпионъ; не такъ давно еще кончилась война, чтобъ забыть, какъ поступаютъ съ шпионами.—Къ чему вы пришли на мою землю?.. За чѣмъ вошли въ мой домъ?

— Я пришел осмотрѣть и оберечь собственность, которая мнѣ поручена. Я сынъ генерала Литльпежа...

— Если вы думаете, что Мильакръ изъ тѣхъ людей, которые врагу позволять отнять у себя землю; которые будутъ спокойно, сложа руки смотрѣть на это,—о! вы страшно ошибаетесь... Лавинія! собери скорѣе всѣхъ!... скорѣе!... Мы избавимся отъ вась... Найдёмъ мѣсто, куда запрятать вась.

Пора была подумать о своей защитѣ. Я зналъ, что Индѣецъ былъ вооруженъ; и, рѣшившись дорого продать жизнь свою, я протянулъ руку, чтобъ взять у него карабинъ. Но, къ величайшему моему удивленію, Сускуззусъ скрылся.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ.)

СТЕФАНЪ И ЮСИФЪ.

Повѣсть Марме.

ПРОЛОГЪ.

Стефанъ и Юсифъ родились въ одинъ годъ, въ деревнѣ Сейвъ, въ прекрасной и живописной долинѣ Мурто. Съ самыхъ вѣжныхъ лѣтъ, они были неразлучны; вмѣстѣ ходили въ школу затверживать скучные склады и вмѣстѣ же предавались забавамъ своего возраста: то бѣгали по лугамъ, то представляли въ лѣсу сѣлки, или съ дѣтской безпечностію лазили по деревьямъ, чтобы выказать свою ловкость или завладѣть птичьими гнѣздами. Отецъ Стефана имѣлъ собственный домъ, большое поле, хорошій участокъ лѣсу, и кромѣ того онъ обрабатывалъ еще обширныя земан, принадлежавшія одному богатому безансонскому банкиру; все это, при его опытности въ сельскомъ хозяйствѣ и неутомимомъ трудѣ, доставляло ему очень значительный доходъ въ томъ краю, гдѣ, въ потѣ лица, едва едва вырабатываютъ себѣ на дневное пропитаніе. У отца же Юсифа всего имущества только и было, что пара лошадей, да самыя необходимыя земледѣльческія орудія; онъ не имѣлъ даже собственной хижини и ни клочка земли. Онъ жилъ на чужой землѣ, которую снималъ еще отецъ его. Только тяжкими трудами и крайнею бережливостію онъ могъ скоплять необходимую сумму, для уплаты за наемъ земли и для удовлетворенія нуждъ своего семейства. Но всѣ гово-

рили объ немъ, какъ о самомъ честномъ человѣкѣ и лучшемъ земледѣльцѣ долины Мурто. Въ трудныхъ обстоятельствахъ, окружные крестьяне прибѣгали къ его совѣтамъ, и уваженіе, которымъ онъ пользовался, могло служить ему полнымъ вознагражденіемъ за бѣдность.

Въ домѣ Финуа, отца Стефана, выказывалась роскошь, еще очень рѣдко встрѣчаемая у сельскихъ жителей Франшъ-Конте. У него были фарфоровыя тарелки, серебряные приборы, — которые, конечно, хранились для важныхъ случаевъ, — и бѣлыя занавѣски у оконъ. Каждый разъ, какъ Финуа ходилъ въ Безансонъ, по своимъ ли дѣламъ, или для засѣданія въ тамошнемъ судѣ, онъ привозилъ оттуда то новую мебель, то какія-нибудь вещицы для туалета, на диво всей деревни. По воскресеньямъ, пядь къ обѣду, жена Финуа надѣвала чепчикъ съ красивыми лентами; а старшая ихъ дочь наряжалась въ цвѣтныя кисейныя платья; скромные сейнскіе жители только развѣвали рты при взглядѣ на такіе пышные наряды. Въ день крещенія внучка, за арпестократическимъ столомъ Финуа были розлиты двѣ бутылки настоящаго шампанскаго вина, — чего никогда и во снѣ не грезилось бѣднымъ обитателямъ деревни Сейль, которые гордятся уже и тѣмъ, если, въ самые торжественныя дни, могутъ угостить своихъ пріятелей виномъ де-Мутье или Дезарсюръ. Школьной учитель рассказывалъ, что дѣти Финуа привозили въ классъ такія книги, о какихъ онъ никогда и не слышалъ, удивительныя книги, въ которыхъ говорилось о прекрасныхъ дамахъ, страствовавшихъ по свѣту съ рыцарями; а пасторъ съ прискорбіемъ прибавлялъ, что семейство Финуа очень поздно приходило къ обѣдѣ, и ни во что считало пропустить вечерню.

У добраго и честнаго Премона, отца Юсифа, все, напротивъ, сохраняло, почтенный отпечатокъ старины: платье его было домашняго рукодѣля; посуда глиняная, грубой работы; ложки желѣзныя луженыя. Жена Премона нисколько не стыдилась покрывать свои волосы шапочкой, стариннымъ головнымъ уборомъ тамошнихъ поселянъ, отъ которой шелковая бахрома и серебряныя булавки передавались прежде изъ рода въ родъ. Самъ Премонъ въ будни носилъ блузу съ широкими складками, холстинныя панталоны, деревянные башмаки и шерстяной колпакъ, а по воскресеньямъ надѣвалъ лучшій свой нарядъ, длинный тем-

ный рединготъ, кожаные башмаки съ желѣзными подковками, холстяную рубашку, работы своихъ дочерей, и войлочную шляпу съ широкими полями, купленную еще въ день его свадьбы. Въ семействѣ Премона, самымъ вкуснымъ кушаньемъ считалась копченая говядина, а лучшимъ лакомствомъ — пироги, вымазанные яичнымъ желткомъ, которые пекли въ храмовой праздникъ. Чистая вода составляла единственное ихъ питье. Густой картофельный супъ, да кислое молоко, служили обыкновенною ихъ пищею. Чай считался у нихъ лекарствомъ, которое покупается въ аптекѣ, и то только по предписанію доктора; кофе почти вовсе не знали. Слышали, что богатые употребляютъ кофе, но рѣшительно не понимали, для чего они пьютъ его. Сахаръ, какъ драгоценность, хранился въ шкафу, на случай какой-нибудь неожиданной болѣзни; но считался несравненно ниже меду.

Впрочемъ, въ извѣстные годовые праздники, Премонъ спрашивалъ у своей жены ключъ отъ погреба, наливалъ изъ бочки бутылку вина и съ веселымъ видомъ ставилъ ее на столъ. Медленно и съ наслажденіемъ распивали это вино, толкуя о своихъ ежедневныхъ работахъ, о будущей жатвѣ и о цѣнѣ на хлѣбъ и сѣно.

Всѣ церковныя праздники въ этомъ семействѣ свято соблюдались и проводились съ благоговѣніемъ. Всѣ посты, назначенные церковью, строго выполнялись, и домъ честнаго поселянина никогда не возмущался горемъ и заботами, которыя такъ часто посѣщаютъ жилища богачей. Въ назначенный день, онъ вносилъ свои подати, платилъ оброкъ за землю; по воскресеньямъ, послѣ вечерни, онъ ходилъ играть въ кегли, и потому, во всей деревнѣ не было другаго крестьянина, котораго смѣхъ былъ бы такъ чистосердеченъ и веселость такъ не принужденна, какъ у Премона.

Съ лѣтами, Стефанъ и Юсифъ принимали отличительныя черты своихъ семействъ. У Стефана лицо было кроткое и умное, и изъ всѣхъ дѣтей, посѣщавшихъ школу, онъ скорѣе и лучше понималъ уроки учителя. Но за стѣнами школы, Стефанъ былъ слабъ и трусливъ; онъ скоро утомлялся на бѣгу и никогда не отваживался бороться съ своими сверстниками. У Юсифа лицо было большое и румяное; члены гибкіе, тѣло крѣпкое; онъ съ большимъ трудомъ могъ понимать объясненіе

какого-нибудь правила из синтаксиса или рѣшеніе простой арифметической задачи; за то, онъ былъ самый благородный и вѣрный товарищъ, всегда готовый дѣлить кусокъ своего хлѣба съ тѣмъ, кто забылъ свой завтракъ, или принять сторону слабѣйшаго. Часто нападали на его друга Стефана, и онъ тотчасъ выручалъ его; выставивъ свои маленькіе, сильные кулаки, онъ разгонялъ его неприятелей. Стефанъ благодарилъ его, бралъ его за руку и приводилъ къ своимъ родителямъ, которые набивали карманы маленькаго героя миндалямъ и кусками пироговъ.

I.

Когда Стефану исполнилось двѣнадцать лѣтъ, отецъ взялъ его изъ сейнской школы и рѣшился помѣстить въ высшее училище въ Понтарье.

— Я хочу, чтобъ сынъ мой прошелъ весь курсъ наукъ, говорилъ Финуа Премону: чтобъ онъ запылъ, со временемъ, какое-нибудь хорошее мѣсто въ Безансонѣ, и какъ знать, можетъ быть даже въ Парижѣ. Мальчикъ онъ не глупый, и если дѣло будетъ только за франкамп, чтобы ему открыть дорогу, такъ на лугахъ у меня довольно сѣна. Какъ ты думаешь объ этомъ, сосѣдь?

— Если ты спрашиваешь моего совѣта, отвѣчалъ прямодушный Премонъ: я отъ чистаго сердца готовъ тебѣ дать его. Слова нѣтъ, ты имѣешь средства отдать своего сына въ высшую школу, и можешь изъ него сдѣлать доктора или адвоката, но дѣло-то въ томъ, что нашему брату все что-то нѣтъ удачи, какъ я замѣчалъ, выводить своихъ дѣтей въ ученые. Дѣти, привыкнувъ жить по-городскому, забываютъ наше простое житье, и, вернувшись домой въ тонкомъ платьѣ, съ шляпой на-бекрень, хотятъ только шеголять, а не трудиться, работаютъ мало, а денегъ тратятъ много; да что еще всего хуже, начинаютъ поднимать носъ передъ своими родителями. Моя покойная мать, — дай Богъ ей царство небесное! — всегда говорила: «Гдѣ коза привязана, тамъ и должна шпать траву», это значитъ: кто родился крестьянномъ, тотъ долженъ и оста-

ваться крестьянномъ; а кто былъ воспитанъ въ домѣ мастера, тотъ долженъ стараться быть также мастеровымъ. И потому-то, любезный Финуа, если молодой парень хорошо умѣетъ копать, да мастерски пашетъ землю, по мнѣ, гораздо лучше всѣхъ этихъ шеголей, которые бойки только на словахъ, а боятся выйти въ поле, чтобъ не замарать своихъ сапоговъ. Коли Господь продлитъ мою жизнь, я научу своего Юсифа тому же, чему училъ и меня отецъ, и Богъ дастъ, онъ со временемъ будетъ такой же трудолюбивый и честный фермеръ.

Смышленный Финуа хорошо понималъ справедливость этихъ словъ, но честолюбіе разбогатѣвшаго крестьянина, мысль видѣть впоследствии своего сына на почетномъ мѣстѣ и желаніе заставить деревенскихъ жителей завидовать ему, увлекли его, взяли верхъ надъ всѣми разсужденіями, и Стефанъ ухѣлъ въ Понтарье. На прощаньи, онъ со слезами обилъ своего мнлаго Юсифа и долго оглядывался назадъ, чтобъ еще хоть разъ взглянуть на словые лѣса и колокольню своей родины.

На осенніе каникулы, Стефанъ пріѣхалъ домой, и первую мыслью его было бѣжать къ Юсифу. Онъ находилъ величайшее наслажденіе бродить съ своимъ другомъ по горамъ и долинамъ. Окрестности деревни Сейнь — богаты живописными мѣстностями, и эти-то мѣста восхищали взоръ ребенка, не умѣвшаго дать себѣ отчета въ инстинктивномъ своемъ чувствѣ. Когда Юсифъ кончалъ дневную свою работу, которую назначалъ ему отецъ, соразмѣрно съ его силами и возрастомъ, чтобы приучить его мало-по-малу къ тяжелымъ трудамъ земледѣльца, Стефанъ приходилъ за нимъ, и вмѣстѣ они отправлялись въ ту или другую сторону, какъ перелетныя птички. То они пробирались въ словые лѣса собирать сморчки и отыскивать птичьи гнѣзда, то, по берегамъ ручьевъ, ловили раковъ. Иногда они доходили до Морта, чтобы посидѣть на террасѣ, откуда открывается длинная, роскошная долина, усыпанная сельскими домиками, и со всѣхъ сторонъ обхваченная, какъ поясомъ, густымъ, величественнымъ лѣсомъ. Однажды, они дошли до Дубскихъ источниковъ и съ пзумленіемъ остановились передъ этимъ дивнымъ водопадомъ, клубящимся между скалъ. Чтобы понять всю красоту природы, всю прелесть ея, надобно вникнуть въ сердце и рассмотреть впечатлѣнія сельска-

го ребенка,—если только рассматривая ихъ, можно сохранить небесное ихъ благоуханіе. Когда послѣ долгаго, тяжелаго пути жизни, возвращаешься въ поля, въ лѣса, которыхъ усладительный видъ всегда носился передъ тобою, увя! туда приносишь уже съ собою воспоминаніе о всѣхъ бесполезныхъ опытахъ, приобрѣтенныхъ въ свѣтѣ, о несбыточныхъ, честолюбивыхъ планахъ, и о коварной дружбѣ. Приносишь съ собою то же сердце, исполненное любви, но это уже не та чистая, дѣвственная, свѣтлая любовь, которая не знала другой грозы, кромѣ грозы небесной, другаго холода, другаго зимнихъ дней, который дѣйствуетъ только на тѣло, но не проникаетъ въ душу. Возвратившись въ шалашъ горца, и сядя надъ развѣтвистой елью, ты знаешь, что тамъ невдалекѣ есть городъ, есть другой міръ, усѣянный скалами, въ которомъ бѣдное сердце страдаетъ и разбивается. Страніе забыть прошедшее выказываетъ страданіе большого ума, разочарованнаго воображенія. Въ шестѣ лѣсовъ, въ мелодическомъ журчаніи серебряныхъ струй, скользящихъ по утесамъ, какъ будто слышишь то голое существо, похищеннаго смертію, то ропотъ ненависти или глухой, отдаленный шумъ городовъ. Природа тогда не представляется намъ той улыбающейся, невинной дѣвой, которая въ глазахъ ланихъ казалась благоуханнымъ цвѣткомъ, восхищающимъ насъ и своею стройностію и ароматами. Это старая подруга, къ которой мы приходимъ высказать свои горести. Требуя утѣшеній, мы придаемъ ей свой скорбный языкъ; ища наслажденій въ ея неувядающей красотѣ, мы налагаемъ на нее печальный покровъ. То былъ рай нашей молодости, и мы обращаемъ ее въ гробницу нашего горестнаго опыта.

Напротивъ того дитя любитъ природою безъ смущенія и наслаждается всѣми ея дарами безъ боязни. Бездѣлка его веселитъ, бездѣлка его счастливитъ. Когда онъ бѣгаетъ, веселитъ утромъ, подъ деревьями огорода, по дорожкѣ холмовъ, можно сказать, что онъ самъ маленькій властелинъ всего, что зеленѣетъ на землѣ, что поетъ въ воздухѣ. Для него насѣкомое жужжитъ на муравѣ, бабочка кружится по кустамъ, василекъ раскрываетъ свой вѣнчикъ посреди зеленѣющихъ полей. Для него овсянка кокетливо прыгаетъ по берегамъ ручьевъ, и орелъ вѣетъ свое гнѣздо на вершинѣ самыхъ крутыхъ

утесовъ. Для него деревья гнутся осенью подъ тяжестью своихъ плодовъ и зима покрываетъ озера и рѣки льдомъ, который онъ бороздитъ съ криками радости. Счастливъ ребенокъ, который не знаетъ горизонта шире горизонта своей долины, и жилища богаче сельскаго дома своего отца. Ахъ! если бы онъ могъ долго, если не всегда, не знать роковаго соблазна и древа познанія!

Стефанъ и Іосифъ наслаждались, въ теченіе первыхъ канікулъ, этимъ счастіемъ дѣтскаго возраста, похожимъ на идеальную мелодію, которой, въ зрѣломъ возрастѣ, намъ не удается повторить, не испортивъ ее фальшивыми нотами. Но мало-помалу Стефанъ терялъ свою первобытную невинность, которую другъ его хранилъ во всей своей чистотѣ. На другой годъ онъ уже гордѣе сталъ обходиться съ своимъ вѣрнымъ другомъ, что очешъ удивляло добраго Іосифа, но онъ переносилъ это безъ ропота. На третій годъ, онъ уже чванлился знаніемъ греческаго и латинскаго языковъ; онъ получилъ нѣсколько наградъ; городской меръ обнялъ его передъ многочисленнымъ собраніемъ, вручая ему вѣнокъ, и директоръ училища при всѣхъ объявилъ, что Стефанъ Финуа первый ученикъ. Въ этотъ разъ, онъ холодно принялъ бѣднаго Іосифа, который прибѣжалъ къ нему, лишь только что узналъ о его пріѣздѣ, и который съ восхищеніемъ смотрѣлъ на его прекрасныя книги и красивыя дубовыя гирлянды. Стефана приглашали обѣдать къ нотаріусу, къ ширному судѣ кантона, и онъ началъ смотрѣть на себя, какъ на важное лицо въ обществѣ. Но когда, окончивъ курсъ наукъ въ Понтарлье, онъ отправился въ Безансонъ, чтобы слушать философію и приготовить къ экзамену на полученіе званія бакалавра, тогда уже совсѣмъ кончились пріятныя дѣтскія игры, прогулки по холмамъ и бѣганье въ запуски по долинѣ. Стефанъ пріѣхалъ на канікулы съ сыномъ того самаго банкира, у котораго землю обрабатывалъ его отецъ. Стефанъ съ такимъ восхищеніемъ гулялъ по деревнѣ съ этимъ богатымъ товарищемъ, что не узнавалъ никого и ни съ кѣмъ не кланялся. Прошло двѣ недѣли, какъ онъ возвратился въ Сейшъ, когда въ первый разъ, въ воскресенье, онъ встрѣтилъ Іосифа, который шелъ къ обѣднѣ. Іосифъ подошелъ къ нему нѣсколько принужденно, но съ улыбкой, и протянулъ ему руку.

— Здравствуй Стефанъ, сказалъ онъ: вотъ уже давно я собираюсь навѣстить тебя, но ты знаешь, что у насъ въ это время много работы, а ты часто не бываешь дома.

— Что это за мужикъ? спросилъ сынъ банкира, презрительно взглянувъ на грубую одежду Юсифа.

— Сынъ бѣднаго фермера, нашъ сосѣдъ, отвѣчалъ Стефанъ, краснѣя; потомъ поклонясь своему прежнему другу, съ видомъ покровительства, онъ прибавилъ: — Хорошо, хорошо, мой любезный, мы повидаемся въ другой разъ, и отошелъ прочь.

Юсифъ почувствовалъ, что сердце его сжалось, слезы капали съ рѣсницъ; и въ этотъ день, онъ напрасно пробовалъ пѣть въ хорѣ, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ уже нѣсколько лѣтъ. Онъ не могъ болѣе слѣдить за церковнымъ хоромъ, голосъ ему звѣнялъ.

Горестное чувство, объявившее душу Юсифа и причины котораго онъ не хотѣлъ открыть своему семейству, не смотря на всѣ старанія отца и матери узнать о внезапной перемѣнѣ въ ихъ сынѣ, испытали на себѣ и родители Стефана. Они сдѣлали большія пожертвованія для своего сына, потому-что между крестьянами Франшъ-Конте деньги очень рѣдки, и чтобы заплатить за ученье Стефана въ городскомъ пенсіонѣ надобно было продать много мышковъ хлѣба. Часто жена Финуа должна была отказываться отъ новаго платья или новаго чепчика, при мысли, что эти деньги съ большею пользою могутъ быть употреблены на сына; часто, побуждаемый тою же мыслью, и самъ Финуа колебался позвать своего старшаго друга къ обѣду. Супруги говорили иногда другъ другу о своей разсчетливости и утѣшали себя въ добровольномъ лишеніи блестящихъ мечтахъ о будущности своего сына. А этотъ сынъ, предметъ столькихъ попененій, столькихъ заботъ и столькихъ честолюбивыхъ надеждъ, обходился со своими родителями холодно и надменно. По возвращеніи своемъ, изъ Безансона, онъ уже явно выказывалъ свое неудовольствіе. Домъ родителей казался ему грязнымъ, пища грубою; онъ не хотѣлъ ѣсть за общимъ столомъ, за который, по деревенскому обычаю, садился и работникъ. Для него надо было накрывать особый столъ, и подавать лучшія кушанья, которыя готовили для другихъ только въ праздничные дни. Мать нарочно для него рѣза-

ла лучшихъ курицъ, сбывала свѣжее масло, всячески старалась приготовить для своего сына блюдо полакомѣе и съ безпокойствомъ ожидала, удостоить ли ея благородный сыночекъ одобрить ея деревенскую стряпню.

Общество богатого банкирскаго сына сдѣлало Стефана еще болѣе взыскательнымъ къ своему семейству. Онъ всегда имѣлъ предъ своими глазами образецъ молодаго человѣка, привычнаго къ роскоши и шегольству большого свѣта, и постыдное тщеславіе заглушило въ немъ чувство благодарности, сыновней нѣжности, и онъ какъ будто стыдился смиреннаго крова, подъ которымъ родился, и честныхъ людей, воспитавшихъ его въ потѣ лица.

По окончаніи наукъ, онъ не удостоился званія бакалавра, но такая неудача нисколько не огорчила его. Онъ приписывалъ это недоброжелательству экзаменаторовъ, и хвастался, что былъ жертвой несправедливости. Впрочемъ, по его словамъ, онъ и самъ добровольно отказывался продолжать, какъ сначала думалъ, курсъ медицины или правовѣдѣнія, потому-что должности врача или адвоката не доставили бы ему большихъ выгодъ, и не обезпечили бы вполне его существованія; онъ хотѣлъ вступить въ торговлю и уже видѣлъ себя главой значительнаго торговаго дома, имѣлъ уже лошадей, кареты, великолѣпный домъ въ городѣ и очаровательную дачу.

Для осуществленія этой прекрасной мечты, надобно было, чтобы отецъ высылалъ ему, въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ, нужную для прожитія въ городѣ сумму. Ему и на умъ не приходило освѣдомиться, въ состояніи ли его бѣдный отецъ сдѣлать для него это новое пожертвованіе, такъ самолюбіе овладѣло имъ и тщеславіе ослѣпило его. Онъ оставилъ родительскій домъ, спокойно взявъ послѣдній эку своего отца. Но самолюбивое, холодное сердце никогда не можетъ возбудить сочувствія къ себѣ, и потому, сестры Стефана, которыя прежде пугались одной мысли разлучиться съ нимъ на нѣсколько недѣль, въ этотъ разъ безъ сожалѣнія смотрѣли, какъ онъ отправлялся, и работники, которыхъ онъ ежeminутно оскорблялъ своею гордостью, веселѣе принялись за свою работу, когда онъ вышелъ за порогъ дома. Только отецъ и мать были безотчетно печальны.

II.

Проходили мѣсяцы, проходили годы.

Стефанъ не возвращался въ Сейнъ. Деревенскіе жители сначала справлялись объ немъ у его отца, но потомъ не стали и спрашивать, потому-что тонкое чувство горцевъ хорошо разгадало, что тамъ не все идетъ, какъ надо. И точно, Стефанъ, вступивъ въ торговлю, хотѣлъ жить какъ живутъ сыновья богатыхъ негодіантовъ, съ которыми онъ находилъ въ сношеніи. Ему захотѣлось имѣть лошадей, щегольскую квартиру, давать завтраки, устроить прогулки, и блистать между своими друзьями роскошью и щегольствомъ своего паряда. Безумное самолюбіе заставило его забыть состояніе своихъ родителей, и чтобы казаться богатымъ и щедрымъ, онъ безразсудно тратилъ въ одинъ вечеръ столько, сколько съ тяжкимъ трудомъ пріобрѣталось съ нѣсколькихъ десятинъ земли. Когда кошелекъ его пустѣлъ, онъ писалъ къ своему отцу длинныя письма, въ которыхъ съ самодовольствомъ перечислялъ все свои блестящія знакомства и все свои расходы. Бѣдный отецъ страдалъ въ глубинѣ души, представляя нѣсколько слабыхъ возраженій, и все-таки высмалывалъ требуемую сумму. Но такъ какъ просьбы о присылкѣ денегъ были слишкомъ часты, а доходъ съ обрабатываемыхъ земель не былъ достаточенъ для удовлетворенія ихъ, то старикъ Финуа долженъ былъ прибѣгать къ займамъ, за большіе проценты; онъ закладывалъ то поле, то лугъ; и съ грустію возвращался отъ нотаріуса.

Понаторъвъ нѣсколько въ торговлѣ, Стефанъ написалъ новое письмо, глубоко тронувшее сердца его родителей. Не для того онъ учился и не для того тратилъ столько денегъ, писалъ онъ, чтобы сдѣлаться простымъ приказникомъ какого-нибудь магазина. Онъ хотѣлъ быть главой торговаго дома, хотѣлъ производить обширные обороты, и уже нашелъ превосходное средство въ короткое время достигнуть исполненія своихъ желаній. Одинъ изъ его друзей изобрѣлъ машину для выдѣлки пробокъ и предложилъ ему быть участникомъ въ его изобрѣтеніи. Но для этого предпріятія необходима была

незначительная сумма—двадцать тысячъ франковъ, и Стефанъ просилъ своего отца ссудить его этою суммою, обѣщая въ скоромъ времени удесятенить ее, и изъ полученной прибыли купить хорошую землю въ долинѣ Мурто.

— Какъ ты думаешь, Марианна? сказалъ Финуа своей женѣ, взявъ письмо въ двадцатый разъ и надѣвая себѣ на носъ очки, чтобы снова прочесть его.

— Да, отвѣчала Марианна: этотъ ребенокъ стѣбитъ намъ уже очень дорого, и мы бы могли на эти деньги, которые употребили на него, купить нѣсколько десятинъ земли, или сдѣлать приданое его сестрамъ. Но все говорятъ, что Стефанъ очень умный мальчикъ, и такъ какъ онъ нѣсколько уже лѣтъ живетъ въ городѣ, такъ, вѣрно, лучше насъ знаетъ дѣла. Кажется, выдумка его не дурна, и намъ нельзя отказать ему въ просьбѣ.

— И я то же думаю, сказалъ Финуа. Но двадцать тысячъ франковъ, при другихъ моихъ долгахъ! Мы въ конецъ разоримся.

— Признаться, что это тяжело, но если Стефанъ нашъ разбогатеетъ, какъ онъ пишетъ, онъ возвратитъ намъ все; онъ купитъ здѣсь хорошее помѣстье, выдастъ замужъ своихъ сестеръ, ужъ, конечно, не за какихъ-нибудь мужиковъ, а тоже за свою братю, за господъ, и мы переедемъ жить въ городъ, вотъ какъ сдѣлалъ и Шовеньякъ изъ Мурто; у него вѣдь не Богъ знаетъ какое было имѣніе, а теперь, какъ расторговался, такъ видны, и балы задаетъ въ Безансонѣ, и префектъ и вся лучшая публика у него бываетъ.

— Все это хорошо, прекрасно, возразилъ Финуа, но двадцать тысячъ франковъ, да издержки на закладныя, да на то да на другое. Я знаю, чего это все стѣбитъ; не обдумавши, нельзя же рѣшиться на такое дѣло; этакъ, пожалуй, и послѣдняго куска лишнись. Вотъ посмотримъ, что надо будетъ сдѣлать, прибавилъ онъ, почесывая въ головѣ. Не худо бы, кажется, посоветоваться съ сосѣдомъ Премомъ. Онъ человекъ умный; многое видѣлъ на свѣтѣ; да онъ всегда меня бранилъ, что я не повелъ своего сына по той же дорогѣ, какъ онъ своего Юсіфа, что не сдѣлалъ его простымъ крестьяниномъ; а надо сказать правду, Юсіфъ славный молодецъ. Но можетъ-быть, Премонъ, съ своими старинными правилами, не умѣлъ понять настоящаго положенія Стефана. Впрочемъ, я подумаю.

Сколько ни думал легковѣрный отецъ, и все-таки не могъ отказать просьбѣ своего сына. И чтобы доставить требуемую имъ сумму, онъ долженъ былъ заложить и послѣднее свое имѣніе, и кромѣ того за ужасные для крестьянина проценты; потому-что въ горахъ Франшъ-Конте, какъ и въ другихъ французскихъ провинціяхъ, земля приносила только два, а много, два съ половиной процента, а Финуа платилъ почти шесть процентовъ, считая всѣ издержки по займу.

Открывъ родителямъ свои намѣренія, Стефанъ вполне былъ увѣренъ въ исполненіи своихъ плановъ и совершенно надѣялся на успѣхъ спекуляціи. Но по своему обыкновенному тщеславію, онъ не хотѣлъ выплутъ въ это дѣло поглубже и рассмотреть его со всѣхъ сторонъ. Лишь только получилъ присланныя отцомъ деньги, онъ, очертя голову, бросился на задуманное предпріятіе. Но во Франшъ-Конте люди не слишкомъ надки на новыя изобрѣтенія, и только послѣ зрѣлыхъ размышленій и продолжительныхъ опытовъ въ ихъ несомнѣнной пользѣ, они рѣшались принять какое бы ни было нововведеніе. Стефанъ и его товарищи большую часть своего капитала употребили только на первоначальное устройство своей фабрики; потомъ они съ жаромъ принялись за работу, какъ будто боялись, что не успеютъ удовлетворить всѣмъ заказамъ; но заказовъ ни отъ кого не было, а между тѣмъ деньги утекали, какъ вода между пальцевъ. Чтобы покрыть неожиданные расходы и уплатить долги по нѣкоторымъ срочнымъ обязательствамъ, необходимо было пересрочить заемныя письма и прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ средствамъ. Затѣмъ поступили на нихъ протесты, кредитъ упалъ, и наконецъ новыя фабриканты объявлены были несостоятельными. Чтобы спасти честь Стефана и удовлетворить заимодавцевъ, Финуа долженъ былъ продать всё, что онъ имѣлъ.

Если большія несчастія не подавятъ того, кто имъ подвергается, то придаютъ ему твердую рѣшимость и удивительную энергію. Финуа, узнавъ о бѣдственномъ положеніи своего сына, вдругъ почувствовалъ въ себѣ необыкновенную силу духа. Онъ не жаловался на несбыточность своихъ надеждъ, и не плакалъ. Онъ тотчасъ же отправился къ нотаріусу въ Морто и просилъ объявить о продажѣ съ публичнаго торгового всего своего имѣнія, которое еще уцѣлѣло отъ разоренія. Грустно бы-

ло смотрѣть на это семейство, судьбѣ котораго такъ многіе завидовали, когда оно, лишенное всего имущества, сидѣло въ одной комнаткѣ; мать и дочери плакали, отецъ, холодный и неподвижный, безъ ропота, не произнося ни слова, смотрѣлъ на эти развалины своего прежняго богатства. Сосѣди Финуа не хотѣли быть свидѣтелями горестнаго его положенія, и никто изъ нихъ не пришелъ на аукціонъ. Собралось лишь нѣсколько человекѣкъ изъ Морто да изъ окружающихъ деревень. Но это только увеличило несчастіе Финуа, который надѣялся на выгодную продажу, а между тѣмъ, при незначительномъ числѣ покупателей, всѣ вещи пошли почти за безцѣнокъ. Иосифъ, возвращаясь, въ полдень, съ сѣнокоса, увидѣлъ, у воротъ дома своего прежняго друга, толпу покупателей, занятыхъ своими покупками: одинъ осматривалъ шкафы, другой ощупывалъ теленка.

— Ахъ, бѣдный Стефанъ, сказалъ онъ, отворачивая голову отъ этого печальнаго зрѣнища: зачѣмъ ты вздумалъ оставить насъ? Какъ жаль, что я бѣденъ, и не могу помочь тебѣ! Съ стѣсненнымъ сердцемъ пошелъ онъ къ своему дому, и во весь тотъ день, былъ скученъ и не промолвилъ ни съ кѣмъ ни слова. Вечеромъ, когда домашніе его, собравшись въ кружокъ, разсуждали о слѣдствіяхъ продажи, онъ тихонько вошелъ въ домъ Финуа, и, взявъ его за руки, сказалъ ему: Не унывайте, земля не скупа для тѣхъ, кто умѣетъ обрабатывать ее; а если вамъ нужна будетъ помощь, во время сѣнокоса или сбора плодовъ, скажите только мнѣ.

— Благодарю тебя, любезный Иосифъ, вскричалъ Финуа, я хорошо знаю.... Но Иосифъ, тронутый до глубины души, былъ уже далеко.

III.

Продавъ свой домъ, Финуа поселился на фермѣ, принадлежавшей къ землѣ, которую онъ нанялъ у беззасонскаго бакабра. Эта бѣдная, полуразрушившаяся хижина безпрестанно напоминала ему о прежнемъ его удобномъ жилищѣ. Но онъ поступилъ, какъ слѣдовало честному человѣку, и былъ доволенъ. Никто не могъ укорить его долгомъ; а при прилѣжной работѣ,

и съ бережливостію, онъ былъ еще въ состояніи пропитывать свое семейство; но Финуа не столько заботился о себѣ, сколько о судьбѣ своего сына. Онъ убѣждалъ его прѣхать въ Сейнъ до прѣсканія новаго мѣста; но Стефанъ былъ слишкомъ гордъ; ему не хотѣлось показаться передъ своими земляками послѣ всѣхъ неудачъ, и онъ рѣшился остаться въ Безансонѣ. Бѣдный отецъ безпрестанно думалъ о немъ; шель ли онъ утромъ на поле, или садился вечеромъ въ кругу своей семьи, мысль о милонъ Стефанѣ нѣкогда не покидала его. Не меньше страдала и мать; не рѣдко дочери заставляли ее въ слезахъ; Стефанъ, чувствуя свою вину, оплакивая несчастіе своихъ родителей, часто писалъ къ нимъ, чтобы утѣшить и ободрить ихъ. Но письма и новые планы его не могли уже внушить имъ прежняго довѣрія. Горные жители Франшъ-Конте естественно не могутъ слишкомъ полагаться на невѣрное будущее. На югѣ, крестьянство проводитъ жизнь свою на открытомъ воздухѣ; онъ беззаботно бросаетъ свои семена въ землю, и, при благодатномъ климатѣ, спокойно ожидаетъ плода. Голубое свѣтлое небо, зеленѣющіе скаты горъ, слегка обработанные его руками, вселяютъ въ сердце невольную радость; а потому, онъ веселъ и спокоенъ. Навротивъ, сѣверный крестьянинъ, (а горы Франшъ-Конте ни чѣмъ не отличаются отъ сѣверныхъ странъ) обреченъ на тягостный и не всегда благодарный трудъ; весною, онъ боится, чтобы градъ или морозъ не уничтожилъ его будущей жатвы; зимою, заключенный въ своей хижинѣ, нѣкогда по цѣлымъ днямъ, онъ слышитъ только завываніе вѣтра и жалобный крикъ испуганной птицы, которая ищетъ себѣ убѣжища; потому-то умъ сѣвернаго крестьянина неопрометчивъ, лицо задумчиво, сердце твердо и благородно, но не воспримчиво. Если онъ поестъ или смѣется, такъ это въ слѣдствіе какого-нибудь минутнаго вдохновенія, въ слѣдствіе какой-нибудь особенной причины; совсѣмъ не таковъ житель юга, который веселится по врожденному чувству, по внутреннему побужденію. Не проходитъ дня, когда бы крестьянинъ въ гористыхъ частяхъ Франшъ-Конте не былъ занятъ какой-нибудь необходимой работой. Ему надо вспахать поле, позаботиться о кормѣ для скота, выполоть гряды, провести канавки для орошенія сѣнокосовъ, нарубить дровъ, нѣкогда съ опасностію жизни.

Даже зимою онъ не имѣетъ покоя. Въ это время онъ ѣздитъ

съ припасами на рынокъ, перевозить бревна. По вечерамъ, когда работы на открытомъ воздухѣ кончаются, мужчины дѣлаютъ дышла или починиваютъ свои земледѣльческія орудія, но и хозяйка не сидитъ сложа руки. Тамонія женщина напоминаетъ стихи Шиллера:

«Она благоразумно управляетъ своимъ домомъ, учитъ своихъ дочерей, журитъ сыновей. Трудолюбивыя ея руки безпрестанно заняты работой; любовью къ порядку она увеличиваетъ благосостояніе семейства; она уставляетъ свои шкафы хозяйственными припасами, веретено жужжитъ около ея самопрялки, и она наполняетъ чистые, какъ стекло, сундуки серебристою шерстью и бѣлымъ, какъ снѣгъ, льномъ; она соединяетъ полезное съ пріятнымъ, и никогда не знаетъ отдыха.»

Финуа уже около года жилъ въ своемъ новомъ жилищѣ, работая съ юношескимъ жаромъ; тѣлеснымъ утомленіемъ онъ старался побѣдить сердечныя заботы, беспокоившія его; въ разлукѣ съ Стефаномъ, лучшимъ утѣшеніемъ для него были строгое выполненіе своихъ тяжелыхъ обязанностей и посѣщенія Юсифа, который часто приходилъ бесѣдовать съ нимъ, и часто помогалъ ему съ благороднымъ безкорыстіемъ въ самыхъ трудныхъ работахъ. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Финуа получилъ письмо отъ сына, въ которомъ онъ открывалъ отцу новыя надежды на блестящую будущность. На этотъ разъ мечты Стефана основывались не на невѣрномъ предпріятіи, не на безразсудной спекуляціи. Ему предлагали руку единственной дочери богатого купца, которая приносила ему въ приданое не одну сотню тысячъ франковъ. Свадьба была уже рѣшена, и черезъ день или черезъ два назначено было бракосочетаніе. Стефанъ приглашалъ своихъ родителей присутствовать при его брачномъ торжествѣ, и обѣщалъ вкорѣ послѣ женитьбы прѣхать въ Сейнъ. Но это письмо, сообщавшее неожиданную новость, было пропикнуто какою-то грустію, не укрышеюся отъ пронзительности родительскаго сердца. Финуа тотчасъ пошелъ передать эту новость Юсифу, который принялъ ее съ большою радостію.

— Слава Богу, вскричалъ онъ, вотъ нашъ любезный Стефанъ вступаетъ на настоящую дорогу. Я также хочу жениться; мнѣ кажется, что жить съ женою гораздо лучше. Моя невѣста бѣдная крестьянка, но честная, смиренная, работающая дѣ-

вуха, и какъ я подумаю о себѣ, такъ, право, какъ-то и о Стефанѣ сердце больше радуется. Поѣзжайте, любезный Финуа, къ нему на свадьбу; за чѣмъ вамъ кручиниться о томъ, что онъ не совсѣмъ весело пишетъ въ своемъ письмѣ. Вѣдь дѣло извѣстное, какъ женишься, такъ все пойдетъ иначе, и нехота попризадуматься.

Финуа собрался и отправился въ Безансонъ, но онъ не могъ избавиться отъ того неопредѣленного безпокойства, которое не знаешь откуда приходитъ и не знаешь какъ исчезаетъ, которое омрачаетъ мысль какъ облако и разсѣвается какъ тѣнь. Страшное впечатлѣніе, которое упорно остается послѣ всѣхъ разсужденій, котораго не въ силахъ объяснить ни одинъ физиологъ; и оно возобновляется въ насъ такъ часто, что его нельзя считать случайнымъ явленіемъ, а надо поставить въ числѣ примѣчательныхъ и можетъ-быть самыхъ глубокихъ тайнъ въ жизни человѣка.

Прошло восемь дней. Медленно, опустивъ голову, шелъ Финуа домой.

— Что! вскричала жена, выбѣжавъ къ нему на встрѣчу. Что свадьба?

— Славная, богатая свадьба!

— Но что ты такъ говоришь! Ты какъ будто не доволенъ чѣмъ-то.

— Ступайте, принесите мнѣ камзолъ да колпакъ, сказалъ Финуа дочерямъ; и когда тѣ ушли, онъ сѣлъ возлѣ жены и началъ:—Бѣдная моя Маріанна, намъ приходится проститься съ нашимъ сыномъ.

— Господи, ты меня пугаешь! Что же съ нимъ случилось?

— А то случилось, что онъ на всю жизнь навязалъ себѣ на шею эхиду, которая и теперь ужъ попрекаетъ его своимъ приданымъ, и думаетъ водить его за носъ; а насъ, какъ нищихъ, она и знать не хочетъ.

— Ахъ, бѣдняга, бѣдняга! Что онъ сдѣлалъ!.... Да зачѣмъ ему было жениться на ней?

— За чѣмъ!.... Дѣла у него были очень плохи, а разбогатѣть хотѣлось,—жена-то у него точно богата.... Да что тутъ!.... Охъ, не приведи, Господи, еще такъ мучиться, какъ я помучился въ эти восемь дней!.... Жена Стефана обходилась со мной хуже, чѣмъ съ собакой!.... Да, конечно! по-

теряя мы своего сына. Жена не позволитъ ему и побывать здѣсь; она всѣхъ насъ честитъ неучами и скотами!.... А ѣхать опять къ нимъ, право, мочи нѣтъ.

Въ эту минуту послышались ружейные выстрѣлы и веселые крики.

— Что это такое? спросилъ Финуа.

— Это женится нашъ другъ Юсефъ, отвѣчала Маріанна. Онъ приходилъ звать насъ на свадьбу, и я обѣщала ему придти вмѣстѣ съ тобой; но теперь уже не то у меня и въ головѣ. Да, Юсефъ всегда уважалъ своихъ родителей, помогалъ имъ во всемъ. И вотъ теперь онъ счастливъ, и они счастливы имъ. Премонъ былъ умѣе насъ, онъ не вывелъ своего сына въ господѣ, и теперь онъ вѣрно жалѣетъ объ насъ.

Мужъ и жена молча подошли къ окну, посмотрѣть на свадебную церемонію. Впереди шли дружки, съ большими букетами въ рукахъ и съ дѣшными лентами на шляпахъ, и подружки невѣсты въ лучшихъ своихъ нарядахъ; за ними счастливый женихъ и его невѣста съ вѣнкомъ на головѣ; на скромномъ ея лицѣ и въ полуопущенныхъ взорахъ выражалась вся непорочность, вся доброта ея души; потомъ шли престарѣлые ихъ родители, которые, казалось, помолодѣли отъ счастья своихъ дѣтей. По обѣ стороны были пріятель и знакомые Юсефа и непрерывно стрѣляли изъ ружей; веселые крики дѣтей вторили каждому выстрѣлу. Все общество направлялось къ церкви, гдѣ пасторъ, прежде совершенія обряда, въ нѣсколькихъ простыхъ и трогательныхъ словахъ произнесъ отеческое наставленіе о супружескихъ обязанностяхъ и объ упованіи на Бога. Новобрачные пожали другъ другу руки, слушая эту кроткую рѣчь. Матери плакали, а Премонъ говорилъ своему сосѣду, что во всей безансонской епархіи не найдешь другаго священника, который бы говорилъ лучше ихъ пастора. Послѣ обѣдни, всѣ гости собрались въ домъ Юсефа. Столъ былъ накрытъ на гумнѣ, потому-что въ домѣ не было такой обширной комнаты, гдѣ бы всѣ гости могли помѣститься. Для этого торжественнаго дня, убили самаго жирнаго телянка, достали самый большой и лучшій окорокъ, приготовили толстыя сосиски, а Премонъ нарочно велѣлъ привезти съ Юры боченокъ превосходнаго вина. Самъ священникъ принялъ участіе въ этомъ праздникѣ, что дѣлало большую честь семейству Премона; за

то и оно было признательно за это особенное къ нему предпочтеніе: священникъ былъ припятъ при входѣ въ домъ съ величайшимъ радушіемъ и уваженіемъ. Зная за столомъ почетное мѣсто, между молодыми и матерью семейства, онъ прочиталъ молитву, которой съ благоговѣніемъ внимали все присутствующіе; по окончаніи обѣда, онъ обратился къ повобратнымъ и, сказавъ имъ приличное наставленіе, оставилъ пирующихъ, которые все до одного отъ души благодарили добраго пастыря за сдѣланную имъ честь. Только что онъ вышелъ за порогъ дома, Премонъ остановилъ его в тихонько что-то сказалъ ему.—Ну, хорошо, хорошо, отвѣчалъ священникъ, только безъ шума и не долго, я надѣюсь на тебя.—Будьте спокойны, батюшка, вскричалъ съ радостію фермеръ, я за то отвѣчаю; и весело вбѣжавъ на гумно, онъ вскричалъ:—Ну, дѣти, священникъ позволилъ, столъ прочь, скрипка впередъ. Эти слова пробѣжали по гостямъ, какъ электрическая искра. Въ одну минуту, столъ, составленный изъ еловыхъ досокъ, разобранный, гумно выметено, вычищено, вымыто, какъ паркетъ. Кочующій музыкантъ влѣзъ на бочку, скрипка завизжала, и пошла пляска. Премонъ, который, какъ будто, помолодѣлъ двадцатью годами, взялъ руку своей невестки; Марианну пригласилъ дружка; все ходили, кружились, припрыгивали, прихлопывали ногами; смотря на большихъ, и ребятишки плясали по-своему. Тутъ каждый веселился, какъ душой было угодно; все шутили, говорили, пѣли, хохотали. Но вотъ наступилъ вечеръ; Премонъ не хотѣлъ заслужить себѣ выговора отъ священника, и вдругъ все смолкло. Снова поставили столы, накрыли ужинъ. Въ знакъ изобилія, молодыхъ осыпали горохомъ, бобами, рожью, и послѣ того мать молодого ввела ихъ въ брачную комнату. Все трое, они встали на колѣни передъ образомъ Богоматери и долго молились.

IV.

Въ то время, какъ семейство Премона пировало съ гостями, празднуя счастливую свадьбу, бѣдный Финуа, сидя въ углу передъ огнемъ, печально припоминалъ все случаи по-

слѣднаго своего путешествія въ Безансонъ. До тѣхъ поръ, пока его поддерживала надежда, онъ чувствовалъ въ себѣ силу и безъ ропота переносилъ всѣ лишенія. Но теперь, когда онъ видѣлъ, что сынъ его погнѣнъ навсегда, онъ упалъ духомъ, и ослабѣлъ какъ дитя. Напрасно старался онъ ободрить себя, возродить въ себѣ новую мечту. Самая сладкая, самая дорогая мечта, мечта родительскаго сердца, которая была усладою его жизни, облегчала его труды, была утѣшеніемъ въ его несчастіи, исчезла въ немъ, и бѣдный отецъ день ото дня ослабѣвалъ какъ крѣпкій дубъ, лишенный своего сока, какъ стальная пружина, потрясенная сильнымъ ударомъ. Когда Юсифъ пришелъ къ нему съ своей молодою женой, несчастный отецъ лежалъ уже въ постелѣ. Докторъ, приглашенный изъ Морта, былъ человѣкъ искусный и опытный; онъ съ перваго взгляда увидѣлъ, что пациентъ его страдаетъ нравственною болѣзнію, и потому, прописавъ Финуа кое-какія успокоительныя средства, болѣе всего старался дѣйствовать на его душу.

— Вотъ видите, сказалъ онъ ему однажды вечеромъ, когда больному сдѣлалось лучше: вотъ видите, любезный другъ, я не осуждаю васъ, за ваши честолюбивые виды для блага вашего сына, хотя, по правдѣ сказать, я не люблю, когда молодые люди, наши земляки, покидаютъ мирную и скромную свою жизнь и бросаются въ вихрь большаго свѣта. Конечно, дѣти крестьянъ и ремесленниковъ не могутъ все быть крестьянами и ремесленниками; конечно, Богъ надѣляетъ умомъ и высокими дарованіями и ничтожнаго бѣдняка, точно также, какъ и человѣка богатаго и знатнаго,—и наши горы могутъ гордиться тѣмъ, что были мѣстомъ рожденія многихъ знаменитыхъ людей, которые изъ простыхъ поселенъ, собственными силами, сдѣлались или людьми государственными или великими учеными; но не надо легкомысленно увлекаться этими блестящими успѣхами. Слова нѣтъ, бывали счастливые примѣры, но не больше ли горестныхъ случаевъ? А если уже родители рѣшились вывести своего сына на эту скользкую и опасную дорогу, такъ непременно должны поддерживать его, должны стараться предохранять его отъ сумасбродныхъ заблужденій и глупаго тщеславія; должны безпрестанно напоминать ему объ его происхожденіи, и этимъ поддерживать въ немъ чувство

смиренія и любовь къ отеческому дому. Вы не правы тѣмъ, позволяете вамъ сказать, любезный мой другъ, что слишкомъ поспѣшно предались обольстительнымъ мечтамъ о счастіи вашего сына. Этими вы породили въ немъ самолюбіе, а ваша снисходительность поощряла его гордость. Въ то время, какъ онъ пріѣхалъ сюда изъ Понтарлье съ претензіями на барство, и вздумалъ презирать своихъ прежнихъ товарищей, свою деревню, и даже родителей своихъ, тотчасъ же бы и надо было снять съ него шегольской парадъ, надѣть снова прежнюю блузу и деревянные башмаки, да послать его вмѣстѣ съ работниками на поле, да и сказать ему: Послушай, мое дитя, ты еще ничего не значишь, достигнуть чего-нибудь ты можешь только работою и смиреніемъ, и не стѣнись, чтобы твои родители дѣлали столько пожертвованій для тебя, если ты уже забываешь мѣсто, въ которомъ родился, и честныхъ людей, въ кругу которыхъ ты провелъ первые лѣта твоей жизни... Но къ чему теперь говорить объ этомъ? Зло сдѣлано, и вы уже жестоко пострадали! Впрочемъ, вамъ непростительно предаваться горестному предчувствію о будущемъ. Вашъ сынъ теперь богатъ, онъ можетъ по-немногу уплачивать вамъ деньги, которыя вы истратили на него, и утѣшать васъ увѣреніями въ своей сыновней любви за всѣ ваши горести, которыхъ онъ былъ причиною. Вы говорите, что жена имъ управляетъ, что онъ несчастливъ: вѣрно, все будетъ гораздо лучше, чѣмъ вы думаете. Мало-по-малу онъ возьметъ въ свои руки власть; послѣ такихъ тяжелыхъ испытаній, онъ пріѣдетъ искать подлѣ васъ покоя своему сердцу, моральнаго наслажденія, которое только лишь находишь въ истинной дружбѣ. Напишите къ нему поосторожиѣе, понѣжиѣе; напомните ему о тѣхъ мирныхъ семейныхъ добродѣтеляхъ, о тѣхъ простыхъ и достойныхъ уваженія обязанностяхъ, образецъ которыхъ онъ видѣлъ въ вашемъ семействѣ; укажите ему впереди на мирное убѣжище, которое онъ можетъ имѣть въ кругу добрыхъ родителей и старыхъ друзей, въ покойной жизни въ нашихъ горахъ. Умъ его заблудился, но сердце, съ дѣтства напитанное правилами добродѣтели и благочестія, никогда не можетъ совершенно погрязнуть въ порокахъ. Будьте увѣрены, онъ воротится къ вамъ, можетъ-быть, печальнымъ, но эта печаль будетъ слѣдствіемъ спасительнаго раскаянія, слѣдствіемъ

горькаго опыта; и она поможетъ ему утвердиться въ стремленіи ко всему доброму и прекрасному.

Слова доктора были живительнымъ бальзамомъ для убитаго горестью Финуа. Сердце его снова освѣтилось отраднымъ лучомъ надежды; мечты его разцвѣтили будущность, представленную докторомъ; и онъ написалъ къ Стефану трогательное, убѣдительное письмо. Черезъ нѣсколько дней, Финуа получилъ отвѣтъ; и увы! этотъ отвѣтъ еще разъ разсѣялъ въ прахъ мечты несчастнаго отца. Стефанъ съ живостію благодарилъ своихъ родителей за то добро, за тѣ попеченія, которыми они осыпали его, и все письмо было проникнуто выраженіемъ нѣжной любви, глубокой привязанности къ нимъ. Но, по настоянію жены, онъ долженъ отправиться въ Италію; жена непремѣнно требовала этого, и даже не позволяла ему побывать на родицѣ, чтобы проститься съ родителями. Онъ уѣзжалъ на другой день, и думалъ, что они возвратятся въ Безансонъ не ранѣе года.

— Какъ! вскричалъ бѣдный отецъ, повертывая письмо его въ своихъ дрожащихъ рукахъ: онъ уѣхалъ... уѣхалъ изъ угорженія своей женѣ и не имѣлъ силы не послушаться ея, чтобы навѣстить своего отца, мать, сестеръ, и проститься со мною, ахъ, проститься навсегда!

Въ этотъ разъ, ни благоразумные совѣты доктора, ни религіозныя увѣщанія священника, ни нѣжныя рѣчи жены,—которая превозмогала свое собственное страданіе, чтобы облегчить страданія своего мужа,—не могли возстановить нравственной силы больнаго. Если стрѣла горести пропикаетъ въ душу мужчины, она глубоко впивается въ нее; женщины плачутъ и вздыхаютъ, мужчины молчатъ, борются и изнемогаютъ. Финуа прозвѣнъ былъ этой смертельной стрѣлою, и никакая человѣческая наука не въ состояніи была исторгнуть ее изъ его сердца: онъ томился, ослабѣвалъ и умеръ.

Между тѣмъ какъ его несли въ холодную могилу, жена Стефана, утомленная путешествіемъ по Италіи, возвращалась съ своимъ мужемъ во Францію. Стефанъ узналъ объ ужасной повости уже по пріѣздѣ въ Безансонъ, и впалъ въ отчаяніе. Онъ обвинялъ себя въ неблагодарности, проклиналъ себя, писалъ къ своей матери письма самыя трогательныя, и послалъ ей всѣ свои деньги. Напрасная помощь! богатствомъ не изцѣ-

лишь сердечныхъ ранъ. Одна слеза Стефана сдѣлала бы болѣе добра несчастной вдовѣ, чѣмъ всѣ земныя сокровища, но Стефанъ не пріѣзжалъ въ Сейнь; бѣдная женщина, лишившись мужа, говорила, что у ней нѣтъ болѣе и сына.

V.

— Я ѣду завтра въ Безансонъ, сказала ей однажды Иосифъ: и непременно навѣщу его, хоть, правду сказать, онъ очень грубо обошелся со мною, въ послѣдній разъ, какъ я видѣлся съ нимъ. Работы теперь у насъ, слава Богу! кончилась; хлѣбъ весь убралъ, картофель ужъ въ погребу. Жена у меня работала славно, и за то я хочу ее немного потѣшить, хочу показать ей городъ, и тамъ мы вмѣстѣ зайдемъ къ нашему старому пріятелю. Хоть онъ и богатъ теперь, да быть-можетъ еще не забылъ своего Иосифа.

— Ахъ! нѣтъ, не ты бѣдлецъ, милый Иосифъ, а онъ, отвѣчала Маріанна; онъ бѣденъ счастіемъ, а ты припѣваючи живешь съ своимъ батюшкой да матушкой, и горя никакого не знаешь. Да, сдѣлай милость, привези его ко мнѣ; я знаю, ему и самому, вѣрно, также тошно; онъ обидѣлъ насъ, много обидѣлъ, да что же? вѣдь все-таки онъ мнѣ сынъ, и я никогда не переставала его любить, онъ изъ головы не выходилъ у меня; пожалуйста же, уговори его пріѣхать къ намъ. Скажи ему, вѣдь здѣсь онъ родился, здѣсь игралъ, когда былъ ребенкомъ, здѣсь у него мать, сестры, здѣсь погребенъ его отецъ; пускай только пріѣдетъ, мы все забудемъ, сестры по-прежнему примутъ его, а мать, скажи, да что мать! мать, припомни, все горе его выплачетъ своими слезами.

— Ладно, ладно, отвѣчалъ Иосифъ, не говорите больше; такъ, я и самъ, пожалуй, заплачу; я непременно повидаюсь съ нимъ, и уговорю; а ужъ коли онъ заупрямится, такъ Богъ ему судья.

На другой день Иосифъ запрягъ свою лучшую лошадь въ легкую телѣжку, въ которую, для удобства своей Франциска, положилъ мѣшокъ овса; потомъ, взявъ въ руки возжи и посадивъ возлѣ себя свою молодую жену, разряженную въ пухъ,

ударилъ хлыстомъ своего Сѣрко, и поѣхалъ небольшой рысью; Франциска, въ первый разъ, въ свою жизнь, предпринимавшая такой дальній путь, безпрестанно оборачивалась назадъ, чтобы наглядѣться на свою родную Сейнь, какъ будто бы она увязала на край свѣта.

Однако ободрительныя слова мужа, новыя для нея мѣста, черезъ которыя они проѣзжали, скоро утишили въ ея душѣ безотчетное безпокойство, овладѣвшее ею при началѣ дороги. Франциска была одарена душою чистою и воспримчивою для всего прекраснаго, и потому, едва проѣхали они полмили, она уже смѣялась и пѣла, какъ ребенокъ. Иосифъ повернулъ по дорогѣ въ Морто. Доѣхавъ до подошвы горы Лавоттъ, онъ сошелъ съ телѣжки, чтобы не утомить своего Сѣрко. Франциска также вздумала пѣти пѣшкомъ, и проходя, по скату горы, она останавливалась каждую минуту, чтобы полюбоваться великолѣпною картиною, открывавшеюся передъ ея глазами.

— Иди дальше, говорилъ ей Иосифъ улыбаясь: какъ взойдешь на верхъ, такъ не-то еще увидишь.

Молодая женщина то опиралась на руку мужа, то наклонялась, чтобы сорвать послѣдній осенній цвѣтокъ, и потомъ снова догоняла свою телѣжку, которую Сѣрко тащилъ такъ весело и бодро, какъ будто самъ раздѣлялъ впечатлѣнія своихъ молодыхъ хозяевъ.

На вершинѣ горы Лавоттъ, Иосифъ остановилъ свою лошадь, чтобы дать ей отдохнуть, а Франциска съ безмолвнымъ изумленіемъ вперла свои взоры въ волшебную картину долины Морто, которая раскрывалась передъ нею во всей своей обширности и во всей своей прелести, съ многочисленными своими селами, высокими колокольнями, еловыми рощами, свѣтлыми ручьями, пересѣкающими ее по всѣмъ направленіямъ, и живописнымъ городомъ, господствующимъ надъ нею. — Ахъ! какъ здѣсь славно! какъ прекрасно! вскричала молодая женщина, и руки ея скрестились на груди; долго еще глаза ея упивались чудными картинами природы, потомъ съ восторгомъ остановились на мужѣ, и наконецъ, съ чистою молитвою, она подняла ихъ къ небу.

Свѣтскіе люди думаютъ, что только съ ихъ познаніями и

съ ихъ очиненнымъ вкусомъ, можно чувствовать красоты природы, а между тѣмъ часто истинное чувство встрѣчается въ сердцѣ простаго сына полей, который смотритъ, молчитъ и обнаруживаетъ свои чувства однимъ восклицаніемъ. Богъ не напрасно далъ лазурь неба, зелень лѣсовъ, зеркальныя озера бѣднымъ людямъ, которые проводятъ тамъ свою скромную и трудолюбивую жизнь, и поэты, приходящіе въ восторгъ отъ величественныхъ красотъ природы, понимаютъ, можетъ-быть, гораздо менѣе, чѣмъ крестьянинъ, который молча, съ самаго дѣтства, наблюдаетъ эти красоты. Почему столько бѣдныхъ семействъ, осужденныхъ на тяжкіе труды, на непрерывныя заботы, не хотятъ покинуть безплодную землю и дымныхъ своихъ хижинъ, и переселиться на землю болѣе плодородную, подъ теплое небо? не потому ли, что окружающая природа удерживаетъ ихъ какою-то непонятною для другихъ прелестью; въ лѣтніе дни, она покоряетъ ихъ себѣ своей пышной красотою, а зимою—своими грозными величіемъ.

Оставивъ за собою безплодную вершину Лавотта, Франциска съ радостію снова увидала неизмѣримые, величественные еловые лѣса, окружающіе деревню Фюанъ, и съ наслажденіемъ проѣзжала по прекрасной Авудрейской дорогѣ; но она вздрогнула отъ удивленія, когда, близъ Мора, предъ глазами ея, подъ горою развернулась зеленѣющая долина, по которой извиивается рѣка Дубъ, окаймленная справа виноградниками, а слѣва крутыми утесами; съ одной стороны, надъ рѣкою возвышается крѣпость Брежиль, съ другой длинныя стѣны безансонской цитадели.

Молодая чета вѣхала въ городъ уже при наступленіи ночи; барабаны и кларнеты возвѣщали часъ покоя, солдаты входили въ казармы, купцы заперли свои лавки; свѣтскіе люди возвращались съ прогулки. Вся эта суета, и самый видъ торговаго и военнаго города удивляли, почти пугали неопытную Франциску, и когда мужъ ея нанялъ комнату въ гостиницѣ, она съ радостію вползла въ нее, какъ испуганная птичка.

Съ ранняго утра, Иосифъ былъ уже на ногахъ.—Пойдемъ, Франциска, говорилъ онъ, пойдемъ, надо навѣстить Стефана, и постараться уговорить его пріѣхать въ Сейнь.

Франциска собралась не долго. Чтобы приличнѣе явить-

ся въ *большой свѣтъ*, она надѣла на себя всѣ свои лучшіе наряды: ситцевое платье, тюлевый чепчикъ, на плечи накинула небольшую шаль, шею обвязала розовой косыночкой, на груди повѣсила золотой крестикъ. Въ этомъ простомъ нарядѣ, который она надѣвала впрочемъ только въ большіе праздники, съ живымъ, свѣжимъ лицомъ, съ небесно-голубыми глазами, исполненными невинности, Франциска была прекрасна.

Супруги отправились къ большой улицѣ, гдѣ Стефанъ занималъ цѣлый домъ. Иосифъ позвонилъ въ колокольчикъ; никто не явился. Онъ позвонилъ въ другой разъ, гораздо сильнѣе; черезъ нѣсколько минутъ вышелъ слуга, потягиваясь и протирая себѣ глаза.

— Что за чортъ зовить такъ рано? спросилъ онъ грубо.

— Рано! вскричалъ Иосифъ, да въ это время мы, въ деревнѣ, покосилъ бы цѣлый стогъ сѣна. Рано! горожане, вѣрно, не знаютъ, когда бываетъ день?... А мнѣ бы нужно повидать господина Стефана Финуа. Скажите ему, что одинъ старый его пріятель, Иосифъ Премонъ изъ деревни Сейнь, спрашиваетъ его.

— Эхъ, почтенный, отвѣчалъ слуга, видно, что ты вовсе не знаешь, какъ живутъ въ городѣ. Баринъ встанетъ не раньше двѣнадцати; а впрочемъ, я и не думаю, чтобы онъ прінялъ васъ сегодня,—онъ нездоровъ.

— Нездоровъ! возразилъ Иосифъ съ безпокойствомъ, да вѣрно, онъ не такъ сильно боленъ, и можетъ повидаться съ старымъ товарищемъ; скажите, что я привезъ ему поклонъ отъ матери.

— Боленъ уже около трехъ недѣль, прибавилъ слуга, и докторъ, кажется, очень безпокоится; впрочемъ, я скажу ему, а не знаю, захочетъ ли онъ принять васъ. Придите часовъ въ одиннадцать.

— Проклятый городъ! проворчалъ Иосифъ, сходя съ лѣстницы; когда насъ навѣщаетъ другъ, такъ мы съ утра, во всякое время, рады принять его, и не прикажемъ слугѣ отослать его назадъ. Эхъ, то ли дѣло жить у насъ въ деревнѣ! Говоря такимъ образомъ, Иосифъ подалъ руку Францискѣ, которая, вовсе не зная городскихъ обычаевъ, сильно была поражена этимъ первымъ пріемомъ. Въ ожиданіи назначеннаго часа и для развлечения своей жены, Иосифъ повелъ ее по всѣмъ лучшимъ улицамъ.

цям Безансона, показалъ ей казармы, госпиталь, Гранвельскій дворець, обширное Шамарское гульбище, соборную церковь Святаго Иоанна и церковь Святаго Петра.

Въ одиннадцать часовъ, молодые люди снова подошли къ жилищу Стефана; тотъ же слуга встрѣтилъ ихъ, но уже не полюдѣтый, а въ богатой ливреѣ, потому-что дочь разбогатѣвшаго торговца старалась казаться дворянкой и хотѣла всему, что ее окружало, придать аристократическій видъ.

— Я докладывалъ о васъ баршну, но только что я произнесъ ваше имя, онъ весь поблѣднѣлъ: Кто вы такіе?

— Да я простой крестьянинъ, какъ видите.

— Простой крестьянинъ, проворчалъ слуга съ такимъ видомъ, какъ будто бы онъ хотѣлъ сказать: нѣтъ ли у васъ чего поважнѣе мнѣ открыть? Впрочемъ, прибавилъ онъ, какъ бы говоря самъ съ собою, это не мое дѣло; войдите, и подождите минуту въ этой комнатѣ, я доложу господину; онъ все еще очень страдаетъ. Съ этими словами онъ ушелъ.

Иосифъ и Франциска прошли черезъ столовую, уставленную шкапами красного дерева, въ которыхъ, сквозь стекляныя дверцы, блистали фарфоровыя вазы и груды серебряныхъ приборовъ. Изъ столовой они вошли въ залу, увѣшанную зеркалами, картинами, набитую, такъ сказать, различными предметами роскоши, которую, за немнѣнимъ пестрымъ изыскаго, старается блестящая денежная аристократія, чтобы польстить своему безтолковому чванству.

— Господи, сколько тутъ всякой всячины! какія богатыя вещи! вскричала Франциска, осматривая великолѣпную мебельровку комнаты. Вотъ подумаешь, сколько на свѣтѣ есть бѣдныхъ людей, у которыхъ нѣтъ и куска хлѣба, а другіе....

— Полно, полно, моя милая Франциска, прервалъ ее разсудительный Иосифъ, сквозь золото часто слезы льются. Повѣрь, кто тратитъ деньги на пустяки, а забываетъ бѣдныхъ, того Богъ не милуетъ. Вѣдь у насъ въ деревнѣ нѣтъ ни ковровъ, ни картинъ этихъ, а всё мы, слава Богу! здоровы и веселы, и ни одного нищаго не прогонимъ со двора....

Вошедшій слуга прервалъ разсужденіе Иосифа и сказалъ имъ, что господинъ Фипуа ихъ ожидаетъ. Молодые супруги были

введены въ изящно отдѣланную комнату, въ которой, сквозь зеленыя шелковыя занавѣски, разливался пріятный полусвѣтъ. Стефанъ, блѣдный, изможденный, съ грустнымъ взоромъ, лежалъ на диванѣ, закутавшись въ длинный бархатный халатъ. На столпкѣ возлѣ него стояли стеклянки и коробочки съ лекарствами. При входѣ Иосифа, онъ сдѣлалъ усиліе приподняться и подаль ему руку:—Ахъ, любезный Иосифъ, сказалъ онъ, какъ я виноватъ передъ тобою! Я забылъ, оставилъ тебя, и не смотря на то, ты столько заботился о моихъ родителяхъ, и теперь еще такъ добръ и великодушенъ ко мнѣ, что рѣшился навѣстить меня. Прости меня, я и безъ того уже жестоко наказанъ.

Потомъ обратившись къ Францискѣ, онъ прибавилъ:

— А это, вѣрно, жена твоя; по ея пріятному и благородному лицу, я узнаю нашу землячку. Да, милый Иосифъ, ты стоишь счастья, и надѣюсь, что ты будешь наслаждаться имъ. Сядьте оба возлѣ меня, чтобы я вволю могъ насмотрѣться на васъ. Ахъ, давно уже я не чувствовалъ въ себѣ такой сердечной пріятности! Открой немного занавѣски, сказалъ онъ, обратясь къ слугѣ, и оставь насъ.

Иосифъ и Франциска сѣли, одинъ по ту, другая по другую сторону дивана; они были въ сильномъ волненіи. Полусвѣтъ комнаты, цѣлая аптека лекарствъ, страданія больнаго, все это навѣвало на нихъ какую-то грусть, которой они не могли преодолѣть. Стефанъ и Иосифъ съ минуту смотрѣли другъ на друга, не говоря ни слова; они, казалось, припоминали свои прошлые годы. Молодая женщина сидѣла, опустивъ голову; она не могла произнести ни одного слова и была не въ состояніи дать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ.

Наконецъ, Иосифъ подвинулся къ своему прежнему товарищу, взялъ его руку и, въ сильномъ волненіи сжавъ ее въ своей рукѣ, сказалъ ему:—Въ такомъ прекрасномъ домѣ, при такомъ богатствѣ, и ты несчастливъ, любезный Стефанъ? У тебя, въ той комнатѣ, сколько серебра, какіе богатые столы, зеркала, шелковая постель,—вѣдь, знаешь, всякой позавидуетъ такому богатству,—и ужели всего этого мало еще для счастья человека?

— Ахъ, мой добрый Иосифъ! прервалъ больно слабый го-

лосомъ, за эти столы никогда не садятся съ такимъ удовольствіемъ, какое чувствуешь ты, когда, проработавши цѣлое утро, въ полдень приходишь домой и садншься хлѣбать свой картофельный супъ, и на этихъ шелковыхъ постеляхъ не спать такъ спокойно, какъ у васъ въ деревнѣ на пукѣ соломы. Богатство принесло мнѣ только печаль и страданія. Я не могу пользоваться удовольствіями, которыя оно доставляетъ мнѣ, и крайне жалѣю о томъ времени, когда я былъ такимъ, какъ и ты, простымъ, невѣстнымъ крестьяниномъ. Отецъ мой, можетъ-быть, проклялъ меня...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, вскричалъ Іосифъ.

— А онъ имѣлъ полное право сдѣлать это, потому-что я былъ жестокъ, неблагодаренъ передъ нимъ. Ослѣпленный тщеславіемъ, обольщенный обманчивыми призраками богатства, я все принесъ въ жертву страсти обогатиться. И вотъ, теперь я богатъ, а несчастіе, гораздо несчастіе послѣдняго нищаго, который ходить отъ одного дома къ другому, чтобы вымолить себѣ кусокъ хлѣба... Я женился на женщинѣ, которой не любилъ, которой не могъ любить, потому-что она старше меня двадцатью годами, а грубые ея недостатки такъ укоренились съ лѣтами, что нѣтъ никакого средства исправить ихъ. Какой-то страшный капризъ влекъ ее ко мнѣ, а золото обольстило меня, и я рѣшился на святотатственный союзъ, противъ котораго сильно возставало мое сердце, и котораго, конечно, не могъ благословить Богъ. Теперь капризъ ея прошелъ, и съ досады, что ей привелось испытать и выказать его передъ друзьями, она какъ будто старается заставить меня искупить свои раскаяніемъ ея необдуманную любовь, которую я внушилъ ей. Не проходило дня, чтобы она жестоко не оскорбила меня, или холоднымъ презрѣніемъ, или какою-нибудь грубою насмѣшкою. И все-таки я старался побѣдить ея злость ласками и послушаніемъ. Я не противорѣчалъ ея желаніямъ, уступалъ всѣмъ ея причудамъ; для нея я отказался исполнить просьбу отца, который такъ вѣжно упрасивалъ меня пріѣхать къ нему; для нея я бросилъ мать свою и сестеръ. И моя снисходительность ни сколько не трогала ее; напротивъ еще, она считала это обязанностію съ моей стороны, потому-что извлекала меня изъ нищеты, говорила она, и поставила въ числѣ самыхъ

богатыхъ гражданъ Безансона. Теперь я не имѣю болѣе ни силы, ни волн. Я не живу, а мучусь. Такъ-то небо караетъ меня за неблагодарность къ родителямъ.

Говоря эти слова, Стефанъ склонился головою на подушку и испустилъ изъ стѣсненной груди тяжелый, мучительный вздохъ.

— Не надо такъ крушиться, сказала Іосифъ. Если жена мучитъ только тебя, и нельзя ни чѣмъ ее исправить, такъ оставь ее, и поѣдемъ къ намъ въ Сейль. Тамъ ты будешь спокоенъ и найдешь прежнихъ своихъ друзей.

— Я думалъ объ этомъ, отвѣчалъ Стефанъ, нѣсколько разъ уже думалъ; и когда нынче утромъ мнѣ сказали о твоемъ приходѣ, я тотчасъ же рѣшился сообщить тебѣ о своемъ намъреніи; но мнѣ нельзя повернуть слишкомъ круто, надо напередъ поговорить съ женою, и приготовить ее мало-по-малу, безъ шума, безъ крика, къ этой разлукѣ.

Въ эту самую минуту, растворилась дверь и вошла госпожа Финуа. Это была женщина лѣтъ пятидесяти; по блѣдному лицу, узкимъ глазамъ и валамъ щекъ, можно было судить объ ея сварливомъ характерѣ, отъ котораго стѣлко терпѣлъ несчастный Стефанъ.

— Что это за люди? спросила она скороговоркой, бросивъ презрительный взглядъ на Іосифа и его жену.

— Это мои деревенскіе друзья, отвѣчалъ Стефанъ.

— Хорошо, я велю ихъ покормить въ кухнѣ.

— Въ кухнѣ! вскричалъ съ досадою Стефанъ; мой первый другъ, угѣшитель моего семейства и его милая жена будутъ обѣдать въ кухнѣ! Нѣтъ, сударыня, вы не равняете ихъ съ своей прислугой; и если Іосифъ вздумаетъ остаться у насъ обѣдать, такъ онъ сядетъ здѣсь, возлѣ меня.

— Фи, какая глупость! отвѣчала госпожа Финуа; я пришла навѣдаться о вашемъ здоровьѣ, и вижу, что сегодня вы очень спокойны; можете, сколько угодно, наслаждаться удовольствіемъ въ кругу вашихъ сейнскихъ знакомыхъ, вашихъ деревенскихъ друзей, я не помѣшаю вамъ, прибавила она съ язвительностію, выходя за дверь.

— Что, Іосифъ? сказала Стефанъ, когда она вышла.

Иосифъ покачалъ головою.

— Да, отвѣчалъ онъ, видно, что она своеправна, и мнѣ кажется, лучше тебѣ ѣхать въ Сейнъ, чѣмъ оставаться здѣсь.

— Я уже рѣшился; только повторю тебѣ, я не могу вдругъ собраться; ты видишь, я боленъ, а доктора грозятъ мнѣ аневрозмомъ. Мнѣ надо посоветоваться съ пими, какую я долженъ буду наблюдать діету въ деревнѣ. Не потрудишься ли ты приѣхать сюда недѣль черезъ двѣ?

— Изволь, я согласенъ. Телѣжка-то у меня хоть и не совсемъ удобна, да Стрѣко славная лошадь. Можно положиться на него, гдѣ нужно, онъ пойдетъ шагомъ, а гдѣ дорога получше, онъ и рысцою побѣжитъ. На случай, коли тебѣ будетъ тяжело, мы положимъ въ телѣжку пару подушекъ да одѣяло, а за остальное я отвѣчаю.

— По рукамъ, мой добрый Иосифъ, я надѣюсь на тебя, и будь увѣренъ, съ этой минуты, ты снова найдешь во мнѣ вѣрнаго и нѣжнаго друга.

— Ну, что объ этомъ толковать, что было, то прошло, какъ у насъ говорятъ. А теперь пока прощай, пора отправляться въ дорогу; надо скорѣе увѣдомить твою матушку, что ты приѣдешь. То-то она обрадуется этой вѣсточкѣ, славная женщина!

— Какъ! ты уже думаешь отправляться, а ничего не закупилъ и не выпилъ даже рюмки вина!

— Ничего мнѣ не надо; я видѣлъ тебя и дѣло кончено; мы сегодня хотимъ добраться до дому, такъ, чтобы не запоздать, нужно пораньше выѣхать. Прощай, любезный Стефанъ, потерпи, черезъ двѣ недѣли я буду здѣсь, и увѣрю тебя, ты снова весело заживешь. Ну, Франциска, прощайся съ нашимъ другомъ, да и поидемъ.

Франциска, взволнованная рассказомъ больного и появленіемъ госпожи Финуа, молча встала и подошла къ Стефану, который почтительно поцѣловалъ ее въ лобъ. Затѣмъ Иосифъ, взявъ за руку свою жену, вышелъ изъ комнаты, утирая кулакомъ выкатившуюся слезу.

— Что ты теперь думаешь о счастіи богачей? спросилъ Иосифъ Франциску, когда они удалились отъ дому Стефана.

— Чай, не всѣ же богатые такъ несчастны, какъ господня Финуа, отвѣчала молодая женщина. Но, кажется, мнѣ еще никогда такъ не правилась наша сейнская ферма и наши поля, какъ теперь.

VI.

Въ назначенный день, Иосифъ, вѣрный своему слову, былъ уже въ Безансонѣ. Болѣзнь Стефана еще болѣе усилилась; доктора, всѣ единогласно соглашались, что горный воздухъ могъ бы произвести спасительное дѣйствіе на здоровье Стефана, опасались только, чтобы дальнее путешествіе въ добавокъ не разстроило его. Но Стефанъ настоялъ на отъѣздѣ.

— Все устроилось, какъ нельзя лучше, сказалъ онъ Иосифу, жена согласилась разойтись со мною, и вчера отправилась въ деревню, чтобы предоставить мнѣ полную свободу. Если я буду медлить отъѣздомъ, она можетъ переменить намѣреніе, возвратиться сюда, и тогда снова пойдетъ кутерьма; а я уже не въ состояніи болѣе переносить ея капризы. Отправимся же скорѣе, пока ничто не мѣшаетъ.

— Отправимся, отвѣчалъ Иосифъ; мы поѣдемъ тихонько, и тебя не будетъ беспокоить тряска.

— Поѣдемъ черезъ Понтарье, если тебѣ не будетъ большаго труда сдѣлать этотъ кругъ; мнѣ хочется еще разъ взглянуть на тѣ мѣста, гдѣ я провелъ счастливые годы, сказалъ Стефанъ.

— Пожалуй, и черезъ Понтарье.

Съ этими словами, Иосифъ взялъ одною рукою своего друга и свелъ, или лучше снесъ его съ лѣстницы, потому-что Стефанъ былъ такъ слабъ, что едва могъ ходить. Иосифъ усадилъ его въ свою телѣжку, обложилъ подушками, закрылъ одѣяломъ, и отправился въ дорогу.

Путешествіе было медленно и скучно. Иосифъ большею частію шелъ возлѣ лошади, чтобы она не перемѣняла шага; гдѣ

дорога была слишком выбита колесами, онъ бралъ лошадь за узду и выводилъ ее на гладкое мѣсто, чтобы не растрепать больного. Иногда онъ садился возлѣ Стефана и старался воодушевить его, представлялъ ему спокойную деревенскую жизнь, выхвалялъ здоровый воздухъ горъ, ободрялъ его ласковымъ приемомъ, какой сдѣлаютъ ему и родные и всѣ знакомые. Стефанъ слушалъ его съ поникшею головою, съ растерзаннымъ сердцемъ, и отвѣчалъ на его слова только печальною улыбкою. Его положеніе, звукъ голоса, выраженіе глазъ, все показывало въ немъ челоуѣка убитаго глубокою горестью; Юсифъ иногда съ ужасомъ смотрѣлъ на него и быстро отворачивался, чтобы скрыть свои слезы.

Къ ночи, наши друзья прибыли въ Понтарье. Стефанъ ожилъ при видѣ этого города, въ которомъ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ своего дѣтства, и просилъ Юсифа остановиться въ гостинницѣ Пильо, гдѣ отецъ его обѣдалъ съ нимъ каждый разъ, когда прѣзжалъ къ нему во время его ученія въ здѣшней школѣ.

Стефана вынесли изъ телѣжки и положили въ постель; ничто не было забыто, чтобы доставить ему спокойный ночлегъ; на ночь приставили къ нему служанку, потому-что всѣхъ ужасала его блѣдность и слабость. На утро, Стефанъ вдругъ почувствовалъ себя гораздо лучше; онъ всталъ съ постели самъ собою, позвалъ Юсифа и просилъ его тотчасъ же отправиться въ дорогу. Тотъ съ радости отъ такой быстрой и незапной переменны, бросился скорѣе въ конюшню запрягать своего Сѣрка.

Но едва они доѣхали до деревеньки Арсонъ, какъ бѣдный Стефанъ снова упалъ на подушки; тѣло его ослабло, члены вытянулись, одна только мысль его сохранила еще остатокъ жизни, и онъ напрягалъ послѣднія силы, чтобы напомнить себѣ и Юсифу, терпѣливо слушавшему его, о дорогомъ минувшемъ.

— Вотъ, говорилъ онъ, деревенька Арсонъ, съ своей пѣпистой рѣкою и шумящими мельницами; я останавливался въ ней каждый разъ, когда ѣхалъ домой на канчулы.

Помолчавъ немного, онъ продолжалъ:

— Вотъ кожевенный заводъ почтеннаго Пурше, который не даромъ прозванъ вѣкъ и не мало сдѣлалъ добра бѣднымъ людямъ нашего кантона. Онъ помогалъ нуждающимся работникамъ, и никто, кому была нужда, не уходилъ отъ него безъ

денегъ, а онъ и слышать не хотѣлъ ни о роспискахъ, ни о процентахъ.

— Вотъ, говорилъ Стефанъ, продолжая свой путь и съ радостію собирая въ своею умѣ всѣ пріятныя воспоминанія юношескихъ лѣтъ, вотъ Монбенуа, съ своею старинною, прекрасною церковью, и замокъ генерала Морана, одного изъ знаменитѣйшихъ вождей имперіи; вотъ Виль-дю-Понъ и живописный утесъ Эле.

— Не говори, не говори, прерывалъ его Юсифъ, это измучитъ тебя; вѣдь ты знаешь, докторъ велѣлъ тебѣ беречь грудь и больше молчать.

Но Стефанъ былъ глухъ къ словамъ своего друга и продолжалъ по-прежнему указывать на тѣ мѣста, черезъ которыя проѣзжалъ, и восхвѣтать въ своею умѣ тѣ воспоминанія, которыя были связаны съ ними.

— Ахъ, вскричалъ онъ, вотъ деревня Гранконбъ, гдѣ такъ часто мы гуляли и бѣгали съ тобою, Юсифъ, когда были дѣтьми. Скоро увидимъ и Сейнь. Боже мой, пошли мнѣ сплу доѣхать туда.

Прознося эти слова, Стефанъ положилъ руку на сердце, какъ бы хотѣлъ отыскать въ немъ послѣднія силы. Юсифъ слушалъ своего друга и съ болѣзненнымъ безпокойствомъ смотрѣлъ на него; потому-что легко было замѣтить, что живость его разговора проходила отъ напряженнаго воодушевленія, и здоровье его было въ самомъ плохомъ состояніи.

Послѣ взятія своего сердца, больной упалъ на подушки, но черезъ нѣсколько времени, онъ быстро привсталъ, какъ будто возбужденный сплнымъ токомъ электричества:

— Стой, стой, мой любезный Юсифъ, вскричалъ онъ, видишь ли ты долину, что открывается тамъ, передо мною, словый лѣсъ, и при опушкѣ лѣса церкви, дома, видишь ли, направо, въ какомъ-то туманѣ?...

— Это Сейнь, прошепталъ Юсифъ, который видѣлъ туманъ только въ помутвившихся глазахъ своего друга.

— Сейнь! Ахъ моя милая родина я забылъ тебя! мои несчастные родители! Дай руку, руку, Юсифъ, гдѣ я, я ничего не вижу.... дай руку.... ахъ, я чувствую ее!... благодарю, благо-

дарю тебя... да благословить тебя Богъ.... добрый мой Иосифъ.... бѣдная моя матушка....

И голосъ его замеръ на поспѣвшихъ устахъ, двѣ крупныя слезы выступили на закрытыхъ рѣсницахъ. Испуганный Иосифъ вскочилъ на телѣжку, взялъ его къ себѣ на руки и старался привести въ чувство; но всѣ усилія были напрасны: Стефанъ уже не существовалъ.

Науки и Художества.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЛАПЛАНДІЮ.

Адалъберта де-Бомона.

Послѣ довольно продолжительнаго путешествія по Даніи и Швеціи, я пріѣхалъ, около 15 іюня, въ Торнео. Городъ этотъ находится у Ботническаго залива, при устьѣ рѣки Торнео. Онъ былъ построенъ въ 1602 году, по приказанію Карла IX, перваго шведскаго короля, который посѣтилъ тамошній край, съ цѣлію полюбоваться любопытнымъ зрѣлищемъ незаходящаго солнца.

Торнео былъ прежде столицею шведской Лапландіи, а съ 1815 года, когда Финляндія и половина Лапландіи перешли во власть Россіи, Торнео сдѣлался главнымъ городомъ Лапландіи Русской.

На берегу шведскомъ, напротивъ города Торнео, воздвигается новый городъ, *Гапаренда*. Онъ состоитъ только изъ двадцати разбѣянныхъ домовъ, и составляетъ какъ бы предмѣстіе, отдѣленное теперь отъ главнаго города разностью правительствъ.

Я остановился въ Гапарендѣ, въ самомъ лучшемъ домѣ, чтобы нѣсколько дней отдохнуть и собрать силы для дальнѣйшихъ развѣздовъ, которые особенно затрудняются болотами, водопадами, порогами и мошками, болно кусающимися. Последнія составляютъ истинную язву земли лапландской.

Здѣшніе купцы довольно богаты товарамъ, и у нихъ можно найти все, что нужно, по части одежды и свѣтлыхъ припасовъ, для путешествія во внутреннія страны. Правда, что тамъ центръ торговли Лапландіи и Финляндіи со Швеціей; тамъ, въ продолженіе зимы, бывають большія ярмарки, на которыя лапландцы прїѣзжаютъ изъ глубины ледяныхъ своихъ пустынь, для размѣна оленьихъ кожъ, мяса, сухой рыбы и мѣховъ черныхъ, желтыхъ и голубыхъ лисицъ, на табакъ, водку, шерсть, и охотничьи припасы; однимъ словомъ, на произведенія просвѣщенныхъ странъ, которыхъ недостаетъ на ихъ родинѣ, гдѣ климатъ не позволяетъ жителямъ заниматься другой промышленностію, кромѣ охоты и рыбной ловли. Этотъ маленькій городъ, уединенный въ полярныхъ странахъ, составляетъ послѣднюю границу просвѣщеннаго свѣта. Торнео состоитъ изъ восьмидесяти деревянныхъ домовъ; въ немъ восемь-сотъ жителей. Считають отсюда до Стокгольма двѣсти сорокъшесть миль, а до Парижа шесть-сотъ. Находясь подъ 21-мъ градусомъ 52 мин. долготы и 65-мъ градусомъ 59 мин. сѣверной широты, Гапаренда и Торнео составляютъ самые сѣверные города въ Европѣ.

Изъ Гапаренды можно обозрѣть наилучшимъ образомъ мѣстность удивительной страны, гдѣ находится Торнео. Представите себѣ широкую рѣку, текущую по ложу безъ береговъ: ея тишина и прозрачность тѣмъ болѣе удивляютъ, что слышшь сильный шумъ ея водъ, и не понимаешь, отъ чего онъ происходить. Но если вы подниметесь нѣсколько миль по рѣкѣ, до тѣхъ мѣстъ, гдѣ она течетъ между живописныхъ горъ темно-фіолетоваго цвѣта, тогда вы узнаете причину ея шума, увидѣвъ и услышавъ вблизи пороги и водопады, возмущающіе ея теченіе.

Посреди рѣки, на маленькомъ островѣ Свентзаръ, который раздѣляетъ ее на два рукава, возвышается городъ Торнео; почти все дома его выкрашены красной краской. Среди ихъ видна церковь съ остроконечнымъ шпилемъ. Видъ города, окруженнаго со всехъ сторонъ водою, очень оригиналенъ. Солнце, которое въ это время года закатывается на мигъ за горизонтъ, проливаетъ на этотъ ландшафтъ блѣдный цвѣтъ, придающій

ему удивительную прелесть. Осенью, напротивъ того, и въ продолженіе зимы, дня не бываетъ въ здѣшнихъ странахъ; но въ зимѣ его, на небѣ появляются сильныя, сѣверныя сіянія, которыя нѣсколько замѣняютъ свѣтъ солнца. Одинъ древній шведскій авторъ говоритъ:

«Въ Торнео видны волны свѣта, то желтыя, то бѣлыя, то сіяющія тысячами цвѣтовъ. Онѣ образуютъ надъ здѣшнимъ снѣжнымъ краемъ такую блестящую радугу, какой самое пыльное воображеніе создать не можетъ.»

Эти полярныя освѣщенія убавляютъ мрачность ночей, столь продолжительныхъ, но не уменьшаютъ ужасной жестокости зимы. Здѣсь, каждое семейство остается въ своемъ углу, у огня, въ домѣ своемъ, старательно запертомъ и изобильно снабженномъ свѣтлыми припасами и дровами на шесть или на семь мѣсяцевъ. Въ этихъ одностаяныхъ домахъ замѣчательна заботливость объ удобствахъ домашней жизни; это необходимо посреди природы, гдѣ въ такое продолжительное время морозный воздухъ почти нестерпимъ для дыханія. По неволѣ должно распорядиться такимъ образомъ, чтобъ можно было жить, не выходя изъ дому. Въ домахъ самыхъ простыхъ жителей, найдешь, сверхъ хозяйственной посуды и разныхъ орудій для домашнихъ издѣлій, скрипки, гитары, даже часто «фортепьяно». Финны любятъ музыку страстно, и не рѣдко вдругъ являются композиторы изъ класса людей самыхъ бѣдныхъ, безъ всякаго первоначальнаго образованія.

Съ ноября мѣсяца, льды и снѣга болѣе не таютъ, и только лишь въ маѣ, къ десятому или пятнадцатому числамъ, начинаются дожди и вскрываются рѣки; тогда вершины нѣкоторыхъ горъ, черныя и мрачныя, появляются изъ-подъ льдовъ, которые медленно таютъ отъ лучей солнца. Но, подъ этимъ холоднымъ поясомъ, лишь только зайдетъ солнце, холодъ снова воцаряется, такъ что, съ утра до вечера, ртуть въ термометрѣ проходитъ почти такое же пространство, какъ въ нашихъ странахъ со времени самыхъ сильныхъ жаровъ до самыхъ большихъ холодовъ. Въ январѣ 1840, термометръ Реомюра, который, въ замѣчательную зиму 1709 въ Парижѣ, опустился до 14 градусовъ,—что было необыкновеннымъ случаемъ,—упалъ здѣсь, почти до 40 градусовъ. Въ такое время, выйдя изъ дому, какъ разъ можно отморозить себѣ носъ. Въ продолженіе этихъ ужасныхъ зимнихъ холодовъ, глаза не могутъ сносить отраженія свѣта отъ

снѣга, не смотря на темноту, убавляющую яркость снѣжной бѣлизны. Путешественника одѣваются въ шубу, съ головы до ногъ, и надѣваютъ шапку, которая покрываетъ ихъ до плечъ; она имѣетъ два отверстія, въ которыя вставлены стекла изъ очковъ; безъ этой предусмотрительности можно потерять глаза.

Сильная жажда мучитъ здѣсь, какъ и въ степяхъ жаркаго пояса, и такъ какъ воды невозможно достать по причинѣ льда, который толщиной до восемнадцати футовъ, то принуждены бываютъ брать съ собою довольно большое количество водки; это единственный напитокъ, который, нося за пазухой, можно сохранить отъ замерзанія. Но часто случается, что когда поднесешь ко рту флажку, губы прилипаютъ къ ней, такъ что, оторвавъ ихъ, оставляешь часть кожи на флажкѣ.

Стекла окошекъ трескаются, если они не закрыты ставнями; и если голой рукой дотрогиваешься до желѣзныхъ или жестяныхъ наружныхъ ручекъ дверей, чувствуешь какъ будто обжогъ, какъ отъ раскаленнаго желѣза. Отворяете на минуту дверь, тотчасъ снаружи пахнетъ холодъ и превратитъ теплый комнатный воздухъ въ снѣгъ, который падаетъ вамъ на голову, какъ бы подъ открытымъ небомъ. Къ счастью, атмосфера тамъ почти всегда тиха; но когда поднимется вѣтръ, холодъ дѣлается нестерпимъ, и тѣ, которые выходятъ тогда на воздухъ, часто погибаютъ въ нѣсколько минутъ.

Виргилій, въ своихъ Георгикахъ, оставилъ намъ описаніе подобнаго холода, но какъ онъ не бываетъ такъ силенъ въ широтахъ имъ описанныхъ, ясно, что онъ только служилъ эхомъ преданій сѣвера.

18 июня, я оставилъ Торнео, чтобы обозрѣть Лапландію; здѣсь всякая дорога прекращается и начинается пустыня; здѣсь нѣтъ другаго пути, кромѣ теченія рѣкъ. Рѣка Торнео, сначала, раздѣляется большими островами на нѣсколько рукавовъ, потомъ все эти рукава сливаются въ одинъ обширный бассейнъ, поверхность котораго, тихая и прозрачная, представляетъ величественный видъ.

На берегу разбросано нѣсколько хижинъ; небо, украшенное отбѣсками, неизвѣстными въ нашихъ странахъ, придаетъ меланхолю этимъ мѣстамъ. Здѣсь водятся во множествѣ морскія птицы, которыя предпочитаютъ мѣста дикія и для нихъ пріятныя. Все маленькіе мысы, кажется, оживлены присутствіемъ птицъ, ихъ населяющихъ. Поднимаясь по рѣкѣ, вскорѣ входишь въ область

водопадовъ, шумъ которыхъ слышенъ на далекомъ разстояніи. Эти водопады впрочемъ образовались не отъ неожиданнаго измѣненія ложа рѣки, какъ, на-примѣръ, водопадъ Ніагарскій.

Пороги, встрѣчающіеся въ рѣкахъ Лапландіи, суть длинные покатости, которыя простираются иногда версты на три, и по которымъ сбѣгаетъ стремительно огромная масса воды гигантскихъ потоковъ. Подняться по этимъ порогамъ одно лишь средство: это облегчить лодки, и тянуть ихъ бичевою, то посреди рѣки, то между подводныхъ скалъ. Два или три лодочника ихъ тянутъ бичевою, идучи по берегу, въ то время какъ другіе, сидя въ нихъ, съ помощію длинныхъ шестовъ, служащихъ имъ рычагами, дѣлаютъ невѣроятныя усилія, чтобъ побѣдить сопротивленіе теченія, и обойти скалы.

Финны высоки ростомъ, сильны и красивы; когда они рѣшаются выйти изъ того состоянія равнодушія, въ которое ихъ повергаетъ климатъ страны, они могутъ лучше, чѣмъ другіе, выдержать самую сильную усталость. Они по справедливости слыгутъ искусными лодочниками; и гондольеры венеціанскіе, лодки которыхъ имѣютъ нѣкоторое сходство съ финскими, не имѣютъ столько пріятности въ движеніяхъ, и столько ловкости, какъ Финны. Они даже смѣлы до безразсудности, особливо можно судить объ ихъ смѣлости при спускѣ лодки по быстринѣ рѣкъ. Лодки, въ родѣ байдаръ, узки, длиноваты, и къ тому же имѣютъ носъ остроконечный, высоко поднятый, чтобы разрѣзывать волны. Длинной онѣ отъ восемнадцати до двадцати футовъ, а въ ширину до трехъ; работы простой, но прочной, и удивительно быстры на ходу. Онѣ плаваютъ безбоязненно и скользятъ въ проходахъ самыхъ опасныхъ; однимъ словомъ спускаются и поднимаются по водворотамъ не хуже рыбы.

Пройдя водопадъ Каттила, гдѣ находятся столбы, поставленные тому сто лѣтъ ученой комиссіей, чтобы означить границу полярнаго круга, доѣзжаешь до большого каскада *Ленъ-Паика*, что означаетъ, почти слово въ слово, *каскадъ старика-потока*. Это одинъ изъ самыхъ длинныхъ, самыхъ быстрыхъ, и самыхъ красивыхъ по тѣмъ видамъ, которые проѣзжаешь. Рѣка здѣсь перемѣнила названіе; вмѣсто Торнео, она называется *Муоніо-Елаъ*.

На высокихъ парпетахъ краснаго гранита, который окраиваетъ рѣку, возвышаются густые лѣса березъ и другихъ деревъ. Слои гранита, по которымъ скользятъ эта гигантская масса воды,

представляют каждую минуту неровности грунта, которая образуют каскады и ужасные водопады.

Посреди таких-то невбродно быстрых потоков маленькія лодки скачутъ по волнамъ, теряются изъ глазъ, которые за ними слѣдятъ, зарываются въ волны, какъ будто поглощенныя и утонувшія, и появляются снова. Плывущая байдара по этой обширной рѣкѣ кажется не болѣе соломенки, которую увлекаетъ теченіе потока. Кто же можетъ имѣть ловкость, силу и отважность управлять ладьями промежъ тысячи скалъ? Одинъ лишь житель сосѣдней деревни. Имя его Карлъ Ринна.

Онъ стоитъ на кормѣ, управляя небольшимъ весломъ, служащимъ ему вмѣсто руля. Глаза его устремлены на предлежащій путь; у него одна лишь мысль, обойти скалы то видима, то подводныя, объ которыхъ, при малѣйшей неловкости, ладья разбилась бы какъ стекло. За то взглядъ его удивительно вѣренъ, и по выраженію его блестящихъ зрачковъ, легко угадываешь грозную опасность. Я никогда не видалъ ничего замѣчательнѣе его энергическихъ тѣлодвиженій, его выразительныхъ глазъ и одушевленной физиономіи; потому-что въ эту минуту дѣло идетъ о жизни или смерти, и быстрота воды такъ сильна, что надо обдумывать скоро и безошибочно.

За то, когда я видѣлъ его въ дѣйствиіи, несмотря на видимую опасность, я не чувствовалъ ни малѣйшей боязни, и наслаждался удовольствіемъ наблюдать его. Направляя сперва свою лодку прямо на скалу, сильнымъ и некуснымъ ударомъ весла, вдругъ въ ту минуту, какъ она до нея уже почти дотрогивалась, онъ повертывалъ направо или налево, чтобы войти въ теченіе. Въ продолженіе этого стремленія, не чувствуешь ни малѣйшаго колебанія, какъ будто одна лишь рѣка течетъ, а вы стоите на одной точкѣ ея поверхности. Такимъ образомъ проплываютъ мило въ три или въ четыре минуты. Пробывъ этотъ страшный переходъ, въ которомъ впечатлѣнія ужаса смѣшались съ чувствомъ невыразимаго удовольствія, я пошелъ на возвышенную скалу, чтобы снять видъ въ то время, какъ Карлъ отправился искать нашу лодку съ клажей. Онъ вскорѣ появился посреди бушующихъ волнъ, и курилъ спокойно свою трубку, чтобы показать, какъ онъ былъ спокоенъ и увѣренъ въ своемъ дѣлѣ. Волосы его развѣвались по вѣтру, и руки были голы. Его бодрый, одушевленный видъ, выразившій увѣренность въ силѣ

и ловкости, казалось, повелѣвалъ грозною стихіей. Водопадъ *Иель-Паика* такъ извѣстенъ своей опасностью, что за переѣздъ его платится втрое дороже; всѣ, кому необходимо плыть по этой рѣкѣ, обращаются къ Карлу Ринну; для него это служитъ вѣрнымъ доходомъ. Въ Лапландіи, хорошо умѣть управлять лодками посреди быстрыхъ, есть талантъ, дающій тому, кто имъ обладаетъ, ту славу, то превосходство, какимъ пользуется самый смѣлый стрѣлокъ изъ лука въ Швейцаріи, или бойкій торреадоръ въ Андалузій.

Было поздно, когда мы пріѣхали въ маленькую деревню *Муоніониско*, состоящую изъ двѣнадцати деревянныхъ хижинъ и одной церкви. Это почти послѣдняя деревенька въ Лапландіи.

Высушивъ свое платье, отсырѣвшее отъ брызговъ водопадовъ, я вышелъ изъ чухонской хижины, гдѣ я остановился, чтобы итти осмотрѣть окрестности, и взглянуть на прекрасную мѣстность, въ которой находится эта деревня.

Я пошелъ до берега рѣки въ тихой меланхоліи, которая возбуждается всегда свѣтлою почвою, и расположился на вершинѣ плоской возвышенности, гдѣ возвышается деревенская церковь. Оттуда, открывается обширное зрѣлище, во всей величественной красотѣ при *полуночи солнцѣ*.

Прямо, разстилается обширный бассейнъ, образуемый рѣкою *Муоніо*. Острова, покрытые зеленью, расположенные полукруженіемъ, придаютъ удивительный видъ этому ландшафту; потому, на другомъ берегу, возвышается гора фиолетоваго цвѣта; это гора *Паиласъ*, которая находится на послѣднемъ планѣ перспективы. Было одиннадцать часовъ; это пора ночи и ночи необыкновенной: солнце во всемъ своемъ величіи разливало свѣтъ, безъ тенлоты и безъ лучей, во зеркалу водъ, которое его отражало со всѣмъ небеснымъ сводомъ. Маленькія лапландскія коро-вы, бѣлаго или сѣраго цвѣта, лежали на травѣ, съ открытыми глазами, и казалось перестали щипать траву, чтобы полюбоваться солнцемъ, которое, въ этотъ часъ, не утомляетъ болѣе глазъ ихъ, привыкшихъ къ такимъ длиннымъ ночамъ. Холмы, покрытые лѣсами, мрачно рисовались на небѣ, и такъ чисто отражались въ водѣ, какъ будто были и тамъ созданы самою природою. Наконецъ въ полночь солнце, казалось, остановилось на нѣсколько футовъ надъ цѣнью горъ, и тогда все сіяніе исчезло; оно имѣло огненный цвѣтъ; пурпуровыя полосы, предвѣщая утреннюю за-

рю, проливали блѣдно-розовый свѣтъ на весь этотъ ландшафтъ. Мало по малу огромныя массы черныхъ тучъ собрались со всѣхъ сторонъ, затмѣвая мѣстами небосклонъ, какъ будто для того, чтобы придать болѣе блеску освѣщеннымъ сторонамъ. Можно бы сказать, что то было свѣтлое полнолуиe, оцвѣченное блескомъ заходящаго солнца.

Тогда воцарилась глубокая тишина; настала вечерняя прохлада; ни одинъ листъ не шелохнулся; не было слышно ни малѣйшаго шума, ни даже полета птицы. Все на землѣ дремало; въ первый разъ я видѣлъ, какъ сумерки и заря слились гармонически; это былъ день, долженствующій продлиться нѣсколько мѣсяцевъ.

На другой день мы продолжали нашу дорогу, то посреди водопадовъ, то пѣшкомъ, по зыбкимъ болотамъ, и всегда посреди облаковъ этихъ столь ужасныхъ мошекъ, что надо надѣвать маски, для предохраненія себя отъ ихъ укушенія. Мы запаслись нѣкотораго рода мѣшкомъ изъ газа, натянутаго на проволочку, который закрывалъ всю голову. Кромѣ того, мы не спалили съ рукъ перчатокъ, и, несмотря на то, эти мошки косясь, между швовъ, пахотили довольно пространства, чтобы пропустить свое жало, и когда ихъ сгоняли, на перчаткѣ оставались слѣды крови. Чтобы быть спокойно, необходимо нужно зажать носъ и сѣсть подъ дымомъ: это одно средство ихъ разогнать.

Финны, которые живутъ по берегамъ, покрываютъ иногда лицо и руки толстымъ слоемъ смолы; эти мириады безчисленныхъ насѣкомыхъ, которыхъ называютъ *алькаара*, прививаютъ вамъ нервическую лихорадку, которая оканчивается иногда бредомъ; въ этомъ состоянн конечно самая большая опасность подобнаго путешествія. Большая часть тѣхъ, которые предпринимаютъ его въ это время года, отказываются отъ него спустя нѣсколько дней; и Лапландцы сами, несколько не изнѣженные, уѣзжаютъ на три мѣсяца, съ своими стадами оленей, на берега Ледовитаго моря, чтобы укрыться отъ преслѣдованнй этихъ опасныхъ насѣкомыхъ.

Мы миновали Карразувандо, центръ Лапландн, не встрѣтивъ ни одного Лапландца; вѣроятно, они уѣхали не задолго передъ тѣмъ, потому-что каждый день мы находили слѣды ихъ стоянокъ. Вмѣсто того, чтобы продолжать дорогу къ Каптокейно, уже опи-

санное путешественникомъ Асерби, мы рѣшилисе направить путь нашъ лѣвѣе, подымаясь по рѣкѣ *Комарно*, которая выходитъ изъ озера *Келлотти-Терви*, *Нулмака*, *Кивиреви* и *Клишесъ-Юре*; потомъ переѣхать цѣпь скандинавскихъ Альповъ черезъ ущелье *Лапа*, и пробраться наконецъ до залива *Линьенъ*, чтобы оттуда, берегами Ледовитаго моря ѣхать до Сѣвернаго мыса. Эта сторона Лапландн, менѣе плоская, чѣмъ другая, по ея географическому положенн, представляетъ болѣе прнятныя виды, во особенно насъ привлекала новость дороги, совершенно неизвѣстной до сихъ поръ.

Здѣсь страна совершенно измѣнила свой видъ; нѣтъ болѣе жилищъ, все такъ пустынно; здѣсь видны только пространства, покрытыя бѣлымъ мхомъ, и едва поднимающимися надъ землею деревьями; въ иныхъ мѣстахъ, онѣ составляютъ не проходимыя трущобы, или необъятныя равнины, покрытыя стоячей водой, изъ которой мѣстами выглядываютъ островки зелени, или голыя скалы; на послѣднне часто прилетаютъ отдыхать исландскнѣ фазаны. Подобныя картины природы безъизвѣстны въ другихъ странахъ. Снѣшейка, прекрасная маленькая птичка, которая вьетъ гнѣздо въ ивовыхъ кустарникахъ; красный спигирь, котораго по розовымъ перьямъ можно было бы принять за птицу скорѣе жаркихъ странъ, чѣмъ полярныхъ; воробей лапландскнй, арктическнй голубь, неисчислимыя стаи черныхъ утокъ съ розовыми лапками, зеленыя утки съ оранжевыми носиками, и тысячи птицъ другихъ родовъ, оживляютъ эти озера, населенныя также огромными лососями, щуками и бобрами, гораздо болѣе уважаемыми, чѣмъ Американскнѣ. Плыва по этимъ тихимъ, сонливымъ и почти застывшимъ отъ холода водамъ, въ одиннадцать часовъ, когда чувствовалась уже свѣжесть ночи, въ лодкѣ всѣ засыпали, кромѣ трехъ или четырехъ лодочниковъ, которые, изъ опасенн заснуть, пѣли попеременно тихимъ, заунывнымъ голосомъ, стансы новаго разнѣра. Модуляцн пѣнн была очень оригинальна, какъ будто вдохнутая тишиной неба и воды, мрачностью мѣстности и утомительнымъ трудомъ. Не слыхавъ, нельзя себя вообразить этого неправильнаго пѣнн, этой мечты, которая какъ будто навѣвалась съ другаго мнра, и растрогивала до слезъ.

Наконецъ, послѣ многихъ дней плаванн по тихимъ водамъ, озерамъ и водворотамъ, имѣя вмѣсто постели одну лишь оленью

кожу на сырой землѣ, питаюсь только утками и лососями, которыхъ мы убивали, а для прохладенія употребляя рѣчную воду и морошку, единственный плодъ, который находятъ въ этой безплодной странѣ, и который походитъ на землянику стеблемъ и цвѣтомъ, на малину видомъ, а вкусомъ не походитъ ни на что, потому-что не имѣетъ никакого; послѣ всѣхъ этихъ лишеній и утомленій, мы увидѣли, на берегахъ озера *Иуимака*, два шалаша, надъ которыми поднимались столбы дыма. Въ нихъ жило лапландское семейство съ стадомъ оленей, и занималось рыбной ловлей. *Коты* или лапландскіе шалаша, вышиной отъ шести до семи футовъ, и шириной около пятнадцати, строятся изъ стволовъ березъ, и покрываются вѣтвями деревъ, мохомъ и кусками холста; они имѣютъ видъ конуса, вершина котораго открыта и выпускаетъ дымъ. Эти *коты* очень небольшого пространства, однакожь въ нихъ помѣщаются многочисленныя семейства.

Необходимость, въ которой Лапландцы находятся мѣнять мѣсто своего пребыванія всякой разъ, когда мхи, которые служатъ пищей для оленей, всѣ съѣдены, или когда рыбная ловля истощилась, эта необходимость объясняетъ, почему хижины Лапландцевъ строятся такъ дурно и неудобно; Лапландцы строятъ свои жилища на скорую руку, и оставляютъ ихъ безъ сожалѣнія. Нужда заставляетъ ихъ быть кочующими.

Лапландцы обыкновенно коренасты, смуглы и имѣютъ характеръ племени монгольскаго, отъ котораго они, кажется, и происходятъ. Впрочемъ, въ нашествіе азіатскихъ народовъ на Европу, они удалились въ эти пустыни, гдѣ и искали жизни болѣе покойной, чѣмъ пріятной.

Ихъ одежда, изъ бѣлой или синей шерсти, разукрашена вышивками, и красными, желтыми и зелеными нашивками.

Они любятъ яркіе цвѣта, стекляшныя и разныя другія украшения. Неподнее платье такой же матеріи, какъ и верхнее, стянато тесемками на обуви изъ оленьей кожи; они носятъ волосы довольно длинныя, и часто трудно различить мужчинъ отъ женщинъ; такъ они сходны лицами и нарядомъ. Они огрубѣли отъ суровости климата, удлиненія и нищеты, въ которой живутъ; вообще они очень дурны собой; къ тому же, порокъ пьянства, занесенный торговыми людьми, которые даютъ имъ въ изобиліи водку, чтобы отъ нихъ получить безъ труда драгоценныя мѣха и стада оленей, губить ихъ, и подвергаетъ ихъ

опаснымъ болѣзнямъ. Однакожь, я встрѣчалъ молодыхъ людей пріятной наружности, съ выраженіемъ кроткимъ, меланхолическимъ.

Чѣмъ болѣе мы подвигались впередъ, тѣмъ сильнѣе чувствовали холодъ; не смотря на ярко-сіявшее солнце, снѣгъ покрывалъ еще мѣстами берега озера. Пловучіе льды мѣшали плаванію, и не смотря, что было уже июль, ни что здѣсь не предвѣщало весны. На этой вышинѣ, на полюсѣ, вся зелень исчезла, и крохотныя, искривленные деревья, были еще обнажены, какъ среди зимы. Каждую минуту, мы видѣли великіе снѣгды перехода Лапландцевъ и ихъ стада къ Ледовитому морю.

Мы находились при входѣ въ большое озеро *Кильписъ-Юуръ*, окруженное со всѣхъ сторонъ, исключая одной, высокою цѣною скандинавскихъ горъ. Тамъ, нашъ главный путешественникъ отказался идти далѣе, потому-что, говорилъ онъ, тогда было время таянія, когда всѣ потоки, устремляясь съ горъ, были въ самомъ большомъ разливѣ, и когда было очень опасно пуститься среди этихъ лавинъ, по неизвѣстной дорогѣ, которую онъ совершилъ только одинъ разъ.

Однакожь, при помощи денегъ, мы ему придали храбрости, и за двойную плату, онъ рѣшился сопровождать насъ.

По заключеніи условій, мы вошли наконецъ въ десять часовъ утра въ Кильписскій бассейнъ, который, въ это время года, былъ почти совсѣмъ еще замерзлымъ. Эта долина, гдѣ происходила цѣлая исторія превращеній горъ, есть общій резервуаръ всѣхъ снѣговъ окружныхъ вершинъ. Остроковечности, ихъ вѣчающія, пики, которыя ихъ украшаютъ своей близкой, какъ бы указываютъ откуда берется столько воды. Это озеро, пустынные берега его, груды льдинъ разнаго цвѣта, которыя безпорядочно возвышаются на его поверхности; окружающія озеро гранитныя крутыя стѣны, совершенно обнаженныя, растрескавшіяся; эта остроковечная скала, называемая *Паррасъ*, столь правильная, которая возвышается надъ нимъ; наконецъ вся цѣлость этой величавой пустыни, приводитъ въ восхищеніе и въ удивленіе. Все это выше всякаго сравненія, потому-что нигдѣ мои глаза не видали подобнаго зрѣлища.

Однакожь, мы плыли, по узкому каналу, между двумя ледяными стѣнами; каналъ суживался все болѣе и болѣе, и груды

льда, поднимаясь со всехъ сторонъ, преграждали дальнѣйшій путь. Отъ сильнаго жара безпрестанно обрывались большія громады, которыя низвергались съ ужаснымъ трескомъ. Мы были посреди морозовъ, подъ пылающимъ небомъ. Необходимость заставила насъ оставить лодки, и положить нашу поклажу на ледъ. Тогда, узнавъ что толпа Лапландцевъ со своими оленями и со своими сапями стояла въ соседнемъ проходѣ, съ четверть версты отсюда, мы послали пскоро одного изъ нашихъ людей, просить у нихъ помощи, чтобы переѣхать безъ затрудненій эту огромную ледяную равнину. Намъ необходимо было сберечь все наши силы, чтобы перейти цѣпь горъ, вышиной отъ шести до семи тысячъ футовъ, которая отдѣляла насъ отъ Ледовитаго моря.

Они скоро пріѣхали, и мы тотчасъ же отирались, одни пшкомъ, другіе въ этихъ полу-лодкахъ, которыя служатъ вмѣсто саней и называются по Лапландски *польке*.

Этотъ способъ путешествія очень неудобенъ; нужна большая привычка, чтобы сидѣть въ этихъ земноводныхъ каретахъ, построенныхъ для льда и снѣга, потому-что отъ острокопечнаго ихъ кила, удивительной легкости и быстроты, съ которой очень везетъ ихъ не разбирая дороги, они вертятся то направо, то на лѣво, а иногда и опрокидываются. Для избѣжанія этой опасности, ѣздокъ вооружается маленькой палкой съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, которою удерживается, чтобы прійти въ равновѣсіе и не вывалиться изъ саней. Олени одарены удивительною быстротою; когда они везутъ одного только человѣка, по гладкому и твердому снѣгу, то летятъ какъ птицы. Они легко пробѣгаютъ шесть миль въ часъ, и могутъ бѣжать такимъ образомъ въ теченіе семи или восьми часовъ сряду. У Лапландцевъ есть очень поэтическое выраженіе, чтобы означать пространство, которое очень пробѣгаетъ безъ отдыха: онъ можетъ въ одинъ день, говорятъ они, мѣнять три раза горизонтъ, то-есть, три раза соединить наибольшее пространство, какое человѣческой глазъ въ состояніи обхватить.

Лапландцы, на своихъ длинныхъ лыжахъ неслися по льду почти такъ же скоро, какъ и мы.

Проѣхавши первое озеро, мы спустились на второе; берега его казались еще отдаленнѣе, отъ тумана, который носился надъ льдомъ. Наконецъ, послѣ пятнадцати часовъ ѣзды, по ровной ледяной поверхности озера *Кильписъ-Луре*, мы достигли его оконеч-

ности. Это мѣсто находится подъ семидесятымъ градусомъ сѣверной широты.

Послѣ вкуснаго обѣда, мы начали подниматься по бѣлымъ, покрытымъ льдомъ горамъ, которыя возвышались передъ нами. Нашъ проводникъ направилъ путь на пикъ Паррасъ, который смѣло возвышается искривленнымъ конусомъ надъ всеми другими пиками. О томъ, сколько мы перенесли усталости и трудовъ, чтобы взобраться на эту вышину, было бы слишкомъ долго рассказывать. Довольно будетъ сказать, что мы должны были переправиться черезъ десять или двѣнадцать стремительныхъ потоковъ, погружаясь въ мерзлую воду до пояса; что въ продолженіе всего времени нашъ путь лежалъ по рыхлому снѣгу или глубокому болоту, и насъ преслѣдовали и кусали неспособные наѣкомыя, которыя отъ непогоды дѣлались еще злѣе. Наконецъ, послѣ многихъ трудовъ, мы достигли ущелья Лапа, котораго четыре-угольные, правильныя стѣны имѣютъ величественный видъ. Была тогда полночь, и солнце, разукрасивъ золотомъ и пурпуромъ эти скалы и эти лавины, придавало еще болѣе великолѣпія этой картинѣ. Послѣ минутнаго отдыха, мы добрались до послѣдней площадки горы, и отсюда, какъ будто на днѣ бездны, увидѣли Ледовитое море, походящее въ этомъ разстояніи на дно колодца. Это было начало мыса Линьенъ, къ которому мы направили шествіе наше.

По первымъ скатамъ, покрытымъ снѣгомъ, мы скользили съ удивительною быстротою; потомъ они исчезли, и скоро показались мхи, стелющіяся по землѣ растенія, которыя замѣнились потомъ роскошными прозрастеніями, давно уже нами не встрѣчаемыми. Высокіе и пушистые папоротники, душистый дягельникъ, котораго Лапландцы шнутъ съ такимъ сильнымъ желаніемъ; большіе колокольчики темно-краснаго цвѣта, и желтыя незабудки украшали эту роскошную долину, которая, при выходѣ изъ пустыни Лапландіи, намъ показалась совершеннымъ эдемомъ.

Пройдя ольховый и ясеневый лѣсъ, и потоки безмѣрной высоты, гдѣ мы подвергались опасностямъ, мы прибыли на берегъ залива, истомленные усталостью. Пройди сорокъ миль, посреди болотъ, снѣговъ, потоковъ и горъ, безъ сна и пищи, при нападкахъ всякаго рода, это было сверхъ силъ, и мы упали утомленные въ лодку, которая должна была насъ довести до соседняго жилища.

Лежа, на вѣтвахъ, на палубѣ лодки, качаемой лишь движеніемъ весель, — такъ море было тихо, — я любовался огненнымъ небомъ, какъ оно бываетъ при полуденномъ солнцѣ; съ каждой стороны поднимались огромныя стѣны, покрытыя блестящими льдами и испещренныя каскадами. Все это представлялось моимъ глазамъ, какъ декорація, которую иногда видишь во снѣ; по истеченіи нѣсколькихъ часовъ, лодка причалила къ берегу небольшого залива, на зеленѣющихъ берегахъ котораго красовалась прекрасная вилла, окруженная рощами и цвѣтами. Насъ принялъ человѣкъ лѣтъ около пятидесяти, одѣтый шеголевато; онъ намъ представилъ свою жену и своихъ дѣтей. Онъ пригласилъ насъ къ столу, который отличался парижскою роскошью: хрусталь, серебро, фарфоръ, бѣлыя саксонское, вина бордоскія, шампанское и мадера, вкусныя кушанья и сласти: это было настоящее волшебство! Послѣ обѣда, дочери хозяйина сѣли за фортепьяно; подали чай, и потомъ меня проводили въ прекрасную комнату, гдѣ я не замедлилъ лечь спать. Постель состояла изъ одного тюфяка, сдѣланнаго изъ мягкаго птичьяго пуха. Этотъ пухъ, зашитый въ мѣшкѣ изъ тонкой холстины, служить въ одно время одѣяломъ и тюфякомъ; въ него погружаешься какъ въ воду, и волны пуха васъ покрываютъ до головы. Неоцѣненная вещь въ этихъ ледяныхъ широтахъ!

Послѣ столькихъ бѣдствій, найти вдругъ такую роскошь, такое изобиліе и благосостояніе, было такъ поразительно, что я бредилъ всю ночь о волшебныхъ замкахъ и чудесахъ, идею о которыхъ пробудили во мнѣ это удивительное мѣстоположеніе, и этотъ неожиданный пріемъ. Впослѣдствіи я узналъ, что на этихъ берегахъ мѣстами имѣютъ пристанища норвежскіе negociанты, которые обогащаются торговлею мѣхомъ, сухою рыбою, ловлею китовъ, тюленей и птицъ. Нѣкоторыя способности, развитыя воспитаніемъ, при помощи денегъ и торговыхъ сношеній, имъ даютъ полную власть надъ бѣдными и рѣдкими жителями этихъ странъ, которые служатъ и ходятъ на ловлю и охоту, за то, что имъ даютъ темнаго табаку и водки.

Проведя два дня въ покой и изобиліи, мы продолжали нашъ путь къ Сѣверному мысу, останавливаясь у главныхъ торговцевъ, которые находятся на этихъ пустынныхъ берегахъ. Эти узкіе заливы, защищенные огромными скалами, видомъ также прекрасные какъ и цвѣтомъ, суть любимыя мѣста птицъ и рыбъ.

Бакланъ, лебедь, пингвины, утки и птицы другихъ родовъ, дѣлаютъ свои гнѣзда въ расщелинахъ этихъ развалинъ волшебныхъ палатъ, тогда какъ тюлени, киты, акулы, нерпы и осетры, находя въ глубинѣ водъ спокойное убѣжище, собираются здѣсь стадами. Каждую минуту, мы видѣли фонтаны китовъ и кашелотовъ, и ихъ черныя спины, служащія насѣстомъ всемъ морскимъ птицамъ, которыя знаютъ, что китъ выходитъ только на поверхность воды тогда лишь, когда онъ гоняется за стаями селедокъ, сардинокъ или макрелей.

Мы оставались три дня въ Гаммерфестѣ, маленькомъ городкѣ, состоящемъ изъ тридцати или сорока домовъ, недавно выстроенныхъ. Онъ находится близъ Сѣвернаго мыса, и есть послѣднее обитаемое мѣсто въ арктическихъ странахъ. Послѣ тягостной борьбы, потому-что вѣтеръ здѣсь почти всегда противный и несетъ лодки на опасныя скалы, мы прибыли къ Сѣверному мысу.

Эта оконечность земли, состоитъ изъ трехъ или четырехъ пиковъ, разтреснувшихся скалъ, величественнаго вида. Мы причалили къ небольшому мысу, и раскинувъ палатки подъ навѣсомъ скалъ, оторванныхъ отъ этихъ стѣнъ, пробирались посреди настоящего хаоса, чтобы добраться до вершины горы. Скоро представилось намъ узкое ущелье; потомъ, держась лѣвѣе, мы шли по крутымъ берегамъ скалъ, распавшихся на подобіе воронки, на днѣ которой лежитъ маленькое озеро въ мертвомъ спокойствіи. Нѣсколько искривленныхъ ивъ, исландскіе мхи разнаго рода и мизотисъ, этотъ нѣжный цвѣтокъ воспоминаній, растутъ одни лишь на этихъ замерзшихъ берегахъ. Оттуда пробираясь вдоль потока, который снабжаетъ этотъ бассейнъ, мы достигли до террасъ, покрывающихъ вершину скалъ.

Ужасный вѣтеръ царствуетъ постоянно на этихъ печальныхъ морскихъ берегахъ, которые покрыты густыми туманами; чтобы не заблудиться или не упасть въ пропасть, мы должны были возвратиться по прежней дорогѣ.

Многіе описывали лапландскія тундры; но кто не бывалъ въ этой ужасной пустынѣ, тотъ не можетъ имѣть объ нихъ настоящаго понятія. Въ пустыняхъ Африки, страдаешь отъ жажды, стараешь отъ солнца; но иногда находишь кое-гдѣ оазисъ, по временамъ встрѣчаешь караваны, и можно еще жить и дышать въ палаткѣ. Но здѣсь, ничего, ничего кромѣ вѣтра, камней и

тумана. Жизнь отсюда изгнана, и нигдѣ лучше нельзя понять конецъ міра, землю безъ жителей и безъ твореній. При такой картинѣ, душа объята печалью и уныніемъ.

=

Критика и Библиографія.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ПОМПЕИ, съ монографією *Везувіи* и очеркомъ *Геркуланума*, съ планами и пояснительными гравюрами. Соч. В. Классовскаго. С. Петербургъ. 1848 г. Во французской типографіи, въ 8 д. стр. 258.

Былъ народъ, который, расцвѣтши окончательнымъ цвѣтомъ—міровымъ вѣнцомъ—древняго человѣчества, развернувшись въ единовластіи надъ міромъ и, наконецъ, сошедши съ лица земли, остался какъ бы живъ для потомства въ своемъ универсальномъ завѣщаніи міру, т. е. въ своемъ подвигѣ политическомъ, въ своихъ падежтахъ, въ своихъ художествахъ, въ своемъ вѣчномъ Римѣ. Не слабостью мелкихъ умовъ человѣческихъ, но утѣшительнымъ знаменемъ тожества природы этихъ же мелкихъ умовъ съ какимъ-либо великимъ человѣкомъ является то обстоятельство, что малѣйшая, къ великому человѣку относящаяся бездѣлица такъ живо насъ интересуесть: въ этомъ чувствѣ выражается наше уваженіе къ величію, уваженіе, ставящее насъ самихъ подъ уровень этого величія. Равномѣрно, или еще болѣе, должны мы интересоваться пѣлымъ великимъ *народомъ*—величайшимъ, когда-либо существовавшимъ; доискиваться, въ исторіи его, всѣхъ сохранныхъ ею мелочей житейскихъ, дабы и въ мелочахъ изслѣдывать духъ народа. Исторія, въ этомъ отношеніи, сохраняетъ немногое для потомства; ежедневный бытъ, мелочная жизнь людскихъ поколѣній вмѣстѣ съ ними, почти безъ слѣда, погибають; по

немногимъ, случайно сохранившимся давнымъ, не воспроизведешь своимъ воображеніемъ этой домашней, будничной жизни минувшихъ временъ, во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ и подробностяхъ ея. Но именно въ этомъ самомъ отношеніи, только единожды въ теченіи и въ предѣлахъ исторіи, управлявшая древнимъ міромъ судьба, для такого исключительнаго народа, какой были Римляне, сдѣлала рѣзкое исключеніе, да и въ самую замѣчательную эпоху: въ двухлѣтнее царствованіе Тита, въ то самое царствованіе, въ тотъ же годъ, когда освѣщенъ былъ грандіознѣйшій памятникъ римской гражданственности—*Коллизей*— въ то же время схваченъ былъ врасплохъ и спрятанъ въ лоно земли значительный образецъ мелочной жизни римской, со всѣми ея особенностями, и явленъ потомству черезъ семнадцать вѣковъ, во всей животрепещущей сущности. Предметъ, означенный всемірнымъ интересомъ, и потому всякая книга о Помпѣѣ, о древне-римскомъ городѣ въ XIX вѣкѣ, манитъ наше любопытство. Многіе изъ нашихъ посѣтили Помпею; но весьма немногіе говорили о ней печатно: тѣмъ не ожиданнѣе было появленіе книги съ вышеозначеннымъ названіемъ. Рассмотримъ съ любовью это систематическое описаніе Помпеи, снабженное огромнымъ планомъ города и пятнадцатью гравюрами, къ нему относящимися— что всего пріятнѣе для тѣхъ, кто не былъ въ Помпѣѣ. Да и мы, бывшіе тамъ, съ удовольствіемъ смотримъ на эти гравюры, возбуждающія живѣе нашу память.

Подобный трудъ есть, въ сущности своей— компиляція, ибо непременно долженъ составляться изъ трудовъ тѣхъ ученыхъ, которые писали первые о Помпѣѣ и о новыхъ въ ней открытіяхъ. Поэтому, авторъ нашъ далъ своей системѣ большой просторъ, чтобы было гдѣ разгулять и собственную ученость свою. Первая глава содержитъ «краткія историко-географическія свѣдѣнія о древней Кампаніи, въ связи съ исторіею Помпеи.» На страницѣ 3 сказано: «Въ *Поль* (выноска: небольшой городъ на желѣзной дорогѣ изъ Капуи въ Неаполь; отстоитъ отъ послѣдняго почти на 20 верстѣ) умеръ великій Августъ, съ страннымъ признаніемъ, что онъ не царствовалъ, а игралъ траги-комедію!» Мы принялись за разборъ книги съ лучшимъ мнѣніемъ о классической учености г-на Классовскаго, и потому насъ ошеломила такая фраза объ Августѣ! Никто, никогда не

называлъ его великимъ, потому-что онъ не былъ великъ, а только уменъ; и никогда и никому не признавался Августъ, что онъ не царствовалъ, а игралъ траги-комедію. Въ предисловіи своемъ, авторъ извиняется въ многочисленности своихъ цитатъ, увѣряя, что это не происходитъ отъ тщеславнаго намѣренія блеснуть начитанностью. Извиненіе совершенно излишнее: цитаты заимствованы у итальянскихъ ученыхъ, и здѣсь именно начитанности не достаетъ! Вся фраза объ Августѣ написана по невѣрной наслышкѣ. Здѣсь именно нужна бы была ссыла на Светонія, который вотъ какъ рассказываетъ о послѣдней минутѣ Августа: § XCIX. «Онъ потребовалъ зеркала, велѣлъ убрать свои волосы, чтобы скрыть худобу лица и, допустивъ опять своихъ друзей, спросилъ: находятъ ли они, что онъ хорошо сыгралъ свою житейскую роль? (Et admissos amicos percontatus: equid iis videretur *timum* vitae commode transigisse?) Mimus былъ, у Римлянъ, монодрама, т. е. пьеса, въ которой дѣйствовалъ одинъ только актеръ. Потомъ Августъ примолвилъ, на греческомъ языкѣ, формулу, заключающую театральныя пьесы: «Если вы довольны, то аплодируйте актеру!» Гдѣ же тутъ признаніе, что онъ не царствовалъ, а игралъ траги-комедію? Всякій властитель, всякій человекъ играетъ роль въ жизни; ужель это значить, что онъ не царствуетъ, не живетъ, а играетъ траги-комедію? Мы увѣрены, что авторъ заимствовалъ эту ошибку у итальянскаго ученаго.

На страницѣ 6 находимъ еще значительнѣйшій промахъ, протекающій, вѣроятно, также отъ итальянской цитаты. «Помпея объявлена муниципальнымъ городомъ и постоянно пользуется своимъ собственнымъ уставомъ, даже послѣ присоединенія къ ней Августомъ новой военной колоніи, названной по его имени Colonia Augusta felix. Слѣдъ *Октавій*, еще до побѣды надъ Антоніемъ, посѣтилъ жившихъ въ Помпѣѣ М. Филлипа и Цицерона, который рассказываетъ въ письмѣ къ Аттику (Lib. XII, ep. 50) о хлопотахъ и шумѣ, причиненныхъ прибытіемъ триумвира въ провинціальное уединеніе» и проч.

Самая несчастная цитата (или, правильнѣе: цитатъ) ибо въ ней (или въ немъ) нѣтъ ни одного слова правды! Могъ ли триумвиръ Октавій посѣтить Цицерона на виллѣ его, когда уже до триумвирата не было Октавія, а былъ Октавіанъ Цезарь; когда Цицеронъ содѣлался одною изъ первыхъ жертвъ этого триумвира

рата, заключеннаго подъ Болоньею. Триумвиръ Октавій въ глаза не выдалъ Цицерона, убитаго на форміанской дачѣ своей. Это одна изъ тѣхъ ошибокъ, которыхъ мы рѣшительно не по-стигаемъ. Конечно, память человѣка слаба, *errare humanum est*; но есть факты историческіе, которыхъ никакъ не перепутаешь: никогда не скажешь по ошибкѣ, что Помпей одолевъ Цезаря на фарсальскихъ поляхъ; Карлъ XII Петра Великаго подъ Полтавою! Для чего было нашему почтенному автору извиняться въ своихъ ученыхъ цитатахъ, яко бы обличающихъ тщеславное намѣреніе блеснуть начитанностью? Какая тутъ начитанность? Очевидно, что эти ошибочныя цитаты заимствованы у Итальянцевъ, которые уже ввели въ заблужденіе А. Н. Муравьева, въ Баіяхъ, касательно этого же триумвирата, о чемъ мы говорили въ двухъ нашихъ рецензіяхъ на «Римскія письма» г-на Муравьева. Отчего вы, господа, вѣрите этимъ цитатамъ? Я имъ никогда не вѣрю на слово; всегда справляюсь съ подлинникомъ и не рѣдко нахожу, что грубо ошибаются ученые. Совѣтую и вамъ не вѣрять; а между тѣмъ представляю г-ну Классовскому, въ чемъ состоитъ его ошибка. Не Октавій, или Октавіанъ, въ такое время, когда уже не было на свѣтѣ Цицерона, но самъ *Юлій Цезарь*, на сатурналіяхъ, гостилъ у Цицерона, не *въ Помпѣи*, а на *Путеолаанской дачѣ* — и Цицеронъ довольно юмористически описываетъ это угощеніе въ письмѣ къ Аттику — не *Lib. XII, ep. 50* — какъ говоритъ г-нъ Классовскій, а *Lib. XIII, ep. 52*. Вы, можетъ-быть, думаете, что мнѣ легко было уличить васъ въ этой ошибкѣ? Нѣтъ! Я живу не въ самомъ Петербургѣ, а за городомъ, на своей дачѣ, по-крайней-мѣрѣ верстахъ въ семи отъ центра города. Мнѣ посылаютъ книгу для критическаго разбора. Встрѣтивъ огромную ошибку, я принужденъ ѣхать въ Петербургъ, въ книжную лавку, и тамъ читать всѣ письма Цицерона къ Аттику, чтобы уличить васъ въ ошибкѣ... Извините же, послѣ этого, если критика моя бываетъ иногда желчная: досадно тратить по пустому полдня, отъ того, что ваши цитаты невѣрны. Кстати упомянемъ здѣсь и о третьемъ промахѣ: на страницѣ 51 сказано, что *Клодію, убійцѣ Милона*, покупка дома обошлась въ 14,800,000 сестерцій, (750,892 руб. сер.) Милонъ и Клодій два столь извѣстныхъ лица въ римской исторіи, по своимъ безчинствамъ, въ послѣдніе годы республики, по своимъ отношеніямъ къ Цицерону — одинъ по дружескому, дру-

гой по враждебному — что не слѣдовало бы смѣшивать убійцу съ убиеннымъ: не Клодій убилъ Милона, а Милонъ Клодія! Автору нашему, часто цитующему латинскихъ классиковъ, должно быть извѣстно, что одна изъ лучшихъ рѣчей знаменитаго оратора: *pro Milone*, посвящена этой кровопролитной стычкѣ, которую, въ письмахъ своихъ, называетъ онъ битвою при Бовиллахъ, означая число письма годовщиною ея. Поэтому слышать, что Клодій убилъ Милона — то же самое, что Авель убилъ Каина!

Въ третьей главѣ своего систематическаго описанія, авторъ приступаетъ наконецъ къ архитектурѣ помпейскихъ домовъ и расположенію въ нихъ комнатъ.

Когда нашли засыпанную Помпею, когда принялись подымать ее торжественно на лицо земли, тогда любители древности одушевлялись многими, донинѣ не сбывшимися ожиданіями... между прочимъ надѣялись приобрести въ этой могилѣ не дошедшія до насъ сокровища эллинской, — и навѣрное — римской литературы, потеряныя книги Тацита, Саллюстія, Тита-Ливія! Только одно было достоверно: что мы увидимъ на лицѣ эллино-римскую архитектуру обывательскихъ жилищъ римскихъ, не довольно ясную для насъ въ сочиненіи Витрувія. Авторъ нашъ говоритъ (стр. 51): «Такъ какъ при текстѣ (Витрувія) нѣтъ ни плановъ, ни чертежей, то онъ долго казался темнымъ и сбивчивымъ отъ различія выводовъ, извлекаемыхъ оттуда комментаторами. Но со времени открытія Помпеи эти разногласія исчезли, и теперь, уже Витрувій есть вѣрный руководитель въ развалинахъ ея; она же, въ свою очередь, поясняетъ римскую архитектуру и подтверждаетъ показанія «царя древнихъ архитекторовъ.»

Авторъ нашъ продолжаетъ: «Всѣ дома въ Помпѣи представляютъ одинъ и тотъ же характеръ снаружи и одинаковое распределеніе комнатъ внутри, различаясь между собою только величиною и незначительными частностями, сообразными со вкусомъ и средствами хозяина. Можно подумать, что Помпейцы строились по единообразному плану, предписанному *напередъ и развъ на всегда городскимъ начальствомъ*. (!)» Нѣтъ, не городскимъ начальствомъ, а изящнымъ вкусомъ, какъ вы узнаете ниже. — «Входовъ въ домъ бываетъ нѣсколько; одни ведутъ въ лавки, встрѣчаемыя почти въ каждомъ жилищѣ, какъ бы оно ни было великолѣпно!» (Нѣтъ! не имѣлось лавокъ въ саа

di Fauno, въ томъ домѣ, гдѣ находится чудная мозаическая картина сраженія Александра Великаго съ Даріемъ) — «одни ведутъ въ лавки, другіе въ его внутренность. Большею частью эти входы снабжены по обѣ стороны столбами съ львиными капителями, изображающими цвѣты, птицъ, звѣрей, или какую-нибудь фигуру, напримѣръ Вахванокъ, Геркулеса, который держитъ въ одной рукѣ булаву, въ другой дверной архитравъ и т. п. Стѣны снаружы и изнутри покрыты стукомъ, плотнымъ, какъ камень, и расписаны яркими красками, преимущественно красною.

«Главная и общая принадлежность каждаго здѣшняго дома та, что онъ раздѣленъ на двѣ половины: на *переднюю, публичную*, или гостиную, и заднюю, или боковую, гдѣ помѣщался самъ хозяинъ съ семействомъ и прислугою. Въ первой, кромѣ маленькаго крытаго перехода, или корридора (*prothyrum*), соединяющаго передній дворъ (*atrium*) съ улицей, находятся: *пріемная* (*tablinum*), *крыльцо* (*alae*), *корридоры* (*fauces*), нѣскольکو проходныхъ комнатъ, *столовая* и проч.: Вторая, т. е. хозяйская половина содержитъ въ себѣ: *внутренній дворъ* съ перистилемъ, отъ котораго онъ и получалъ названіе; *спальни*, (*cubicula*), *столовые* (*triclinia*), *залу* (*oecus*), картинную галерею (*pinacotheca*), библіотеку, бани, цвѣтники (*xysta*), *кладовыя* и проч.»

Все это очень хорошо, но не даетъ тому, кто не былъ въ Помпеѣ, никакого яснаго понятія объ эллино-римской архитектурѣ; почтенный авторъ нашъ изъ-за множества подробностей не замѣчаетъ главнаго, изъ-за множества деревьевъ не видитъ *лѣса*, какъ говорятъ Нѣмцы (*er sieht den Wald vor lauter Bäumen nicht*)! Это общій недостатокъ всѣхъ систематическихъ описателей: они пускаются въ путь аналитическій, не указавъ сперва читателю синтетической точки зрѣнія! безъ этой нити Аріадниной онъ просто теряется въ лабиринтъ вашего описанія. Ужели г-на Классовскаго не поразило то, что поражаетъ каждаго изъ насъ, въ Помпеѣ: основная — высоко изыщанная — идея древней архитектуры: при самомъ входѣ въ домъ раскидывать передъ нами все его протяженіе, такъ, что съ порога взоръ нашъ свободно измѣряетъ пространствыя атріумы и перистили дома до конца. Въ простотѣ этого величественнаго эффекта узнаешь античное, для новѣйшихъ недостижимое искусство. Видно, что авторъ нашъ, озабоченный своею системою, не

испыталъ этого художественнаго эффекта, когда о немъ не упомянулъ и прямо приступилъ къ частностямъ. Имѣющійся въ VI главѣ планъ дома Пансы должно бы было приложить здѣсь, въ началѣ III главы и, по этому плану подробно, по пронумерованнымъ комнатамъ описывая *одинъ* домъ помпейскій, дать общее понятіе о всѣхъ прочихъ древнихъ жилищахъ. Еще бы лучше было вмѣсто дома Пансы, избрать домъ Фавна — *casa di Fauno* — это настоящій представитель помпейскихъ домовъ по своему отличному изяществу, по первенствующей огромности своего задняго дорического перистила, поддерживаемаго сорока-четырьмя колоннами. Помнится, я остановился въ *протирумѣ* (переднемъ проходѣ) этого дома, восхищенный перспективою на тотъ дорическій перистиль. Поймите хорошенько, въ подобные моменты, умственное величіе древнихъ, и послѣ того, вамъ покажется занимательною и мелкою ихъ ежедневнаго быта, мелкою комнатъ въ помпейскихъ домахъ и прочее: все въ жизни мелко, кромѣ идеи искусства, и великое духомъ поразительнѣе въ тѣснотѣ житейской. Минутъ пять или болѣе простоялъ я въ протирумѣ, хотя и зналъ, что точно такъ за переднимъ — юническимъ — перистилемъ ожидается менія знаменитая мозаичная картина Александровой битвы. Уже одна эта картина должна бы была рѣшить выборъ дома; но домъ, какъ сказано выше, имѣетъ и другія на то права. Что же побудило нашего автора предпочесть домъ Пансы? Соображеніе ли, что, такъ какъ Помпея была преимущественно городъ торговый, то надобно избрать тотъ домъ, въ которомъ оказалось такое множество *лавокъ*, хотя онъ и былъ домомъ *эдила*? Соображеніе это было бы вѣрно, если бы дѣло шло о самой Помпеѣ. Но Помпея важна для насъ, или всего важнѣе — только въ отношеніи къ домашнему быту Римлянъ, какъ единственный образчикъ домовою архитектуры римской, и потому слѣдовало бы избрать тотъ домъ, въ которомъ открылось болѣе великолѣпнѣе, изящества, чистаго вкуса античнаго — и не оказалось ни лавки, ни пекарни! Но между тѣмъ очень вѣроятно, по множеству амфоръ, найденныхъ въ атріумахъ и перистиляхъ, что и домъ Фавна принадлежалъ промышленнику, торговцу винами! До этого намъ уже нѣтъ дѣла, когда амфоры вынесены вовъ; когда орнаменты и мозаики, относящіяся къ Бахуеу, могутъ быть растолкованы какъ любимые символы муниципальнаго Мецената-гуляки; когда превосходная бронзо-

вая статуя Фавна, найденная на краю Комплювиума, и дивная картина Александровой битвы, другія мозаики и вообще изящная роскошь этого дома изобличаютъ что-то истинно *медицейское* въ купеческомъ хозяйствѣ его. Или для нашего автора легче было достать планъ дома Пансы, чѣмъ дома Фавна? Не думаю! Сей послѣдній домъ открытъ въ 1832 году; я видѣлъ его въ 38 году и встрѣтился тамъ съ Англичаниномъ, имѣвшимъ въ рукахъ прекрасный планъ того дома, планъ, который мы тщательно повѣрили на мѣстѣ и нашли очень вѣрнымъ.

Гораздо интереснѣе общаго, не довольно предметнаго описанія помпейскихъ частныхъ домовъ — второе отдѣленіе этой же III главы: лавки и магазины (*tabernae*). Здѣсь авторъ нашъ могъ воспользоваться превосходными, по точности, изслѣдованіями архитектора Мазуа (*Mazois, Ruines de Pompei*). «Помпея — говоритъ авторъ нашъ — по своему приморскому положенію и предпринимчивому духу жителей, вела весьма значительную внутреннюю и вѣшнюю торговлю, и потому понятно, что въ этомъ городѣ открываютъ множество разнаго рода лавокъ: рѣдкій домъ не окруженъ ими со всѣхъ наружныхъ фасадовъ и, кромѣ того, въ частяхъ города наиболѣе посѣщаемыхъ, онѣ сосредоточены въ одно мѣсто, какъ у насъ въ гостинномъ дворѣ. По внутреннему устройству, всякій разъ показывающему родъ производившейся тамъ торговли, помпейскія лавки можно раздѣлить на восемь постоянныхъ разрядовъ. (стр. 66.)

1. «Лавки, состоящія изъ одной только комнаты, разобщенныя съ остальнымъ жильемъ. Онѣ — проходныя, если помѣщены въ углу зданія, и входятъ въ нихъ всегда шире обыкновеннаго, т. е. ведущаго въ помѣщеніе домохозяевъ. Эти входы запирались вдвойнѣ слѣдующимъ образомъ: въ пороги и притолоки на одной общей линіи вырѣзаны фальцы, въ которые задвигались доски, утверждаемыя изнутри дѣревяннымъ запоромъ, всунутымъ въ желѣзные уши, и сверху того еще затворялась настоящая дверь, навѣшенная тутъ же на петляхъ.

2. «Лавки, сходныя съ предыдущими, но имѣющія сообщеніе съ двумя или тремя другими комнатами того же этажа, или верхняго, посредствомъ лѣстницы.

3. «Лавки, состоящія изъ одной, двухъ или трехъ комнатъ, постоянно снабженныхъ каменнымъ кубическимъ возвышеніемъ, въ видѣ рундука, которое служило прилавкомъ и вмѣстительствомъ узкихъ глиняныхъ горшковъ (*dolia*).

(Не хочу спорить, не имѣя, подъ рукою, книгъ для справокъ, и потому только спрашиваю: *точно ли* эти узкіе глиняные горшки назывались *долиями*? *dolium*, сколько мнѣ извѣстно, означало у Римлянъ *бочку*, по-крайней-мѣрѣ порядочный боченокъ — *dolium vinarium*. У Цицерона находимъ выраженіе: *de dolio bibere* — пить изъ бочки, т. е. вино молодое, еще не разлитое по амфорахъ, лагенамъ и кадусамъ (бутылкамъ). Но есть уменьшительное: *doliolum*! Плиніи говоритъ: *doliolum floris* — чаша цвѣтка; эта мѣра значительно *меньшал*: такъ эти узкіе глиняные горшки назывались, быть-можетъ — долюлями!)

4. «Въ этомъ прилавкѣ устроена печь, устьемъ обращенная внутрь лавки.

5. «Каменный прилавокъ утверждёнъ посреди комнаты, а печь устроена въ углу, отдѣльно отъ него.

6. «Выше упомянутой прилавокъ помѣщенъ у самаго входа.

7. «Глиняные горшки, или *dolia*, одни вмазаны наглухо въ прилавокъ, другіе размѣщены вдоль стѣны, образуя родъ за-лавка.

8. «Лавки, имѣющія сходство съ которою-нибудь изъ вышеприведенныхъ, но постоянно снабженныя ходомъ во внутренность дома; таковыя не отдавались въ наемъ, а оставляемы были для собственнаго употребленія домохозяевъ.

«Всѣ лавки, въ которыхъ встрѣчается *кубическое возвышеніе съ горшками*, вмазанными надъ сводомъ тутъ же устроенной печи, были, по мнѣнію Мазуа, *термополи* (*thermopolia*), т. е. мѣсто продажи теплаго вина, пѣчто въ родѣ нашихъ кофейнь. Впрочемъ, множество подобныхъ лавокъ, находимыхъ въ Помпеѣ, заставляетъ предполагать, что ихъ назначеніе было разнообразнѣе, нежели думаетъ знаменитый французскій антикварій. Чѣмъ, напимѣръ, доказать, что въ *долияхъ* подогрѣвалось только вино, а не варили кушаньевъ, и не приготовлялись какіе-нибудь составы лекарственные, или красильные? Только результаты будущихъ открытій объяснятъ со временемъ эти вопросы. Художественность же стѣнной живописи и шеголеватость мраморныхъ прилавковъ и печей, на которыя указываетъ Мазуа, едва ли достаточны для утвержденія за ними названія *термополиевъ* (*thermopolit*!) а не простыхъ харчевенъ (*popinae*.) Кому не извѣстно, что страсть къ украшеніямъ и изящному убранству комнатъ простиралась у древнихъ на самыя обыкновенныя ихъ домашнія утвари? Даже кухонныя кастрюли и котлы, ситки и

формы для пирожного, перевезенныя изъ Геркуланума и Помпей въ неаполитанскій королевскій музей, отдѣланы съ окончательностью и рѣдкимъ совершенствомъ.»

Съ удовольствіемъ останавливаясь на этихъ подробностяхъ частной жизни и промышленности, на подробностяхъ, непременно входящихъ въ составъ систематическаго описанія Помпей, ибо до открытія ея, ничего не было извѣстно по этой части. Здѣсь авторъ нашъ могъ бы быть гораздо широкѣе, чѣмъ теперь, безъ всякой боязни наскучить любознательному читателю.

Равномѣрно относится къ Помпеѣ и древняя живопись, въ особенности *фресковая*. Въ первомъ отдѣленіи главы VI, авторъ нашъ, въ общихъ выраженіяхъ, говоритъ о произведеніяхъ какъ живописи, такъ и скульптуры и мозаики въ Помпеѣ. Относительно первой, онъ болѣе имѣетъ въ виду механическіе приемы, химическое свойство красокъ, способъ приготовления ихъ и употребленія. Онъ приводитъ мнѣніе ученыхъ членовъ геркуланской академіи, по которому въ клеевой и фресковой живописи въ Геркуланумѣ и Помпеѣ употреблены слѣдующія основныя краски: 1) *желтая*, весьма нѣжнаго цвѣта охра (*si poris pontica*) и желтый сѣрнистый мышиакъ, или оперментъ; 2) *бѣлая*, называемая у древнихъ мелосою землею, или претоніемъ (*praetonium*); 3) *темно-красная* (*purpurissimum*), составленная изъ углекислой известки и пурпуровыхъ раковинъ; 4) *ярко-красная*, или понтійская земля (самородная киноварь); 5) *синяя* индійская краска (*indicus color*), или весторіанская лазурь; 6) *голубая* (*argemium*), средняя между ультрамариномъ и кобальтомъ; 7) *черная* (*calcanthus*), и 8) *зеленая* (*aureipigmentum*).

Признавая множество достоинствъ въ помпейской живописи, какъ-то стиль греческій, вѣрность рисунка, удачно разсчитанную свѣтотѣнь, строгую облуманность въ *сочиненіи* (композиціи), авторъ нашъ находитъ однако въ ней мало вдохновенія и творческой самообразности и ставитъ это въ вину языческому искусству. Древнее искусство обращалось и должно было обращаться только въ области *наивнаго*: поэтому странно требовать отъ него—*иного* вдохновенія, *иной* творческой самообразности, кромѣ *естественныхъ!* духовность новѣйшихъ идей не можетъ и не должна быть основою нашего сужденія о древнемъ искусствѣ. Въ чисто-естественномъ содержится все прекрасное нашего міра, когда чисто-естественное просвѣтлено идеальностью; оно заключается не въ простомъ вѣрномъ снимкѣ съ

природы, не въ одной такъ называемой естественности исполненія, но въ *наивности* зачаточной идеи сочиненія—*la naïveté de la conception*; нѣтъ художественнаго вдохновенія, высшаго этой наивности! Поэтому какая-нибудь *корова Милона*—не подлинное изваяніе, давно уже не существующее, но даже полувывучное (*demi-taille*) изображеніе этой коровы на монетахъ дирахіумскихъ плѣняетъ ваше художественное чувство, самую душу вашу болѣе, нежели, въ новѣйшей живописи, какая-нибудь багала, сладострастіемъ дышущая Венера Тиціанова и прочая... не любящимъ мы тогѣмъ вдохновенія и той творческой самообразности, въ которыхъ природа, выдохнувшись до мутной отвлеченности, уже не относится къ нашему чувству изящнаго.

Въ фресковой *стилюписи* помпейской авторъ нашъ находитъ много фантазіи и самобытнаго вкуса, удивляется мелочной, но полной ума точности, съ какою скопированы звѣри, птицы, рыбы, овощи, цвѣты: «первымъ не достаетъ только дыханія, послѣднимъ вкуса и запаха—такъ все въ нихъ буквально согласно съ природой!» Онъ хвалитъ *силу* колорита этой фресковой живописи, но упрекаетъ ее «въ *странности*, предосудительной во всякомъ случаѣ, потому-что странность исключаетъ собою естественность, какъ бы ни было обширно значеніе ея въ области проявленій творящаго духа.» Какая же эта странность, исключаящая ту естественность, которую вы только что похвалили въ этихъ фрескахъ? мы не разгадаемъ этого криворѣчія! Или авторъ намекаетъ, на изображеніе школы, въ которой одинъ мальчикъ беретъ другаго на спину, третій держитъ его, а четвертый пощипываетъ? Что тутъ страннаго, исключаящаго естественность? Это—живая натура, напоминающая намъ наши дѣтскія проказы! Или авторъ имѣетъ въ виду *Центавра*, похищающаго молодую дѣвицу; или *Центауриссу*, увлекающую юношу? или наконецъ *Сатира съ козю*, которымъ столько восхищался Винкельманъ? Возьмите въ толкъ: дѣйствующіе здѣсь герои суть только *полу-люди*—Центавры, Сатиры: можетъ ли быть для насъ соблазнительнымъ—или даже казаться страннымъ—движеніе ихъ животной природы? И если эти картины, дѣйствительно, дышатъ сладострастіемъ, то все-таки въ меньшей степени, чѣмъ вышеозначенная славная Венера въ трибунѣ флорентинской! Въ другомъ мѣстѣ своей книги, г. Классовскій такъ серьезно-философически изслѣдываетъ древнюю вѣтвь *Фалла*: съ этой же точки зрѣнія *природной*, истинно-античной *искре-*

ности слѣдовало бы судить и тѣ античные фрески, которые не совпадаютъ съ нашимъ образомъ мыслей! Такъ только-то и видѣлъ авторъ нашъ въ плѣнительныхъ фрескахъ геркуланскихъ, помпейскихъ и стабійскихъ? Ужели онъ не замѣтилъ *главнаго*, отличительнаго ихъ достоинства — этой безконечной граціи, недоступной для новѣйшаго искусства, такъ же, какъ и собственно античный стиль эллинскій, въ скульптурѣ? Даже тѣ фрески, которые болѣе написаны, нежели написаны, не лишены *излишества движеній*—художественной тайны древнихъ, до насъ не дошедшей. Есть ли возможность не плѣняться, въ фрескахъ высшаго достоинства, этимъ дивнымъ выраженіемъ, этою *пластическою граціею* движенія, невообразимымъ для того, кто не видѣлъ своими глазами этихъ воздушныхъ геніевъ и амуровъ и вакхантовъ? Этихъ Нимфъ и Сатировъ, вакханокъ и Центавровъ, героевъ и боговъ! Если вы были въ Неаполѣ и въ Museo Borbonico, то вспомните о плышущихъ, или—лучше сказать—летучихъ *Горахъ* (Noxae), о трехъ Граціяхъ, въ томъ же положеніи, какъ и статуи ихъ въ Ватиканѣ; о Тезеѣ, котораго Амуръ ведетъ къ Ариаднѣ; объ Орестѣ и Пиладѣ, узнающихъ Ифигенію; о жертвенномъ закланіи Ифигеніи, и Софонисбѣ и прочихъ умилительныхъ фрескахъ... и, наослѣдокъ, вспомните о картинѣ, которая мнѣ болѣе всего понравилась и показалась лучше изо всѣхъ древнихъ фресковъ: это *Вакхантъ* съ *Вакханкою*, увѣнчанные листьями, въ летучихъ покрывахъ, вьющихся на воздухѣ эфирною пляскою, съ выраженіемъ блаженства на лицѣ! Ужели древніе до такой степени умѣли идеализировать хмѣль отъ дара Бахусова? Или эта вакханская чета, отгулявшая свой вѣкъ земной и сложившая съ себя свою смертную часть, представляется здѣсь уже безплотными геніями, по старой земной привычкѣ вьющимся, въ граціозной пляскѣ, воздушнымъ путемъ на Олимпъ, на лоно Бахуса. Я видѣлъ въ Неаполѣ копию съ этого фреска, но не хотѣлъ купить ея, потому-что это было просто каррикатура: новѣйшіе, видно, и копируютъ не умѣютъ этой чудной античной граціи.

Въ разбираемой книгѣ—гравюра № III—есть пара танцовщицъ, — фрескъ, найденный во мнимой виллѣ Цицероновой; но это не изъ тѣхъ фресковъ, о которыхъ мы говорили, хотя онъ и въ большемъ уваженіи. Авторъ нашъ совершенно правъ въ своемъ сужденіи объ этомъ фрескѣ: «Римляне рѣдко могли безкорыстно наслаждаться, подобно Грекамъ, однимъ изящнымъ,

независимо отъ чувственности, или по-крайней-мѣрѣ безъ прямыхъ намековъ на нее; отсюда и къ возрѣнію ихъ на танцы примѣшались обстоятельства, удаляшія на *второй* планъ *грацію позъ* и художественное совершенство человѣческаго тѣла... Авторъ здѣсь разумѣетъ то, что мы называемъ пластическою граціею въ движеніи. Интересное, въ своемъ родѣ, гравюра № IV: канатные плясуны—фрескъ, также найденный въ той же виллѣ Цицероновой.

Не будемъ вникать почтеннаго автора болѣе, нежели сколько требуютъ благонамѣренная критика. Способность нашего наслажденія изящнымъ обусловливается мѣрою нашей впечатлительности, врожденнымъ свойствомъ нашего вкуса, столь различнаго у каждаго изъ насъ. Если авторъ нашъ, по собственному чувству, не увлекся *тѣми* фресками, которые плѣнили насъ и плѣняютъ многихъ другихъ, то онъ слѣлалъ очень хорошо, отказавшись щеголять запятваннымъ восторгомъ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ въ виду только *систематическое* описаніе Помпей, а не критическую оцѣнку найденныхъ въ ней древностей. Однако, по нашему мнѣнію, именно *систематическое* описаніе требовало того, чтобы авторъ нашъ болѣе распространялся о древнихъ фрескахъ вообще, которыми эти засыпанные города римскіе обогатили наше понятіе о живописи у древнихъ. Если мы живо интересуемся предметами, относящимися къ домашнему быту Римлянъ, всякою мелкою всячиною, открытою и открываемою въ Помпей (мы здѣсь всегда разумѣемъ и Геркуланумъ и Стабію) и признаемъ за этою всячиною полное право широкаго помѣщенія въ описаніи Помпей, то предметъ болѣе важности, полученный изъ того же источника, предметъ, относящійся къ искусству, и такой трудный предметъ, какова *стѣнопись*, долженъ бы былъ имѣть свободный разгулъ въ разбираемой книгѣ—посредствомъ хотя простаго исчисленія замѣлительнѣйшихъ фресковъ, сопровождаемаго мнѣніемъ о нихъ такого-то антикварія, или такого-то знатока искусства. За это мы охотно подарилъ бы автору *монографію* Везувія съ гипотезами о томъ, отъ чего происходятъ землетрясенія? Эти гипотезы интересуютъ насъ столь же мало, какъ и непостижимыя причины другихъ опустошительныхъ дѣйствій физическихъ; да и къ чему послужило бы намъ познаніе сихъ причинъ, при нашей немощи отклонять эти грозныя дѣйствія? Можетъ-быть, авторъ нашъ, памятуя фрески Микеля-Анджело и Рафаэля, въ слѣдствіе того не

вполнѣ оцѣнилъ древнюю стѣнопись. Разумѣется, такой величественной композиціи, какъ страшный судъ въ сикстинской капеллѣ, не найти въ Помпеѣ... другая подобная композиція была бы излишняя въ области живописи, да и та величественно-страшная, которая существуетъ, уже приближается къ періоду своего исчезанія... новѣйшія времена не постигли тайны прочнаго пригोтовленія красокъ, какою обладали древніе: фрески помпейскіе переживутъ диво сикстинской капеллы! Въ трудности же стѣнописа всего лучше убѣждаемся мнѣніемъ самого Микеля-Анджело. Сначала хотѣли расписать сикстинскую капеллу масляною живописью; «Нѣтъ!»—протестовалъ геніальный человѣкъ: масляная живопись годится только для женщинъ и для тѣхъ, кто въ искусствѣ чванится однимъ ремесломъ—и онъ принялся впервые за ту живопись, въ которой надобно отказать отъ всѣхъ очарованій, достигаемыхъ посредствомъ масляныхъ красокъ и быть великимъ лишь въ выраженіи, въ формахъ, въ характерахъ, что требуетъ необыкновенной силы, вѣрности и рѣшительности. Такая именно живопись должна была преусиловать у Римлянъ, великихъ своимъ духомъ еще во дни своего уничтоженія.

Во второмъ отдѣленіи той же главы IV рѣчь идетъ о *надписяхъ*, вывѣскахъ и объявленіяхъ. Авторъ говоритъ: «Гордые республиканцы, потомки Цинцинатовъ и Катоновъ, изображенные въ исторіи суровыми столпами, являются, внѣ государственной своей дѣятельности, рабами тысячи суевѣрій, пресмыкаются передъ сильными, лѣзятъ исполнителямъ высшей власти. Стоить только пробѣжать надписи, которыми покрыты дома въ Помпеѣ, и сказанное нами никому не покажется преувеличеннымъ. Какой общій смыслъ всѣхъ этихъ надписей, за исключеніемъ немногихъ объявленій о продажѣ, театральныхъ представленій и т. п.? Вездѣ *лесть*, вездѣ *вымаливаніе* чьего-нибудь покровительства. Отсюда видно, что въ Помпейцахъ, еще задолго до времени Нерона и Веспасіана, исчезъ ихъ первоначальный характеръ. Они уже не Оски, не Самнитяне, и не полу-Греки, а настоящіе Римляне, и именно Римляне въ томъ, что наиболее опредѣляетъ собою механизмъ римскаго государства, въ *Кліентизмѣ*, въ рабскихъ отношеніяхъ кліента къ патрону. Не только искатели должностей, одержимые честолюбіемъ и жадною общественнаго возвышенія, даже купцы, ремесленники и смиренные поденщики, платящіе наличнымъ тру-

домъ за кусокъ хлѣба—всѣ они добиваются благосклонности какого-нибудь эдила, дуумвира, претора; всѣ пишутъ на своихъ домахъ привѣтствія сильнымъ и нужнымъ людямъ! Тѣ, у кого не было собственного дома, исписываютъ, стѣны чужихъ, ограды, публичныя зданія и храмы—фразами, въ родѣ слѣдующихъ:

«Плотники и экипажные мастера поручаютъ себя благосклонности Эдила Марцелла.»

«Соловары просятъ М. Церрина покровительствовать имъ.»

«Всѣ золотыхъ дѣлъ мастера просятъ покровительства у Эдила Кусвіа Пансы.»

«Торгующіе фруктами просятъ... Носильщики тяжестей просятъ и т. д.»

Тѣмъ непонятнѣе для меня негодованіе нашего автора, что *эти* же надписи *тронули* меня, когда я читалъ ихъ въ Помпеѣ, тронули именно тѣмъ, что напомнили одно изъ мудрѣйшихъ, благотѣльнѣйшихъ учрежденій политическихъ Рима: *патронатъ* и *кліентелъ*! Кажется, нашего автора повлекли въ заблужденіе нѣкоторые изъ римскихъ писателей, какъ-то Марціалъ, Сенека, Ювеналъ и другіе, нападающіе только на *злоупотребленіе* этого исконнаго обычая римскаго, а мало ли, что можетъ быть употребляемо во зло! Я пропустилъ бы безъ вниманія этотъ несправедливый отзывъ о мудромъ и *древнемъ* учрежденіи политическомъ, если бы не полагалъ, что ложное о немъ мнѣніе, относительно нашего времени, требуетъ серьезнаго возраженія; возбуждаетъ искреннее желаніе, чтобы этотъ мудрый древній институтъ былъ приспосабливаемъ, по мѣрѣ возможности, къ правамъ и обычаямъ въ нѣкоторыхъ земляхъ, обуреваемыхъ своевоіемъ черни. Истинное понятіе о патронатѣ и кліентствѣ устранило бы множество безпорядковъ, и можно сказать утвердительно, что Франція не была бы приведена въ нынѣшнее бѣдственное положеніе, если бы, со времени реставраціи, послѣ Наполеона, парижскіе блузники имѣли девизомъ: *rapem et patronatum*, т. е. сознаніе, что для темнаго простолудина *патронатъ*,—пользованіе свѣдѣніями умѣйшаго,—столько же нуженъ, какъ и хлѣбъ насущный. Разсмотримъ древне-римскій институтъ, оглянувшись сперва на другіе дрібніе народы.

Самый вольный народъ, столь великодушно защищавшій свою политическую независимость отъ великаго Цезаря—Гал-

лы, имѣли, по свидѣтельству Цезаря, своихъ солдуріевъ (Soldurii) т. е. людей, добровольно посвятившихъ себя отличному качеству предводителя, считающихъ за особенную честь служить ему вѣрой и правдою, и за окаяннѣйшее безчестіе — пережить его, если онъ палъ въ битвѣ. То же самое повѣствуетъ и о древнихъ Германцахъ Тацитъ, прибавляя, что князь, или предводитель, вмѣнявшій себя въ стыдъ не быть первымъ по храбрости, дрался одинъ для славы, а солдуріи или кліенты его (собственное названіе ихъ неизвѣстно) сражались за своего предводителя и всѣ до единого погибли въ той же битвѣ, въ которой онъ палъ. Если же удѣлялъ, то въ славу его равную съ нимъ часть имѣлъ каждый изъ солдуріевъ. Плутархъ, въ жизнеописаніи Серторія, говоритъ, что, по испанскому обычаю, предводителя войска окружало нѣкоторое число воиновъ, давшихъ обѣтъ умереть съ нимъ, если онъ будетъ убитъ: эта преданность до смерти называлась у нихъ жертвоприношеніемъ возліяльнымъ (т. е. возліаніемъ своей крови). «Другіе предводители имѣли немногихъ такого рода людей, обязанныхъ по обѣту, съ ними умереть. Серторія же сопровождали тысячи воиновъ, принесшихъ ему этотъ великодушный обѣтъ. Однажды, когда войско его было разбито близъ одного испанскаго города, солдаты испанскіе, тѣснимые непріателемъ, думали не о самихъ себѣ, но только о Серторіи; взяли его на плечи свои и по плечамъ передали другъ другу до самыхъ воротъ городскихъ.»—Подобнаго же рода патронатъ и кліентство находимъ и на другомъ концѣ свѣта, въ Индіи, въ Тонкинѣ, на островѣ Цейланѣ. Не доказываетъ ли это, что такое произвольное соотнoшеніе между просвѣщеннымъ и темнымъ, между богатымъ и бѣднымъ, между любимцемъ природы и пасынкомъ ея—есть одно изъ основныхъ и самыхъ здравыхъ идей человѣчества? По предвѣчному закону Создателя міра, не бываетъ равенства между людьми, ни въ политическомъ, ни въ умственномъ, ни въ физическомъ отношеніяхъ: одинъ всегда знатнѣе, богаче, умнѣе, красивѣе и физически-сильнѣе другаго. Есть только *религіозное* равенство между Христіанами, во имя Святаго Основателя нашей вѣры. А между-тѣмъ чувство равенства врождено человѣку. Что же дѣлать менѣе взысканному природою и фортуною, чтобы стать на ряду съ высшимъ, нежели онъ? *Уважать* эти высшія качества въ *другомъ* и благоговѣя къ Провидѣнію, ознаменовавшему *другаго* этими высшими качествами, привязы-

ваться къ нему душою — и, посредствомъ этого уваженія, этой преданности ставится онъ на ряду съ высшимъ, соучаствуетъ его преимуществами, соучаствуетъ законнымъ образомъ въ тѣхъ благахъ, въ которыхъ природа ему отказала. Что же унижительнаго, что же рабскаго въ этихъ произвольныхъ соотношеніяхъ между высшимъ и низшимъ, когда чистѣйшая моральность не знаетъ иного средства для достиженія того единственнаго равенства, которое допускается законами божественными и человѣческими? Взглянемъ, съ этой точки зрѣнія, на римскіе патронатъ и кліентство.

Историки говорятъ, что Ромулъ виновникъ этого мудраго учрежденія. Онъ дозволилъ каждому себѣе избрать себѣ, изъ патриціевъ, патрона, т. е. *отца*-покровителя (слово *pater* происходитъ отъ *pater*), который вѣдалъ бы всѣ его судейскія и даже денежныя дѣла, защищалъ бы его во всякомъ случаѣ, однимъ словомъ: имѣлъ бы о немъ то же попеченіе, какое имѣеть отецъ о родномъ сынѣ. За это кліентъ (производятъ слово отъ *colentes* уважающіе) обязывался почитать своего патрона, выкупить его, если попадется въ плѣнъ, дать приданое его дочери, если самъ отецъ слишкомъ бѣденъ для того, и т. д. Взаимныя ихъ обязательства были столь священны, что имъ было воспрещено закономъ свидѣтельствовать другъ *противъ* друга, между-тѣмъ, какъ имъ дозволялось свидѣтельствовать другъ *за* друга, даже противъ своихъ *кровныхъ*. Нарушителей этихъ обязанностей законъ предавалъ анаемѣ, и всякій могъ убить его ненаказанно. Въ продолженіе вѣковъ, эти взаимныя обязанности оставались священными и переходили къ дѣтямъ изъ рода въ родъ. Когда Римъ чрезмѣрно распространился, когда разбогатѣвшіе вельможи уже не нуждались въ помощи кліентовъ своихъ и имѣли кліентами цѣлыя города и даже провинціи, тогда измѣнились отношенія кліентовъ къ патронамъ, но обязанность сихъ послѣднихъ пребывала въ полной силѣ, такъ, что Виргилій въ своей Энеидѣ (кн. VI, стихи 608 и 609) помящаетъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ Тартара тѣхъ, кто не навидѣлъ своего брата, кто занесъ руку на отца и кто обманулъ своего кліента! Если честнымъ гражданамъ прискорбно было смотрѣть на множество кліентовъ какого-нибудь Силлы, обогащавшаго ихъ достояніемъ, отнятымъ у невинныхъ, то можно ли было не радоваться несмѣтной толпѣ кліентовъ, окружавшихъ Цицерона, консулара, приобрѣтшаго общую любовь

только добродѣтелямъ гражданскимъ и усердіемъ, съ какиѣмъ онъ защищалъ обвиняемыхъ предъ судомъ, никому не отказывая въ своей ораторской услугѣ.

Въ чемъ же состояло то униженіе, которымъ нѣвые писатели укоряютъ кліентовъ? Послѣ салютаціи, раздавалась каждому изъ кліентовъ или порція свѣтлыхъ припасовъ, или денежная спортула (sportula) отъ 25 до 30 коп. сереб. на наши деньги. Это былъ народный обычай, не имѣвшій въ себѣ ничего унижительнаго. Самъ Августъ, будучи уже полнымъ властелиномъ Рима, если не по титулу, то *на дѣлѣ*, принималъ и давалъ небольшіе подарки. Кліенты считали это не за милость патрона, но за принимаемую ими на себя обязанность, при первомъ случаѣ, своими голосами поставить патрона проконсуломъ или пропреторомъ какой-нибудь богатой провинціи, гдѣ онъ въ годъ, или два вознаграждать себѣ восторо за розданныя кліентамъ спортулы. Авторъ нашъ, упрекая гордыхъ республиканцевъ — потомковъ Цицинина и Катона, въ лести и низости, позабылъ, что въ то время о республикѣ не было и помину: Августъ сильно ограничилъ участіе народа въ выборахъ, а Тиберій совершенно уничтожилъ. Жители Помпей не тѣснились въ домъ эдила или претора, для полученія ежедневной спортулы! Надобно оцѣнить здравый смыслъ и похвальное поведеніе этого рабочаго класса, который не шумѣлъ, подобно парижскимъ блузникамъ, но публично на какомъ-нибудь домѣ надписью скромно поручалъ себя благосклонности и покровительству начальника-патрона. Что тутъ дурнаго? Уже не было народныхъ трибуновъ! Кого же избрать было въ защитники свои и покровители, какъ не начальника своего, или знатную особу! — Да простятъ намъ читатели это длинное отступленіе: неправедно-обвиняемаго надобно защищать, хотя бы онъ давнымъ давно истлѣлъ.

Остановимся еще на одномъ древнемъ объявленіи, приводимомъ въ разбираемой книгѣ.

«На дачѣ Юліи Фелиціи, дочери Спурія, отдается въ наемъ баня, *venerium* и 900 лавокъ—на пять лѣтъ. Открывающій у себя въ домѣ пристанище разврату *не допускается къ найму.*»

«Что такое *venerium*?» спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ: «Маза, едва ли не лучше всѣхъ понимавшій Помпею, а вслѣдъ за нимъ и другіе антикваріи, рѣшили, что *venerium*—мѣсто чув-

ственныхъ наслаженій, состоящихъ въ вѣдѣніи самой грѣшной и самой прелестной изъ богинь Олимпа! Каковы нравы!»

Замѣтимъ нашему автору слѣдующее: послѣдняя фраза объявленія свидѣтельствуетъ о *нравственности* хозяйки, быть-можетъ старухи, жившей въ Римѣ и имѣвшей только дачу помпейскую, подъ вѣдѣніемъ управляющаго, *cochinitella* объявленія. Это почти несомнѣнно, потому-что едва ли нашлось бы помѣщеніе для самой хозяйки въ жилищѣ, гдѣ отдается въ наемъ баня и девять сотъ лавокъ? Мнѣніе Мазау о *venerium* не болѣе какъ догадка, которой можно противопоставить другую, столь же основательную догадку, и вотъ какую: Извѣстный Верресъ получилъ прозвище: *homo venerius!* Что это значить? Кажется, ближайшій переводъ: человекъ въ сифилитической болѣзни! Неправда, совсѣмъ не то! Прозвище значило: *красивый фраитикъ* — *elegans, venustus!* Стало быть, употребляемое даже въ прозвищѣ, слово *venerius* или *venericus* не всегда означало *дурное*! Вспомнимъ еще то, что храмъ Венеры — самой большой въ Помпѣй: слѣдовательно городъ состоялъ подъ главнымъ покровительствомъ этой богини — чему служить доказательствомъ и слѣдующая надпись: «Да прогнобается *Помпейская* Венера на того, кто сіе испортитъ!» — Отсюда сама навязывается догадка, что, въ Помпѣй, *venerium* значило: или *домовое капище* этой богини, или самая *парадная*, большая, особеннымъ и тамъ извѣстнымъ манеромъ отдѣланная комната. Изъ уваженія къ человѣчеству не должно подозрѣвать *дурнаго*, когда дѣло можно легко толковать въ хорошую сторону.

БАРОНЪ РОЗЕНЪ.

(До слѣдующей книжки.)

ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Письмо къ Москвитяину, отъ барона Розена.

Отдѣленіе I. Шумъ изъ-за слова: Глубже.

Opus aggredior optimum casibus (Tacit.)—въ вольномъ переводѣ: *принимаюсь за дѣло отменно казусное*—тѣмъ, во 1-хъ, что я долженъ повести рѣчь объ избытокѣ предметъ, давно уже наскучившемъ публикѣ: о колоссальномъ парадоксѣ Гоголя, на счетъ переводчика Гомера; и, во 2-хъ, что доводится мнѣ заняться почтен-

нымъ литераторомъ, пріобрѣтшимъ презанимательную литературную увертливость—достоинство, котораго я, признаться, не имѣю, не любя изверотовъ и никогда не сражавшись съ призраками. Прежде всего я долженъ объяснить, почему нѣсколько опоздалъ своею отвѣдью IV и V нумерамъ «Москвитянина,» за текущій годъ.

Я не получаю «Москвитянина». Въ походѣ мая ушлышалъ я отъ знакомаго, и то на публичномъ гуляньи, что въ V Л^д упомянутаго журнала, какой-то г-нъ Гавриловъ принялся доказывать мое незнаніе языка—*отпечатками* въ моихъ статьяхъ. «Мнѣ приходитъ *хорошо!*» отвѣчалъ я смѣясь: «публика обратила *вниманіе* на мои рецензій, и *научный* журналъ, иногда задѣваемый мною за схоластику его, иридирается только ко мнимымъ неправильностямъ моего языка: это—если еще не полный триумфъ, то, по-крайней-мѣрѣ, *овацій*, очень лестная для меня! И встарину, Бави и Мевіи доказывали даже такимъ героямъ литературнымъ, каковы Виргилій и Гораций, что герои эти *не знаютъ языка!* То же самое и Копебу говорилъ, въ отношеніи къ *Гѣте!* Но отвѣчать г-ну Гаврилову конечно не стоить!»—О статьѣ же г. Шевырева противъ меня, помѣщенной въ IV Л^д, я узналъ, только дня два тому назадъ (я пишу это 17-го іюня) и узналъ только по той причинѣ, что г-нъ Шевыревъ обвиняетъ меня въ *искаженіи смысла* одного приведеннаго мною текста Гоголя. Разумѣется, это обвиненіе капитальное, на которое слѣдуетъ *отвѣчать*, ибо молчаніе было бы, въ этомъ случаѣ, *сознаніемъ вины*. И такъ г-нъ Шевыревъ, чтобы заставить меня еще отвѣчать ему, долженъ былъ коснуться *правственаго дѣйствія!* Онъ очень хорошо знаетъ, что безъ *такого* обвиненія, я только посмѣялся бы молча всѣмъ его прочимъ выходкамъ. Начну съ этого обвиненія.

Антагонистъ мой, (въ IV Л^д Москв: Отд: Крит: стр. 110) говоритъ: «Прежде всего бросается въ глаза неправильная ссылка барона Розена на текстъ статьи Гоголя. Исчисливъ все то, что надо было пріобрѣсти Жуковскому для совершеннаго перевода Одиссея, Гоголь въ заключеніе говоритъ: «Нужно было наконецъ *сдѣлаться глубже* Христіаниномъ, дабы пріобрѣсти тотъ прозирающій, углубленный взглядъ на жизнь, котораго никто не можетъ имѣть, кромѣ Христіанина.» Баронъ Розенъ такъ приводитъ слова Гоголя: «Гоголь сказалъ, что Жуковскому для перевода Одиссея нужно было *наконецъ сдѣлаться Христіаниномъ*» (ка-

жется, онъ былъ такимъ и прежде?) Баронъ выпустилъ слово *глубже*—и тѣмъ исказивъ смыслъ сказаннаго Гоголемъ, на него же нападаетъ. *Сдѣлаться глубже* Христіаниномъ—или сдѣлаться Христіаниномъ, кажется, разница большая. *Не хорошо, баронъ:* ссылка на слова противника лежитъ передъ читателемъ на совѣсти того, кто ссылается. *Я васъ не узнаю по этой ссылкѣ.* Не таковы были вы, когда я знакомилъ васъ съ Пушкинымъ, какъ вы сами о томъ съ такимъ простодушіемъ разсказывали.»

Повѣритъ ли г-нъ моралистъ, что я расхотѣлся на этомъ мѣстѣ. Повторяю, вслѣдъ за вами: не хорошо! Вы правы, г-нъ Шевыревъ, совершенно правы: не *хорошо* исказить смыслъ приводимаго текста! Скажу болѣе: *дурно*, очень дурно — по только не съ *моей* стороны (и этого никогда не дѣлалъ), а со стороны того, кто взводитъ на меня, да еще въ *научномъ* журналѣ, такую грѣшную небывицу! Я это докажу.—Извѣстная Одиссейская поэма Гоголя явилась лѣтомъ 1846 года, въ *одно* время въ *двухъ* періодическихъ изданіяхъ: въ «Современникѣ,» издававшемся П. А. Плетневымъ и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ.» У. Н. И. Греча видѣлъ я тотъ Л^д названныхъ Вѣдомостей, прочиталъ поэму Гоголя, изумился и спросилъ Греча, дасть ли онъ мнѣ этотъ Л^д дня на два и помѣститъ ли въ Сбв: Пчелѣ критику мою на ту поэму? «Съ удовольствіемъ!» отвѣчалъ онъ—и помѣстилъ мою критику въ своей газетѣ, въ 181 Л^д 1846 года, вышедшемъ 14-го августа. Съ намѣреніемъ отмѣчаю *число*, потому что оно-то меня и оправдаетъ. Спустя нѣсколько времени, Одиссейская поэма Гоголя явилась, въ *третій* разъ, въ «Москвитянинѣ,» съ оговоркою издателя, что поэма помѣщается тамъ, *по желанію автора.* Я читалъ эту поэму только въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и потому мнѣ неизвѣстно, есть ли, противъ того текста, нѣкоторыя измѣненія въ «Современникѣ» и въ въ «Москвитянинѣ.» Ссылаюсь на тотъ Л^д «Московскихъ Вѣдомостей»—(вы въ Москвѣ, и легко можете справиться)! Въ томъ Л^д не было выраженія: *сдѣлаться глубже* Христіаниномъ; было *такъ*, какъ я привелъ текстъ, а именно: «нужно было (Жуковскому) *наконецъ сдѣлаться Христіаниномъ*, дабы пріобрѣсти прозирающій взглядъ, *глубоко возносящійся въ жизнь!*» и проч. Замѣтите, что г-нъ Шевыревъ приводитъ иначе и эти послѣднія слова, а именно: «углубленный взглядъ на жизнь»—вмѣсто *глубоко возносящагося въ жизнь!* Охотно повѣримъ, что и г-ну Шевыреву не понравилось это *глубокогъ* *вон-*

звѣе въ жизнь, которое, въ самомъ дѣлѣ, задѣваетъ за живое и производитъ непріятное щекотаніе. Не согласно съ моими правилами искажать приводимые мною тексты; а въ этомъ случаѣ, я подавно не пропустилъ бы драгоцѣннаго слова: *глубже!* Я ухватился бы за него, какъ за находку, потому, что это слово подало бы мнѣ еще болѣе поводъ къ насмѣлкѣ надъ Одиссейскою поэмою Гоголя. Какъ же не болѣе большая причина смѣха? Почтенный переводчикъ Одиссеи былъ всегда Христіаниномъ, какъ нельзя быть глубже; а, по мнѣнію Гоголя, долженъ былъ, во что бы то ни стало, содѣлаться еще *глубже* Христіаниномъ, чтобы передать сочиненіе *язычника*; чтобъ извлечь изъ Гомера нѣчто *лучше* самого Гомера! Господа схоластики! нѣтъ возможности отвѣчать вамъ серьезно, какъ подобаетъ вашему *сану* (г-нъ Шевыревъ, на стр. 107 своихъ «Отвѣтовъ», говоритъ: *санъ* (!!!) профессора! Кажется, по-русски говорятъ: санъ понтифекса, санъ кардинала и прочихъ высокихъ особъ—а званіе профессора, званіе учителя, званіе студента и т. д.) нельзя, впрочемъ, отвѣчать вамъ серьезно, если вы будете защищать подобные парадоксы!

Справьтесь же, г-нъ Шевыревъ, съ тѣмъ номеромъ Московскихъ Вѣдомостей, въ которомъ помѣщена Одиссейская поэма Гоголя—и сознайтесь печатно, что вы поступили опрометчиво взводя грѣшную небыллицу на человѣка, жизнь котораго, — *чиста*, столь чиста, что никто къ ней не придерется! *Моя* ли вина, что вы *меня не узнаете*, окруживъ меня туманомъ своей фантазіи. Желая хоть сколько-нибудь оправдать васъ, объясняя себѣ дѣло *такъ*: Гоголь, можетъ-быть, по поводу моей критики, которая могла дойти до него посредствомъ частой его переписки съ пріятелями въ Россіи, или *самъ отъ себя*, по лучшему уразумѣнію, могъ иное измѣнить въ своей Одиссейской поэмѣ, перепечатывая ее въ Москвитянинѣ, и—вѣроятно—привавилъ рочное слово *глубже*, введшее васъ въ заблужденіе—и въ несправедливость предо мною, т. е. передъ *саномъ* человѣка! Но, возымѣвъ мысль обвинить меня въ искаженіи текста, вы тотчасъ, вслѣдъ за тѣмъ, должны бы были справиться не съ «Москвитяниномъ»—не съ изданіемъ, которое напечатано *послѣ* моей критики, а съ «Современникомъ» и съ «Московскими Вѣдомостями»,—и если бы вы, въ *одномъ* изъ этихъ изданій, не нашли слова *глубже*, то обязаны были бы думать, что критика моя имѣла въ виду именно *то* изданіе. *Такъ* вы должны бы были

дѣйствовать не только изъ уваженія ко мнѣ, донынѣ не подававшему повода сомнѣваться и въ моемъ литературномъ благодѣствѣ, но изъ уваженія и къ самому себѣ, какъ филологу, критику, сотруднику научнаго журнала!

Странно, съ вашей стороны, гордиться тѣмъ, что вы меня познакомили съ Пушкинымъ! Дѣло обошлось бы и безъ васъ: вы были въ этомъ отношеніи, только орудіемъ случая. За чѣмъ вы меня выводите въ такое поле, куда не должна бы и заглядывать литература? За чѣмъ вы вмѣшали *свѣтлое* имя Пушкина въ такое дѣло, какъ ваше обвиненіе меня въ искаженіи приведеннаго мною текста? Изъ *досады* на то, что Пушкинъ меня *опылилъ*, вы говорите, на стр. 108: «Добродушный Пушкинъ хвалилъ и ободрялъ *всѣхъ!*» Можетъ-быть, въ *глаза*, изъ вѣжливости; но *sub rosa*, съ собесѣдникомъ по сердцу, онъ говорилъ *иное*, наприимѣръ: этотъ *добродушный* Пушкинъ не хвалилъ рецензій одного *очень вамъ знакомаго* человѣка, называя ихъ *дѣтскими замашками!* это должно быть извѣстно его друзьямъ! Если же эти друзья, превозносимые въ «Москвитянинѣ» откажутся подкрѣпить своимъ свидѣтельствомъ слышанное мною неоднократно отъ Пушкина, то сошлюсь на всѣхъ знатоковъ въ дѣлѣ критики: одинъ только *Пушкинъ* могъ такъ *мѣтко* обозначить достоинство рецензій того человѣка! И что еще удивительнаго: *предвидѣть*, что они навсегда останутся такими замашками! по-крайней-мѣрѣ, донынѣ онѣ не выходили изъ этого разряда. Кстати, приведу еще одно слово Пушкина: «Н. А. Полевой, съ своею *лилопитинскою* извѣстностью» и проч. Не уже ли этотъ сарказмъ требуетъ посторонняго свидѣтельства въ томъ, что онъ сказанъ *Пушкинымъ!* Узнаешь сарказмъ по его *интелли!* тоже самое можно сказать и о *дѣтскихъ замашкахъ* критическихъ очень извѣстнаго вамъ человѣка.

Показавъ ошибку моего обвинителя и оправдавшись передъ публикою, я здѣсь долженъ бы былъ остановиться. Но какъ остановиться на быстромъ бѣгѣ? Первое важное слово сказано: нельзя не примолвить кое-что, тѣмъ болѣе, что не надѣясь, въ скоромъ времени, говорить опять съ Москвитяниномъ, собираясь, во-первыхъ, въ путь, и, во-вторыхъ, не думая, чтобы выходки «Москвитянина» противъ меня сдѣлались, въ будущемъ, болѣе достойными науки и искусства, и моихъ возраженій!

Вотъ предисловіе г-на Шевырева къ своимъ пресловутымъ Отвѣтамъ: «Г. Булгаринъ и баронъ Розенъ въ Сѣверной Печ-

лѣ, г. Бѣлинскій въ Современникѣ, въ Отечественныхъ Запискахъ не знаю кто, *учинили нападеніе* на статьи мои, помѣщенные въ 1 № Москвитянина. Всякое неблаговоленіе этихъ трехъ петербургскихъ журналовъ я считаю къ себѣ *особеннымъ благоволеніемъ* моея литературной судьбы! — Разберу это предисловіе въ обратномъ порядкѣ, то есть съ низу къ верху, съ конца къ началу. — *Кто* вы, г-нъ антикритикъ, думаете увѣрить, что вамъ благопріятно порицаніе вашихъ книгъ и вашихъ критикъ, въ Сѣв. Пчелѣ, въ Современникѣ и въ Отеч. Запискахъ? Я отнюдь не учинилъ на васъ нападенія, а только отвѣчалъ, и весьма скромно, на вашу выходку, противъ меня, въ защиту страннаго парадокса Гоголя. Еще менѣе учинилъ на васъ нападеніе Булгаринъ, какъ старѣйшина нашей журналистики, напоминая вамъ, самымъ вѣжливымъ поученищемъ, что почтенному челоѣку, обязанному подавать собою примѣръ хорошаго тона въ критикѣ, не слѣдуетъ швырять полувѣмецкими эпитетами, а дѣльвымъ, научнымъ образомъ оспаривать мнѣніе, кажущееся ему несправедливымъ. Согласитесь, что и родной отецъ не могъ бы дать вамъ лучшаго совѣта. За чѣмъ же вы разсердились? Не мое впрочемъ дѣло защищать Булгарина.

Перейдемъ къ статейкѣ г-на Шевырева, ознаменованной моимъ адресомъ. Авторъ находитъ въ моея статьѣ 5 пунктовъ, на которые отвѣчаетъ. 1-й пунктъ: *тыль мой на Московскій Вѣстникъ и Москвитянина*, которые будто бы виноваты предо мною въ томъ, что *одинъ* неохотно помѣщалъ мои стихотворенія, а другой не былъ *гостепріименъ* къ моимъ повѣстямъ и критикамъ. Какъ могъ М. Вѣстн. *неохотно помѣщать* мои стихотворенія, когда *ни одного* не помѣстилъ, сколько мнѣ извѣстно. За каждою редакцію признаю я право помѣщать, что ей правится, отклоняя все прочее, будь оно хорошо или дурно. Одну только *повѣсть*: «Черная Маска» послалъ я редактору М. Вѣстника; долго не видя ея въ Вѣстникѣ, я ее продалъ здѣсь въ Петербургѣ, а между тѣмъ она была помѣщена въ М. Вѣстникѣ — не знаю, охотно ли, или неохотно, но я черезъ то лишился гонорарія, за который 10 лѣтъ сряду могъ бы подписываться на Моск. Вѣстникъ, котораго я *gratis* не получалъ. Пожалю объ этой потерѣ только тогда, когда узнаю, что повѣсть моя была, въ самомъ дѣлѣ, помѣщена *неохотно*. Въ редакцію же «Москвитянина» я не посылалъ ни критики, ни по-

вѣсти: какъ же эта редакція могла быть виновата передо мною въ негостепріимствѣ? Это не только искаженіе истины, это чистая выдумка! Не хорошо, г-нъ Шевыревъ! Тотъ журналъ, который, по чисто-критической причинѣ, не помѣстилъ бы моея критики, или моея повѣсти, былъ бы развѣ только неправъ въ моихъ глазахъ, но гнѣваться я не могъ бы на него. Вы лучше всѣхъ должны знать по себѣ, какой я философъ въ этомъ отношеніи: ни изустно, ни печатно не слыхалъ я отъ васъ никакой похвалы, а пребывалъ, въ продолженіе двадцати лѣтъ, въ пріятельскихъ къ вамъ отношеніяхъ.

2-й пунктъ. *Мое оправданіе*, т. е. мой отзывъ, что не я раскритиковалъ книгу г. Шевырева въ нашемъ журналѣ. Кромѣ того, что вы *мои слова* употребили въ орудіе противъ своего критика, воображая, что вы его разите собственными его словами, есть и другіе на меня намеки въ вашей антикритикѣ, но я ихъ пропустилъ, какъ не идущіе къ моему дѣлу съ вами. Какъ же было не отозваться, что авторъ той статьи, изъ которой вы заимствовали орудіе для конечнаго удара, и критикъ вашъ — вовсе не одно и то же лицо. Тогда наши отношенія были еще хороши: съ моея стороны, какъ вашего стародавняго пріятеля, было бы непростительно отзываться о васъ столь рѣзко. Теперь вы говорите, что вы и *не знали* о моемъ участіи въ критикѣ «Сына Отечества!» Плохой изворотъ! Досаду на себя за свою ошибку, вы ту же статью мою ставите мнѣ въ укоръ: «Не легче барову отъ того, что онъ сознался въ нѣкоторыхъ рецензіяхъ Сына Отечества. Въ своемъ общемъ предисловіи къ критикѣ, словами: *тонъ нашихъ рецензій, наша критика, нашъ журналъ* — онъ принялъ на себя всю за нихъ отвѣтственность.» Этотъ изворотъ еще плоше! Общее предисловіе къ критикѣ явилось *безъ моея подписи*, стало быть — отъ имени Редакціи! Я отвѣчаю только за критики съ моимъ именемъ; другихъ я и не вижу до выхода журнальной книжки! Вы говорите еще: «Съ *сокрушеніемъ* узналъ я, что баронъ Розень авторъ рецензій на Московскій Сборникъ и на Римскія Письма. Скажу ему искренно, что я не считалъ его никогда способнымъ писать такіа рецензіи. Сожалю, что мой отвѣтъ Сыну Отечества привелъ его къ необходимости такого признанія, которое не прибавитъ ничего къ его литературной репутаціи, а развѣ.... Вотъ и лучше бы было объявлять свое имя заранее!» — Какой бы ни заключался горькій, мною незаслуженный

упрекъ въ этихъ строкахъ, я ихъ прочиталъ съ *удовольствіемъ*, какъ доказательство, что моя двадцати-лѣтняя дружба съ вами была небезотвѣтна — и потому возражу весьма спокойно: съ менѣйшимъ сокрушеніемъ вижу я, что схоластика разстроила ваше сознание добра и зла! Въ этихъ рецензіяхъ не заключается ничего предосудительнаго, въ отношеніи къ чести моеи; я похвалилъ все хорошее въ Римскихъ Письмахъ и указалъ только на ошибки историческія и другія. Постараюсь и впредь доставлять въ редакцію нашего журнала такія рецензіи, въ которыхъ я сошлся съ мнѣніемъ публики.

На 3-й пунктъ: *Ссылки на Гоголя* — я уже отвѣчалъ и оправдался.

4-й пунктъ. *Противорѣчіе Шевыреву, касательно переводовъ у древнихъ*. Мнѣніе Гоголя, что только *Христианинъ* можетъ переводить *язычника* *comme il faut*, г-нъ Шевыревъ защищалъ тѣмъ, что Римляне переводили Гомера и другихъ Грековъ, однако не имѣли *фоссовыхъ* переводовъ, не умѣли переводить, какъ переводили Фоссы и Жуковскіе. На это я отвѣчалъ въ Сѣв. Пчелѣ: «Римляне не имѣли фоссовыхъ переводовъ по той же самой причинѣ, по которой они не стрѣляли изъ ружей и пушекъ, и не *печатали* своихъ книгъ: еще не было искусства переводить, какъ не было пороку и типографіи» — и доказалъ это самимъ Цицерономъ. Разбитый на голову моимъ доказательствомъ, антагонистъ мой ускользнулъ въ тридцатое царство и тамъ рубить воздухъ, увѣряя своихъ читателей, что онъ рубить *леся*. Вотъ тому доказательство! Шевыревъ говоритъ: «Судя по этимъ словамъ: «Римляне не имѣли фоссовыхъ переводовъ и проч.» авторъ, кажется, ясно полагаетъ... Стойте! г-нъ Шевыревъ! этотъ оборотъ — не совсѣмъ русскій! «Судя по этимъ словамъ, авторъ т. е. я — полагаю!» Это значитъ, что я сужу по этимъ словамъ и полагаю! Избави Боже, чтобы я полагалъ такой вздоръ! А между тѣмъ вы хотѣли сказать, что *вы*, судя по этимъ словамъ, полагаете и проч.! Г-нъ Гавриловъ, чего вы смотрите? Въѣсто того, чтобы въ другихъ журналахъ изъ опечатокъ выводить доказательство незнанія языка, не лучше ли было бы, если бы вы смотрѣли за *своимъ* журналомъ, если бы не допускали въ немъ подобныхъ *шнитцеровъ*! Но, отстранивъ этотъ шнитцеръ, полюбуемся новымъ протейскимъ изворотомъ г-на Шевырева: «Судя по этимъ словамъ, авторъ, кажется *ясно* полагаетъ *совершенно отсутствіе*

переводовъ у Римлянъ.»—Побойтесь Бога! могъ ли я полагать отсутствіе тѣхъ переводовъ, въ которые я не разъ заглядывалъ! я доказывалъ только, почему у Римлянъ, не было *фоссовыхъ* переводовъ! А г-нъ Шевыревъ, вывернувшись, пошелъ разсказывать, какіе были у Римлянъ переводы! Вотъ, что я называю ускользать, отъ своего противника, въ тридцатое царство и тамъ рубить воздухъ! Вотъ сущая *скиамахія*!

Нѣтъ возможности слѣдовать за всѣми изворотами г-на Шевырева: для этого пришлось бы испечатъ цѣлую стопу бумаги и *утомить* своего читателя! Я осторожибе г. Шевырева въ этомъ отношеніи и потому, предоставляя ему рубить воздухъ, ограничусь нужнѣйшимъ.

Даже мое доказательство, почему у Римлянъ не было *фоссовыхъ* переводовъ, противникъ мой обращаетъ въ свою пользу. «Примѣръ, приведенный самимъ барономъ Розеномъ о Цицеронѣ, *не попявшемъ* спартапскаго духа, служить тому же доказательствомъ,» т. е. тому, что только *Христиане* могли хорошо переводить *язычниковъ*, по многосторонности своего характера и своихъ переводовъ. За чѣмъ вы мнѣ приписываете сущую нелѣпну? Я, напротивъ, думаю, что такой знатокъ греческаго языка, и вообще греческаго быта, каковъ былъ Цицеронъ, во сто кратъ лучше васъ и меня *попымалъ* духъ спартапскій; но онъ, какъ переводчикъ, *не подцимался* тому, что мы — новѣйшіе — ставимъ переводчику въ непремѣнную обязанность, не потому, что мы *Христиане* (это даетъ намъ *другія* важнѣйшія преимущества передъ древними), но потому, что всякое искусство и всякая наука совершенствуется *вѣками*. Цицеронъ, по случаю смерти своей Туллии (дочери) говоритъ въ одномъ письмѣ къ Аттику: «Философія не только не облегчаетъ, но скорѣе усугубляетъ мою скорбь: въ душѣ, хорошо вздѣланной, *все* бываетъ *мяме* и *человѣчнѣе!*» Именно эта *человѣчная* мягкость его характера побудила его *смягчить* спартапизмъ эпитафіи Симонида. Переводы Римлянъ, по *нашимъ* понятіямъ, должно скорѣе называть *подражаніями*.

На 5-й пунктъ не могу отвѣчать потому, что авторъ поворотилъ спорное дѣло въ *такую сторону*, о которой *не говорятъ* въ журнальной статьѣ. Мнѣ было *известно* все то, что наговорилъ г-нъ Шевыревъ по этому пункту, и еще болѣе: въ доказательство тому привожу императорскій указъ (Туліана), которымъ воспрещалось Христианамъ толковать Гомера и *вмѣнялось*

имъ въ обязанность учить только Святому Евангелію. (XLIII письмо Іуліана.)

Г-нъ Шевыревъ выворачиваетъ на изнанку всякое слово мое. Я сказалъ, что съ христіанской точки зрѣнія смѣшновъ Юпитеръ, собирающийся колотить свою супругицу, и дурень Ахиллесъ, дѣйствующій *не чисто* на своемъ поединкѣ съ Гекторомъ! Эти-то послѣднія слова *выпустилъ* противникъ мой, чтобы взвести на меня новую небывлицу, будто бы я не весьма коротко знакомъ съ содержаніемъ Іліады, которую я читалъ отъ доски до доски, по-крайней-мѣрѣ сто разъ, — и чтобы подчивать меня обвиненіемъ Аполлона противъ Ахилла, передъ всѣми богами. Помилуйте! дозволяется ли *такъ* дѣйствовать въ литературѣ? Я говорю, что Ахиллесъ не-рыцарскимъ образомъ убилъ Гектора — и сослался на величайшаго изъ христіанскихъ поэтовъ, на Шекспира, у котораго Ахиллесъ (въ трагедіи: Трояль и Крессида) на этомъ поединкѣ дѣйствуетъ, какъ презрительный убійца героя, на честной бой съ которымъ онъ не отважился — а вы говорите о томъ, какъ судятъ боги о поступкахъ Ахиллеса съ *мертвыми тѣломъ Гектора!* Пойди, поймай этого Протея!

Въ заключеніе, г-нъ Шевыревъ говоритъ: «Замѣчательно, что, въ своемъ оправданіи, баронъ уже ни слова не сказалъ въ пользу Вольфова парадокса противъ Гоголя. На этой половинѣ поля онъ сдѣлалъ полную уступку!» — Г-нъ Шевыревъ, вы опять хитрите! Вы очень хорошо выразумѣли изъ моей статьи, что я не сдѣлалъ никакой уступки, что я не признаю за Гоголемъ, не знаемъ, какъ было опубликовано въ двухъ временныхъ изданіяхъ, ни одного языка, кромѣ русскаго, *права судить о Гомерѣ*, да и съ вами не желаю спорить о Гомерѣ, когда вамъ кажется важнымъ мнѣніе Гоголя, судящаго о Гомерѣ, какъ слѣпой о цвѣтахъ. Въ спорѣ же съ *другимъ*, я готовъ доказать, что мнѣ извѣстно главнѣйшее, написанное о Гомерѣ, отъ *Лонгина* до вашего Отфрида Миллера и *Гоголя* включительно.

Вы говорите, въ самомъ концѣ своей статьи: «Для меня, *слѣпотствующаго смудрственника* Гоголя (въ первый разъ въ употребленіи *точное* выраженіе) статья его (моя критика на Одиссею Гоголя, въ Сѣв. Пчелѣ) показалась совсѣмъ не бомбою, а холостымъ зарядомъ!» Чудный *холостой зарядъ*, который разшевелилъ читателей и, по сіе время, т. е. по прошествіи почти

года, еще прозвонитъ гулъ и смѣненіе въ статьяхъ г-на Шевырева.

Отдѣленіе II. Глѣда отъ опечатокъ. Удѣливъ г-ну Шевыреву довольно длинную рѣчь, не могу обойти словомъ и г-на Гаврилова, столь усердно трудившагося надъ отыскиваніемъ опечатокъ и разныхъ, по его мнѣнію, ошибокъ въ моихъ стихотвореніяхъ. Тотъ кто не выразумѣлъ такой баллады, каковъ *Царь Сой*; кто въ такой серьезной и важной трагедіи, каковъ *Гелимеръ*, не видитъ ничего, кромѣ *вандализмовъ* (замѣтьте: это имѣетъ претензію на остроту, потому, что въ трагедіи дѣйствуютъ *Вандалы*), съ тѣмъ конечно толковать нечего о критикѣ! Г. Гавриловъ говоритъ (Москв. Лѣ 5, отд. крит. стр. 24.) «Или мы не знаемъ языка и не понимаемъ барона Розена — (кажется, что такъ), или онъ ошибается съ умысломъ? Что-нибудь одно. Мы рѣшительно полагаемъ, что нельзя сказать по-русски: «Гелимеръ и Амматасъ *помыляются* смущенными взглядами. Это *нѣмецкое* настоящее время, а русское: *мѣняются*.»

Плохо, г-нъ Гавриловъ, знаете вы по-нѣмецки: *помыляются* — такъ же на нѣмецкомъ, какъ и на русскомъ языкѣ, есть *будущее*. Не уже ли вамъ и на умъ не приходило, что это должна быть *опечатка*? Или вы обрадовались такой опечаткѣ, которая могла бы послужить оружіемъ противъ того, кто сильно нападаетъ на московскую схоластику, за парадоксальность ея понятій? Какъ бы то ни было, помогу вамъ уразумѣть, какъ могла случиться эта опечатка. «Мѣняются взглядами» означаетъ продолжительное дѣйствіе, чего нельзя было допустить при противоположнѣмъ лицѣ; потому я поставилъ: *помылялись* смущенными взглядами. Трудно ли понять, какимъ образомъ изъ «*помыняются?*» Жаль, г-нъ Гавриловъ, что вы не знаете по-нѣмецки, а то нашла бы въ той же трагедіи опечатки, по которымъ гораздо легче могли бы узнать *Нильца*, въ авторѣ Гелимера, напримѣръ: «Но конь его узнаешь издалеча» — вмѣсто: *Коня* его узнаешь и проч. Конь — das Pferd — средняго рода и, на нѣмецкомъ языкѣ, внимательный падежъ его не разнится отъ именительнаго. Вотъ была бы для васъ находка!

Далѣе вы говорите: «Такъ же и это не по-русски: Малазуинта завербовала бѣ рать!» надобно *навербовала* бы рать, а за-

вербовать можно только одного *рекрута* — и *дожину* критиковъ, не понимающихъ своего дѣла! Плохо, г-нъ Гавриловъ, вы знаете и *исторію*, если не въ шутку захотѣли, чтобы я поставилъ: *Малазуинта* наверховала бѣ рать! Въ то время еще не вербовали войска, и подавно—между Вандалами! А если бѣ и было такъ, въ угодность вамъ, то вербованіе потребовало бы *денегъ*, а умный Царь Гелимеръ конечно не съ *казною* отпустилъ бы въ Испанію затѣйливую Малазуинту—«жену, владѣющую словомъ,» какъ онъ выражается! Нѣтъ, онъ боится, какъ бы Малазуинта не *завербовала*, своимъ краснорѣчіемъ, въ заступники свои одного изъ предводителей готскихъ племенъ въ Италиі, а съ нимъ, конечно, и всю рать его! Вотъ почему сказано: завербовала бѣ рать, и почему нельзя было употребить слово: *навербовать*. Вы могли бы объявить войну поэтической *смылости* этого выраженія; тѣмъ вы доказали бы, по-крайней-мѣрѣ, что меня выразумѣли! Далѣе критикъ, приводя мои выраженія: *ана походѣ; на бѣгствѣ; хвалить въ очи*; сведи со мною миръ» и проч: заключаетъ фразу такъ: *тысячи* подобныхъ выраженій, принадлежащихъ неизвѣстному какому языку, попадаютъ *безпрестанно* въ трагедіи Гелимеръ!» Замѣйте логику г-на Гаврилова: *тысячи* выраженій попадаютъ *безпрестанно*—т. е. непрерывно по тысячѣ выраженій! Хороша логика! Я вамъ скажу искренно, г-нъ Гавриловъ, что это выраженія—поэтическія, чисто-русскія; но къ *какому* разряду критиковъ принадлежите вы, вотъ это неизвѣстно—и сущая Архимедова задача.

Какъ вы думаете, любезные читатели, чѣмъ оканчивается критикъ мой свои мелкія придирки? *двумя* колоссальными неправдами! Вотъ онѣ: «Намъ остается только сожалѣть о талантливомъ писателѣ (обо мнѣ), который могъ бы *составить славу любой литературы* (странная похвала!) и который до-сихъ-поръ не знаетъ языка той земли, гдѣ суждено ему *дѣйствовать*» и проч. Видно я насолилъ московской схоластикѣ, когда мнѣ, даже посреди порицаній, выдаютъ дипломъ на чинъ *первокласснаго генія* (какъ же иначе составить славу *любой* литературы, напиримѣръ: нѣмецкой, или французской, или англійской?), выдаютъ *такой* дипломъ, лишь бы избавить меня на русскокомъ Парнасѣ! Нѣтъ, господа! вы мнѣ не вскружите головы никакою эксцентрическою похвалою; не собѣте меня съ толку никакимъ порицаніемъ! Я лучше всѣхъ знаю самъ, чего я стою, и чего не стою.

Выдавъ мнѣ патентъ на чинъ генія, г-нъ Гавриловъ уже не рѣшился критиковать мое стихотвореніе: «Могила Пушкина», отзываясь только, что онъ тамъ не понимаетъ *«выраженія, какимъ образомъ»* нѣтъ соловей (г-нъ Гавриловъ, это не *по-русски* и ни по-каковски! надо бы было: «не понимаю, какимъ образомъ нѣтъ и проч:») какимъ образомъ соловей нѣтъ «подъ сѣнію могилы!» Бѣда съ такими непонятливыми рецензентами! *Могилою* называется не одна надгробный холмикъ, но и памятникъ, обсаженный деревьями. Могила нѣнца Орфея, въ пустынной Фракіи, мы представляемъ себѣ въ родѣ могилы Наполеона, на островѣ Св. Елены; неужели такого памятника, обсаженного деревьями, нельзя назвать могилою; а подъ сѣнію такой могилы можетъ нѣтъ не только соловей, но и самъ г-нъ критикъ — и вѣроятно, нѣтъ бы подъ сѣнію Орфеевой могилы несравненно лучше, нежели пость подъ сѣнію «Москвитянина.» Вѣроятно, г-ну Гаврилову неизвѣстно древнее преданіе, что подъ сѣнію могилы Орфеевой соловей нѣтъ слаще, громче, трогательнѣе. Смыслъ преданія тотъ, что пустынной могилѣ славнаго, трагически умершаго поэта какъ-то свойственно возбуждать живѣйшее сочувствіе въ душѣ путника! Эту поэтическую мысль, пріобрѣтеніе этого преданія къ могилѣ Пушкина надо бы было оцѣнить въ моемъ стихотвореніи! Но на это неспособны такіе рецензенты, которые видятъ художественный вкусъ только тамъ, гдѣ выставляются образцы безвкусія—въ Ревизорѣ и въ Мертвыхъ Душахъ Гоголя!

БАРОНЪ РОЗЕНЪ.

Совѣсть купца Лягушова. Романъ О. М. Часть первая. С. П. бургъ, въ типографіи Экспедиціи заготовленія Госуд. бумагъ. 1848 года, стр. 256.

Образованные люди знаютъ, что написать романъ, во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительный для чистаго, художественнаго вкуса, не менѣе трудно (если еще не болѣе), какъ извать прекрасную статую, написать превосходную картину, сочинить прелестную оперу. Но истинно-образованныхъ людей не очень много на свѣтѣ. Они всегда составляли и составляютъ меньшинство. Огромное же большинство человѣчества полагаетъ, что романъ не что иное, какъ пустячки, выдумки и небыллицы; что всякой, если захочетъ, можетъ написать славный романчикъ или даже

романище въ десяти частяхъ. Да что-де терять время на вздоръ! А подзадорять, такъ напишу, право, напишу и докажу, что сочинить романъ умному человѣку ничего не стѣдуетъ! Запасся перьями, взялъ нужное количество дестей бумаги, и пиши смѣло! Тутъ не нужно ни сиранокъ, ни соображенія, ни вѣрности и точности изложенія, за которую отвѣчать должно. Полная воля писать, что хочешь, что только въ голову придетъ. Нѣкоторые, вмѣсто того, чтобы сказать: «что ты мнѣ за вздоръ говоришь!» употребляютъ выраженіе: «что ты мнѣ за романъ рассказываешь!»

Кажется, что авторъ разбираемаго нами романа согласенъ съ мнѣніемъ большинства человѣчества. Впрочемъ не утверждаемъ еще этого рѣшительно, и разберемъ напередъ совѣсть купца Лягушова.

Какой-то князь Залихватскій, не имѣющій очевидно ни гроша, успѣлъ какимъ-то чудомъ занять у богатаго купца и большого скряги, Лягушова, до ста тысячъ рублей! Въ иныхъ романахъ, какъ извѣстно, и не такія чудеса бываютъ. Лягушовъ, замѣтивъ наконецъ, что онъ свой капиталъ употребилъ весьма неудачно и неосмотрительно, не хочетъ преслѣдовать Залихватскаго, а придумалъ выдать за него замужъ дочь свою Фаestu (вѣроятно *Фаусту*) безъ приданаго, простивъ только долгъ Залихватскому. Сваха Яковлевна «женщина чистоплотная, точное подобіе вѣчнооблизывающейся кошки,» (повторяемъ слова автора) мигомъ уладила дѣло. Назначены *смотринны* невѣсты въ домѣ Лягушова. Невѣсту одѣваютъ великолѣпнымъ образомъ, а Лягушовъ между тѣмъ въ страшныхъ хлопотахъ по части приготовленій къ приличному угощенію. Но Залихвацкій и не подозреваетъ, что у него есть соперникъ *Алешка* или Алексѣй Семеновичъ, главный приказчикъ Лягушова, юноша лѣтъ двадцати трехъ, съ небольшимъ, какъ говоритъ авторъ. Этого не подозреваетъ и Лягушовъ. Между тѣмъ, «на раменахъ молодого человѣка лежало все зданіе торговли Лягушова, и страшно было пошатнуть этотъ столпъ—все неминуемо разрушилось бы и погибло!» Такъ говоритъ авторъ объ *Алешкѣ*, рѣшительно поражая читателя своимъ высокимъ слогомъ. Пошатни столпъ, то-есть Алексѣя Семеновича, на раменахъ котораго лежатъ цѣлое зданіе, и все неминуемо разрушится и погибнетъ! Какое высокое мѣсто! Оно напоминаетъ намъ стихи Гомера объ Зевсѣ, который нахмурилъ брови и произвелъ землетрясеніе. Но

оставимъ Гомера и обратимся къ совѣсти Лягушова. Надобно замѣтить, что купецъ Лягушовъ, по непремѣнному закону для всѣхъ нашихъ купцовъ, во всѣхъ плохихъ романахъ, повѣстяхъ и другихъ литературныхъ произведеніяхъ, необычайно толстъ; жена его (повторимъ слова автора) была «по толщинѣ не *половина*, а скорѣе удвоенная туша своего супруга.» Замѣтимъ мимоходомъ, что эта купеческая толщина, въ литературѣ и художествахъ, сдѣлалась такою пошлою и избытою вещью, что право совѣстно не только писать, но и читать подобныя описанія. Есть толстые купцы, есть и тонкіе. Что же за бѣда! И во всѣхъ званіяхъ найдешь толстяковъ и тощихъ. Мы знаемъ очень многихъ купцовъ, которые гораздо *тонше* сочинителя Совѣсти Лягушова. Для чего же малевать устарѣлыя карикатуры, вмѣсто природы, которая непремѣнно требуется въ каждомъ путномъ романѣ. Заинтересуйте читателя не уродливою толщиною, не удвоенными тушами, а живымъ изображеніемъ характеровъ, *правдою* описаній; но это не всякому сочинителю дается и удается, какъ извѣстно. Да что объ этомъ толковать! Поспѣшимъ на смотринны невѣсты. Князь Залихватскій пріѣхалъ. Лягушовъ со всѣмъ семействомъ, въ торжественной процессіи, выходитъ къ нему, держа въ рукѣ откупоренную бутылку *шипучаго*, и начинаетъ держать слѣдующую рѣчь:

— «Вотъ-съ, батюшка князь, наша младшая дочечка, Фастьюшка, бьетъ тебѣ челомъ! Просимъ милости любить и жаловать!»

«Фаста рѣбла какъ маковъ цвѣтъ. Натуральная краска была «гуще искусственной и пробивалась наружу сквозь двойной толстый слой бѣлизы и румянъ. Хотя князь чувствовалъ себя не «совѣтъ ловко въ этой почтенной компаніи, однако же ловко наклонилъ голову, въ знакъ привѣтствія, и граціозно принялъ бокаль съ виномъ.»

— «За здоровье вашей *прекрасной* особы!—молвилъ онъ, бросая насмѣшливый взглядъ на румяныя щеки и пуисовое платье «купеческой дочки.»

Какова острота! Ну право, одинъ князь Залихватскій въ состояніи такую выдумать.

Онъ выпилъ уже второй бокаль. Сынокъ Лягушова двадцатидвухлѣтній Васютка или Василій поднесъ, по знаку отца, тарелки съ плодами.

— «Вот сладкіе плоды, а вотъ и нашъ сынокъ Васютка! Просимъ милости любить и жаловать! примолвалъ Лагушовъ.

«Князь взялъ съ тарелки какую-то фигу и, показавъ ее Лагушову, сказалъ:

— «Наконецъ-то вы дождались, что ваши дѣти приносятъ плоды!»

Нѣтъ! ужъ сдѣлайте милость, пощадите! Эта фигу, эти плоды составляютъ такіе каламбуры и остроты, что наводятъ просто страхъ и ужась! Ай да князь Залхватскій! Того и смотри, что насквозь проколетъ, убьетъ своими остротами.

Послѣ этого князь началъ пить шампанское «безъ отговорокъ и безъ каламбуровъ», какъ говоритъ авторъ. Сколько бокаловъ онъ выпилъ—неизвѣстно, но безъ всякаго сомнѣнія порядочное количество, ибо вслѣдъ за тѣмъ князь имѣлъ слѣдующій разговоръ со своею невѣстою:

— «Вы умѣете говорить?»—спросилъ онъ улыбаясь.

— «Не знаю!»—отвѣчала молодая дѣвушка въ замѣшательствѣ, почти шопотомъ и со слезами на глазахъ.

«Князь хотѣлъ было продолжать разговоръ въ томъ же духѣ, но ему стало жаль бѣдняжки, а потому онъ сказалъ:

— «Вы какъ будто боитесь меня? Неужели я кажусь вамъ «такимъ медвѣдемъ?»

— «Да!»—отвѣчала смущенная дѣвушка, сама не помня что «говорить».

— «Прекрасно! Вотъ что называется откровенностію!.. Но если уже на то пошло, то я прошу васъ сказать мнѣ: нравлюсь ли я вамъ или нѣтъ.

— «Нѣтъ!»

— «Мило!.. Больше мнѣ ничего и не нужно знать!.. Я просто «не знаю, какъ благодарить васъ за это!»

— «Не знаю!»

— «Я готовъ разцѣловать васъ!»

— «Да!»

— «Куда же по вашему будетъ приличіе.. въ губки?»

— «Нѣтъ!»

— «Ну такъ въ шейку, что-ли?»

— «Да!»

«Князь наклонился и хотѣлъ-было уже поцѣловать шею купеческой дочки, но дякая дѣвственница проворно вскочила и въ испугѣ воскликнула:

— «Ахъ, маменька! маменька!.. Я боюсь!.. Онъ кусается!»

«Родители испуганной дѣвушки, видѣвшіе покушеніе князя, въ изумленіи переглянулись между собою, и неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта сцена, если бъ на выручку князя не подвернулся «печальный избавитель. Подъ складнымъ столомъ раздался «трескъ, невольно заставившій всѣхъ обратиться въ ту сторону.

«Васютка, хозяйскій сынокъ, бросился изслѣдовать причину «этого страннаго феномена, но едва заглянулъ подъ столъ, какъ «съ испугомъ отскочилъ назадъ и закричалъ:

— «Тянька! Тянька!.. Да тамъ человѣкъ спрятанъ-съ!»

«Дамы съ визгомъ бросились бѣжать въ другую комнату, а старикъ Лагушовъ сказалъ:

— «Что ты лжешь, сквернавецъ! Какой тамъ человѣкъ?»

— «Ей-же-ей, право слово человѣкъ!»—отвѣчала блѣдный отъ «страха Васютка.

«Не смотря на то, что старикъ Лагушовъ не вѣрилъ словамъ «сына, онъ боялся однако подойти къ столу и не трогался съ «мѣста. Васютка также держалъ себя на готовѣ, чтобы въ случаѣ малѣйшей опасности, наострить лыжи; только одинъ князь «не потерялъ присутствія духа и даже мгновенно создалъ изъ «всего этого приключенія живую картину подъ названіемъ: *бу- «ря въ стаканъ воды!* Твердыми шагами подошелъ онъ къ столу «и поднялъ висѣвшую на петляхъ половинку стола. Взоры Ла- «гушова и сына издали впилсь въ полуосвѣщенное подстоль- «ное пространство и имъ представился, весь вполнѣ, скрывав- «шійся до того времени, Алеша.

«Молодой человѣкъ сидѣлъ, согнувшись, въ самой низкой «позиціи и, робко выглядывая, соображалъ, что для него было «выгоднѣе: остаться ли въ своей засадѣ или сдѣлать вылазку? «Разсудивъ здраво, что пребываніе подъ столомъ было для него «низко, неудобно и бесполезно, онъ выползъ оттуда на четвер- «енькахъ, и сталъ на ноги, можно сказать, совершенно сви- «тый съ ногъ. Князь отнял руку и половинка стола стремитель- «но опустилась. Раздался сильный стукъ, отъ котораго Лагу- «шовъ съ сыномъ невольно вздрогнули, а дамы, бывшія въ семъ «сѣдней комнатѣ, опрометью бросились въ самые отдаленны «цокон дома.

— «Алешка! — воскликнулъ прежде всѣхъ сынъ Лагушова.

— «Что ты здѣсь дѣлаешь, окаянный? — вскричалъ въ слѣдъ «за сыномъ отецъ.

— «Прогулываюсь! дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ, оробѣ-
лый приказчикъ.

«Князь громко захохоталъ.

— «Тѣсна же твоя дорога, дружокъ, и не уйти тебѣ по ней
«далеко! — сказалъ онъ.

«Алеша стоялъ потуши взоръ и ничего не отвѣчалъ.»

Приказчикъ Алеша совершенно правъ. Прочитавъ такую на-
туральную и со всею психологическою вѣроятностью веденную
сцену, прочитавъ первую часть романа, гдѣ много подобныхъ
красотъ и острогъ, и мы потушили взоръ и болѣе ничего не
скажемъ. Вторая часть романа, которой мы не читали, безъ
сомнѣнія, не уступитъ первой.

МОСКВА И МОСКВИЧИ. *Записки Богдана Ильича Бельскаго, изда-
ваемыхъ М. Н. Загоскинымъ. Выходъ третій. Москва. Въ Уни-
верситетской типографіи, 1848 года. Стр. 538.*

Случалось ли вамъ, почтенные читатели, послѣ нескладной,
раздирающей уши, ученической игры на скрипкѣ, вдругъ ус-
лышать восхитительные звуки, производимые волшебнымъ смѣ-
чкомъ опытнаго, знаменитаго виртуоза? Точно такое же отрад-
ное чувство, такой же восторгъ почувствовали мы, когда послѣ
Совѣсти кутца Алуциова принялись читать произведение М. Н.
Загоскина. Оно уже знакомо намъ и всемъ по *Библиотекѣ для
чтенія*, которая всегда была строго-разборчива и никогда не
украшала своихъ страницъ мишуурою вмѣсто золота; но Загоскина
можно прочитать два раза, пять разъ, десять разъ съ истин-
нымъ наслажденіемъ! Существуетъ или, вѣрнѣе сказать, суще-
ствовала нѣкоторая литературная партія, по французскому вы-
раженію, *котерія*, которая всѣми силами своими домогалась
доказать, что у Загоскина нѣтъ таланта; что онъ отсталъ отъ
вѣка; что онъ писатель плохой. Не станемъ теперь оспаривать
такую нелѣпицу и много говорить объ этой жалкой *котеріи*,
вспомнивъ латинскую пословицу: *de mortuis aut bene, aut nihil!*
Къ этой покойной *котеріи* можно было бы съ полнымъ правомъ
примѣнить еще слѣдующую русскую, довольно глупую послови-
цу: «Жила бабушка—не мѣшала; умерла—не жаль!» но мы этой
пословицы не хотимъ примѣнять ни къ чему, а привели ее такъ,
просто, въ видѣ справки.

Хотѣлось бы намъ, для доказательства законности нашего во-
сторга и истиннаго наслажденія, выписать что-нибудь для на-

шихъ читателей изъ третьяго выхода *Москвы и Москвичей*; но
въ намѣреніи нашемъ встрѣтили мы немаловажное затрудненіе.
Что выписать? Если выписывать все хорошее, то пришлось бы
перепечатать весь третій выходъ *Москвы и Москвичей*, а это
противно праву литературной собственности, въ нарушеніи ко-
торого вздумалось недавно *Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ*
обвинять *Сына Отечества* по слѣдующему, весьма курьозному
обстоятельству.

Отвѣтъ САНКТПЕТЕРБУРГСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

Въ номерѣ 129 *Санктпетербургскихъ Вѣдомостей* (11 іюня)
прочитали мы, не безъ удивленія, обвиненіе, будто бы *Сынъ
Отечества* нарушилъ право литературной собственности, пере-
печатавъ изъ частореченныхъ Вѣдомостей, въ іюньской своей
книжкѣ, небольшое стихотвореніе князя Вяземскаго, но въ загла-
віемъ *Святая Русь*, которое было перепечатано и въ *Инцидентѣ*.

Если бы *Сынъ Отечества* напечаталъ какое-нибудь рукописное
сочиненіе князя Вяземскаго, хоть энниграмму въ два или четыре
стиха, не испросивъ его дозволенія; то это, конечно, было бы
нарушеніемъ права литературной собственности; но *Сынъ Оте-
чества* перепечаталъ стихотвореніе его изъ *Санктпетербургскихъ
Вѣдомостей*, которыя, какъ извѣстно, издаются не въ рукописи,
для общаго чтенія, и внизу страницы напечатано въ *Сы-
нѣ Отечества* весьма явственно слѣдующее подстрочное примѣ-
чаніе:

«Это стихотвореніе, проникнутое живымъ, теплымъ чувствомъ
«патріотизма, было напечатано въ *Санктпетербургскихъ Вѣдо-
мостяхъ* (6 мая). Помѣщаемъ его въ нашъ журналъ, въ увѣ-
«ренности доставить истинное удовольствіе каждому, кто—выра-
«зимся словами автора,—дорожитъ тѣмъ, что онъ *сынъ родной
«Россіи*.»

Вѣроятно, незвѣстный обвинитель *Сына Отечества* или не-
усмотрѣлъ, по близорукости, этого подстрочнаго примѣчанія,
или не захотѣлъ усмотрѣть, возымѣвъ непреодолимое желаніе
блеснуть своимъ краснорѣчіемъ и показать свое искусство въ со-
чиненіи обвинительныхъ рѣчей въ родѣ извѣстной рѣчи Цице-
рона противъ Катилины: *Quousque tandem, Catilina, abutere pa-
tientia nostra!* «Не снесу, не стерплю, не допущу!» восклицалъ
древній Цицеронъ, обличая Катилину. По примѣру его и новѣй-
шій Цицеронъ восклицаетъ: «Мы увѣрены, что не смотря на та-

(X) *Инцидентъ. Звѣ, стр. 1—3.*

«кое—къ несчастію, не рѣдкое у насъ—неуваженіе къ праву «литературной собственности, почтенный авторъ достигнетъ «своей цѣли и что это стихотвореніе, *котораго мы хвалимъ не «смѣемъ*, * потому что *имѣли честь украсить имъ нашу газету*, «разойдется въ огромномъ числѣ экземпляровъ и тѣмъ усилитъ «средства истинно-благотворнаго заведенія, въ пользу котораго «вздано.»

Все это очень трогательно, высоко, но очень несправедливо! Новѣйшій Цицеронъ, посреди этихъ цвѣтовъ краснорѣчія, объявляетъ, что стихотвореніе князя Вяземскаго отпечатано нынѣ отдельною книжкою и продается въ книжныхъ лавкахъ Ратькова и другихъ книгопродавцевъ по 25 коп. серебромъ въ пользу Второй Адмиралтейской школы, и потому перепечатаніе этого стихотворенія тѣмъ болѣе неумѣстно.

Помилуйте, господинъ Цицеронъ! За чѣмъ же вы не объявили этого новаго обстоятельства заблаговременно, прежде еще печатнаго украшенія *Санктпетербургскихъ Вѣдомостей* означеннымъ стихотвореніемъ?.. И откуда вы взяли, что похвала *Сына Отечества* этому стихотворенію, *котораго вы хвалите не смѣете*, повредитъ продажѣ отдельнаго его изданія въ пользу Второй Адмиралтейской школы? Что это за логика? Мы напротивъ увѣрены, что указаніе *Сына Отечества* будетъ способствовать распродажѣ экземпляровъ и достиженію благотворительной цѣли почтеннаго автора. Очевидно, что цицероновское обвиненіе насъ въ неуваженіи права литературной собственности и неумѣстности нашего поступка, неумѣстимо въ самую крошечную, гомеопатическую рамку справедливости и здравой логики.

Всѣ русскія ежедневныя газеты почти каждый день записываютъ другъ у друга разныя статейки, *съ указаніемъ источника*, а ихъ никто до-сихъ-поръ, съ сотворенія міра, не вздумалъ уличать въ нарушеніи права собственности, потому, что такое обвиненіе было бы несправедливо и смѣшно. Неужели журналу, выходящему одинъ разъ въ мѣсяцъ, книгою въ тридцать печатныхъ листовъ и болѣе, не дозволено указать своимъ читателямъ на небольшое стихотвореніе, напечатанное въ какой-либо ежедневной газетѣ, и похвалить его, а слѣдовательно похвалить вмѣстѣ и ту газету? Кажется, такого запрещенія не существовало ни въ древнія, ни въ новѣйшія времена, ни даже

* А мы осмѣлились! — откровенно признаемся въ нашей смѣлости. Ред.

въ вѣкъ Цицерона. Гдѣ же неуваженіе права литературной собственности, въ которомъ новѣйшій, неизвѣстный Цицеронъ обвиняетъ *Сына Отечества*, и которое, по его патетическому увѣренію, не рѣдко у насъ къ несчастію? Оно, очевидно, существуетъ только въ пылкомъ воображеніи оратора и автора упомянутой обвинительной рѣчи. Воображеніе каждаго писателя мы считаемъ такою же священною собственностью, какъ и собственность литературную, и потому не смѣемъ прибавить болѣе ни словечка. Скажи еще что-нибудь, такъ, пожалуй, новѣйшій Цицеронъ обвинитъ насъ въ неуваженіи права литературнаго воображенія. Мы всѣ права всегда свято уважали, уважаемъ и будемъ уважать. *Vale*, новѣйшій Цицеронъ!

ВЫТЬ РУССКАГО НАРОДА. Сочиненіе А. Терещенки. Въ VII частяхъ.

Въ предыдущемъ номерѣ *Сына Отечества* мы уже рассмотрѣли первую часть этого сочиненія и довольно подробно рассказали ея содержаніе. Къ собственному нашему неудовольствію, мы не много могли указать въ ней достоинства, а напротивъ съ сожалѣніемъ должны были часто останавливаться на качествахъ, совершенно противоположныхъ тѣмъ, какихъ ожидаешь отъ сочиненія такого рода. Подобныя остановки, непріятныя и при чтеніи и при разборѣ книги, бываютъ слѣдствіемъ разочарованія, слишкомъ чувствительнаго разрушенія той надежды, съ какою берешься за книгу, судя по ея названію. Первый ударъ, нанесенный нашимъ надеждамъ и ожиданіямъ, всегда чувствителенъ. Но потомъ мало-по-малу присматриваешься, привыкаешь къ естественному порядку вещей, не смотря на ихъ несогласіе съ нашимъ идеаломъ. Такъ и при дальнѣйшемъ чтеніи *Быта русскаго народа*, мы мало-по-малу привыкли къ неотъемлемымъ его качествамъ, о которыхъ говорили въ предыдущей книгѣ журнала. Отсутствие, напримѣръ, связи и порядка, противорѣчія исторіи, недомолвки, и тому подобныя обстоятельства насъ уже болѣе не удивляли, не приводили въ недоумѣніе; намъ казалось уже, что это такъ и должно быть, что все это здѣсь на своемъ мѣстѣ, что безъ этого сочиненіе г. Терещенки потеряло бы даже свой колоритъ. Всѣ вышесказанные качества, часто повторяясь въ другихъ частяхъ *Быта*, тѣмъ менѣе поражали насъ, что мы нашли очень изви-

нительную всему причину, — возлпшнее обиліе предметовъ, которыхъ авторъ, по усердію ли или по другимъ побужденіямъ, касаясь въ своихъ изслѣдованіяхъ. Довольно указать на первую главу въ III части: *Времечисленіе*. Въ этой главѣ разсматривается времечисленіе у Евреевъ, Ассиріянъ, Вавилонянъ, Персовъ, Финикійцъ, Троянъ, Египтянъ, Кароагенянъ, Римлянъ, Христіанъ, Магометанъ; потомъ представлена таблица церковныхъ буквъ и римскихъ знаковъ, употребляемыхъ въ счетѣ, и арабскихъ чиселъ; потомъ перебираются названія мѣсяцевъ у разныхъ народовъ: Египтянъ, Египтянъ, Сирійцевъ, Грековъ, Римлянъ, Евреевъ, и прочее и прочее. Удивительно ли послѣ этого, что громадность изслѣдованій подавила, во многихъ мѣстахъ, самый смыслъ? Удивительно ли, что авторъ говоритъ: «Лѣто означало въ древности время человѣческой долговѣчности, и было иногда началомъ новаго года, который вели отъ наступленія лѣта; потомъ когда стали вести времечисленіе съ весны, полнолунія и весенняго равноденствія, то превратилось лѣто въ названіе года!»?

Почему авторъ счелъ нужнымъ наполнить свое сочиненіе изслѣдованіями, вовсе не относящимися къ его предмету? Мы указали сейчасъ на названія мѣсяцевъ, употребляемыхъ разными народами, названія, которыя нимало не поясняютъ древнихъ славянскихъ наименованій мѣсяцевъ. Авторъ и самъ понимаетъ это, потому-что не старается открыть хотя отдаленнаго между ними сближенія. Но всему видно, что онъ коснулся лѣтосчисленія у всѣхъ народовъ, потому только, что началъ говорить о лѣтосчисленіи въ Россіи; слѣдовательно онъ безотчетно покорялся закону сродства идей. Господство того же закона замѣтно во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только представляется возможность для его дѣйствования. Заговорить ли авторъ о свадебныхъ обрядахъ, непременно зайдетъ къ Евреямъ, Вавилонянамъ, Грекамъ и Римлянамъ, и при этомъ скажетъ что-нибудь такое, чего вовсе никогда не бывало. Объ обрядѣ обрученія у Евреевъ говорится такъ: «Еврей, при собраніи постороннихъ людей, обручали молодыхъ перстнями, въ знакъ неразрывнаго союза; давали имъ пить сладкое вино изъ сосуда, заѣдая ячменной лепешкою, и клялись въ взаимной любви и вѣрности.» То есть, молодые пили вино, а другіе закусывали и клялись въ любви! Далѣе говорится, что «у нашихъ Коряковъ, племени Камчадаловъ (?), было прежде въ обыкновеніи имѣть, вмѣсто

женъ, каменные статуи, и ихъ одѣвали въ платье, клали съ собою спать, шутливи съ ними и забавлялись, какъ бы съ существами, чувствующими удовольствіе и радость.» Нельзя не сознаться, что продолженіе бытія Коряковъ составляетъ неразрѣшимую загадку. — Зайдетъ ли рѣчь о какомъ-нибудь празднествѣ, опять выступаютъ на сцену Греки и Римляне, иногда Индѣйцы, Гебры, или Бритты и Англо-Саксы. Коснется ли дѣло до какого-нибудь вѣрованія, снова раскрываются сказанія о временахъ глубокой древности. Положимъ, что всѣ подобныя свѣдѣнія, представленные безъ искаженій, любопытны и полезны сами по себѣ. Но по какому праву они вошли въ *Бытъ русскаго народа*? Это непонятно. Быть можетъ, авторъ хотѣлъ указать сходныя черты въ обрядахъ и обычаяхъ Славянъ съ обрядами и обычаями другихъ народовъ, и изъ этого вывести правдоподобное заключеніе о сношеніяхъ Славянъ съ тѣми народами. Но у автора и намекъ нѣтъ на подобную методу. Быть-можетъ, не хотѣлъ ли онъ собрать только матеріалы для сравненія обрядовъ и увеселеній, существовавшихъ въ мірѣ славянскомъ и у другихъ племенъ, а самый трудъ сравнить эти элементы народнаго быта предоставить другимъ? Но для этого слѣдовало бы написать полную картину нравовъ и обыкновеній всѣхъ или по-крайней-мѣрѣ историческихъ народовъ; между тѣмъ въ сочиненіи г. Терещенки, находимъ эти указанія, какъ будто набросанныя по случаю, вырванныя кое-откуда, мимоходомъ. Поэтому мы и считаемъ эти указанія совершенно лишнимъ, ненужнымъ матеріаломъ, безъ пользы разширившимъ объемъ сочиненія г. Терещенки. И потому, не имѣя желанія останавливаться на подробномъ разсмотрѣніи такихъ свѣдѣній, мы ограничимся указаніемъ предметовъ, наполняющихъ шесть книгъ *Быта*, изъ которыхъ четыре отличаются благовидною полнотою, и только двѣ граціозно тощи.

Во II части *Быта*, описываются свадьбы, со всѣми, извѣстными автору, обрядами, какіе существовали у Славянъ и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ, и даже съ нѣкоторыми прибавленіями, вымышленными самимъ авторомъ, вѣроятно для большаго эффекта или для красоты. Говоря о значеніи супружества въ обществѣ, г. Терещенко разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Восточный житель, глава семейства, считалъ для себя первой заботой оставить послѣ себя потомство. Не имѣть дѣтей, — бы-

ло знаменіемъ небеснаго гнѣва. У Иудеевъ *безплодная женщины были побиваемы камнями.*» Гдѣ это г. Терещенкъ удалось открыть такое страшное сказаніе? Правда безчадіе у Евреевъ почиталось безчестіемъ въ жизни супружеской и, какъ тяжкое бѣдствіе, повергало супруговъ въ глубокую скорбь и уныніе. И это извѣстно всякому, кто читалъ исторію Авраама, Рахили, Анны, матери Самуила. Но чтобы неплодная женщины были побиваемы камнями, это извѣстіе только и можно найти въ сочиненіи г. Терещенки. Разсуждая о томъ же предметѣ, гость, о значеніи супружества въ обществѣ, г. Терещенко говоритъ: «*Пробъжигъ мысленно появленіе любви, какъ основы брачнаго союза.*» Пробѣгая заданный себѣ вопросъ и вѣроятно слишкомъ скоро, авторъ второпяхъ такъ отзывается о востокѣ: «Востокъ, колыбель народовъ, первый *выразилъ на себѣ* чувство сердца, но сердца пламеннаго; тамъ *все* (?) было основано на чувственномъ стремленіи одного пола къ другому, *все* (?) ограничивалось одной заботливостію о страстномъ наслажденіи,—и потому тамъ люди не были выше животныхъ (!!).» Понимаетъ ли авторъ, что разумѣется подъ именемъ Востока? понимаетъ ли, что до степени животныхъ онъ унижаетъ тѣ народы, которые въ исторіи называются народами образованными, гражданственными, которые оставили памятники своей гражданственности, въ самыхъ развалинахъ служащіе предметомъ удивленія для образованныхъ Европейцевъ! Но все-таки эти порицанія понятнѣе, чѣмъ похвалы, возданныя авторомъ Греціи. «Не таково чувство любви проявилось въ Греціи. Тамъ она была идея красоты (!); тамъ въ самыхъ мѣстахъ возмѣлась мысль любви, *въ общей дѣйствительности всемірной жизни,—въ Эротѣ,—послѣ коего произошло рожденіе женской красоты,—въ Афродитѣ.*» Вообщемъ, заключаетъ г. Терещенко, женщина для Грека была прекрасная, и назначеніе ея было чувство *изящной страсти* (?).» Что это такое? Изящная страсть? Быть-можетъ, авторъ разумѣетъ возвышенныя чувства чистой любви. Но если бы г. Терещенко потрудился заглянуть въ литературныя произведенія цвѣтущихъ временъ Греціи, напримеръ въ комедіи Аристофана, онъ увидѣлъ бы, какое изящное чувство господствовало въ отношеніяхъ мужчинъ къ прекрасному полу. То былъ самый грубый развратъ. Впрочемъ мы замѣтили, что всѣ такого рода мысли въ этомъ сочиненіи какъ будто у себя, дома. Потому

оставимъ безъ вниманія и «вздыхательный романтизмъ», въ которомъ, по выраженію автора, проявилась любовь въ средніе вѣки, и размышленіе о блаженствахъ (!) любви нашего времени.

Во II части Быта, любовитны описанія свадебъ, въ Россіи, въ разныя эпохи, и въ разныхъ классахъ, преимущественно же въ классѣ простолюдиновъ. Г. Терещенко перебралъ почти всѣ губерніи, и для каждой составилъ описаніе существующихъ въ ней свадебныхъ обрядовъ. Труда довольно, но много ли отъ того пользы? Не лучше ли бы сдѣлать общій обзоръ свадебныхъ обрядовъ, во всей Россіи, и указать только особенно замѣчательныя видоизмѣненія, объяснивъ, если возможно, причины этихъ перемѣнъ? Одинакія подробности свадебъ, повторяющіяся въ каждой главѣ, посвященной описанію свадебныхъ обрядовъ той или другой губерніи, слишкомъ утомительны. Притомъ же современное раздѣленіе Россіи на губерніи отнюдь не можетъ быть причиною разности въ какихъ-нибудь народныхъ обыкновеніяхъ. Основанія этой разности надо искать въ древнемъ раздѣленіи русскихъ Славянъ, когда каждое племя, по словамъ лѣтописца, имѣло свои нравы и обыкновенія.

Въ III части *Быта русскаго народа* говорится о *временисчисленіи*, и говорится, какъ мы замѣтили, слишкомъ много для быта русскаго народа; потомъ о крещеніи, похоропахъ, поминкахъ и Пдмитріевской суботѣ. Въ IV части описываются забавы русскаго народа: игры и хороводы; въ V части, народные обряды; въ VI, обрядные (?) праздники, и еще нѣчто другое; наконецъ въ VII, святки и масленица. Въ послѣдней части, г. Терещенко, не вдаваясь въ утомительныя подробности, какъ въ описаніи свадебныхъ обрядовъ, хотѣлъ представить общую картину святочныхъ увеселеній на святой Руси. Но у него какъ-то неловко слялись въ этомъ описаніи различныя эпохи, такъ что не можешь понять о какихъ временахъ говоритъ авторъ. «Въ старые годы, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, а потомъ черезъ нѣсколько строкъ прибавляетъ, что «разсказываютъ старые люди» какъ очевидцы. Значить изображаемая имъ эпоха восходитъ много, много, что лѣтъ за восемьдесятъ или девяносто. Между тѣмъ, въ этомъ изображеніи встрѣчаются такія лица, такіе костюмы и такіе нравы, что никакъ не вѣрится, чтобы такъ проводили святки въ Россіи въ предполагаемую нами эпоху. Являются на сцену какія-то *бабки позыватки*, которыя приглашали дѣвницъ на святочные вечера въ какой-нибудь богатый домъ. «Бабки-позыватки полу-

чали отъ дѣвницъ подарки, узелки съ орѣхами, пряниками и винами ягодами. Отдавая ихъ, одна изъ дѣвницъ улыбалась и говорила: вотъ тѣ, бабушка, возьми, не прогнѣвайся, вичкамъ твоимъ зубки позабавить, а тебѣ на потѣшенье. — Вѣстимо, мать моя, отвѣчала бабка-позыватка, благодарствуемъ, и уходила отъ нея съ поклономъ. Обдаренная *трубила* по всѣмъ домахъ, о любезности и красотѣ дѣвушки, которая въ домѣ родителей сущій ангельчикъ, — а маленькія дѣтки у нея (у дѣвушки!), что цвѣточки твои!» Въ какую эпоху такіе цвѣточки составляли украшеніе дѣвушки, сущаго ангельчика — рѣшительно не знаемъ. Изъ послѣдующаго описанія видно только то, что въ ту чудную эпоху, «бабушка-воркуня толковала дѣвницѣ, какъ вести себя (въ гостяхъ) и не крѣпко засматриваться на суженыхъ! да они, вѣдь, плуты, мать моя!» Изъ послѣдующаго же видно, что въ общую комнату, куда собирались красавицы къ завтраку, «никто не могъ входить изъ мужчинъ, кромѣ — какихъ мужчинъ, вы думаете? — Горничныхъ, нянюшекъ и свахъ похолодокъ». Изъ послѣдующаго же видно, что въ ту эпоху, дѣвницы «препровождали время въ *кусаніи* орѣховъ, *луценіи* семянъ, *кушаньи* сластей» и потомъ, «сидѣли, какъ на *толкахъ*, когда имъ пѣли про будущую ихъ долю.» Дамѣ слѣдуютъ такія загадки, которыхъ мы не рѣшаемся выписывать, чтобы не оскорбить слуха и нравственнаго чувства читателей; между-тѣмъ, г. Терещенко, помѣтившій эти загадки въ своемъ сочиненіи, сожалѣетъ еще, что онѣ не всѣ у насъ собраны!

Въ заключеніе скажемъ, что сочиненіе г. Терещенки заключаетъ въ себѣ довольно обильное собраніе русскихъ народныхъ пѣсней, частью заимствованныхъ изъ извѣстныхъ уже пѣсневиковъ, а частью собранныхъ имъ самимъ. Можно было бы только пожелать, чтобы авторъ устранилъ изъ сочиненія свои объясненія, которыя искажаютъ смыслъ пѣсней. Объясняя святочные пѣсни, г. Терещенко, между прочимъ, пишетъ: «Сердце дѣвушки груститъ: оно ищетъ суженаго, мысленно готовитъ ему полотенце и постель (!):

«По огороду хожу, полотенцы стелю,
«Слава!
«Я еще похожу, я еще постелю.
«Слава!»

Глаголъ *постелю* авторъ принимаетъ за существительное: *постель!*

Довольно любопытны описанія игръ и хороводовъ. Къ сожалѣнію, авторъ не ограничивается однимъ изображеніемъ этихъ игръ, а примѣшиваетъ еще свои размышленія, которыя всегда какъ-то не въ гармоніи съ предметомъ, вызвавшимъ эти размышленія. Вотъ описаніе игры, называемой: цвѣтъ. «Садятся въ кружокъ мужчины и дѣвушки. Одинъ изъ играющихъ ходитъ въ кругу и раздастъ названія цвѣтовъ: бѣлаго, алОго, синяго, полеОго, бланжевОго, и т. п., а себя называетъ чертополохомъ. Потомъ, раздавшій названія цвѣтовъ, говоритъ: чертополоховый цвѣтъ прекрасный, алый не хорошъ. — Алый отвѣчаетъ: алый цвѣтъ прекрасный, а синий не хорошъ. Синій отвѣчаетъ: синий цвѣтъ прекрасный, бѣлой не хорошъ, и такимъ образомъ всякій изъ играющихъ защищаетъ свое названіе. Кто не успеетъ защитить себя, или скажетъ, что цвѣтъ прекрасный, съ котораго взяли уже фантъ, то беретъ и съ него фантъ. — По набраніи фантовъ разыгрываютъ ихъ.»

Конечно, каждый изъ читателей, если они будутъ, остался бы доволенъ этимъ описаніемъ игры, не смотря даже на странное правописаніе; довольно и того, что рассказано ясно и понятно. Но авторъ не удержался, чтобы не предаться глубокомыслию. «Никто не хочетъ, прибавляетъ онъ, сознаться въ своихъ нелостаткахъ; всякій думаетъ и говоритъ: я хорошъ, а тотъ не хорошъ; у того больше недостатки, а у меня ихъ нѣтъ. — Въ глазу ближняго видятъ соломенку, а въ своемъ не видятъ сучка. *Страсти заглушаютъ разсудокъ.*» Уже ли авторъ и въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что въ этой игрѣ проявляются страсти, заглушающія разсудокъ?

Въ такомъ духѣ, написало семь книгъ!

полный нѣмецко-русскій словарь, составленный по лучшимъ источникамъ В. Эртелемъ, выпускъ 1-й, 2-й и 3-й. С. Петербургъ. Типографія департамента военныхъ поселеній. Стр. 720.

Съ удовольствіемъ извѣщаемъ о выходѣ въ свѣтъ первыхъ трехъ выпусковъ полнаго Нѣмецко-Русскаго Словаря, составленнаго В. А. Эртелемъ. Смерть, постигшая автора въ сентябрѣ 1847 года, приостановила на время печатаніе этого труда; но наследники, желая удовлетворить г. г. подписчиковъ, внесенныхъ уже деньги, рѣшились продолжать печатаніе этого Словаря, самимъ авторомъ исполнѣ оконченаго въ рукописи, и обогатить такимъ образомъ филологическую литературу нашу новымъ и превосходно-составленнымъ сочиненіемъ.

Съ 1798 года въ нашей литературѣ не появлялось ни одного полнаго нѣмецко-русскаго словаря. Лексиконъ, составленный по Аделунгу и изданный въ концѣ прошлаго столѣтія, теперь уже устарѣлъ и вовсе не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ. Поэтому г. Эртель оказалъ истинную услугу нашей литературѣ, посвятивъ свои труды составленію полнаго нѣмецко-русскаго словаря, который удовлетворяетъ вполне потребностямъ настоящаго времени и въ которомъ мы уже давно чувствами крайнюю нужду. Во сколько разъ словарь г. Эртеля полнѣе Аделунгова, можно видѣть уже изъ того, что на одну букву А, въ первомъ изъ нихъ, помѣщено болѣе 4,000 новыхъ словъ, не вошедшихъ въ составъ словаря Аделунга. Весь трудъ составленъ съ знаніемъ дѣла и совѣстливостью. Различныя значенія словъ расположены по порядку логической послѣдовательности и обогащены прилично фразеологіею, а выраженія морскія, горныя, лѣсныя и медицинскія выбраны изъ новѣйшихъ достовѣрныхъ источниковъ.

Въ послѣдній годъ своей жизни, авторъ занимался исключительно пополненіемъ рукописи техническими словами и терминами, и это обстоятельство, возвысивъ достоинство труда, увеличило вмѣстѣ съ тѣмъ и объемъ лексикона, такъ что, вмѣсто предполагаемыхъ 7 выпусковъ, каждый въ 15 листовъ, полное изданіе будетъ составлять не менѣе десяти выпусковъ. Такое увеличеніе объема повлекло за собою и необходимое измѣненіе прежней подписной цѣны (6 руб. сер.). Теперь, до выхода 4-го выпуска, къ печатанію котораго уже приступлено, подписная цѣна будетъ 7 руб. сер.; а послѣ того подписка прекратится и цѣна значительно увеличится. Взносъ денегъ остается на прежнемъ основаніи, а именно: за 1-й выпускъ 2 руб. сер., и за каждый изъ послѣдующихъ по 1 руб. сер., пока не пополнится вся подписная сумма. Само собою разумѣется, что подписавшіеся съ самаго начала, вносятъ по прежнему только 6 руб. сер. за весь словарь, и получаютъ 8-й и послѣдующіе выпуски безденежно. Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Крашенинникова, на Михайловской площади, въ домѣ католической церкви; иногородные прилагаютъ всѣсовыхъ за 6 фунтовъ.

Изъ вышедшаго нынѣ 3-го выпуска видно, что словарь издается съ тою же тщательностію, какъ и прежде. Онъ печатается на хорошей бумагѣ, въ большую восьмушку, въ два

столбца, убористымъ и четкимъ шрифтомъ, и весьма удобенъ для употребленія. Конечно, публика не оставитъ безъ вниманія этотъ совѣстливый и огромный трудъ, которымъ покойный В. А. Эртель занимался постоянно слишкомъ десять лѣтъ.

Въ заключеніе, мы должны упомянуть, что этотъ словарь былъ представленъ въ Императорскую Академію наукъ и разсмотрѣн членомъ ея, академикомъ Востоковымъ, который нашелъ его отлично-хорошо составленнымъ и дающимъ полное право на присужденіе автору словаря Демидовской премии.

ИГРЫ: ПРЕФЕРАНСЪ, ПРЕФЕРАНСЪ-ВАВОЕМЪ И ВИСТЪ-ПРЕФЕРАНСЪ. Москва. Въ типографіи А. Семена. 1848. Стр. 62.

Маленькая книжка, въ длину и ширину не болѣе карточной колоды, въ толщину же не болѣе трети колоды. Она заключаетъ въ себѣ объясненіе преферанса во всѣхъ его видахъ и подраздѣленіяхъ. Если кто-нибудь не знаетъ еще правилъ преферанса (предположеніе весьма смѣлое и очень сомнительное), то совѣтуемъ купить эту книжку за 40 коп. серебромъ, прочесть ее внимательно и потомъ, разъ пять или шесть сряду, хорошенько проигратъся, платя за каждый практическій урокъ рублей 40 и даже болѣе, если угодно. Тогда ручаемся, что всѣ правила игры у васъ останутся твердо въ памяти, и вы совершенно выучитесь играть въ преферансъ по этой книжкѣ. Напечатана она очень мило въ извѣстной московской типографіи А. Семена. На оберткѣ двѣ виньетки. Одна изображаетъ трехъ игроковъ, сидящихъ за карточнымъ столомъ, съ печальными фізіономіями; у каждаго ротъ завязанъ носовымъ платкомъ. Вѣроятно, всѣ трое страдаютъ зубною болью. Иначе мы не можемъ объяснить этого явленія. Въ Петербургѣ никто, никогда не видывалъ игроковъ въ преферансъ, съ завязанными ртами. Напротивъ, у всѣхъ играющихъ въ эту игру, уста бываютъ очень развязаны по случаю прикупокъ, переговоровъ, разсужденій и даже (въ нѣкоторыхъ кругахъ общества) жаркихъ споровъ о незаконности хода, *подсигиваньи*, припискѣ лишняго и проч. Другая виньетка на оберткѣ изображаетъ чертенка, окруженнаго картами, опирающагося лапою на шкворную семерку и дразнящаго языкомъ всякаго, кто возьметъ книжку въ руки. Бездѣльнички! Такъ и хочется дать ему по носу шелька! Эта мода украшать обертки книгъ, виньетки въ книгахъ, ноты, фонари для иллюминацій, колпаки для лампъ и другія

произведенія художествъ, чертами и чертенятами перешла къ намъ изъ Парижа, гдѣ чортъ давно въ большомъ ходу, въ особенности же съ февраля нынѣшняго года. По нашему маѣ-нію, мода эта чрезвычайно не граціозна. Что за пріятность, напримѣръ, хорошенькой дѣвушкѣ взять, въ свои бѣлыя руки, ноты вальсовъ, сочиненныхъ Ланперомъ, Штраусомъ и Лабички-кимъ и изданныхъ въ Парижѣ подъ названіемъ: *Le diable rouge*, то есть: *Красный дьяволъ*? Чудное названіе вальсовъ! Что за наслажденіе увидѣть, на заглавномъ листѣ нотъ, отвратитель-ную образину съ рогами, когтями, крыльями летучей мыши, и хвостомъ, которую окружаютъ мелкіе чертенята, въ при-личномъ количествѣ, и украшаютъ своими рогами и хвостика-ми имена прославившихся вальсами композиторовъ! Что тутъ за мысль? Что за краса? Глупо, отвратительно, и болѣе ниче-го. Совѣтуемъ всѣмъ нашимъ рисовальщикамъ выветокъ, обер-токъ и прочихъ *украшательныхъ* вещей, изгнать въ преиспод-нюю чертей и чертенятъ *красныхъ, синихъ* и всѣхъ прочихъ цвѣтовъ. Предоставимъ ихъ исключительнымъ любителямъ или нѣяницамъ, по простонародному русскому выраженію, *допив-шимся до чертиковъ*. Чортъ, право, не представляетъ ничего привлекательнаго, граціознаго.... а впрочемъ, довольно! За-молчимъ! Чортъ съ нимъ!

К. МАСАЛЬСКІЙ.

Стиль.

ПИСЬМА ПУТЕШЕСТВЕННИКА КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Отъ Лейпцига до Веймара.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга, люди путешество-вавшіе безпрестанно твердили мнѣ, что должно останавливать-ся въ *лучшихъ* гостиницахъ.

Развернувъ *Русскій Путеводитель за границу*, я прочиталъ въ немъ на 12 страницѣ:

«...за границу никогда не должно останавливаться во второстепенныхъ трактирахъ: столъ, помѣщеніе, прислу-га въ нихъ плохіе, а цѣны тѣ же, какъ и въ лучшихъ гостиницахъ.»

Впоследствии я прочиталъ въ Санктпетербургскихъ Вѣдомо-стяхъ, въ письмѣ г. Чижова изъ Рима:

«...у большей части нашихъ путешественниковъ, по пре-данію, составилось правило, что непременно надобно оста-навливаться въ *самыхъ лучшихъ* трактирахъ, а за важ-ность этого правила они платятъ очень дорого.»

Всѣ правы.

Но надобно замѣтить, что въ каждомъ нѣсколько значитель-номъ городѣ только *одинъ самый лучший* трактиръ, который не составляетъ особеннаго разряда, а сливается съ *лучшими* и отличается отъ нихъ, можетъ-быть, только тѣмъ, что въ пу-теводителяхъ стоитъ въ главѣ ихъ, и что странствующіе при-

казячки, *commis-voyageurs*, *вѣчные жида* заграничной промышленности, всегда совѣтуютъ вамъ остановиться въ этой *самой лучшей* гостинницѣ, хотя сами довольствуются *лучшими*, которыя уступаютъ первой только въ роскоши убранства и то не всегда.

Не во гнѣвъ будь сказано нашимъ строгимъ литературнымъ судьямъ, неумолимо преслѣдующимъ путешественниковъ, дерзающихъ толковать о гостинницахъ и трактирахъ, я считаю этотъ предметъ однимъ изъ самыхъ важныхъ, разумѣется, матеріальныхъ предметовъ въ наше время.

Но... повторяю слова г. Чицова:

«Люди, которымъ теперь путешествіе почти необходимо, болѣе всего народъ недостаточный, или полудостаточный.»

Слѣдовательно рѣшеніе всякаго вопроса, относящагося къ уменьшенію расходовъ имѣетъ свою важность, которую не уменьшатъ ни насмѣшки, ни презрительныя выходки поверхностныхъ рецензентовъ.

И такъ, вопреки *серьознымъ* судьямъ, поговоримъ о гостинницахъ.

Повторяю, *должно* останавливаться въ *лучшихъ*; между ними и второстепенными существуетъ та же разница, какъ между человѣкомъ образованнымъ и необразованнымъ.

Г. Чицовъ совѣтуетъ справиться тотчасъ о цѣвѣ.

Это непріятно и неловко. Гораздо лучше спросить небольшую комнатку, хоть на дворъ. Во всякомъ лучшемъ трактирѣ, вамъ отведутъ ее съ такою же учтивостью, какъ будто бы вы заняли весь бельэтажъ.

Подъ благодѣаніемъ врага всегда скрывается какой-нибудь коварный умыселъ.

А содержатель гостинницы есть природный врагъ всякаго путешественника.

Говорятъ еще, что съ Русскихъ обыкновенно запрашиваютъ въ три-дорога.

Справедливо; года за два тому Англичане раздѣляли эту же участь съ Русскими. Но Англичане *прочитали*, что при одномъ имени ихъ, единицы превращаются въ десятки на трактирныхъ счетахъ и — опомнились. Въ настоящее время Англичане, бросившись изъ одной крайности въ другую, считаются самыми скупыми туристами; они торгуются за каждый грошепъ, за каждый су, за каждый баценъ.

Отчего же Русскіе продолжаютъ обогащать трактирщиковъ?... Не знаю.

Но какъ бы то ни было, у путешествующаго, особенно Русскаго, не написано на лицѣ, что онъ Русскій. Въ книгу путешественникъ вписываетъ свое имя и званіе только послѣ занятія комнаты.

Но это еще не все: почти въ каждой лучшей гостинницѣ есть печатная такса, въ которой выставлены цѣны *номерамъ*, плата за обѣдъ, завтракъ, чай, кофе и прислугу. Кромѣ того, каждый вечеръ вамъ подають счетъ, слѣдовательно вы съ первого дня напередъ можете разсчитать, сколько истратите, и можете умѣрить или увеличить свои расходы.

Лучшія гостинницы именно тѣмъ и отличаются, что въ нихъ есть помѣщенія для всѣхъ состояній, всѣхъ званій.

Но берегитесь брать для поѣздокъ экипажъ у хозяина гостинницы, — это обойдется вамъ чрезвычайно дорого.

Въ Лейпцигѣ я случайно, почти неволью, попалъ въ одну изъ второстепенныхъ гостинницъ и — закаялся. Помѣщеніе скверное, наводящее тоску, прислуга лѣнивая, грубая, потому-что привыкла къ фамильярности съ постояльцами, столъ нигде негодный.

Я проснулся рано, чтобы поспѣть на желѣзную дорогу, и потребовалъ счетъ. Вещи мои были уложены, отправлены, а счетъ все не являлся. Я рѣшился сойти внизъ.

Въ темной общей залѣ столы были сдвинуты съ мѣстъ; стулья стояли на столахъ; растрепанная служанка мела полъ.

— Что же счетъ? спросилъ я.

— Не знаю, отвѣчала служанка, продолжая мести.

— Я не могу ждать! вскричалъ я съ сердцемъ, — и уѣду, не заплативъ, если мнѣ не подадутъ сейчасъ счета.

Эти слова подѣйствовали.

Служанка ушла, постукивая щеткой, минуты двѣ спустя вернулась и проворчала:

— Онъ сейчасъ придетъ.

Вслѣдъ за нею явился онъ, покачиваясь съ просонковъ и напяливая на себя куртку.

— Подайте же мнѣ счетъ! вскричалъ я нетерпѣливо.

— А, счетъ!... вамъ угодно ѣхать?...

— Да, да, да!

— Вамъ надобно торопиться... я не успѣю написать счета... Впрочемъ я такъ помню: вы должны—*шесть талеровъ*.

Въ *самой лучшей* гостинницѣ я заплатилъ бы никакъ не болѣе двухъ третей этой суммы. Впередъ наука.

Я поспѣлъ во-время на желѣзную дорогу и простился съ Лейпцигомъ.

Саксонію, отчизну Лютера и Лейбница, можно назвать сердцемъ Германіи, въ исторіи которой она занимаетъ блистательное мѣсто. Нѣсколько саксонскихъ герцоговъ сдѣлались германскими императорами. Но раздробленія лишили Саксонію единства и сдѣдовательно силы; теперь она находится въ числѣ четвертостепенныхъ государствъ Германіи, и, не смотря на то, что пользуется званіемъ королевства, политическое значеніе ея неважно.

Народы славянскаго племени долго владѣли главнѣйшими частями древней Саксоніи. Возраставшее могущество Франковъ ослабило владычество Славянъ и кровопролитныя войны между этими двумя народами послужили нѣкоторымъ образомъ къ сосредоточенію силъ тевтоническихъ племенъ. Въ третьемъ столѣтіи являюся на сѣверѣ Германіи дикари подъ именемъ *Саксоновъ*...

Названіе этого племени иные производятъ отъ *Sax*, мечъ, другіе отъ *Sassen*, *ingesessenen*, осѣдлые.

Воюя съ Франками и Славянами, Саксоны быстро подвигались впередъ. Тщетно старался Карлъ Великій смягчить нравы дикихъ варваровъ распространеніемъ между ними христіанской религіи. До конца восьмага столѣтія, они съ ожесточеніемъ противились всякъмъ успіямъ Франковъ, жгли сооружаемыя монастыри, побивали монаховъ. Наконецъ, мужественнѣйшій изъ предводителей Саксоновъ, Витикиндъ, былъ побѣжденъ; добровольно принялъ онъ христіанскую вѣру, и Саксонія потеряла свою первобытную, дикую самостоятельность.

Послѣ совершеннаго отдѣленія Германіи отъ имперіи Франковъ, въ половинѣ десятаго столѣтія, Саксонія поступаетъ подъ владычество одного изъ потомковъ Витикинда, принимающаго титулъ *герцога*.

Въ началѣ десятаго столѣтія вступаетъ на престолъ Генрихъ-Птицеловъ, принимающій въ послѣдствіи титулъ *короля* Германіи.

Въ первой половинѣ двѣнадцатаго столѣтія, Лотарь дѣлается *императоромъ* Германіи, передаетъ герцогство Саксонское своему зятю, Генриху, герцогу Баварскому, и тѣмъ ссоритъ послѣдняго съ Конрадомъ фонъ-Гогенштауфеномъ.

Вражда между Генрихомъ и Конрадомъ послужила первымъ зародышемъ продолжительныхъ и кровопролитныхъ войнъ между *Гвельфами* и *Гибеллинами*.

Гвельфы или *Вельфы* — древнее родовое имя баварскаго дома; Гибеллы или *Виблинны* — названіе родового зѣмка гогенштауфенскаго дома.

Фридрихъ-Барбарусса, послѣ несчастнаго похода въ Италію,

рѣшился покорить Саксонское герцогство въ отмщеніе Генриху-Льву, сыну Генриха, герцога Баварскаго, потому-что тотъ оказался содѣйствовать ему въ походѣ въ Италію. Генрихъ-Левъ долго сопротивлялся, но наконецъ былъ побѣжденъ и удалился въ Лондонъ.

Тамъ онъ сдѣлался родоначальникомъ дома, нынѣ царствующаго въ Англіи.

Однѣ изъ сыновей Генриха-Льва вступилъ въ послѣдствіи на саксонскій престолъ.

Въ началѣ пятнадцатаго столѣтія, Саксонія получаетъ права курфиршества, и съ Фридриха-Воинственнаго начинается новая династія, болѣе сильная и могущественная.

Фридрихъ-Воинственный принимаетъ дѣятельное участіе въ войнѣ противъ гусситовъ, но, претерпѣвъ нѣсколько пораженій, умираетъ, предоставивъ престолъ старшему сыну своему Фридриху II, Добродушному, и завѣщавъ ему продолжать войну съ гусситами. Эти страшные враги завладѣли частію владѣній курфирста и, между прочимъ, замкомъ и землями одного изъ храбрѣйшихъ полководцевъ Фридриха II, рыцаря Кунца фонъ-Кауффунгена.

Курфирсть вознаграждаетъ мужественнаго рыцаря, подаривъ ему новый замокъ.

Когда гусситы были вытѣснены, Кунцъ снова вступилъ во владѣніе своего прежняго имѣнія, но не хотѣлъ возвратитъ по воподареннаго зѣмка.

Фридрихъ II отнялъ его силою у непокорнаго рыцаря.

Оскорбленный Кунцъ фонъ-Кауффунгенъ удалился въ Богемскія горы и поклялся отомстить курфирсту.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ Альтенбургскомъ замкѣ жила жена курфирста Маргерита, съ двумя сыновьями Альбертомъ и Эрнестомъ. Первому было четырнадцать, второму двѣнадцать лѣтъ.

Въ 1455 году, въ июльскую ночь, во время отсутствія Фридриха, къ Альберту прокрадывались три челоуѣка.

Молча засѣли они въ кустахъ и, притаивъ дыханіе, стали прислушиваться.

Они не долго ждали. Посреди ночной тишины внезапно пронесся дикій, злоуѣщій крикъ хищной птицы.

Одинъ изъ скрывавшихся вздрогнулъ и скоро поднялъ голову.

Въ другой и третій разъ раздался крикъ; потомъ опять наступила прежняя тишина...

— Это Бруно; онъ подаетъ намъ сигналъ, Кунцъ, — шопотомъ произнесъ одинъ изъ скрывавшихся.

Кунцъ протанулъ руки къ своимъ товарищамъ и отвѣчалъ глухимъ голосомъ:

— Мѡзень, Шѡфельсъ!... минута мщенія наступила!

Потомъ онъ съ живостію сталъ взбираться по уступамъ скалы, на которой высился замокъ Альтенбургъ. Запыхавшись добрался онъ до подножія стѣны, перевелъ духъ и поднялъ голову.

Вдоль стѣны висѣла веревочная лѣстница, тихо покачиваемая ночнымъ вѣтромъ.

Сильно забилось сердце рыцаря; не теряя ни минуты, ухватился онъ за конецъ лѣстницы и, даже не удостовѣрившись, плотно ли она прикрѣплена, сталъ взбираться съ ловкостію тигра, дѣвляясь одною рукою за узлы веревки, а другою за неровности массивной каменной стѣны.

Нѣсколько минутъ взбирался онъ и, наконецъ, очутился у отвореннаго окна.

Кровь закипѣла въ жилахъ Кунца фонъ-Кауфунгена, когда онъ вступилъ въ замокъ врага, которому поклонялся вѣчною, непримиримою местию.

— Бруно! произнесъ онъ шопотомъ.

Кто-то схватилъ его за руку и, наклонившись надъ самымъ ухомъ рыцаря, отвѣчалъ:

— Въ концѣ корридора, на-право... идите впередъ, я за вами...

И безъ шума дошли злоумышленники до конца корридора.

Рука Кунца не дрогнула, когда онъ сталъ отворять дверь... Свѣтъ лампы, горѣвшей передъ серебрянымъ Распятіемъ, бросилъ узкій, длинный лучъ въ темный корридоръ и освѣтилъ грозное, суровое лицо рыцаря... Подъ нависшими бровями, глаза его сверкали злобнымъ огнемъ мести...

Фонъ-Кауфунгенъ ступилъ еще два шага и вошелъ въ комнату.

То была спальня двухъ сыновей Фридриха-Добродушнаго. Обившись лежали Эрнестъ и Альбертъ на высокой и широкой кровати надъ богатымъ парчевымъ балдахиномъ, поддерживаемымъ рѣзными золочеными колоннами.

У изголовья кровати стояли два невысокія палоя передъ Распятіемъ.

На милостивыхъ, свѣжихъ лицахъ дѣтей носилась улыбка... Они уснули подъ нѣжнымъ взглядомъ матери...

Кунцъ тихо подошелъ къ кровати, и братья обнялись крѣпче, какъ бы инстинктивно угадывая приближавшуюся опасность. Рыцарь наклонился къ дѣтямъ, желая долѣе насладиться своимъ

мщеніемъ.. Горячее дыханіе его нахлѣло въ лицо Эрнесту, лежавшему съ края... Улыбка исчезла съ лица ребенка, руки его отнялись отъ шеи брата и, тихо застопавъ, онъ обратился къ Кунцу...

Такъ точно плетка приближается къ змѣѣ, притягиваемая магическимъ взглядомъ ея.

Кунцъ фонъ-Кауфунгенъ осторожно поднялъ ребенка на руки; отходя отъ кровати, онъ загнулся за одинъ изъ палоевъ...

Эрнестъ проснулся, увидѣлъ надъ собою мрачное лицо рыцаря и вскрикнулъ...

Мощная рука Кунца зажала ему ротъ... но малѣйшій стонъ дитяти долеталъ до слуха матери.

— Бѣги съ нимъ! сказалъ рыцарь, передавая Эрнеста въ руки Бруно.

Слуга курфирста, измѣнникъ Бруно, былъ осторожнѣе Кунца; онъ зажалъ ребенку ротъ платкомъ и пустился бѣжать къ окну съ легкой ношей.

Кунцъ вернулся къ кровати, но не успѣлъ еще дойти до нее, какъ дверь изъ сосѣдней комнаты отворилась, и Маргерита, жена курфирста, явилась на порогѣ...

Увидѣвъ незнакомца, приближавшагося къ кровати дѣтей ея, она съ быстротою молніи бросилась впередъ и прежде рыцаря очутилась у кровати. Взоръ ея упалъ на пустое мѣсто... Она страшно вскрикнула и обратила къ похитителю свергающіе глаза...

Но въ то же мгновеніе тяжелая рука рыцаря опустилась на плечо ея; другою рукою хотѣлъ онъ зажать ей ротъ, но съ ловкостію и силою львицы, защищающей своихъ дѣтей, она высвободилась и вскричавъ:

— Отдай мнѣ мое дитя!... хотѣла вдѣниться обѣими руками въ грудь Кунца.

Но пальцы ея скользнули по холодной, гладкой стали латъ.

Раздраженный сопротивленіемъ и опасаясь, что на крикъ Маргериты сбѣгутъ вассалы курфирста, фонъ-Кауфунгенъ собралъ всю свою грубую силу и кинулся на несчастную мать.

Ненависть сильна, но сильна и любовь.

Долго сопротивлялась Маргерита, судорожно вонзила она пальцы въ щеку Кунца, но тщетно силсилась она звать на помощь; желѣзная рука похитителя сжимала ей ротъ. Съ яростію осматривался онъ, не зная какъ избавиться отъ матери, чтобы унести ребенка. Онъ могъ убить ее, но тогда мщеніе его было бы несовершенно... Кунцъ хотѣлъ, чтобы и курфирстъ и жена его долго плакали по дѣтямъ. Кромѣ того убійство пре-

граждало ему путь къ примиренію, а фонъ-Кауффунгенъ намѣревался назначить огромный выкупъ за дѣтей.

Шумъ борьбы разбудилъ Альберта.

— Маменька! вскричалъ онъ съ ужасомъ.

Надежда блеснула въ угасавшемъ взорѣ Маргериты... по боязни увеличила ярость Кунца. Онъ ударилъ несчастную мать, и та безъ чувствъ упала на полъ.

Крикъ Альберта разбудилъ нѣкоторыхъ слугъ. Въ сосѣднихъ покояхъ послышалось движеніе, шумъ шаговъ, стукъ отпираемыхъ и запираемыхъ дверей. Кунцъ схватилъ ребенка, зажалъ ему ротъ и выбѣжалъ въ корридоръ, захлопнувъ за собою дверь въ спальню.

Явственно слышались голоса приближавшихся слугъ, когда похититель подошелъ къ окну и едва спустился онъ на веревочную лѣстницу, какъ корридоръ ярко освѣтился.

Въ числѣ слугъ, сбѣжавшихъ на помощь къ женѣ курфирста, находима и Бруно. Пока другіе старались привести въ чувство Маргериту, Бруно пробрался въ корридоръ и, увидѣвъ, что Кунцъ спустился уже внизъ, отцѣпилъ веревочную лѣстницу и поспѣшно закрылъ окно.

Такимъ образомъ скрылъ онъ слѣдъ Кунца. Осмотрѣвъ все окно, слуги воображали, что похититель скрывается еще въ замкѣ, ударили въ набатъ, окружили весь замокъ часовыми и принялись вскачь.

Кунцъ фонъ-Кауффунгенъ между тѣмъ спокойно удалялся съ Альбертомъ.

Сообщники его, Мюзенъ и Шенфельсъ бѣжали уже въ другую сторону съ Эрнестомъ.

На богемской границѣ, у подножія Фюрстенберга, простирался обширный лѣсъ, въ чащѣ котораго были разбросаны бѣдныя хижины угольщиковъ и дровосѣковъ.

Солнце поднялось уже надъ горизонтомъ, когда Кунцъ постучался у хижины угольщика Георга Шмидта. Жена послѣдняго впустила рыцаря.

Утомленный, измученный продолжительною ходьбою, Кунцъ опустилъ ребенка и самъ легъ возлѣ него на кучу сухихъ листьевъ, прикрытыхъ волчьей шкурой и служившихъ постелью угольщику. Крѣпка была натура рыцаря; но сильны были и потребности ея. Едва опустившись на постель угольщика, Кунцъ погрузился въ глубокой сонъ.

Жена угольщика, не желая беспокоить почетнаго гостя, вынесла свою прядку за порогъ хижины; возвратившись за

скамьей, она невольно взглянула на спавшаго рыцаря и остановилась съ изумленіемъ.

Альбертъ, приподнявшись на грубомъ ложѣ, тихо, но горько плакалъ, закрывъ лицо обѣими руками. Съ успіемъ заглушалъ онъ рыданія, чтобы не разбудить страшнаго рыцаря, грозившаго ему смертію за малѣйшую жалобу.

Теперь только жена угольщика замѣтила, что тотъ, кого она сначала приняла за пажу рыцаря, былъ полунагъ; густыя, золотистыя кудри ниспадали на полуобнаженное плечо Альберта, полное, бѣлое и нѣжное, какъ плечо женщины...

— Боже мой! это дѣвушка, подумала угольщица: онъ, вѣроятно, похитилъ ее изъ родительскаго дома, — и вздохъ искренняго участія и состраданія вырвався изъ груди доброй женщины.

Сердце Альберта услышало этотъ вздохъ; онъ отнял руки отъ лица и поднялъ свѣтлые, голубые глаза на хозяйку съ умоляющимъ видомъ.

Жена угольщика хотѣла приблизиться къ нему, но въ то самое время, Кунцъ обернулся во снѣ; грозныя, суровыя черты его навели страхъ на хозяйку; поспѣшно схвативъ скамью, она вышла изъ хижины.

Но ей не работалось; передъ глазами ея была не пряжа, а прелестное лицо, умоляющій взглядъ и слезы того, кого она принимала за дѣвушку... Ей хотѣлось вернуться въ хижину, но она страшилась рыцаря.

Случайно взоръ ея остановился на солнечномъ лучѣ, скользившемъ по красивымъ листьямъ, на которыхъ, подобно алмазамъ, блестѣли капли утренней росы; подъ листьями горѣла какъ рубины земляника, дозрѣвавшая на солнцѣ.

Удовольствие выразилось на добродушномъ лицѣ угольщицы; она скоро встала, сорвала широкій дубовый листь и стала собирать землянику. Покрывъ весь листь ягодами, она вернулась въ хижину и безбоязненно подошла къ Альберту, продолжавшему горько плакать.

— Я набрала для васъ земляники, сказала угольщица тихимъ голосомъ.

Альбертъ отрицательно покачалъ головою.

— Примите, фрейлейбъ, не горюйте....

Сынъ курфирста съ изумленіемъ взглянулъ на хозяйку.

— Я мужчина! гордо отвѣчалъ четырнадцатилѣтній мальчикъ.

— Мужчина! съ изумленіемъ повторила хозяйка, чуть не уронивъ ягодъ на лицо Кунца. Зачѣмъ же вы плачете?....

— Онъ похитилъ меня изъ родительскаго дома! отвѣчалъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ Альбертъ, бросивъ на рыцаря взглядъ, исполненный невыразимой боли.

Угольщикъ отступилъ со страхомъ.

— А кто ваши родители?... спросила она.

— Я сынъ курфюрста Фридриха!

Хозяйка вздрогнула, уронила дубовый листъ и земляника разсыпалась по полу.

— Курфюрста! повторила она, всплеснувъ руками.

— О, спасите, спасите меня! умоляющимъ голосомъ произнесъ Альбертъ: отецъ мой щедро наградитъ васъ!... Спасите меня!...

Забывшись, онъ произнесъ послѣднія слова вслухъ и рыдая. Кунцъ фонъ-Кауффунгенъ проснулся. Угольщикъ бросилась опрометью вонъ изъ хижины.

Преступники мнительны. Кунцъ замѣтилъ бѣгство хозяйки, замѣтилъ слезы Альберта и, не говоря ни слова, скоро всталъ.

— Въ путь! сказалъ онъ сурово.

— Ради Бога, пустите меня домой!... произнесъ умоляющимъ голосомъ Альбертъ.

— Вставай, живѣ!

И съ этими словами Кунцъ кинулъ сыну курфюрста черныи, праздничный плащъ угольщика. Рыцарю не пришло даже на умъ, что онъ завладѣвалъ собственностью бѣдняка.

Альбертъ, выходя изъ хижины, осмотрѣлся еще разъ съ горестію, съ отчаяніемъ. Участіе жены угольщика заронило въ сердце его искру надежды; но теперь она угасла... Даже хозяйка хижины бѣжала отъ грознаго рыцаря.

Послѣдній увлекъ юношу въ чащу лѣса. Кунцъ фонъ-Кауффунгенъ сиѣшилъ перейти за границу; въ Богеміи ждали его товарищи и вассалы съ конями; но съ трудомъ пробирался онъ по кочкамъ и черезъ густой кустарникъ. Хижина угольщика скрылась уже изъ виду путниковъ, какъ вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ послышался голосъ.

Альбертъ невольно остановился; но Кунцъ съ силою повлекъ его за собою и, видя, что сопротивление ребенка только замедляло шествіе, рыцарь взбросилъ Альберта на свое широкое плечо и продолжалъ путь.

Голоса приближались.

— Вотъ они! вотъ они! вскричалъ вдругъ въ самомъ близкомъ разстояніи женскій голосъ.

Кунцъ грозно насунилъ брови и оглянулся; но рука его, хватившаяся уже за мечъ, опустилась, и презрительная улыбка

выступила на лицѣ похитителя, когда онъ увидѣлъ, что за нимъ гнались угольщикъ и жена его.

Спокойно продолжалъ онъ путь.

Вдругъ передъ нимъ показалось лицо другаго угольщика, какъ бы намѣревавагося преградить ему дорогу.

Фонъ-Кауффунгенъ, не останавливаясь, пошелъ прямо на встрѣчу угольщику; но тотъ стоялъ какъ вкопанный.

— Прочь съ дороги, собака! крикнулъ ему рыцарь.

Угольщикъ не трогался. Между тѣмъ сзади приближались Шмидтъ и жена его, а лѣсъ становился все чаще и чаще. Кунцъ подошелъ къ угольщику и, видя неподвижность его, хотѣлъ оттолкнуть его ногою; но товарищъ Шмидта отскочилъ въ сторону и, вложивъ два пальца въ ротъ, рѣзко, пронзительно свистнулъ...

Со всѣхъ сторонъ раздался подобный же свистъ, и Кунцъ не успѣлъ еще обнажить меча, какъ со всѣхъ сторонъ стали показываться черныя лица угольщиковъ.

Кунцъ былъ мужественъ, но битва съ презрѣнными угольщиками казалась ему унижительною; онъ ускорилъ шаги, изподлѣбя слѣды за движеніями стекавшихся угольщиковъ. Послѣдніе питали такое уваженіе къ одному званію рыцаря, что, не смотря на многочисленность ихъ, они молча глядѣли вслѣдъ удалявшемуся.

Но подошелъ Шмидтъ. Быть-можетъ, онъ былъ отъ природы смѣлѣе своихъ товарищей; быть-можетъ, надежда на богатую награду внушила ему смѣлость, но онъ бросился вслѣдъ за рыцаремъ и схватилъ его сзади за плечи.

Кровь хлынула къ сердцу Кунца... угольщикъ дерзнулъ занести руку на благороднаго рыцаря!... Но въ то же время смѣлый поступокъ Шмидта какъ бы разрушилъ очарованіе, и угольщики толпою стали подступать къ Кауффунгену.

— Товарищи! закричалъ Шмидтъ: спасемъ сына нашего курфюрста! Не бойтесь, это не рыцарь, а воръ!...

— Назадъ, кроты поганые! вскричалъ громовымъ голосомъ рыцарь и, отступивъ къ огромному дубу, бросилъ Альберта на земь, всталъ надъ нимъ и обнажилъ мечъ. Прочь, если не хотите послужить кормомъ волкамъ и воронамъ!...

И мечъ рыцаря засвистѣлъ въ воздухѣ. Альбертъ со страхомъ опустилъ голову и закрылъ глаза, мысленно возсылая молитву ко Пречистой Дѣвѣ, заступницѣ и покровительницѣ угнетенныхъ.

При видѣ обнаженнаго меча, который казался приросшимъ

къ мощной рукѣ Кунца, угольщики остановились. Они были вооружены одними заступами.

— Рыцарь! сказалъ Шмидтъ: смотри, настъ много и стоить только еще разъ свиснуть, такъ и другіе братья наши соберутся сюда.. Тебѣ одному не совладать съ нами; но мы не желаемъ тебѣ зла.. Отдай намъ сына нашего добраго курфирста и иди себѣ съ Богомъ.

— Еще разъ говорю тебѣ прочь! Или я тебя самого отправлю къ чорту!

Жена Шмидта боязливо перекрестилась.

— Послѣдній разъ говорю тебѣ, отдай намъ ребенка!...

Коварная улыбка выступила на лицѣ рыцаря.

— Слушайте, сказалъ онъ, опустивъ мечъ: если вы сейчасъ разойдетесь по своимъ работамъ, то завтра найдете у подножія каменнаго креста, что стоитъ на границѣ, сто гульденовъ!...

Это предложеніе имѣло вліяніе на угольщиковъ. Нѣкоторые изъ нихъ стали уже отступать.

— Товарищи! вскричалъ Шмидтъ: неужели мы продадимъ за сто гульденовъ сына нашего курфирста?....

— Конечно, простоудшно замѣтилъ одинъ изъ угольщиковъ: ста мало ..

— Полтора ста дамъ! вскричалъ Кунцъ.

Онъ готовъ былъ обѣщать милліоны, потому-что не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія сдержать слово.

— Не вѣрьте! вскричалъ Шмидтъ: онъ обманетъ! Впрочемъ, съ измѣнниками и никто не обязанъ быть вѣренъ слову....

— Собака! проворчалъ Кунцъ. Хитерь!

— Если корысть можетъ возбудить въ васъ честь и мужество, продолжалъ Шмидтъ: то вспомните, что курфирстъ дастъ вамъ не полтора ста, а пятьсотъ гульденовъ!...

— Шмидтъ правъ! Шмидтъ правъ! закричали угольщики и массою двинулись къ дереву, у котораго стоялъ рыцарь.

Одинъ изъ подступавшихъ поднялъ камень и пустилъ имъ въ похитителя и, въ то же мгновеніе, надъ головою послѣдняго поднялось нѣсколько заступовъ.

— А! проклятые! заревѣлъ Кунцъ съ яростію: завтра же я подожгу все ваши хижины и вею задушить женъ и дѣтей!...

— Вотъ это обѣщаніе онъ сдержитъ, если мы вынудимъ его изъ рукъ живаго! закричалъ Шмидтъ.

Угольщики, съ воплемъ и размахивая заступами, бросились на похитителя и одинъ изъ нихъ палъ за-мертво, пораженный мечемъ Кунца. Нѣсколько секундъ отражалъ Кунцъ удары,

стараясь ранять или убить Шмидта, предводителя наступавшихъ; но тотъ ловко уклонялся, продолжая поощрять своихъ товарищей.

Альбертъ рѣшился воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ рыцаря и бѣжать. Онъ поднялся въ то самое время, когда Кунцъ ступилъ шагъ впередъ, чтобы достать мечемъ до Шмидта, но тяжелый ударъ заступомъ въ грудь заставилъ рыцаря опять отступить къ дереву. Не замѣтивъ, что Альбертъ вставалъ, онъ наткнулся на него, зацѣпился шпорой за плащъ, взятый въ хижинѣ Шмидта, и покачнулся...

Воспользовавшись этой минутой, угольщики ринулись на похитителя.

Мозень и Шёнфельсъ, бѣжавшіе съ Эрнестомъ, заблудились въ лѣсу. Къ утру вышли они на большую дорогу. Во всѣхъ селеніяхъ били въ набатъ, звонили въ колокола; по всѣмъ направленіямъ рыскали вооруженные люди, посланные въ погоню за похитителями.

Чтобы избѣгнуть угрожавшей имъ опасности, они скрылись въ пещерѣ, и по нынѣ называемой *Пещерой принцевъ*. Тамъ узнали они случайно отъ дровосѣковъ, что Кунцъ былъ пойманъ и находился во власти курфирста. Опасаясь подобной же участи, они рѣшились добровольно возвратить Эрнеста.

Мозень отправился въ Альтенбургъ съ повинною. Фридрихъ обѣщался помиловать его и Шёнфельса, если они возвратятъ ему сына.

Кунцъ же фонъ-Кауфунгенъ былъ казненъ 14-го іюля 1455 года.

Такимъ образомъ Провидѣніе спасло братьевъ, которымъ было суждено сдѣлаться родоначальниками двухъ линій, на которыя и нынѣ дѣлится саксонскій домъ.

Загляните въ мѣсяцословъ, въ отдѣлъ родословнаго показанія государей, отыщите саксонскій владѣтельный домъ и увидите, что онъ дѣлится на линіи:

Альбертинскую и Эрнестинскую.

О томъ, получили ли угольщики пятьсотъ гульденовъ, которые посулилъ имъ Георгъ Шмидтъ, исторія умалчивается.

Сыновья Эрнеста, Фридрихъ-Мудрый и Юганнъ-Вѣрный были ревностѣйшими защитниками реформации. Первый основалъ вittenбергскій университетъ, и самъ назначилъ туда профессо-ромъ Лютера.

Лютеръ говорилъ о нихъ:

«Если бы соединить качества Фридриха и Иоганна, то вышелъ бы человекъ совершенный: первый мудръ, второй честенъ.»

Потомки Альберта также приняли протестантскую вѣру.

Два столѣтія продолжались религиозныя распри между протестантами и католиками. Страшная туча собиралась надъ Германиею. Густавъ-Адольфъ, подстрекаемый коварнымъ кардиналомъ Ришелье, вступилъ въ нее съ многочисленнымъ войскомъ.

Началась знаменитая Тридцатилѣтняя война.

Саксонскій курфирстъ Иоганнъ-Георгъ I (Альбертинской линіи) не зналъ сначала, къ кому присоединиться: къ шведскому королю или австрійскому императору? Послѣдній, желая наказать курфирста за эту нерѣшительность, завладѣлъ городами Магдебургомъ, Галле, Надлебургомъ, Мерзебургомъ и Вейссенфельсомъ. Тогда Иоганнъ-Георгъ по неволѣ вступилъ въ союзъ съ Густавомъ-Адольфомъ, и Саксонія сдѣлалась сценою разорительной войны...

Лейпцигъ лежитъ въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, которая прямо идетъ изъ Берлина въ Веймаръ, слѣдовательно я долженъ былъ сперва вернуться въ Галле, а оттуда уже продолжать путь.

Между Лейпцигомъ и Галле находится поле сраженія, на которомъ два раза рѣшалась судьба Европы: *Люценъ*.

О Густавѣ-Адольфѣ напоминаетъ чугунный памятникъ и камень, возлѣ котораго было найдено обезображенное тѣло его... На камнѣ высѣчены буквы G. A. и 1632 годъ.

О Наполеонѣ напоминаетъ обелискъ.

Близъ Люцена палъ славнѣйшій герой семнадцатаго столѣтія. Превосходно описываетъ смерть его Шиллеръ, въ своей Исторіи Тридцатилѣтней войны:

«Наконецъ наступаетъ страшное утро; но непроницаемый туманъ, распространившійся по всему полю сраженія, замедляетъ начало атаки до полудня. Преклонивъ колѣна передъ фронтомъ, творить король (Густавъ-Адольфъ) молитву; вся армія его, опустившись на колѣни, поетъ трогательный гимнъ, и походная музыка вторитъ пѣнію.

«Потомъ король садится на коня. На немъ простое суконное полукафтанье и кожаный нагрудникъ; не зажившая рана не позволяла ему надѣвать латы. Онъ обвязываетъ ряды своихъ воиновъ, оживляя мужество ихъ и стараясь внушить имъ надежду, которой не вѣритъ собственное сердце его, сжимаемое тягостнымъ предчувствіемъ.

— «*Съ нами Богъ!*» говорятъ Шведы.

— «*Иисусе и Пресвятая Марія, спаси насъ!*» говорятъ Австрійцы.

«Около одиннадцати часовъ туманъ начинаетъ рѣдѣть, и та и другая сторона обозрѣваютъ непріятельскія силы. Въ то же время становится виднымъ пожаръ Люцена, подоженного Шведами, чтобы преградить съ этой стороны непріятелю путь. Раздается лозунгъ, конница мчится на врага, пѣхота стремится ко рвамъ.

«Страшный огонь изъ мушкетеръ и большихъ орудій встрѣчаетъ храбрыхъ Шведовъ, но они неустрашимо продолжаютъ идти на приступъ; гонятъ непріятельскіе стрѣлковъ, перескакиваютъ черезъ рвы, овладѣваютъ батареей и направляютъ ее противъ Австрійцевъ же. Съ непреодолимою силою стремятся они впередъ. Но вотъ первая изъ пяти фриландскихъ бригадъ опрокинута, вслѣдъ за нею вторая; третья готова обратиться въ бѣгство, но присутствіе духа герцога (Бергарда Веймарскаго) останавливаетъ ее. Онъ подоспѣваетъ съ тремя кавалерійскими полками, приводитъ въ порядокъ разстроенныя бригады, и онѣ снова врываються въ австрійскую армію.

«Завязывается убойственный бой; стрѣльба прекращается—некогда заряжать. Мечи и коня замѣняютъ бесполезныя ружья; искусство уступаетъ мѣсто ожесточенію.

«Наконецъ, подавленные многочисленностью непріятеля, утомленные Шведы отступаютъ за рвы и уступаютъ опять непріятелю завоеванную батарею.

«Тысячи обезображенныхъ труповъ покрываютъ уже землю, но ни одинъ шагъ еще не выгранъ...

«Между тѣмъ правое крыло короля, предводимое имъ самимъ, атаковало лѣвое крыло непріятеля. Сильный натискъ тяжелыхъ финляндскихъ латниковъ разсѣялъ легкую конницу Поляковъ и Кроатовъ; послѣдніе, и за ними вся австрійская кавалерія, обратились въ бѣгство.

«Въ это время доносятъ королю, что пѣхота его отступаетъ за рвы и что непріятельскіе стрѣлки приводятъ въ беспорядокъ его лѣвое крыло. Не теряя присутствія духа, поручаетъ Густавъ-Адольфъ своему генералу Горну преслѣдовать непріятельское лѣвое крыло, а самъ съ полкомъ Стенбока спѣшитъ на помощь своему лѣвому крылу. Бодрый конь съ быстротою стрѣлы передаетъ черезъ рвы; но тяжелая конница съ трудомъ послѣдуетъ за нимъ. Только немногіе всадники и, между ними, Францъ-Альбертъ, герцогъ Саксенъ—Лауэнбургскій, слѣдуютъ за королемъ. Онъ скачетъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ непріятель наиболѣе тѣснитъ пѣхоту, и быстрымъ взоромъ

окидываетъ неприятельскую позицію, чтобы замѣтить слабую точку ея.

«Австрійскій ефрейторъ замѣчаетъ, что всѣ почтительно уступаютъ мѣсто одному всаднику, и тотчасъ приказываетъ стрѣлку прицѣлиться въ него.

«— Стрѣляй въ этого! кричитъ онъ: это долженъ быть званый ній.

«Солдатъ спускаетъ курокъ, и — пуля раздробляетъ лѣвую руку короля.

«Въ это самое время подосѣваетъ конница его и отчаянные крики:

«— Король раненъ!... Король убитъ!... распространяютъ ужасъ и смутеніе.

«— Ничего! за мной! восклицаетъ Густавъ-Адольфъ, собравъ послѣднія силы; но побѣжденный невыносимою болью и чувству приближеніе обморока, обращается онъ къ герцогу Саксенъ-Лауэнбургскому и на французскомъ языкѣ проситъ его помочь ему удалиться съ поля сраженія.

«Чтобы не привести армию въ уныніе, герцогъ скачетъ съ королемъ черезъ ряды, описываетъ большой кругъ и, въ то самое время, когда Густавъ-Адольфъ, лишаясь чувствъ, быстро поворачиваетъ коня, вторая пуля поражаетъ его въ спину и лишаетъ послѣднихъ силъ.

«— Довольно, братъ! восклицаетъ онъ умирающимъ голосомъ, обращаясь къ герцогу. Спасайся!

«И съ этимъ словомъ онъ упалъ съ коня... пораженный еще нѣсколькими пулями, покинутый всѣми своими, испустилъ онъ духъ подъ послѣдними ударами дикихъ Кроатовъ...

«Окровавленный конь, возвратившійся въ ряды безъ всадника, открываетъ Шведамъ горестную потерю. Съ яростію стремятся они на непріятели, чтобы отнять у него священную добычу; вокругъ трупъ Густава-Адольфа завязывается кровопролитный бой, и обезображенный трупъ исчезаетъ подъ грудой мертвыхъ тѣлъ...»

Бернгардтъ, герцогъ Веймарскій, принимаетъ начальство надъ шведскими войсками. Смерть короля не лишила послѣднихъ мужества; напротивъ, они какъ бы поклялись отомстить за смерть его....

Жизнь терлетъ свою цѣну и смерть уже не страшна, когда не пощадилъ вѣнчанной главы.

Шведы сражаются съ ожесточеніемъ и, наконецъ, поле сраженія остается за ними.

«Дорогая побѣда, горестное торжество!» — продолжаетъ Шил-

леръ. — «Только теперь, когда ярость битвы остыла, горестная потеря становится вполне ощутительною и радостные клики побѣдителей замираютъ въ нѣмомъ, мрачномъ отчаяніи.

«Тотъ, кто вывелъ ихъ на славный бой, не вернулся съ ними...

«Тамъ лежитъ онъ, на полѣ одержанной побѣды, въ одной кучѣ съ простыми солдатами.

«Послѣ долгихъ, тщетныхъ поисковъ королевскій трупъ былъ, наконецъ, найденъ, близъ большаго камня, болѣе ста лѣтъ лежавшаго уже на этомъ мѣстѣ, но послѣ этого несчастья получившаго названіе *Шведскаго* — *der Schwedenstein*. Изъ подъ кучи мертвыхъ тѣлъ вытащили трупъ короля, обезображенный равами, покрытый запекшеюся кровію, истоптанный копытами лошадей, полунагой, ограбленный хищническими руками... Его привозятъ въ Вейссенфельсъ; тамъ ждутъ его рыданія солдатъ, объятія супруги.

«Общее горе поглощаетъ всѣ частныя страданія. Не опомнившись еще отъ ужаснаго удара, стоятъ полководцы въ мрачной неподвижности вокругъ носилокъ и никто не дерзаетъ еще обнять умомъ всю величину этой потери...»

Въ важныхъ, великихъ событіяхъ люди обыкновенно доискиваются тайныхъ, скрытыхъ причинъ. Такъ и смерть Густава-Адольфа никто не хотѣлъ приписать слѣдному случаю и — страшное обвиненіе пало на герцога Саксенъ-Лауэнбургскаго, Франца-Альберта, находившагося за королемъ, въ ту самую минуту, когда смертоносная пуля поразила послѣдняго въ спину.

Вотъ что рассказываетъ Шиллеръ:

«*Францъ-Альбертъ*, младшій изъ четырехъ сыновей Франца II, герцога Саксенъ-Лауэнбургскаго, находившійся по матери въ родствѣ съ домомъ Густава-Вазы, былъ въ молодости своей прекрасно принятъ при шведскомъ дворѣ. За неприличную выходку противъ Густава-Адольфа, у нихъ произошла ссора, которая, несмотря на то, что Густавъ тотчасъ же изъявилъ готовность на примиреніе, положила однакожъ основаніе непримиримой вражды въ мстительномъ сердцѣ герцога.

«Впослѣдствіи Францъ-Альбертъ вступилъ въ австрійскую службу, командовалъ полкомъ, заключилъ тѣсную дружбу съ герцогомъ Фриландскимъ и принялъ на себя секретное порученіе къ саксонскому двору. Вдругъ, безъ видимой причины онъ неожиданно покидаетъ австрійскія знамена, является въ Нюрнбергъ въ лагерь короля и какъ волонтеръ предлагаетъ ему свои услуги. Ревностію къ протестантской религіи и вкрадчивостію

заслуживаетъ онъ привязанность короля, который осыпаетъ милостями подозрительнаго пришлеца, не смотря на предостереженія Оксенстерна.

«Во время Люценскаго сраженія, Францъ-Альбертъ подобно злому демону повсюду слѣдуетъ за монархомъ и исчезаетъ только тогда, когда король падаетъ. Посреди непріятельскихъ пулъ, онъ одинъ остается невредимъ, потому-что опоясанъ шарфомъ зеленого цвѣта, — цвѣта Австрійцевъ. Онъ первый приноситъ герцогу Фриландскому, своему другу, вѣсть о смерти короля. Тотчасъ послѣ этого сраженія, онъ оставляетъ шведскую службу, вступаетъ въ саксонскую. Впослѣдствіи его обличаютъ въ сообщничествѣ съ Валленштейномъ. Наконецъ онъ снова является начальникомъ австрійской арміи въ Силезіи, и умираетъ отъ ранъ подъ Швейдницомъ.

«Успіе воли необходимо, чтобы убѣдиться въ невинности человѣка, ведшаго такую жизнь; хотя изъ вышеприведенныхъ причинъ проистекаетъ нравственная и физическая возможность низкаго, презрѣннаго поступка, однакожъ въ нихъ нѣтъ ничего положительнаго. Извѣстно, что Густавъ-Адольфъ шелъ, какъ простой солдатъ, на встрѣчу опасности, слѣдовательно гдѣ пали тысячи, тамъ и онъ могъ погибнуть. Отъ *чьей руки* онъ погибъ, остается непроницаемою тайною; но здѣсь, болѣе нежели гдѣ-либо, должно держаться того правила, что гдѣ естественнаго хода дѣлъ достаточно для поясненія событія, тамъ не должно пятнать достоинства человѣческой природы нравственнымъ обвиненіемъ...»

Вестфальскій миръ, заключенный въ 1648, положилъ конецъ кровопролитной войнѣ; но въ какомъ жалкомъ положеніи находилась Саксонія! Болѣе милліона людей погибло, болѣе шестидесяти шести милліоновъ талеровъ были поглощены! Въ Дрезденѣ изъ пятнадцати домовъ, четырнадцать были опустошены и разорены; изъ 4000 жителей Фрейберга не осталось и 500; наконецъ, еще въ 1790 году видны были развалины 537 селеній!...

Расточительность наслѣдниковъ Юганна-Георга истощила казну, чему наиболѣе содѣйствовала Фридрихъ-Августъ I.

Этотъ курфирстъ, столько же прославившійся умомъ, образованностію и любезностію, какъ и красотою, геркулесовскою силою, и странною судьбою, вступилъ на престолъ въ 1694 году, на двадцать четвертомъ году своего возраста.

Въ 1697 году онъ былъ избранъ на польскій престолъ подъ именемъ Августа II, и честолюбіе заставило его отречься отъ вѣры своихъ праотцевъ.

Знаменитый полководецъ *Морицъ*, графъ саксонскій, былъ сынъ короля Августа, (*Перваго* въ Саксоніи, *Второю* въ Польшѣ). Мать Морица была знаменитая своею красотою графиня *Аврора фонъ-Кинисмаркъ*.

Замѣчательно, что Саксонія служила мѣстомъ дѣйствій знаменитѣйшихъ героевъ. Послѣ Густава-Адольфа, въ ней является *Карлъ XII*, въ царствованіе Августа I.

При сынѣ его, Фридрихъ-Августъ II, въ Саксонію вторгается *Фридрихъ-Великій*.

Желая удержать за собою польскій престолъ, отецъ и сынъ принимаютъ католическую вѣру, ввергаютъ свою отчизну въ безцисленныя бѣдствія и теряютъ довѣренность своихъ подданныхъ. Трудолюбивые, честные и расчетливые Саксонцы знакомятся съ праздною и роскошью. Нравственность, торговля, промышленность, благосостояніе — исчезаютъ. Огромный долгъ тяготѣетъ надъ государствомъ. Роскошь довершаетъ бѣдствія войны...

Дочь Фридриха-Августа, Марія-Жозефина, выходитъ въ 1747 году за дофина Франціи, Людовика. Судьба сыновей Марии-Жозефины: *Людовика XVI*, *Людовика XVIII* и *Карла X*... извѣстны.

Наслѣдникъ Фридриха-Августа II, старшій сынъ его, Фридрихъ-Христіанъ, понявъ причину бѣдствій Саксоніи и добровольно отказавшись отъ Польши, уничтожилъ роскошь при дворѣ и приступилъ къ благотѣльнымъ преобразованіямъ, которыя ему не суждено было привести въ исполненіе. Онъ скончался послѣ десятинедѣльнаго царствованія, но основаніе добра было положено. Наслѣдники его продолжали начатое дѣло и во время Семилѣтней Войны приняли сторону Фридриха-Великаго.

Нѣсколько лѣтъ собираетъ Саксонія свои разстроеныя силы.

Вдругъ Европа впервые произноситъ имя *Наполеона Бонапарте*.

Германія вооружается всѣми силами противъ новаго нашествія, угрожающаго ей съ запада... но сраженія при Ауэрштедтѣ и Іенѣ рѣшаютъ судьбу сѣверной Германіи.

Въ эти достопамятныя сраженія, Саксонцы мужественно исполняли свой долгъ; но, покінутые, такъ сказать, союзниками, они разбиты. Шестъ тысячъ плѣнныхъ достаются въ добычу Французамъ. Наполеонъ, зная давнишнюю, закоренѣлую ненависть Саксонцевъ къ Пруссакамъ, призываетъ къ себѣ плѣнныхъ офицеровъ, выхваляетъ мужество ихъ и объявляетъ, что намеренъ освободить ихъ отъ Пруссіи; потомъ онъ возвра-

дасть свободу Саксонцамъ, взять съ нихъ честное слово, что они не будутъ воевать противъ Франціи.

Курфюрстъ вступаетъ въ переговоры съ Наполеономъ, и послѣдній соглашается на нейтральность Саксоніи, взявъ однакожь съ нее контрибуцію. Въ 1806 году саксонскій курфюрстъ вступаетъ въ рейнскую конфедерацію съ новымъ титуломъ *короля*, дарованнымъ ему французскимъ Императоромъ.

Послѣ Тильзитскаго мира саксонскій король вступилъ во владѣніе новымъ герцогствомъ *Варшавскимъ* и — съ этого времени опять начинаются бѣдствія Саксоніи.

Началась достопамятная борьба запада съ сѣверомъ.

Саксонцы были вѣрными союзниками Наполеона, пока счастье сопутствовало ему, но послѣ пораженія при Калішѣ, они отдѣлились отъ французской арміи и вернулись на родину.

Наполеонъ претерпѣвалъ поражение за поражениемъ и саксонскій король послѣдовалъ заключить договоръ съ австрійскимъ дворомъ, соглашаясь на всѣ условія для *возстановленія мира* и напередъ отказываясь отъ Варшавскаго герцогства. Въ то же время Саксонія вступила въ переговоры съ Россією и Пруссією.

Между тѣмъ Люценское сраженіе на мгновеніе возвратило первенство французскому оружію.

Это обстоятельство смутило короля. Задерживая съ одной стороны корпусъ маршала Нея, намѣревавшійся вступить въ Торгау, Фридрихъ-Августъ III отправилъ въ Австрію нарочнаго, чтобы узнать, чтѣ ему дѣлать.

Отвѣта изъ Австріи не было, а Наполеонъ настоятельно требовалъ, чтобы король объявилъ рѣшительно, къ которой сторонѣ онъ принадлежитъ.

Тогда Фридрихъ-Августъ рѣшился на отчаянное средство: онъ присоединился къ Наполеону, и Саксонія снова сдѣлалась театромъ кровопролитной войны. Но звѣзда счастья Наполеона угасла навсегда. Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ я рассказалъ вкратцѣ Лейпцигскую битву...

Въ девять часовъ утра, въ предвѣстіяхъ Лейпцига происходила уже страшная перестрѣлка; въ это самое время Наполеонъ прощался съ Фридрихомъ-Августомъ и приглашалъ его съ собою въ Вейссенфельсъ. Но король отказался.

Союзники заняли Лейпцигъ, и король со всѣмъ семействомъ былъ отправленъ въ Берлинъ; а отсюда въ замокъ Фридрихсфельдъ. Въ ноябрѣ 1814 года объявили саксонскимъ властямъ, что правленіе принимаетъ прусскій король, будущій владѣтель Саксоніи. Фридрихъ-Августъ изъ заточенія своего возстаетъ противъ такого присоединенія. Англія, Австрія, Баварія и Франція, опасаясь

умноженія могущества Пруссіи, присоединяются къ сторонѣ заточеннаго короля и, наконецъ, въ 1815 году кончается споръ. На вѣскомъ конгрессѣ рѣшается раздѣлъ Саксоніи, въ слѣдствіе котораго Фридрихъ-Августъ теряетъ богатые провинціи, заключающія въ себѣ 350 квадратныхъ миль пространства и болѣе 845,000 подданныхъ. Изъ 700 милліоновъ, уплаченныхъ Францією союзникамъ, Саксонія получила около семи милліоновъ.

Въ іюнь 1815 года Фридрихъ-Августъ III вернулся въ свою столицу и ревностно занялся внутреннимъ устройствомъ своего государства. Двѣнадцать лѣтъ постоянныхъ усилій увѣнчались успѣхомъ. Словесность, искусства, науки, торговля и промышленность разцвѣли; и искреннія слезы подданныхъ оросили гробъ государя слабого, лишеннаго воинственныхъ качествъ, но умнаго и добраго...

На престолъ вступилъ братъ его, Антонъ I, семидесятилѣтній старецъ.

Король Антонъ скончался на восемьдесятъ второмъ году отъ рожденія.

Въ 1836 году вступилъ на престолъ Фридрихъ-Августъ IV, нынѣ царствующій король.

Въ Галле я пересѣлъ въ другой вагонъ, чтобы продолжать путь по тюрингенской желѣзной дорогѣ, которая была проведена уже до Веймара.*

На прусскихъ желѣзныхъ дорогахъ, въ каждомъ отдѣленіи есть вагонъ для *курлящихъ*. Принадлежитъ къ числу послѣднихъ, я отыскалъ въ Галле вагонъ съ желтой надписью и преспокойно усѣлся въ него, тотчасъ послѣ перваго звонка.

Позвавъ на толпу, прохаживавшуюся по галерей, я намѣревался закурить сигару, какъ вдругъ раздался второй звонокъ и вслѣдъ за нимъ голосъ кондуктора:

— По мѣстамъ, по мѣстамъ!

Въ то же мгновеніе пять дамъ, двое дѣтей и господинъ съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ послѣшно вскочили въ вагонъ, въ которомъ я уже занялъ мѣсто.

Что это? Неужели всѣ эти дамы такія охотницы до сигаръ, что даже въ дорогѣ, при публикѣ, не могутъ обойтись безъ нихъ?... Если нѣтъ, то зачѣмъ сѣли онѣ именно въ вагонъ, назначенный для курящихъ?... Во ожиданіи рѣшенія этой задачи, я сироталъ свою сигару.

* Теперь эта дорога доходитъ до Эйзенаха.

Поѣздъ двинулся впередъ. Сперва заговорили дѣти, а за ними и дамы. Господишь съ болѣзненнымъ лицомъ морщился, когда дѣти повышали голосъ и, кутааясь въ шинель, искоса поглядывали на меня, сидѣвшаго у опущеннаго окна.

Сигары не появлялись.

— Подымите, пожалуйста, окно, сказалъ блѣдный: вѣтеръ такъ пронзительнъ, что дѣти могутъ простудиться.

Таково свойство эгоизма — ему всегда кажется, что онъ печется о другихъ.

— О, не беспокойтесь! отвѣчала одна толстая, пожилая дама: дѣти мои не боятся холода.

Блѣдный поморщился.

— Такъ позвольте мнѣ просить для себя, сказалъ онъ: мнѣ холодно. Вы, вѣроятно, не Нѣмецъ, продолжалъ онъ, обратившись ко мнѣ: потому что у насъ не умѣютъ такъ тепло одѣваться. Это русскій зимній комфортъ.

При словѣ *русскій* дѣти внезапно замолчали и вытаращили на меня глаза.

— Мама, спросилъ одинъ изъ нихъ послѣ минутнаго молчанія, указавъ на меня пальцемъ: это Русскій?

Мать молча покачала головой, заставляя сына замолчать. Но между тѣмъ другой, мальчикъ лѣтъ восьми, наклонившись нѣсколько ко мнѣ, спросилъ:

— Ты казакъ?

— Францъ, замолчишь ли ты! вскричала мать съ такою живостію, какъ будто бы сынъ ея навесѣ мнѣ смертельную обиду.

— Нѣтъ, мой дружокъ, я не казакъ, отвѣчалъ я, улыбаясь малюткѣ.

— А зачѣмъ же онъ сказалъ, что ты Русскій? продолжалъ мальчикъ.

Поѣздъ остановился близъ Мерзебурга, небольшого города. Толстая дама стала объяснять дѣтямъ, что не все Русскіе казаки.

По мѣрѣ удаленія отъ Галле мѣстоположеніе измѣнялось. Поѣздъ мчался уже не по песчанымъ равнинамъ Пруссіи, а по странѣ лѣсной и гористой. То вагонъ нашъ съ глухимъ шумомъ пролеталъ туннели и узкія ущелія, то несся по возвышенію, съ котораго видъ простирался на обширныя поля, на которыхъ изъ подъ растаявшаго снѣга видѣлась земля, такъ превосходно обработанная, что казалась какъ бы разчесанною гребнемъ.

Въ Саксоніи, вообще, прусской и саксонской, земледѣліе доведено до высокой степени совершенства.

Мало-по-малу разговоръ въ вагонѣ сдѣлался общимъ, но о сигарахъ все еще никто не думалъ. Отвѣтивъ утвердительно на вопросъ одной изъ дамъ: точно ли я Русскій? я подвергнулся безконечнымъ разпросамъ. Особенно понравился дамѣ русскій крестьянскій костюмъ, который я описалъ имъ, какъ умѣлъ. Наконецъ свѣжая, миленькая блондинка упростила меня, чтобы я произнесъ нѣсколько русскихъ словъ.

— Скажите, какъ по-русски *die liebe Mutter*? спросила толстая дама.

— *Любезная мать*, отвѣчала я.

— Ахъ, какъ это странно! вскричала одна изъ дамъ.

— Отчего странно? возразила хорошенькая блондинка: я захожу, что это очень выразительно и пріятно.

— *Мать* происходитъ отъ латинскаго, вскричала другая молодая дѣвушка, усыпанная веснушками: *mater, materis...*

— *Matris*, поправилъ блѣдный господинъ, — существительныя, кончающіяся на *ter* теряютъ букву *e* въ склоненіи.

— Ахъ, да! вскричала дѣвица съ веснушками: *mater, pater, frater...*

Послѣ такого *ученаго* разсужденія, хорошенькой дѣвухѣ оставалось только вытаскать изъ дорожнаго мѣшка пѣнковую трубку, набитую кнастеромъ.

Наконецъ поѣздъ остановился близъ города Вейссенфельса. Тамъ дамы простились съ блѣднымъ господиномъ и со мною, и удалились, не выкуривъ даже пахитоски...

Я вышелъ вслѣдъ за ними изъ вагона.

Вейссенфельсъ находится въ очаровательномъ мѣстоположеніи. Онъ лежитъ между двумя горами, въ долинѣ, по которой течетъ Сакса, образуя граціозныя изгибы. Здѣсь я увидалъ первые виноградники. Не смотря на то, что на деревьяхъ не было листьевъ, и что мѣстами лежалъ снѣгъ, видъ былъ очарователенъ...

Мертвое тѣло Густава-Адольфа было перевезено въ Вейссенфельсъ и тамъ бальзамировано. Сердце героя и внутренности его были погребены подъ каедрою монастырской церкви, но впоследствии, сердце перевезено въ Швецію. Во время бальзамированія, струя крови брызнула на стѣну въ Городскомъ Празеленіи.

Кровавое пятно сохранилось и повнынѣ; оно покрыто щитомъ, надъ которымъ виситъ портретъ короля-героя.

Возвращаясь въ вагонъ съ закуренной сигарою, я нечаянно взглянулъ еще разъ на желтую надпись, но если бъ было время,

непремѣнно бы пересѣлъ въ другой вагонъ! Теперь только замѣтилъ я небольшую отрицательную частицу:

Für nicht rauchende.

Т. е. для не курящихъ. Въ Саксоніи видно курятъ болѣе, нежели въ Пруссіи, потому-что въ послѣдней одинъ вагонъ для курящихъ, а въ первой одинъ для не курящихъ. Извиняюсь передъ незнакомыми дамами, которыхъ осмѣлялся подозрѣвать въ — эманципациі.

За Вейссенфельсомъ лежатъ еще города *Наумбургъ*, извѣстный осадой Гусситовъ; *Анольда*, по близости котораго произошло Іенское сраженіе.

Наконецъ, въ половинѣ двѣнадцатаго часа, поѣздъ остановился въ виду Веймара.

II. ФУРМАНЪ.

ОХОТА НА ЯГУАРОВЪ ВЪ БУЕНОСЪ-АЙРЕСКИХЪ ПАМПАСАХЪ.

(Разсказъ французскаго путешественника.) За нѣсколько времени передъ тѣмъ, какъ объявлена была, въ 1837 году, адмираломъ Лебланомъ блокада восточныхъ береговъ Южной Америки, лежащихъ ниже Бразиліи, я воспользовался представившимся мнѣ благоприятнымъ обстоятельствомъ, чтобы посѣтить Монте-Видео и Буеносъ-Айресъ. Военный бригъ, стоявшій на якорѣ въ Рио-Жанейро, гдѣ я, въ то время, находился, и на которомъ служилъ одинъ мой школьный товарищъ, долженствовало, чрезъ нѣсколько дней, отправиться къ берегамъ Ла-Платы.

Г. К..., мой сказанный товарищъ, отрекомендовалъ меня своимъ сослуживцамъ, съ которыми нѣсколько произведенныхъ вмѣстѣ охотъ, ловлей рыбъ и обмѣненныхъ обѣдовъ меня совершенно сблизилъ, такъ что они, когда получили приказаніе отправиться изъ Рио-Жанейро, убѣдили меня посѣтить съ ними вмѣстѣ Монте-Видео.

Предложеніе было слишкомъ заманчиво и я рѣшился имъ воспользоваться: окончивъ всѣ нужныя для пути приготовленія, я, въ сопровожденіи моего вѣрнаго слуги Ивона, перешелъ на бригъ.

Въ тотъ же самый день мы вступили подъ паруса и вышли изъ Рио-Жанейро при прекраснѣйшей погодѣ: это было въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ то время, когда мои любезнѣйшіе соотечественники наслаждались, по меньшей мѣрѣ, десятью градусами мороза.

Да позволено мнѣ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о моемъ слугѣ. Неоднократно проклиналъ я тотъ день, въ ко-

торый пришла мнѣ несчастная мысль взять его съ собою; въ теченіе духъ лѣтъ, онъ былъ для меня неизсякаемымъ источникомъ заботъ, неудовольствій, огорченій, камнемъ преткновенія во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ. Только недоставало того, чтобы и самъ чистилъ ему сапоги, во всемъ же остальномъ, могу похвастать, я служилъ ему въ теченіе всего моего вояжа, предпринятаго мною съ цѣлю доставить себѣ удовольствіе.

Но въ это время я не былъ еще совершеннымъ перипатетикомъ и полагалъ, что если не возьму съ собою слугу, то не исполню тѣмъ всѣхъ требованій комфорта. Если слуга не составляетъ излишней роскоши въ путешествіяхъ по Европѣ, то, въ предпринятомъ мною пути, онъ совершенно былъ для меня лишнимъ.

Этотъ превосходный путевой товарищъ родился въ Финистерскомъ департаментѣ, на веселыхъ берегахъ Плагастеля или Конкарно и, по одному изъ тѣхъ роковыхъ несчастій, которыя случаются только со мною, онъ, любезнѣйшій въ мірѣ человекъ, не захотѣвъ слѣдовать состоянію своего родителя и, бросивъ въ сторону неводъ и уды, полетѣлъ въ Алжирію, чувствуя въ себѣ рѣшительное призваніе къ благородной службѣ воина.

Онъ вступилъ въ полкъ, въ которомъ я тогда находился, и моя злосчастная звѣзда хотѣла, чтобы я взялъ его въ услуженіе, сперва въ Алжирѣ, а потомъ и въ Парижѣ, гдѣ однажды встрѣтилъ я его безъ пристанища.

Оставя самъ военную службу, я съ удовольствіемъ встрѣтилъ бывшаго своего слугу, находившагося нѣсколько лѣтъ при мнѣ; онъ, казалось, былъ преданъ мнѣ совершенно; къ тому же онъ былъ такъ пеловокъ, такъ бѣденъ умственными способностями что мнѣ стало его жаль, при мысли, что никто не возьметъ его къ себѣ.

Когда я оставилъ Европу и предпринялъ путешествіе на удачу, безъ всякой цѣли, рѣшившись останавливаться тамъ, гдѣ мнѣ поправится, и снова пускаться въ путь, когда пожелаю, то взялъ его съ собою; но едва сѣлъ на корабль, какъ уже жестоко въ томъ раскаялся, ибо несчастный мой человекъ подвергся морской болѣзни, а за это я долженъ былъ перенести отъ него безчисленное множество доукъ, жалобъ, даже выговоровъ.

Мы, на нѣсколько дней, зашли въ Санта-Крусъ, на Тенерифѣ, и я предложилъ ему отправиться обратно во Францію, сказавъ притомъ, что буду просить одинъ торговый домъ, чтобы постарались найти для него скорѣе мѣсто на первомъ идущемъ оттуда кораблѣ; но онъ не хотѣлъ слушать объ этомъ,

овъ повеселѣлъ на берегу, гдѣ, несмотря на мои предостереженія, пресыщался апельсинами и другими плодами, подвергаясь опасности захворать отъ другой причины; онъ подшучивалъ надъ морскою болѣзнию и не хотѣлъ меня оставить. Нѣсколько времени спустя, на корабль, опять началась прежняя исторія, такъ что я никогда не кончалъ бы своего разсказа, если бы хотѣлъ описать всѣ неудовольствія, которыя заставили меня испытать этотъ несносный Бретонецъ.

Я не буду говорить о прекрасномъ нашемъ плаваніи, не стану описывать тѣхъ проказъ и тѣхъ насмѣшекъ, которымъ, по трусости своей, подвергался бѣдный Ивонъ; даже не упомяну о крушеніи нашемъ, въ самую прекраснѣйшую погоду, на *англійской мѣли*, при входѣ въ Ла-Плату, въ которомъ не имѣли другой неприятности, кромѣ того, что всѣ измокли. Я прибылъ въ Буеносъ-Айресъ, мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ разстался съ своими любезными путевыми товарищами, оставленными въ Монте-Видео исправленіямъ, требовавшимся въ ихъ суднѣ.

Нечего уже говорить о томъ, что я въѣхалъ въ Буеносъ-Айресъ въ сопровожденіи своего неизбѣжнаго Ивона, который сильно ропталъ, что долженъ былъ до колѣна погружаться въ иль, при переноскѣ моихъ вещей. Городъ этотъ, хотя расположенъ при устьѣ обширной рѣки, но не имѣетъ пристани, и большіе корабли не переходятъ за Барраганскую губу. Песчанья отмѣли, простирающія весьма далеко въ море, препятствуютъ приближенію даже самыхъ малыхъ гребныхъ судовъ, и только съ помощью нарочно устроенныхъ тѣлжекъ снимаютъ съ судовъ пассажировъ и товары и перевозятъ ихъ на берегъ.

Я поселился въ *Калле де ла Викторія*, гостиницѣ, которая, въ то время, была мало посѣщаемая, отчего она мнѣ и понравилась: я никогда не любилъ тѣсноты и поставилъ себѣ за правило, въ путешествіяхъ, не останавливаться никогда въ молныхъ гостиницахъ, гдѣ вообще находишь менѣе удобства.

Видъ Буеносъ-Айреса весьма замѣчательнъ и его широкія улицы, перерѣзанныя подъ прямыми углами, были бы очень хороши, если бы, какъ въ Европѣ, содержались онѣ въ чистотѣ и были вымощены камнемъ или, по-крайней-мѣрѣ, убиты щебнемъ. Къ несчастію этого ничего нѣтъ, почему, во всякое время года, отъ пыли или отъ грязи, онѣ едва проходимы. Несмотря на это, я тотчасъ же посѣдѣлъ пробѣжать по городу, безъ провожатаго, на удачу.

Я не стану описывать Буеносъ-Айреса, который, благодаря

предшествовавшимъ мнѣ путешествіямъ, описать, въроятно, также хорошо какъ Лондонъ и Парижъ. Только мнѣ должно войти въ нѣкоторыя подробности, чтобы объяснить, какимъ образомъ отправился я на югъ и охотился на ягуара.

По обыкновенію, котораго держался всегда, я не имѣлъ при себѣ ни одного рекомендательнаго письма; знаю, что отъ этого встрѣчаются, иногда, не малые затрудненія; но, по моему мнѣнію, ихъ бываетъ еще болѣе тогда, когда имѣешь ихъ съ собою. При отъѣздѣ изъ Рио-Жанейро мнѣ предлагали все, что я пожелалъ бы въ этомъ отношеніи; но въруа, какъ и всегда, въ случай, который, до этого времени, служилъ мнѣ довольно хорошо, я отказался отъ всѣхъ писемъ. Необязанный никакимъ посѣщеніемъ, я, черезъ нѣсколько дней, видѣлъ въ Буеносъ-Айресѣ все, что возможно было видѣть.

Я посѣтилъ соборъ, замѣчательное, но неоконченное строеніе, старыя церкви, довольно тяжелаго стиля, банкъ, *Кабильдо*, главную ратушу, гдѣ помѣщаются теперь присутственные мѣста, монетный дворъ, дворецъ, украшающій площадь *Викторія*, *Рекобу* съ ея галереями, зданіе въ мавританскомъ вкусѣ, близъ крѣпости.

Я видѣлъ всѣ публичныя заведенія, довольно многочисленныя, но не очень интересныя, исключая, однако, библиотеки, лучшей въ Южной Америкѣ; наконецъ, какъ предполагать должно, не забыты были мною прогулки въ Аламеда, Ретиро, Эмеральда, равно какъ и въ Аржантинскомъ паркѣ.

Прогулка эти, вообще, весьма пріятны и посѣщаются прелестными дамами и *львами*, красующимися на прекрасныхъ лошадахъ, на которыхъ збруя, сѣдло, чепракъ, украшенные золотомъ, въ мавританскомъ вкусѣ, имѣютъ странный, но между тѣмъ замѣчательный видъ. Сами всадники въ прекрасныхъ и красивыхъ костюмахъ, въ большихъ сапогахъ, переходящихъ гораздо выше колѣнъ.

Въ одинъ день, прохаживаясь, утромъ, подъ аркадами *Рекобы*, я вошелъ въ лавку золотыхъ дѣлъ мастера, чтобы купить себѣ пару огромныхъ серебряныхъ шпюръ, которыя составляютъ необходимую часть костюма *гуахо*, образчикъ которыхъ мнѣ хотѣлось привезти во Францію. Я вошелъ въ эту лавку еще и по любопытству: въ ней я видѣлъ стоящаго одного мужчину, еще молодого, котораго я часто встрѣчалъ въ моихъ прогулкахъ, и который обратилъ мое вниманіе сколько по изысканности и пріятности его костюма, столько же по совершенству формъ его лица.

Порода испанскихъ креоловъ въ Южной Америкѣ составля-

еть лучшую породу людей, которую я только видѣлъ до того времени; она, удивительнымъ образомъ, противорѣчитъ съ Бразильцами, ея сосѣдями, которые, вообще, малорослы и дурны, цвѣта желтаго, желчнаго, между тѣмъ какъ, въ Буеносъ-Айресѣ, мужчины и особенно женщины, почти всѣ вообще красоты совершенной и имѣютъ самый вѣжнѣйшій бѣлый цвѣтъ лица.

И такъ между этимъ-то народонаселеніемъ обратилъ мое любознательство вышесказанный молодой человѣкъ, который всездѣ былъ бы предметомъ общаго вниманія.

Съ изыщною испанскою учтивостію, донъ Мигель Саласаръ, (имя его я узналъ нѣсколько минутъ спустя,) отвѣтилъ на поклонъ мой при входѣ въ лавку, отступилъ нѣсколько шаговъ въ сторону, чтобы дать мнѣ мѣсто, и, съ любезностію, показывавшею въ немъ человѣка благороднаго происхожденія, принудилъ торговца удовлетворить первоначально моему требованію. Увидѣвъ, въ то же время, что я не такъ-то легко объяснялся по-испански, онъ заговорилъ со мною по-французски и взялся служить мнѣ переводчикомъ.

Я съ учтивостію отвѣчалъ на его любезности, къ которымъ, признаюсь, до того времени, не былъ приученъ Бразильцами, характера мрачнаго, надменнаго. Сдѣлавъ покушку, мы вышли выѣсть и, по предложенію донъ Мигеля, закурили по сигарѣ, продолжали путь въ галлерей.

— Я благодарю судьбу, сказала мнѣ донъ Мигель, когда мы съ нимъ пошли, что она позволила намъ встрѣтиться сегодняшнимъ утромъ; нѣсколько дней я уже замѣтилъ васъ, сеньоръ кавальера, и, желая отплатить за гостепримство, которымъ я пользовался, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ вашемъ отечествѣ, имѣлъ даже любознательство осведомиться о вашей фамиліи. Каково же было мое удивленіе, когда узналъ, что эта фамилія одинакова съ фамиліею одного молодого французскаго гвардейца, который оказалъ мнѣ и нѣкоторымъ лицамъ моего семейства, живущаго въ Испаніи, услуги, въ теченіе войны 1823 года, и съ которымъ знакомство обратилось въ дружбу.

— Это братъ мой, отвѣчалъ я ему; но мнѣ весьма горестно объявить вамъ, что послѣ того мы имѣли несчастье его потерять.

— Какъ! Бѣдный Станиславъ умеръ? Извините меня, что я его такъ называлъ; но я очень любилъ его, и вамъ должно быть извѣстно, что мы, Испанцы, не можемъ ничего дѣлать въ ловину. Умереть въ такомъ молодомъ возрастѣ, съ такою будущностію: это ужасно! Вы не можете представить себѣ, какъ я огорченъ: я думалъ, что онъ женатъ, счастливъ и сегодня

даже располагалъ посѣтить васъ, чтобы узнать не родственникъ ли вы ему; но такъ какъ случаю угодно было свести васъ, то позвольте мнѣ предложить вамъ мои услуги и сказать, что я и всѣ мои домашніе въ вашемъ распоряженіи.

Сказавъ это, онъ протянулъ мнѣ свою руку, которую я дружески пожалъ, и мы продолжали нашъ путь, разговаривая про моего бѣднаго брата, котораго смерть, въ тридцати-лѣтнемъ возрастѣ, преждевременно похитила, въ полнотѣ жизни и здорovia.

Донъ Мигель осведомился съ самымъ живымъ участіемъ о всѣхъ подробностяхъ смерти, похитившей у него друга, а у меня любимаго брата. Онъ содрогнулся, когда узналъ, что бѣдный мой братъ, по самой ничтожной причинѣ, считалъ себя обязаннымъ принять вызовъ и что онъ палъ на дуели.

Оставивъ этотъ печальный предметъ разговора, донъ Мигель принялъ мое приглашеніе раздѣлать безъ церемоній мой завтракъ, и мы направили путь къ гостинницѣ.

Знакомство, такимъ образомъ начатое, не замедлило обратиться въ самое искреннее и, подъ покровительствомъ моего новаго друга, скоро посвященъ я былъ въ тысячу вещей, которыя оставались мнѣ, до того времени, совершенно неизвѣстными. Многія прекрасныя семейства мнѣ сдѣлались доступны, и въ нихъ я имѣлъ возможность бесѣдовать съ этими очаровательными женщинами, которыхъ встрѣчалъ прежде на прогулкахъ. Замѣчательную привычку въ Южной Америкѣ, особенно же въ этой странѣ, составляетъ употребленіе *mate*, родъ чая, который Креолы, особенно женщины, пьютъ въ продолженіе цѣлаго дня.

Надобно видѣть этихъ женщинъ, полурапростертыхъ на койкахъ, сдѣланныхъ изъ индѣйской соломъ или шелковыхъ тканей, различныхъ цвѣтовъ, держащихъ въ одной рукѣ благоухающую *пакиллу*, а въ другой прекрасныя чашки изъ японскаго фарфора, заключающія въ себѣ любимый ихъ напитокъ, которая подносятъ онѣ поминутно ко рту и всасываютъ изъ нихъ въ себя, помощію золотой трубочки, драгоценную влагу. Самый большой знакъ уваженія и расположенія къ иностранцу составляетъ то, когда онѣ предлагаютъ ему свою чашку и трубочку, которую только что сжимали ихъ прелестныя розовыя губки. Откровенно должно признаться, что, безъ этого милого приглашенія, трудно было бы проглотить этотъ невкусный напитокъ, къ которому однакожъ можно, наконецъ, привыкнуть; особенно, у одной сеньориты, я сдѣлался самымъ отчаяннымъ

любителемъ *mate*, когда плѣнительная хозяйка предлагала мнѣ его, откушавъ прежде его сама до половины.

Донъ Мигэль представилъ меня также генералу Разасу, бывшему въ то время президентомъ Аргентинской республики; я вблизи видѣлъ этого страшнаго Гуахо, представлявшаго собою типъ дикихъ жителей пампасовъ, о которыхъ я скажу ниже. Не знаю, что поразило меня въ немъ болѣе: физиономія ли мрачная и свирѣпая, или простонародность его приемовъ. Онъ позволилъ мнѣ засвидѣтельствовать мое почтеніе сеньорѣ Мануелью, его дочери, перлу Буенось-Айреса; она приняла меня весьма милостиво.

Я видѣлъ еще многое въ Буенось-Айресѣ, но описаніе всего этого отвлекло бы меня слишкомъ далеко отъ предмета моего разказа; можетъ-быть, нѣкоторые и безъ того замѣтятъ, что мнѣ слѣдовало бы давно начать говорить о пампасахъ и ягуарахъ.

Съ дѣтства страстный охотникъ, я не довольствовался стрѣлищемъ переселовъ, зайцевъ и куропатоковъ, во время моего долгаго пребыванія въ Африкѣ, а стремился къ болѣе живѣйшимъ ощущеніямъ; но, къ несчастью, только нѣсколько бѣдныхъ шакаловъ, которые убѣгаютъ отъ охотника, и одна гѣсна, убитая мною съ помощію товарища, удовлетворили это требованіе сердца, жаждавшаго испытать себя въ присутствіи охотности.

Правда, два или три раза, я присутствовалъ при такъ называемыхъ охотахъ на львовъ, въ окрестностяхъ Орана, но никогда не встрѣчалъ этого страшнаго царя степей. Я долженъ былъ довольствоваться только тѣмъ, что слышалъ его ужасный ревъ, который, раздаваясь въ воздухъ, заставлялъ умолять, какъ бы волшебствомъ, завываніе гѣсны и шакаловъ, выходящихъ для добычи, съ закатомъ солнца.

Къ тому же, да позволено мнѣ будетъ признаться, что, не считая себя трусомъ болѣе другихъ, я, однако, каждый разъ чувствовалъ какое-то внутреннее, величайшее облегченіе, когда возвращался послѣ безуспѣшной, охоты на льва. Смѣю прибавить, что не я одинъ испытывалъ подобное чувство, но не многіе такъ чистосердечны, чтобы признаться въ этомъ.

Въ пампасахъ, изъ дикихъ звѣрей встрѣчаются только ягуары, родъ тигровъ, да еще дикая кошка.

Донъ Мигэль, отправляясь осматривать свои помѣстья, находящіяся на берегахъ *Ріо-Саладо*, въ южной части Буенось-Айреса, предложилъ мнѣ ему сопутствовать. Онъ обещалъ мнѣ горы чудесъ, для удовлетворенія моего любопытства, какъ пу-

тешественника, и моей страсти къ охотѣ. Я съ энтузіазмомъ принялъ его предложеніе и, въ одно прекрасное утро, мы пустились въ путь на превосходныхъ лошадяхъ, въ сопровожденіи слугъ, которые вели за узду муловъ, нагруженныхъ винами, съѣстными припасами и разными мелочами.

Я одѣлся точно также, какъ былъ одѣтъ мой товарищъ: огромная шляпа изъ килійской соломы, совершенно защищавшая отъ солнца и дождя; бархатная куртка, украшенная сотнею красивыхъ серебряныхъ пуговицъ, наброшенная на плечо; жилетъ, вышитый по андалузской модѣ; пончо, и большіе, изъ желтой кожи, высокіе сапоги, съ огромными шпорами, о которыхъ я говорилъ уже выше, и въ которыхъ кольца были величюпо съ испанскіи талеръ: вотъ весь мой нарядъ.

Лошадь моя была прекрасной андалузской породы, сохранившейся, безъ измѣненія, отъ породы лошадей, ввезенныхъ изъ Испаніи въ эпоху открытія американскаго материка, которые удивительнымъ образомъ размножились въ обширныхъ равнинахъ Южной Америки. Сѣдло мое было мавританское, съ широкою спинкою, обитою вышитымъ сафьяномъ, и съ широкими серебряными стремениами; узда была бархатная и украшенная блестящимъ позументомъ.

Разумѣется не было забыто мною и оружіе: превосходное двуствольное ружье, большаго калибра и хорошаго прицѣла, перекинуто было за плечо; пара двуствольныхъ пистолетовъ торчала въ сѣдельныхъ чухкахъ; съ боку привязанъ былъ у меня охотничій ножъ, французской работы, а за правымъ сапогомъ, какъ и у моего товарища, заткнутъ былъ длинный ножъ въ серебряныхъ ножнахъ и съ такою же рукоятью.

Донъ Мигэль, сверхъ подобнаго вооруженія, имѣлъ свой *ласо*, родъ аркана. Слуги наши также были хорошо вооружены.

Такимъ образомъ вооруженные и снабженные превосходными сигарами, мы выѣхали при прекраснѣйшей погодѣ и поехали въ одной удлиненной фермѣ, въ двѣнадцати почти миляхъ отъ Буенось-Айреса.

На другой день, рано утромъ, мы снова пустились въ дорогу и не замедлили войти въ страну, почти пустынную, извѣстную подъ названіемъ *Пампасовъ*, занимающую пространство въ длину 300, а въ ширину 180 миль.

Эти обширныя равнины покрыты густою травою; ихъ пустынное однообразіе дѣлается еще печальнѣе отъ видящихся, на довольномъ разстояніи другъ отъ друга, покрытыхъ рѣдкими листьями, деревъ, называемыхъ *дурасно*, въ родѣ пер-

сыковыхъ, которыхъ плодъ довольно пріятнаго вкуса; кой-гдѣ встрѣчается еще мелкій кустарничекъ.

Населенныя огромнымъ множествомъ стали почти дикаго рогатаго скота, оберегаемаго пастухами, не менѣе ихъ дикими, эти равнины раздѣляются на столько пастбищъ, сколько считается владѣльцевъ, и тотъ изъ нихъ, который имѣетъ земли не болѣе четырехъ или пяти квадратныхъ миль, почитается между ними не очень еще богатымъ.

На нихъ также пасутся многочисленныя табуны лошадей и стада овецъ-альпаговъ, имѣющихъ особыя свои откѣтны; они охраняются большимъ числомъ пастуховъ, развѣзжающихъ верхомъ.

Эти люди, извѣстные подъ именемъ *гуаховъ*, родившіеся и привыкшіе къ жизни въ пустынь, составляютъ классъ жителей, весьма замѣчательный для наблюденія. Приученные съ дѣтства къ праздности и волѣ, они не знаютъ предѣловъ своимъ страстямъ: привыкшіе убивать животныхъ, они, также легко, безъ злобы и жалости, проливаютъ кровь и себѣ подобныхъ. Гуахи вообще сложенія крѣпкаго, незнакома съ болѣзнями, считаютъ жизнь за ничто и съ отвращеніемъ смотрятъ на тѣ занятія, которыхъ не могутъ они исполнить верхомъ на лошади.

Наклонные къ кражѣ, они воруютъ только лошадей и нѣкоторые предметы, не имѣющіе цѣнности. Пренебрегая деньгами, для нихъ не нужными, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма гостеприимны. Если является къ нимъ иностранецъ, то онъ можетъ у нихъ оставаться, сколько пожелаетъ: они его кормятъ, не осведомляясь, кто онъ такой, и притомъ не удерживаютъ, когда онъ ихъ оставляетъ.

Пампасы посѣщаются еще другимъ классомъ людей, которые не хотятъ ни работать, ни служить: эти бродяги, встрѣча съ которыми весьма опасна, имѣютъ дерзость доходить даже до Буэносъ-Айреса и похищаютъ оттуда женщинъ, увлекая ихъ на житье въ свои пустыни. Они крадутъ также лошадей съ пастбищъ и продаютъ ихъ, по ту сторону рѣки *Параны*, въ южныхъ бразильскихъ провинціяхъ. Эта порода людей, называемыхъ *Улькасы*, довольно многочисленна и живетъ, по слабости правительства, въ совершенномъ спокойствіи и безнаказанности.

Наше путешествіе совершилось однако безъ всякой непріятной встрѣчи. Однообразіе его, по временамъ, было только прерываемо выстрѣлами по зайцамъ и строусамъ, бродящимъ по этимъ равнинамъ, покрытымъ семеноватыми растеніями, кото-

рыя птица эта очень любить. Донъ Мигаль нѣсколько разъ пытался, съ лассо въ рукахъ, мчаться во весь опоръ за строусомъ, но безъ успѣха: такъ бѣгъ ихъ быстръ.

Послѣ нѣсколькихъ дней пути, поднимаясь вверхъ по теченію *Pio-Salado*, мы прибыли, наконецъ, въ главную *эстацию* обширныхъ владѣній моего хозяина.

На другой день, Мигаль отдалъ приказаніе, чтобы было убито извѣстное число рогатаго скота, превосходившее нѣсколько тысячъ головъ. Извинившись, что долженъ былъ заняться этимъ хозяйственнымъ распоряженіемъ, онъ пригласилъ меня отправиться вмѣстѣ съ нимъ, верхомъ, отыскивать слѣды ягуаровъ, вдоль *Pio-Salado*, гдѣ хотѣлъ доставить мнѣ случай видѣть охоту на этого звѣря.

Мы сѣли на лошадей и пустились въ путь, въ сопровожденіи нѣсколькихъ гуаховъ; эти послѣдніе, махая своими лассо, котораго они никогда не выпускаютъ изъ рукъ, скакали около насъ и выказывали въ управленіи лошадьми, ловкость, дѣйствительно изумительную.

Проѣхавъ нѣсколько миль, мы достигли до мѣста, гдѣ *Саладильо*, небольшая рѣчка, впадаетъ въ *Pio-Salado*. Люди, которые отправлены были впередъ насъ, прибыли къ намъ съ извѣстіемъ, что они открыли многіе слѣды, и самые еще свѣжіе, ягуаровъ: мы отправились осмотрѣть ихъ, и Мигаль приказалъ своимъ людямъ построить изъ земли и травы родъ шалаша, въ которомъ мы могли бы скрыться на другой сторонѣ рѣчки, противъ того мѣста, куда ягуары, казалось, приходили утолять свою жажду.

Исполнивъ это, Мигаль предложилъ мнѣ быть свидѣтелемъ зрѣлища, весьма любопытнаго для меня, поимки дикой лошади. Я принялъ предложеніе, и мы продолжали ѣхать по берегу рѣки, вверхъ по теченію, къ тому мѣсту, гдѣ цолагали встрѣтить табуны лошадей.

Когда мы приблизились довольно близко къ табуно, наши гуахи пустились скакать, по разнымъ направленіямъ, испуская пронзительныя крики, и мы послѣдовали за ними въ галопъ. Вскорѣ одинъ изъ нихъ, опередивъ своихъ товарищей, услѣлъ накинуть лассо на молодую лошадь, которая, испуганная его крикомъ, не рѣшилась обратиться въ бѣгство, чтобы послѣдовать за остальнымъ табуномъ.

Дикая лошадь, чувствуя, что она поймана, пыталась освободиться отъ петли, ее стагивавшей, дѣлая ужасныя скачки и бросаясь въ сторону; но, удерживаемая желѣзною рукою гуахо, она вскорѣ поняла всю бесполезность сопротивленія и останови-

лась неподвижно: этой минуты и ожидалъ всадникъ; онъ, ослабивъ поводъ своей лошади и давъ ей шпоры, пустился во всю прыть. Бѣдная жертва хотѣла, сначала, противиться, упираясь ногами; но чувствуя, что лассо ее давить, принуждена была послѣдовать за своимъ побѣдителемъ.

Послѣ неправильной и быстрой скачки, продолжавшейся минуту съ двадцать около насъ, во время которой гуахо выказалъ чудеса искусства и хладнокровія, бѣдная дикая лошадь упала на землю и казалась задыхающеюся. Въ это время всадникъ успѣвши сойти съ своей лошади, накинулъ на лежавшую лошадь узду и, вскочивъ ей на спину, началъ понемногу освобождать ее отъ лассо. Лошадь, содрагаясь подъ непривычною ей тяжестью, поднялась и нѣсколько минутъ ей нужно было, чтобы притти въ себя; въ продолженіе этого времени она дрожала всѣмъ тѣломъ; вскорѣ возвратились ея силы, а съ ними вмѣстѣ и ея бѣшенство. Тогда началась страшная борьба, въ которой лошадь опять осталась побѣжденною; сжимаемая колынами всадника, который вдавливалъ въ ея бока свои длинные шпоры, она, наконецъ, перестала дѣлать отчаянные прыжки и пустилась скакать во всю прыть, по прямой линіи.

Черезъ полчаса, послѣ того, она возвратилась, покрытая потомъ, едва держась на ногахъ, и казалась совершенно укрощенною. Такимъ образомъ эти люди добываютъ себѣ лошадей: по истеченіи двухъ или трехъ дней, они дѣлаютъ ихъ совершенно послушными.

Мы возвратились въ *эстанцію*, чтобы быть на-готовѣ отправиться въ нашу засаду. За нѣсколько минутъ до захожденія солнца, мы были уже на своемъ мѣстѣ и скрылись въ нашъ шалашъ. Рѣчка *Саладилъо*, въ этомъ мѣстѣ, была шириною не болѣе двадцати шаговъ, и мы находились прямо противъ того мѣста, гдѣ, утромъ, открыты были сѣдлы ягуаровъ.

Мы провели, такимъ образомъ, большую часть вечера и ничего не видѣли; при появленіи же луны, когда я только что началъ засыпать, утомленный ожиданіемъ, вдругъ я выведенъ былъ изъ дремоты выстрѣломъ моего товарища; я взглянулъ на противоположащій берегъ рѣки и увидѣлъ раненаго ягуара, который катался на землѣ въ предсмертныхъ мукахъ. Охота была кончена; трудно было предполагать, чтобы другой ягуаръ явился на это мѣсто. Мы подали знакъ, чтобы намъ подвели лошадей, которыхъ люди наши держали въ отдаленіи и, перейдя въ бродъ черезъ рѣчку, подошли съ осторожностію, къ раненому ягуару. Я говорю съ осторожностію, ибо это животное надѣлено такою чрезвычайною силою жизнєнности, что многіе неблагоразумные

охотники становились жертвою своей смѣлости, приблизившись къ раненому звѣрю.

Ягуаръ нашъ явно уже былъ при послѣднемъ издыханіи; но, не смотря на это, Мигэль съелъ не лишнимъ послать ему въ голлову еще одну пулю, которая и убила его окончательно.

Тогда подѣхали наши люди; одинъ изъ нихъ положилъ на запасную лошадь убитаго звѣря, и мы, такимъ образомъ, возвратились въ *эстанцію*, гдѣ ожидалъ насъ хорошій ужинъ.

Послѣдующій день былъ посвященъ различнымъ поѣздкамъ по владѣніямъ моего хозяина, и мы готовы уже были отправиться на ту сторону *Саладилъо*, въ мѣста, болѣе посѣщаемыя ягуарами, но намперо принудилъ насъ нѣсколько дней просидѣть дома; буря эти, производимыя юго-западными вѣтрами, весьма обыкновенны въ этихъ обширныхъ равнинахъ, особенно въ это время года. Нельзя представить себѣ свирѣпости вѣтра, который, не встрѣчая препятствія въ этихъ пустыняхъ, опустошаетъ ихъ, унося даже и животныхъ, которыя, предчувствуя его по инстинкту, не успѣли еще собраться въ сплошныя массы, чтобы охранить себя отъ него.

Съ возвращеніемъ хорошей погоды; мы отправились на охоту съ лассо. Когда я говорю *мы*, то должно разумѣть, что я, съ своей стороны, не имѣлъ нисколько намѣренія употребить въ дѣло это оружіе, которому, правда, весьма удивлялся; но которому, по неопытности своей въ его употребленіи, предпочиталъ свое двуствольное ружье.

Насъ было пятеро и всѣ на лошадяхъ: Мигэль, два его гуаха, я и мой Ивонъ, хорошо вооруженные и провожаемые четырьмя огромными собаками испанской породы.

Этотъ родъ собакъ, введенный завоевателями, размножился здѣсь до певфройтной степени. Собаки эти, болѣею частью, живутъ въ дикомъ состояніи и соединяются въ большія стаи, весьма опасныя для пастуховъ и жителей уединенныхъ фермъ; тамъ производятъ онѣ большія опустошенія. Съ весьма большимъ трудомъ достигаютъ до того, чтобы сдѣлать ихъ ручными и обучить ихъ; для этого нужно взять ихъ еще щенками. Онѣ большого роста, очень похожи на шотландскихъ борзыхъ, но гораздо ихъ сильнѣе и свирѣбѣе; шерсть ихъ темно-рыжаго цвѣта, уши заостренныя, ноги длинныя, глаза небольшіе, но зоркіе, челюсть, наполненная острыми зубами: онѣ удивительно способны къ охотѣ на хищныхъ звѣрей.

Нѣсколько уже часовъ мы рыскали по равнинѣ, не встрѣчая ничего, кромѣ зайцевъ, какъ вдругъ собаки съ остервенѣніемъ бросились къ одному кустарнику, изъ-подъ котораго выскочили

прекрасный ягуаръ и бросился во всю прыть бѣжать, преслѣдуемый по пятамъ собаками.

Мы пустились по его слѣдамъ, и послѣ двадцати минутъ самой отчаянной ѣзды, въ продолженіи которой, безъ ловкости моей лошади, я сто разъ сломилъ бы себѣ шею, Мигэль, скакавшій впереди, успѣлъ съ такою ловкостію и удачею бросить свой лассо, что поймалъ ягуара за голову. Животное пыталось было, съ минуту, удержаться на ногахъ, но лассо душило его, и ягуаръ, упавъ на землю, влекся по землѣ за лошадыю въ продолженіи четверти часа самого быстрого галона.

Когда остановились, ягуаръ не подавалъ болѣе признаковъ жизни; но, въ избѣжаніе несчастія, одинъ изъ гуаховъ сошелъ съ лошади и вонзилъ ему въ горло свой длинный ножъ; потомъ, такъ какъ не было возможности взять съ собою это огромное животное, которое, отъ головы до хвоста, имѣло шесть футовъ длины, онъ началъ сдирать съ него кожу.

Между тѣмъ я отыскивалъ, по всѣмъ сторонамъ, моего бѣднаго слугу Ивона, который былъ не очень ловкій наѣздникъ. Не видя его нигдѣ, я возвратился по тому пути, по которому ѣхалъ, въ сопровожденіи одного изъ гуаховъ, которому Мигэль приказалъ за мной слѣдовать. Мигэль весьма хорошо слѣдалъ, что далъ мнѣ провожатаго, иначе навѣрное я не могъ бы теперь рассказывать моего приключенія.

Возвращаясь шагомъ и ежеминутно кликая Ивона, я началъ было уже за него беспокоиться, какъ раздавшійся вдругъ жалобный его вопль заставилъ меня поспѣвать въ ту сторону, откуда онъ слышался.

Взявъ ружье въ руки и уменьшивъ галонъ, я приближался съ осторожностію, какъ вдругъ лошадь моя сдѣлала внезапный скачекъ въ сторону такъ, что едва не вышибла меня изъ сѣдла. Благодаря мавританскому сѣдлу, я удержался, и въ то время, когда голосомъ и рукой, старался успокоить свою лошадь, которая заострила уши и показывала явные признаки ужаса, въ десяти шагахъ отъ себя, увидѣлъ, полузакрытую кустарникомъ лошадь Ивона, на которую напала сама ягуара.

Разъяренный звѣрь схватилъ ее за горло и когда я приблизился, лошадь была уже безъ жизни. Ягуаръ поднялъ голову, поползъ, вытянулся и готовъ уже былъ броситься. Я выстрѣлилъ. Пуля пробила его навзлеть.

Тяжело раненный, онъ сдѣлалъ огромнѣйшій скачекъ и, прежде чѣмъ я успѣлъ вторично въ него выстрѣлить, онъ уцѣпился когтями за спину моей лошади, которая въ испугѣ бросилась въ сторону.

Скажу откровенно, что въ первую минуту и даже въ послѣдующую за ней, я душевно желалъ находиться совершенно въ другомъ мѣстѣ. Лошадь моя, растерявшись отъ боли, лигнула безполезно нѣсколько разъ, опустилась, подавляемая ягуаромъ, который, своими желѣзными когтями, раздиралъ ей спину и бока. Желая скорѣе срыгнуть съ лошади, я оступился и упалъ.

Гуахо, который, въ это время, былъ въ небольшомъ отдаленіи, прискакалъ, къ счастью, во весь опоръ.—«Нагните голову, господинъ!» вскричалъ онъ мнѣ. Я никогда, въ жизнь мою, не исполнилъ такъ быстро команды, какъ въ этотъ разъ: просто раставился плашмя по землѣ и, кажется, бросилъ даже и свое ружье!

Въ это самое мгновеніе я услышалъ свистъ лассо и, приподнявъ голову, увидѣлъ скачущаго во весь опоръ гуахо, за которымъ тащился ягуаръ, дѣлавшій отчаянныя успія, чтобы освободиться.

Я живо вскочилъ на ноги и, счастливый тѣмъ, что такъ дешево отдѣлся, поспѣшилъ зарядить ружье и пустился отыскивать Ивона. Долго кликалъ я его понапрасну.

Наконецъ, онъ отозвался на мой голосъ и вылѣзъ изъ высокой, густой травы, съ блѣднымъ и разстроеннымъ лицомъ. Началось съ того, что онъ, продолжая еще дрожать отъ страха, сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ и осыпалъ меня упреками за то, что я взялъ его съ собою на эту охоту. Изъ рассказа его я позналъ, что, испуганный быстротою ѣзды своей лошади и отказавшись отъ мысли управиться съ нею, онъ хотѣлъ, сколько можно легче, упасть съ нее и, исполнивъ свое намѣреніе, порядочно ушибся. Лошадь его, освободясь отъ своего сѣдла, остановилась, чтобы пощипать травы, какъ вдругъ, въ это время, напалъ на нее ягуаръ и загрызъ ее. Ивонъ, при этомъ зрѣлищѣ, потерялъ голову и, не думая употребить въ дѣло свое ружье, въ чемъ я готовъ, по истигѣ, почти оправдать его, началъ испускать пронзительные крики, подвергаясь опасности привлечь къ себѣ ягуара.

Вскорѣ Мигэль присоединился къ намъ и, подшучивая очень любезно на счетъ моихъ подвиговъ, приказалъ, между тѣмъ, провожавшему его гуахо сойти съ лошади и дать мнѣ ее. Оставивъ этому гуахо на сбереженіе Ивона, мы отправились велѣдъ за моимъ извѣстителемъ, другимъ гуахо.

Черезъ нѣсколько времени мы его нашли и, снявъ кожу съ звѣря, присоединили, такимъ образомъ, второй трофеей моей сомнительной побѣды, къ первому. Довольные результатомъ, въ особенности я, не чувствовавшій охоты продолжать такую охо-

ту, мы направили путь свой обратно къ *эстанци*. Почти цѣлый день, Ивонъ не могъ успокоиться. Ему все мерещились лягуры.

ОВЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ. (Кочманъ.)

Мы вышли изъ предмѣстія Перы, которое, по своей чисто-европейской наружности, не представляетъ никакой занимательности. Дорога была изрядная; подвѣзая къ Галатѣ, мы увидѣли верхушку ея массивнаго маяка и высокой каменной стѣны. Здѣсь уже начинается совсѣмъ другая жизнь. Множество народа, плущаго по всѣмъ направленіямъ, наполняетъ кривыя и грязныя улицы. Нише останавливаютъ хорошо одѣтыхъ людей, принимая ихъ за иностранцевъ, и подносятъ имъ жестяныя или деревянныя тарелки, прося милостыни. «Синьоръ,» «Канитани» и проч. слышно со всѣхъ сторонъ, и благословеніе небесъ на васъ, родителей, дѣтей, внуковъ сыплется щедрою рукою. Эта часть города называлась въ древнія времена Сике. Здѣсь жили агенты итальянскихъ торговыхъ городовъ, управляевъ собственными своими законами: Венеціанцы, Пизавцы и Генуэзцы. Первые изъ нихъ пользовались сначала всеобщимъ уваженіемъ; но ихъ своеволіе поселило къ нимъ недовѣріе жителей.

Галата славится какъ пристанище всѣхъ пороковъ и какъ притонъ разбойниковъ. Кромѣ поселившихся тамъ Итальянцевъ, есть множество Грековъ съ Ионическихъ острововъ, которые извѣстны подъ именемъ Мальтійцевъ; они и составляютъ самую дурную часть народонаселенія. Зажиточные купцы, имѣя прекрасно выстроенные, каменные магазины, должны, изъ предосторожности, ограждать себя желѣзными дверьми и крѣпкими рѣшетками въ окнахъ. Нѣтъ никакого злодѣяства, на которое бы не рѣшились эти отчаянные мошенники, употребляющіе во зло покровительство англійскаго флага. Чѣмъ болѣе приближаешься къ гавани, тѣмъ сильнѣе становится шумъ и толкотня. Здѣсь полу-пьяные матросы, съ какого-нибудь приставшаго европейскаго купеческаго судна, шумя и крича, отправляются по узкимъ и кривымъ улицамъ въ кабакъ, чтобы тамъ потерять и послѣдній разсудокъ. Тутъ встрѣчаются нѣсколько подозрительныхъ фizioномій въ черныхъ сбористыхъ чакчюрахъ, въ бѣлыхъ чулкахъ, высокихъ башмакахъ и въ малтійской морской шляпѣ; они продаютъ, быть можетъ, краденныя вещи. Армяне и Жиды толкаются здѣсь и выжидаютъ сбавку цѣны, чтобы выгодно перекупить какую-нибудь вещь.

У самой заставы вы подымаетесь по узкой, каменной лѣстницѣ, продѣланной въ стѣнѣ, на дворъ мечети Валиде, прекраснаго

зданія 17-го столѣтія, гдѣ начинаются лавки и базары, которые тянутся почти по всей части города, примыкающей къ гавани. Турки называютъ мейданомъ чистую площадь, базаромъ—торговую площадь, а безестаномъ—крытые ряды, въ которыхъ каждый купецъ имѣетъ свою отдѣльную лавку. Тотъ, кто не можетъ нанять себѣ лавку, идетъ торговать на базаръ возлѣ своихъ сотоварищей, т. е. торгующихъ однимъ и тѣмъ же товаромъ, такъ что вы видите цѣлый рядъ башмачниковъ, другой рядъ кушцовъ, торгующихъ чулками, третій—фесками и проч. Это устройство существуетъ еще со времени перваго султана. Иные раскладываютъ свой товаръ на столы, другіе носятъ его въ баляхъ или въ корзинахъ. Въ такомъ порядкѣ стоятъ они длинными рядами, а покупатели должны пробираться между ними.

Лавки ремесленниковъ служатъ имъ также и мастерскими. Онѣ состоятъ изъ открытыхъ досчатыхъ галлерей, вышиною въ нѣсколько футовъ и, вмѣсто крыши, обтянуты холстомъ. Тутъ разложенъ товаръ, и самъ купецъ часто сидитъ тутъ же на соломенной плетенкѣ, кура трубку, или ходитъ передъ лавкой взадъ и впередъ, а иногда занимается работою своего мастерства, пока какой-нибудь покупатель не обратитъ на себя его вниманія. Ремесла въ Турціи также подраздѣляются особеннымъ образомъ, напр: портной чакчюра (шароваръ) не шьетъ чекменей (куртки); а портной чекменей не шьетъ бенншей (кафтановъ) и никакого другаго платья.

Въ сторонѣ на улицѣ вы встрѣтите иногда толпу мальчиковъ, сидящихъ съ поджатыми ногами, которые, какъ квакающія лягушки, повторяютъ въ одинъ голосъ свой турецкій урокъ. Посреди ихъ сидитъ старшій, сѣдобородый мусульманецъ, который, своимъ длиннымъ чубкомъ, наноситъ удары по головамъ любознательной, но дурно читающей молодежи. Это Мектебъ, народное училище. Тутъ вблизи и цирюльня, въ которой нѣсколько стамбульскихъ денди брѣютъ не голову,—это у нихъ выводится изъ моды,—а подбородокъ и щеки. Только закоренѣлый мусульманецъ велитъ себѣ брить голову, оставляя одинъ клочекъ волосъ, за который геній-хранитель нравовъ нѣрыхъ, послѣ ихъ смерти, ведетъ черезъ узкій мостъ на гору блаженства. На ближайшемъ перекресткѣ сидитъ подъ крышей, въ табачной лавочкѣ, турецкій нотаріусъ, со сверткомъ бумаги въ рукѣ, терпѣливо ожидая своихъ кліентовъ, имѣющихъ надобность заключить контрактъ, или какіе-нибудь другіе акты.

Такимъ образомъ медленно, мало по малу, пробираешься впередъ или, лучше сказать, двигается вмѣстѣ съ толпой, если какое-нибудь приключеніе не разстроитъ порядка. Тутъ нечего

разбирать. Если кто вздумаетъ, для избѣжанія грязи испорченной мостовой, осторожно переступать съ камня на камень, тотъ, послѣ первой прогулки по ухабистымъ улицамъ Стамбула, удивляется, что это напрасный трудъ. Вы однако жъ не останетесь безъ дѣла. Если вы захотите поосторониться и дать дорогу офицеру, окруженному полу-дюжиной-невольниковъ, которые несутъ его чубукъ, зонтикъ и другія вещи, вы вдругъ наступаете на лапу расположившейся посреди улицы собаки и, думая избѣжать ея преслѣдованій и ужаснаго визга, вы стаживаетесь съ ведромъ водовоза, или на вась наѣзжаетъ ломовая лошадь, которая тащитъ поперегъ положенныя на телегѣ доски, загромождающія почти всю улицу.

Иностранца-наблюдателя здѣсь поражаетъ особенно то, что онъ, относительно, очень мало встрѣчаетъ національнаго платья. Если и видны кое-гдѣ тюрбанъ, то это на простомъ народѣ. Солдаты, полицейскіе служители и чиновники носятъ костюмъ,—преобразованный султаномъ Махмудомъ,—который состоитъ изъ панталонъ и сетеры (верхнее платье), а молодые аристократы, желающіе блеснуть изяществомъ своего наряда, сыновья пашей и эфендіевъ охотно перенимаютъ французскія моды. Иногда вы увидите еще безестана, стараго Турка, съ длинной бородой, любителя старины, въ широкихъ шароварахъ и кафтанѣ: въ платьѣ, освященномъ ихъ пророкомъ. Простой народъ носитъ чекмень, опоясанный широкимъ платкомъ, и чакчуръ, спускающіеся до колѣнъ, а на ногахъ желтые съ загнутымъ носкомъ башмаки; голову же покрываетъ тюрбаномъ, и только этимя и можно отличить мусульманина отъ гяура. Мусульманину позволено носить красную феску и бѣлый или свѣтлаго цвѣта тюрбанъ. Зеленый тюрбанъ есть принадлежность религіознаго братства, потому-что зеленый цвѣтъ есть цвѣтъ пророка, и тѣ, которые носятъ тюрбаны этого цвѣта, имѣютъ титулъ эмировъ (потомки родственниковъ Магомета) и нерѣдко бываютъ нищими. Черный тюрбанъ есть принадлежность раиш, христіанскаго подданнаго султана; онъ долженъ носить черные или красные башмаки, потому-что желтая обувь принадлежитъ однимъ правовѣрнымъ.

Что привлекаетъ насъ на прогулкахъ въ большихъ европейскихъ городахъ, въ томъ здѣсь чувствуешь совершенный недостатокъ; здѣсь не замѣтно ни вкуса ни разнообразія въ дамскихъ нарядахъ. Хотя, со временъ преобразованія султана Махмуда, и дамское общество пользуется болѣею свободою, но я не нашелъ въ немъ ничего занимательнаго. Женщины завертываются въ мѣшкообразные салоны съ рукавами изъ коричневаго, голубаго

или чернаго меринеса, съ четырехъ-угольнымъ воротникомъ того же цвѣта. Голову покрываютъ бѣлымъ платкомъ, который обхватываетъ все лице, такъ что видны только черные глаза и носъ. Признаюсь, что я сохранилъ очень невыгодное воспоминаніе о красотѣ Турчанокъ. Даже въ публичныхъ собраніяхъ, гдѣ собираются дамы всѣхъ сословіи съ дѣтьми, и лакомятся любимымъ ягуртомъ (кислое молоко) и шекерламой (сахарныя вещи), я не былъ счастливѣе. Не смотря на блестящіе глаза, въ которыхъ часто виднѣтъ огонь юности, физиономіи ихъ вообще не имѣютъ оживленности; цвѣтъ лица у нихъ блѣдный и нездоровый, и нижняя губа особенно очень некрасива. Ноги, служащія у нашихъ дамъ предметомъ особеннаго вниманія и изысканной роскоши, въ совершенномъ у нихъ пренебреженіи. Онѣ носятъ широкіе полу-сапожки, а сверхъ нихъ еще туфли такого же цвѣта.

Чтобы отдохнуть послѣ продолжительныхъ вашихъ прогулокъ, мы заходили въ кофейные дома или въ шербетныя лавки. Кофейные дома имѣютъ окна съ трехъ сторонъ, а четвертая сторона назначается для кухни. Около оконъ, поставлены лавки въ родѣ дивановъ, на которыхъ располагаются посѣтители, снимая свою верхнюю обувь. Мы выбрали, болѣе способные для нашего европейскаго костюма, соломенные стулья въ полтора фута вышиною, безъ задка, которые привозятся сюда изъ Мальты и называются скемли. Въ кофейномъ домѣ кафеши или трактирщикъ тотчасъ предлагаетъ вамъ, смотря по желанію, чубукъ или кальянъ, а черезъ нѣсколько времени, слуга приноситъ фарфоровую чашку на мѣдномъ поддонкѣ и кофейникъ и, при васъ, наливаетъ уже совершенно готовый кофе. Кофейни служатъ любимымъ мѣстомъ всѣхъ праздныхъ мусульманъ, которые, не говоря ни слова, курятъ табакъ и любятъ облаками табачнаго дыма. Тутъ есть также необходимое лицо, меда или разсказчикъ, который тѣшитъ ихъ разными сказками. Большія кофейни имѣютъ передъ дверьми, родъ двора, отгороженнаго рѣшеткой съ вьющимся на ней растеніями и защищеннаго отъ солнца натанутымъ пологомъ. Здѣсь очень пріятно сидѣть; особенно въ кофейняхъ, устроенныхъ вблизи гавани, можно вполне наслаждаться свѣжестью морскаго воздуха и прекраснымъ видомъ Босфора.

Дамы, вмѣсто чернаго кофе, съ наслажденіемъ употребляютъ шербетъ и хальву. Шербетъ есть напитокъ подобный лимонаду, приготовленный изъ сока разныхъ плодовъ съ сахарнымъ сиропомъ, въ который, для свѣжести, кладутъ кусокъ льду. Наиболѣе употребляютъ сокъ гранатный, апельсинный, лимонный, вишневыи и проч., а для аромата, прогоняютъ его чрезъ

душистыя травы. Хальва есть родъ желе, приготовляемаго изъ кунжута, меду, винограду и другихъ плодовъ.

Паровыя бани здѣсь въ большемъ употребленіи и служатъ любимымъ препровожденіемъ времени, для всѣхъ классовъ народа; многіе часто проводятъ тамъ почти половину дня. Эти бани имѣютъ различныя надписи, смотря по тому, для какого общества онѣ назначены. Поэтому есть бани для поэтовъ, для дураковъ или шутовъ, для степенныхъ людей, для влюбленныхъ, для вольнодумцевъ, для дервишей, всевозможныхъ мастеровыхъ и проч.

Еще одинъ классъ народа стоить вниманія наблюдателя — это дервиши. Они составляютъ родъ секты, и должны отличаться строгостью своей жизни. Члены нѣкоторыхъ орденовъ живутъ вмѣстѣ, другіе же отдѣльно, разбѣянно по городу, въ своихъ семействахъ, и должны только являться во время церемоніи въ свой монастырь. Эти люди пользуются всеобщимъ уваженіемъ и отличаются отъ прочихъ даже и одеждою своею. Они носятъ длинное, бѣлое, шерстяное платье, съ гладкими рукавами, похожее на женское верхнее платье, которое безчисленными складками виспадаетъ до сандалій, надѣтыхъ на голыя ноги. Сверху они накидываютъ свѣтлый плащъ или талоръ коричневаго, фіолетоваго, голубаго, красноватаго и другаго цвѣта, который очень красиво драпировается. Волосы на головѣ они стригутъ, а бороду отращиваютъ.

Иностранцы наиболѣе посѣщаютъ монастыри Руфан-дервишей въ Скугари и Мовлеви-дервишей въ Перѣ, потому что, во время ихъ религиозныхъ обрядовъ, всѣ имѣютъ свободный входъ. Первые извѣстны подъ именемъ воющихъ дервишей; они стоятъ на колѣняхъ или сидятъ на разложенной овечьей шкурѣ и, при однообразномъ пѣніи, качаются съ увеличивающеюся скоростію впередъ и назадъ, направо и налево. Мовлеви-дервиши, пляшущіе или кружащіеся, представляютъ родъ танца, описывая разные круги. Сначала они становятся на колѣни, завернутые въ свои мантии, и поютъ монотонно и медленно въ то время, какъ запѣвало произносятъ извѣстные строфы изъ Корана. Потомъ, продолжая пѣть, они начинаютъ круговой ходъ. Шейкъ идетъ впередъ, а слѣдующіе за нимъ дервиши должны преклоняться передъ мирабомъ, одинъ направо, другой налево. Тутъ начинается однообразная музыка изъ восходящихъ и нисходящихъ пассажей флейты и цимбала. Шейкъ стоитъ передъ мирабомъ и дервиши (ихъ было 15) начинаютъ пляску. Они снимаютъ свои мантии и подходятъ къ мирabu одинъ за другимъ въ своихъ бѣлыхъ, сбористыхъ платьяхъ съ скрещенными на груди руками. Всякій на-

чинаетъ пляску, какъ бы кланяясь стоящему передъ мирабомъ шейку, или цѣлуя его мантию, подталкиваетъ правою ногою лѣвую и продолжаетъ кружиться, пока не очутится на серединѣ замы; тогда поднимаетъ одну руку вверхъ, а другую опускаетъ внизъ. Когда музыка перестаетъ, то каждый становится на колѣни на томъ мѣстѣ, гдѣ находится, и не танцующій дервишь читаетъ молитву. Потомъ снова начинается музыка и танцы. Церемонія эта повторяется четыре раза. Когда она кончается, дервиши надѣваютъ свои мантии и поочередно цѣлуютъ руку шейка, обнимаютъ другъ друга и расходятся. Во время церемоніи бываетъ большое стеченіе народа, преимущественно женщинъ.

За маленькимъ оттоманскимъ кладбищемъ, начинается предмѣстье Кассимъ-Паша, которое замѣчательно тѣмъ, что въ немъ находится обширный арсеналъ османскаго флота. Онъ основанъ былъ здѣсь въ концѣ шестнадцатаго столѣтія великимъ адмираломъ Килдашъ-Али-Пашею, и одолженъ нынѣшнимъ своимъ устройствомъ адмиралу Гассану и нашѣ Гуссейну, которые преобразовали турецкій флотъ. Между морскими офицерами, есть много иностранцевъ; нѣсколько турецкихъ офицеровъ посылаются ежегодно для усовершенствованія въ Англію. Мы осмотрѣли также и морскую школу. Учители приняли насъ очень учтиво и охотно удовлетворяли нашему любопытству. При школѣ находится литографія. Молодые люди обучаются французскому языку, математикѣ, физикѣ, географіи, исторіи и необходимымъ наукамъ для мореплаванія. На площади разставлены лѣса для гимнастическихъ упражненій.

На востокѣ, гдѣ женщины находятся въ совершенномъ заключеніи, сношенія съ ними весьма рѣдки и затруднительны. По принятому обычаю, женихъ видитъ свою невѣсту только послѣ вѣнчанія, и въ случаѣ, если она не отвѣчаетъ его ожиданіямъ, то старается удовлетворить себя покушкой хорошенькихъ невольницъ. Мусульманнѣ можетъ имѣть нѣсколькихъ жень, что для бѣдныхъ людей неудобно, потому что сопряжено съ слишкомъ большими издержками. Разводы допускаются въ необыкновенныхъ случаяхъ, напримѣръ: когда уличатъ въ измѣнѣ. При этомъ, если обвиняемый мусульманнѣ, то виновную отсылаютъ со стыдомъ къ ея родителямъ; если же это гуръ, то виновную зашиваютъ въ мѣшокъ и, какъ кошку, бросаютъ въ море.

Преобразованія султана Махмуда во многомъ измѣнили общественное положеніе женщинъ. Теперь бракъ между неправобърымъ и Турчанкой подкрѣпляется законами. Бракъ между му-

сульманиномъ и христіанкой не рѣдкость; мать султана Махмуда урожденная Французженка.

Турчанки отличаются своей энергіей и смышленностью. Одинъ изъ моихъ турецкихъ пріятелей увѣрялъ меня, что онѣ, особенно въ любовныхъ интригахъ, способны къ самой утонченной хитрости. Для изъясненія своей страсти человѣку, находящемуся на большомъ отъ нихъ разстояніи, гдѣ глазъ не можетъ разсмотрѣть выраженія лица, онѣ придумали множество постепенныхъ знаковъ, которыми, даже въ глазахъ сторожа-свнуха, значаютъ часъ и мѣсто свиданія.

Жена простаго Турка занимается своимъ домашнимъ хозяйствомъ, но въ высшихъ классахъ общества это не принято, и женщина проводитъ время, имѣя въ рукахъ ручное зеркало или вѣтеръ изъ дорогихъ перьевъ, чтобъ освѣжать себя, и оставаясь по цѣлымъ днямъ праздною. Можно себѣ представить скуку Турчанки, лежащей цѣлый день въ гаремѣ на диванахъ, и не имѣющей для развлеченія своего ни европейскихъ романовъ, ни бостона, ни виста, а развѣ только чашку кофе.

Все домашнее устройство лежитъ на мужчинахъ, и отъ сторожа или привратника до управителя есть множество степеней прислужниковъ. Есть у нихъ церемоніймейстеръ, который докладываетъ о пріѣздѣ гостя, смотритель за домомъ, смотритель гардероба, и особенный смотритель столоваго бѣлья. Они часто бываютъ вольные и называются господами. Потомъ есть еще цирюльники, слуги, повара, кофейники, погребщики, столовые прислужники, конюшіе, садовники и проч. Такая же постепенность и въ прислугѣ гаремовъ, которые, на поэтическомъ языкѣ, называются мѣстомъ блаженства.

Мусульманинъ знатный и богатый также подверженъ ужаснѣйшей скукѣ. Такъ какъ у нихъ запрещается входить днемъ въ гаремы, то правовѣрнымъ остается только дѣлать заповѣдныя, пять разъ повторяющіяся, умыванія, и кататься по моельному ковру. Но такъ какъ этого недостаточно, то они должны прибѣгать къ своимъ четкамъ и перебирать по нимъ 99 качествъ Аллаха, или принятыя за чубукъ и наслаждаться кейфомъ.

Когда церемоніймейстеръ докладываетъ о пріѣздѣ гостя, то хозяинъ принимаетъ его вѣжливо, радуясь имѣть какое-нибудь особое развлеченіе и сажаетъ его на почетное мѣсто. Если посѣтителю мусульманинъ, то хозяинъ привѣтствуетъ его словами: «саламъ алейкумъ» или «алейкумъ саламъ» прикладывая правую руку къ губамъ и ко лбу. Это прикладываніе руки въ большомъ употребленіи у Турокъ, такъ что они пользуются имъ при всякомъ случаѣ, напр. для выраженія благодарности и проч. Если же

посѣтителю гауръ, то привѣтствуютъ его тѣмъ же движеніемъ руки, и словами: «саба хапръ ольсунъ» или «ахшамъ хапръ ольсунъ.» Калопи свои гость оставляетъ у дверей и располагается въ почетномъ углу на диванѣ. Хозяинъ угощаетъ гостя трубкой или кальяномъ, потомъ приноситъ кофе или варенье.

Въ гаремѣ однообразіе еще чувствительнѣе, потому-что туда не впускаютъ посѣтителей. Одинъ прогулки въ пзачиныхъ экипажахъ немного прерываютъ монотонность этого бездѣйствія. Мои европейскіе пріятели рассказывали мнѣ, что Турчанки чувствуютъ тяжесть этого заточенія, и когда общество молодыхъ Европейцевъ съѣзжаются на пикникъ на дачахъ вблизи Боефора, то онѣ, черезъ рѣшетки окошекъ, съ завистью слушаютъ веселья пѣсни молодежи.

Жители, исповѣдующіе христіанскую вѣру, выбираютъ кладбище мѣстомъ своихъ прогулокъ, особенно по воскресеньямъ. За Перой находится большое армянское кладбище, служащее любимымъ гуляньемъ Перотовъ. Такъ какъ мусульмане осѣняють свои гробницы кипарисами, то христіане избрали для своихъ памятниковъ чинары и орѣховое дерево, которое впрочемъ часто у нихъ срубають. На турецкихъ памятникахъ, въ головѣ и ногахъ покойника ставятъ двѣ дощечки, на которыхъ выставлены дѣянія и судьба его. Армяне и Греки кладутъ плоскіе камни на небольшихъ холмахъ, на которыхъ иногда пируютъ цѣлыя семейства. Они раскладываютъ ковры и скатерти и ставятъ на нихъ плоды, пирожное, кислое молоко и варенье, и кушаютъ съ полнымъ наслажденіемъ. Тутъ же и развозчики предлагаютъ купить шербетъ, пирожное, виноградъ, каштаны и разныя другія лакомства.

ПРОГУЛКА ПО ВАРБАДОСУ. (Роберта Шолбурка). Мы рѣшились воспользоваться прекраснымъ вечеромъ и пошли гулять по городу. Легкій вѣтерокъ чуть чуть колыхалъ зубчатые листья величественной пальмы, и глубокая тишина прерывалась только жужжаніемъ насѣкомыхъ. Товарищъ мой, никогда не видавшій тропической ночи на твердой землѣ, былъ въ совершенномъ восторгѣ, и я завидовалъ ему. Для меня подобныя сцены были не новы: я посмотрѣлся на нихъ въ Вестъ-Индіи и въ Южной Америкѣ. Мы направили нашъ путь въ ту сторону, гдѣ тянулся рядъ красивыхъ загородныхъ домовъ, окруженныхъ садами; воздухъ былъ наполненъ утонченнымъ благоуханіемъ апельсинаго цвѣта. Наконецъ мы вошли въ болѣе шумную часть города, гдѣ жужжаніе насѣкомыхъ было заглушено шумомъ буйной негрятнянской пляски и боемъ барабана. Этотъ танецъ есть оста-

токтъ древнихъ африканскихъ правовъ и въ употребленіи только въ низшихъ классахъ народа; двѣнадцатая же аристократія давно замѣнила его кадрили и польками.

Мы шли по направленію шума и скоро достигли до того мѣста, гдѣ былъ балъ подъ открытымъ небомъ. Непринужденный смѣхъ танцующихъ, ихъ шутки и остроты удостоверяли насъ, что они съ безпечноію смотрятъ на жизнь. Для этого бала немного было приготовленій: благородное тамариндовое дерево съ широкораскинутыми тѣнистыми вѣтвями служило вмѣсто залы; фонарь съ огаркомъ сальной свѣчи замѣнял люстру. Большая часть рабочихъ была въ буличныхъ платьяхъ. Но при всей этой простотѣ, можно было ручаться, что веселость ихъ была чище, полнѣе, непринужденнѣе тѣхъ собраний, гдѣ истерзанное сердце часто скрывается подъ вынужденной улыбкой.

Наше появленіе дало пищу ихъ веселымъ остротамъ. При первомъ взглядѣ, они узнали въ насъ новопрїѣзжихъ, чужихъ, и цѣль нашего посѣщенія и мѣсто жительства на островѣ сдѣлались предметомъ шумныхъ предположеній и смѣлыхъ догадокъ. Наконецъ мы оставили веселое общество. Я уговорилъ товарища воротиться домой, зная какъ вреденъ ночной воздухъ для тѣхъ, которые не привыкли къ тропическому климату. На возвратномъ пути мы должны были проходить нѣсколько совершенно темныхъ улицъ.

Здѣсь мы встрѣчали нѣсколько небольшихъ группъ туземцевъ, которые наслаждались прохладою и благоуханіемъ воздуха, и толковали о происшествіяхъ дня. Вскорѣ мы замѣтили, что мы сбились съ дороги; улицы становились все уже и темнѣе, внаконецъ гряда развалинъ и мусора совершенно заградила намъ путь. Однако, при свѣтѣ звѣздъ, мы могли разсмотрѣть мѣстность, и удостоуверились, что находимся на томъ мѣстѣ, гдѣ девять мѣсяцевъ тому назадъ, пожаръ сдѣлалъ ужаснѣйшія опустошенія. Закончѣныя стѣны и груды развалинъ, краснорѣчивѣе всякаго разсказа, свидѣтельствовали о разстроенномъ благосостояніи множества трудолюбивыхъ людей, которые, въ одну ночь, потеряли свое имущество. Сто восемнадцать домовъ сдѣлались добычею пламени.

Вообще въ Брейдстоунѣ (главный городъ Барбадоса) дома каменные въ два или три этажа и совершенно похожіе на сельскіе дома въ Англїи, такъ что одна тропическая растительность напоминаетъ вамъ о томъ, что вы находитесь на вѣстъ-индскомъ островѣ. Улицы узкія и неправильныя, одна только Бродъ-стритъ (широкая улица) дѣлаетъ исключеніе, и видъ съ Трафальгарскаго сквера прекрасенъ и оживленъ. Жители Барбадоса гордятся, что

они соорудили памятникъ Нельсону, который поставленъ посрединѣ сквера. Бронзовая статуя знаменитаго героя представлена въ полномъ мундирѣ. Она была сооружена добровольными приношеніями жителей, а начальство содѣйствовало всѣми средствами для покупки мѣста и строеній, занимавшихъ мѣсто теперешняго Трафальгарскаго сквера, чтобы поставить монументъ на видное мѣсто.

Въ самомъ городѣ нѣтъ никакихъ замѣчательныхъ строеній. Публичныя зданія, стоившія вниманія по своему объему или архитектурному достоинству, превратились въ развалины или въ груду пепла отъ пожара, о которомъ было уже говорено.

Оживленнѣйшую часть города составляютъ Бродъ-стритъ, Хей-стритъ и Сванъ-стритъ, гдѣ находятся магазины богатыхъ купцовъ и лавки мелкихъ торговцевъ. Первые торгуютъ большою частію съѣстными припасами, хлѣбомъ, вывозимымъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, и продуктами острова, которые нагружаютъ на корабли и отправляютъ въ Европу. Лавки мелочныхъ купцовъ представляютъ такое пестрое соединеніе множества разнородныхъ товаровъ, что одна Англичанка, знакомая съ лучшими магазинами въ Лондонѣ, была поражена безмѣрною массою товаровъ. Ночники и шарфы-зефиръ, бархатныя мантильи à la polka и гвозди, свѣжій лукъ и карманные часы, подковы и тонкіе платки, англійскій картофель и брюссельскія кружева, деревянные башмаки и атласныя дамскія шляпы; кострюля и корсеты, бургонское и рейнское, шампанскія вина, мадера, вестфальскіе окорока и брауншвейгскія колбасы, и проч. все это перемѣшано между собою.

Въ городѣ находится нѣсколько хорошихъ гостинницъ; но средоточіемъ иностранцевъ и природныхъ жителей служитъ такъ называемый Barbados Ice-house (ледяной домъ) родъ кондитерской или кофейной во французскомъ вкусѣ въ Хей-стритѣ. Если выйдешь на улицу въ то время, когда солнце стоитъ вертикально, и блескъ и отраженіе бѣлыхъ стѣвъ какъ бы еще умножаютъ жаръ солнечныхъ лучей, тогда стаканъ лимонада со льдомъ или такъ называемый sherry cobbler, смѣсь хереса со льдомъ покажется настоящимъ нектаромъ, особенно для Европейцевъ. Ледъ привозится изъ Соединенныхъ Штатовъ и довольно дешево, такъ что и средніе классы народа могутъ имъ пользоваться.

Хотя самый городъ не имѣетъ ничего особеннаго въ архитектурномъ отношеніи, но окружающія его виллы и загородныя дома придаютъ странѣ самый живописный характеръ.

Въ Барбадосѣ вообще развита любовь къ садоводству, которая и содѣйствуетъ наиболѣе къ украшенію мѣстности.

Дома окружены тѣнистыми деревьями особенно вѣчно-зеленымъ фиговымъ (*Ficus nitida*) и краснымъ деревьями, которыя защищаютъ ихъ отъ вертикальнаго направленія солнечныхъ лучей, но къ этому еще болѣе способствуетъ пальма *prunifera* (пальмовая слива), верхушка которой увѣнчана пучкомъ широкихъ листьевъ. Разнообразные цвѣты наполняютъ воздухъ благоуханіемъ и свѣжій вечерній воздухъ дышетъ нѣгою, которая, послѣ дневныхъ работъ, пріятно располагаетъ къ отдохновенію. Тахіи мелестъ и ропотъ пальмовыхъ листьевъ навѣвають сладкую дремоту.

Барбадосъ, въ геогностическомъ отношеніи, одолженъ работѣ зоофитовъ своимъ происхожденіемъ. Коралловый камень составляетъ наибольшую массу почвы Барбадоса: почти шесть седьмыхъ всего острова. Характеристическія черты этой части острова, особенно на западѣ, составляютъ возвышенности, въ родѣ терассъ, которыя образовались постепенно и уступами доходятъ до самыхъ высокихъ вершинъ; каждая изъ этихъ терассъ служитъ указаніемъ или точкой опоры въ исторіи происхожденія острова. Одна изъ такихъ терассъ возвышается надъ городомъ на 80 или 100 футовъ и окружаетъ его въ видѣ амфитеатра. На ней находятся самыя красивыя виллы и загородныя дома. Между прочими тутъ живутъ губернаторъ и епископъ.

Наша вечерняя прогулка познакомила насъ немного съ Аннепекомъ или военнымъ предмѣстіемъ, которое, безъ сомнѣнія, есть обширѣйшая и удобнѣйшая военная квартира въ Вестъ-Индіи.

Прекрасные хоры музыки двухъ полковъ бридгстоунскаго гарнизона составляютъ одно изъ главныхъ удовольствій жителей. Четыре раза въ недѣлю, въ хорошую погоду, публика собирается на плацъ слушать разныя увертюры изъ оперъ Моцарта, Бетховена, Беллини, Обера, Мейсера и проч. Это представляетъ очень оживленную картину. Плацъ примыкаетъ непосредственно къ морю и потому не защищенъ отъ пассатныхъ вѣтровъ. Вечеромъ, когда солнце садится, начинается прогулка вдоль берега къ ваннамъ; тамъ, освѣжившись въ теплой легкой струистой водѣ, многіе, возвратясь въ городъ, являются еще на вечерній концертъ, который бываеъ на плацѣ.

Приглашеніе на завтракъ въ одно помѣстье, находящееся въ округѣ Св. Георгія, дало намъ возможность осмотрѣть Барбадосъ въ его главнаго города. Мы выѣхали очень рано изъ нашего отеля въ открытомъ фаetonѣ; это было въ ясный ноябрскій

день. По обѣимъ сторонамъ дороги тянулись небольшіе дома съ прекрасными садами, которыми яркіе лучи солнца придавали самый оживленный видъ. Недвижимое имѣніе въ Барбадосѣ раздѣлено на самыя мелкіе участки, и эта система приноситъ хорошіе плоды. Каждый вольвоотпущенный негръ, изъ честолюбія, старается пріобрѣсти себѣ хоть небольшую собственность; привыкнувъ къ дѣятельности и прилежанію, онъ старается скопить денегъ хоть на одинъ акръ земли и строить на немъ избу.

Главные улицы и шоссе прекрасно отдѣланы, и хорошо содержатся. Большая часть острова состоитъ изъ коралловаго известняка. Блестящая бѣлизна коралловаго известняка очень вредна для глазъ, и потому достаточные жители Барбадоса защищаютъ себя отъ этого самымъ страннымъ образомъ. Чтобы предохранить глаза и цвѣтъ лица отъ вреднаго вліянія солнечныхъ лучей, мужчины и женщины надѣвають бѣлыя кисейныя или полотняныя маски съ прорѣзанными дырочками для глазъ; въ такомъ видѣ они похожи на привидѣнія, и такъ измѣняются, что пріятель и знакомые не узнаютъ другъ друга.

Мы проѣзжали мимо прекраснаго помѣстья графа Гаревуда the Ball (колоколь). Домъ его выстроенъ просто, безъ всякихъ архитектурныхъ украшеній и окруженъ грушево-красныхъ деревьевъ. Зеленъ этого дерева довольно темна; судя по величинѣ, по прямому росту и объему, я не видалъ на цѣломъ островѣ лучшихъ деревьевъ. Это полезное дерево было прежде другихъ деревъ пересажено на почву Барбадоса, а въ этомъ помѣстьѣ должны находиться первыя деревья, посаженныя въ половинѣ прошлаго столѣтія.

Далѣе мы ѣхали черезъ долину, составляющую самый плодосноснѣйшій пунктъ острова. Въ этомъ округѣ поселились первыя колонисты — лондонскіе кунцы во время первоначальнаго населенія острова. Эта долина представляетъ вездѣ картину величайшаго трудолюбія и дѣйствительно можно удивляться, что почва, покрытая голымъ камнемъ, достигла въ 230 лѣтъ до такого удивительнаго плодородія*. По вычисленіямъ каждый годъ получается одного сахарнаго песку круглымъ числомъ 30 милліоновъ центнеровъ; кромѣ того еще жители разводятъ хлопчатую бумагу, алоэ, имбирь и другія хлѣбныя растенія для собственнаго употребленія.

Поле сахарнаго тростника представляетъ, во время своего цвѣ-

* Барбадосъ, самый восточный въ группѣ маленькихъ Антильскихъ острововъ, имѣющій около 10 геогр. квадратныхъ миль, былъ первоначально пустынью; съ 1624 года онъ населенъ Англичанами.

та, прекрасный видъ. Вообразите себѣ высокую нашу траву, волнующуюся отъ вѣтра, но въ гораздо большемъ размѣрѣ съ широкими листьями темнаго цвѣта. Стебель сахарнаго тростника имѣетъ около 20 футовъ вышины и отъ 1—2 дюймовъ толщины, а листья длиною въ нѣсколько футовъ. Отдѣльные стволы такъ близко стоятъ одинъ возлѣ другаго, что поле представляетъ почти непроницаемую массу. Когда легкій восточный вѣтеръ колеблетъ это зеленое море, то изъ сплѣтыхъ стеблей выходитъ очень красивая цвѣтная метелка серебристаго цвѣта и съ щетинкой, которая въ простонародіи называется стрѣлою сахарнаго тростника.

Барбадосскій колониетъ отличается преимущественно опрятностію и трудолюбіемъ. Въ поляхъ вы не увидите ни одной дурной травки; та же самая заботливость и порядокъ выказывается и во всемъ его хозяйствѣ. Я не видалъ ничего подобнаго ни на другихъ Антильскихъ островахъ, ни въ Гвіанѣ, и думаю, что это и есть главный источникъ общаго благосостоянія жителей Барбадоса.

Вскорѣ мы прибыли къ нашему знакомому, который принялъ насъ со всевозможнымъ гостепріимствомъ и любезностію. Домъ его стоитъ посреди рощи разнаго рода деревьевъ и кустарниковъ; между послѣдними обратили наше вниманіе особливо араійскій жасминъ и китайскія розы, которыя можно видѣть въ Европѣ только въ оранжереяхъ и въ комнатахъ. Балконъ былъ обвѣтъ душистыми вьющимися растеніями, которыя содѣйствовали не мало къ прохладѣ жилища. Нашъ любезный хозяинъ хотѣлъ поразить насъ нечаянностію. Мы еще любовались роскошною тропическою растительностію, особенно кустарниками, какъ насъ попросили въ ту часть его имѣнія, которая обнесена была стѣною. Когда мы вошли туда, то изъ-за кустовъ выскочило нѣсколько зайцевъ, которые испугались шума нашихъ шаговъ, а посреди луга, между маньолоіей и красными деревьями, паслись олени.

Здѣсь въ тропической странѣ мы увидѣли сѣверо-европейскихъ звѣрей! Мы узнали, что зайцы здѣсь хорошо разводятся, но лисицы, которыхъ также вынсыывалъ нашъ хозяинъ, съ трудомъ привыкають къ этому климату.

Мы доѣзжали до округа Св. Филиппа и увидѣли, что удивительное плодородіе, которое мы прежде замѣчали, исчезло вблизи морскаго берега. Здѣсь, на голой почвѣ, сѣва произрастала рѣдкая трава. Кос-гдѣ замѣтны были поля съ алоз, потому-что это растеніе принимается на сухомъ песчаномъ грунтѣ. Къ удивленію нашему, мы встрѣтили въ этой дикой пустынѣ прекрасный господскій домъ, настоящій дворецъ, Longbay castle, ко-

торый совершенно тутъ не у мѣста. Прежній владѣлецъ самъ смотрѣлъ за постройкой его, и ничего не жалѣлъ, чтобъ сдѣлать его изящнымъ какъ внутри такъ и снаружи.

Лонгбэй подверженъ несчастной молвѣ, по случаю нѣсколькихъ кораблекрушеній, случившихся по близости его. Коралловый рифъ, извѣстный подъ именемъ the Cobblers, чеботарь, тянется здѣсь на нѣсколько миль и уходитъ далеко въ море и только, при сильномъ отливѣ, мѣстами выказывается изъ воды. Самое ужасное изъ кораблекрушеній, случившихся у этой части берега, постигло Royal George, судно, нагруженное невольниками. Въ самое то время, когда судно разбилось, большая часть этихъ несчастныхъ были окованы цѣпями, такъ что 281 человекъ потонули самымъ ужаснѣйшимъ образомъ. Восемьдесятъ женщинъ, одинъ мужчина и одинъ мальчикъ приплыли къ берегу, но и они были захвачены и проданы какъ невольники.

ПАЛЬМОВЫЯ ДЕРЕВЬЯ. Линней справедливо утверждаетъ, что пальмы занимають первое мѣсто въ растительномъ царствѣ. Природа отличила ихъ отъ другихъ растеній, давъ имъ стройный, величественный ростъ, и украсивъ вершину ихъ какъ бы царскою короною. Съ незапамятныхъ временъ, пальма служила, въ восточныхъ странахъ, аллегорическимъ изображеніемъ триумфа, и употреблялась всегда, какъ мы это видимъ также изъ библіи, при торжественныхъ шествіяхъ. Мы придаемъ иногда слову: «пальма» переносное значеніе; говоримъ, что такой-то заслуживаетъ или получилъ пальму, и большею частию не имѣемъ понятія о свойствахъ и качествахъ этого царя растеній, который служитъ основаніемъ такому обороту рѣчи. По словамъ восторженнаго нѣмецкаго ботаника Маршуса, пальмы произрастають, почти исключительно, между 35 градусомъ южной и 40 сѣверной широты. Атмосфера умѣренной полосы не благоприятствуетъ этимъ царямъ лѣсовъ; онѣ произрастають и красуются въ полномъ своемъ блескѣ только въ тѣхъ странахъ, гдѣ природа щедро надѣлила человека своими дарами и гдѣ растительность, по причинѣ благословеннаго климата, достигаетъ высшей степени своего развитія. Издали, пальмы представляются какъ-бы подпорами страннаго небеснаго свода, простираясь въ вышину отъ 150 до 180 футовъ, и имѣя на вершинѣ своей множество прекраснаго зеленого цвѣта и листьевъ.

Пальма составляетъ отличительную принадлежность всякаго восточнаго, тропическаго ландшафта, и есть одно изъ важнѣйшихъ произведеній растительнаго царства.

Пальма есть дерево, обыкновенно имѣющее однополые цвѣтки, хотя и находятъ въ нихъ иногда органы обоихъ классовъ, т. е. тычинки на одномъ, а пестики (женскіе органы) на другомъ деревѣ. Для созрѣванія плодовъ нужно, чтобы цвѣточная пыль переносима была съ одного дерева на другое. Это обстоятельство, съ давнихъ уже временъ, извѣстно восточнымъ народамъ, которые поэтому, со всевозможнымъ стараніемъ и тщательностію, разводятъ оба эти рода. Весною, если туземцы не замѣтятъ между пальмами съ женскими цвѣтами, дерева съ мужскими, то стараются отыскать его по близости, влѣзаютъ на него, обрѣзаютъ съ него цвѣты и прикрѣпляютъ ихъ къ вершинѣ женской пальмы, откуда пыль спадаетъ на пестики, и такимъ образомъ содѣлываютъ развитію сѣмянъ и плодовъ.

Наружный видъ деревьевъ, принадлежащихъ къ семейству пальмъ, необыкновенно разнообразенъ, хотя между всеми ими существуютъ нѣкоторыя общія черты сходства. Едва ли два дерева могутъ такъ мало походить другъ на друга, какъ напр. такъ называемая *Chamaecors humilis*, съ своимъ короткимъ раздутымъ стволомъ и огромнымъ вѣтвомъ, на подобіе опахала (какъ это часто видимъ въ орашереяхъ и иногда встрѣчаемъ въ южной Европѣ), съ испанскою вѣсковою пальмою (*Coccoxylonandicola*) Южной Америки, вершина которой теряется въ облакахъ; но, не смотря на это видимое различіе, ботаникъ открываетъ въ нихъ общіе отличительные признаки, которые у одного сжаты и плоски, а у другаго напротивъ растянуты и расширены. Огромный и величественный ростъ составляетъ отличительное свойство этой породы деревьевъ. Нѣкоторыя пальмы тонки, стройны, и походятъ на канатъ, какъ напримѣръ породы *Calamus* и *Rotang*, изъ которыхъ одна *Calamus rudentum* часто имѣетъ отъ четырехъ до пяти сотъ футовъ длины и образуетъ настояшій якорный канатъ. Румфиусъ упоминаетъ о пальмѣ, простиравшейся въ длину даже до 1800 футовъ. Этотъ родъ пальмъ замѣчательенъ своими подвѣсками, на подобіе крючковъ, окружающими иногда края листьевъ. На островахъ Индѣйскаго океана онѣ встрѣчаются очень часто, особенно въ болотныхъ лѣсахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Тшунгельтъ. Въ этихъ мѣстахъ произрастаетъ въ изобиліи и Ротангъ-пальма, доставляющая пенакскій тростникъ. Подобно выходящимъ растеніямъ, такія пальмы вытягиваются и перемѣщаются самымъ оригинальнымъ образомъ; ихъ гибкіе, тонкіе сучья дѣлаются еще красивѣе отъ мелкихъ листьевъ, которыми покрыты ихъ стебли; но чрезвычайно непріятны путешественнику оттого, что стебли листьевъ имѣютъ большія иглы, содѣлывающія лѣса, въ которыхъ онѣ растутъ, почти непроходимыми.

Другія пальмы, напротивъ, примѣчательны объемомъ стволовъ своихъ, доходящихъ отъ 3 до 4 футовъ въ діаметрѣ. У нѣкоторыхъ стволъ по серединѣ расширяется, вверху же и внизу суживается; у другихъ стволъ часто оригинальнымъ образомъ покрывается корою, въ видѣ трубочекъ и бордюръ, которая образуется отъ листьевъ, постепенно отпадающихъ, по мѣрѣ того, какъ дерево старѣетъ и увеличивается въ объемѣ. У иныхъ пальмъ поверхность ствола совершенно гладка, и кажется какъ будто полированной. Иногда же эта поверхность представляетъ рѣдкое явленіе: стволъ густо покрывается жесткими, на подобіе щетины, волосами, особенно по близости вершины, гдѣ они и произрастаютъ въ изумительномъ количествѣ. Случается также видѣть, что въ природныхъ пальмовыхъ лѣсахъ, стволы совершенно покрываются тѣмъ же зеленою и безчисленными цвѣтами, совершенно пальмамъ не принадлежащими. Эти цвѣты происходятъ болѣею частію изъ породы *Knabenkraut*, которая самымъ непонятнымъ образомъ, укрупнившись на вершинѣ пальмы, испускаетъ оттуда на стволъ тупендые свои корни, листья и чудные цвѣты свои; иногда и другія дикія выходящая растенія обвиваютъ стволы пальмъ и, подобно снастямъ высокихъ мачтъ, прикрѣпляютъ эти стволы къ землѣ.

Особенно листья благородныхъ пальмъ составляютъ замѣчательное и необыкновенное явленіе, по гигантскимъ размѣрамъ своимъ. Между ними можно не рѣдко найти листья въ 10 и даже 20 футовъ длины; пальмы же, произрастающія на островѣ Цейлонѣ, имѣютъ иногда листья отъ 12 до 14 футовъ длины и отъ 16 до 18 широты; они столь огромнаго размѣра, что ихъ употребляютъ даже для покрытія большихъ лодокъ, нагруженныхъ склажею, и не рѣдко множество людей находятъ себѣ убѣжище, подъ однимъ изъ такихъ листьевъ. Форма ихъ столь же разнообразна, какъ и удивительна; нѣкоторые листья похожи на мечъ и произрастаютъ со всѣхъ сторонъ пальмы, образуя около нея родъ палисады, изъ длинныхъ копій; другіе же походятъ на большія опахала, а иногда и на страусовыя перья. Этими-то огромнымъ размѣромъ листьевъ, обязаны пальмы болѣею частію своимъ величественнымъ видомъ.

Неоспоримо то, что большая часть пальмъ произрастаетъ въ Южной Америкѣ; германскій путешественникъ и ботаникъ фонъ-Марциусъ, извѣстный путешествіемъ своимъ въ Бразилію, написалъ особое сочиненіе о пальмахъ.—Онъ говоритъ въ немъ, что по всему вѣроятію, изъ тысячи существующихъ родовъ пальмъ, едва-ли 200 извѣстны; хотя распространеніе каждаго тѣльнаго рода пальмъ и очень ограничено, но разнообразіе

ихъ видовъ придаетъ мѣстамъ, на которыхъ растутъ онѣ, особенно въ Южной Америкѣ, много красоты и величія.

По сознанію самаго Марціуса, впечатлѣніе, произведенное на него пальмовыми рощами, — было такъ сильно и необыкновенно, что онъ никогда не находилъ словъ, чтобъ выразить его. Вдоль береговъ рѣки Ориноко, пальмы возвышаются на живописныхъ мѣстахъ, пустивъ корни свои въ высокія гранитныя скалы, — которыя образуютъ необозримыя равнины, простирающіяся по обѣимъ сторонамъ рѣки. По словамъ Гумбольдта, въ извѣстное время года, пространныя равнины эти покрываются водою, и не мало онъ былъ удивленъ, замѣтивъ дымъ и огонь на вершинѣ одной высокой пальмы, со всѣхъ сторонъ окруженной разъяренными волнами. По сдѣланному имъ розысканію, оказалось, что туземцы, въ это время года, избираютъ мѣстамъ жилища своего вершины пальмъ, растущихъ на этихъ равнинахъ, и устраиваютъ тамъ изъ рогажъ и разныхъ плетенкъ родъ шалашей, въ которыхъ полъ покрываютъ толстымъ глинянымъ слоемъ, дабы можно было развести на немъ огонь, для приготовления себѣ пищи. Хотя менѣе величественное, но все-таки замѣчательное явленіе представляютъ и финиковыя пальмы, по ихъ вѣчно свѣжимъ и зелѣнѣющимъ вершинамъ, поддерживаемымъ рядомъ величественныхъ колоннъ, которыя придаютъ этимъ пальмамъ видъ храмовъ, посвященныхъ вѣчной веснѣ. Подъ освѣжительную тѣню этихъ пальмъ, въ роскошномъ изобиліи растутъ гранаты, апельсины, лимоны, оливки, миндаль и въ особенности виноградныя лозы. Природа надѣлила пальмовыя деревья всѣми возможными дарами. Человѣкъ получаетъ отъ нихъ: сахаръ, вино, муку, оливковое масло, воскъ, соль и многія другія произведенія, а потому и опишемъ вкратцѣ всѣ качества и продукты, получаемые отъ нихъ; для легчайшаго же обозрѣнія, раздѣлимъ описаніе это на два отдѣла: первый изъ нихъ будетъ заключать непосредственно нужныя для человѣка произведенія, второй же обниметъ тѣ изъ нихъ, которыя служатъ къ удовлетворенію роскоши.

Начнемъ съ пальмъ, доставляющихъ сахаръ: изъ числа ихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ кокосовая и, такъ называемая, сахарная пальма. На стволахъ, стебляхъ и другихъ частяхъ этихъ родовъ пальмъ, дѣлаютъ надрѣзы, и начинающій вытекать изъ этихъ послѣднихъ въ большомъ количествѣ сладкій сокъ собираютъ въ сосуды, потомъ варятъ его, и дѣлаютъ наконецъ изъ этого сока патоку, или некристаллизованный сахаръ, который довольно вкусенъ и извѣстенъ въ торговлѣ подъ названіемъ финиковаго сахара. Хотя онъ не столько цѣнится какъ тростниковый, —

но за всѣмъ тѣмъ привозится въ значительномъ количествѣ въ Европу, особенно же въ Англію, которая получаетъ его прямо изъ Бенгала, гдѣ, по словамъ одного англійскаго натуралиста, выработывается ежегодно такого сахара около 100,000 центнеровъ. Каждое дерево доставляетъ ежегодно отъ 120 до 240 пшты соку, дающаго круглымъ числомъ отъ 7 до 8 фунтовъ хорошаго сахара.

Встрѣчаемый иногда въ торговлѣ темнаго цвѣта сахаръ привозится большею частію съ острова Явы. Его добываютъ изъ особаго рода пальмъ, которыя преимущественно тамъ только и растутъ. Туземцы острова Явы и жители Цейлона смѣшиваютъ сахаръ съ извѣстью и чрезъ это образуютъ превосходный цементъ, весьма удобно ими употребляемый для дѣланія половъ, для покрытія стѣнъ и потолковъ.

Пальмовое вино, извѣстное подъ названіемъ Тодди, составляетъ второе важное произведеніе пальмъ. Оно есть ничто иное, какъ добываемый изъ надрѣзанной коры дерева сладкій сокъ, который оставляютъ на нѣкоторое время на вольномъ воздухѣ для окисленія, отъ чего этотъ сокъ и получаетъ сильное опьяняющее свойство. Выдѣлкою такого вина занимаются люди, которые составляютъ себѣ изъ этого особый промыселъ. При добываніи сока все затрудненіе состоитъ въ томъ, чтобы взобраться на дерево, вышиною въ 50 и даже въ 60 футовъ. Для этого сперва берутъ стебель какого-нибудь вьющагося растенія, который былъ достаточно гибокъ и проченъ, и потомъ этимъ стеблемъ образуютъ вокругъ ствола родъ обруча, по которому безъ большаго труда и усилія достигаютъ вершины дерева. Взобравшись туда, обрѣзываютъ цвѣточную верхушку, и черезъ нѣсколько минутъ сокъ начинаетъ въ изобиліи вытекать изъ дерева; тогда къ подножію его подставляется глиняный сосудъ, въ который онъ стекаетъ. Здоровое дерево при благоприятной почвѣ и въ извѣстное время года, даетъ съ каждаго цвѣтка ежедневно 3 и даже 4 пшты соку. Говорятъ даже, что изъ некоторыхъ пальмъ добывается, въ продолженіе жаркаго времени года, необыкновенное количество сока, а именно, въ теченіи сутокъ, до 120 пшты. Этотъ же сокъ, послѣ перегонки, образуетъ индійскій аракъ (котораго не должно смѣшивать съ рисовымъ виномъ, неправильно у насъ называемымъ аракомъ), столь губительно дѣйствующій на европейскіхъ солдатъ въ Остъ-Индіи. Свѣжій же сокъ, напротивъ, составляетъ очень пріятное, здоровое и освѣжительное питье и, вкушаемый подъ тѣнію какой-нибудь величественной пальмы, кажется еще лучшимъ. Пальмы, доставляющія вино, называемое Тодди, разводятся цѣлыми рощами, и добываніе изъ

нихъ сока производится особеннымъ образомъ. Всѣ пальмы соединяются между собою канатами, привязанными крѣпко къ вершинамъ деревь. Люди взбираются на одну изъ пальмъ, находящихся по срединѣ, и потомъ, съ помощію канатовъ, перебираются на остальные, собирая при этомъ вытекающій сокъ; по наполненіи имъ сосуда, передаютъ его товарищу, оставшемуся внизу.

Третій важный продуктъ, доставляемый пальмами, есть саго, котораго въ одну только Англію вывозится около 36,000 центнеровъ. Оно добывается изъ различныхъ пальмъ, и иногда одно дерево доставляетъ отъ 6 до 700 фунтовъ саго. Очень часто пальмы, изъ которыхъ, посредствомъ надрѣзовъ, вытекъ уже весь жизненный сокъ, даютъ еще саго, если сердцевину и цѣльныя части ствола растереть въ водѣ и потомъ дать сгуститься; такимъ образомъ получаютъ еще цѣлыя сотни фунтовъ саго. Настоящая саговая пальма произрастаетъ въ Остѣ-Индіи и преимущественно тамъ только и разводится; она принадлежитъ къ меньшимъ разрядамъ пальмъ; ея гладкій стволъ, хотя и имѣетъ только отъ 20 до 30 ф. вышины, но зато замѣчательнъ толщиною; листья ея снабжены съ внутренней стороны шипами. Самое лучшее саго привозится съ Молуккскихъ острововъ, гдѣ саговая пальма дико растетъ въ лѣсахъ.

Пальмы доставляютъ также масло, которое употребляется въ большомъ количествѣ въ Англіи, гдѣ требованіе на него, въ особенноти въ послѣднее время, значительно увеличилось. Оно добывается преимущественно изъ такъ называемой масляной пальмы, которая дико растетъ въ Гвианѣ и большую частію разводится въ Вестъ-Индіи и Бразиліи. Плоды этого дерева, растущіе на одномъ стеблѣ цѣлыми сотнями, похожи величїною и формою на лица желтокрасноватаго цвѣта, и издаютъ фиалковый запахъ; они до того налиты масломъ, что при малѣйшемъ давленіи лопаются, и содержащійся въ нихъ сокъ истекаетъ. Пальмовое масло идетъ особенно на приготовленіе свѣчъ, которыя, однакоже, имѣютъ непріятный запахъ, хотя и горятъ свѣтло и ярко; это масло употребляется также во множествѣ для смазки машинъ. Кокосовое масло хотя и есть также, въ вѣкоторомъ отношеніи, пальмовое масло, но все-таки его не нужно смѣшивать съ послѣднимъ, потому-что добываемое изъ мягкихъ частей кокосоваго орѣха масло не имѣетъ никакаго запаха и употребляется въ особенноти для освѣщенія комнатъ.

Изъ пальмъ получаютъ также воскъ, и такъ называемая восковая пальма, о которой упоминаютъ Гумбольдтъ и Марциусъ, очень замѣчательное растеніе; поверхность ствола этой пальмы покрывается густымъ слоемъ воску, откуда онъ и отдѣляется въ

большомъ количествѣ. При употребленіи, нужно сперва растопить этотъ воскъ, для того чтобы отдѣлить находящуюся въ немъ смолу.

Не менѣе важную пользу доставляетъ человѣку такъ называемая Капустная пальма. Большой зеленый кустъ, находящійся на концѣ ствола ея, употребляется многими жителями Вестъ-Индіи въ пищу и составляетъ для нихъ весьма лакомое блюдо; утверждаютъ, однакоже, что, по отрѣзаніи этой вершины, дерево неминуемо пропадаетъ. *Mauritia vinifera* есть очень высокая пальма, растущая въ Бразиліи, листья которой имѣютъ 15 ф. длины, а стволъ достигаетъ иногда до 140 ф. вышины; она доставляетъ не только капаты, весла и пріятное кисловатое вино, но и также вкусные плоды, изъ которыхъ готовится въ Южной Америкѣ весьма лакомая пища, называемая *sajetta*. По словамъ Марциуса, нѣсколько такихъ деревьевъ дается иногда даже не вѣстѣ въ приданое.

Но благородѣйшая между пальмами есть кокосовая пальма, заключающая въ себѣ полезнѣйшія качества всѣхъ другихъ родовъ пальмъ. Кокосовая пальма рѣдко даетъ прежде восьми, или десяти лѣтъ, достаточный плодъ, но, по истеченіи этого срока, дѣлается для человѣка самымъ драгоцѣннымъ растеніемъ, существованіе котораго продолжается 60, 70, и даже 100 лѣтъ; она ежегодно приноситъ отъ 80 до 100 орѣховъ. Въ благопріятной почвѣ цвѣтетъ это чудное дерево каждыя четыре недѣли и почти безпрестанно имѣетъ въ одно время цвѣты и плоды. Туземцы Южнаго океана утверждаютъ, что кокосовыя пальмы лучше всего растутъ вблизи человѣческихъ жилищъ, и дѣйствительно, неоспоримо то, что это дерево усѣбнѣе принимается тамъ, гдѣ живутъ люди, которые освобождаютъ его отъ разныхъ травъ и вьющихся около ствола растеній. Во всѣхъ приморскихъ городахъ Англіи, и вообще всей западной Европы, кокосовые орѣхи очень дешевы, потому-что ихъ берутъ вмѣсто балласта на корабли, и такимъ образомъ перевозка ихъ ничего не стоитъ. Они вывозятся въ Европу преимущественно изъ Вестъ-Индіи и число ихъ простирается ежегодно до 600,000 штукъ.

Изъ ядра кокосоваго орѣха, готовятъ родъ пирожнаго, которымъ весьма легко можно замѣнить хлѣбъ. Жидкость, находящаяся внутри орѣха и превращающаяся впоследствии, во время созрѣванія, въ крѣпкое ядро, называется кокосовымъ молокомъ. Послѣ кокосоваго орѣха, заслуживаетъ особенное вниманіе финикъ, также драгоцѣнный плодъ пальмы. По всѣмъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, онъ растетъ на такъ называемой финиковой пальмѣ, разводимой въ огромномъ количествѣ по краямъ боль-

шихъ степей Аравіи и Африки, такъ что дѣлая полоса земли получила названіе финиковой. Въ священныхъ книгахъ упоминается о пользѣ финиковой пальмы; и дѣйствительно она составляетъ существенную пищу вообще для жителей Аравіи, Египта и сѣверной Африки. Это полезное растеніе, произрастающее даже на самой скудной почвѣ, растетъ очень медленно, но живетъ за то 200 и 300 лѣтъ. Фрукты растутъ пучками, на подобіе кистей. Такъ какъ эти деревья столь драгоценны плодами своими, то, при разведеніи ихъ, прилагаютъ всевозможное стараніе и внимательность; въ особенности же стараются орошать финиковыя плантаціи водою, потому-что въ этомъ случаѣ онѣ даютъ болѣе обильные плоды. Если высушить финики совершенно на солнцѣ, то изъ нихъ можно приготовить родъ муки, которая иногда въ степяхъ составляетъ единственную пищу дѣльныхъ каравановъ; если же предохранить ее отъ сырости, то она можетъ сохраниться на долгое время. Кромѣ плода, употребляютъ въ пищу и стебли цвѣтотъ финиковой пальмы; ихъ любятъ особенно дѣти. Молодой стволъ и вершина стараго употребляются равномерно въ пищу; молодые листья составляютъ пальмовую капусту, и посредствомъ особеннаго приготовленія дѣлаютъ изъ нея пальмовый сыръ. Черезъ надрѣзываніе стволовъ получается пальмовое вино. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи и южной Франціи занимаются также разведеніемъ финиковыхъ пальмъ, но не для плодовъ, а для листьевъ ихъ, которые продаются въ Вербное воскресенье.

Другой полезный родъ пальмъ составляютъ тѣ изъ нихъ, которыя растутъ въ Остѣ-Индіи и на соседнихъ островахъ. Эти пальмы украшаются прекрасною короною листьевъ и зубчатыми, колочими стеблями въ 4 ф. длины; цѣлый листъ состоитъ изъ многихъ мечеобразныхъ листьевъ, каждый въ 12 ф. длины, которые, подобно опахалу, распространяются лучеобразно, какъ будто изъ одной рукоятки. Плодъ гораздо менѣе плода кокосовой пальмы, и содержитъ 2 или 3 орѣха въ твердой скорлупѣ, которая покрыта одною общею, болѣе мягкою оболочкою; эта пальма можетъ иногда замѣнить кокосовую, потому-что встрѣчается въ мѣстахъ, гдѣ послѣдняя не растетъ; изъ нее добывается также прекрасное пальмовое вино и пальмовый сахаръ. Не менѣе замѣчательна зонтичная пальма; она во многомъ походитъ на кокосовую и растетъ въ тѣхъ же странахъ; достигаетъ 60 и 70 ф. вышины; начинается тогда только цвѣсти, когда совершенно вырастаетъ; какъ только что цвѣтокъ распухнется, листья на вершинѣ опадаютъ, а на мѣстѣ ихъ вырастаетъ шишка, около 30 ф. длины, на которой образуются потомъ цвѣточныя метелки; маленькіе

бѣлые цвѣточки, сидящіе пучками, оставляютъ по себѣ плоды въ видѣ ягодъ, годныхъ въ пищу. Но главную пользу доставляетъ эта пальма своими огромными листьями, которые, вмѣстѣ съ стеблемъ, простираются иногда на 20 ф. длины; ими покрываютъ дома и дѣлаютъ изъ нихъ каваты. Кромѣ того этотъ родъ пальмы доставляетъ прекрасный строевой лѣсъ, саго и пальмовую капусту, и, по высушеніи, отвердѣвшіе плоды ея могутъ бытъ употреблены въ токарныхъ работахъ.

Необыкновенно любопытна въ этомъ растительномъ семействѣ пальма, имѣющая вѣтвистый стволъ, между тѣмъ какъ другія пальмы имѣютъ одинакій, не раздѣляющійся стволъ. Эта пальма достигаетъ 32 ф. вышины и по выходѣ изъ земли дѣлится на два ствола, которые въ свою очередь опять раздѣляются, и каждая изъ этихъ вѣтвей оканчивается пучкомъ листьевъ въ видѣ опахала. Плоды походятъ на маленькія груши, мякоть ихъ желтаго цвѣта и довольно сладка; во всей сѣверной Америкѣ они служатъ лакомствомъ, а стволъ самаго дерева и листья имѣютъ разнообразное употребленіе.

Изъ другаго разряда пальмъ, есть вѣтвистое кучковатое дерево, имѣющее, подобно другимъ, на оконечностяхъ вѣтвей коронные пучки листьевъ. Она доставляетъ настоящее смолистое красильное вещество, которое добывается изъ плодовъ ея и употребляется въ живописи и также для окраски бумаги. Хотя и другія растенія производятъ то же вещество, но находимое на этой пальмѣ чаще другихъ встрѣчается въ торговлѣ.

Пальмовое дерево во многихъ странахъ доставляетъ любимый строевой лѣсъ; онъ очень проченъ, не подвергается поврежденіямъ отъ насѣкомыхъ и противостоитъ дурной погодѣ, чего, конечно, нельзя сказать про всякое другое дерево. До-сихъ-поръ встрѣчаются въ Индіи старыя строения изъ того дерева, не показывающія ни малѣйшихъ слѣдовъ разрушенія. Въ нѣкоторыхъ родахъ пальмъ верхніе слои ствола до того крѣпки, что употребляются вмѣсто желѣза, для выдѣлки оружія. Нѣкоторыя пальмы доставляютъ дерево, которое столь же крѣпко, какъ и агатъ, и, будучи полировано, несколько отъ него не отличается. Кухонную посуду, способную выдерживать извѣстную степень жара, выдѣлываютъ частью изъ скорлупы, частью же изъ самаго дерева; эта посуда служитъ, напр. жителямъ Океаніи, для приготовленія морской соли. Большіе пальмовые листья составляютъ превосходныя крыши для домовъ и въ Индіи часто замѣняютъ палатки. Даже нѣкоторые изъ туземцевъ Зондскаго архипелага, кромѣ пальмовыхъ листьевъ, не употребляютъ никакого другого лѣсваго матеріала. Если оставить листья нѣкоторое вре-

мя въ водѣ, то получается нитяное вещество, способное къ дѣланію ковровъ, канатовъ и разныхъ тканей; кромѣ того дѣлаются изъ нихъ корзины, не пропускающія воду, ведра, а изъ молодыхъ листьевъ фонари. Они могутъ замѣнить и бумагу, если писать на нихъ желѣзнымъ грифельмъ.

Деревянистые стволы листьевъ употребляются на дѣланіе метелокъ, еищъ для вязанія, зубочистокъ и факеловъ. Другія части листа идутъ на дѣланіе перьевъ для письма, и тѣхъ острыхъ клинцевъ (стрѣлъ), которыми Индѣйцы стрѣляютъ изъ пищалей. Иглы стеблей служатъ вмѣсто булавокъ. Вещество, известное подъ именемъ *коуръ*, изъ котораго въ новѣйшее время дѣлается въ Англіи такое множество якорныхъ канатовъ и снастей, происходитъ болѣею частию отъ нитяной оболочки, облегающей кокосовой орѣхъ. Его вымачиваютъ сперва въ водѣ, и потому дѣлаемая изъ него вещь отличается особою крѣпостью, упругостью и прочностью.

То же самое вещество употребляется для набивки матрацовъ, потому-что оно равняется упругостью съ коскимъ волосомъ, къ тому же не пропускаетъ насекомыхъ. Рогожи, дѣлаемые изъ него, вообще чрезвычайно прочны. Изъ стволовъ многихъ пальмъ дѣлаются лодки, для которыхъ жилы листьевъ служатъ веслами. Опахала и носилки дѣлаются также изъ листьевъ, изъ стеблей же гнутъ луки; испанскій тростникъ, въ настоящее время столь разнообразно употребляемый, происходитъ отъ одного рода бразильской пальмы, называемой Ротангъ, о которой мы уже упоминали. Корзины и мѣшки, въ которыхъ привозятъ къ намъ кофе изъ Явы, дѣлаются равномерно изъ листьевъ одной пальмы, доставляющей также матеріалъ для шляпъ, сѣтей рыболовныхъ, рубашекъ и канатовъ. Иногда дерево это представляетъ полоски и жилы, идущія по разнымъ направленіямъ, и потому оно высоко цѣнится для разныхъ токарныхъ и мозаическихъ работъ. Такъ называемая растительная слонова кость, на которую Александръ Гумбольдтъ первый обратилъ вниманіе, есть также продуктъ пальмы, встрѣчаемой часто по берегамъ рѣки Магдалены.

Англіискій ботаникъ Линдлей, основываясь на сказаніяхъ нѣкоторыхъ испанскихъ ботаниковъ, говоритъ, что Индѣйцы покрываютъ хижины свои листьями этого прекраснаго растенія. Плоды содержатъ въ себѣ сначала свѣтлый, лишенный всякаго вкуса сокъ, которымъ путешественникъ утоляетъ жажду свою; впоследствии дѣлается этотъ сокъ сладкимъ и похожимъ на молоко, и тѣмъ болѣе перемѣняетъ вкусъ, чѣмъ болѣе начинается стужаться, и наконецъ дѣлается крѣпкимъ, какъ слонова кость. Если послѣ собиранія плодовъ, оставить ихъ на нѣкоторое вре-

мя, то произойдетъ въ нихъ броженіе, отъ котораго находящіяся въ нихъ сокъ киснетъ. Индѣйцы дѣлаютъ изъ плодовъ набалдашники для тростей, игрушки и т. п., которыя, пока не намочены, превосходятъ бѣлизною и крѣпостью издѣлія изъ настоящей слоновой кости.

Мелвѣди очень лакомы до молодыхъ сладкихъ плодовъ. Пальмовыя деревья доставляютъ не только превосходное топливо, но и тончайшій, обильный поташъ, замѣняющій на островѣ Цейлонѣ мыло.

Въ заключеніе нашей статьи скажемъ, что пальмы, изъ всѣхъ произведеній царства прозябаемаго, суть самыя полезныя растенія для человѣка, потому-что есть страны и земли въ мірѣ, въ которыхъ человѣкъ существуетъ только единственно одними произведеніями пальмовыхъ деревьевъ.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО КИТАЯ. * Во всей Китайской Имперіи, воля ея повелителя считается опредѣленіемъ самаго неба. Народъ пользуется нѣкоторыми правами, пожалованными ему Императоромъ; высшаго же сословія достигаютъ кто либо только своими личными заслугами, а не знатностію своего рода.

Аристократія раздѣляется на двѣнадцать классовъ или разрядовъ; изъ нихъ замѣчательнѣйшіе Tsin wang (Принцы крови), Kiang wang (потомки принцевой крови), Bei le и Bei tse (Принцы боковыхъ линій), герцоги и генералы различныхъ разрядовъ. Титулы высшаго сословія, какъ напр. Kung, hau, e, tsy, nan и пр., соотвѣтствующіе достоинствамъ княжескимъ, графскимъ и баронскимъ, даются Манжурамъ, Китайцамъ и Монголамъ безъ различія, какъ въ военной, такъ и гражданской службѣ. Прямой потомокъ Конфуція, основателя ихъ вѣрованія, называется у нихъ уен-шанг-кунгъ (всегда безпорочный князь).

Дворцовое управленіе, находится въ вѣдѣніи Nuiwufu, которое завѣдуетъ свитою Императора, его гаремомъ и пр. Церемѣна жительства, и переездъ изъ одного края государства въ другой, строжайше воспрещенъ. Нѣкоторые классы находятся въ презрѣніи, напримѣръ Таукіа, корабельщики, происходящіе отъ древняго рода Miantsz-Kaefu, издревле презираемаго. Въ Нингъ-По каста Готій, потомковъ Kiu, обязаны заниматься музыкою и театральнымъ искусствомъ.

* The middle Kingdom; a survey of the geography, government etc of the Chinese Empire and its inhabitants. By S. Wills. Williams. Vol I New-York and London 1848.

По закону, дозволяется каждому подданному обращаться къ правительству съ жалобою на какія либо притѣсненія, испрашивать себя защиты, и просить высшія судебныя мѣста о пересмотрѣ опредѣленія нижнихъ инстанцій; но подобныя преимущества мало имѣютъ цѣны для человека бѣднаго и не имѣющаго знакомства, хотя частная собственность его вполне обезпечена.

Въ этой имперіи всѣ суды монократическаго устройства, т. е. всѣ дѣла рѣшаются предсѣдателемъ.

Императоръ, чувствуя необходимость въ совѣщаніи съ своими приближенными, устроилъ съ этою цѣлью кабинетъ (Nuikou) и верховный совѣтъ подъ именемъ Kuio-ki-shui. Въ вѣденіи ихъ управленія колоніями, апелляціонными дѣлами и Императорская академія.

Въ кабинетѣ завѣдываютъ четыре главные канцлера (Та hiohsu) и двое въ видѣ помощниковъ; половина изъ нихъ Манжуры а остальные Китайцы. Они пекутся о государственномъ управленіи вообще, объ обнародованіи приказаній Императора и новыхъ законовъ. Подъ вѣдомствомъ этихъ шести канцлеровъ находятся двѣсти чиновниковъ, раздѣленныхъ на шесть разрядовъ, изъ которыхъ половина всегда Манжуры, и десять ассистентовъ, посылаемыхъ въ провинціи и колоніи для управленія.

Вышеозначенные четыре канцлера суть вмѣстѣ съ тѣмъ и главные министры имперіи, а старшій изъ нихъ имѣетъ наибольшее вліяніе на прочихъ своихъ со товарищей. Въ настоящее время старшимъ министромъ, Му-ханъ-гахъ, Манжуръ, пользующійся огромною властью и извѣстный своимъ благоразуміемъ; онъ уже прежде былъ предсѣдателемъ вѣсколькихъ управленій и академій. Му-хан-гахъ въ должности перваго министра уже одиннадцать лѣтъ; предшественниками его, въ періодъ времени двадцати шести лѣтъ, были только двое Тох-тзинъ и Шанг-линьгъ, что вполне показываютъ всю стойкость тамошняго управленія.

Кабинетъ получаетъ ежедневно рескрипты Императора, распределяетъ повинности и сносится съ низшими инстанціями. Къ каждому дѣлу прилагается краткая записка съ нѣсколькими проктами резолюцій, изъ числа которыхъ Императоръ одобряетъ одну, и подчеркиваетъ ее карандашомъ. Если бумаги разсмотрѣны и приведены въ порядокъ, то представляются снова Императору на слѣдующій день. Одинъ изъ шести манжурскихъ Hiohs'z прочитываетъ дѣло, и передаетъ его одному изъ китайскихъ Hiohs'z, который подписываетъ на немъ рѣшеніе Императора, и записываетъ въ особомъ каталогѣ причины и основанія этихъ рѣшеній. Принятіе и увольненіе отъ службы

чиновниковъ, постановленія касательно повинностей, распределеніе войскъ, даже мелочныя дѣла по искамъ, составляютъ также предметъ вѣдомства этого управленія. Члены кабинета, при публичныхъ жертвоприношеніяхъ, при приѣмѣ пословъ, и при какихъ либо празднествахъ, занимаютъ прилеглированные почетныя мѣста. Присутствующіе при кабинетѣ десять Hiohs'z суть вмѣстѣ съ тѣмъ вице-президенты церемоніальнаго управленія.

Въ ихъ вѣденіи двадцать пять государственныхъ печатей, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою особую форму и значеніе. Въ кабинетѣ состоятъ сверхъ того десять высшихъ чиновниковъ въ качествѣ переводчиковъ.

Верховный совѣтъ, Kiuo-ki-shui, устроенъ въ новѣйшее время, и имѣетъ обширный кругъ дѣйствій. Онъ состоитъ изъ Принцевъ крови, канцлеровъ кабинета, президентовъ, вице-президентовъ шести высшихъ судебныхъ мѣстъ и высшихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства, которые назначаются по усмотрѣнію Императора.

Верховный совѣтъ печется обо всѣхъ отрасляхъ управленія. Императоръ выбираетъ членовъ наполовину Манжуровъ. Совѣтъ собирается ежедневно, между пятью и шестью часами утра, для совѣщанія о текущихъ дѣлахъ.—Если Императоръ потребуетъ членовъ на совѣщаніе въ залу совѣта, то они занимаютъ мѣста на низкихъ перинахъ или подушкахъ; въ присутствіи владыки Китая стулья не употребляются. Совѣтъ ведетъ списокъ тѣмъ чиновникамъ, которые назначены къ какому либо повышенію; большая часть управителей колоніями суть члены Верховнаго совѣта, и поэтому находятся съ Императоромъ въ частыхъ сношеніяхъ, и лично получаютъ отъ него приказанія.

Члены Совѣта вносятъ рѣшенія Императора въ общіе и секретныя журналы, ведутъ списокъ важнымъ прошествіямъ и приводятъ въ исполненіе приказы Императора. Рѣшенія Верховнаго Совѣта вносятся въ каталогъ и обнародываются въ газетѣ (king-shan), разсылаемой по всѣмъ частямъ Имперіи.

Государственное управленіе Li Pu наблюдаетъ за чиновниками Имперіи, имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи назначенія и награды, выдаетъ отпуски и патенты. При назначеніи кого либо въ высшія государственныя должности, Императоръ причисляетъ его умернаго отца или дѣда къ высшему сословію.

Финансовое управленіе Hu Pu ведетъ списки народонаселенія, печется объ увеличеніи повинностей, и распоряжается измѣреніемъ страны. Это управленіе имѣетъ также въ своемъ вѣденіи списки тѣхъ дѣвицъ, которыя должны поступить въ гаремъ Императора. Доходы Китая состоятъ въ наличныхъ деньгахъ,

фабричныхъ издѣляхъ и произведеніяхъ земли. При спорахъ о собственности, дѣла переносятся въ это управленіе.

Управленіе церемоніальными дѣлами, Li Pu, наблюдаетъ за обычаями страны, за священными и общественными празднествами во всей Имперіи и за формою одежды. Чело поклоновъ, которые каждый чиновникъ долженъ дѣлать предъ другимъ, опредѣлено по закону. Это управленіе имѣетъ также въ своемъ вѣдѣніи публичныя испытанія или экзамены, городскія училища, наблюденіе за вѣдшимъ богопочитаніемъ, за обоготвореніемъ умершихъ Принцевъ и героевъ, и за порядкомъ дѣлъ музыкальнаго шествіята.

Военное управленіе, Ping Pu, занимается устройствомъ войскъ и почтъ, и дѣлаетъ смотръ какъ сухопутнымъ такъ и морскимъ силамъ.

Исправительное управленіе, Ning Pu, вѣдаетъ дѣлами о наказаніяхъ за проступки и преступленія, и дѣлами о наградахъ; всякую осею оно наряжаетъ коммисію для изслѣдованія правильности рѣшеній провинціальныхъ судей, и доноситъ объ этомъ Императору. Въ этомъ же управленіи ежегодно издается уложеніе законовъ.

Управленіе публичныхъ работъ, Kung Pu, наблюдаетъ вообще за строениями и каналами, сооружаетъ вновь мавзолеи, храмы и прочія зданія, смотритъ за городскими стѣнами и дворцами, дѣлаетъ распоряженія о заготовленіи палатокъ для путешествій Императора и о доставкѣ стекляной посуды для двора.

Иностранное управленіе, Li Fan Yuen, завѣдуетъ иностранцами, дѣлаетъ распоряженія о представленіяхъ ко двору, и наблюдаетъ за кочующими племенами Монголік и Кокочоры, и за жителями Тибета.

Высшее судебное управленіе, Tu Mah Huen, наблюдаетъ за правильностью рѣшеній низшихъ инстанцій. Чиновники этого управленія имѣютъ право находиться при Императорѣ и даже иногда не соглашались съ его мнѣніемъ.

Управленіе для принятія просьбъ, Tung ching su, состоящее изъ шести членовъ, пересматриваетъ рѣшенія низшихъ инстанцій, и передаетъ ихъ кабинету. Одинъ изъ чиновниковъ этого управленія всегда находится при дворцѣ Императора, и имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи, поставленный у рѣшетки дворца, барабанъ, которымъ просители могутъ воспользоваться, чтобъ быть выслушанными. Сюда часто стекаются женщины изъ дальнихъ странъ, и передаютъ свои просьбы Императору.

Верховный судъ, Ta-li su, есть высшее управленіе для всехъ уголовныхъ дѣлъ Имперіи.

Императорская академія, Haulin Huen, заготовляетъ документы и другіе акты судебныхъ дѣлъ. Члены этой академіи имѣютъ доступъ къ высшему сословію и наблюдаютъ за воспитаніемъ ихъ дѣтей. Пользуясь образованіемъ, они приготавливаются для занятія высшихъ должностей.

Управленіе празднествами, Kwangluh su, вѣдаетъ дѣлами о наградахъ, распоряжается торжествами, даваемыми въ честь прославившихся ученыхъ и иностранныхъ пословъ.

Низшихъ управленій и чиновъ, въ китайской имперіи, гораздо болѣе, нежели въ какомъ либо европейскомъ государствѣ.

Императоръ, хотя и живетъ въ совершенномъ уединеніи и почти нигуда самъ не показывается, тѣмъ не менѣе однако же получаетъ свѣдѣнія обо всехъ происшествіяхъ и о ходѣ управленія. Должности въ провинціи, по обыкновенію, не вручаются прищамъ крови, а напротивъ раздаются способнымъ Китайцамъ, которые, по своему образованію, могутъ надѣяться на полученіе какоголибо мѣста. Генераль-директоръ провинціи (Tsung-tuh) называется также вице-королемъ, и имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи двѣ провинціи, между тѣмъ какъ помощникъ его (Fuyuen) только одну.

Вся Китайская Имперія раздѣлена на одиннадцать большихъ областей, состоящихъ изъ восемнадцати провинцій, подъ вѣденіемъ восьми генераль-директоровъ и пятнадцати Fuyuen.

Всѣ высшіе чиновники ежемѣсячно посылаютъ къ Императору письменныя привѣтствія, на желтой бумагѣ и въ шелковой оберткѣ, на которыхъ самъ Императоръ или его секретарь отмѣчаютъ красными буквами: «мы здоровы.»

Сверхъ вышесказанныхъ учреждений, въ Китайской Имперіи находится управленіе для приведенія въ исполненіе рѣшеній другихъ мѣстъ, и управленіе для завѣдыванія коммиссаріатскими дѣлами и таможеню.

Военное управленіе провинцій завѣдуетъ сухопутными и морскими силами. Только главнокомандующій (Tihah) получаетъ приказы. Ихъ числомъ шестнадцать; двѣнадцать изъ нихъ командуютъ войскомъ, а остальные имѣютъ высшій надзоръ за военными силами.

Выше упомянутые три офицера Sungtuh, Fuyuen и Tsiang-kiun составляютъ военный совѣтъ.

Мѣста генераль-губернаторовъ, предводителей Татаръ, вице-губернаторовъ, генераль-майоровъ и кавалеровъ наукъ находятся на одной и той же степени; послѣ нихъ слѣдуютъ мѣста казначеевъ, судей и пр. Всякій интендантъ, префектъ, смотритель надъ округомъ и пр. имѣетъ своихъ писарей, которые ведутъ счета и каталоги. Правительство теперь уже наблюдаетъ

за общественными заведеніями, за продажою соли, за пошлиною, которая налагается на произведенія земли, и составляет большую часть государственнаго дохода. Распредѣленіе войска и опредѣленіе на службу офицеровъ производится по извѣстнымъ правиламъ; но при всемъ этомъ недостаетъ дисциплины. Губернаторъ имѣетъ подъ своимъ начальствомъ все войска провинціи, простирающіяся до ста тысячъ человѣкъ. Императоръ никогда не путешествуетъ, но посылаетъ вмѣсто себя чиновниковъ (King-shan) для наблюденія за порядкомъ; губернаторы, по примѣру своего повелителя, рассылаютъ также, вмѣсто себя, своихъ агентовъ (Weuen), которые смотрятъ за исполненіемъ должностей, и поддерживаютъ тѣмъ дѣятельность и бдительность низшихъ чиновниковъ.

СОСТОЯНІЕ КАЛИФОРНІИ ВЪ НОВѢЙШИЯ ВРЕМЕНА. Калифорніею называется продолговатое пространство земли, прилегающее къ Тихому океану, и лежащее на сѣверо-западѣ отъ Новой Испаніи, между 23 и 24 град. сѣверной широты. Съ юга и запада Калифорніа омывается моремъ, съ востока граничитъ съ заливами Рио-Колорадо и Сьерра-Невада, а съ сѣвера съ Рио-Колумбіею и другими побочными рѣками.

Эта страна распадается на двѣ совершенно равныя части: на нижнюю или старую и верхнюю или новую Калифорнію. Первую часть составляетъ тотъ полуостровъ, который Фердинандъ Кортесъ посѣтилъ въ 1535 году; она покрыта голыми и дикими скалами, и населена совершенно грубыми и необразованными племенами.

Грунтъ земли въ Новой Калифорніи мало способенъ для обработки и производить только финики, винныя ягоды, апельсины и сахарный тростникъ; впрочемъ занимаются также и разработкою нѣкоторыхъ серебряныхъ рудниковъ и ловлею, теперь уже почти истощившихся, жемчужинъ.

Температура верхней Калифорніи одинакова съ климатомъ Валенсіи, потому что сѣверо-западные вѣтры умѣряютъ утомительный жаръ лѣта, а южные—холодъ зимы. Этотъ край изобилуетъ строевымъ и корабельнымъ лѣсомъ, которымъ покрыты огромныя пространства. Здѣсь возвышаются огромныя лавровыя, тутовныя, фиговыя, ясеневыя деревья, пихы, тополи и проч. Въ этихъ лѣсахъ растутъ сверху того разнаго рода кустарники, на которыхъ созрѣваютъ плоды, похожіе на нашъ крыжовникъ и черную смородину, и употребляемые въ пищу туземными жителями; здѣсь произрастаетъ также какой-то ядовитый корень,

дѣйствіе котораго смертоносно, особенно дѣтямъ; тѣло пухнетъ, и, чрезъ нѣсколько часовъ, человѣкъ испускаетъ духъ.

Въ верхней Калифорніи встрѣчаются равнины, имѣющія часто пространство длиною на сто часовъ пути и шириною до двадцати часовъ. Послѣ сильнаго дождя, трава иногда поднимается на десять футовъ; на этомъ же тучномъ пастбищѣ пасутся безчисленныя стада дикихъ лошадей, разнаго рогатаго скота, антилопъ и оленей. Американскихъ львовъ здѣсь вовсе нѣтъ; за то чрезвычайно скоро размножаются сѣрые медвѣди, собаки и дикія кошки. Около берега встрѣчаются, въ большомъ количествѣ, слоны, киты, морскія собаки и черепахи; между галами, ядовиты только гремучіи змѣи, который впрочемъ не опасенъ людямъ, а напротивъ того ихъ боится. Изъ птицъ водятся здѣсь, въ большомъ количествѣ, колибри, разноцвѣтные пеликаны, утки, попугаи и орлы огромнаго роста.

Земля богата рудниками, какъ то: золотыми, серебряными, мѣдными и оловянными. Здѣсь также находятъ желтую и красную охру, которую Индѣйцы окрашиваютъ свое тѣло и ониксъ, употребляемый ими для своего вооруженія.

Фердинандъ Кортесъ первый проникъ въ Калифорнію съ оружіемъ въ рукахъ, послѣ него были предприняты путешествія многими какъ сухопутно такъ и водою, по приказанію вице-королей Новой Испаніи. Духовные, пользуясь подобными экспедиціями, основали, болѣе къ сѣверу, мало по малу, нѣсколько миссіонерствъ.

Въ настоящее время насчитываютъ этихъ миссіонерствъ до сорока трехъ, и число ихъ конечно, въ скоромъ времени, увеличилось бы, если бы мексиканское правительство не ограничило власть миссіонеровъ, отнявъ у нихъ управленіе колоніями. Хищническій духъ Индѣйцевъ, во время испанскаго владычества, былъ значительно ограниченъ миссіонерами, которые распространили между ними истины христіанской вѣры, и положили основанія ихъ образованію. Военная линія или граница, простиравшаяся слишкомъ на тысячу часовъ пути, начиналась въ верхней Калифорніи, у Монте Рен, шла съ сѣвера на югъ до Санъ-Діега, отсюда огибала оба берега нижней Калифорніи, чрезъ Рио-Колорадо, вдоль Рио-Гила, переходила Сьерра-Мадре, защищала новую Мексику и Техасъ, оканчивалась у паружныхъ границъ обихъ Флоридъ, перерѣзывала Америку во всю ея ширину, и соединяла берега Атлантическаго океана съ южнымъ моремъ.

Внутри этой огромной линіи, неутомимые миссіонеры основали, для обращенныхъ Индѣйцевъ и другихъ колонистовъ, деревни, обучали ихъ различнымъ ремесламъ и земледѣлію. Но по-

добыли распоряженія имѣли часто плачевныя послѣдствія; многіе заплатили, за свое рвеніе къ проповѣдыванію правилъ христіанства, свою кровью, и были умерщвлены Индійцами съ неизмѣрною жестокостью.

Все миссіонерства построены по одному общему плану; одна изъ обширѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ колоній, имѣющая своимъ патрономъ святаго Людовика, короля французскаго, находится въ превосходнѣйшей долигѣ, на берегу маленькой рѣчки, орошающей сады и виноградники селенія. Въ этой колоніи особенно замѣчательно главное строеніе, имѣющее съ фасада крытую галлерею въ пятьсотъ футовъ длиною.

Церковь, занимающая часть этого дома, довольно значительнаго размѣра; она можетъ вмѣщать въ себя около трехъ тысячъ человекъ. Въ центрѣ этого зданія находится четырехъ-угольный дворъ, который окруженъ подземными ходами и цвѣтущими деревьями, освѣжаемыми чистыми и прозрачными фонтанами. Принадлежащія къ главному строенію зданія, построены чрезвычайно просто, безъ затѣй, но съ удивительною прочностью. Онѣ содержатъ въ себѣ комнаты для духовенства, рабочихъ, кузницу, помѣщенія для портныхъ, ткачей и шерстяныхъ фабрикъ, въ которыхъ приготовляются матеріи для одежды обращенныхъ Индійцевъ и для удовлетворенія требованій дикихъ племенъ. Училища находятся здѣсь въ самой спокойной и безопасной части колоніи. Ученіе въ этихъ школахъ также чрезвычайно просто, и напоминаетъ собою времена патріархальныя; дѣти туземцевъ, смѣшанныя съ дѣтьми бѣлыхъ, получаютъ здѣсь понятіе о нѣкоторыхъ общепользныхъ элементарныхъ предметахъ, и обучаются также пѣнію и музыкѣ, къ которой вообще все Индійцы имѣютъ удивительныя способности. Нерѣдко, на церковныхъ празднествахъ, они исполняютъ должности органистовъ, музыкантовъ и пѣвчихъ съ удивительною точностью и отчетливостью.

Хотя Индійцы въ миссіонерствахъ Калифорніи и отказались отъ нелѣпой своей языческой религіи, и обратились къ христіанству, но они еще вовсе не подчинились тому моральному вліянію, которое эта религія имѣетъ на человека.

Они принимаютъ участіе въ работахъ общины только потому, что это обезпечиваетъ ихъ будущность, и защищаютъ колонію отъ нападеній дикихъ, не по чувству благодарности, которое должны бы были питать къ бѣлымъ, въ слѣдствіе кроткаго ихъ обращенія, а скорѣе по причинѣ какой-то врожденной ненависти, которую одно племя питаетъ къ другому.

Колонію святаго Людовика окружаютъ красивыя житницы, сараи для рогатаго скота, дома для милиціи, различные магазины,

избы обращенныхъ Индійцевъ и дачи бѣлыхъ. Гостепріимство, въ высшемъ значеніи этого слова, наблюдается здѣсь всегда; съ радушіемъ и чистосердечіемъ принимаютъ здѣсь всякаго незнакомаго, застигнутаго въ дорогѣ ненастьемъ или просто путешественнаго. Первый изъ французовъ, который прибылъ въ Калифорнію, былъ Лаперузъ въ 1787 году. Онъ былъ принятъ колѣніемъ съ большими знаками уваженія, и съ почестью; многіе драхлы старики и теперь еще помнятъ этого знаменитаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несчастнаго мореплавателя, оставившаго въ этой странѣ столько знаковъ своего великодушія.

Въ то время, какъ свѣтское управленіе еще находилось въ вѣдѣніи тамошнихъ миссіонеровъ, число рабочихъ Индійцевъ простиралось до тридцати тысячъ человекъ; теперь же ихъ всего пять тысячъ. Въ настоящее время въ Калифорнію насчитываютъ тысячу двадцать дикихъ Индійцевъ, Испанцевъ около четырехъ тысячъ и около тысячи иностранцевъ. Штатгалтеръ, заведывающій провинціею, имѣетъ мѣстопробываніе свое въ Монте-Реѣ. Внутреннее управленіе раздѣлено между тремя префектами, находящимися въ Пуэблѣ-де-Нуэстра-Сенора, въ Санте-Барбара и Санъ-Хозѣ. Прочее народонаселеніе распределено по миссіонерствамъ и частнымъ мызамъ. Большая часть прежнихъ президій и военныхъ постовъ разорены; до сихъ поръ еще видны обгорѣлыя стѣны постовъ Нуэстра-Сенора-Ларетто, Санъ-Діега, Санта-Барбара, Монте-Реѣ и Санъ-Франциско.

Законы и обычаи туземцевъ совершенно одинаковы съ правами обитателей прочихъ испанскихъ колоній въ Америкѣ. Колонисты, до сихъ поръ еще, сохранили обычаи, привычки и недостатки своихъ прадедовъ; къ несчастію пагубное стеченіе обстоятельствъ увеличили эти недостатки еще болѣе. Частыя сношенія туземцевъ съ европейцами породили въ первыхъ страсть къ вѣковой роскоши, а худое устройство испанской милиціи обратило прежнюю слабость ихъ къ крѣпкимъ напиткамъ въ необходимую потребность.

Все Индійцы некусные ѣздоки и страстные любители скачекъ, которыя даютъ поводъ къ неумѣреннымъ и разорительнымъ пари. Колонисты, нерѣдко разсчитывая на скорость лошади, теряютъ все свое имущество, составляющее иногда до двухъ сотъ штукъ рогатаго скота. Бой быка съ медвѣдемъ составляетъ также предметъ ихъ развлеченія. При подобныхъ схваткахъ, медвѣдь, будучи вообще проворнѣе быка, остается обыкновенно побѣдителемъ. Когда разъяренный быкъ, нагибая голову, готовится рогами проколоть дерзкаго своего противника, медвѣдь, одною лапою, раз-

дираетъ ему морду а другою грудъ, и рѣдко удается несчастному животному вырваться и остаться побѣдителемъ.

Калифорнія, въ политическомъ отношеніи, приобрѣтетъ современнымъ огромное значеніе, особенно если средняя часть Америки будетъ прорѣзана какимъ либо каналомъ или желѣзною дорогою. Земля могла бы прокормить миллионы жителей; для колонизаціи находятся тамъ превосходныя гавани и строевой лѣсъ. Мѣстность представляетъ удобство въ сообщеніяхъ съ Мексикою, Американскими Штатами, англійскими и нашими владѣніями по сѣверо-западному берегу, съ Сандвичевыми островами и наконецъ даже съ Китаемъ.

Замѣчательнѣйшее мѣсто Калифорніи есть, безъ сомнѣнія, превосходнѣйшая бухта Святаго Франциска, которая, по всей справедливости, можетъ быть названа ключемъ сѣверной части Тихаго моря; ея гавань могла бы вмѣстить въ себя весь флотъ Великобританіи. Владѣніе этою гаванью и странюю, къ ней прилежащую, было однимъ изъ живѣйшихъ желаній Англій, которая, еще недавно, вошла въ сношеніе съ тамошнимъ президентомъ объ уступкѣ ей этого края. Видъ соединенныхъ штатовъ на гавань Св. Франциска выразился совершенно иначе. Правительство штатовъ хотѣло завладѣть этою частью Америки вооруженною рукою. Съ этою цѣлью, еще въ 1837 году, было предложено Мексикѣ двадцать шесть миллионъ франковъ съ условіемъ, чтобъ она содѣйствовала ея планамъ; а главнокомандующій флотомъ Соединенныхъ Штатовъ, въ Тихомъ морѣ, безъ всякой видимой причины, и во время глубокаго мира, осадилъ столицу Калифорніи, городъ Монте-Рей. Причиною недавно вспыхнувшей революціи въ Калифорніи были опять агенты Соединенныхъ Штатовъ.

О нынѣшней живописи въ Китаѣ. Китайскій живописецъ Ламкуа, почитается нынѣ самымъ искуснымъ изъ современныхъ живописцевъ въ Китаѣ. Домъ его въ Кантонѣ отличается отъ соседнихъ домовъ черною дощечкой, прибитою къ дверямъ; на ней написано бѣлыми буквами имя и званіе Ламкуа.

Въ нижнемъ этажѣ дома находится лавка, гдѣ оконченныя работы выставлены для продажи. Эти рисунки на рисовой бумагѣ почитаются самыми лучшими. Они разложены вокругъ всей лавки горами и накрыты стеклянными колпаками. Кромѣ того въ лавкѣ находятся и другія вещи, совсѣмъ не относящіяся къ живописи, но которыя составляютъ постоянную торговлю этого дома. Напримѣръ различныя камни, высѣченные чрезвычайно любопытнымъ образомъ. Также тамъ продаются матеріалы, служащіе для рисованья, ящики съ красками и разными кистями и пр.

Все это покрыто шелковой съ золотыми цвѣтами матеріей. Рисовая бумага, разложенная по сту листовъ, составляетъ важную статью продажи. Бумага эта получается изъ Нанкина и продается дорого, или дешево, смотря по величинѣ листовъ.

Небольшая лѣстница, съ деревянными перилами, ведетъ изъ лавки въ мастерскую, въ другой этажъ. Тамъ вы увидите за работою до десяти Китайцевъ, у которыхъ рукава загнуты, и длинныя ихъ косы обернуты вокругъ головы. Эта предосторожность необходима при такой деликатной работѣ. Небольшая комната освѣщается двумя окошками, которыя расположены съ двухъ сторонъ. Стѣны комнаты украшены новыми, только что оконченными рисунками. Между этими произведеніями встрѣчаются и европейскія гравюры, подлѣ которыхъ находятся масляныя или акварельныя копіи, сдѣланныя Китайцами. Эти гравюры обыкновенно привозятся въ Китай морскими офицерами, которые промѣниваютъ ихъ на китайскіе рисунки. Надобно удивляться вѣрности и изяществу, съ какими сдѣланы эти копіи. Колоритъ ихъ живъ и правиленъ, и заслуживаетъ особеннаго вниманія. Удачное сочетаніе цвѣтовъ показываетъ истинный талантъ въ китайскихъ художникахъ. Также встрѣчаются оригинальныя ихъ картины, изображающія корабли, лодки, деревни и пейзажи, но которыя по большей части очень неудачны и смѣшны.

Въ мастерской разставлены длинныя столы, и между ними оставлено ровно столько пространства, сколько нужно, чтобъ проходить художникамъ. Впрочемъ эти китайскіе художники ни сколько не обижаются, если кто и изъ иностранцевъ любопытствуетъ посмотрѣть на ихъ занятія. Напротивъ они спокойно продолжаютъ свою работу и при лишнихъ свидѣтеляхъ, и даже готовы отвѣчать на все вопросы. Судя потому, какъ нужно мало вниманія къ этой работѣ, не вдругъ поймешь и узнаешь все способы, которые употребляются къ выполненію этихъ прекрасныхъ рисунковъ на рисовой бумагѣ, столько цѣнныхъ теперь въ Европѣ.

Смотря на этихъ людей, сидящихъ передъ столами на маленькихъ табуретахъ, невольно приходишь въ изумленіе, видя порядокъ, опрятность и вкусъ, съ которыми производится всякая небольшая операція, необходимая для ихъ искусства.

Рисунки, которые они выполняютъ, нельзя назвать вполне скопированными, да также нельзя назвать и оригинальными. Главнѣйшее зависитъ отъ механической работы. Сначала они выбираютъ листъ рисовой бумаги, на которой находится какъ можно меньше пятенъ и дыръ. Каждый беретъ листъ величину, сообразно цѣнѣ, за которую намѣренъ продать будущую картину.

Что жъ касается до недостатковъ на бумагѣ, то художники сами чрезвычайно искусно умѣютъ исправлять ихъ.

Когда бумага приготовлена, они покрываютъ ее слегка разведенными въ водѣ квасцами и повторяютъ это разъ восемь въ продолженіе времени, пока картина рисуется. Этотъ растворъ изъ квасцовъ дѣлаетъ бумагу способною принимать краски и препятствуетъ ей протекать.

Потомъ начинаютъ дѣлать чертежъ, который можно назвать почти механической работой, потому что его дѣлаютъ по оригиналу. У китайскихъ живописцевъ есть книги, въ которыхъ находятся разнаго рода эскизы, начерченные, а иногда и раскрашенные, которые изображаютъ людей, звѣрей, деревья, растенія, скалы и зданія въ разныхъ видахъ и разной величины для того, чтобъ могли быть употребляемы въ разныхъ мѣстахъ картины по требованію перспективы. Эти различные предметы, изображенные въ книгѣ, служатъ художникамъ оригиналами для составленія цѣлой картины. Чтобъ составить пейзажъ, они скопировываютъ изъ своихъ книгъ горы, выбираютъ деревья, которые находятъ приличными, потомъ присовокупляютъ человѣческія фигуры, звѣрей, и такимъ образомъ составляютъ цѣлыя, довольно разнообразныя картины, располагая различнымъ образомъ одни и тѣ же предметы. Поэтому китайскія картины сходятся между собой, если взять каждый предметъ отдѣльно, но въ цѣломъ вы найдете разнообразіе.

Краски приготовлены уже прежде, и ихъ употребляютъ при рисованіи такъ же какъ масляныя, т. е. прокладывая прежде грунтъ. Краски растираютъ на фарфоровыхъ блюдахъ, смачивая ихъ водою; но чтобъ онѣ лучше приставали къ бумагѣ, въ нихъ прибавляютъ квасцовъ и клею. Клей долженъ быть теплымъ и всегда находится подъ руками художниковъ. Для этого у нихъ есть маленькій желѣзный треножникъ; въ него вставляется небольшой сосудъ, въ которомъ варится клей. Чтобъ поддерживать нужную въ клѣю теплоту, китайскій художникъ разжигаетъ отъ времени до времени кусочикъ угля, который кладется подъ сосудъ.

Принимаясь за раскрашиваніе картины, художникъ отдѣлываетъ прежде драпировку и второстепенные предметы. Но когда доходитъ дѣло до лицъ, то онъ прокладываетъ тѣни на другой сторонѣ бумаги, чтобъ такимъ образомъ дать прозрачность колориту. Для этой работы, художникъ не имѣетъ пужды подражать оригиналу, потому что колоритъ картины зависитъ совершенно отъ его искусства и вкуса. Опытные художники вовсе не копируютъ, когда уже у нихъ проложенъ контуръ. Кисти,

которыми они рисуютъ, такія же, какія они употребляютъ для письма, только онѣ дѣлаются тонше и вставляются въ палочку изъ бамбуковаго дерева или камыша. Для вѣжности колорита, Китайцы употребляютъ при рисованіи двѣ кисти, изъ которыхъ одна всегда намочена водою и служитъ для смягченія проложенныхъ красокъ.

Главный недостатокъ китайской живописи состоитъ въ томъ, что Китайцы совершенно не понимаютъ дѣйствія освѣщенія и тѣней. У нихъ основная идея изображать предметы такими, какъ они существуютъ въ натурѣ, а не такими какъ они кажутся. Но несправедливо обвиняютъ китайскихъ художниковъ въ несоблюденіи перспективы въ ихъ картинахъ. Это мнѣніе совершенно опровергается рисовальная школа, изданная въ 1681 году, которая до-сихъ-поръ служитъ оригиналомъ для китайскихъ художниковъ. Она состоитъ изъ пяти тетрадей, въ которыхъ изображены всевозможные рисунки, люди въ разныхъ положеніяхъ, иногда цѣлыя группы, звѣри, птицы, зданія, деревья, горы, каскады, камни и пр. Въ тетради, въ которой изображены люди, звѣри, деревья и дома, все эти предметы представлены уменьшающимися по мѣрѣ удаленія ихъ отъ перваго плана. Художнику остается выбрать фигуру приличной величины для помѣщенія на извѣстной точкѣ картины. Наука не входитъ въ эту часть рисованія; по чувству перспективы, разматриваемое какъ искусство, можно найти у Китайцевъ въ той же степени, какъ въ работахъ многихъ знаменитыхъ учителей древнихъ нѣмецкихъ и итальянскихъ школъ до шестнадцатаго вѣка.

Одно остается неразгаданнымъ: отчего Китайцы не видятъ на предметахъ тѣней. Правда, что во всѣхъ странахъ, гдѣ только появлялось искусство живописи, первая метода была рисовать безъ оттѣнковъ. Но удивительно, что у Китайцевъ это искусство переходитъ изъ вѣка въ вѣкъ и все остается, въ этомъ отношеніи, неизмѣннымъ.

Но какъ бы то ни было, когда разматриваешь модели, особенно тѣ, которыя изображаютъ физическую природу, то ясно видишь, что въ 1681 году были въ Китаѣ художники, которые показали ученость и талантъ, какихъ не встрѣтишь въ той же степени въ нынѣшнихъ сочиненіяхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что если дѣйствительно Ламкуа одинъ изъ самыхъ искусныхъ нынѣшнихъ китайскихъ художниковъ, то надобно заключить, что искусство въ этой землѣ упало съ 1681 года.

О СПОСОБѢ ПРИГОТОВЛЕНІЯ РОКФОРСКАГО СЫРА. Въ Руергѣ, въ трехъ миляхъ отъ города Сентъ-Африкъ, (во Франціи) нахо-

дится посреди высокихъ горъ маленькая деревня, имя которой часто произносится за обѣденными столами. Мы говоримъ о Рокфорѣ, селеніи, состоящемъ изъ сотни домовъ, которое обязано своею европейскою извѣстностію прекраснымъ произведеніямъ своихъ пещеръ, то-есть своимъ сыромъ.

Г. Гожаль, въ своемъ ученомъ сочиненіи объ Руергѣ, думаетъ, что селеніе Рокфоръ построено около 1070 года, въ царствованіе Филиппа I. Однакожь можно предполагать, что и прежде того жители страны приобрѣтали уже выгоды отъ своихъ пещеръ.

Рокфорскія пещеры находятся подъ гигантскими скалами. Онѣ имѣютъ много отдѣленій и состоятъ изъ пяти этажей; одні натуральныя (числомъ двадцать три) другія—искусственныя (числомъ одиннадцать).

Температура различная въ каждой пещерѣ, что различно дѣйствуетъ на сыръ. Въ однихъ зрѣлость сыра достигается скорѣе; но чтобы онъ достигъ степени желаемого совершенства, нужно ему оставаться попеременно въ каждой изъ этихъ пещеръ, извѣстное время.

Рокфорскій сыръ дѣлается изъ овечьего молока; послѣ того, какъ подоятъ, молоко процеживаютъ сквозь холстъ и даютъ ему скиснуться при температурѣ отъ 20 до 25 градусовъ Реомюра. Кислое молоко густѣетъ; его сильно трясутъ полчаса. Сыворотка образуется и падаетъ на дно котла, откуда ее выливаютъ. Тогда кладутъ скисшее молоко въ формы, гдѣ оно остается около десяти часовъ. Когда сыръ достигнетъ нѣкоторой твердости, его вынимаютъ изъ формъ; потомъ оставляютъ его на одинъ день завернутымъ въ тряпки; наконецъ кладутъ куски сыра въ пещеры, по три въ рядъ, и солятъ съ одной стороны. Когда соль проникла въ сыры, ихъ переворачиваютъ и солятъ съ другой стороны. Восемь дней спустя, снимаютъ первый слой сыровъ и кладутъ на бокъ, одинъ кусокъ отъ другаго въ разстояніи десяти центиметровъ. Сыры покрываются тогда бѣлою плѣсенью. Каждая двѣ недѣли съ нихъ соскребаютъ ее, и вскорѣ сыры получаютъ свой настоящій цвѣтъ. Также поступаютъ и съ прочими слоями сыровъ.

Очень любопытна въ Рокфорѣ пещера, называемая Гротомъ Фей. Этотъ гротъ имѣетъ 1800 метровъ въ глубину и отличается множествомъ сталактитовъ. Очень опасно входить въ него безъ провожатаго, потому-что легко заблудиться въ развѣтвленіяхъ пещеры или упасть въ одну изъ глубокихъ трещинъ, которая тамъ на каждомъ шагу встрѣчаются.

СБОРЪ И ПРИГОТОВЛЕНІЕ ЧАЙНЫХЪ ЛИСТЬЕВЪ. Отечество чайнаго деревца есть Китай, и, какъ извѣстно изъ недавнихъ открытіи, Ассамъ. Въ дикомъ состояніи чайное деревцо достигаетъ отъ 3-хъ до 4-хъ сажень высоты; произрастающее же въ питомникахъ, бываетъ величиною съ небольшимъ въ сажень. Вѣтви его, обыкновенно прямыя, въ молодости покрыты корою бурога цвѣта, которая впоследствии принимаетъ сѣрый оттѣнокъ. Листья чайнаго деревца имѣютъ фигуру вытянутого овала съ острою вершиной и съ зазубренными краями; въ углахъ этихъ листьевъ вырастаетъ по два или по три бѣлыхъ цвѣтка, которые съ виду похожи на цвѣтки мирта, только нѣсколько покрупнѣе.

Прежде думали, что различные сорта чая доставляются различными породами чайнаго дерева, но такое мнѣніе ошибочно, какъ это видно изъ сочиненій англійскаго ботаника г. Форчуна (Fortune), три года путешествовавшаго по Китаю. «Я часто имѣлъ случай, говорить онъ, посѣщать большія плантаціи чернаго и зеленаго чая, которыхъ особенно много въ областяхъ Кантонской, Фокіенской и Ше-кианьской, и удостовѣрился, что различные сорта чаевъ составляютъ произведеніе не только одной и той же породы, но даже одного и того же вида чайнаго растенія, именно того, который называется *thea viridis*.»

Кромѣ Китая, гдѣ настой изъ листьевъ чайнаго деревца уже болѣе тысячи лѣтъ составляетъ національный напитокъ жителей, чайное деревцо разводится въ Корей и Японіи. Очень недавно сдѣланы значительныя плантаціи чайныхъ деревьевъ въ Цейлонѣ и Явѣ; они особенно удались на послѣднемъ изъ этихъ острововъ. Не такъ успѣшно было разведеніе ихъ въ Бразиліи, около Рио-де-Жанейро, на мысѣ Доброй Надежды и на островѣ Св. Елены. Въ Ассамѣ (въ Восточной Индіи), нѣсколько лѣтъ тому назадъ, открыты лѣски дико растущихъ чайныхъ деревьевъ, и такъ какъ туземцы уже нѣсколько знакомы съ уходомъ за этимъ растеніемъ, то можно надѣяться, что чайная промышленность въ скоромъ времени получитъ здѣсь значительное развитіе.

Въ торговлѣ, какъ извѣстно, встрѣчаются весьма многіе отличія чая; эти отличія зависятъ преимущественно отъ времени сбора и способа приготовленія чайныхъ листьевъ. Вотъ, что говоритъ объ этомъ предметѣ Форчунъ. «Въ окрестностяхъ Ше-киана, и вокругъ Нянъ-По, первый сборъ листьевъ производятъ обыкновенно въ половинѣ апрѣля. Въ это время собираютъ молодыя почки, едва начинающія раскрываться; онѣ доставляютъ чай очень тонкій и нѣжный, чрезвычайно дорого цѣнимый Китайцами. Его посылаютъ только въ подарокъ искреннимъ друзьямъ, и почти никогда не продаютъ, а оттого онъ рѣ-

докъ и дорогъ. Притомъ и собираютъ его въ небольшомъ количествѣ, потому-что снятіе листьевъ, въ такое раннее время года, чрезвычайно вредно для растений. Впрочемъ обильные дожди, бывающіе обыкновенно въ эту пору, отчасти вознаграждаютъ вредъ, причиненный плантаціямъ, и если деревья молоды и крѣпки, то на нихъ скоро появляется новый листъ. Недѣля черезъ двѣ или три послѣ перваго сбора, т. е. въ первой половинѣ мая деревья снова покрываются листьями, и тогда начинается вторичный сборъ, во всемъ году самый важный. Листья этого втораго сбора и доставляютъ тѣ сорта чая, которые у насъ называются *цвѣточными*. Въ составъ этихъ чаевъ входитъ много молоденькихъ листьевъ, которые покрыты пѣжными бѣлыми волосками, какъ бы пушкомъ. Чѣмъ болѣе этихъ молодыхъ листочковъ, тѣмъ чай цвѣтнетъ и цѣнится выше. Если посмотрѣть на налитой въ стаканъ цвѣточный чай противъ свѣта, то можно легко замѣтить, что отдѣлившіеся отъ молодыхъ листочковъ волоски плаваютъ въ немъ. Съ листьевъ совершенно разившихся, волоски сами собой опадаютъ; листья дѣлаются тогда совершенно гладкими, и идутъ вѣроятно на приготовленіе чернаго чая.

«Послѣдній сборъ, производимый уже долго спустя, когда чайныя растенія снова и вполне покроются совершенно-разившимися листьями, составляетъ чай послѣдняго разбора, почти никогда не поступающій въ продажу, но обыкновенно потребляемый самими жителями.

«Сборъ и приготовленіе чайныхъ листьевъ производится очень просто. Собираютъ листья всегда въ ведреные дни, и укладываютъ ихъ въ круглыя плетенки изъ бамбука. Въ началѣ мая, въ эпоху главнаго сбора, молодые почки бываютъ величиною почти въ горошину; ихъ срываютъ также и высушиваютъ вмѣстѣ съ развернувшимися листьями. По окончаніи сбора, листъ относятъ домой для сушенія и приготовленія. Для этой цѣли у каждаго поселеннаго устроена печь изъ кирпичей или глины; печь эта вышнюю бываетъ въ человѣческой ростъ и снабжена нѣсколькими полусферическими чугунными сосудами, которые весьма не глубоки. Въ печи разводятъ яркій огонь, стараются поддерживать его въ одинакой силѣ. Когда чугунные сосуды начнутъ разгорячаться, то въ нихъ сыпаютъ чайные листья, и мѣшаютъ ихъ безпрестанно для того, чтобъ они не пригорѣли. Это дѣлается съ тою цѣлю, чтобы какъ можно скорѣе удалить водянистыя частицы, заключающіяся въ листьяхъ, не лишивъ ихъ свойственнаго имъ аромата. Листья отъ дѣйствія жара тотчасъ начинаютъ съезживаться, свертываться и освобождаться отъ

содержащейся въ нихъ влаги, которая, при сильномъ жарѣ, слетаетъ въ видѣ пара. Дѣйствіе это продолжается не болѣе четырехъ или пяти минутъ, по истеченіи которыхъ листья перестаютъ съезживаться и дѣлаются мягки и гибки; тогда ихъ снимаютъ съ огня и высыпаютъ на столы, сдѣланные изъ бамбуковыхъ тростей. Три или четыре человѣка занимается укачиваніемъ листьевъ, изъ которыхъ выжимаютъ такимъ образомъ зеленоватый сокъ, стекающій по каплямъ между бамбуковыми тростями. Эту операцію повторяютъ раза два или три, но во всякомъ случаѣ она должна совершиться не болѣе какъ въ пять или шесть минутъ. Послѣ того листья утрачиваютъ по-крайней-мѣрѣ три четверти своего объема.

«Для окончательной просушки листья выставляютъ на воздухъ, и выбираютъ для того пасмурные, но не дождливые дни; потомъ снова растапливаютъ печь и вторично сыпаютъ ихъ въ чугунные сосуды, и держатъ на огнѣ до тѣхъ поръ, пока жаръ не сдѣлается для работника нестерпимымъ. Китайцы вовсе не имѣютъ понятія о термометрахъ, и только по навыку узнаютъ степень жара, потребную для сушенія чайнаго листа. Очень часто, на разныхъ фермахъ, гдѣ мнѣ случалось быть съ часами въ рукахъ, я замѣчалъ, сколько времени Китайцы употребляютъ на эту операцію, и всегда находилъ, что во второй разъ листья остаются на огнѣ около часу, послѣ чего ихъ вынимаютъ совершенно сухими и совсѣмъ готовыми къ укладкѣ въ цибки.

«Такимъ образомъ изготовляли при мнѣ зеленый чай; но я видѣлъ также въ области Фокіенской приготовленіе и чернаго чая, и убѣдился собственными глазами, что не только оба сорта чая, и черный и зеленый, доставляются однимъ и тѣмъ же растеніемъ, но даже и способы приготовленія того и другаго чая почти ничѣмъ не разнятся между собою. Листья для чернаго чая собираютъ, нагрѣваютъ въ первый разъ, катаютъ и выставляютъ на воздухъ точно такъ же, какъ и для зеленого; только ихъ оставляютъ на воздухѣ гораздо дольше. большею частию два или три дня, и вѣроятно отъ этого-то они и выходятъ гораздо темнѣе. Притомъ, не надобно забывать, что зеленому чаю сообщаютъ его цвѣтъ, большею частию, посторонними веществами, которые вмѣстѣ съ листомъ кладутъ въ чугунные сосуды. Почти всегда, для достиженія этой цѣли, употребляютъ берлинскую лазурь, гипсъ и разныя другія вещества, способныя придавать чаю видъ, который нравится *иностраннымъ варварамъ*, какъ выражаются Китайцы.

«Листья, назначаемые для черного чая, оставляют на воздухе довольно долго, и потом, подобно листьям, из которых дѣлается зеленый чай, подвергают вторичному нагрѣванію въ печи, но только держать на огнѣ гораздо долѣе, и притомъ огонь разводятъ сильнѣе; напоследокъ ихъ также складываютъ въ цибикъ, и отправляютъ на продажу. Сверхъ того, я узналъ навѣрное, что зеленый чай, употребляемый самими Китаичами, никогда не имѣетъ того яркаго цвѣта, какимъ отличается продажный. Не лишнимъ будетъ замѣтить въ заключеніе, что Китаичи разводятъ очень много разныхъ цвѣтовъ, болѣе или менѣе ароматическихъ, единственно для того, чтобы подмѣшивать ихъ къ чаю. Изъ этихъ цвѣтовъ мнѣ извѣстны *olea fragrans, chloanthus inconspicuus, aglaia odorata*, и другія.»

ОБРАЗЕЦЪ МУЖЕЙ. Настоящій мужъ, говоритъ англійская газета *Punch*, прогуливается ежедневно съ своею дражайшею половиной, и проходить съ какою-то самоувѣренностью, и безъ всякаго опасенія и страха, мимо модныхъ лавокъ и магазиновъ. Кошелекъ находится всегда при немъ и не забывается никогда дома. Онъ не считаетъ для себя униженіемъ, въ критическихъ случаяхъ, нести узелокъ или валопи жены, и соглашается безпрекословно, при поѣздкахъ въ публичныхъ каретахъ, держать на рукахъ ребенка; а если въ каретѣ только одно свободное мѣсто, онъ садится на имперіалъ или занимаетъ мѣсто подлѣ кучера, оставивъ жену свою въ сообществѣ молодыхъ девицъ и львовъ. При приближеніи къ дому, онъ бѣжитъ впередъ и открываетъ дверь; если же, во время прогулки, на дорогѣ, застаетъ ихъ дождь, то онъ оставляетъ свою жену въ ближайшемъ магазинѣ, а самъ бѣгомъ пускается догонять извозчика, и, промокнувши до костей, бываетъ очень счастливъ, когда ему удастся нанять экипажъ, въ которомъ жена его можетъ укрыться отъ непогоды. Въ награду за свое усердіе, онъ, по предложенію жены, платитъ за выбраннаго ею матерію, которая она, въ это время успѣваетъ пересмотрѣть въ модномъ магазинѣ.

За столомъ онъ доволенъ рѣшительно всѣмъ, что ему ни подадутъ, и не смотря на то, что многія блюда не приходится по его вкусу, онъ прищелкиваетъ языкомъ, и съ самодовольствомъ потираетъ себѣ руки. Онъ вѣрнитъ слабымъ перламъ жены, и умиляется каждою ея слезою. Если жена находится въ худомъ расположеніи духа, то онъ старается умилостивить ее новымъ платьемъ или подаркомъ; если она скучаетъ, то онъ предлагаетъ ей ѣхать на гулянье или за городъ. Онъ платитъ ей карточный проигрышъ, и отдаетъ ей все то, что самъ выиг-

рываетъ. Дома онъ никогда не куритъ табаку, изъ опасенія, чтобъ оконные занавѣсы не почернѣли; это удовольствіе онъ позволяетъ себѣ только въ другихъ мѣстахъ. За столомъ онъ разрѣзываетъ жаркое, и лучшіе куски отдаетъ женѣ, оставляя для себя посредственные. Онъ ни за что въ свѣтѣ не разъяснитъ хронологическаго мрака, относительно возраста своей половицы. Въ лѣтнее время, онъ занимаетъ дачу, а самъ остается съ понедѣльника до субботы въ городѣ. Онъ всегда съ готовностію платитъ расходы по хозяйству, ежегодно празднуетъ день своей свадьбы, не жалуется никогда, если ему и приходится долго ждать обѣда, и на балъ отпускаетъ жену одну, если желаетъ оставаться дома. Онъ исполняетъ всѣ малѣйшія ея желанія и притомъ, живетъ и дышетъ для нея одной, и плачетъ какъ ребенокъ при ея смерти.

МИНИСТРЪ ПО ОШИБКѢ. Многіе удивлялись, что при послѣднихъ происшествіяхъ въ Парижѣ, въ члены временнаго правленія попалъ также незначительный адвокатъ Кремье. Вотъ что дало поводъ къ такому выбору:

Во время бурнаго засѣданія палаты, 24-го февраля, Ламартинъ, записавъ карандашемъ на клочкѣ бумаги имена депутатовъ, которые должны были составить временное правительство, три раза принимался читать ихъ собранію, но тщетно. Шумъ былъ такъ великъ, что голосъ его оставался неслышнымъ и, не смотря на звонокъ президента и на воззваніе къ порядку, волненіе все еще не утихло. Тогда вспомнили, что изъ числа присутствовавшихъ въ палатѣ, обладалъ самымъ обширнымъ голосомъ Кремье, и что многіе депутаты носили при себѣ съ намереніемъ хлопчатую бумагу для обезпеченія себя въ томъ случаѣ, когда онъ говорилъ рѣчь; и потому обратились къ нему съ просьбою прочесть эти имена, что, по общему признанію, онъ одинъ въ состояніи былъ исполнить. Кремье не заставилъ себя долго просить и своимъ голосомъ покрывъ совершенно шумъ собранія. Наконецъ, дойдя до мѣста, гдѣ написано было имя Корменина, онъ сдѣлалъ видъ, что не можетъ разобрать написаннаго и вдругъ, къ удивленію и ужасу тѣхъ, которые составляли списокъ, объявилъ свое собственное имя. Изъ галлерей раздались въ это время оглушительныя рукоплесканія, такъ что никто не въ состояніи уже былъ поправить ошибки и улучшить Кремье въ присвоеніи себѣ званія министра, для него вовсе не назначеннаго.

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ТРЕБОВАНИЕ. Основаніе разныхъ клубовъ въ Парижѣ и неумѣренныя требованія ремесленниковъ и рабочаго класса, дали поводъ актеру Вальеру, въ Лейпцигѣ, сказать, что и курицы собрались недавно на совѣщаніе и рѣшили по огромному большинству голосовъ, что онѣ уже болѣе не въ состояніи снести дождню яицъ за четыре зильбергрошена, а что на будущее время они требуютъ за дождню, по крайней мѣрѣ, шесть зильбергрошеновъ.

ПОПУГАЙ АНГЛІЙСКОЙ КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ. Недавно щедрость королевы Викторіи была испытана превосходнымъ попугаемъ, привезеннымъ изъ Бристоля по желѣзной дорогѣ. Хозяинъ Поля (себѣ попугай въ Англіи называется Полями), замѣтивъ въ этомъ чрезвычайно красивомъ попугаѣ особенную способность говорить, училъ его въ намѣреніи представить Ея Величеству. Наконецъ, довольный успѣхами своего воспитанника, онъ отправилъ его, въ дорогой клеткѣ, во дворецъ. Его окружили дамы и фрейлины королевы. Поля, ослѣпленный столичнымъ блескомъ, казался, совсѣмъ потерялъ свои способности и память. Наконецъ пришла сама королева, сдѣлала ему нѣсколько вопросовъ; но Поля молчалъ, какъ рыба. Потерявъ всю надежду услышать какое-нибудь слово отъ попугая, королева отвернулась и хотѣла уйти; вдругъ въ эту минуту, Поля произнесъ совершенно внятно и чистымъ англійскимъ нарѣчіемъ: *If you don't send twenty pounds, I'll go back:—Если вы не пошлете двадцати фунтовъ стерлинговъ, я возвращусь домой.* Это очень раздѣлило королеву, она велѣла узнать имя хозяина попугая и выдать ему назначенную попугаемъ цѣну (около 150 руб. сер.) Поля до-сихъ-поръ одна изъ любимыхъ птицъ королевы изъ всего ея птичника.

УДИВИТЕЛЬНОЕ ЯВЛЕНІЕ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. Феноменъ, до-сихъ-поръ ни чѣмъ не объясненный, недавно повторился надъ Ниагарскимъ водопадомъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ вода въ рѣкѣ понизилась въ своемъ ложѣ на три фута.

Ниагарскіе водопады, описываетъ очевидецъ, 30 марта походила на простыя плотины мельницы. Никто не запомнитъ, чтобы вода когда нибудь была такъ низка, и сотни любовитныхъ прибѣжали посмотреть на это небывалое зрѣлище. Наканунѣ, въ одиннадцать часовъ вечера, на всѣхъ заводахъ машины, двигаемыя этими водами, еще дѣйствовали; но къ полуночи всѣ колеса остановились. Вода катилась съ чрезвычайною медленностію. Кажется, что во время урагановъ, когда въ большихъ озерахъ бываетъ

противное теченіе, величина водопадовъ уменьшается, но не въ такомъ размѣрѣ. Впрочемъ время года и состояніе атмосферы не позволяютъ въ настоящемъ случаѣ приписать этого явленія подобной причинѣ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ПРОСИТЕЛЬ. Одинъ добрый отецъ, желая опредѣлить на службу своего сына, обратился, по этому случаю, съ просьбою къ французскому морскому министру, которому онъ оказалъ когда-то личные услуги.

— Ваше превосходительство, я пришелъ къ вамъ съ просьбою помѣстить на какую-нибудь вакансію моего сына.

— Въ настоящую минуту у насъ только одна, не занятая должность: капитана корабля, отвѣчалъ министръ.

— Все равно! Ну а сколько жалованья?

— Шесть тысячъ франковъ.

— Я на это согласенъ.

— Да способенъ ли сынъ вашъ къ исполненію этой должности?

— О! сынъ мой ко всему способенъ: теперь онъ зубнымъ врачомъ въ городѣ Мо.

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ ТУНМАНА. — Жизнь и труды Тунмана у насъ мало извѣстны, хотя этотъ ученый XVIII вѣка оказалъ значительныя услуги Исторіи, въ особенности нашей Русской, въ древнѣйшемъ ея періодѣ.

Іоаннъ Эрикъ Тунманъ родился 23 августа 1743 года, въ Торезундѣ, въ шведской провинціи Зюдерманландіи. Отецъ его былъ тамъ проповѣдникомъ, доходы имѣлъ очень незначительные, а семейство его между тѣмъ все болѣе и болѣе увеличивалось; при средствахъ очень скудныхъ, ему не возможно было дать своимъ дѣтямъ даже и посредственное воспитаніе. Къ совершенно несчастія, смерть похитила его въ то самое время, когда старшему сыну, Іоанну Эрику, едва минуло 11 лѣтъ. Малолѣтний сирота долженъ былъ прибѣгнуть къ тѣмъ средствамъ, какими обыкновенно пользуются въ такомъ случаѣ у Шведовъ: приходъ назначаетъ сиротамъ денежное пособіе, которое впрочемъ они должны сами выпрашивать въ каждомъ домѣ. Такой обычай принуждалъ молодого Тунмана, часто въ жестокую зиму, ходить пѣшкомъ по нѣсколькимъ дней сряду, и искать приюта и отдохновенія въ бѣдныхъ крестьянскихъ хижинахъ. При подобныхъ обстоятельствахъ, ему надо было ограничиваться обыкновеннымъ школьнымъ ученіемъ. Такія занятія, при его прилежаніи и отличныхъ способностяхъ, скоро

сдѣлались недостаточными. Время, свободное отъ Букваря и Грамматикъ, которыми обременяли память юноши, онъ посвящалъ чтенію историческихъ сочиненій, хроникъ, сказокъ и рыцарскихъ повѣстей, и они тѣмъ болѣе восхищали Тунмана, чѣмъ сильнѣе распаляли его воображеніе, возбуждали ужасъ и изумленіе. Говоря объ нихъ, Іоаннъ Эрикъ часто вспоминалъ о какомъ-то стихотворномъ «Историческомъ Зеркалѣ», котораго жалкіе стихи и тогда уже возбуждали въ немъ какое-то отвращеніе.

Въ это время къ матери Тунмана прѣхалъ ся двоюродный братъ, бывшій тогда шведскимъ консуломъ въ Смирнѣ. Разсказы его о жителяхъ, нравахъ, обычаяхъ и естественныхъ произведеніяхъ Греціи и Малой Азіи, произвели сильное впечатлѣніе на живое воображеніе молодого племянника. Онъ съ глубокимъ вниманіемъ просиживалъ долгіе зимніе вечера у ногъ дяди, и не терялъ ни одного слова изъ очаровательныхъ разсказовъ о странахъ отдаленныхъ, о которыхъ ему приходилось въ первый разъ слышать. Любознательность, страсть къ наукѣ и скромность юноши обратили на него вниманіе дяди, и тотъ рѣшился взять Эрика въ Левантъ, своимъ повѣреннымъ, въ качествѣ секретаря. Сказавъ объ этомъ Тунману, онъ посоветовалъ ему заняться прилежно Арабскимъ языкомъ. Іоаннъ Эрикъ ревностно принялся изучать Арабскій языкъ; но предположенія не осуществились: консулъ изъ Смирны переведенъ былъ въ Кадиксъ, а молодому Тунману осталась одна только выгода—знаніемъ новаго языка болѣе приспособить себя для историческихъ изысканій.

Вскорѣ послѣ того перешелъ онъ въ Стрегнесскую гимназію. Тамъ оказалъ онъ значительные успѣхи въ Латинскомъ и Греческомъ языкахъ, особенно же въ Исторіи. Кромѣ обыкновенныхъ учителей, съ нимъ постоянно занимался самъ директоръ гимназіи Баркманнъ; этотъ добрый человѣкъ, съ помощію Стрегнесской консисторіи, помогъ юношѣ поступить въ Упсальскій университетъ, гдѣ Тунманъ занимался очень успѣшно, а въ свободное время отъ занятій—давалъ за незначительную плату уроки, и получаемыя деньги посылалъ къ матери на содержаніе семейства. Проводя большую часть времени въ Упсальской бібліотекѣ, онъ дѣятельно изучалъ Богословіе и произведенія греческихъ писателей; но, не владея вполне греческимъ языкомъ, онъ долженъ былъ съ помощію лексикона переводить съ греческаго языка на латинскій. Такимъ образомъ переведены имъ были творенія Эврипида. Съ такимъ же неутомимымъ

прилежаніемъ онъ принялся и за новѣйшіе языки, и трудами своими достигъ скорѣй того совершенства, съ которымъ впоследствии говорилъ и писалъ по французски; между его бумагами найдены алфавитные, историческіе ресетры итальянскихъ и англійскихъ писателей, съ извлеченіями образцовыхъ мѣстъ изъ ихъ произведеній, и съ переводомъ ихъ на шведскій языкъ. Въ это же время онъ трудился надъ *Готскою исторіею Гуго Гроція*, которую хотѣлъ перевести и исправить.

Неизвѣстно когда и въ слѣдствіе какой причины Тунманъ переѣхалъ изъ Швеціи въ Германію. Тамъ въ одной Мекленбургской деревнѣ онъ поселился у помѣщика домашнимъ учителемъ; свободное же отъ занятій время посвящалъ перечтыванью Данте, Петрарки и другихъ писателей. Первое сочиненіе, доставившее Тунману извѣстность, было *О происхожденіи Биллунговъ* (de origine Billungorum), за которое онъ получилъ степень магистра въ Грейфсвальдѣ 1769 года. Онъ тогда уже имѣлъ намѣреніе посвятить себя академическому преподаванію и подружился съ профессоромъ Мѣллеромъ. Потомъ Іоаннъ Эрикъ перешелъ въ Суковъ и принялъ тамъ на себя обязанность наблюдать за воспитаніемъ сына помѣщика Арнима; пребываніе свое въ этомъ прекрасномъ семействѣ, почиталъ онъ всегда самымъ счастливымъ временемъ въ своей жизни. Наконецъ, въ 1772 году ученый *Зедлицъ* пригласилъ Тунмана въ Галльскій университетъ, куда онъ и поступилъ на мѣсто Кютца профессоромъ краснорѣчія и философіи.

Въ 1774 году, на 27-мъ году отъ рожденія, Іоаннъ Эрикъ рѣшился выступать на скользкое историческое поприще, и издалъ свои *Историческія изысканія о народахъ Восточной Европы, какъ то: Болгарахъ, Козарахъ, Венграхъ, Володахъ, Албанцахъ и др.* Сверхъ того онъ написалъ: *Объ исторіи послѣднихъ лѣтъ жизни Сирійскаго Царевича Антиоха Гиракса, и его смерти, О северномъ стихотворствѣ, Объ открытіи Америки Норманнами, Извѣстія о жизни Сенеки.*

Если темные, неизвѣстные періоды Исторіи восточной Европы теперь начинаютъ объясняться, то честь первыхъ открытій принадлежитъ трудолюбію и учености Тунмана. Преодолювая трудности, встрѣчающіяся изыскателю почти на каждомъ шагѣ въ мрачной области до-историческаго періода, очень легко и ошибиться, хотя очень не легко сознаться въ своей ошибкѣ. Но Тунманъ благородно сознался въ неудачѣ многихъ своихъ предположеній: высшая степень достовѣрности, по его мнѣнію, легко уничтожается чрезъ случайное открытіе какого либо признака, незамѣченнаго прежде внимательнымъ наблюдателемъ. Потому-то,

справедливо замѣчаютъ биографы Тунмана, «онъ всегда былъ готовъ учиться отъ другихъ, и при новомъ открытіи, перемѣнить свое мнѣніе. Въ семъ преимуществѣ надъ собою не отказалъ онъ и тѣмъ, которые неслишкомъ великодушно поступали. Онъ умѣлъ цѣнить самъ себя и чувствовалъ, что благородно и малодушно ученому человѣку не признавать ошибокъ въ своихъ сочиненіяхъ; онъ чувствовалъ, что человѣку, впадшему въ заблужденіе, остаются заслуги: ему не должно бояться обличенія.— Доказательства столь искренняго желанія научиться, свѣтъ узналъ бы отъ самаго Тунманна, если бы онъ жилъ долѣе.»

Незадолго до своей кончины Тунманъ печатно объявилъ, что онъ чистосердечно хочетъ показать тѣ случаи, въ которыхъ самъ заблуждался, а тѣ, въ которыхъ былъ справедливъ, подкрѣпить новыми доказательствами. «Я хочу,» писалъ Тунманъ, «показать и исправить въ немъ (т. е. въ общаго сочиненія) дѣйствительныя ошибки, въ моихъ изысканіяхъ: это считаю я долгомъ всякаго честнаго человѣка, потому что заблужденія могутъ принести большой вредъ.» Въ письмѣ къ г-ну Др. Гильденштедту, съ которымъ велъ частую переписку, онъ самъ признавался въ грубой ошибкѣ, что принималъ *Козировъ* и *Сираковъ* за одинъ народъ.

Ведя ученый споръ съ Гильденштедтомъ, недовольнымъ его изысканіями, Тунманъ писалъ: «Я всегда буду цѣнить достоинства, гдѣ ихъ найду. Несправедливость другаго не должна меня доводить до несправедливости: для меня ничего не стоитъ простить ее автору. Могу слѣдять еще болѣе, именно, повторить то, что прежде сказалъ я въ моеи книгѣ: написалъ ли я что либо грубое, того первый самъ не одобряю и прошу о прощеніи, если кто могъ оскорбиться и оскорбился, потому что я никогда не имѣлъ намѣренія обижать. Еще болѣе, моему обвинителю я могу предложить свою дружбу. Часто недостаетъ у меня возможности и случая быть полезнымъ и приятнымъ для друзей моихъ; но никогда къ тому не доставало у меня воли. И такъ моя дружба не заслуживаетъ презрѣнія. Сверхъ того г-нъ сочинитель и я имѣемъ одни общія занятія. Сверхъ какъ и онъ—провелъ долгія сѣверныя ночи надъ сѣвровою исторіею. Но за чѣмъ говорить о самомъ себѣ? Если мои поступки не убѣждаютъ моего противника, то нельзя ожидать этого и отъ словъ моихъ.»

Избѣгая баснословныхъ разсказовъ древности, Тунманъ началъ свои изслѣдованія вопросомъ: когда мы встрѣчаемъ въ исторіи признаки и слѣды, гдѣ находилось первое извѣст-

ное жилище народа? Потому, когда исторіею и знаніемъ языка мы открываемъ, къ какому народу принадлежитъ отдѣльному племени, или изъ какихъ различныхъ племенъ составился, тогда опредѣляется его первобытное жилище и происхожденіе. Средствами къ изысканіямъ служили ему историческіе писатели и языки. Онъ обладалъ обширными свѣдѣніями въ языкахъ нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ, англійскомъ, испанскомъ, не говоря уже о языкахъ латинскомъ, древне и новогреческомъ, извѣстныхъ ему критически въ малѣйшихъ красотахъ и идиотзмахъ, онъ изучилъ языки еврейскій, сирійскій и арабскій, на которомъ читалъ Коранъ, онъ зналъ также хорошо и мертвый сѣверный скандинавскій языкъ.

Заключенія Тунмана объ исторіи и нравахъ народовъ по ихъ языкамъ очень остроумны. Онъ утверждалъ, что народъ отъ того народа научился своимъ искусствамъ, чьею техническою терминологіею пользуется; это распространили потомъ на потребности роскоши, также на первые основныя предметы ея, съ которыми люди переходятъ изъ дикаго состоянія въ образованное; на искусственное приготовленіе грубыхъ съѣстныхъ припасовъ. Такое замѣчаніе подтверждается на самомъ дѣлѣ примѣрами: на англійскомъ языкѣ искусственно приготовляемое мясо животныхъ первоначально называлось по французски, хотя названія самыхъ животныхъ англійскія. Подобное замѣчаніе Тунманъ слѣлалъ, говоря о *Шведахъ* и *Финнахъ*: «Ясный знакъ, что одинъ народъ былъ покоренъ и поработенъ другимъ, — пишетъ онъ, — когда въ языкѣ одного заимствованы изъ другаго слова благородныя, принадлежащія къ низкимъ занятіямъ жизни и обращающіяся въ устахъ черни, низкія названія и все, что образованною частію націи считается за неприличное и постыдное. Примѣръ тому мы видимъ въ языкахъ Шведовъ и Финновъ: Шведскій крестьянинъ кличетъ овцу словомъ *taska-taska*; свинью — *sick-sick*; кошку — *kifs-kifs*, и по Фински овца называется *taco*, свинья *sica*, кошка *kissa* и т. д. *Poicka* и *Pilt* у Шведовъ суть бранныя названія мальчиковъ, а у Финновъ обыкновенныя ихъ названія. Однимъ словомъ: благородныя слова первыхъ заимствованы отъ послѣднихъ; это означаетъ, что Финны поработены были Шведами.»

Объясняя древность юго-восточныхъ народовъ Европы, Тунманъ обратилъ вниманіе и на племя *Комановъ*, которые до его времени скрывались отъ историческихъ изыскателей. Это открытіе сообщилъ онъ свѣту въ разсужденіи, удостоенномъ въ 1774 году лестной награды. Послѣднимъ ученымъ трудомъ

Юанна Эрика было изучение древностей Крыма и его описание в Бюшинговой географіи. Эти изысканія вмѣстѣ съ исторією Черкесовъ, назначалъ онъ для второй части Изслѣдованій исторіи восточныхъ Европейскихъ народовъ. Ранняя смерть прервала полезныя занятія Тунмана.

Его умъ, доброта сердца, готовность помогать всякому, приобрѣли ему множество друзей. Многотрудныя или лучше сказать даже чрезмѣрныя занятія совершенно изнурили Тунмана. У него развилась продолжительная чахотка; она похитила славнаго ученаго 17-го декабря 1778 года, на 33 году отъ рожденія. «Я съ содроганіемъ ушлышалъ о смерти нашего любезнаго и добродѣтельнаго Тунмана,» писалъ Сульцеръ, «хотя уже зналъ, что мало надежды оставалось на долготѣнную его жизнь. Нетолько Галльскій университетъ, но и ученый свѣтъ теряетъ въ немъ превосходнаго человѣка.»

Историческія изслѣдованія Тунмана имѣли сильное вліяніе на ходъ исторической критики въ нашемъ отечествѣ. Энгель и Шлёцеръ трудились по направленію, данному Тунманомъ. Какое жъ было это направленіе?

Не принимая на себя рѣшать столь важный вопросъ, высказываемъ ученаго, сообщившаго *новое*, славянское направленіе изслѣдованію древностей сѣверо-восточной Европы. «Въ кругу своихъ изысканій», — пишетъ покойный Юрій Ивановичъ Венелинъ — «Тунманъ встрѣтился съ изслѣдованіями Венгерцевъ, и сія-то встрѣча дала направленіе его изысканіямъ, параллельное венгерскимъ. Вообще способъ Тунманова изысканія мнѣ не нравятся; надлежало прежде короче знакомиться съ *нынѣшними живыми жителями* восточной Европы, и потомъ преслѣдовать ихъ исторію *обратно въ древность* до тѣхъ поръ, пока можно было; тамъ надлежало остановиться и изыскать, откуда взялись эти народы, и куда дѣвались, какъ исчезли тѣ, которые носились на томъ же пространствѣ до появленія на ономъ сихъ послѣднихъ? Рѣшеніе сихъ вопросовъ повело бы его къ важнымъ и болѣе естественнымъ открытіямъ, противоположнымъ тѣмъ, которыя онъ выводилъ. Онъ началъ съ древнѣйшихъ временъ, съ давно-исчезшихъ народовъ или *ихъ именъ*, о которыхъ не имѣлъ рѣшительнаго понятія, и переходя чрезъ новыя, безпрестанно появляющіяся племена, и потерявъ въ семь лабиринтѣ изъ виду прямую линію, ведущую на нынѣ живущіе народы Востока, принужденъ былъ, для перехода къ новымъ, допустить нестерпимое въ здравой исторіи предположеніе *превращенія изъ народа въ народъ*. Впрочемъ онъ подвизался прежде всѣхъ на семь поприщъ, и потому изысканій его

перваго опыта отнюдь нельзя было принять безусловно за рѣшеніе. — Сей-то опытъ принять былъ въ Германіи со всеобщими рукоплесканіями, и возбудилъ изыскательную дѣятельность и другихъ отличныхъ ученыхъ. Тогда-то Шлёцеръ отъявился въ походъ къ Сѣвернымъ народамъ; сценою его подвиговъ были сѣверная Германія, Скандинавія и Россія; перекичавъ всѣхъ громко и смѣло, онъ сдѣлался оракуломъ своихъ послѣдователей. — Впрочемъ Шлёцеръ вышелъ на сѣверъ ученикомъ Тунмана, и состарѣлся ученикомъ же, то есть, подписавшись подъ главный догматъ Тунманова ученія, вѣрилъ Татаризму народовъ Восточной Европы.» — Энгель, принявшись за исторію Венгрии и другихъ племенъ Восточной Европы, развилъ подробнѣе ученіе Тунмана, тоже съ различными прибавленіями, и способъ Тунmano-Энгелевскаго изысканія привлечь къ себѣ множество послѣдователей. Зная характеръ молодаго Тунмана, можно было надѣяться, что и онъ самъ оставилъ бы свои предположенія; онъ признавался, что готовъ отказаться отъ своихъ мнѣній, если окажутся новыя, сильнѣйшіе доводы; но къ несчастію, смерть похитила его весьма рано.»

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Гораций и Каролина, (Hogace et Caroline), комедія-водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ соч. г. г. Байара и Бьевиля.

Гораций—молодой человѣкъ хорошей фамиліи, получившій блестящее воспитаніе, совершенно разоряется послѣ неожиданной смерти отца своего и подозрѣваетъ, что банкиръ Дюранъ скрылъ капиталъ, порученный ему отцемъ Горация. Подозрѣнія эти совершенно несправедливы, потому-что отецъ его незадолго до смерти проигралъ все свое имѣніе въ ландскнехтѣ. Гораций, не зная объ этомъ происшествіи, распространяетъ вездѣ молву о безчестномъ поступкѣ банкира. Между тѣмъ Дюранъ тоже умираетъ. Дочь его Каролина, узнавъ о клеветѣ, позорящей память ея отца, старается всѣми силами объяснить это дѣло и ищетъ случая сблизиться съ Горациемъ. Для этого она выдаетъ себя за гризетку и вскорѣ дѣйствительно знакомится съ молодымъ человѣкомъ. Знакомство это нисколько не помогаетъ ея видамъ, и единственными послѣдствіемъ его было то, что молодые люди влюбляются другъ въ друга. Каролина узнаетъ, что въ скоромъ времени и остатки имѣнія Горация должны перейти въ руки ростовщиковъ, и посылаетъ ему отъ своего настоящаго имени нѣсколько банковыхъ билетовъ для уплаты долговъ, но молодой человѣкъ не хочетъ быть ничѣмъ обязаннымъ ненавистному для

него семейству, возвращаетъ эти деньги и жертвуетъ своимъ послѣднимъ имуществомъ.

Молодая дѣвушка рѣшается тогда открыть Горацию свое настоящее имя, рассчитывая, что любовь къ дочери пересилитъ въ немъ ненависть къ памяти отца, но она ошибается: Гораций превозмогаетъ свою привязанность и хочетъ навсегда уѣхать изъ Франціи. Каролина, оскорбленная его холодностію, также прощается съ нимъ навсегда.

Дѣла находились въ такомъ положеніи, когда Гораций случайно встрѣчаетъ перваго приказчика, служившаго у Дюрана. Тотъ объясняетъ ему все дѣло и показываетъ старыя счетныя книги. Естественно послѣ этого молодой человѣкъ спѣшитъ къ своей возлюбленной, умоляетъ ее о прощеніи, и пѣса оканчивается совершеннымъ примиреніемъ и свадьбой героевъ.

Комедія эта ведена искусно и имѣла полный и заслуженный успѣхъ.

— *Часть въ Бретани* (une heure en Bretagne), комедія въ одномъ дѣйствіи соч. г. Ламбера.

Дѣйствіе происходитъ въ Ландернау. Морисъ влюбленъ въ Жанну-Марію, богатую дѣвушку, которая тоже любитъ Мориса, но отказываетъ ему въ рукѣ своей потому, что не можетъ принести ему въ даръ неукоризненнаго имени, не зная своего происхожденія. Морисъ въ отчаяніи и хочетъ застрѣлиться. Въ это время является мимоѣздомъ кавалеръ Носаре, экипажъ котораго сломался недалеко отъ Ландернау. Носаре, старый кутило, и едва только узналъ о горѣ Мориса, какъ вызываетъ ему помощь: онъ предлагаетъ молодому человѣку увезти насильно свою возлюбленную. Морисъ въ восторгѣ отъ этого предложенія, и они условливаются съ кавалеромъ о мѣрахъ, которыя должно принять. Объ этомъ замыслѣ узнаетъ одинъ приверженный слуга Жанны-Маріи, и, перерядившись женщиной, вводитъ въ обманъ заговорщиковъ, которые въ темнотѣ похищаютъ его вмѣсто Жанны-Маріи. Разумѣется обманъ не замедлил открыться, и дѣла принимаютъ трагическій оборотъ: Морисъ вѣдъ себя отъ бѣшенства; къ счастью вѣрнаго слуги кавалеръ

Носаре узнаетъ въ Жаннѣ—Маріи свою дочь и отдаетъ Морису ея руку.—Піеса принята съ громкими рукоплесканіями.

Мачиха, (La Marâtre) драма въ пяти дѣйствіяхъ и восьми картинахъ, соч. г. Бальзака.

Это не первый опытъ въ драматическомъ родѣ знаменитаго романиста, но первый, увѣнчанный замѣчательнымъ успѣхомъ. Главная героиня драмы,—*Гертруда*, жена отставнаго генерала Наполеоновскихъ временъ, который, по отреченіи Императора, бросилъ оружіе и сдѣлался фабрикантомъ. Она влюблена страстно, но не въ мужа, а въ молодаго Фердинанда, главнаго управляющаго его фабриками. Фердинандъ ее не любитъ: онъ преданъ всѣмъ сердцемъ милой Полинѣ, дочери генерала отъ перваго брака, и любимъ взаимно. Соперничество этихъ двухъ родственницъ—главная основа драмы. Гертруда имѣетъ противъ Полины сильное оружіе: Фердинандъ сынъ одного изъ приверженцевъ новаго правительства,—препятствіе непреодолимое къ браку его съ Полиною. Но случай помогаетъ и бѣдной дѣвушкѣ: въ ея руки попадаютъ письма Гертруды къ Фердинанду: она грозитъ показать ихъ отцу. Мачиха, въ отчаяніи, рѣшается на опасное средство: она, не страшась погубить Полину, даетъ ей усыпительныхъ капель и похищаетъ роковыя письма. Пришедъ въ себя, дѣвушка, въ ужасѣ, рѣшается отравиться, но такъ, что всѣ подозрѣнія въ ея убійствѣ падаютъ на Гертруду. Последняя не находитъ оправданій, она готова уже просить пощады и открыть истину; но Полина, оживленная послѣднимъ усиліемъ, сознается въ самоубійствѣ и умираетъ у ногъ Фердинанда, который также не хочетъ пережить своей любезной и убивается.

Вотъ краткое содержаніе драмы; но ея занимательность, ея главное достоинство состоитъ въ подробностяхъ, которыми Бальзакъ всегда такъ искусно умѣетъ украсить свои творенія. Піеса имѣла огромный успѣхъ.

Семейство Тюрю (La famille Thureau), драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. г. Лоренца.

Дѣйствіе открывается въ загородномъ увеселительномъ домѣ

близъ Парижа. Нѣкто *Максъ*, разочарованный левъ, не совсѣмъ добросовѣстный игрокъ и мотъ, является съ двумя своими пріятелями искать новыхъ впечатлѣній въ чуждомъ для него обществѣ. Ему надоѣли лоретки и одна изъ нихъ—*Цецилія* совершенно опустошила его карманъ: теперь онъ хочетъ бросить платокъ какой-нибудь простосердечной и невинной дѣвушкѣ. Приходитъ старикъ *Тюрю*, честный ремесленникъ, котораго все удовольствіе состоитъ въ томъ, чтобы въ воскресенье сходить за городъ съ своими дѣтьми *Людвикомъ* и *Луизою*, покушать котлетъ съ горошкомъ и выпить бутылочку дешеваго вина. Молодой *Людвикъ* въ большомъ волненіи: онъ только что спасъ жизнь одной дамѣ высшаго круга, которая называетъ себя графиней *Троло*; взбѣшенные лошади, мчавшія ея экипажъ, уступили сильной рукѣ молодаго работника. Въ мнимой графинѣ *Максъ* узнаетъ свою возлюбленную—*Цецилію*, по семейству *Тюрю*, въ простосердечіи своемъ, вбрызгиваетъ ее знатности и *Людвикъ* восхищенъ ея приглашеніемъ навѣщать ее. Между тѣмъ *Максъ* успѣваетъ обворожить бѣдную *Луизу*: она идетъ съ нимъ танцовать и не безъ удовольствія слушаетъ комплименты опытнаго волокиты. *Цецилія*, прельщенная сначала наружностью *Людвика*, узнаетъ въ немъ человѣка съ геніемъ, удивляется возвышенности его мыслей и благородству чувствъ—несомнѣннымъ признакамъ души сильной и необыкновенной. Она стыдится своего прежняго поведенія и тщательно скрываетъ его отъ молодаго *Тюрю*. Золото, блистательныя предложенія, ласкательства—она отвергаетъ все и полагаетъ свое счастье въ привязанности *Людвика*. Самолюбіе *Макса* оскорблено: въ досадѣ, что ему предпочитаютъ простаго работника, онъ въ безымянномъ письмѣ къ старику *Тюрю* открываетъ истину прошедшей жизни лоретки: последняя сознается во всемъ и осуждаетъ себя на вѣчную разлуку съ *Людвикомъ*, считая себя недостойною его чистой и благородной привязанности. Но *Людвикъ*, не зная настоящей причины ея отъѣзда, обвиняетъ во всемъ своего отца, проклинаетъ его, и наконецъ, пораженъ открытіемъ ужасной истины. Между тѣмъ *Луиза* сдѣлалась добычею *Макса*, но она уже надоѣла ему; онъ не знаетъ какъ отъ нея освободиться и ста-

рается всеми средствами свергнуть ее въ бездну разврата. Цецилія рѣшается спасти ее и хотя этимъ доказать свою привязанность къ Людовику. Обманутый ея запискою, Максъ является въ домъ Тюро, думая найти тамъ Луизу, и встрѣчаетъ только ея отца и брата, которые, узнавъ все отъ Цециліи, оскорбляютъ обольстителя и вызываютъ его на дуэль, въ которой онъ погибаетъ. Драма была принята очень хорошо: многія сцены удостоились общаго, единодушнаго одобренія. Это первый опытъ г. Лоренца, общающій въ немъ замѣчательнаго драматурга.

ОТВѢТЪ НА АНТИКРИТИКУ.

Γνώμη βελυτόν.

Въ мартовской книгѣ Сына Отечества вѣдѣшняго года напечатанъ отвѣтъ на критическую статью, помѣщенную въ XII книгѣ того же журнала за прошлый 1847 годъ о брошюрѣ г. доктора Кармы. Сочинитель этого отвѣта сильно нападаетъ на критику упомянутой брошюрки. Авторъ критики сначала позволяетъ себѣ увѣрить г. антикритика, что критика написана была безъ всякихъ неумѣстныхъ притязаній на ученость, и если, (по словамъ самаго антикритика), диссертация заключаетъ въ себѣ предметъ спорный, то почему же критику не имѣть права, подобно другимъ, судить объ этомъ спорномъ предметѣ, и высказать свое мнѣніе? Въ наукахъ не должно допускать монополии; притомъ же и авторъ настоящей статьи имѣетъ честь увѣрить г. сочинителя антикритики, что критика брошюрки г. Кармы имѣла въ виду не диссертацию, которая должна быть защищаема въ присутствіи высокоуважаемаго всеми ученаго сословія профессоровъ, для полученія степени доктора; но собственно обращалась противъ односторонняго мнѣнія о болѣзни одышки, какъ объ ученномъ медицинскомъ предметѣ.

Теперь разберемъ, что дѣльнаго написалъ г. антикритикъ противъ нашей рецензій. На страницѣ 12-й, антикритикъ, желая

Древніе Греки и Римляне, не понимая сущности или природы большей части болѣзней, часто заимствовали названія оныхъ отъ какого-либо предмета, что самое перешло и къ намъ, какъ напр. названіе болѣзни *asthma*. Одышка или удущье суть названія, совсѣмъ несоотвѣтствующія свойству болѣзни, а показывающія только одни припадки; посему, я думаю, все равно, какъ бы ни называть эту болѣзнь: одышкою или удущьемъ. Если мы назовемъ *Asthma удущьемъ*, тогда какъ назвать по-русски orthopnea? водяная болѣзнь, грудная или брюшная, аневризма сердца и большихъ сосудовъ и пр. причиняютъ въ высокой степени трудное дыханіе orthopnea, и тогда простой русской народъ говоритъ, что болѣной страдаетъ удущьемъ. Следовательно названіе одышки или удущья зависитъ отъ произвола и, по моему мнѣнію, лучше въ этомъ случаѣ употребить слово одышка; а на мѣсто orthopnea употребить слово удущье. Изъ новѣйшихъ европейскихъ врачей Пюорри и нѣкоторые другіе стараются ввести весьма умную номенклатуру въ медицину, изъ коей уже много словъ вошло въ употребленіе между врачами; не угодно ли будетъ нашему антикритику заняться у насъ въ Россіи подобнымъ трудомъ? Тогда онъ будетъ имѣть болѣе права въ опредѣленіи правильности названій болѣзней.

опровергнуть мое опредѣленіе нервныхъ болѣзней (nevroses), говорить, что геморои, мѣсячное очищеніе *, подагра и пр. возвращаются периодически. Антикритикъ, по-видимому, врачъ и кажется имѣть большую претензію на необыкновенную медицинскую ученость; между тѣмъ онъ не въ состояніи отличить нервныхъ болѣзней (nevroses) отъ геморои и мѣсячнаго очищенія женщинъ. Вѣроятно г. антикритикъ худо понялъ мое опредѣленіе нервныхъ болѣзней, гдѣ именно сказано, что «подъ именемъ *nevroses*, мы понимаемъ такіе первые недуги, пароксизмъ которыхъ является периодически, безъ всякой лихорадки, съ большими или меньшими промежутками; ходъ ихъ продолжителенъ, и пароксизмъ возвращается часто и постоянно, и всегда съ разстройствомъ какъ животной, такъ и органической жизни.»

По этому опредѣленію каждый легко можетъ различить истерику и психондрию—отъ геморои и мѣсячнаго очищенія.

Почтенный антикритикъ, вмѣсто того, чтобы привести основательнѣйшее мнѣніе о нервныхъ болѣзняхъ, предлагаетъ посторонній вопросъ о перемежающейся лихорадкѣ, предметъ столь же важный, какъ и самая одышка, и о которомъ писали много, и даже болѣе чѣмъ объ одышкѣ; нельзя въ двухъ строкахъ опредѣлить сущность перемежающейся лихорадки. Дѣло въ томъ, существуетъ ли, при нервныхъ болѣзняхъ (nevroses), лихорадка или нѣтъ? Вотъ настоящій вопросъ, который слѣдуетъ рѣшить. По всему видно, что антикритикъ соглашается съ моимъ мнѣніемъ, но старается отклониться отъ сущности вопроса, обращаясь къ совершенно постороннимъ предметамъ. Если дѣйствительно, какъ онъ утверждаетъ, больные иногда выздоравливаютъ или умираютъ послѣ одного пароксизма нервной болѣзни, то это обстоятельство ни мало не противорѣчитъ понятію о перемежающемся типѣ сихъ болѣзней.

Г. антикритикъ успивается также опровергнуть, что пароксизмы нервныхъ болѣзней сопровождаются разстройствомъ какъ животной, такъ и органической жизни, утверждая, что онъ не понимаетъ этого. Вѣрю и удивляюсь этому незнацію. Спросите у любого простолюдина:—Скажи мнѣ, братецъ, видалъ ли ты припадки падачей болѣзни, или истерики у какого-нибудь мужика или бабы? и если видалъ, то какъ ты думаешь, во время такихъ припадковъ, больные чувствуютъ ли себя, т. е. разсуждаютъ ли, разговариваютъ, ѣдятъ, пьютъ, или не могутъ тогда этого дѣлать?—Конечно мужикъ отвѣтитъ вамъ *нѣтъ*, и даже объяснить довольно подробно существенные припадки пароксизма; а нашъ антикритикъ не въ силахъ понять такого простаго обстоятельства, и заключаетъ съ восклицаніемъ: «какъ можно такъ смѣло утверждать то, чего никогда не бываетъ!» Странно, что г. антикритикъ, послѣ подобныхъ, неосновательныхъ и превратныхъ толкованій, называя мое опредѣленіе скуднымъ и невѣр-

* Въ антикритикѣ мѣсячное очищеніе называется болѣзнію.

нымъ, не подарилъ насъ лучшимъ, которое бы доказало наше заблужденіе.

Въ слѣдъ за тѣмъ г. антикритикъ пишетъ: «Г. Карма такъ же, какъ и другіе врачъ, описавшіе сію болѣзнь, никогда не думалъ раздѣлять судорожное удушье на идиопатическое и припадочное, ибо оно есть единственное и не допускаетъ никакихъ раздѣленій,—изъ чего видно, что г. критикъ не только не вникнулъ въ диссертацию г. Кармы, но даже и вообще не постигъ дѣйствительной сущности судорожнаго удушья.»—Здѣсь очевидно, что нашъ ученый антикритикъ принимаетъ судорожную одышку за чисто идиопатическую, т. е. за одышку, безъ всякихъ органическихъ поврежденій; онъ пишетъ просто о судорожной одышкѣ, а изъясняетъ идиопатическую. Между тѣмъ онъ желаетъ скрыть подлинное мнѣніе г. Кармы, которое означено цитатами въ моей критикѣ. Поэтому я прошу читателей обратить особенное вниманіе на это обстоятельство. Въ диссертации г. Кармы, именно на стр. 7 и 12 и въ моей критикѣ на стр. 8 9 10 15 18 и 28 * сказано: «что одышка, какого бы рода ни была, состоитъ въ судорожномъ сжатіи бронхиальныхъ канальцевъ.»—Изъ сей ближайшей причины одышки, произошло общее названіе: *судорожная одышка*, которую паталогі раздѣляютъ спеціально на идиопатическую и припадочную; слѣдовательно обѣ могутъ называться судорожною, такъ какъ каждая одышка есть (какъ выше сказано) послѣдствіе судорожнаго сжиманія бронхиальныхъ мускуловъ, безъ котораго она существовать не можетъ. Послѣ доказаннаго мною паталогическаго процесса образованія одышки, принятаго всеми паталогами, легко понять, кто изъ насъ двоихъ лучше вникнулъ въ диссертацию г. Кармы, и кто лучше постигъ дѣйствительную сущность судорожной одышки.

Далѣе ученый антикритикъ говоритъ: г. рецензентъ продолжаетъ «слѣдовательно, по мнѣнію автора сей диссертации, идиопатическая одышка есть чисто нервная болѣзнь, безъ всякихъ физическихъ измѣненій состава органовъ нашего тѣла; а измѣненія такого рода, находимыя въ трупахъ, суть только послѣдствія пароксизмовъ одышки, и не составляютъ существенной причины сей болѣзни.» И послѣ этихъ словъ торжественно и самонадѣянно заключаетъ: это ложно!—За симъ онъ продолжаетъ: «Г. Карма не утверждаетъ положительно, что измѣненія, находимыя въ трупахъ, суть всегда послѣдствія пароксизмовъ удушья, а только предлагаетъ на рѣшеніе вопросъ, какъ очевидно изъ его словъ на стр. 12 его диссертации, гдѣ онъ именно говоритъ: *Res praeterea indagandis eget, utrum alterationes hae quae causa asthmatis, aut qua effectus ejus considerandae sint.*?»

* Это мы читаемъ у всѣхъ паталоговъ, которые писали объ одышкѣ послѣ знаменитаго Рейсейзена, открывшаго существованіе мышечныхъ волоконъ воздухоносныхъ каналовъ: всѣ они соглашались съ его мнѣніемъ.

Г. Антикритикъ, защищая г. Карму, усиливается опровергнуть мое мнѣніе, списавъ цѣлыя строчки г. Кармы, при чемъ хочетъ привести читателей въ сомнѣніе о добросовѣстности моей критики. Но тутъ онъ самъ лутается.

Прошу почтенныхъ читателей раскрыть диссертацию г. Кармы, именно на 12 стр. въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ остановился послѣ приведенныхъ словъ; они увидятъ тогда, что, поставивъ вопросительный знакъ, г. Карма продолжаетъ: «*Nam illae alterationes, quas plerumque in cadaveribus asthmaticorum invenimus, ut hyperthemia membranae mucosae bronchiorum, emphysema pulmonum, dilatatio et hypertrophia ventriculi cordis dextri, oedema pulmonum et hydrothorax etiam qua sequelae paroxysmorum asthmatis saepe redeuntium, considerari possunt.*»*

Заслуживаетъ ли послѣ этого антикритика какого-нибудь вниманія ученой публики, когда самъ г. Карма ичисляеть, полатыни, болѣзненные органическія измѣненія, происходящія отъ пароксизмовъ одышки? Я не намѣренъ повторить здѣсь словъ моего противника: «это ложно» тѣмъ болѣе, что пришлось бы весьма часто употребить это выраженіе въ моей настоящей статьѣ.

Достойна вниманія 13-я стр. антикритики, касательно Гордіеваго узла. Антикритикъ говоритъ: «Краснорѣчивая тирада критика о Гордіевомъ узлѣ вовсе не кстати: ни одинъ образованный врачъ не согласится съ рецензентомъ въ томъ, чтобы ученіе о нервныхъ болѣзняхъ, въ настоящее время, еще скрывалось во мракѣ неизвѣстности.»

Для лучшаго объясненія этого предмета, я приведу здѣсь слова моей критики, со второй ея страницы: «Г. Карма, не входя въ дальнѣйшее изслѣдованіе и не приводя никакихъ объяснительныхъ доказательствъ, думаетъ, что вышенъясненнымъ мнѣніемъ своимъ (т. е. что идіопатическая одышка есть чисто нервная болѣзнь, безъ всякихъ физическихъ измѣненій состава организма нашего тѣла), онъ уже прекратилъ всѣ ученые медицинскіе споры, болѣе 2000 лѣтъ продолжающіеся, и разрѣшилъ одну изъ труднѣйшихъ медицинскихъ задачъ такъ, какъ Александръ Македонскій развѣкъ Гордіевъ узелъ. По моему мнѣнію, предметъ сей такъ важенъ, что кажется, съ разрѣшеніемъ этой задачи, рѣшится участь всѣхъ безлихорадочныхъ нервныхъ болѣзней, извѣстныхъ подъ именемъ *neuroses*, то есть, *hystericismus*, *hysteriasis* и проч., коихъ натура и мѣстоположеніе сокрыты донинѣ во мракѣ и служатъ поводами споровъ между ученѣйшими мужами.»

Читатели увидятъ изъ сличенія, что слова критики нѣсколько измѣнены антикритикомъ; въ критикѣ сказано только о на-

* На стр. 16 диссертация г. Кармы, гдѣ описанъ исходъ болѣзни, читателю увидятъ еще, что одышка причиняетъ разные подобныя органическія болѣзни.

турѣ и мѣстоположеніи нервныхъ болѣзней т. е. только о двухъ предметахъ, а антикритикъ толкуетъ о цѣломъ ученіи нервныхъ болѣзней, въ составъ коего входитъ, сверхъ упомянутыхъ, еще діагностика, предсказаніе, леченіе, анатомія и проч.

Антикритикъ, желая опровергнуть мое мнѣніе, что натура и мѣстоположеніе нервныхъ болѣзней скрываются донинѣ во мракѣ, и служатъ поводами споровъ между ученѣйшими мужами, приводитъ авторитетъ: маршала Галла, Мюллера, Чарлса Белла, Фолькмана, Биддера, Келликера и ваконецъ профессора Ромберга, и изъясняетъ, что «знаменитые сии врачи доказали физиологическое отправление и устройство спиннаго мозга, нервныхъ «волоконъ», и самостоятельность симпатическаго нерва, и наконецъ Ромбергъ доказалъ, что паталогія и діагностика нервныхъ болѣзней можетъ быть доведена до высокой степени совершенства.»

Но этимъ вовсе не рѣшается вопросъ относительно сущности одышки, и г. антикритикъ, не успѣвъ открыть дѣльныхъ недостатковъ въ моей рецензій, старается расхвалить тощую брошюрку г. Кармы. А между тѣмъ вопросъ: существуетъ ли идіопатическая одышка или нѣтъ?—остается по прежнему нерѣшеннымъ. Г. антикритикъ вовсе не убѣдилъ въ томъ, что знаніе натуры и мѣстоположенія нервныхъ болѣзней скрывается еще во мракѣ неизвѣстности; онъ старался только высказать свою начетанность, составивъ списокъ именъ многихъ авторовъ. Знаніе физиологическаго отправления и анатомическаго строенія нервной системы, нынѣ болѣе, чѣмъ когда либо, отличается отъ знанія мѣстоположенія и натуры нервныхъ болѣзней; патогенія ихъ, по мнѣнію даже упомянутыхъ антикритикомъ врачей и всѣхъ вообще, писавшихъ о семъ предметѣ, находится еще въ младенчествѣ, и всѣ признаются, что сей родъ болѣзней самый трудный и еще хорошо не узнавъ—это доказываютъ опыты и наблюденія; въ этомъ сознаются всѣ врачи, какъ то и доказано въ критикѣ. Самые слова профессора Ромберга, котораго приводитъ г. антикритикъ «что паталогія и діагностика «сихъ болѣзней можетъ быть доведена до высокой степени совершенства,» скорѣе всего оправдываютъ и подтверждаютъ мое мнѣніе; ибо слова «можетъ быть» показываютъ сомнѣніе, предположеніе, возможность, а не утверженіе, то есть, что мы, до сего времени, не достигли еще совершеннаго знанія паталогіи нервныхъ болѣзней, но можетъ быть достигнемъ со временемъ.

Г. антикритикъ предлагаетъ мнѣ читать авторовъ, которымъ онъ составилъ именной списокъ. Благодарю его за совѣтъ, въ которомъ я вовсе не нуждаюсь. И я бы могъ въ свою очередь составить для него каталогъ превосходныхъ сочиненій, которыя ему, быть-можетъ, неизвѣстны; но все это не пособитъ ему доказать, что густой мракъ, объемлющій, по мнѣнію моему, тео-

рлю нервных болѣзней, давно уже разсѣявъ учеными трудами знаменитыхъ авторовъ.

Авторъ антикритики, отъ 14 до 18 стр. упрекаетъ меня въ томъ, что я много позаимствовалъ у Лефевра, и поставляетъ на видъ нѣкоторыя ошибки, заключающіяся въ печаткахъ. Но слѣдовало ли упоминать объ этомъ, когда я, самъ приводя цитаты, и неоднократно списывая цѣлымъ существенныя части ученыхъ споровъ между Лефевромъ и Бо, и доводы противъ мнѣній другихъ врачей, самъ прямо указывалъ на Лефевра? Какъ же узнать мнѣнія врачей, существовавшихъ въ теченіе тысячелѣтій, не читая авторовъ? Привелъ же я Лефевра въ своихъ цитатахъ и описалъ его ученые споры съ другими врачами потому, что Лефевръ, принимая идиопатическую одышку, дѣлаетъ краткій обзоръ различныхъ мнѣній прежнихъ врачей; потомъ аккуратно описываетъ поучительные доводы и опроверженія свои противъ мнѣній доктора Бо, доказывая существованіе идиопатической одышки, и тѣмъ дѣлаетъ свою книгу весьма занимательною; между тѣмъ, въ брошюркѣ г. Кармы нѣтъ никакихъ фактовъ и ученыхъ доводовъ, доказывающихъ существованіе идиопатической одышки; напротивъ того, даже собственныя его наблюденія не поддерживаютъ кореннаго его мнѣнія, а напротивъ указываютъ существованіе припадочной одышки. Здѣсь факты должны подтверждать теорію; опровергая же только мнѣніе г. Кармы, не доказанное вѣрными наблюденіями, но и мнѣніе самаго Лефевра, я по необходимости, долженъ былъ часто упоминать о послѣднемъ, и повторить его споры.

Г. антикритикъ показываетъ мнѣ ошибки, въ правописаніи латинскихъ и греческихъ словъ, ошибки впрочемъ происходящія отъ опечатокъ. Притомъ, ошибки въ правописаніи, не измѣняющія значенія слова, не имѣютъ большой важности; но тамъ, гдѣ произношеніе перемѣняется, напр: гдѣ на мѣсто *theta* написана *delta*, тамъ важность большая; ибо тогда и мысль перемѣняется; но объ этомъ поговоримъ послѣ. Замѣтимъ, что въ медицинскихъ ученыхъ разсужденіяхъ, языкъ занимаетъ послѣднее мѣсто; здѣсь надобно говорить о дѣлѣ, а не пускаться въ риторику и ороеграфію: ученому доктору не слѣдовало бы обращать вниманія на типографическія погрѣшности.

Авторъ антикритики, на 17 страницѣ, упоминаетъ, что я пишу: «*Olivier d'Angers*», котораго называютъ такъ для отличія отъ его парижскаго однофамильца. Смѣю увѣрить моего антикритика, что мнѣ очень извѣстно, что многіе Французы прибавляютъ къ своимъ собственнымъ именамъ названія мѣста ихъ рожденія, для различія своихъ однофамильцевъ; знаю и то, что Angers есть французскій городъ на Майнѣ въ Департаментѣ Maine-et-Loire, и что въ древности назывался Juliomagus, потомъ Andes и Andecavi, и что, во время древнихъ Римлянъ, былъ важный и многолюдный городъ. Знаю еще и то, что Оливье ро-

дился въ этомъ городѣ, имя коего онъ носитъ для различія отъ своего соименника, но не вижу причины, отчего не должно писать и выговаривать имя этого врача такъ, какъ произносятъ его имя сами Французы, его соотечественники? Кажется тутъ нѣтъ ничего неосновательнаго?

Впрочемъ я не въ претензіи на г. антикритика; онъ высказалъ свое мнѣніе, а я придерживаюсь своего, тѣмъ болѣе, что это обогатительство совсѣмъ постороннее въ ученѣмъ медицинскомъ спорѣ, и выведено наружу только за неизмѣнимъ другихъ дѣльныхъ возраженій.

Подъ конецъ статьи, антикритикъ слегка упоминаетъ о Ферюрѣ, Піорри и Труссо, а о знаменитомъ Андралѣ совсѣмъ умалчиваетъ. Онъ умалчиваетъ о ихъ фактахъ, наблюденіяхъ, поучительныхъ сужденіяхъ и положительныхъ мнѣніяхъ, касающихся идиопатической одышки.

Непростительную неточность должно замѣтить настр: 18, гдѣ онъ говоритъ, что всѣ врачи, которые приведены въ моей критикѣ, поддерживаютъ существованіе нервной, идиопатической одышки. На какой же именно страницѣ сказалъ я это?

Г. антикритикъ здѣсь упоминаетъ имена многихъ знаменитыхъ врачей: Петра и Юсифа Франка, Неймана, Шенлейна, Ромберга, Капштатта, Вундерлиха и Фукса, и говоритъ, будто бы они доказываютъ существованіе чисто нервной или судорожной одышки или удушья.

Здѣсь, къ удивленію, опять то же незнаніе, какъ выше на стр: 3 т. е. онъ полагаетъ, что судорожная одышка тождественна съ идиопатическою.

Мы уже сказали выше, что всякая одышка, какого бы рода она ни была, т. е. симптоматическая или идиопатическая, есть судорожная или нервная, происходящая отъ судорожнаго сжатія бронхіальныхъ каналовъ; посему видно, что нашъ антикритикъ, не повнявъ дѣла, цитируетъ имена знаменитыхъ людей, которыхъ онъ худо рекомендуетъ предъ русскими врачами. Приведемъ для доказательства одинъ примѣръ изъ весьма многихъ: Петръ Франкъ, называя одышку нервною, говоритъ: «*Quant à nous, nous ne regardons pas l'asthme, comme une maladie spéciale, et tout à fait distincte des autres difficultés de respirer; qui ne diffèrent que par le degré, dependent des mêmes causes, et cèdent au même mode de traitement.*»

Потомъ: «*Nous divisons l'asthme, en 1°, celui qui dépend d'une alteration locale, d'une réplétion de l'estomac, d'une flatulence du ventre, d'une paralysie des muscles thoraciques, d'une fracture de côtes, d'un anévrysme du coeur etc. d'un épanchement dans la poitrine; 2° celui qui tient à une affection générale, une apoplexie, une fièvre intermittente, une péripneu-*

«monie; affection générale sthénique ou asthénique, suivant que la pneumonie, par exemple, sera sthénique ou asthénique.»

Далѣе онъ раздѣляетъ причины одышки по мѣсту, на такія, которыя существуютъ внѣ груди и такія, которыя находятся внутри грудной полости; сіи послѣднія, по его мнѣнію, бываютъ или внѣ легкихъ или въ самыхъ легкихъ, и всѣ онѣ суть вообще матеріальныя. Слѣдовательно одышка, происходящая отъ оныхъ, должна быть симптоматическая.

Надобно замѣтить, что списокъ именъ знаменитыхъ врачей, безъ означенія фактовъ ихъ, наблюденій и другихъ доказательствъ ровно ничего не значить; если же антикритикъ не хотѣлъ брать на себя такого труда, то по-крайней-мѣрѣ, онъ бы долженъ былъ сдѣлать вѣрное указаніе сочиненій и ссылки на страницы, которыя опровергаютъ мое мнѣніе, чтобы я и всякой другой могли въ томъ убедиться.

На той же страницѣ, 18, авторъ антикритики говоритъ: Теперь рассмотримъ вопросы, которые г. критикъ важно предлагаетъ автору диссертации: «аккуратно ли дѣлались трупоскрытія г. Кармою или другими врачами?—Отвѣчаемъ на это смѣло: вѣроятно аккуратно, нежели написана разсматриваемая нами критика. Изслѣдовали ли они микроскопомъ всю массу мозга и всѣ грудные нервы, равно и нервы восьмой пары? ... «Что же касается до микроскопическаго изслѣдованія всей нервной массы мозга головного, спиннаго и груднаго сплетенія, то всякъ, кто хоть разъ видѣлъ микроскопъ и знаетъ, что имъ могутъ быть разсматриваемы только тончайшія органическія части малѣйшаго объема, легко пойметъ, что для такого исполнскаго труда потребны бы были не 2 или 3 часа, которые можно посвятить на самое точнѣйшее трупораззѣтіе, а нѣсколько вѣковъ!!! Знаменитѣйшіе истологи, прославившіея своими микроскопическими наблюденіями, никогда еще не рѣшались на бесполезный трудъ изслѣдовать всю массу мозга, а заключали объ устройствѣ его массы по нѣкоторымъ малѣйшимъ частямъ, изъ разныхъ частей его взятыхъ.»

Антикритикъ не говоритъ здѣсь: за чѣмъ заданы были сіи вопросы? Вѣроятно для того, чтобы затмить истинную мысль критика; но для лучшаго объясненія всего этого параграфа, надобно упомянуть причины, которыя побудили критика сдѣлать, какъ тѣ два вопроса, такъ и другіе весьма важныя по сей части, совсѣмъ пропущенныя антикритикомъ.

При идиопатической одышкѣ, по мнѣнію г. Кармы, не должно

* Jean Pierre Franc. Traité de Médecine-pratique. traduit du Latin. 1842. à Paris tom. 2. pag. 514—515—517.

** Здѣсь нервы восьмой пары названы по старинному опредѣленію; по новѣйшему, эта пара составляетъ двѣ пары головныхъ нервовъ: девятую или нервы языкоглоточные (nervus glosso-pharyngeus), и десятую пару собственно нерва скиташагося или легочно-желудочнаго (nervus vagus, velnervus pneumo-Gastricus).

никогда и ни въ какой части тѣла существовать органическаго измѣненія. Но органическое паталогическое измѣненіе нервовъ иногда укрывается отъ наблюдательнаго глаза паталога, при жизни и часто послѣ смерти, при трупоскрѣченіяхъ; такихъ примѣровъ я много привелъ въ своей одышкѣ, какъ собственно своихъ, такъ и заимствованныхъ отъ знаменитыхъ европейскихъ врачей. У умершихъ отъ этой одышки, или другой первой болѣзни, въ слѣдствіе скрытія внутри органическихъ болѣзней, при трупоскрѣченіяхъ, также ничего не находить; но по здравому разсудку этого нельзя допустить, ибо органическія болѣзни, скрывшіяся внутри тѣла, должны производить органическія измѣненія, какъ я доказалъ въ своей критикѣ, какъ собственно фактами. Вотъ почему заданы были мною означенные выше и многіе другіе вопросы, и приведены соответственные факты—на нѣкоторыхъ четырехъ страницахъ, именно: 24, 25, 26 и 27.

Теперь приступимъ къ разбору упомянутого параграфа. На первой вопросъ мой антикритикъ отвѣчаетъ, самоудѣленно: «аккуратнѣе, нежели написана разсматриваемая имъ критика! Если сей отвѣтъ взять отдѣльно, какъ посторонній отъ вышеизложенной мною мысли, то онъ имѣетъ нѣкоторую основательность, потому что г. докторъ Карма, описывая идиопатическую одышку, долженъ былъ привести наблюденія, которыя бы могли доказать и оправдать положительную идею объ идиопатической одышкѣ; но наблюденія сіи, не показывая природы описанной имъ болѣзни, поддерживаютъ противоположное мнѣніе п. е. что не можетъ существовать одышка идиопатическая, но припадочная.

Г. Карма, при вскрытіяхъ труповъ, находилъ у всѣхъ органическое измѣненіе (Диссерт: стр. 12 и 13) и тѣ больные, которые, при леченіи его, выздоровѣли, страдали также органическими болѣзнями (смотри наблюд. диссерт);—а такъ какъ заданные вопросы клонятся къ тому, чтобы изъяснить вышесказанную мою мысль, то отвѣтъ антикритика весьма страшенъ въ семь случаевъ, потому что, при многихъ вскрытіяхъ труповъ, умершихъ особенно отъ первыхъ болѣзней, всѣ почти врачи признаются, что они часто не находили паталогическихъ измѣненій; примѣромъ чему служатъ: водообразныя, нѣкоторые виды помѣшательства ума, и многія другія.

Сдѣлавъ утвердительный отвѣтъ, г. антикритикъ, нѣсколько ниже упомянутыхъ вопросовъ, продолжаетъ: «что кто хоть разъ «видѣлъ микроскопъ и знаетъ, что имъ могутъ быть разсматриваемы только тончайшія органическія части малѣйшаго объема, легко пойметъ, что для такого исполнскаго труда потребны бы были бы не 2 или 3 часа, которые можно посвятить на самое точнѣйшее трупораззѣтіе, а нѣсколько вѣковъ!!! Знаменитѣйшіе истологи, прославившіеся своими микроскопическими наблюденіями, никогда еще не рѣшались на бесполезный трудъ изслѣдовать всю массу мозга, а заключали объ устрой-

«ствѣ его массы, по нѣкоторымъ малѣйшимъ частицамъ, изъ разныхъ частей его взятымъ.»

Здѣсь вопросъ идетъ о микроскопическомъ изслѣдованіи патологическихъ измѣненій нервной системы, а г. антикритикъ толкуетъ объ истологій. Тамъ онъ утверждаетъ, что вскрытіе труповъ, умершихъ отъ судорожной одышки или удушья, произведено г. Кармою аккуратно, а здѣсь говоритъ, что для него надобно не два или три часа, а нѣсколько вѣковъ. Право нельзя понять подобныя противорѣчія; и кто изъ современныхъ медиковъ, обладающихъ хорошими медицинскими свѣдѣніями, согласится съ моимъ антикритикомъ:» что изслѣдовать всю массу мозга есть бесполезный трудъ, когда не только весь ученый міръ, но всякій встрѣчный знаетъ, что мозгъ есть сѣдалище ума, отличающаго члвѣка отъ животнаго. Мозгъ есть субъективная и объективная причина: почему наша медицина не достигла еще до совершенства; онъ есть самый важный и благороднѣйшій органъ нашего тѣла и первый возбуждающій элементъ жизни; и можно ли сказать, что изслѣдованіе мозга есть бесполезный трудъ? Какимъ образомъ, еще въ членахъ животнаго царства, какъ онъ пишетъ, изъ малѣйшей части можно заключить о цѣломъ органическомъ существѣ, изъ частнаго о цѣломъ строеніи, когда знаемъ, что въ головномъ мозгѣ разныя его части имѣютъ особенный цвѣтъ, особенную плотность, строеніе и даже разныя отравленія и пр? Этотъ параграфъ достаточно обнаруживаетъ большія свѣдѣнія и безпристрастіе моего антикритика!

На страницѣ 19-й, г. антикритикъ упрекаетъ меня въ незнаціи трудовъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ, поименованныхъ имъ, нѣмецкихъ и французскихъ истологовъ, замѣчая проищески о чести, которую я сдѣлалъ г. Дидимову, русскому врачу.

На это имѣю честь должить, что я, какъ Русскій, уважая ученыхъ иностранныхъ врачей, еще болѣе уважаю моихъ не менѣе ученыхъ соотечественниковъ, и что мнѣ пріятно сослаться на труды моего ученаго русскаго сотоварища, заслуживающіе полное уваженіе.

Я полагаю, что статья г. Дидимова заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія каждаго образованнаго врача, что нашъ русскій профессоръ Лубовицкій, извѣстный своими медицинскими литературными трудами ученому міру, помѣтилъ превосходный трудъ ученаго русскаго врача, въ академическихъ запискахъ, издаваемыхъ подъ его редакціею. Неужели г. антикритикъ думаетъ, что наши русскіе профессора не могутъ написать ученой статьи не хуже иностранныхъ истологовъ? Мы, Русскіе, съ патристическою гордостью, ссылаемся на труды ученаго соотечественника, тѣмъ болѣе, что статья г. Демидова обратила на себя всеобщее вниманіе и одобреніе. Жаль, что нашъ антикритикъ чуждается русскихъ трудовъ. Такое невниманіе къ трудамъ русскихъ ученыхъ уничтожаетъ въ насъ всякое соревнованіе и достоинство

уваженія національную гордость, за неимѣніемъ которой мы раболѣпствуемъ духомъ предъ иностранцами, и лишаемся той самостоятельности, которая составляетъ доблесть всякаго ученаго. Чѣмъ же наконецъ могутъ похвалиться наши литературные герои, предпочитающіе иностранное отечественному? Одинъ составилъ диссертацию весьма скудную, а другой написалъ въ защиту его антикритику столь же слабую, какъ и самая диссертация, послоненную въ добавокъ неосновательными сужденіями, односторонними доказательствами и отступленіями отъ предмета!

Г. антикритикъ на 19 стр. упоминаетъ поверхностно о стр. 26 и 27, гдѣ описаны весьма удовлетворительныя наблюденія французскаго профессора Деверже, служашія къ совершенному опроверженію идиопатической одышки и выведенныя изъ нихъ заключенія, называя ихъ, безъ всякаго сужденія, странными.

Потомъ объявляетъ, что не можетъ повѣрить будто бы водяная болѣзнь и язвы часто исчезаютъ предъ смертію, произнося: «что тутъ только можетъ исчезнуть полнота жизненная и «поблѣднѣтъ яркость цвѣта.» Спрашивается: развѣ отекъ у больныхъ, страждущихъ водяною болѣзнію, называется жизненною полнотою? Развѣ бываетъ яркость въ опухоляхъ эдематознаго свойства въ водяной болѣзни безъ лихорадки? Эти замѣчанія обнаруживаютъ въ г. антикритикѣ совершенное неваніе фактовъ, — неваніе, занявшее единственно отъ недостатка практическихъ свѣдѣній, а безъ нихъ можно ли судить и спорить о медицинскихъ вопросахъ?

Послѣ этого, ученый нашъ антикритикъ приступаетъ къ опроверженію критическаго моего разбора о брошюркѣ г. Кармы, въ частности. Онъ останавливается на этимологій слова *ἀσθμησῆς*

На 28 стр. критики сказано:

«Разсматривая диссертацию г. доктора Кармы, еще замѣтилъ я, что на 4 страницѣ онъ производитъ слово *Asthma* отъ греческаго слова *ἀσθμησῆς*. Но въ греческомъ языкѣ слово *ἀσθμησῆς* значитъ: здравствую, *sanus sum, valeo* и *ἀσθμη* значитъ рѣшешіе decretum. Я полагаю, что *carissimus meus collega* хотѣлъ «произвести слово *ἀσθμησῆς* (*asthma*, одышка), отъ глагола *ἀσθμησῆς*, что значитъ *anhelo* (задыхаюсь) дабы показать учености свою даже и въ этимологій греческихъ словъ; но онъ явню ошибается; ибо *ἀσθμησῆς* значитъ болѣзненное состояніе члвѣка а *ἀσθμησῆς* здоровое. Одно пишется чрезъ *Θ*, а другое чрезъ *Δ*, двѣ буквы совершенно различныя между собою; «по-моему, лучше не братья за то, чего не разумѣемъ.»

На 19 страницѣ той же книги Сына Отечества антикритикъ говоритъ слѣдующее:

«Теперь мы приступаемъ къ выходкѣ, которая столько же «показываетъ несправедливость г. критика, какъ и сомнительное «его знаніе греческаго языка. На страницѣ 26, онъ говоритъ,

«что г. Карма производить слово Asthma отъ ἀσθίνας, это ложно; въ диссертациі напечатано: ἀσθίνας (anhelare), вмѣсто ἀσθίνας, явная опечатка.

«Далѣ онъ говоритъ, что г. Карма ошибается, думая, буда «то ἀσθίνας значить * трудно дышать, ибо слово это выражаетъ болѣзненное состояніе человѣка! Неужели критикъ полагаетъ, что въ публикѣ не найдется ни одного эллиниста? Да развѣ ἀσθίνας можетъ быть существительнымъ?.. А слово ἀσθίνας, которое критику кажется «здоровымъ состояніемъ» въ греческомъ языкѣ не существуетъ. Послѣ этого г. рецензенту не угодно ли будетъ обратиться къ самому себѣ «столь вѣжливо произнесенныя имъ въ отношеніи къ г. Кармѣ слова: лучше не браться за то, чего мы не разумѣемъ?»

Слѣдовательно, критикъ говоритъ, что г. Карма производить слово ἀσθίνας отъ греческаго слова ἀσθίνας.

Антикритикъ утверждаетъ, что это ложно, въ диссертациі напечатано ἀσθίνας.

Надобно однакожъ спросить нашего остроумнаго эллиниста: въ чемъ состоитъ эта ложь? Неужели въ томъ, что критикъ употребляетъ настоящее время изъявительнаго наклоненія глагола, а г. Карма и его защитникъ—неопредѣленное наклоненіе того же самаго глагола? Далѣ антикритикъ говоритъ: да развѣ ἀσθίνας можетъ быть существительнымъ? слѣдовательно, если, не существительное, то онъ полагаетъ, что оно есть прилагательное. Можетъ быть, но я повторялъ и повторяю, что слова, ἀσθίνας и ἀσθίνας суть чисто средніе глаголы verba neutra, а не существительныя, ни даже прилагательныя имена. За чѣмъ то, чего нѣтъ? Періодъ у меня раздѣляется точками, запятыми и прочими знаками прешиванія; не надобно смѣшивать смысла, а должно поглядѣть хорошенько вправо и влѣво, и потомъ же дѣлать заключеніе.

Тотъ, кто разумѣетъ значеніе глагола ἀσθίνας задыхаюсь, тотъ не можетъ никогда сказать г. Кармѣ, что онъ ошибается, если онъ переводилъ тотъ же глаголъ ἀσθίνας трудно дышу; но мое замѣчаніе относится къ глаголу, ἀσθίνας, который означаетъ здоровое состояніе человѣка, а это сказано именно относительно къ глаголу ἀσθίνας, который означаетъ болѣзненное состояніе его. Удивительно, что г. антикритикъ не только не знаетъ этого глагола ἀσθίνας, но даже утверждаетъ что его вовсе нѣтъ въ греческомъ языкѣ; или, лучше сказать, его нѣтъ въ томъ греческо-нѣмецкомъ лексиконѣ, которымъ онъ

* Здесь изъяснено ложно, ибо въ критикѣ написано такъ: но онъ явно ошибается, ибо ἀσθίνας значить болѣзненное состояніе человѣка, а ἀσθίνας здоровое. Прибавленныя слова антикритикомъ толкуютъ превратно мысль критика.

руководствовался. Вотъ это дѣло иное... а чтобы удостовѣриться въ непростительной опрочечивости г. антикритика, стоитъ только взять въ руки любой полный словарь, пожалуй тотъ, который мы знаемъ подъ заглавіемъ *diccionarium quatuor linguarum*, изданный въ 1786 году въ Венеціи. Этимъ лексикономъ, въ случаѣ надобности, мы можемъ услужить всякому. Теперь я итѣю право повторить сказанное въ моеи рецензиі: «лучше не браться за то, чего не разумѣемъ.»

Напрасно г. антикритикъ на стр. 20 стремится увѣрить читателей, что опредѣленіе болѣзни, составленное г. Кармою, правильно. Въ критикѣ доказано, достовѣрными фактами и цитатами, противное; въ немъ не достаетъ описанія тѣхъ существенныхъ признаковъ болѣзни, о которыхъ упоминають лучшие и опытѣйшіе врачи.

Что же касается до перемежки въ одышкѣ, то антикритикъ говоритъ: «совершенная перемежка также не можетъ имѣть мѣста «при опредѣленіи удущья, ибо продолжительное удущье напоследокъ уже не допускаетъ подобныхъ перемежекъ по причинамъ очевиднымъ и довольно ясно изложеннымъ въ диссертациі г. Кармы (см: стр: 16)»

Г. Карма не упоминаетъ объ этой перемежкѣ въ своемъ опредѣленіи, какъ о характерическомъ признакѣ одышки (см: въ критикѣ стр: 28 и 29), и на 16-й страницѣ своей диссертациі, исчисляя разныя органическія болѣзни, происходящія отъ оной, упоминаетъ мимоходомъ: «что оныя (т. е. болѣзни) продолжаются во время перемежки одышки.»

Здѣсь антикритикъ не хочетъ принимать перемежающій типъ одышки, однако, для подтвержденія своего мнѣнія, ссылается на ту самую 16-ю страницу, которая совершенно противорѣчитъ его мнѣнію.

Теперь впрочемъ рѣчь идетъ о томъ, почему выпущенъ въ опредѣленіи г. Кармы перемежающій типъ одышки, а не о чемъ другомъ. Надобно его рѣшить какъ требуетъ наука: неужели перемежающій типъ не составляетъ, по мнѣнію антикритика и г. Кармы, отличительнаго характерическаго признака нервныхъ болѣзней? Притомъ, дѣло идетъ не о перемежкѣ признаковъ послѣдняго періода одышки, но вообще о перемежающемъ типѣ оной; условія болѣзни одышки совсѣмъ измѣняются въ послѣднемъ своемъ періодѣ; тогда реакція всѣхъ жизненныхъ силъ цѣлаго организма, каждой системы, и каждаго органа въ особености, увеличивается и усиливается преодолѣть силу болѣзни; тогда страдаетъ весь организмъ равномерно, а не одинъ какой-либо органъ. Слѣдовательно, отношеніе мѣстной болѣзни совсѣмъ измѣняется; но и въ семъ послѣднемъ случаѣ можно замѣтить явную перемежку, хотя и не продолжительную.

Защитникъ г. Кармы говоритъ: «критикъ замѣчаетъ, что болѣзней, въ промежуткахъ пароксизмовъ, чувствуетъ себя совершен-

«но здоровымъ и даже кушаетъ и пьетъ, какъ обыкновенно; «а все такъ усиливается доказать, что удушье не есть чисто «нервная болѣзнь. Удивительная логика!

На второй страницѣ моей критики, я весьма ясно выразилъ, что одышка, по классификаціи, принадлежитъ къ нервнымъ болѣзнямъ; а на стр. 8 и 28, что и самая припадочная одышка есть нервного свойства потому, что ближайшая причина ея состоитъ, какъ сказано неоднократно, въ судорожномъ сжатіи бронхіальныхъ мускуловъ. Это служитъ доказательствомъ, что онъ или не понялъ моей рецензіи, или читалъ ее безъ всякаго вниманія, полагая, что ему повѣрять на слово!

Въ описаніи промежуточности припадковъ удушья, я не вижу ничего противорѣчающаго и несообразнаго правиламъ логики, и твердо увѣренъ, что нервныя болѣзни очень часто могутъ быть рефлексомъ органическихъ измѣненій; но антикритикъ не хочетъ понять меня, и русскій ясный смыслъ толкуетъ по своему.

Прошу теперь читателя обратить вниманіе на стр. 30 моей критики; тамъ, не отвергая существованія отека легкихъ, я понимаю процессъ образованія его иначе; тѣмъ болѣе, что г. Карма, описывая наблюденія въ ученой диссертациі, яснымъ образомъ обнаружилъ свою невнимательность къ большимъ, описывая измѣненія, найденныя имъ въ трупахъ; онъ не считалъ нужнымъ стетоскопически изслѣдовать грудь при жизни субъекта! Какимъ образомъ онъ могъ определить навѣрно, страдала ли его больная отекомъ легкихъ прежде смерти или нѣтъ? и, притомъ, какимъ отекомъ, острымъ или хроническимъ? Можетъ быть г. Карма въ стетоскопическомъ знаніи чувствовалъ себя слабымъ, и не хотѣлъ изобличиться въ этомъ недостаткѣ.

На 21 стр. своей антикритики онъ продолжаетъ: «на той же «30 стр. онъ (т. е. критикъ) говоритъ съ эмфизею большыя «долго жить не могутъ; о vanitas! Кто ему сію новость разска- «зывалъ? Большая часть паталоговъ противнаго мнѣнія. Напр: «Луи (Louis), вопреки этому, говоритъ: pag. 186, что эмфизема «можетъ существовать долго, даже съ малолѣтства до старости»— для чего онъ антикритикъ приводитъ много цитатовъ.

Я опять повторю г. антикритику, что онъ невнимательно прочиталъ мою рецензію!

На стр. 17, у меня написано, что Луи и Левнекъ принимаютъ два вида эмфиземы: одинъ состоитъ въ разширеніи воздухо- «держательныхъ пузырьковъ легкихъ воздухомъ, а другой—въ нако- «пленіи воздуха въ клетчатой плевѣ, между легочными пузырь- «ками находящейся.

Первый видъ, по мнѣнію Рокитанскаго *. Бувіера, Гаварра, Мажанди, Педаньеля, Прера, Рекепа и Рому не заслуживаетъ названія эмфиземы, и принимается какъ болѣзнь, состоящая соб-

* Рокитанскій стр. 96 и 106, въ русскомъ переводѣ.

ственно въ разширеніи воздуходержательныхъ пузырьковъ, а истинная эмфизема, по ихъ мнѣнію, есть послѣдній видъ. Первый можетъ дѣйствительно существовать долго, но второй, истинный видъ эмфиземы, развивается быстро и причиняетъ скорую смерть больному *.

Въ критикѣ говорено ясно объ истинной или настоящей эмфиземѣ, а не о разширеніи воздуходержательныхъ пузырьковъ; притомъ слова: «не долго жить» не опредѣляютъ еще съ точностію времени. Самъ Луи, на котораго ссылается г. антикритикъ, понимая односторонно, допускаетъ вмѣстѣ съ Левнекомъ, вопреки новѣйшимъ открытіямъ, сущность эмфиземы въ одномъ разширеніи воздухоносныхъ пузырьковъ, и сознается въ скоротечности сей болѣзни. Въ 11-мъ томѣ Dictionnaire de médecine на стр. 265, онъ говоритъ: «что ходъ эмфиземы у нѣкоторыхъ «больныхъ можетъ быть очень быстръ.» въ доказательство чего описываетъ страданіе одной женщины, и анатомическое вскрытіе ея трупа; на 369 стр. того же тома, онъ же утверждаетъ: «что эмфизема у нѣкоторыхъ больныхъ очень продолжительна, у другихъ же имѣетъ очень быстрый ходъ.»

Сими доводами обнаруживается незнаніе нашего антикритика, который съ самодовольствіемъ восклицаетъ о vanitas!!! Что же мнѣ остается отвѣчать ему?

Г. сочинитель диссертациі объ одышкѣ и г. антикритикъ, оставаясь въ томъ мнѣніи, что сдѣланныя мною возраженія на диссертацию г. Кармы рѣшены самымъ блистательнымъ образомъ, упоминаютъ объ одномъ обстоятельстве, не имѣющемъ никакой связи съ существомъ предмета, поставляя на видъ, будто бы я не могъ различить чахотку отъ воспаленія легкихъ, въ описавши явленія, характеризующія легочную чахотку, какъ то клокотаніе (ronchuscavernosus), грудной говоръ pectoriloquium и т. д. назвалъ болѣзнь воспаленіемъ легкихъ, направляя леченіе противъ сей послѣдней.

Случай, о которомъ говоритъ антикритикъ, извѣстенъ только г. Кармѣ, и заключается въ слѣдующемъ.

Владиміръ Семеновъ, о которомъ идетъ рѣчь, здѣшній мѣщанинъ, 59 лѣтъ, поступилъ 5 февраля 1847 года, въ мое леченіе; по моему мнѣнію, болѣзнь его заключалась въ воспаленіи легкихъ; вотъ исторія болѣзни Семенова. Онъ былъ тѣлосложенія нѣжнаго, имѣлъ кашель, жаръ по всему тѣлу, раздражительный пульсъ, съ сухимъ языкомъ, покрытымъ чернотой; болѣзненное его состояніе продолжалось съ недѣлю.

6-го числа. При прислушиваніи груди близъ задняго края правой лопатки, дыханіе полное (respiration caverneuse), смѣшанное съ горловымъ или трубчатымъ дыханіемъ (respiration tubaire, souffle bronchique), кои походятъ на хрипѣніе съ клокотаніемъ (rale cavernoux, gargouillement); при этомъ примѣчается нѣчто

* Loco citato стр. 167. —Grisolle traite de pathologie interne t. j. pag. 784.

похожее грудному говору (pectoroloquie), который сопровождается бронхальнымъ голосомъ (bronchorphonie); вокругъ сего мѣста слышится трескучее мокротное хрипѣе (râle sèpèrant humide). Въ правомъ легкомъ дыханіе вообще слабое, и звучность стѣвъ правой половины грудной полости слаба.—Больной никогда не кашлялъ, но недѣлю тому назадъ съ кашлемъ показался жаръ по всему тѣлу его и трудное дыханіе; въ тѣлѣ изпуреніе.

Означенные припадки показываютъ сомнительность, которую можно принять или за чахотку или за воспаленіе легкихъ въ третьей степени (pneumonia grisea) или за нарывъ, въ слабѣе воспаленія. Точнѣйшее опредѣленіе можетъ объясниться успѣхами леченія и наблюденіемъ. Языкъ сухой и черный, жаръ тѣла умѣренный, пульсъ напряженный хотя скорый, но правильный. Больной изпражнялся дважды.

Какъ медикъ сего больного, я прописалъ слѣдующее:

Rp. Murialis ammonii drach. unam.

D-г v. althacae

—»—» senegae aa unc. tres

Syropi althacae unc. semis

MDS. принимать каждый часъ по столовой ложкѣ.

Rp Sulphur: aurati antimonii gr: unum

Sachari albi gr. decem mf pulv;

Dent: tales dos. № octo D. S.

Слабая порція.

Трижды въ день по порошокъ.

Близъ задняго края правой лопатки поставлено восемь кровососныхъ банокъ.

7 числа. Кашель меньше, безъ всякаго почти выхаркиванія. Хрипѣе съ клокотаніемъ и грудной говоръ очень уменьшились; пульсъ полный и правильный; языкъ влажный; на низъ было дважды.

Тѣ же самыя лекарства, и поставлена мушка между лопатками болѣе къ правой сторорѣ.

8-го числа. Кашля почти нѣтъ, пульсъ скорый и правильный.—

Сомнѣніе большое въ свойствахъ болѣзни чахотки.

9 и 10 тоже; продолжались тѣже средства. 2-я порція.

11 Больной выздоравливаетъ.

12 Запоръ на низъ.—Клистиръ.

13 Больного ослабло три раза; пульсъ у него раздражительный. Кашля нѣтъ. Грудный говоръ и клокотаніе, бывшіе близъ задняго края правой лопатки, уже не слышны. Выхаркиванія

никакого нѣтъ. Лихорадка очень незначительна, только къ вечеру.

Продолжать лекарства и поддерживать нагноеніе послѣ мушки.

14, 15, 16, 17, 18 тоже.

Въ этомъ случаѣ, т. е. въ сей болѣзни, трубчатое дыханіе смѣшано съ клокотаніемъ, а бронхальный голосъ (bronchorphonie) съ груднымъ говоромъ.

Лекарства тѣже.

19 Пульсъ полный и скорый, но правильный. Вдыханіе свободное; сонъ хорошій, кашля давно нѣтъ; языкъ чистый; отсутствіе лихорадки и большой вообще чувствуетъ себя хорошо.

Продолженіе тѣхъ же лекарствъ.

20, 21, 22, порція 1-я—Никакихъ особенныхъ переменъ.

Изъ исторіи болѣзни видно, что больной страдалъ не чахоткою, но воспаленіемъ легкихъ въ третьей степени (pneumonia grisea).

23, 24 тоже продолжать.

25 Выздоровливаетъ.

Продолжать тѣ же лекарства и перевязывать мушку свинцовою мазью.

26, 27, 28. Никакой переменъ.

1, 2, 3 марта тоже.

4. Тоже. Мушка зажила.

Оставлены всѣ лекарства.

5. Больной здоровъ.

Изъ этой исторіи болѣзни видно: 1, что стетоскопическіе признаки были здѣсь съ самаго начала весьма сомнительны; одна только мѣстность болѣзни заставляла меня думать въ пользу воспаленія, потому-что описанные мною признаки органической болѣзни легкихъ находились не въ томъ мѣстѣ, гдѣ преимущественнѣе и чаще всего является чахотка, но въ другомъ. 2, что всѣ болѣзненные признаки, съ употребленіемъ противовоспалительнаго способа леченія, начали уменьшаться. 3, что, при опредѣленіи сей болѣзни легкихъ, независимо отъ мѣстныхъ признаковъ, въ соображеніе были приняты тѣлосложеніе больного, продолженіе его болѣзни и самый успѣхъ леченія, не говоря уже о стетоскопическихъ признакахъ, какъ необходимыхъ условіяхъ всякаго рациональнаго сужденія о грудныхъ болѣзняхъ.

Къ этому не лишнимъ считаю присовокупить, что діагностическое мое мнѣніе было подтверждено однимъ изъ моихъ то-

варшей г. Б., который, занимаясь специально грудными болѣзнями, заслуживаетъ большаго въ семь отношеніи довѣрія.

Владиміръ Семеновъ совершенно выздоровѣлъ, и до-сихъ-поръ пользуется вождѣльнѣйшимъ здоровьемъ.

На стр. 31 моей критики сказано: «Къ располагающимъ причинамъ, г. Карма причисляетъ нервный темпераментъ, но «блюденія намъ доказываютъ, что дѣти и женщины бываютъ «наиболѣе первнаго темперамента, между тѣмъ онъ рѣже мужичинъ и взрослыхъ подвергаются одышкѣ.»—Не въ состояніи будуци возражать противъ этихъ фактовъ, антикритикъ замѣчаетъ мнѣ, что они заимствованы также изъ Лефевра. Что же тутъ худаго? Развѣ мы не можемъ пользоваться мнѣніями ученыхъ людей? По моему мнѣнію, это самый вѣрный путь къ достиженію возможнаго усовершенствованія въ медицинскихъ званіяхъ, путь никому изъ насъ не предосудительный; однако жъ г. антикритикъ ставитъ себя выше многихъ извѣстныхъ паталоговъ и, для опроверженія приведеннаго мною возраженія, говоритъ: «это кажется можно объяснить съ одной стороны тѣмъ, что дѣти и женщины вообще рѣже подвергаются причинамъ, производящимъ удущья; а съ другой стороны тѣмъ, что дѣти и женщины, чаще страдая спазмами мышцъ животной жизни по извѣстному паталогическому закону, рѣже подвергаются спазмамъ «мышцъ растительной жизни.»—На это мы честь имѣемъ отвѣчать, что эти слова кажется принадлежать къ проблематическимъ сужденіямъ и, не выражая ничего положительнаго, оставляетъ насъ въ томъ же сомнѣніи, какъ и самаго критика; что дѣти и женщины живутъ тамъ же, гдѣ ихъ родители, братья и мужья, въ томъ же самомъ климатѣ, въ той самой атмосферѣ, и что, по свойству вѣжной ихъ организаціи, имѣютъ большую воспримчивость къ эндемическимъ болѣзненнымъ вліяніямъ. Что же касается до приведеннаго имъ физиологическаго закона, то онъ также не вѣренъ. Ибо г. антикритикъ упустилъ изъ виду, что дѣти и женщины чаще взрослыхъ и мужчинъ страдаютъ судорожными болѣзнями желудка и кишекъ, напр: gastralgia, enteralgia, eklampsia и пр., въ которыхъ, какъ извѣстно, участвуютъ наиболѣе вервы растительной жизни.

Послѣ сего, антикритикъ усиливается доказать, что въ одномъ и томъ же полѣ органы могутъ существовать, въ одно и тоже время, суженіе и разширеніе, и приводитъ на то свои примѣры: на пр. при суживаніи венозныхъ отверстій сердца, разширяются пазухи; при суживаніи sphincteris ani, разширяет-

* Для удовлетворенія любопытства читателя, мы даемъ здѣсь адресъ мѣшанина Владиміра Семенова: 3. Адм. Час. 3-го кв. по Спасскому переулку, въ домѣ купца Коровина. Всякой кто пожелаетъ, можетъ его видѣть и увѣрить-ся во всемъ самолично.

ся прямая кишка; при суживаніи вѣтвей дыхательнаго горла, разширяются выше и ниже лежащіе воздухоносные каналы. Это не новость: каждый врачъ, занимающійся изслѣдованіемъ труповъ, можетъ видѣть подобные случаи, но дѣло не въ томъ: антикритикъ забылъ, что рѣчь идетъ о судорожной одышкѣ, и что замѣчаніе мое относится собственно къ сей болѣзни, а не къ органическимъ болѣзнямъ; если дѣйствительно сущность оной состоитъ въ судорожномъ сжатіи вѣтвей дыхательнаго горла. въ чемъ соглашается и самъ г. Карма, тогда я въ полномъ правѣ отвергать возможность мѣстнаго суженія дыхательныхъ каналовъ, потому—что они, находясь подъ вліяніемъ одного и того же нерва, должны сокращаться не мѣстами, но по всему направленію и своей длинѣ. Приведенные же г. антикритикомъ примѣры, будучи слѣдствіемъ органическихъ измѣненій, ни мало не соотновѣтствуютъ дѣлу.

Антикритикъ увѣряетъ, будто бы сочинитель диссертациі упоминаетъ въ своемъ предисловіи о многихъ древнихъ врачахъ, весьма свѣдущихъ въ медицинской литературѣ; но я положительно въ томъ сомнѣваюсь, ибо г. Карма выписалъ бы тогда изъ нихъ что-нибудь дѣльное и поучительное, а не ограничился бы голословнымъ исчисленіемъ однихъ только именъ: Цельса, Сталы, Соважа, Корвизаръ, Лепека и другихъ, извѣстныхъ ему, какъ кажется только по преданію; отъ чего скудная диссертациі г. Кармы, кромѣ техническаго исчисления припадковъ, хода болѣзни и наименованія нѣкоторыхъ лекарствъ, не содержитъ въ себѣ ничего занимательнаго.

Антикритикъ говоритъ, что будто бы я удивляюсь полезному дѣйствию рвотныхъ, въ нервныхъ болѣзняхъ. Совсѣмъ не такъ: я не удивлялся и не удивляюсь полезному дѣйствию рвотнаго въ такихъ случаяхъ, и лучше его объяснилъ въ моей критикѣ, какъ дѣйствуетъ рвотное въ нервныхъ болѣзняхъ.

Далѣе г. антикритикъ говоритъ: «хотя критикъ опровергаетъ «все наблюденія г. Кармы, но даже изъ его собственнаго описанія ихъ, въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, читатели могутъ «убѣдиться, что средства, употребленныя г. Кармою, были увѣрчаны полнымъ успѣхомъ.»

Но я повторяю ему опять, что онъ невнимательно и въ торопяхъ читалъ мою критику. Я и не думалъ входить въ сужденіе о леченіи больныхъ г. Кармы, и не имѣлъ никакой въ томъ надобности, когда особенно не было въ виду больныхъ его.

Въ заключеніе всего, я долженъ напомнить неизвѣстному г-ну антикритику, что я, при составленіи разбора, руководствовался одною любовію къ истинѣ, имѣя въ виду благоую цѣль науки и доказавъ неправильность мнѣнія г. Кармы фактами собственными наблюденіями и опытами многихъ знаменитыхъ врачей; а также вѣрны-

ми и неоспоримыми цитатами, которые остаются и теперь во всей своей силѣ, потому что г. антикритикъ не могъ ихъ опровергнуть логическимъ образомъ, и, вмѣсто ученыхъ доказательствъ, обратился къ неумѣтнымъ восклицаніямъ, введенію постороннихъ обстоятельствъ, и превратнымъ толкованіямъ моихъ мыслей и выраженій, такъ что, если отнять всѣ эти прибавленія, то въ антикритикъ останется—нуль!

==

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Посреди лѣта мало заботятся о новыхъ костюмахъ, потому что всѣ дамы лучшаго общества разѣхались по деревнямъ и дачамъ. Однако хорошей вкусъ вездѣ ихъ преслѣдуетъ. Главная мода состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть выбрать цвѣта для шляпки, платья и мантили, которые гармонировали бы между собою. Мы видѣли очень изящный костюмъ для утренней прогулки. Платье изъ *muslin de laine* песочнаго цвѣта, вышитое напереди сутажемъ въ видѣ застежекъ. Талія высокая, гладкая, рукава узкіе. Маленькій, тамбурный воротничекъ, подъ который положена пунцовая, клетчатая лента, завязанная спереди бантомъ безъ концовъ, въ видѣ галстуха. Мавжеты на рукавахъ также тамбурной работы, какъ и воротничекъ. Перчатки шведскія. Шляпка соломенная съ зеленымъ подбосемъ и зелеными тѣневыми лентами. Пунцовый баржевый платокъ довершалъ изящество этого наряда. Для домашнихъ легкихъ платьевъ, дѣлаютъ косынки изъ одинаковой съ платьемъ матеріи. Мы видѣли бѣлое жаконетовое съ мелкими цвѣточками платье съ такою же косынкою à la Charlotte Corday, по краямъ которой были вырѣзаны круглыя фестоны, обшитые въ три ряда бѣлою, узкою тесьмою. Этотъ простой нарядъ обратилъ на себя вниманіе. О фасонахъ платьевъ нечего сказать новаго. Таліи остаются неизмѣнными, только рукава получили привилегію на четыре фасона. Ихъ дѣлаютъ: узкіе; довольно широкіе съ обшивкою внизу; широкіе съ отворотами, изъ-подъ которыхъ видѣвъ бѣлый рукавчикъ; и наконецъ греческіе. На платьяхъ тѣ же украшенія, фалбалы или складки. На баржевыхъ платьяхъ дѣлаютъ по дватцати складокъ и болѣе. Теперь въ большомъ ходу разнаго рода вышивки. Носятъ баржевые шарфы съ вышитымъ бортомъ. Кисейныя бѣлыя косынки съ округленными концами также украшаются превосходными вышивками.

Мы еще ни разу не говорили о костюмахъ амазонокъ, которыхъ теперь такъ часто встрѣчаешь въ петербургскихъ паркахъ. Мы замѣтили, что черный цвѣтъ для амазонскаго платья предпочитается другимъ. Талии гладкія, съ фалдочками или карачко, дѣлаются совсѣмъ подъ горло, а иногда вырѣзываются напередѣ угломъ и переплетаются снурками, сверхъ бѣлой со складками шемизетки. Самый маленькій воротничекъ подвязывается галстухомъ. Шляпы носятъ съ короткими полями, чернаго или сѣраго цвѣта, которыя надѣваются очень низко на лобъ. Также носятъ соломенные фуражки и соломенные итальянскія шляпки съ довольно большими полями. Эти шляпки украшаются лентами. Наѣздницы щеголяютъ своими превосходными хлыстами, которыхъ рукоять часто обдѣлывается въ золото.

=

У НИИГОПРОДАВЦА ВАСИЛЬЯ ПОЛЯНОВА,

въ гостинномъ дворѣ по суконной линіи подъ № 17-мъ,

продаются слѣдующія книги:

(Цѣны на серебро).

СЛОВА И РѢЧИ

СУНОДАЛЬНАГО ЧЛЕНА

ФИЛАРЕТА

митрополита московскаго. Изданіе второе, дополненное, въ 2. томахъ, 1848. Ц. 5 руб. съ перес. 6 руб.

О СВИДАНИИ ЗА ГРОБОМЪ.

Составлено Іоанномъ, сочинителемъ духовно-врачебнаго ученія (вы увидите меня; ибо я живу, и вы жить будете. Св. Іоанна XIV, 19) 1848. Ц. 75 коп. съ перес. 1 руб.

ОДУШЕВНЫХЪ БОЛЕЗНЯХЪ,

въ судебномъ-медицинскомъ отношеніи, соч. медико хирурга А. Пущкарева, 1848. Ц. 1 руб. 75 коп. съ перес. 2 руб.

О ЛЕЧЕНИИ ХОЛЕРЫ ХОЛОДНОЮ ВОДОЮ

по способу Присница, Каспари, Вейса и друг. Е. Венцемъ. 1848 Ц. 10 к. съ перес. 35 коп.

БОЛЕЗНИ РАБОЧИХЪ.

Съ указаніемъ предохранительныхъ мѣръ, описанныя докторомъ медицины А. Никитинымъ. 1847 Ц. 1 руб. 50 коп.

ОСНОВАНІЕ ВЕТЕРИНАРНОЙ ФАРМАКОЛОГИИ,

(въ таблицахъ) или наука о лекарствахъ для пользованія домашнихъ животныхъ, переделанная съ немѣцкаго О. Пашкеви-

чемъ, придворнымъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича ветеринарнымъ медикомъ, состоящимъ въ долж. Адъюнктъ профессора Императорской медико хирургической Академіи, членомъ экономическаго, сельскаго хозяйства Южной Россіи и Общества практическихъ ветеринарныхъ врачей въ Санктпетербургѣ. 1848 Ц. 1 руб. 50 коп. съ перес. 1 руб. 75 коп.

ШЕВАЛЬЕ Д'АРМАНТАЛЬ.

Романъ Александра Дюма, пер. съ франц. Н. М. въ 4. частяхъ 1848 Ц. 2 руб. 50 коп. съ перес. 3 руб.

ИСТОРИЯ БѢДНЫХЪ РОДСТВЕННИКОВЪ.

Сочиненіе господина де-Бальзака, въ двухъ томахъ. Томъ 1-й *Кузина Лиза*; томъ второй *Кузенъ Понс*, или два Музыканта. 1847 Ц. 2 руб.

СУМСКІЙ,

Или пѣчто въ родѣ были соч. А. Плохова 1848 Ц. 1 руб.

ПОЛНЫЯ СОЧИНЕНІЯ,

А. Марлинскаго Изд. 4-е; 4 тома, заключающіе въ себѣ 12 частей 1847 Ц. 7 руб. всов. за 8. фуп.

ОПЫТНОЕ РУКОВОДСТВО

къ разведенію тутовыхъ деревьевъ и воспитанію шелковичныхъ червей соч. Гахтала де Розамо. Перевед. съ французской рукописи. 1848 Ц. 1 руб.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще книгами, публикуемыми и отъ другихъ книгопродавцевъ, на имя Василья Петровича Полякова.

Требованія исполняются съ первоотходящею почтою.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжномъ магазинѣ комиссіонера военно-учебныхъ заведеній и библиотекъ гвардейскаго корпуса,

Я. А. ПСАКОВА,

въ С. Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, подъ № 22.

Цѣны на серебро безъ пересылки.

- Repertoire complet des lois du voisinage dans les villes et les campagnes.* par Frerot. Un vol. 8. Paris. 1848. 1 r. 75 c.
- Traité de la police municipale, ou de l'autorité des maires, de l'administration et du gouvernement en matières réglementaires,* par Champaguy. 3 vol. 8. Paris. 1847. 5 r. 30 c.
- Etude pratique des tissus des laines convenables pour la Chine, le Japon, la Cochinchine et l'archipel Indien,* par Rondot. Un vol. 8. Paris. 1847. 3 r. 50 c.
- Traité des Essais par la voie seche ou des propriétés,* par Berthier. 2 vol. 8. Paris. 1848. avec planches. 8 r. 70 c.
- Essai sur l'économie politique de l'Angleterre, considérée dans ses rapports avec ses richesses nationales, son agriculture, son industrie et son commerce.* par T. W. Un vol. 8. 1847. 65 c.
- Des glaciers et des climats ou des causes atmospheriques en géologie* par Lecoq. Un vol. 8. Paris. 1847. 2 r. 20 c.
- Des végétaux qui croissent sur l'homme et sur les animaux vivans,* par Robin. Un vol. 8. Paris. 1847. 1 r. 20 c.
- Dictionnaire de bromatologie végétale exotique,* comprenant en

outre de nombreux articles consacrés aux plantes indigènes dont on ignore ou néglige généralement les propriétés alimentaires, etc. par Mouchon. Un vol. 8. Paris. 1848 1 r. 75 c.

Memoire sur la meunerie, la boulangerie et la conservation des grains et des farines, contenant une description complete des procédés, machines et appareils appliqués jusqu'à nos jours et plus particulièrement dans les diverses usines de France, d'Angleterre, d'Irlande, de Belgique, de Hollande etc. par Rollet. Un vol. in 4. et 15 plans, plus un atlas de 62 pl. Grand in folio. Paris. 1847. 27 r.

Histoire, analyse et effets du guano du Pérou, par Mouniere. in 8. brochure. Paris. 1847. 50 c.

Traité physiologique et philosophique de l'heredité naturelle dans les états de santé et de maladie du système nerveux, etc. par Lucas. 2 vol 8. Paris. 1847. 4 r. 35 c.

Etudes sur les maladies des femmes qu'on observe le plus fréquemment dans la pratique, par Favrot. Un vol. 8. Paris. 1847. 1 r. 75 c.

Cours élémentaire de Chimie à l'usage des facultés, etc. par Regnault. 2 fort vol. in 12. Paris. 1848. 4 r. 35 c.

De l'origine et des limites de la correspondance entre l'algèbre et la géometrie, par Cournot. Un vol. in 8. Paris. 1847. 2r. 20 c.

Dix ans à la cour du roi Louis-Philippe et souvenirs de l'Empire et de la Restauration. par Appert. 3. vol. 8. Paris. 5 r. 50.

Galerie des femmes célèbres depuis le premier siècle de l'ère chrétienne jusqu'au 16-e siècle, par Amory. Un vol. 8. Paris. 1847. 2 r. 20 c.

Olivier Cromwell, sa vie privée, ses discours publics, sa correspondance particuliere, etc, par Ph: Chasles. Un vol. 12. Paris. 1847. 1 r.

СОДЕРЖАНИЕ СЕДЬМОЙ КНИГИ.

<p>I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ. Римскій-Корсаковъ и его военныя дѣйствія въ Швейцаріи, въ 1799 году. Соч. <i>А. Савельева-Ростиславича.</i></p> <p>II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА. Внутреннія извѣстія. Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ.—Обозрѣніе современнаго законодательства и распоряженій правительственныхъ, съ 15 мая по 15 іюня 1848 года.—Иностранныя извѣстія. Обзоръ современныхъ замѣчательныхъ событій за границею.—(Англія.—Ирландія.—Франція.—Бельгія.—Швеція и Норвегія.—Пруссія.—Дармштадтъ.—Австрія.—Италія.—Греція.—Остъ-Индія.—Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.—Мексика.—Вѣсть-Индія.—Мысль Доброй Надежды.)</p> <p>III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Въ альбомѣ и не въ альбомѣ. Соч. <i>А. Суикова.</i></p> <p>Минута разлуки. Соч. <i>В. Калашникова.</i></p> <p>Цина. Эпизодъ изъ дневника моего пріятели. Соч. <i>Алексія Писемскаго.</i></p> <p>IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Землемѣръ. Романъ <i>Купера.</i> (Продолженіе)</p> <p>Стефанъ и Іосифъ. Повѣсть <i>Марлье.</i></p> <p>V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА. Путешествіе въ Лапландію. <i>Адальберта де-Бомона.</i></p> <p>VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ. Систематическое описаніе Помпееи, съ монографіею Везувія и очеркомъ Геркуланума. Соч. <i>В. Классовскаго. Барона Розена.</i>—Журнальныя Замѣтки. Письмо къ Москвитянину, отъ барона Розена.—Советъ куница Лагушова. Романъ <i>О. М.</i>—Москва и Москвичи. Записки Богдана Ильича Бельскаго, издаваемые <i>М. Н. Загоскинымъ.</i>—Отвѣтъ Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ. <i>К. Масальскаго.</i>—Бытъ русскаго народа. Соч. <i>А. Терещенки.</i>—Полный нѣмецко-русскій словарь, составленный <i>В. Эртелемъ.</i>—Игры: преферансъ, преферансъ-двоемъ и вистъ-преферансъ.</p> <p>VII. СМѢСЬ. Письма путешественника къ друзьямъ. Соч. <i>П. Фурманна.</i>—Охота на ягуаровъ въ Буеносъ-Айресскихъ пампасахъ. (Разсказъ французскаго путешественника).—Общественная жизнь въ Константинополѣ. (Квицмана).—Прогулка по Барбалосу. (Роберта Шомбургка).—Пальмовыя деревья.—Административное устройство Китая.—Состояніе Калифорніи въ новѣйшія времена.—О нынѣшней живописи въ Китаѣ.—О способѣ приготовленія рокфорскаго сыра.—Сборъ и приготовленіе чайныхъ листьевъ.—Образецъ мужей.—Министръ по ошибкѣ.—Основательное требованіе.—Подугай английской королевы Викторіи.—Удивительное явленіе въ Сѣверной Америкѣ.—Оригинальный проситель.—О жизни и сочиненіяхъ Тувмана.—Отвѣтъ на антикритику.—Парижскіе театры.—Новѣйшія моды.—Новыя русскія книги.—Новыя французскія книги.</p>	<p>1—36</p> <p>1—68</p> <p>1—1 2—2</p> <p>3—30</p> <p>1—92 93—126</p> <p>1—16</p> <p>1—18</p> <p>4—118</p>
---	--

Въ этой книгѣ *Сына Отечества* приложена парижская картинка модъ.